

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Том IV

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:

*О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров,
Брюс Ментинг, Пол Чейсти*

Том IV

МОДЕСТ КОЛЕРОВ

МОСКВА 2007

УДК 947(08)

ББК 63.3(2)

Р 89

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапстов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол
Чейсти. Том IV. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2007

ISBN 978-5-91150-017-7

© Авторы статей

© С. Д. Зиновьев, оформление серии

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Г. Боленко.</i> Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804)	7
<i>Доминик Ливен.</i> Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка	31
<i>Р. Н. Рахимов.</i> Башкиры в наполеоновской Европе	58
<i>А. А. Комзолова.</i> Просвещение Юго-Западной Руси: письма П. А. Безсонова к князю В. А. Черкасскому (1864)	75
<i>Стивен Г. Маркс.</i> «Браво, храбрый тигр Востока!»: Русско-японская война и подъем национализма в британском Египте и Индии	89
<i>Н. В. Лукина.</i> От «книг для народа» к очеркам непосредственных наблюдателей: русские авторы о Сербии и сербах в конце XIX — начале XX в.	108
<i>Дональд Райт.</i> Русская армия и столетний юбилей войны 1812 года	141
<i>Е. А. Степанова.</i> Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913)	157
<i>Йоран Милорадовиц.</i> Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией	170
<i>Д. С. Новоселов.</i> «Всё мое несчастье в том, что я рано начал работать и печататься...»: документы о судьбе художника К. П. Ротова (1943–1944)	198
<i>А. А. Смирнов.</i> О подлинном облике Г. И. Кулика как военного деятеля	211
<i>Юрий Корзунок.</i> Становление партийной системы в современной России. Эпизод первый: от однопартийной системы к флуктуационной (1989–1991)	227

<i>Д. А. Юрсов</i> : Неизвестные отцы: Как делали Конституцию для России (1990). Воспоминания	270
<i>М. К. Кашинулина</i> : Перед Зюгановым: инициатива 13-ти предпринимателей в зеркале русских СМИ (1996)	290
Рецензии	
<i>А. А. Криаотолов</i> : Frederick W. Kagan. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999	313
<i>Я. Шулатов</i> : Ито Юкио. Конституционное государство в Японии и русско-японская война (1898-1905). Токио, 2000	322
<i>Ф. А. Гайда</i> : А. Б. Николаев. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории/Предисл. С. М. Ляндрес. Рязань, 2002.	331
<i>В. В. Кашинин</i> : Е. В. Ключик. Юго-Западная Кавказская республика: Очерк политической истории. СПб., 2002	337
<i>В. Косик</i> : М. Иванович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005	368
<i>И. Сапоженникова</i> : Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.	374
<i>М. Колеров</i> : История сталинского Гулага. Конца 1920-х – первая половина 1950-х: Собрание документов в 7-ми томах. М., 2004–2005	387
<i>М. Ю. Платида</i> : Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. Сб. ст. М., 2002.	397
<i>И. А. Павловский</i> : Март Лаар. История Эстонии с высоты птичьего полета. Таллин, 2005	405
<i>В. В. Чарский</i> : Прот. Дмитрий Сидор. Грамматика Русиньского Языка. Ужгород, 1996–2005	408
<i>З. У. Махмудова</i> : Артур Цуцисев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.) М., 2006	415
<i>Ю. Г. Коргунок</i> : В. Л. Шейнис. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). В 2-х томах. М., 2005; А. В. Шубин. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006	419

К. Г. БОЛЕНКО

КОМИТЕТ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СОБРАНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ДО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ И ПРОЧЕГО (1799–1804)

«К омитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» известен историкам давно, однако его существование до сих пор остается малоизученным эпизодом в истории российского морского ведомства и российской науки¹. Скромные итоги его деятельности вполне обоснованно отгесняли комитет на периферию исследовательских задач². К этому важному резону стоит добавить и отсутствие делопроизводственной документации (во всяком случае, она до сих пор не найдена), и неясную организационную структуру, и общее маргинальное положение в структуре морского ведомства — достаточно сказать, что за пять лет своего существо-

---

¹ См., например: Соколов А. Русская морская библиотека: 1701–1851: Исчисление и описание книг и рукописей по морскому делу за 150 лет. 2-е изд./Под ред. В. К. Шульц. СПб., 1883. С. 74–75; Веселаго Ф. Краткая история русского флота (с начала мореплавания до 1825 года). 2-е изд. М.; Л., 1939. С. 201–202; Витте А. Г. Очерк устройства управления флотом. СПб., 1907. С. 345; Пузырев В. У истоков флотской историографии//Морской сборник. 1992. № 5/6. С. 112; Березовский Н. Ю., Доценко В. Д., Тюрин Б. П. Российский императорский флот. 1696–1917: Военно-исторический справочник. М., 1993. С. 8; Боленко К. Г., Лямина Е. Э. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего»//Россия и реформы. Сб. ст./Сост. М. А. Колеров. Вып. 3. М., 1995. С. 4–20; Меркулов И. В. Историограф российского флота адмирал А. С. Шишков//Новый часовой. 2004. № 15/16. С. 304–305. Многие факты, приведенные в настоящей работе, впервые введены в научный оборот в нашей статье 1995 г., однако, ввиду малой известности сборника, мы сочли необходимым повторить ссылки на предшествующую историографию и источники.

² Характерно отсутствие сведений о Комитете в монографии Г. Е. Павловой «Организация науки в России в первой половине XIX в.» (М., 1990), при том, что одна из глав этой книги посвящена специально ведомственным ученым структурам.

вания комитет так и не приобрел устойчивого названия. Его упоминали под именами «Ученого комитета», «Морского комитета», «Особенного комитета при Адмиралтейств-коллегии». Наиболее точно сущность учреждения отражает, на наш взгляд, тот понос, который встречается в Адрес-календарях за 1802–1804 годы³, почему он и был вынесен в заголовок настоящей работы.

Тем не менее, комитет заслуживает внимания и как первая в морском ведомстве ученая структура столь высокого уровня, и как предшественник будущих, более удачных организационных форм, и как опыт создания официальной служебной ниши для склонных к ученой деятельности морских офицеров. Даже в том случае, если бы существование комитета закончилось одним указом о его создании, нельзя не отдать должное самой попытке придать ученой деятельности более высокий статус. Задачи настоящей работы состояли в том, чтобы выяснить цели создания новой структуры и ее место в военно-морской политике Павла I, персональный состав Комитета, время и причины прекращения его деятельности, ее научные и иные результаты.

Начало Комитета относится к осени 1799 года и связано с именем Григория Григорьевича Кушелева (1754–1833), бывшего еще в гатчинский период ближайшим сотрудником Павла Петровича по военно-морским вопросам; в 1799 году он занимал должность вице-президента Адмиралтейств-коллегии и состоял докладчиком по делам флота. Кушелев представил императору доклад «по поводу некоторых примечаний и переводов», присланных из Англии российскими корабельными подмастерьями, «также ж и полученных в коллегии других подобных сочинений и описаний». В заключение он спрашивал: «неблагоудобно ли будет (...) повелеть напредки таковыя (...) сочинения собирать рассматривать и печатать»⁴. Павел повелел наградить переводчиков и поручил коллегии учредить «ежегодное издание собраний, касающихся до строения кораблей, разведения и соблюдения лесов и других нужных для мореплавания и мастеров сведений» (первый выпуск приказывал издать «нынче же»). Предполагалось рассылать ежегодник «во все порты и команды безденежно для чтения офицерам», а для поощрения авторов и переводчиков выплачивать полистный гонорар⁵.

31 октября Кушелев сообщил это повеление коллегии, и она поручила члену коллегии вице-адмиралу Александру Семёновичу Шишкову (1754–1841)

³ Адрес-календарь на 1802 г. СПб., б. г. Ч. 1. С. 109; То же на 1803 г. Ч. 1. С. 119; То же на 1804 г. Ч. 1. С. 128.

⁴ Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов. СПб., 1800 [1801]. С. 3–4 (далее – МЗ). О сочинениях и чертежах, присланных из Англии в 1780–1790-е гг. российскими корабельными подмастерьями, см.: Кросс Э. Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 186.

⁵ МЗ. С. 4–5.

составить штатное расписание издательского коллектива и определить его место в структуре морского ведомства, уточнив, что издателям предстоит также «заниматься (...) рассматриванием всего, что нужно и чего недостаёт к сведению обо всяком мореходном искусстве»⁶.

На заседании коллегии 22 ноября 1799 года Шишков предложил учредить при коллегии специальный «департамент или комитет», который бы не просто рассматривал, редактировал и публиковал достойные внимания ученые труды, но старался «отовсюду заимствовать и насаждать семена учения»⁷. В состав Комитета должны были войти член коллегии, два «искусных морских капитана», корабельный мастер, переводчик, два штурмана и два писца. Шишков предлагал собираться не реже трех раз в неделю и настаивал на выделении специальных помещений, в том числе под библиотеку. Каждое сочинение следовало читать перед всей коллегией или главой ее соответствующего профильного подразделения. Комитет получал право обращаться за справками к специалистам, а также привлекать для совместной работы офицеров в качестве неофициальных сотрудников. «Для наблюдения лучшей чистоты слога» предполагалось приглашать профессора Академии наук⁸. Стоит заметить, что в приглашении Шишковым профессоров Академии наук для выполнения экспертно-редакторских функций не было ничего странного. В условиях, когда научный язык только складывался, лучшими, а подчас и единственными знатоками специальной терминологии и переводчиками научно-технической литературы были специалисты в точных и естественных дисциплинах. Поэтому в XVIII – первой трети XIX века они обязательно избирались членами разного рода переводческих и филологических обществ (Собрания старающегося о переводе иностранных книг на российский язык, Вольного российского собрания, Российской академии и др.)⁹.

Примечательно, что Шишков в своем проекте, составленном по поручению коллегии, лишил новообразуемую структуру важной научно-исследовательской функции – формулировать проблемы и задачи – и предлагал ограничиться лишь концентрацией имеющегося и вновь возникающего знания и отчасти вопросами образования.

25 ноября Кушелев объявил коллегии высочайшее повеление, которым было утверждено предложение Шишкова о создании Комитета и его персональный состав. В него вошли Шишков, капитаны П. Я. Гамалея, А. М. Корнилов, Е. М. Рябинин, мастер В. М. Сарычев и переводчик Ф. В. Каржавин.

---

⁶ Там же. С. 5; Материалы для истории русского флота. Ч. 16. СПб., 1902. С. 475–476 (далее – МИРФ).

⁷ МЗ. С. 5; МИРФ. Ч. 16. С. 475–476.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Павлова Г. Е. Степан Яковлевич Румовский (1734–1812). М., 1979. Гл. 6.

В том же, что касается функций, Павел скорее поддержал коллегию. Комитет получал право «назначать разные писсы для персводу» и «задавать программы и решения» по насущным вопросам кораблестроения, артиллерийского дела и смежных дисциплин¹⁰. Однако круг военно-морских проблем, подлежащих контролю ведомственной ученой структуры, таким образом был ограничен: за пределами ее компетенции остались история флота — сй занимался лично А. С. Шишков — и географические вопросы. Кроме того, порядок взаимоотношений, взаимные права и обязанности Комитета, с одной стороны, руководства и других частей морского ведомства, с другой, остались неясными, канцелярский штат, кроме писарей, не оговаривался, не был назначен секретарь Комитета. Все это делало его структурно неустойчивым подразделением коллегии с узким кругом ни для кого не обязательных задач.

Здесь следует сделать небольшое отступление и заметить, что создание Комитета не было случайностью и появился он не только потому, что Кушелеву некуда было девать присылаемые сочинения и чертежи.

Непосредственно предшествовали Комитету временные комиссии (экспертные группы), изредка создававшиеся коллегией для решения конкретных вопросов: к примеру, о причинах возгорания ветоши на кораблях, об эффективности использования того или иного состава для защиты днища корабля от гниения и морских червей и т. п. В некотором смысле предшественником Комитета можно считать и Академию наук, где различные ученые (Д. Бернулли, Л. Эйлер) исследовали, например, теорию корабля; Академия принимала участие в планировании экспедиций, в 1739–1799 годы при ней действовал Географический департамент, концентрировавший обширный картографический материал, а также описания путешествий, в том числе отечественных морских экспедиций. Разные стороны морского дела, в том числе его истории, освещали в своих трудах Г. Ф. Миллер, Х. А. Шлецер, П. С. Паллас, С. Я. Румовский; производились астрономические наблюдения, в которых принимали участие преподаватели Морского корпуса (например, Н. Г. Курганов), в Академии наук получали навыки астрономических наблюдений будущие штурманы, проводилась экспертиза навигационных приборов¹¹. В 1798 году директором Училища корабельной архитектуры стал академик С. Е. Гурьев.

Еще в 1759 году М. В. Ломоносов выступал с идеей создания отдельной Мореплавательской академии, которая должна была бы собирать информа-

¹⁰ МЗ. С. 8–10; МИРФ. Ч. 16. С. 404–405.

¹¹ Глущева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.: Л., 1946; Иоффе А. Е. Историкография морская // Морской энциклопедический словарь. Л., 1991. Т. 1. С. 499; Доценко В. Д., Богатырев И. В. и др. История отечественного судостроения: В 5 т. Т. 1: Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв. СПб., 1994. С. 128–130, и др.

цию, относящуюся к вопросам навигации, стараться «новыми полезными изобретениями безопасность мореплавания умножить», добиваться включения ученых задач в программу конкретных плаваний и поддерживать ученых мореплавателей¹². Новосоздаваемая академия должна была сконцентрироваться на решении астрономических и гидрографических задач, которыми уже занималась Академия наук и, таким образом, не была непосредственным предшественником Комитета, который, напомним, должен был заниматься прикладными «художествами» и «искусствами» (то есть, вопросами кораблестроения, мачтмахерского и артиллерийского дела, нагрузки, оснастки и т. п.). Однако сами идеи о необходимости отдельной ученой структуры, занятой морскими проблемами, и слои ученых моряков готовили почву и для идеи ведомственного ученого комитета, круг задач в данном случае не имел принципиального значения.

Впоследствии специальные структуры, занятые сбором, обработкой и распространением полезной информации, а также организацией прикладных исследований, возникали во многих ведомствах на протяжении всей первой половины XIX века и носили, как правило, название «ученых комитетов»¹³. Комитет при Адмиралтейств-коллегии был первым из их числа и являлся прямым предшественником Адмиралтейского департамента, возникшего в 1805 году.

При том, что появление морского ученого комитета назревало, его создание стало вполне закономерным шагом именно павловской морской политики. Уже с первых месяцев своего царствования новый император начал принимать меры по улучшению российского флота, и принципиально новым явлением было то, что он обратил самое пристальное внимание на механизмы его внутреннего саморазвития.

Это было весьма своевременной и насущной задачей. Петр I и Екатерина II могли спокойно относиться к тому, что Англия и другие европейские страны были необходимым источником недостающих специалистов, важным местом подготовки отечественных кадров, а также резервуаром научных и технических знаний. Но в эпоху разворачивающегося промышленного переворота и быстрого развития кораблестроительной науки зависимость от милости иностранных правительств означала безнадежное отставание от конкурентов, тем более, что альтернативное гражданское судостроение развивалось в России медленно. Целый ряд распоряжений Павла по флоту имел целью поднять общий уровень знаний офицеров и специалистов, рас-

---

¹² Ломоносов М. В. Рассуждение о большей точности морского пути...//Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.; Л., 1955. С. 161–162. Описание проекта см.: Весселаго. Указ. соч. С. 161–162; Меншуткин Б. Н. М. В. Ломоносов. М.; Л., 1947. С. 187–188.

¹³ Павлова Г. Е. Указ. соч. С. 105–118.

ширить круг образованных и поощрить их ученые занятия, в том числе путем создания необходимых институций — новых штатных должностей и ведомственных структур. Так, одной из первых мер Павла по флоту стало повеление выдать 1000 рублей бывшему капитану французской службы Брис за описание различных портов и входов в них, а также «тотчас же» его перевести и напечатать¹⁴. Согласно Уставу 1797 г. учреждались несколько новых должностей: 1. историографа по делам флота, 2. старшего над штурманами профессора астрономии и навигации (другое название — главный математик), 3. рисовального мастера, «должность которого состоит в снятии видов с берегов, со входов в гавани; рисовать знатные происшествия флота (...) и сими рисунками украшать историю», 4. корабельного мастера флота, обязанного не только отслеживать качество и состояние судов, но и «примечать (...) построение судов других наций и делать с них чертежи и рисунки»¹⁵. В 1798 году окончательное устройство получает чертежная — теперь ее возглавлял смотритель «из прослуживших во флоте капитанов 1 ранга», в подчинении которого находились 22 человека штурманов, подштурманов и учеников для рисования; на закупку карт, атласов, красок и т. п. выделялось 2000 рублей в год¹⁶. Примечательно, что во главе Адмиралтейств-коллегии оказались два морских писателя: И. Л. Голенищев-Кутузов и Кушелев, а позднее важную роль в морской иерархии займет Шишков¹⁷, также к тому времени известный своими научными трудами. К тому времени он уже переведет сочинение Шарля Ромма «Морское искусство» (СПб., 1793–1795), составит «Трязычный морской словарь» (СПб., 1795) будет много лет работать над многотомным словарем русской морской тер-

¹⁴ МИРФ. Ч. 16. С. 28 (отношение Кушелева А. Н. Сенявину от 15 декабря 1796 г.).

¹⁵ Устав военного флота, по высочайшему повелению государя императора Павла Первого изданный в 1797 году. [СПб., 1797. Ч. 1. Гл. 2, 12, 13 и 14 (далее — Устав...)]. С другой стороны, 2 июля 1797 г. вышел указ коллегии не пускать иностранцев на верфи и в военные гавани (МИРФ. Ч. 16. С. 116). В штатное расписание 1798 г. должность профессора астрономии и навигации не вошла; корабельный мастер флота получил название обер-сарваера (Штаты российских флотов содержащихся на Балтийском, Черном и Каспийском морях, по повелению государя императора Павла Первого особым комитетом сочиненные в 1798 году. СПб. [1798] (далее — Штаты...)).

¹⁶ Штаты... № 1.

¹⁷ Вesselago называет И. Л. Голенищева-Кутузова, Кушелева, Шихова и Курганова «более замечательными», чем другие, отечественными авторами морских сочинений второй половины XVIII в. (Вesselago. Указ. соч. С. 163). И Кушелев, и Шихов, и И. Л. Голенищев-Кутузов также весьма любопытны как промежуточный тип авторов-вельмож, своим авторитетом утверждающих ценность и общественную значимость ученого труда. Роль на определенном этапе чрезвычайно важная, однако и ограниченная, поскольку на первом месте в системе ценностей у этих людей стоит все-таки не научная деятельность, а интересы служебной и придворной карьеры.

минологии, в 1796 году, занимая пост начальника канцелярии П. А. Зубова по Черноморскому флоту, подаст свосму патрону проскт рсорганизации адмиралтейской чертежной – она должна была объединить чертежную, модельную камеру и библиотеку и стать центром сбора и анализа гидрографической, технической и исторической информации¹⁸.

По воцарении Павел приблизит к себе Шишкова, уже 13 ноября прикажет всем делать ему «пособия» в составлении словаря, а затем будет последовательно назначать его на должности, связанные с ученой деятельностью: 16 октября 1797 года – «состоять при разборе чертежной корабельной архитектуры»¹⁹, в начале 1799 – на остававшуюся до сих пор вакантной должность «историографа»²⁰.

Несмотря на спешку при создании Комитета, остальных его члснов также нельзя назвать случайными людьми, все они так или иначе зарекомендовали себя как образованные и склонные к наукам офицеры. Так, Платон Яковлевич Гамалея (1766–1817) был известным своими знаниями и педагогическими успехами преподавателем математики и морских наук в Морском корпусе; с 1795 года он исполнял в нем должность инспектора, пользовался покровительством И. Л. и Л. И. Голенищевых-Кутузовых, последний из которых также занимал в корпусе должность инспектора в 1790-е годы. Его взгляды на язык и литературу были близки шишковским²¹.

Егор Михайлович Рябинин (1768–1827), сын умершего в 1790 году вице-адмирала и генерал-контролера Адмиралтейств-коллегии М. И. Рябинина, еще в 1786 году был замечен в «особливой склонности в совершенному изучению мореплавания, дабы сделать себя полезным к морской службе». В 1797 году он перевел с французской рукописи и преподнес императору подробное описание континентального побережья от Ирландии до Италии, «Морской факел, или истинный путеводитель береговых лоцманов», за что

---

¹⁸ РГАДА. Ф. 193 (Зубов П. А.). Оп. 1. Ед. хр. 1308. Об обстоятельствах назначения и о проскте Шишкова см.: Боленко К. Г. А. С. Шишков и П. А. Зубов: к истории одного назначения // «Цель непрерывного преданья...»: Сб. памяти А. Г. Тартаковского / Сост. В. А. Мильчина, А. Л. Юрганов. М., 2004. С. 36–47.

¹⁹ Общий морской список. Ч. 5. СПб., 1890. С. 370 (далее – ОМС).

²⁰ Подробнее об этой стороне деятельности Шишкова см.: Меркулов. Указ. соч. С. 300–310.

²¹ Более подробные биографические сведения см.: Андреев Ф. А. П. Я. Гамалея // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1848. Ч. 6. С. 386–412; ОМС. Ч. 3. 1890. С. 346–349; Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 172–174, 176–178; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 1: А–Д. М., 1994. С. 511–512 (автор). О покровительстве Голенищевых-Кутузовых см.: Гамалея П. Вышняя теория морского искусства. Ч. 1. СПб., 1801. С. XX–XXI.

получил денежную награду и был причислен к адмиралтейской чертежной, в следующем году он был назначен ее смотрителем²².

Алексей Михайлович Корнилов (1764–1844), отец еще не родившегося севастопольского героя, в 1787 году был назначен в кругосветную экспедицию под руководством капитана 1-го ранга Г. И. Муловского, не состоявшуюся из-за смерти последнего. В декабре 1796 году, за сочинение тактики гребного флота, «не по старшинству, в пример другим» он был произведен в капитаны 1-го ранга. В 1798–1799 годы он командовал пурманской ротой, славяно-русской (начальной, для квалифицированных рабочих) и трубачевской школами, а также, в 1799 году, тактическим классом. Ему приписывают проект устройства сухонутных укреплений и плавучих батарей для защиты Петербурга с моря²³.

Все эти офицеры к концу 1799 г. были опытными моряками — сделали несколько кампаний, сами командовали судами и даже пехерными соединениями, участвовали в русско-шведской войне 1788–1790 годов.

Василий Моисеевич Сарычев был известен как весьма квалифицированный кораблестроитель. Еще в 1780-е годы, будучи корабельным учеником и находясь на стажировке в Англии, он руководил там постройкой военного корабля и заслужил самые лучшие отзывы графа С. Р. Воронцова, российского полномочного министра в Лондоне. Вместе со своими товарищами Степановым, Канасвым, Масальским и Пospelовым он присылал из Англии в Россию чертежи увиденных им судов и проявлял с ними заинтересованность «в совершенствовании искусства кораблестроения в строительстве либо лучших судов по нынешним планам для нынешних целей, либо по новым планам для старых целей, или даже для новых целей, если таковые им укажут»²⁴. По возвращении в Россию в конце 1780-х годов вскоре сблизился с цесаревичем и в 1792 году составил для него чертеж яхты с небольшой осадкой, предназначавшейся для гатчинской флотилии. В декабре 1796 года Павел направил его в Гатчину руководить там постройкой военных судов. Корабли и фрегаты оригинальной конструкции, на рубеже веков сделанные по его черте-

---

²² ОМС. Ч. 4. 1890. С. 707; Русский биографический словарь. Т. «Романова-Рясовский». М., 1999. С. 774–775 (далее — РБС); Описание дел архива Морского министерства. Т. 8. СПб., 1898. С. 476, 693. Позднее рукопись «Факела морского» была подарена Рябинным в комитет (РГА ВМФ. Ф. 215 (Адмиралтейский департамент). Оп. 1. № 521). Описание рукописи см.: Соколов. Указ. соч. С. 108–109.

²³ РБС. Т. «Книан-Кюхельбекер». М., 1995. С. 260–261 (год рождения показан 1760); МНРФ. Ч. 16. С. 30; ОМС. Ч. 4. 1890. С. 128–130; Военная энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913. С. 192; РГА ВМФ. Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 1. № 7. Л. 137–139 об.; ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. № 664.

²⁴ МНРФ. Ч. 16. С. 270–271; Кросс Э. Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 186.

жам для Черноморского флота, отличались очень хорошей остойчивостью, что позволяло использовать в бою всю артиллерию подветренного борта²⁵. В первые годы александровского царствования он был управляющим Петербургским главным адмиралтейством (1805), носил звание директора кораблестроения, управляющим исполнительной экспедицией Кораблестроительного департамента и некоторое время руководил интендантским отделением хозяйственной экспедиции. Известно также, что одним из его учеников был знаменитый российский кораблестроитель О. П. Амосов²⁶.

Федор Васильевич Каржавин (1745–1812) к тому времени прославился как путешественник, автор учебников иностранных языков и переводчик, в том числе сочинений по архитектуре и филологии²⁷. В 1797 году он подал прошение в Адмиралтейств-коллегию, в котором изъявил желание «быть употреблен для перевода (...) навигационных книг и чертежей морских». Кушелев ухватился за ценного сотрудника, представил Каржавина императору и тот был зачислен в коллегию в чине коллежского секретаря. В том же году он был привлечен к разбору материалов дальневосточной экспедиции 1785–1794 годов И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева, так как англичанин Биллингс предпочитал вести путевые записки на родном языке²⁸.

Тем не менее создать коллектив сотрудников-единомышленников Шишкову так и не удалось. Все пять лет в Комитете работал один Гамалея, несколько меньше — Каржавин. Рябинин уже в конце октября 1800 года был переведен в Коммерц-коллегию «членом морского департамента»²⁹, а в 1802 году перешел туда окончательно, покинув морскую службу; в 1805–1806 годах он был новгородским губернатором, а с 1808 по 1810 год состоял посланником в Бадене³⁰. Следов его работы в Комитете обнаружить не удалось. Корнилов занялся сочинением тактики и сигналов гребного флота, не слишком удачно действовавшего в ходе последней русско-шведской войны, но, видимо

---

²⁵ Матвеева Г. М. Убранство русских кораблей. Л., 1979. С. 21–24; МИРФ. Ч. 16. С. 29; История отечественного судостроения. С. 287–288.

²⁶ Навроцкий С. Н. Программа истории кораблестроения в России//Маяк. 1840. Ч. 6. С. 126–128; Описание дел архива Морского министерства. СПб., 1902. Т. 9 (указ.); Быховский И. А. Рассказы о русских кораблестроителях. М., 1966. С. 14, 247; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1805. СПб., б. г. Ч. 1. С. 144 (далее — Адрес-календарь на... г.); То же на 1806 г. Ч. 1. С. 191.

²⁷ Подробнее см.: Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; Рабинович В. И. Вслед Радищеву...: Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986; Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К — П. СПб., 1999. С. 46–48 (автор — С. Р. Долгова).

²⁸ Долгова. Указ. соч. С. 34, 122.

²⁹ МИРФ. Ч. 16. С. 587.

³⁰ РБС. Т. «Ромапова-Рясковский». С. 775.

занимался этим вне всякой связи с Комитетом – в его формулярном списке и биографических статьях о нем мы не найдем даже указания на то, что он был туда зачислен. После смерти Павла I вышел в отставку, затем в феврале 1803 года поступил на гражданскую службу, стал иркутским (1805–1806), затем тобольским (1807–1809) губернатором, а впоследствии сенатором³¹.

Провал кадровой политики стал еще одной неудачей Шишкова – организационные и функциональные недостатки Комитета мы уже называли. Возможно, запрос коллегии застал Шишкова врасплох. Увлечшись в тот момент архивными изысканиями, он совсем не думал о том, чтобы встать во главе ведомственной ученой структуры, и руководствовался при ответе исключительно основной из поставленных задач (как лучше издавать сочинения по кораблестроению) и проигнорировал вторую (анализ лагун во всем «мореходном искусстве»). Поэтому в своих предложениях коллегии Шишков исходил из той цели, которую он сам ставил перед морской литературой еще при Екатерине («распространение познаний»), и той основной проблемы, с которой он сталкивался в своей ученой деятельности – сбор сведений от различных морских специалистов.

Правильность догадки о неожиданности нового назначения подтверждается тем фактом, что Шишков совершенно не задействовал свой готовый проект ученой морской структуры – чертежной. Сбор, хранение и изучение чертежей, моделей, отзывов командиров кораблей о мореходных качествах судов – что он предлагал в своей записке 1796 года, – в перечень обязанностей Комитета не были включены, хотя имели самое непосредственное отношение к его задачам даже в том виде, в каком их понимал Шишков.

Вероятно, следствием спешки стала и недостаточная продуманность связи между Комитетом и морскими офицерами. Возможно, Шишков искренне надеялся на то, что читателей издаваемых сочинений и переводов будет достаточно для торжества морских наук – почва окажется благодатной для бросаемых в нее «семян учения». Если это предположение верно и Шишков действительно переоценивал как свои возможности, так и подготовленность аудитории к восприятию ученых трудов, то это характеризует его как малоопытного (или хуже – малоспособного) администратора.

Недостаток у руководителя Комитета административных талантов, вероятно, действительно серьезно осложнял его деятельность. Так, долгое

³¹ ОМС. Ч. 4. 1890. С. 129; РГА ВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 2. №№ 29, 69, 94, 123; Штейнгель В. И. Сочинения и письма. / Изд. подг. Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. Т. 2: Записки и статьи. Иркутск, 1992 (указ.). Военная энциклопедия... С. 192. «Сигналы посредством коих производится тактические действия гребного флота. / Сочинены флота капитаном первого ранга Корниловым. По распоряжению Адмиралтейств-коллегии вице-президента... графа Куселева в 1800 году» (СПб., 1800). Экземпляр «Сигналов» он подарил в комитет: РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 521. Л. 6.

время Комитет не мог получить ни сколько-нибудь подходящего помещения, ни надлежащего финансирования — что несудивительно, потому что в проекте образования Комитета этот вопрос не был оговорен четко и ясно. Шишков не предусмотрел при Комитете такой малости как секретаря — это делало невозможным налаживание нормального делопроизводства даже при наличии писарей. Переводчики Комитета одновременно числились и в коллегии, что также не способствовало регулярности их работы. Как бы то ни было, Шишков явно собирался активно работать в Комитете и возлагал на него большие надежды. По его заказу изготовили мраморную доску, на которой была выгравирована историческая дата основания Комитета³².

Через год взгляды Шишкова на Комитет заметно изменились. В «Морских записках» он публикует «Мнение о средствах к распространению наук в российском флоте» — адресованный государю проект реорганизации комитета³³. Предложения Шишкова 1800 года настолько сильно отличаются от того, что он отстаивал в 1799, что на них стоит остановиться подробнее.

Шишков пишет о необходимости сделать Комитет центром обработки и хранения информации по морскому делу в целом, что означает расширение его задач. Круг лиц, ответственных за ее сбор, также расширялся: российские дипломатические миссии должны были собирать книги по морскому делу и стараться «всякие на пользу мореплавания выходящие (...) изобретения или открытия или иные какие достопамятности (...) всячески доставать и оными Комитет обогащать»³⁴ — таким образом Комитет должен был стать центром военно-морской разведки.

Важные изменения претерпела кадровая политика. Согласно проекту, при Комитете обязательно должно было находиться «некоторое число» лейтенантов или мичманов, «дабы они, входя (...) во всякие (...) дела и рассуждения, могли со временем быть сами судьями и членами»³⁵. В проекте 1799 года столь внятной ориентации на преемственность поколений не было.

Столь же ясно сформулирована и система мер, необходимых для «распространения наук». 1. Учреждение «частных комитетов» в Кронштадте, Ревеле и «Черноморском порте», одной из задач которых было готовить кадры морских писателей и повышать общий образовательный уровень офицеров. 2. Создание при них библиотек, где были бы не только специальные книги, но «исторические и вояжи. (...) изящные стихотворения и нравоучительные сочинения» на русском и иностранных языках «по несколько

---

³² В составе имущества, переданного впоследствии в Адмиралтейский департамент, была «мраморная доска с надписью. Морской комитет учрежден 1799 года ноября 25 дня». — РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 521. Л. 25.

³³ Оригинал записки не обнаружен.

³⁴ МЗ. С. 287–288.

³⁵ Там же. С. 285–286.

экземпляров, дабы для чтения ссужать ими офицеров». 3. Чтение в комитетах лекций профессорами математики, натуральной философии, прав и земледелия и поощрение начальством «в молодых людях охоты (...) к лекциям» и чтению. 4. Выдача отличившимся в науках офицерам особых аттестатов, «кои при баллотировании и производстве их должны быть приемлемы во уважение»³⁶.

Одной из задач Комитета — еще одно свидетельство внимания к пресмственности поколений — было «стяжанием и сохранением достопамятных вещей составить некое драгоценное для мореплавателей, питающее разум их и достойное любопытства собрание»³⁷. Имеются в виду создаваемые при Комитете (или передаваемые из Адмиралтейств-коллегии) библиотека, музей, чертежная, архив и модельная. Таким образом, в шишковской записке 1800 года были объединены проекты 1796 и 1799 годов.

Изменения взглядов Шишкова на принципы организации Комитета явно свидетельствуют о том, что он накопил определенный опыт руководства этим учреждением и много размышлял о том, как сделать его работу наиболее эффективной. Изменялась структура Комитета. Изменились цели: из преимущественно издательского учреждения он превратился в ведомство, занятое целенаправленным сбором и оценкой военно-морской информации по всему миру. Более важное место заняли образовательные и воспитательные задачи, тесно связанные между собой. Шишкова начинает волновать проблема пресмственности поколений в подведомственном ему учреждении и в морской литературе.

Нельзя также не заметить, что в новом проекте Шишков много места уделил литературным и воспитательным задачам. Система мер, которые Шишков предлагает для «распространения наук» разработана весьма подробно. При этом любопытно, что «способствовать отчасти главному комитету» не было единственной задачей местных комитетов. Большое значение Шишков придавал тому, «чтоб находящиеся в тех портах морские офицеры не проводжали время в праздности»³⁸.

Расширяются филологические задачи. Комитет должен был «вычистить и основать российский морской язык», для чего в число постоянных членов Шишков предлагает ввести двух профессоров русского языка и словесности, наблюдающих правильность слога. В их обязанности входила редакция «писаний морских офицеров или корабельных и других мастеров, которые, хотя в деле своем искусны, но в словесности мало упражнялись»³⁹. Согласно предыдущему проекту, профессоров только приглашали, да и создавать

³⁶ Там же. С. 292–293.

³⁷ Там же. С. 292.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 287.

«морской язык» Шишков не собирается — только наблюдать «чистоту слога и лучшую ясность». Об ужесточившихся требованиях к стилю дают представление указания на состав предполагаемых библиотечных фондов: «в рассуждении же российского сего рода («изящных стихотворений и нравоучительных сочинений» — *К. Б.*) надлежит поступать осторожно и с выбором: (...) ибо сколько хорошие писатели, каковы из старинных суть Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Сумороков, Попов, Казицкий, Полстика и им подобные, удобны научать молодых людей красоте российского слога, столько напротив того многие из новейших нынешних писателей могут приучить их к той *галлицизме* (курсив наш. — *К. Б.*), которою, ко вреду прекрасного языка нашего, наполняют они свои писания»⁴⁰. И на фоне такой подробной проработки функций образования и сбора сведений особенно сильно бросается в глаза, что собственно научные и технические задачи Шишков ставил в предельно общей форме. Впрочем, Шишков, кажется, не осознавал, что усиливающееся внимание к вопросам, не имеющим прямого отношения к морскому делу, постепенно уводит его в сторону⁴¹, и искренне старался наладить работу Комитета.

Уже в 1800 году (видимо, после написания проекта) финансирование Комитета было упорядочено — за 1800 год он получил 2700 рублей (немного, но — для сравнения — на чертежную, согласно уставу, предполагалось выделять 2000)⁴². Возможно, деньги были выделены несколькими порциями — в адресованном коллегии рапорте первой половины февраля 1801 года, с которым Шишков препровождает «шнурованную книгу» произведенных расходов, он пишет о «требованиях» и о том, что деньги отпускались «в течение (...) года»⁴³. Там же Шишков просит отпустить на расходы по комитету 1500 рублей, и 15 февраля коллегия удовлетворяет его просьбу⁴⁴. Впрочем, о конечных результатах работы Комитета при Павле нам известно немного; достоверно — только то, что уже в 1800 году Каржавин перевел сочинение французского адмирала Э.-Ж. Бюрга де Миссиесси «О нагрузке военных кораблей»⁴⁵ и готовились к печати «Морские записки»; к Комитету был числен молодой способный офицер — князь Сергей Александрович

⁴⁰ Там же. С. 292–293.

⁴¹ Подробнее см.: Боленко К. Г., Лямина Е. Э. Указ. соч. С. 15–16.

⁴² Этот факт позволяет предположить, что сам проект составлен именно в 1800 году, а не в 1801, когда наконец были опубликованы «Морские записки», — судя по тому, что в «миссии» Шишков жалуется на недостаток средств, это случилось до получения вышеупомянутой суммы.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. 212 (Гос. Адмиралтейская коллегия). II отд. № 887. Л. 435.

⁴⁴ Там же. Л. 435, 436.

⁴⁵ Долгова. Указ. соч. С. 122. Burgues, E. - J., comte de Missiessy. Installation des vaisseaux. Paris, an VI [1796–1797]. Описание рукописи см.: Соколов. Указ. соч. С. 107–108.

Ширинский-Шихматов (1783–1837)⁴⁶; принят переводчиком коллежский ассессор Русановский⁴⁷. Возможно, уже в 1800 году к работе в Комитете был привлечен и входивший в ближайшее окружение адмирала Н. С. Мордвинова известный поэт Семен Семенович Бобров (1765–1810), как раз тогда вернувшийся в Петербург и определившийся в коллегию переводчиком⁴⁸. Не исключено, что именно в это время было положено начало библиотеке морской литературы.

Подробности деятельности Комитета нам неизвестны, но вряд ли они окажутся сколько-нибудь существенными. Куда более важным кажется то, что был приобретен бесценный положительный и отрицательный опыт организации ученых занятий – стало более или менее ясно, что надо делать и чего не надо ни в коем случае, из Комитета ушли случайные люди, была разработана его новая, более рациональная структура, а его задачи – пока в проекте – вышли за рамки корабельного дела. Нельзя также забывать о том, что в 1799–1801 годах Шишков и без Комитета был обременен немалыми служебными обязанностями: продолжал работу над изданием «морских журналов»⁴⁹, участвовал в заседаниях Адмиралтейств-коллегии и Лесного департамента, а с 5 ноября 1800 года заменял заболевшего Кушелева в должности вице-президента коллегии и докладчика по делам флота⁵⁰.

По воцарении Александра I Шишков не прекратил занятий по Комитету и, похоже, всерьез рассчитывал на реализацию еще не опубликованного, но уже готового проекта его реформирования. В собственноручном рапорте на имя государя, составленном в первой половине 1801 года, он пишет

---

⁴⁶ Известно, что он был причислен к комитету в 1800 г. и впоследствии вплоть до 1803 г. включительно находился при комитете с осени по весну: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. № 192. Л. 11–13 (формулярный список). Впоследствии он станет одним из ближайших литературных единомышленников Шишкова.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 1445. Л. 1. Вероятно, Петр Иванович Русановский (ум. 1839); бывший учитель иностранных языков в дворянской гимназии Московского университета, в 1794–1799 гг. чиновник по особым поручениям при начальнике гребной флотилии Балтийского флота адмирале И. И. де Траверсе. В рассматриваемый период экспедитор Комиссии духовных училищ по ученой части. Впоследствии, в июне 1810 г., был назначен директором Музеума при Адмиралтейском департаменте, которым руководил, впрочем, без особого успеха (РБС. Т. «Романов–Рясовский». С. 615).

⁴⁸ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А–И. Л., 1988. С. 96–98 (авт. Л. О. Зайонц).

⁴⁹ Пузырев. Указ. соч. С. 112; Описание дел архива Морского министерства. Т. 8. 1898. С. 709–717. Имеется в виду «Собрание морских журналов или ежегодных записок, содержащих в себе плаванья флотов, эскадр и судов российских, начиная с 1797 года, т. е. со времени вступления на престол с. и. в. государя императора Павла Петровича» (СПб., 1799–1800 [1801]. Ч. 1–2).

⁵⁰ Мирф. Ч. 16. С. 526.

об «особливых трудах, лежащих на нем по комитету» и «издаваемых морским действиям журналах» и особенно отмечает «ожидаемые от комитета плоды, коим уже не малые показываются опыты, его же попечения и трудов» требующиеся. В обращении к Александру I, предшествующему второй части «Собрания морских журналов», Шишков также подчеркивает свою ревностную службу в должности председателя «морского ученого комитета»⁵¹.

На первый взгляд, все шло хорошо. Правда, 10 июля 1801 года Александр отправил в отставку Кушлева, и, так как заменивший его в должности вице-президента коллегии Н. С. Мордвинов болел, Шишкову почти сразу же, 14 августа, было приказано его замещать; он снова был докладчиком по делам флота, и даже сопровождал императора в поездке на коронацию в Москву. В общей сложности, попеременно с Мордвиновым, Шишков ездил к государю с докладами почти полтора года. Тем не менее работа в Комитете шла, и Шишкову действительно наконец-то было, чем гордиться. В 1801 году вышли «Морские записки» и вторая часть «Собрания журналов», не позже этого года появилась и морская библиотека.

Несмотря на то, что проект преобразования Комитета, по-видимому, так проектом и остался, Мордвинов явно рассматривал Комитет всерьез и собирался его поддерживать. Так, в сентябре 1801 года он переслал в него присланный из Англии еще при Кушлеве корабельным подмастерьем И. В. Курепановым перевод сочинения «Ship builder repository» («с тем, чтоб рассматривая оный, представил коллегии свое мнение как о пользах его, так и о награждении господина Курепанова») и сообщил об этом как самому переводчику, так и опекавшему российских стажеров протоиерею русской миссии в Лондоне Я. И. Смирнову. Очевидно, Мордвинов рассчитывал на развитие в дальнейшем прямых контактов между ними и Комитетом⁵².

В 1802 году в Комитет был назначен бывший адъютант Московского университета выдающийся преподаватель словесности Михаил Никитич Баккаревич (1775–1819), ранее преподававший в университетском благородном пансионе русский язык и грамматику; в начале 1802 года он по просьбе Мордвинова переехал в Петербург и в Комитет поступил также при его участии. Так, 6 марта Мордвинов писал М. М. Хераскову: «Я занимаюсь ныне старанием об определении его к месту, которое бы соответствовало знаниям его и способностям»⁵³. Тогда же членом Комитета стал профессор физики и математики Академии наук Логин Юрьевич (Вольфганг Людвиг) Крафт (1743–1814)⁵⁴.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовый отдел). Оп. 3. № 62.466; Собрание морских журналов... ч. 2. СПб., 1800 [1801]. С. [1].

⁵² Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1902. С. 283–285.

⁵³ Там же. С. 293. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1: А–И. Л., 1988. С. 52 (автор – В. А. Тслова).

⁵⁴ Описание дел архива Морского министерства. Т. 8. 1898. С. 747. В 1805 г. Крафт,

В конце августа 1801 года Шишков поставил перед коллегией вопрос о причислении к Комитету коллежского асессора Осокина. Чин и размер получасмого жалования (600 рублей в год) позволяют полагать, что Шишков намеревался использовать нового чиновника для выполнения секретарских функций, то есть наконец-то началось создание канцелярии. В конце октября вопрос о назначении Осокина был решен положительно⁵⁵.

Однако не прошло и года, как ситуация резко изменилась и Комитет исчез, причем настолько незаметно, что этот факт можно зафиксировать, пожалуй, только по косвенным данным. Например, в 1801 году Гамалея издает в типографии Морского корпуса первую часть написанной им «Вышней теории морского искусства». На титульном листе в числе его должностей указано и членство в Комитете⁵⁶; то же самое на титуле второй части (1802). В четвертой же (1804), среди списка должностей указания на членство в комитете не имеется⁵⁷. Его нет и в перечне должностей Гамалея в другом его сочинении — «Опыте морской практики» (ч. 1. СПб., 1804). Подобную картину мы видим и в формулярном списке Ширинского-Шихматова: последний год, когда он по окончании кампании возвращается в Комитет — 1803⁵⁸. Все это позволяет предположить, что Комитет прекратил свое существование именно в 1804 году. Формально он продолжал существовать, возможно, до апреля 1805 года, когда был создан Адмиралтейский департамент⁵⁹, но фактически его деятельность сошла на нет едва ли не годом-двумя раньше. Причиной этого стала разгоревшаяся в 1802 году банальная борьба за власть между Н. С. Мордвиновым и П. В. Чичаговым, давним недоброжелателем и Шишкова, и Мордвинова⁶⁰.

Возвышение Чичагова началось еще в 1801 году, когда он стал доверенным лицом императора. Во многом благодаря его стараниям в августе был отправлен в отставку Кушелев. Однако, видимо, еще до отставки было при-

---

тогда уже академик, был включен в число почетных членов Адмиралтейского департамента.

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. II отд. № 887. Л. 66–68.

⁵⁶ «Флота капитан первого ранга, Морского кадетского корпуса профессор, Императорской Академии наук и Морского ученого комитета член».

⁵⁷ В третьей части (1803) указан только чин автора: перечень должностей отсутствует.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. № 192. Л. 11–13.

⁵⁹ Из названия хранящегося в архиве дела — «О составлении описи вещам и книгам, хранящимся в бывшем Комитете при Адмиралтействе и поступившим по упразднении оного в Музеум» (РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 521) — явствует, что до появления музея, созданного одновременно с Адмиралтейским департаментом, комитет официально распущен не был.

⁶⁰ Об отношениях Шишкова с Чичаговым см.: Записки, мнения, переписка адмирала А. С. Шишкова. Ч. 1 (указ.); Записки адмирала П. В. Чичагова. / Подг. текста игуменьи Серафимы. Предисл. и комм. Т. С. Федоровой. М., 2002 (указ).

нято принципиальное решение о пересмотре павловских военно-морских реформ⁶¹, что делало маловероятным какие-либо серьезные преобразования в морском ведомстве до окончания этой работы. Возможно, именно поэтому Шишков ограничился главным образом подбором сотрудников, отложив до лучших времен лоббирование своего проекта. Не слишком искусного в придворных интригах Шишкова могло также ввести в заблуждение быстрое возвышение Мордвинова: в октябре он был введен в Непременный совет, император обсуждал с ним планы государственных преобразований и т. п.⁶² Шишков, похоже, проглядел, что делать ставку на Мордвинова в ущерб членам Негласного комитета Александр не желал.

Мнение, будто «кратковременность пребывания Мордвинова во главе министерства объясняется его несогласием с господствовавшим в то время взглядом на необходимость (...) коренным образом преобразовать всю морскую администрацию»⁶³, не вполне верно, поскольку неясно, в чем были принципиальные разногласия. С близкой точкой зрения — что Мордвинов «не был солидарен с разрушительным направлением Комитета [для образования флота]» — также трудно согласиться, поскольку деятельность Комитета для образования флота в целом была вполне плодотворной, а недостатки новой военно-морской доктрины (что России нужен исключительно оборонительный флот Балтийского и Черного морей) сказались не сразу⁶⁴. Дело было в другом — Мордвинов не имел собственного плана развития морского ведомства. Его многочисленные реформаторские проекты касались чего угодно, только не флота, и поэтому горькая характеристика, данная Мордвинову несколько позднее адмиралом В. М. Головниным — «муж, имевший все способности быть морским министром, но, к несчастью, не имевший охоты им быть»⁶⁵ — была вполне заслужена.

У Шишкова тоже никакого генерального проекта не было (это был уже не его масштаб). К тому же, недовольный молодыми реформаторами, он начал сочинять на них и на государя эпиграммы, что, разумеется, серьезно понизило акции Шишкова в глазах монарха и, возможно, повредило Морд-

---

⁶¹ Архив князя Воронцова. Кн. 10. М., 1876. С. 101 (письмо С. Р. Воронцова брату Александру от 14 (26) июня 1801 года).

⁶² Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов: Историческая монография. СПб., 1873. С. 31–59; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988 (ук.); Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1903. С. 54–55, 142–241.

⁶³ Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства, за 100 лет его существования (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 31–32; см. также: Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.: Л., 1940. С. 96, 98.

⁶⁴ Огородников С. Ф. Указ. соч. С. 32–38; Белавенец П. И. Указ. соч. С. 96–98.

⁶⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. VII.

винову⁶⁶. Поэтому Александр, настроившийся на ревизию отцовского наследия, должен был что-то предпринимать, руководствуясь исключительно собственными смутными представлениями о флоте и его проблемах, политических целями, не имевшими почти никакого отношения к военно-морским делам, и советами конфидентов, тогда состоявших из членов Негласного комитета и некоторых близких им лиц, в числе которых находились Чичагов и приятельствовавший с ними канцлер А. Р. Воронцов. 12 апреля 1802 года умер И. Л. Голенищев-Кутузов, до смерти сохранявший должность президента Адмиралтейств-коллегии, и вакуум в руководстве морским ведомством стал еще более заметным.

Пассивность Мордвинова и Шишкова, их нежелание приспособлять свои идеи к желаниям и капризам императора закончились тем, чем должны были закончиться: полным «аппаратным» поражением. 24 августа 1802 года наконец-то был создан Комитет для образования флота, который должен был разработать меры «к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и к приведению оного в подлинное бытие»⁶⁷. Но председателем комитета стал А. Р. Воронцов, его ближайшим сотрудником и докладчиком по делам комитета — Чичагов, который тогда еще был контр-адмиралом и претендовать на руководство морским ведомством не мог. Мордвинова включили в комитет, но лишь как одного из сотрудников. Более или менее благоприятный момент для реформирования ученой структуры по плану, предложенному Шишковым, был окончательно упущен.

Назначение Мордвинова на пост министра морских сил уже ничего не могло изменить; первенствующую роль он потерял, приспособляться к ситуации не хотел. Протесты Мордвинова уже ничего не решали, и в декабре 1802 года он был отправлен в отставку, а Чичагов, формально назначенный на должность товарища министра, сосредоточил в своих руках всю полноту власти в морском ведомстве.

Маленький переворот в морском руководстве не мог не затронуть Шишкова. Так, уже 13 ноября 1802 года он вместе с рядом других адмиралов, исполнявших исключительно административные обязанности, был выведен из флотского списка⁶⁸; решение было правильным, но важно было не столько изменение в служебном положении — в конце концов, Шишков не лишился других должностей, — сколько демонстрация Чичаговым своей власти.

Что же касается Комитета, то, видимо, официально его не ликвидируя — Комитет отражен в адрес-календаре на 1804 год, — Чичагов сделал все возможное для того, чтобы он сам собой умер. В своих записках Шишков пишет,

⁶⁶ Шишков А. С. Записки, мнения, переписка. Т. 1. Berlin, С. 87; Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. 1. СПб., 1885. С. 24.

⁶⁷ Весселаго. Указ. соч. С. 205.

⁶⁸ МПРФ. Ч. 17. С. 177–178; Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 28–31.

что при Чичагове комитет был «разрушен»⁶⁹, и эта метафора представляется весьма точной. Скорее всего, снова завис вопрос с финансированием, тем более что сокращение сметных расходов и, как водится, эффективное расходование средств было одним из лозунгов нового начальства. При этом реальной экономии на ученой части в этот период не было, дела о привлечении в Россию морской литературы, карт, чертежей судов, об издании сочинений по морскому делу шли мимо профильного комитета — через Комитет об образовании флота, Военную по флоту канцелярию, Департамент морского министра⁷⁰; к настоящему времени в РГА ВМФ не удалось выявить ни одного запроса из этих учреждений в «Комитет для издания собраний». И поступали эти книги, карты и чертежи также не к Шишкову. Кроме того, из коллегии в подчиненную Чичагову канцелярию по делам флота переводят переводчиков С. С. Боброва и Ф. В. Каржавина, последний из которых раньше официально состоял и при Комитете⁷¹.

По-видимому, Чичагов демонстративно игнорировал Комитет, и членам коллегии и ее чиновникам также, надо думать, не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться к начальственному бойкоту — иные действия могли быть расценены как нелояльность. Ошибки, которые были допущены при организации Комитета и не исправлены, личные недостатки Шишкова как руководителя — все это сделало «живучесть» Комитета крайне невысокой, а его смерть быстрой и незаметной. Процесс аппаратной «социализации» безобразно затянулся. Не обретя необходимой бюрократической автономии, не доказавши свою нужность этой системе, не определив своего места в ведомственной иерархии, Комитет, несмотря на старания Шишкова, закоснел в своей маргинальности и в условиях острого служебного конфликта быстро потерял и без того невысокий статус.

Возможно, отрицательное влияние имела и смерть Осокина (не позже августа 1803 года⁷²) — нового чиновника Шишкову могли не дать, да в сложившейся ситуации он мог уже и не просить. В январе 1803 года, то есть сразу после отставки Мордвинова, из морского ведомства в Министерство внутренних дел уходит Баккаревич⁷³.

Впоследствии конфликты с Чичаговым привели к еще большему понижению статуса Шишкова: в конце 1803 — начале 1804 года он еще имел право присутствовать в Адмиралтейств-коллегии в качестве внештатного ее члена,

⁶⁹ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. Berlin, 1870. С. 94.

⁷⁰ См., например: МИРФ. Ч. 17. С. 278, 325, 304, 320, 438, 448, 457, 481, 486, 505.

⁷¹ Впоследствии, по расформировании канцелярии, их возвратят в коллегию: Адрес-календарь на 1804 г. Ч. 1. С. 127. То же на 1805 г. Ч. 1. С. 142.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 212. II отд. (канц.). № 900. Л. 24. — Прошение вдовы Осокина «о даче его паншпорта».

⁷³ Теллова. Указ. соч. С. 52.

но в конце 1804 — начале 1805 года он, хотя, видимо, и состоял в службе, но никакого места в морском ведомстве уже не занимал⁷⁴.

Общие итоги существования комитета выглядят следующим образом. Удалось собрать 39 книг и рукописей, в числе которых было 4 сочинения самого Шишкова, экземпляр упомянутой книги Корнилова и такие рукописи как «Факел морской», «Практическое вычисление о грузе корабля», датированное 1802 годом (возможно, это рукопись переведенного корабельным подмастерьем И. С. Разумовым и изданного в 1805 году с прибавлениями переводчика сочинения французского адмирала А. - Ж. - М. Тевенара «Исчисление груза кораблей всех марок»)⁷⁵, переведенные Каржавиным сочинение «О нагрузке военных кораблей» Э. - Ж. Бюрга де Миссисеи и «журнал» Биллингса с описанием экспедиции 1785–1795 годов по изучению побережья Восточной Сибири, российских владений в Америке и побережья северной части Тихого океана (в 1811 году издан помощником Биллингса Г. А. Сарычевым под заголовком «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острова...»)⁷⁶.

«Чертежей российских и иностранных кораблей и прочих судов, також и других принадлежащих до мореплавания разных изображений и рисунков» оказалось 29, было собрано и несколько эстампов, «изображающих морские сражения»⁷⁷. Комитет издал переведенную с французского языка коллежским секретарем П. Черкасовым первую часть «Всобщей истории мореходства» и заказал Боброву перевести вторую и третью⁷⁸. Итак, итоги весьма скромны, хотя, стоит заметить, А. П. Соколов хвалил «Морские записки» как удачный опыт морского журнала⁷⁹.

⁷⁴ Адрес-календарь на 1804 г. Ч. 1. С. 127; Сведения о комитете в Адрес-календаре на 1805 год отсутствуют.

⁷⁵ Отдельное издание сочинения Тевенара к настоящему времени не обнаружено.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 521. Л. 3–6 об. Каржавин, также по поручению комитета, перевел книгу «Опыты, учиненные в Англии над сопротивлением воды» (Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. Ч. 1. СПб., 1807. С. 4).

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 521. Л. 21–25, 26–26 об.

⁷⁸ Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом. Ч. 1. С. 10; Ч. 5. 1823. С. XIII. Torchet de Boismelè, J. - B. Histoire générale de la marine, contenant son origine chez tous les peuples du monde, ses progrès, son état actuel et les expéditions maritimes anciennes et modernes... Paris; Amsterdam, 1744–1758. 3 v. Полное заглавие русского перевода: Всеобщая история о мореходстве, содержащая в себе начало оного у всех народов, успехи, нынешнее состояние и морские как древние, так и новейшие походы (СПб., 1801–1826. В 7 ч.). Части с четвертой по седьмую перевел В. Берков. Описание издания см.: Соколов. Указ. соч. С. 113–115.

⁷⁹ Соколов. Указ. соч. С. 74.

На этом можно было бы закончить, если бы 31 декабря 1804 года члены Комитета для образования флота не подписали доклад «О перемснах в управлении морским департаментом».

«Вникнув во все касающиеся до сего предмета обстоятельства и сообразя все различные части, в состав морского правления входящие», было решено разделить их «на *воинскую* и *художественную* часть». К последней, поступившей в ведение специального коллегиального органа, Адмиралтейского департамента, отнесли ученые вопросы, а также гражданские и гидравлические строения⁸⁰.

В докладе комитета о необходимости специального ученого учреждения сказано четко и ясно: «Место, управляющее силами морскими, сверх познаний в военном деле, должно быть в полной мере сведуще и в тех науках и искусствах, на теории коих основывается благосостояние вверенных оному частей», для чего «потребным оказывается составить новое правление из людей более к тому способных, к тому единственно избранных». Ученое ведомство подчинялось только министру, члены коллегии не могли вмешиваться в его деятельность: «положения и определения сего сословия не могут подвергаться суждению места с ним не одинакого»⁸¹. В ведении департамента оказывались учебные заведения морского ведомства, библиотеки, обсерватории, модель-камеры, типографии, инструментальные и гравировальные палаты, чертежные, а также создаваемый морской музей, ежегодное содержание которого, не считая жалованья директора и помощников, составляло 10000 рублей. Его члены должны были заниматься рассмотрением различных изобретений и проектов, разработкой и экспертизой учебных программ и пособий, присутствовать на вступительных и выпускных экзаменах и аттестационных комиссиях, составлять инструкции отправляющимся в дальние плаванья, принимать и обрабатывать журналы плаваний и другие материалы экспедиций, публикуя «достойное (...) к сведению публики и к пользе мореходцев». Авторы доклада обещали изобретателям ходатайствовать «у самого престола» об их награждении, но особенно должны были поощряться труды переводчиков и авторов оригинальных сочинений, распространяющих круг человеческих познаний, а особенно споспешествующих желаемому усовершенению морского искусства» — их могли избрать в почетные члены департамента, а сочинения могли быть изданы «в пользу трудившегося»⁸².

Один из членов департамента должен был заниматься изданием специального журнала, где бы публиковались упомянутые сочинения и переводы.

---

⁸⁰ Доклад Комитета для образования флота учрежденного, о перемснах в управлении морского департамента. СПб., 1805. С. 27–29, 97–98 (ПСЗ-I. Т. 28. № 21699).

⁸¹ Там же. С. 94–95.

⁸² Там же. С. 98–103.

Авторы доклада, пожелав, чтобы «сей журнал (...) не для одних мореходцев, но и для всех соотечественников наших мог быть любопытен», пообещали, что в нем «помещено будет для разнообразия и привлечения читателей и все то, что может быть полезным, приятным любопытным сведением для всякого»⁸³.

Непрерывных членов департамента предполагалось четверо: директор морских и гидравлических работ, артиллерист, «чиновник искусный в физике и математике» и «чиновник, искусный в словесных науках». Последний должен был заниматься главным образом «сочинением истории российского флота от самого заведения его до сего времени». По представлению министра, а затем по воле самих членов департамента, иные лица, известные своими «изобретениями, сочинениями и апробованными проектами» могли получить звание почетных членов Адмиралтейского департамента и получали право присутствовать и выступать на его заседаниях. Было предусмотрено также создание сети корреспондентов в других городах России и за рубежом. Для переписки с ними и публикации в России достойных внимания иностранных сочинений департамент имел своих переводчиков, для правильного ведения делопроизводства и переписки, а также решения разного рода организационных вопросов — ученого секретаря с канцелярией⁸⁴.

Таким образом, уже упомянутый организационный опыт, который был обобщен еще в проекте 1800 года, оказался вполне востребованным. Адмиралтейский департамент был создан с явным учетом предложений Шишкова, и, несмотря на всю свою неприязнь, Чичагов именно своего давнего соперника привлек к руководству новой ученой структурой⁸⁵. Вероятно, он понимал, что этот опыт, главным образом отрицательный, важнее его, Чичагова, несмалой образованности и его же личных амбиций. До 4 апреля 1805 года доклад будет лежать у государя и ждать подтверждения. Ничего секретного в нем не было, и Шишков наверняка знал о его содержании. Совпадение многих идей двух докладов — Комитета для образования флота и того, с которым он обратился к императору четыре года назад, — должно было ему льстить. Под именем Адмиралтейского департамента его задуманный интригами комитет возрождался почти в том самом виде, в котором Шишков когда-то мечтал его увидеть. Создание же при департаменте периодического издания с широкой программой могло привлекать Шишкова как дополнительная возможность высказаться перед широкой аудиторией по вопросам, не имеющим отношения к флоту. Предложение Чичагова было весьма заманчивым, и Шишков его принял.

⁸³ Там же. С. 102.

⁸⁴ Там же. С. 110–114.

⁸⁵ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Ч. 1. С. 93–94.

В свою очередь, для Чичагова назначение Шишкова на должность главы Адмиралтейского департамента было выгодно не только из административных соображений. Он примирялся с опасным и популярным противником, а также сделал шаг навстречу его сторонникам среди моряков и в петербургском обществе; получал в сотрудники не самого талантливого, но, безусловно, опытного сотрудника, знающего специфику предстоящей ему работы и далеко не последнего специалиста — младшие современники Шишкова высоко оценивали его заслуги по ученой части⁸⁶. В морском ведомстве были моряки, ученые заслуги которых не уступали шишковским — например, Л. И. Голсницев-Кутузов, Г. А. Сарычев или Гамалея. Но они отставали от Шишкова в чинах или, как Кутузов, не имели столь громкой известности; отдавать им руководство ученой структурой значило умалить ее вес в глазах современников и принизить сделанное самим Чичаговым. Кадровый костяк департамента также составили старые сотрудники, Гамалея и Бобров. В число почетных членов вошел академик Крафт.

Возвращаясь к причинам слабого внимания исследователей к Комитету, стоит отметить, что его рассматривали почти исключительно как часть истории морского ведомства, с одной стороны, и истории науки — с другой. Но ни тот, ни другой подход не учитывали специфики феномена и потому оказались малопродуктивными. Заместного вклада в науку комитет не внес, в сколько-нибудь примечательную бюрократическую структуру не оформился, и потому одна-две страницы — это, видимо, максимум, на который он мог рассчитывать.

Однако перед создателями комитета стояли совсем иные проблемы: во-первых, ясное определение функций и разработка оптимальной организационно-бюрократической модели (а не воплощение ее в жизнь), во-вторых, аккумуляция уже накопленного научного и эмпирического знания (и лишь во вторую очередь организация исследований), в-третьих, объединение разрозненных интеллектуалов в социокультурную среду с высоким официальным и общественным статусом.

Пример Шишкова вполне доказывает, что в тот момент научное мышление и административные способности руководителя не играли решающей роли. Шишков был плохим исследователем и, пожалуй, скверным организатором, однако вряд ли кто-то лучше него в морском ведомстве соединял на рубеже веков ученые заслуги и их признание среди коллег, преданность

---

⁸⁶ См., например, положительную оценку перевода «Морского искусства»: Гамалея П. Высшая теория морского искусства. Ч. 1. СПб., 1801. С. XIII–XVI; Готов А. Изъяснение принадлежностей к вооружению корабля. СПб., 1994. С. 17, 19. 13 июля 1806г. Гамалея поставил вопрос о том, чтобы экземпляры «Морского искусства», лежащие в Хозяйственной экспедиции, были переданы Адмиралтейскому департаменту «для отсылки в порты и училища, так [как] в лавках все раскуплены», что и было сделано (РГА ВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 528. Л. 44–46).

ученым занятиям и высокое служебное положение, желание создать ведомственную ученую структуру, конкретные идеи на этот счет и реальную готовность в ней работать. И потому есть сомнения, что некто более способный и образованный смог бы лучше справиться с теми задачами, которые стояли тогда на очереди. Позже, в Адмиралтейском департаменте, от руководителя ученого учреждения потребуются наконец серьезная научная подготовка и административные способности. И, формально сохраняя должность президента департамента, Шишков постепенно отойдет на вторые роли.

ДОМИНИК ЛИВЕН

РОССИЯ И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ:

ПЕРВЫЕ МЫСЛИ НОВИЧКА

О наполеоновских войнах существует обширная литература, включающая много превосходных исследований. Тем не менее в том, что касается и самих этих войн, и окружения, в котором они велись, остается поразительно много пробелов и ложных концепций. Вероятно, важнейшие из них связаны с ролью, которую Россия сыграла в наполеоновскую эпоху, поскольку эту роль неверно интерпретируют и на Западе¹, и в самой России. Искривленные представления русских о вкладе их страны в разгром Наполеона имеют несколько основных причин специфического характера, уходящих корнями в историю России XIX и XX вв. Однако, в других отношениях русские, немецкие, французские и английские исследования о наполеоновских войнах обладают одинаковыми недочетами. Чтобы осветить эти вопросы, сперва сделаем краткий обзор английских, французских, немецких и австрийских исследований о наполеоновских войнах, в частности, об их связи с судьбами России. Далее перейдем к работам русских историков о наполеоновских войнах. Эта дискуссия позволит выявить ключевые, как мне представляется, сферы, в которых необходимы новые исследования, если мы желаем получить полную и достоверную картину участия России в наполеоновских войнах.

В итоге мы приходим к следующему выводу: все эти ложные концепции и пробелы в наших представлениях о наполеоновской эпохе в целом и роли России в частности вызваны разнообразными причинами, но глав-

---

¹ По моему мнению, наилучший краткий обзор роли России в наполеоновскую эпоху, написанный западным исследователем, принадлежит Александру Мартину. См.: Alexander Martin. *The Russian Empire and the Napoleonic Wars*//P. G. Dwyer (ed.), *Napoleon and Europe*. London: Longman, 2001. Ch. 13

ные из них — националистические предрассудки и идеологии. Но принятой почти повсеместно традиции историки наполеоновской эпохи склонны ходить путями, которые проторены их соотечественниками, и часто обращают очень незначительное внимание на зарубежные интерпретации. И эта традиция до сих пор не преодолена до конца. В некоторой степени здесь продолжают сказываться языковые барьеры, поскольку очень немногие историки владеют всеми четырьмя языками, которые использовались великими державами наполеоновской эпохи (т. е. французским, немецким, английским и русским).

Самым большим препятствием к пониманию, однако, является национализм в своих многочисленных проявлениях. Из всех видов человеческой деятельности война и порожденные ею воспоминания, вероятно, вносят наибольший вклад в национальное самосознание и в национализм как идеологию. Наполеоновские войны происходили в ту эпоху, когда европейские политические мыслители разрабатывали ключевые концепции современного национализма и когда социально-экономическая модернизация привела к появлению сообществ с массовой грамотностью, представлявших собой естественную питательную среду для этих концепций. Совсем не удивительно, что наполеоновские войны использовались уже в свою эпоху², но главным образом последующими поколениями для обоснования националистических мифов и националистической лояльности. Это неизбежно вносит серьезные искажения в наши представления о событиях наполеоновской эпохи и об их причинах. Нынешнее поколение и российских, и западных историков приложило большие усилия к тому, чтобы преодолеть это препятствие, но работы предстоит еще много.

* * *

В любом английском книжном магазине полки ломятся под тяжестью книг про Веллингтона, войну в Испании и Португалии, Ватерлоо и победы королевского флота над флотами революционной и наполеоновской Франции. Конкуренцию им может составить одна-единственная тема — сам Наполеон; его личность оказала и продолжает оказывать колоссальное влияние на британское воображение³. Британские историки, подобно своим коллегам из других стран, традиционно не склонны признавать вклад своих союзников в разгром Наполеона. Например, решающая роль прусской армии в победе при Ватерлоо лишь недавно получила в Англии широкое призна-

---

² Очень интересный пример: Linda Colley. *Britons. Forging the Nation 1707–1837*. New Haven: Yale UP, 1992.

³ См., например: S. Semmel. *Napoleon and the British*. London: Yale UP, 2004; E. T. Lean. *The Napoleonists: A Study in Political Disaffection, 1760–1960*. London, 1970.

нис⁴. Одной из причин этого упущения служило то, что в XX веке королевская прусская армия не вызывала к себе особой симпатии ни в Великобритании, ни в России. Кроме того, ключевую роль в том, что прусский вклад в победу не отложился в сознании английского народа, сыграл герцог Веллингтон. В двух недавно изданных в Великобритании книгах рассказывается о том, как Веллингтон саботировал попытки капитана Сайборна выставить на публичное обозрение огромный макет битвы при Ватерлоо — в частности, из-за того, что макет Сайборна четко продемонстрировал невозможность победы без участия пруссаков⁵. В год Ватерлоо Веллингтону исполнилось лишь 46 лет. В течение последующих четырех десятилетий он играл видную роль в британской политике (например, в качестве премьер-министра и министра иностранных дел) и пользовался неограниченным влиянием в британской армии. В таких условиях его взгляды на наполеоновскую эпоху, будучи связаны с его самооценкой, неизбежно превратились в канонические, тем более что они служили фундаментом для очень удобных мифов и идеологии британского национализма. Окончание наполеоновских войн связывалось с поражением гвардии Наполеона одной лишь британской армией, костяк которой составляли также гвардейские полки, но английские. Такая картина представляла собой националистическое обоснование аристократического режима в Великобритании.

Английские и американские историки внесли колоссальный вклад в наши представления о наполеоновской эпохе⁶. Несмотря на то, что Великобритания была глобальной державой и в ходе войн мобилизовала ресурсы всего земного шара, британские исследователи наполеоновской эпохи все же сохраняют склонность рассматривать наполеоновские войны в исключительно европейском контексте. В целом и в Британии, и в России войны про-

---

⁴ В первую очередь благодаря двухтомному труду: Peter Hofschröer. 1815. The Waterloo Campaign. Wellington, his German Allies and the Battles of Ligny and Quatre Bras. London: Greenhill, 1998 (1815. The Waterloo Campaign. The German Victory. London: Greenhill, 1999). Однако упоминается заслуживает и более раннее издание: Waterloo. Battle of Three Armies. London: Sidgwick and Jackson, 1978 — под редакцией лорда Чалфонта.

⁵ M. Balcan. A Model Victory. Waterloo and the Battle for History. London: Fourth Estate, 2005; P. Hofschröer. Wellington's Smallest Victory. The Duke, the Model Maker and the Secret of Waterloo. London: Faber and Faber, 2004.

⁶ Чрезвычайно трудно выбрать что-либо из множества превосходных изданий. С военной точки зрения основополагающим исследованием остается David Chandler. The Campaigns of Napoleon. London: Weidenfeld, 1993. Что касается флота, ситуация менее ясна, но выдающейся работой является: N. A. M. Rodger. The Command of the Ocean. A Naval History of Britain, 1649–1815. London: Allen Lane, 2004. В отношении истории дипломатии большим влиянием заслуженно пользуется американская работа: Paul Schroeder. The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994.

тив Наполсона интерпретируются как защита национальной независимости от попыток французов навязать свою гегемонию в Европе. Более того, Наполсона обвиняют в «блужданиях в поисках славы», иными словами, в отсутствии сколько-нибудь внятных имперских замыслов⁷. Французская агрессия нередко объясняется ссылкой на идею, будто война «кормит саму себя»: мол, она велась в первую очередь за счет покоренных народов, и французская армия пожинала обильные плоды завоеваний и грабежей⁸.

Во всех этих суждениях наверняка содержится много истинного⁹. Тем не менее следует помнить о том, что Британская империя, как указывают некоторые историки, также строилась без какого-либо связного или сознательного плана. Понадобилось не одно поколение для того, чтобы выработать конкретную имперскую стратегию, но даже затем эта стратегия не отличалась ни ясностью, ни неизменностью¹⁰. Поскольку Французская империя в Европе возникла внезапно, как невольный итог колоссального усиления французского государства в результате революции, мы бы хотели слишком многого, если бы ожидали появления связной имперской стратегии и идеологии за очень короткий период правления Наполсона. В то время, как Наполсон завосывал Европу, армия Британской Ост-Индской компании покоряла Индию, в первую очередь для того, чтобы собирать налоги с захваченных территорий и эксплуатировать их ради прибыли для самой компании и для ее хозяев¹¹. Эта территориальная экспансия кормила саму себя на вполне наполеоновский манер.

---

⁷ Эти слова взяты из военно-исторического труда: Owen Connolly. *Blundering to Glory: Napoleon's Military Campaigns*. Wilmington: SR Books, 1984. Однако они отражают ключевую идею не только работы Schroeder (*Transformation*), но и недавней книги: Н. М. Scott. *The Birth of a Great Power System 1740–1815*. Harlow: Pearson, 2004. Работы Шредера и Скотта превосходны, но следует отметить, что любой исследователь, интересующийся эволюцией современной мультигосударственной системы, обречен на неодобрительное отношение к Наполеону.

⁸ В число недавних британских работ, основанных на этой идее, входят: T. C. W. Blanning. *The Origins of the French Revolutionary Wars*. London: Longman, 1986; T. C. W. Blanning. *The French Revolutionary Wars 1787–1802*. London: Arnold, 1996; C. J. Esdaile. *The Wars of Napoleon*. London: Longman, 1995; D. Gates. *The Napoleonic Wars 1803–1815*. London: Arnold, 1997.

⁹ Хотя следует упомянуть статью; Pierre Brandis. 'La guerre a-t-elle payée la guerre?' // T. Lentz (ed.). *Napoleon et l'Europe*. Paris: Fayard, 2005. Pp. 258–276.

¹⁰ Это колоссальная тема; на данный момент наилучшим исследованием истории Британской империи, несомненно, является пятитомное издание: W. R. Louis (ed.). *The Oxford History of the British Empire*. Oxford: Oxford UP, 1998–1999.

¹¹ На эту тему см., например: С. А. Bayly. *Indian Society and the making of the British Empire*. Cambridge: Cambridge UP, 1988. Всобъемлющий глобальный обзор эпохи см. в другой работе Кристофера Бейли: Christopher Bayly. *The Birth of the Modern World 1780–1914*. Oxford: Blackwell, 2004.

Цель подобных сопоставлений – не отыскать бревно в глазу у англичан и не поставить британский и французский империализм на одну доску. Наоборот, наше сравнение демонстрирует коренные различия двух этих видов империализма. Франция пыталась навязать свою волю региону, который с римских времен никогда не был объединен в настоящую империю. Англичане же в Индии выступали как наследники Моголов. Почти нигде в Индии правители не были так тесно связаны с местными институтами, исторической памятью и обществом, как во многих европейских династических государствах. Более того, хотя французы пришли в Восточную Европу с ясным ощущением своего культурного превосходства и даже цивилизаторской миссии, эволюция европейского политического мышления в ту эпоху сделала легитимизацию власти над не белыми народами, более легкой чем над собратьями-европейцами, даже самыми несвежественными и самыми «восточными». В некоторой степени Наполеон осознавал этот момент: в его пропаганде 1812 года подчеркивалось желание не править русскими, а отстранить их от участия в делах европейской цивилизации, к которой они не имеют права себя причислять¹².

Помимо того, индийская геополитика очень сильно отличалась от европейской. Чтобы контролировать Европу, сперва требовалось покорить ее каролингское ядро – иными словами, Францию, Италию, Германию и Нидерланды. В этом Наполеон преуспел. После этого будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та, и другая, естественно, рассматривали любое государство, контролирующее каролингское ядро Европы, как угрозу для своей безопасности, и стремились победить его. Поэтому Наполеону, в роли наследника Карла Великого, было затруднительно добиться прочного мира. Чтобы покорить Англию, требовались мощные военно-морские силы. Чтобы подчинить Россию своей гегемонии, Наполеон нуждался в колоссальной военно-организационной мощи, позволившей бы ему вторгнуться через польско-белорусскую пустыню в сердце России и обеспечить там свое присутствие. Одновременная мобилизация этих двух сил против англо-русской коалиции представляла собой грандиозную задачу, которая в конце концов и погубила Наполеона. Немцы в XX веке попробовали пройти аналогичный геополитический тест и тоже провалили его.

В Индии же к 1800 году не существовало серьезных сил, способных бросить вызов британской гегемонии. Британцы опасались вторжения через северо-западную границу Индии – традиционные ворота для завоевателей.

---

¹² Это большая и захватывающая тема, ср., например: J. Pitts. *A Turn to Empire. The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France*. Princeton: Princeton UP, 2005; L. Wolff. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization and the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford UP, 1994.

Однако, к началу XIX в. англичанам удалось создать в Индии грозную армию европейского образца. Генерал Леонтий Беннигсен отмечал, что «этот корпус, построенный по такому же принципу, что и наши европейские полки, возглавляемый английскими офицерами и превосходно вооруженный, маневрирует с четкостью наших гренадеров». С этими силами не могла справиться никакая традиционная азиатская конница, перешедшая северозападную границу¹³. С другой стороны, считал Беннигсен, ни одна армия европейского типа (включая русскую и французскую) неспособна справиться с трудностями снабжения при вторжении через Персию или Афганистан. Беннигсен воевал в Закавказье и работал над планами Павла I по походу в Индию, и пришел к выводу, что, принимая во внимание текущую геополитическую обстановку и британское военно-морское превосходство, положение Великобритании в Индии неустойчиво. Это была одна из фундаментальных геополитических реалий, определявших лицо наполеоновской эпохи¹⁴.

Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне. Поэтому для России было чрезвычайно важно проанализировать ключевые геополитические моменты англо-французского противоборства. Никто не проделал этот анализ более четко, чем Беннигсен. По его мнению, не только британская власть в Индии была несокрушима, но и британскую финансово-коммерческую мощь невозможно было одолеть в короткие сроки с помощью «континентальной системы». Приверженность к этой системе разрушила бы русскую торговлю и финансовую систему задолго до того, как перед Наполеоном замаячила бы перспектива поставить Англию на колени. Россия лишилась бы экономических и финансовых оснований своего статуса великой державы. Более того, по мнению Беннигсена, британское военно-морское могущество, пусть и неприятное, все же представляло собой гораздо меньшую опасность для России, чем французское господство в Европе. Несмотря на все последующие дискуссии в российских верхах, мне представляется, что анализ Беннигсена, проведенный в августе 1807 г., вкратце выражает суть выбора, который предстояло сделать России в те годы, и в значительной мере объясняет соображения, которыми руководствовалась российская политика¹⁵.

---

¹³ См., например: J. Gommans. *Mughal Warfare*. London: Routledge, 2002.

¹⁴ *Memoires du General Bennigsen: avec une introduction, des annexes et des notes du capitaine E. Cazalas*. 3 vols. Paris: H. Charles-Lavauselle, n. d.: Vol. 3. Annex no 53. Pp. 377–395 (цитата со стр. 394).

¹⁵ Bennigsen. Vol. 1. Pp. 16–47, письмо от 7 августа 1807. Литература о «континентальной системе» обширна, но основной работой остается: F. Crouzet. *L'Economie britannique et le Blocus continental, 1806–1813*. 2 vols. Paris: PUF, 1958. Из числа содер-

Французская историография наполеоновской эпохи имеет много общего с английской. Прежде всего, для нее характерны богатая традиция выдающихся исследований, сохраняющих свою актуальность, и появление все новых ярких работ¹⁶. Французской традиции присущи и некоторые недостатки английской историографии – в первую очередь, связанные с иностранными языками и с тенденцией (отнюдь не всеобщей) работать в рамках исключительно отечественной историографической традиции. Один шведский историк, проводивший конференцию французских и английских исследователей наполеоновской эпохи, отмечал недавно, что обе стороны практически не сдвинулись с позиций, занимаемых их странами в ту самую эпоху¹⁷. Кроме того, во Франции, как и в Великобритании, неизбежна эксплуатация образов наполеоновской эпохи для националистических целей: Лустерлицкий вокзал и вокзал Ватерлоо все так же смотрят друг на друга через Ла-Манш вырезанными из камня лицами.

С русской точки зрения один из недочетов французской литературы довольно очевиден: Франция была врагом. Французская мемуарная литература и ранние исторические работы полны чувства национального превосходства. Офицеры сочиняли доклады и мемуары с целью получить повышение, потешить свое эго или добиться славы. Глядя на военную форму той эпохи, невозможно ожидать от тех, кто ее носил, скромности или сдержанности. Напротив, и в армии Наполеона, и в армиях его противников процветало агрессивное и нарочитое самовосхваление. Мемуары барона Марбо¹⁸ представляют собой классический образец фанфаронства, лишённого и подобия достоверности, однако подобных примеров хватает и среди

жательных французских и российских исследований недавнего времени можно назвать: Silvia Marzagalli. *Le Blocus continental pouvait-il reussir?* // T. Lentz (ed.). *Napoleon et l'Europe*. Paris: Fayard, 2005. Pp. 103–114; Подмазо А. А. *Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г.* // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 2. / Ред. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М.: Государственный исторический музей, 2002. С. 249–266.

¹⁶ Для меня как иностранца было бы еще большей наглостью отбирать выдающиеся французские работы, чем аналогичные труды на английском. В число монументальных французских исследований последнего времени входят: Jean Tulard. *Dictionnaire Napoleon*. Paris: Fayard, 1987 и Alain Pigcard. *Dictionnaire de la Grande Armee*. Paris: Tallandier, 2002. Недавно изданная двухтомная «История Первой империи» Тьерри Ленца, на мой взгляд, является лучшей книгой на эту тему в мире: T. Lentz. *Nouvel Histoire du Premier Empire*. Vol. 1: *Napoleon et la conquete de l'Europe*. Paris: Fayard, 2002; Vol. 2: *L'effondrement du systeme napoleonien*. Paris: Fayard, 2004. Кроме того, было бы несправедливо не упомянуть множества выдающихся переводов и исследований, изданных Librairie Teissedre.

¹⁷ Steven Englund. *Un regard americain* // Lentz (ed.). *Napoleon et l'Europe*. Pp. 359–365.

¹⁸ Последнее издание: *Memoires du General Baron de Marbot*. 2 vols. Paris: Mercure de France, 1983.

воспоминаний офицеров, сражавшихся под другими флагами. Если мемуарам французов свойственна несколько большая хвастливость, то это, несомненно, следует из того факта, что до похода Наполеона на Москву у них были для этого основания: в большинстве отношений французская армия превосходила своих врагов вплоть до осени 1812 г. Наполеон говорил за всех французов, когда не нашел почти никаких похвальных слов для русских солдат, исключая казаков¹⁹. Несомненно, что в его рвении в адрес «степных воинов» отражалось увлечение всем восточным и экзотическим, характерное для тогдашнего французского общества. Попросту говоря, дело в том, что во французской армии не было казаков, и поэтому любой французский офицер мог безбоязненно воздавать им должное, не опасаясь умалить собственную славу. Аналогичным образом многие французские толкователи (и генералы), подобно своим германским коллегам в 1941–1945 гг., ссылались на русскую погоду как на самое подходящее объяснение своих неудач. Снег не разрушал веры французских и германских офицеров в собственное непревзойденное мужество и профессиональное мастерство.

Очень немногие западноевропейские и североамериканские исследователи наполеоновских войн владеют русским языком. Информацию о русской армии и государстве они черпают в основном из французских и немецких источников. Но если опасность чрезмерной доверчивости ко всему, что говорят французы о своих врагах, очевидна, то в германских источниках тоже скрываются свои подводные камни. Немцы, как правило, разделяют с французами чувство врожденного цивилизационного превосходства над русскими медведями. В России вплоть до правления Александра I отсутствовали университеты (за исключением Московского) и практически не существовал профессиональный средний класс русского происхождения. По этой причине многие из виднейших русских офицеров, особенно среди штабных и артиллерийских офицеров и инженерного корпуса, были немцами по крови. Этот фактор вносил свой вклад в развитие у немцев чувства превосходства, не в последнюю очередь из-за того, что именно офицеры из этих родов войск написали непропорционально большую долю мемуаров и военных исследований. Кроме того, в тех случаях, когда прусские и русские войска сражались на одной стороне, прусские историки склонны приписывать все победы себе, а все неудачи – союзникам, что представляет собой обычное явление в коалиционных войнах²⁰.

---

¹⁹ С русской точкой зрения по поводу этих слов можно ознакомиться в: Земцов В. Н. Наполеон о войне с Россией в 1812 году // Эпоха 1812 года. Т. 3. М.: Государственный исторический музей, 2004. С. 271–319.

²⁰ Разумеется, это очень грубое обобщение, и исключения из него нередки. В качестве примера можно указать: Baron Carl von Muffling. The Memoirs of Baron von Muffling. London: Greenhill, 1997, где приводится в целом весьма правдивое и край-

Англоговорящие историки предрасположены принимать эти заявления на веру не только из-за неспособности ознакомиться с русскоязычными источниками, но также из-за уважения к прусской армии наполеоновской эпохи. В конце концов, это была армия величайшего в Европе военного теоретика, Карла фон Клаузевица, и кроме того, армия, одной из первых приступившая к созданию современного генерального штаба и современной конскрипционной системы. Напротив, русская армия однозначно относилась к «старорежимным»²¹.

Ни в коем случае не умаляя нередко поразительных достижений прусского ландвера в целом и многих прусских офицеров в 1813–1815 гг., тем не менее, важно не идти на поводу у анахроничных суждений. «Старорежимная» дисциплина и стойкость русских войск, например, оказались решающим фактором во время отступления этой армии от российских границ к Москве в 1812 году. Генерал Ланжерон отмечает не без преувеличения, но в целом не слишком отступая от истины, что «не стоит презирать ту армию, которая проделала отступление в 1200 верст от Немана до Москвы, выдержав два крупных сражения и не потеряв ни единого орудия, не бросив ни одной телеги и ни одного раненого»²².

Кроме того, доблесть русской армии объяснялась не только дисциплиной. Арьергардные командиры проявили большое искусство, в частности, при координации действий кавалерии, артиллерии, легкой пехоты и казаков. Евгений Вюртембергский так отзывался об отступлении армии после Смоленска: «Наше отступление представляло собой один из замечательнейших примеров военного порядка и дисциплины. Мы не оставляли врагу ни оставших, ни складов и ни обозов; форсированные марши не изнуряли солдат, а арьергардам во главе с превосходными командирами (особенно Коновницыным) приходилось вести лишь мелкие и обычно успешные сражения... В целом артиллерия на конной тяге отступала поешелонно, под прикрытием многочисленной конницы на открытой местности и легкой пехоты на пере-

---

не любопытное изображение различных национальных контингентов, входивших в состав Силезской армии.

²¹ Хотя Жомини не сравнить с Клаузевицем, он во многих отношениях не только вносит полезные коррективы в представления Клаузевица о русской армии, но и приводит интересные подробности о военном деле наполеоновской эпохи. Жомини порой весьма справедливо отзывался о русской армии — например, указывая, что «русская армия может служить примером для всех остальных» в том, что касается преодоления тягот и проблем стратегического отступления. «Стойкость, проявленная ею во всех отступлениях, в равной степени обязана национальному характеру, природным инстинктам воинов и превосходным дисциплинарным установлениям». См.: Baron Antoine de Jomini. *The Art of War*. Greenhill: London, 1996. Pp. 64–65.

²² *Memoires de Langeron. General d'Infanterie dans l'Armee Russe. Campagnes de 1812, 1813, 1814*. Paris: Alphonse Picard, 1902. P. 28.

сеченной местности... О любых попытках обойти наши позиции неизменно и быстро доносили казаки». Хотя мемуары и Ланжерона, и принца Евгения написаны на европейских языках, подобные заявления почти не встречаются в изданных на Западе исследованиях о кампании 1812 года, которые обычно все внимание уделяют французской армии и Наполеону, нескритически относясь к отзывам французов об их русских противниках²³.

Конечно, в реальности картина была не настолько безупречна, как можно заключить из замечаний Ланжерона и принца Евгения. Когда Кутузов прибыл в армию, в ее расположении орудовали сотни мародеров, а дисциплина в ряде полков была далека от совершенства²⁴. Русские войска создавали изрядный хаос не только во время отступления через Москву, но и в окрестностях своего тарутинского лагеря²⁵. Однако, подобные негативные моменты неизбежны, учитывая колоссальное напряжение длительного отступления. Подозреваю, что русская армия была единственной в Европе, которой удалось бы сохранить боеспособность после всех тягот подобного отступления и свирепой Бородинской битвы.

Британский военный наблюдатель так отзывался об армии Блюхера в Силезии: «Половина его сил во время великих побед 1813 года состояла из высоко дисциплинированных и прекрасно обученных русских войск под командованием генералов Ланжерона и Саксна». В реальности их доля обычно приближалась к 65 %, и хотя прусская пехота демонстрировала поразительную доблесть в атаках, она никогда не могла сравниться с русскими войсками в выносливости, дисциплине на марше и стойкости. Кроме того, и прусская артиллерия обычно сильно уступала русской. Поэтому русские генералы имели основания для жалоб на то, что все книги про 1813 год написали пруссаки, тем самым несправедливо присвоив себе всю славу²⁶. В сущности, прусско-германский национализм постарался завладеть почти полной монополией на историческую память об *Befreiungskrieg* 1813 года точно так же, как англичане отрицают роль пруссаков в победе при Ватерлоо²⁷.

²³ *Memoire des Herzogs Eugen von Wurtemberg*. 3 vols. Frankfurt-ad-Oder: Gustav Harnacher, 1862. Vol. 2. S. 70–71.

²⁴ См., например, его донесение Александру I от 19 августа 1812: Бородино. Документальная хроника / Ред. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М.: Росспэн, 2004. С. 24–25.

²⁵ От Тарутино до Малоярославца / Ред. Н. А. Котлякова, Е. А. Назарян. Калуга: Золотая аллея, 2002. Особ. см.: Ульянов А. И. Тарутинский лагерь: «Неудобные» факты. С. 23–36.

²⁶ См., например, письмо Михаила Воронцова генерал-майору барону Левенштерну от 27 сентября 1835, опубликованное в: M.-H. Weil (ed.). *Memoires du General-Major Russe Baron de Lowenstern (1776–1858)*. 2 vols. Paris: Fontemoing, 1903; Vol. 2. Annexe III. Pp. 486–487.

²⁷ Как всегда, бывают и исключения: например, барон Муффлинг решительно оспаривает прусско-германский миф о битве при Кацбахе, утверждая, что решающий

Один из главных недостатков русской историографии наполеоновской эпохи состоит в том, что она закрывает глаза на подобную позицию пруссаков²⁸.

Специфическим источником информации о русской армии и ее кампаниях служат мемуары тех прусских офицеров, которые служили в ее рядах в 1812 году и оставили любопытные описания своих впечатлений. Эти описания, прежде всего принадлежащие перу Клаузевица и Вольцогена²⁹, представляют собой очень ценные источники и широко используются западными историками, но к ним следует подходить с некоторой осторожностью. Эти прусские офицеры вышли из рядов той армии, которая считала себя лучшей в Европе, и многие иностранцы, учившиеся у наследников Фридриха III, разделяли это убеждение. Однако в 1806 г. эта армия была разбита не только под Йеной, но и под Ауэрштадтом, где сильно превосходила численностью корпус Даву. В результате прусская армия развалилась, не только не сумев выставить действенные арьергарды, но и сдав множество крепостей в паническом страхе перед гораздо более слабым противником. Охватившее пруссаков чувство унижения усугубилось последующей французской оккупацией и тем, что Фридрих-Вильгельм III в 1812 году предпочел встать на сторону Наполеона. Прусские офицеры, подавшие в отставку и перешедшие на службу в русскую армию, по определению были наиболее ревностными и испытывавшими наибольшее унижение из числа патриотов. Не зная русского языка, они могли принести лишь ограниченную пользу и влачили жалкое существование из-за всеобщего недоверия к иностранцам, охватившего русских людей вслед за французским вторжением. История британских военных действий в 1940–1944 гг., написанная ветеранами «Свободной Франции»,

---

вклад в эту крупную победу союзников внесла контратака и погоня за французами русского корпуса Ланжерона: Baron Carl von Muffling. *The Memoirs of Baron von Muffling*. London: Greenhill, 1997. Pp. 72–73.

²⁸ George Cathcart. *Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813*. London: John Murray, 1850. Здесь я цитирую стр. 16, но книга Кэткарта усееяна аналогичными замечаниями. Их следует читать, имея в виду, что британская армия, как и русская, состояла из ветеранов, набранных на долгий срок, и что Кэткарт неодобрительно относился к милиционной системе. В воспоминаниях Ланжерона встречаются сходные высказывания напр.: *Memoires de Langeron*. Pp. 208–211.

²⁹ Последнее англоязычное издание этого классического сочинения Клаузевица: Clausewitz. *The Campaign of 1812 in Russia*. London: Greenhill, 1992. Однако интересно также обратиться к длинному отрывку из рукописи Клаузевица, приведенному на с. 110–219 в: P. Paret and D. Morgan (eds.). *Carl von Clausewitz. Historical and Political Writings*. Princeton: Princeton UP, 1992, — поскольку в этот отрывок входят краткие, но едкие отзывы о конкретных лицах, тактично удаленные Клаузевицем при подготовке мемуаров к печати. Последнее издание мемуаров Вольцогена в полном переводе на французский: F. Gendreau (ed.). *General Baron Ludwig von Wolzogen. Memoires d'un General d'Infanterie au service de la Prusse et de la Russie (1792–1836)*. Paris: Editions Historiques Teissedre, 2002.

оказавшимися в рядах английских войск, послужила бы очень интересным дополнением к тому, что пишут сами англичане, однако было бы довольно странно принимать в расчет исключительно их точку зрения.

Рассказы германских националистов о низвержении Наполеона призваны прославить Пруссию. Разумеется, находились и другие немцы — не столь хвастливые, как Вольцоген, и лучше осведомленные, чем Клаузевиц — оставившие нам более объективные отзывы о русской армии. Фактически, можно согласиться с мнением, что из всех мемуаров высших русских военачальников самые ценные сочинил Евгений Вюртембергский³⁰. Они никогда не издавались по-русски и поэтому недоступны для большинства русских историков, но и западные исследователи кампаний 1812–1814 гг. используют их далеко не лучшим образом.

Наконец, последний крупный раздел иностранной литературы, необходимый для понимания роли России в наполеоновских войнах, можно назвать австрийским. В него входят не только немецкоязычные труды о внешней политике Австрии³¹ и ее войнах³², но и появившиеся после 1945 г. американские работы о роли Меттерниха в свержении Наполеона и создании новой послевоенной системы в Европе³³. Вся эта литература прошла мимо внимания русских историков, никогда не питавших особых симпатий к австрийским приоритетам и к австрийской политике. В 1813–1814 гг. русских выводила из себя медлительность австрийской армии

---

³⁰ *Memoiren des Herzogs Eugen von Wurttemberg*. 3 vols. Frankfurt a d Oder: GustaV Hasrnceker, 1862.

³¹ Важнейшими являются источники XIX в., в том числе: Wilhelm Oncken, *Osterreich und Preussen in Befreiungskriege*. 2 vols. Berlin: C. Grotosche, 1876 — наиболее полезный благодаря огромному количеству документов, опубликованных в приложениях, и обширным цитатам в самом тексте. Ряд этих документов (дописания Сен-Жюльена, Лебисльтерна и Штадиона) являются исключительно ценными источниками, знакомящими нас с русской точкой зрения; особенно это касается записей длинных конфиденциальных бесед с Александром I. Хорошей монографии по австро-русским отношениям в наполеоновскую эпоху не существует, однако весьма полезен недавний сборник: A. Drabek, W. Leitsch and R. C. Plaschka (eds.), *Russland und Osterreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege*. Vienna: Ost. Akademie d. Wissenschaften, 1989.

³² В этом отношении важнейшим источником является шеститомное издание Австрийского военного министерства по кампании 1813 года: *Kriegsarchiv. Befreiungskrieg 1813*. 6 vols. Vienna: Seidel, 1913. Большое значение также имеет издание: Karl Furst Schwarzenberg, *Feldmarschall Furst Schwarzenberg: der Sieger von Leipzig*. Vienna: Herold, 1964, в первую очередь благодаря обширным цитатам из писем Шварценберга жене.

³³ H. Kissinger, *A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812–1822*. London: Weidenfeld, 1957; E. K. Krache, *Metternich's German Policy*. Vol. 1: *The Contest with Napoleon 1799–1814*. Princeton: Princeton UP, 1963.

и стремление Меттерниха заключить сделку с Наполеоном с целью пресечь русские амбиции в отношении Польши и Германии. Два главных русских историка наполеоновских войн в XIX в., генералы Михайловский-Данилевский и Богданович, были настроены про-прусски и к Австрии относились прохладно. Михайловский-Данилевский учился в северогерманском университете и разделял многие идеи германских протестантских академических кругов. На Богдановича большое впечатление произвело предательство Австрией России в Крымской войне. Не было у русских историков и особой возможности для знакомства с появившимися после 1945 г. трудами американских поклонников Меттерниха, из которых самым известным был Генри Киссинджер. В похвалах Киссинджера Меттерниху до некоторой степени правомерно усматривать всего лишь одно из проявлений общего западного стремления положить предел мнимому всековечному и неискоренимому русскому экспансионизму.

Любой исследователь, старающийся оценить роль России в наполеоновскую эпоху, должен обращать самое пристальное внимание на ее отношения с Австрией, но при этом постараться понять и австрийскую точку зрения. Взаимоотношения с Австрией были самым запутанным и противоречивым, но во многих отношениях и самым важным элементом во внешнеполитических связях России. Они играли ключевую роль сперва в попустительстве французской гегемонии на континенте, а затем в ее уничтожении. Пруссакам и русским без помощи Австрии ни за что бы не удалось изгнать Наполеона в 1813 году из Германии и восстановить европейский баланс сил. Поскольку исход войны оставался неясен вплоть до самой Лейпцигской битвы, решающее значение имело очень сложное взаимодействие военных и дипломатических аспектов русско-австрийских отношений.

Из переписки Меттерниха ясно видно, что он испытывал глубокий страх перед русским могуществом и решительно не доверял политике России и ее вождям, имея для этого все основания. Грандиозная экспансия России в XVIII веке не могла не испугать австрийских правителей. «Греческий проект» Екатерины II служил предостережением насчет того, как далеко российские амбиции могут зайти в будущем. А по сравнению с уже достигнутым эти амбиции выглядели не слишком фантастическими. В 1805 г. русский флот действовал на Адриатике и в Средиземном море, русские войска стояли гарнизоном на Ионических островах. К Петербургу были обращены взоры не только балканских славян, но и славянских подданных австрийского монарха. И что хуже всего, австрийцы вполне справедливо считали, что именно на них легла основная ноша борьбы с революционной и наполеоновской Францией в 1792–1812 гг.: российская помощь носила ограниченный и нерегулярный характер, находясь в зависимости от резких и непредсказуемых поворотов в политике. Неожиданное решение России не только подписать с Наполеоном мир в Тильзите, но и стать его союзницей в потенциальном разделе Европы,

привело австрийцев в ужас и укрепило их нежелание попасть в зависимость от беспочвенных капризов самодержцев из династии Романовых.

Однако поклонникам Меттерниха следует учитывать и русскую точку зрения. Меттерних переоценивал русскую мощь и недооценивал колоссальные сложности при попытках проявить эту мощь в Европе. Он имел весьма ограниченное представление о войне и военных делах. Кроме того, он неверно понимал готовность Александра к войне и чрезмерно опасался сделок России с Наполеоном. В конечном счете Наполеон продемонстрировал, что Александр был прав, а Меттерних ошибался по ключевому из спорных вопросов: отказываясь идти на компромиссы, французский император подтверждал справедливость мнения тех, кто, подобно Александру, считал, что устранение Наполеона — *sine qua non* мира и стабильности в Европе. Более того, русская политика в отношении Польши, сталкивавшаяся с сильным сопротивлением Вены, ни в коем случае не отличалась ни алогичностью, ни безмерным экспансионизмом. С Польшей были связаны важнейшие проблемы российской безопасности при отсутствии простого способа их решить. Стратегия Александра по включению всей Польши в состав империи с одновременным наделением этой страны значительной автономией и либеральной конституцией являлась щедрой и изобретательной попыткой примирить требования российской безопасности с польской свободой и национальной гордостью. Политика Александра в конечном счете провалилась, но тем же закончились и все последующие усилия России урегулировать отношения со своей западной соседкой и извечной соперницей³⁴.

Мы не ошибемся, утверждая, что Меттерних в 1813 г. действовал с непревзойденным мастерством и в основном достиг поставленных перед собой целей. Однако, мы останемся в неведении о том, насколько рискованной была его политика, если не будем учитывать ход военных операций и встававшие перед Россией перспективы. Весной 1813 г. Меттерних не мог контролировать исход военных действий, так же как не мог ускорить подготовку австрийской армии к войне или повлиять на решения Наполеона и даже на решения своего собственного императора, Франца II, от которого в конечном счете зависела австрийская политика. Александр I понимал это, отчего его готовность поверить увещаниям Меттерниха выглядит тем более отважной. В конце концов политика Меттерниха увенчалась успехом в первую очередь из-за того, что Наполеон совершил серьезную ошибку, согласившись на австрийское предложение о перемирии. Если бы он этого не сделал и если бы русские генералы летом 1813 г. выполнили свой план отступления в Польшу, историки впоследствии могли бы проводить параллели между Австрией в 1813 г. и Прус-

³⁴ См., например, недавнюю душещипательную биографию главного советника Александра по польским делам: W. H. Zawadzki. *A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland 1795–1831*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

сией в 1805 г.: иными словами, надолго отложив интервенцию, незадействованные германские армии позволили Наполеону навязать свой ход войны и рещающим образом изменить баланс сил³⁵.

* * *

Русские исследования наполеоновской эпохи имеют богатую традицию и сохраняют актуальность. Вышедшая в 2004 г. энциклопедия 1812 года³⁶, вероятно, является наиболее полезной и внушительной работой по наполеоновским войнам, изданной в мире за последнее десятилетие, однако после 1990 г. появился и ряд других чрезвычайно качественных трудов³⁷. Незнание языков ведет к тому, что даже в постсоветскую эпоху российские ученые остаются в некоторой изоляции от своих зарубежных коллег, но все же этот барьер уже не настолько непреодолим, как в советские времена. Переводятся и меняют представления российских историков о наполеоновской эпохе сочинения таких иностранных исследователей, как Дэвид Чандлер, которые в советское время считались агентами НАТО. Тем не менее, до сих пор сохраняется положение, при котором российские исследования наполеоновских войн еще не обладают тем международным авторитетом, которого заслуживает их качество³⁸.

³⁵ Отметим интересную попытку британского исследователя оправдать прусскую политику: B. Simms. *The Impact of Napoleon. Prussian high politics, foreign policy and the crisis of the executive, 1797–1806*. Cambridge: Cambridge UP, 1997.

³⁶ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия/Ред. В. М. Безотосный и др. М.: Росспэн, 2004.

³⁷ Привести полный список невозможно, а выделять отдельные издания — несправедливо, но в любом случае в этот список должны быть включены две работы, напоминающие русским читателям о колоссальных услугах, оказанных их стране Баркласом де Толли: Тартаковский А. Г. *Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года*. М.: Археографический центр, 1996; Тотфалуши В. П. М. Б. Барклай де Толли в отечественной войне 1812 года. Саратов: Саратовский университет, 1991. Книга Н. А. Троицкого, не самая значительная из его работ, но все же представляющая собой очень объективный и взвешенный рассказ о достижениях и изъянах Кутузова, стала при знаком идущих в стране перемен: Троицкий Н. А. *Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты*. М.: Центрполиграф, 2002. Заслуживают упоминания также такие исследования, как: Безотосный В. М. *Разведка и планы сторон в 1812 году*. М.: Росспэн, 2005; Попов А. И. *Великая армия в России. Погоня за миражом*. Самара: ИТЦ, 2002. Наконец, примером того, какой интерес эта тема до сих пор вызывает в России и у исследователей, и у общественности, служат такие серии, как «Эпоха 1812 года» Исторического музея, сборники документов (напр.: Бородино. *Документальная хроника*. М.: Росспэн, 2004), два сборника дневников (1812 год. *Военные дневники*. М.: Советская Россия, 1990) и воспоминаний (1812 год в воспоминаниях современников. М.: Наука, 1995) под редакцией А. Г. Тартаковского.

³⁸ См., например, рассказ Чандлера об отзыве на его статью на конференции в Моск-

Весьма напоминая в этом отношении своих британских коллег, первые два поколения русских исследователей наполеоновских войн не могли не учитывать тот факт, что многие выдающиеся фигуры военного времени были не только живы, но и занимали важные должности в правительстве и в армии. Одна из причин, почему армия так отличилась в 1812 году, а еще более в 1813–1814 гг., заключалась именно в том, что заслуги в кампании вознаграждались быстрым карьерным ростом, благодаря чему на ключевые посты нередко попадали молодые люди. Дибич и Чернышов стали генерал-лейтенантами в 28 лет, Воронцов в 30 лет³⁹. Даже старшее поколение военных руководителей не очень сильно отличалось от них возрастом: так, Петру Волконскому, служившему начальником штаба при Александре, в год окончания войны было всего 38 лет. Чернышов, Волконский и Воронцов, будучи соответственно военным министром, министром двора и наместником на Кавказе, пребывали на вершинах власти в течение почти всего правления Николая I. Критиковать этих людей, не говоря уже о самом Александре I, мог позволить себе только глупец. Генерал Михайловский-Данилевский, первый официальный русский историк наполеоновской эпохи, постарался не сделать такой ошибки, чем и объясняется куда большая ценность его откровенных дневников по сравнению с написанной им историей кампаний⁴⁰.

В России, как и в других странах, чрезмерно приглаженные исследования по военной истории страдали тем недостатком, что «как наши, так и иностранные военные историки, ограничиваясь изложением военных действий только в тактическом и стратегическом отношении»⁴¹. Офицер мог добиться славы и повышения лишь на «поле чести». Снабженцев в русской армии презирали едва ли не сильнее, чем в других армиях⁴², и Александр I запретил

ве в советскую эпоху: David Chandler. *On the Napoleonic Wars*. London: Greenhill, 1994. Ch. 7: *The Russian Army at War 1807 and 1812*. Pp. 181–191.

³⁹ На это можно возразить, что все трое имели сильные связи, но а) это не отрицает того факта, что все они отличались выдающимися способностями и имели большие заслуги; и б) такие люди, не унаследовавшие обширных связей, как Иван Сухозанет, также быстро получали повышения в результате отличной службы в действующей армии.

⁴⁰ См., например, примечание редактора на с. 18 в: Михайловский-Данилевский А. И. *Мемуары 1814–1815*. СПб.: Русская Национальная Библиотека, 2001; ср. также тональность официальной истории с тональностью с. 153–156, на которых Михайловский-Данилевский крайне уничижительно отзывался о личностях Ф. П. Уварова и П. М. Волконского.

⁴¹ Затлер Ф. *Записки о продовольствии войск в военное время*. СПб.: Струговщиков, 1860. Ч. 1–2. С. 94.

⁴² Хотя следует отметить горькое замечание Коленикура о фатальных результатах презрения французской армии к работе администраторов и арьергардных служб: A. de Caulaincourt. *At Napoleon's Side in Russia*. New York: Enigma, 2003. Pp. 136–138.

офицерам с боевым опытом, находящимся в добром здравии, переводиться в интендантство. Если русская аристократия считала ниже своего достоинства уделять вниманиис вопросам снабжения, то это же верно и в отношении авторов националистической направленности, искавших сюжеты, пригодные для мифотворчества. Очевидно, что националистическая мифология интересуется лишь геройскими подвигами на поле боя, но никак не конскими кормами и подметками сапог. Поэтому, как отмечает Богданович⁴³, очень трудно нарисовать точную и полную картину того, как русская армия оснащалась, снабжалась и кормилась. Несмотря на колоссальную литературу по 1812 году на русском языке, нет ни одной монографии, посвященной системе снабжения армии, хотя она являлось решающим фактором в успехах и неудачах русского войска в том году. То же самое верно и в отношении заграничной кампании 1813–1814 гг., несмотря на то, что успешное снабжение огромных армий, действовавших вдали от границ России, являлось колоссальным достижением. По сей день наилучшим источником по этим вопросам остается отчет, представленный генерал-интендантом Егором Канкриным и Баркласом де Толли Александру I в 1815 г.⁴⁴

Самым очевидным элементом, общим и для русской, и для зарубежных интерпретаций наполеоновских войн, остается то, как в них отражаются националистические настроения. Официальный миф царизма о событиях 1812 года возник очень скоро: он гласил, что русский народ сплотился вокруг престола под руководством знати, чтобы разгромить пришельцев, вторгшихся на священную русскую землю. Во время празднования столетнего юбилея 1812 года царский режим более настойчиво, чем когда-либо, обращался к этой теме национального патриотического единства, и нетрудно понять почему: ведь за спиной осталась революция 1905 года, а впереди маячила мировая война. Впрочем, миф царизма о 1812 годе не слишком отличался от своих европейских аналогов. Например, германский национализм создал аналогичный миф о немецком народе, взявшемся за оружие в ответ на призыв Фридриха-Вильгельма III «К моему народу» и изгнавшем французов с родной земли после ряда героических сражений, кульминацией которых стала так называемая «битва народов».

И лишь когда Сталин включил миф о 1812 годе в официальный канон советского патриотизма, русское мифотворчество действительно начало отличаться от своих европейских аналогов если не качественно, то по крайней мере размахом. Исторические реалии российских военных усилий в 1812–1814 гг. пришлось подвергать ряду серьезнейших искажений, чтобы добиться

⁴³ См., например: Богданович М. История войны 1813 года за независимость Германии. В 2 тт. СПб., 1863. Т. 2. С. 2.

⁴⁴ Управление генерал-интенданта Канкрина. Генеральный сокращенный отчет по армиям... за походы против французов 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 1815.

их соответствия патриотическим интерпретациям сталинской эпохи. Александра I отодвинули в сторону и опорочили; Кутузова подняли на уровень Наполеона и даже выше, замалчивая при этом его аристократическое происхождение и придворные связи (а также происхождение и связи П. Багратиона); многие факты и важнейшие международные аспекты войны постарались забыть; значение массового сопротивления Наполеону преувеличили, а противодействие безжалостной всеобщей мобилизации, проводимой царским режимом, ухитрялись подавать как конструктивный элемент в народной войне против французов, а заодно и против внутренней тирании⁴⁵.

Тем не менее, несмотря на все эти весьма грубые искажения, принятая в советскую эпоху официальная интерпретация наполеоновских войн во многих отношениях сохраняла верность духу Льва Толстого, который остается важнейшим мифотворцем XIX века в том смысле, что оказал решающее влияние на представления как самих русских, так и иностранцев о России и о наполеоновских войнах. Толстой нарисовал картину стихийного русского патриотизма, сплотившегося ради защиты родной земли. Он питал безграничное презрение к «немецкой» военной науке и к германским генералам. Хотя Кутузов в романе Толстого возвышается над прочими историческими личностями, все же «Война и мир» прославляет моральную силу, храбрость и патриотизм русского народа. Возможно, самым важным в рамках нашего подхода является то обстоятельство, что Толстой фактически обрывает повествование в момент, когда не завершилась даже первая фаза войны и самые суровые испытания еще предстояли. Чрезвычайно длинная и страшная, но в то же время героическая дорога, которая привела русскую армию из-под Вильно в декабре 1812 года в Париж в марте 1814 г., не играет никакой роли в романе Толстого; точно так же она лишена всякого значения в советском патриотическом каноне и в памяти русского народа. Хотя есть признаки того, что это искажение реальности осознается лучшими современными военными историками России⁴⁶, налицо резкий и поразительный контраст между колоссальной осведомленностью и множеством исследований о событиях 1812 года, и очень ограниченным вниманием, которое уделяется 1813–1814 годам⁴⁷.

---

⁴⁵ О русской историографии наполеоновских войн см.: Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Военный университет, 2002; а также статью В. П. Тотфалушина об отечественной историографии в: Безотосный (ред.). Отечественная война.

⁴⁶ Как можно было ожидать, приоритет здесь у А. Г. Тартаковского: хотя изданный под его редакцией сборник дневников носит заглавие «1812 год» (1812 год. Военные дневники), характерно, что более половины книги относится к 1813–1814 гг.

⁴⁷ См., например, недавно изданную книгу Б. П. Фролова с обзором кампаний 1812–1814 гг. — научный труд, в то же время явно предназначенный для удовлетворения интересов широкого читателя. Хотя это исследование формально посвящено и 1812 году, и кампаниям 1813–1814 гг., более 490 страниц уделено первому и менее

Причина такого пристального внимания русских исследователей к событиям 1812 года и незначительного интереса к кампаниям 1813–1814 гг. достаточно очевидна. Многие признаки такого отношения мы находим даже в диссертациях Михайловского-Данилевского. Национальная гордость легко пробуждалась при воспоминаниях о героической обороне родной страны под командованием русского полководца против вражеской армии, под знаменами которой встала почти вся западная и центральная Европа. Гораздо труднее рассчитывать на аналогичный энтузиазм в отношении войны, которая велась на германских и французских полях сражений, в союзе с Гогенцоллернами и Габсбургами, в защиту реальной, но умозрительной концепции национальной безопасности, опирающейся на европейский баланс сил. Если это было верно в 1814 году, то в 1912 г. стало еще более неоспоримой истиной, особенно в свете маячившей над горизонтом войны с теми же самыми Габсбургами и Гогенцоллернами.

Другие обстоятельства русского участия в кампаниях 1813–1814 гг. также не способствовали всплеску российского патриотизма. Ключевым моментом, определявшим характер и поступки Александра I, являлось мнение царя о том, что Россия недостойна почитаемых им идеалов Просвещения, не готова к получению политических прав и свобод, и службу в ней несут люди, которые не в состоянии сравняться с политиками и полководцами настоящей европейской выучки. Если вспомнить обстоятельства воспитания Александра, то в этих настроениях нет ничего удивительного⁴⁸. Однако убеждение русских людей в том, что их император порой предпочитает защищать иностранных, нежели чисто национальные интересы, лишь укреплялось при взгляде на тех советников, которыми царь окружил себя в 1813–1814 гг. К тому времени Румянцев и Куракин отошли на задний план. Наибольшее влияние на внешнюю политику Александра I оказывали Нессельроде, Каподистрия, Чарторыйский, Поццо ди Борго и Христофор Ливен. Ни один из этих людей не был русским по крови, и лишь Ливен родился русским подданным.

Состав военного руководства в те годы не так сильно задесал русскую национальную гордость, но в число его ключевых фигур также входило немало нерусских людей. Армии в 1813–1814 гг. в основном командовали Витген-

---

50 страниц – последним: Фролов Б. П. «Да, были люди в наше время». Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии. М.: Анимус Фортитудо, 2005.

⁴⁸ Очевидно, здесь было бы неуместно приводить список обширной литературы об Александре I; тем не менее, нельзя не воздать должное превосходному каталогу недавней выставки про Александра I в Петербурге, и в частности, разделу, написанному С. В. Мироненко: Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб.: Славия, 2005. С. 10–59. В другой своей работе этот же автор, по моему мнению, дает весьма справедливое объяснение и личности Александра, и тех пренятствий, с которыми он сталкивался в своей внутренней политике: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.

штейн и Барклай де Толли. Тремя наиболее выдающимися штабными офицерами являлись Толь, Дибич и Доврс, а генерал-интендантом армий – Егор Канкрин. В Силезской армии, блестяще себя проявившей за эти два года, двумя русскими корпусами командовали Александр де Ланжсон и Фабиан фон дер Остен-Сакен. Разумеется, находились заметные, а порой и выдающиеся генералы русского происхождения – такие, как Чернышов, Воронцов, Ермолов и (по должности, а не по талантам) Пстр Волконский. Тем не менее, численная доля иностранцев в головке военного руководства могла дать русским патриотам пищу для размышлений. Разумеется, не всякий русский патриот стал бы гордиться иными из герсов-соплеменников, многие из которых подвергались презрению со стороны современников, а впоследствии были заклеены либеральными историками за роль, сыгранную во внутренних делах государства. Вот лишь один пример: всякий русский исследователь, воздающий должное поразительно удачной системе набора резервных войск, их обучения и отправки на поля сражений в Германии и во Франции (собственно говоря, всей системе тыловой мобилизации и администрации), сталкивается с тем фактом, что гениальным руководителем этой колоссальной операции являлся Алексей Аракчеев, заслуженно получивший репутацию одной из самых ненавидимых фигур в истории России нового времени.

Однако, присутствие иностранного элемента в российском дипломатическом и военном руководстве следует оценивать в правильной исторической перспективе. Многие из австрийских генералов и дипломатов родились не в наследственных знатных дворянских родах, а в провинциальной среде. Шарлотт и Фнейзенау от рождения не принадлежали к прусской короне. Если же германским и австрийским генералам и дипломатам удалось вступить в службу в России, то это было связано с тем, что в то время в России не было достаточного количества талантливых офицеров и дипломатов, способных справиться с возросшими требованиями к военному и дипломатическому руководству. Многие из них получили образование в европейских университетах, что давало им преимущество перед российскими коллегами. Кроме того, в то время Россия была в состоянии войны с Наполеоном, и многие австрийские и прусские офицеры и дипломаты перешли в русскую службу. Это было выгодно для обеих сторон: для России – потому что эти офицеры и дипломаты имели опыт ведения войны и дипломатии, а для Австрии и Пруссии – потому что они могли получить выгоду от сотрудничества с Россией. Многие из них впоследствии стали выдающимися военными и дипломатами России. Например, Шарлотт и Фнейзенау стали важными фигурами в русской дипломатии. Шарлотт был посланником в Австрии, а Фнейзенау – в Пруссии. Они сыграли важную роль в установлении дипломатических отношений между Россией и этими странами. Кроме того, многие из них получили высокие военные должности в русской армии. Например, Шарлотт был генерал-лейтенантом, а Фнейзенау – генерал-майором. Их опыт и знания были очень ценными для России в то время.

В то же время, присутствие иностранного элемента в российском руководстве было связано и с тем, что многие из них были выходцами из знатных семейств, что давало им преимущество перед российскими коллегами. Многие из них получили высшее образование в европейских университетах, что давало им преимущество перед российскими коллегами. Кроме того, в то время Россия была в состоянии войны с Наполеоном, и многие австрийские и прусские офицеры и дипломаты перешли в русскую службу. Это было выгодно для обеих сторон: для России – потому что эти офицеры и дипломаты имели опыт ведения войны и дипломатии, а для Австрии и Пруссии – потому что они могли получить выгоду от сотрудничества с Россией. Многие из них впоследствии стали выдающимися военными и дипломатами России. Например, Шарлотт и Фнейзенау стали важными фигурами в русской дипломатии. Шарлотт был посланником в Австрии, а Фнейзенау – в Пруссии. Они сыграли важную роль в установлении дипломатических отношений между Россией и этими странами. Кроме того, многие из них получили высокие военные должности в русской армии. Например, Шарлотт был генерал-лейтенантом, а Фнейзенау – генерал-майором. Их опыт и знания были очень ценными для России в то время.

XIX

1812

50.

51

1813—18141

1812

1812

( )

82

1812 .,

53.

I,

« »

8

53

1812 . . . . . :

. . VII. . . . . , 1996. . 41-57.

военный шанс втянуть Австрию (и Пруссию) в союз с Россией заключался в обещании немедленно повести русские армии в наступление, чтобы как-то ограбить германские державы от гнева Наполеона. Русский же монарх обещал австрийцам ровно противоположное, и это лишний раз подтверждает его преданность идее оборонительной войны на истощение⁵⁴.

Лишь рассматривая кампании 1812–1814 гг. в рамках единой русской стратегии, мы получаем возможность оценить здравомыслие, проницательность и целеустремленность Александра и Барклая. Кроме того, появляется возможность уделить внимание важнейшим, но обычно игнорируемым сторонам войны — например, формированию резервных войск. В кампании 1812 года резервы действительно имели ограниченное значение. Но при изучении совместных усилий союзников по разгрому Наполеона и всех событий, которые привели русские войска в Париж, история рекрутских наборов и Резервной армии приобретает колоссальное значение⁵⁵. Генерал Ланжерон писал о «почти чудесном создании огромной резервной армии в Польше, из которой полевая армия постоянно получала подкрепления, восполняя свои потери» рекрутами, «столь хорошо вооруженными, оснащенными и обученными, что их можно было принять за превосходные ветеранские войска»⁵⁶. Ланжерон, несомненно, преувеличивал качество этих рекрутов, но их численность в самом деле была внушительной и на фронт они прибывали, безусловно, куда лучше экипированными и снабженными лошадьми, чем их французские противники⁵⁷.

⁵⁴ Oncken. *Oesterreich*. Vol. 2. P. 85 (despatch of 10 March 1812); Appendices, No 30 (despatch of 13 August 1811). Pp. 611–614.

⁵⁵ По причинам, объясненным в статье, эта сторона войны тоже почти всегда замалчивается. Например, в очень полезном сборнике русских документов о кампании 1813 г. почти ничего не говорится о тыловых резервах и речь идет почти исключительно о военных операциях: Поход русской армии против Наполеона в 1813 г.: освобождение Германии. Сборник документов/Под. ред. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1964. Изучение истории резервных войск начинается с издания: Столетие военного министерства. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Александра I. СПб.: Бережливость, 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отделение 2. Отсюда следует перейти к документам о рекрутских наборах и резервных войсках, встречающимся в издании: *Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. Отечественная война 1812 г. В 21 т.* СПб.: Бережливость, 1900–1914. Однако, в отношении 1813–1814 гг. единственным серьезным источником остается Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): важнейшие фонды — № 125 (Лобанов-Ростовский) и № 1 (Капеллярия Военного министерства), хотя пользу представляет также ряд других фондов — например, важные документы имеются в фонде № 346 (Военно-ученый архив), с которыми я работаю в настоящее время.

⁵⁶ *Memoires de Langeron*. P. 200.

⁵⁷ Обеспечение русской армии лошадьми остается чрезвычайно важной и до сих пор нераскрытой темой. Начать следует с: *Столетие военного министерства 1801–1902:*

Впрочем, кампании 1813–1814 гг. поражают воображение сами по себе, а не только вследствие их значения для оценки событий 1812 года. Если учитывать врожденную отвагу, дисциплинированность и верность своей части⁵⁸, присущие русским солдатам, то нет никаких оснований предполагать, что на чужой земле они сражались менее решительно; наоборот, 1813–1814 годы дают нам множество примеров обратного. Разумеется, в эти два года армия сильно страдала от нехватки ветеранов, которых лишилась в кампанию 1812 года. Впрочем, уже и в армии 1812 года (численность которой резко возросла непосредственно перед началом войны) в процентном отношении было меньше ветеранов, чем в войске, которое Наполеон разгромил при Аустерлице. Русское командование боролось с вредными последствиями разрастания армии и военных потерь, концентрируя ветеранов в гвардейских и гренадерских частях, которые в 1813–1814 гг. в целом проявили себя превосходно⁵⁹. Не отставали от них в этом отношении и ветераны Молдавской армии, которая в 1812 г. понесла намного меньшие потери, чем 1-я и 2-я армии, а затем составила основу корпусов Сакса и Ланжерона в Силезской армии⁶⁰. Однако, на войне ветераны возникают быстро, и некоторые линейные части также отлично зарекомендовали себя — достаточно вспомнить 2-й пехотный корпус Евгения Вюртембергского, который понес огромные потери в Кульмской битве, однако всего несколько недель спустя проявил несвойственную отвагу и стойкость в первый день Лейпцигской битвы. Армейские

Управление генерал-инспектора кавалерии о ремонтировании кавалерии. Исторический очерк. Т. XIII. Кн. 3. СПб.: Вольф, 1906. Следует также обратить внимание на с. 402–403 во втором томе Thierry Lentz. *Nouvelle Histoire*, где Ленц утверждает, что нехватка пригодных лошадей стала одним из важнейших слабых мест для армии Наполеона в 1813 г.

⁵⁸ О последнем факторе см.: W. Fuller. *Strategy and Power in Russia 1600–1914*. New York: Free Press, 1992. Pp. 172–173.

⁵⁹ Разумеется, в первую очередь под Кульмом, но также и при отражении свирепой контратаки Наполеона в Вахау и Гессе в первый день Лейпцигской битвы. Французский артиллерист генерал Ноэль отмечал, что пушки его армии «нанесли ужасающие потери корпусу превосходных русских гренадеров. Они валились на землю целыми шеренгами, но не сдвигались с места»: J. Noel. *With Napoleon's Guns*. London: Greenhill, 2005. P. 181. Множество аналогичных отзывов оставили и другие наблюдатели. Достойные, справедливые и трезвые очерки Ноэля напоминают нам о том, что и французские офицеры были способны воздать должное своим врагам.

⁶⁰ Саксонцы Ренье, столкнувшись с егерскими частями 3-й армии Торماسова, сочли их слабо обученными, но те в большинстве своем были новобранцами: D. Smith. *Napoleon against Russia*. Barnsley: Pen and Sword, 2002. P. 92. Однако затем саксонцам довелось встретиться с «отличными русскими егерями из корпуса Сакса. Они умело маневрировали и не менее точно стреляли, причинив саксонцам большой ущерб благодаря превосходству своих ружей, вдвое превосходивших саксонские по дальности» (Богданович М. История отечественной войны 1812 г. В 3 тт. СПб., 1859. Т. 2. С. 156).

штабы⁶¹ в 1813–1814 гг. также действовали явно более профессионально, чем в 1812 г.; то же самое касается и многих русских командиров. Нередки и примеры очень эффективной координации действий между тремя главными родами войск⁶². В этом нет ничего удивительного: военная подготовка и сама война отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем обучение и практика в других сферах деятельности. На войне главным учителем становится опыт. Вряд ли кто станет спорить с тем, что советская армия в 1943 году восвояла в целом намного лучше, чем в 1941-м.

Само собой разумеется, что политическая и дипломатическая история 1813–1814 гг. менее величественна и куда более неоднозначна, чем военные триумфы, которые привели русскую армию из-под Вильно в Париж⁶³. Более того, всегда находились такие русские, которые осуждали решение Александра перейти Неман и перенести войну в центральную Европу, или те, кто вслед за Кутузовым хотел, чтобы Россия ограничилась вспомогательной ролью в кампании, предоставив ведение войны немцам, а ее финансирование — англичанам⁶⁴. Однако, в реальности Александр принял единственное разумное решение. Пока Наполеон оставался хозяином Германии, никто не мог поручиться за безопасность России. Даже если бы Наполеон был готов уступить Польшу, затраты на борьбу с внутренним сопротивлением поляков перед лицом французской угрозы, нависшей над саксонской границей, могли бы оказаться непомерными. Чтобы надежно обеспечить свою безопасность и сократить армию, России следовало загнать Наполеона обратно за Рейн, а добиться этого можно было только в союзе с Австрией и Пруссией.

Решение преследовать Наполеона и за Рейном, добиваясь его свержения, с точки зрения российских интересов было куда более спорным. Кутузов рассуждал очень здраво, когда говорил сэру Роберту Уилсону, что полное

⁶¹ О штабах см. в первую очередь: Столетие военного министерства 1801–1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отделение 1. С. 169 и далее: «Свита его императорского величества по квартирмейстерской части в царствование императора Александра I».

⁶² Можно сравнить, например, взаимодействие русской тяжелой кавалерии и конной артиллерии при Фер-Шампенуазе с неудачными действиями Мюрата против арьергарда Неверовского в аналогичных обстоятельствах под стенами Смоленска. Отметим также преследование разбитых французов корпусом Ланжерона после Кацбаха — эпизод, обычно замалчиваемый в прусских описаниях.

⁶³ Однако проследить ее гораздо легче благодаря ряду превосходных сборников документов. В первую очередь см.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства Иностранных Дел/Под ред. А. Л. Нарочницкого. 1-я серия. В 7 тт. М.: Издательство политической литературы, 1963.

⁶⁴ См. очень интересный меморандум Толя от 11 января 1813, который наверняка предназначался для Александра I и был составлен по наущению Кутузова: T. von Bernhardt. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Carl Friedrich Grafen von Toll. 2 vols. Leipzig: Wigand, 1856. Vol. 1. S. 377–80.

уничтожение французской державы приведет к глобальному господству Великобритании⁶⁵. Избавившись от врага на западе Европы, Великобритания на весь XIX век развязала себе руки для борьбы с российской экспансией на Балканах и в Азии, причем первые признаки тому проявились еще в 1792 г., когда правительство Питта, убежденное в том, что революция уничтожила Францию как сильную державу, попыталось предотвратить русскую аннексию Очакова. В 1814 году, когда русские армии еще дальше углубились в западную Европу, удаляясь от региона жизненно важных интересов России, внешняя политика Александра порой лишалась осмысленности и, похоже, иногда мотивировалась мелочными личными побуждениями⁶⁶.

Тем не менее, все это — частности. России, несомненно, было бы удобно использовать наполеоновскую Францию в качестве противовеса Великобритании. Точно так же Меттерних в своей политике 1813 года старался превратить Наполеона в силу, сдерживающую Россию, чтобы обе германские державы получили тем временем возможность восстановить свою независимость. Проблема заключалась в том, что ни Австрия, ни Россия не обладали достаточными возможностями, чтобы заставить Францию, а тем более Наполеона играть эту роль. Александр всегда полагал, что любой мир с Наполеоном окажется лишь перемирием. Кроме того, он считал, что России и Европе в первую очередь нужен длительный и прочный мир. В конце концов, поведение Наполеона убедило даже Меттерниха, что русский монарх прав, и что в интересах международной стабильности необходимо свергнуть французского императора. И русские, и англичане в XX веке действительно бы сильно выиграли в том случае, если бы территория Франции простиралась до Рейна, включая в себя Бельгию. Но было бы явной несправедливостью и анахронизмом обвинять политиков наполеоновской эпохи в том, что они не предвидели последствий объединения и индустриализации Германии в течение последующих поколений, когда эта страна вместо Франции превратилась в главную угрозу для европейской стабильности и безопасности. В целом русская внешняя политика в 1812–1815 гг. достойна всяческих похвал. Если, с одной стороны, вторжение 1812 года продемонстрировало, что безопасность России нераспоржимо связана с сохранением европейского баланса сил, то с другой стороны, эти годы представляют собой и вдохновляющий пример того, как крупномасштабная интервенция России в Европу обеспечила мир и стабильность на континенте.

---

⁶⁵ Sir R. Wilson. *The French Invasion of Russia*. Bridgenorth: First Empire Publications, 1996. P. 234.

⁶⁶ Например, настойчивое стремление Александра соблюдать нейтралитет Швейцарии и его глупое поведение во время визита в Лондон весной 1814 г.

Данная статья подводит нас к простому, но важному выводу. Отношение Запада к роли России в наполеоновских войнах окружено невежеством, непониманием и предрассудками. В этой связи весьма желательны привлечь внимание западного читателя к нередко превосходным русским исследованиям недавнего времени. Однако русским исследователям тоже стоит пересмотреть свой подход к ряду аспектов данной темы. Хотя современные исследователи отказались от наихудших элементов ортодоксального советского официоза, простого возвращения к дореволюционным концепциям Михайловского-Данилевского и Толстого недостаточно. Лучшие российские исследования последних лет проводились с полным осознанием этого обстоятельства.

В первую очередь, необходимо отойти от слепой одержимости историей военных операций в 1812 году. Следует, например, уделять должное внимание организационным и мобилизационным мероприятиям. Однако в первую очередь требуется гораздо больше исследований, посвященных 1813–1814 годам. Подобные исследования ни в коем случае не означают пренебрежения поразительных достижений русского народа в 1812 году, храбрости русских солдат и даже дальновидности и харизматичности Михаила Кутузова; они лишь послужат ценным дополнением к этим темам. Русская армия в 1813–1814 гг. проявила не меньшую отвагу и порой куда большее умение; русскому государству и народу не пристало забывать о подвигах и жертвах своих соотечественников, участвовавших в этих кампаниях. Возможно, еще более важно то, что лишь рассматривая события 1812–1814 гг. как единое целое, удастся в достаточной мере оценить проницательность, мастерство и упорство, которые позволили России выстоять против Наполеона и в итоге одержать над ним верх.

*Авторизованный перевод с английского
Николая Эдельмана*

Р. Н. РАХИМОВ

БАШКИРЫ В НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЕВРОПЕ

В начале XIX века Россия приняла участие в нескольких войнах, получивших в истории название наполеоновские. Одним из феноменов этих войн было массовое привлечение в российскую армию представителей нерусских народов: башкир, мишарей, калмыков, крымских татар, кавказских горцев, ногайцев. Башкиры и калмыки представляли мир кочевников Азиатской России¹. Все нерусские народы были организованы в военном отношении как часть иррегулярного войска. Его основу, в это время конную, составляли казаки донские, уральские, оренбургские, черноморские, бугские, украинские. В наполеоновских войнах юго-восток России был представлен уральскими и оренбургскими казаками, Ставропольским калмыцким и Башкиро-мищеряцким войсками. Последнее выставило наибольшее количество конных пятисотенных полков — 20 башкирских и 2 мищеряцких (мишарских). Таким образом, после донских казаков башкиры были самым массовым явлением в иррегулярной кавалерии русской армии. То, что русская кавалерия состояла из двух частей — регулярной и иррегулярной — для современников не было удивительным. С казаками европейцы виделись в массовом порядке в последний раз во время Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова. А башкир и калмыков в последний раз европейцы видели в немецких землях лишь во времена Фридриха Великого, т. е. в Семилетнюю войну.

Участие кочевников в русской армии не прошло незамеченным для современников. Сохранилось значительное количество описаний башкир,

---

¹ Азиатская Россия в данном случае название условное, так как ногайцы, горцы Кавказа, крымские татары жили в географическом отношении в Европе, а башкиры и калмыки в ее большей части.

сделанных французскими офицерами, о них пишет в своих записках англичанин Р. Вильсон. Башкиры изображены на многочисленных рисунках и гравюрах немецкого художника Шадова, французских Бассе, Бержера, Мартинс, Дамам-Демартрэ, английского Кер-Портера.

Если попытаться систематизировать представления и впечатления о башкирах европейцев то мы заметим, что они легко группируются по четырём темам: военная необходимость участия кочевников в войне и их боевые качества; экзотическая одежда и вооружение; отношение к местным жителям, и наоборот; проблема трофеев иррегулярной кавалерии.

Для всех участников наполеоновских войн присутствие калмыков, башкир и мишарей в русской армии с точки зрения военной было несущим. Перед началом войны один из представителей русского командования в переписке указывал, что: «... большей пользы от войска сего рода ожидать не можно»². Это присутствие не современного войска отмечал в 1813 году французский генерал М. Марбо: «Я никогда не мог понять, с какой целью русское правительство привело из такой дали, ценой огромных расходов большие массы необученных всадников, не имевших ни сабель, ни пик и никакого огнестрельного оружия. Поэтому они не могли сопротивляться регулярным войскам и годились только на то, чтобы истощать местность и вызывать лишения и голод среди регулярных корпусов своей же армии. Наши солдат совсем не устрасил вид этих полудиких азиатов, мы называли их Амурами, потому что и у тех были луки и стрелы»³.

Эта проблема стала предметом рассуждений Д. В. Давыдова в его описании заключительных эпизодов военных действий 1807 года.

«В этот день, как будто для развлечения нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислouxих шапках,

² Отечественная война 1812 г. Материалы вуа. Т. X. СПб., 1910. С. 220.

³ Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 660. Мемуары барона Жака-Батиста-Антуана-Марселена де Марбо (1782–1854) были впервые опубликованы в 1891 году. Сразу после выхода они стали одним из любимых изданий, которым зачитывались многие читатели конца XIX века. Мемуары были переизданы во Франции, Великобритании, США и других странах. В России публиковались лишь отдельные отрывки из них: Соколов Д. Башкирское войско в походе русских против Наполеона. Из мемуаров французского генерала Марбо//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. III. Оренбург, 1897. Впервые полный текст мемуаров Марбо на русском языке опубликован в 2005 году издательством «Эксмо» (руководитель проекта А. Ефремов, перевод Г. П. Мирошниченко, Н. А. Егорова, А. В. Яглова выполнен в 2004 году). Сравнению качества перевода и его полноты в части касающейся башкир посвящена публикация автора настоящей статьи: Рахимов Р. Н. Башкиры в 1813 году в мемуарах Марселена де Марбо//Modern history: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Вып. V. Уфа, 2005. С. 130–135.

в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников присланы были в арьсберггард, — как нас увсряли тогда, — с намерением послать в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его. Но то ли было время, чтобы морочить людей фантазмагориями, — еще менее такого положительного человека, каков был Наполеон? Не народы нежестественные и дикие, а триста тысяч резервного, регулярно войска, стоящего на границе с примкнутыми штыками и под начальством полководца, знающего свое дело, предприимчивого и решительного, — вот что тогда могло утратить Наполеона. Я не спорю, что при вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей, восторжествовавшей уже несколько раз над войсками этого государства, — я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, их наружность, их обычаи, их необузданность, приводя на память гуннов и Аггилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии. Но после поражения под Фридландом, но при отступлении к Неману, когда и самая наша пехота, артиллерия и конница с трудом уже преграждали сокрушительный победоносный ход наполеоновских громад к границам России, открытой и не готовой на отпор вторжения, — как можно было охмелять себя несбыточными надеждами! Как было уверять себя в успехе, противопоставляя оружие XV столетия оружию XIX-го и метателям ядер, гранат, картечи и пуль — метателей заостренных железом палочек, хотя бы число их доходило до невероятия! Французы прозвали их северными купидонами (*les amours du nord*).

Как бы то ни было, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом, — достойное приветствие воинственной красотой — безобразия, просвещением — невежества»⁴.

В начальный период Отечественной войны 1812 года башкирские полки принимали участие вместе с казаками в арьсберггардных боях русской армии. В армии находились два башкирских (1-й и 2-й), Ставропольский калмыцкий полки, сформированные и направленные к западной границе в 1811 году⁵. В некоторых случаях башкиры использовались командованием как вспомогательные части. Так по распоряжению М. И. Платова во время отступления русской армии до Смоленска, они возили ранцы, шанцевый инст-

⁴ Давыдов Д. В. Тильзит в 1807 году // Сочинения в трех томах. СПб., 1893. Т. 1. С. 294–296.

⁵ Ставропольские калмыки — крещенные калмыки, жившие с XVIII века в Поволжье в окрестностях Ставрополя-на-Волге (ныне город Тольятти). Они составляли особое иррегулярное войско.

румент и ослабших егерей 1-го Егерского полка⁶. Часть башкир находилась в качестве охраны некоторых лиц в русской армии. Например, башкиры составляли конвой английского генерала и представителя, при Александре I, сэра Роберта Томаса Вильсона⁷. Башкирские полки приняли участие в боях при Мире, Валутиной горе. В Бородинском сражении принял участие 1-й полк, находившийся с другими казачьими частями в районе Масловских укреплений. Основной причиной неэффективного использования башкир и калмыков было их слабое вооружение, незнание русского языка, иная тактика боевых действий, на которую влиял характер вооружения и присмы, выработанные в ходе многочисленных столкновений с казаками (степными кочевниками).

Высокие качества башкир как иррегулярной кавалерии обнаружались в ходе «малой войны» осенью 1812 года. Башкиры успешно действовали в партизанских отрядах И. Е. Ефремова, Н. Д. Кудашева, А. Н. Сеславина. В течение лета 1812 года были сформированы еще 18 башкирских полков, которые были направлены в армию. В каждом полку в качестве командующего имелся офицер русской армии. В некоторых полках на должности адъютанта или писаря были оренбургские казаки. Так в 4-м Башкирском полку адъютантом был сотник Оренбургского казачьего войска А. И. Алабужнин⁸. Сформированные полки приняли участие в преследовании отступающей французской армии, часть из них находилась на Украине, прикрывая южное направление. Присутствие башкир в авангарде русской армии было столь обиденным явлением для современников, что на переднем плане огромного полотна, находящегося в Зимнем дворце в галерее 1812 года «Переход французской армии через Березину в 1812 г.», написанного П. Хессом, изображен конный башкир, протыкающий своей пикой карты наполеоновских завоеваний. Известно, что П. Хесс был весьма щепетильный художник-баталист, а его работы отличает высокая степень достоверности.

В 1813–1814 году башкирские полки участвовали в Заграничном походе русской армии. Насколько активной была их деятельность можно судить по текущей документации Польской армии союзников. Это «Журнал военных действий Польской армии под начальством генерала от кавалерии графа Бенningсена. От выступления из Варшавы до окончания военных действий. 1813–1814 год» и «Квартирные расписания диспозиции и маршруты Польской

⁶ Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года//1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Гое. ист. музея. М., 1991. С. 177.

⁷ Вильсон Роберт Томас. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 207.

⁸ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Уфа. (ЦГИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 632. Л. 6.

армии в 1813 году и маршруты следования разных команд. 1813–1814 год»⁹. «Журнал», а также «Расписания...», имсующие «Замечания», дают характеристику боевой деятельности российской армии, позволяют изучить ее состав, замысел командования, а также характер использования иррегулярной кавалерии в боевых действиях августа–сентября 1813 года.

Согласно «Расписанию» на 20 августа 1813 года армия имела Главную квартиру в городе Калиш. В составе «Корпуса правого фланга» генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова находились 13-й Башкирский в местечке Ратцен и 2-й Мещерякский в деревне Гросс-Остен. Ожидалось прибытие в местечко Равич 4-го Башкирского полка. В составе «Корпуса левого фланга» под командованием генерал-майора Н. С. Муромцева (в 1812 году – начальник Пензенского и Саратовского ополчений) находились 12-й Башкирский в селе Шкирадов и 5-й Уральский в деревнях Остог и Едиора, прибывшие 18 августа. В корпусе генерал-майора Н. Ф. Титова (в 1812 году – корпусной начальник ополчений 3-го округа) – 9-й Башкирский (деревня Богдай), который прибыл 11 августа; 11-й Башкирский (деревни Богдай, Млиники, Чарки); 14-й Башкирский (деревни Чернилак, Скларна); 15-й Башкирский (деревни Грановице, Боников) – последние прибыли 12 августа. В составе Костромского ополчения под командованием генерал-лейтенанта П. Г. Бардакова вошли с 28 августа Костромской конный и 8-й Башкирский полки, находившиеся в селах Олабон, Рассочице. В конце августа к армии присоединился 16-й Башкирский полк, прибывший 31 числа в Бреславль. Таким образом, в составе Польской армии находились: один мишарский и восемь (8-й, 9-й, 11–16-й; 4-й полк не прибыл из Большой армии) башкирских полков.

«Замечания к расписанию...» отмечают, что: «5-й Уральский полк содержит сильные бикеты у самой р. Одера против моста Кюбен и д. Цихен, а 12-й Башкирский против д. Белш и Кароу на самой р. Одер. Оба полка посылают сильные партии буде обстоятельства позволят и по той стороне р. Одера, дабы иметь связь с Прусскими войсками содержащими блокаду при крепости Гросс Глогау»¹⁰. Также самое поручалось 9-му, 11-му, 14-му, 15-му Башкирским полкам, Пензенскому и Симбирскому конным полкам ополчения.

Из «Журнала» видно, что 15 августа к крепости Глогау было направлено Костромского ополчения, под командованием П. Г. Бардакова (В «Журнале» назван Бардаковским). Оно должно было наблюдать за гарнизоном на правом берегу реки Одер. К нему были прикомандированы 13-й Башкирский, 2-й Мещерякский, 3-й Оренбургский казачий полки и рота артиллерии. В ночь на 22 августа гарнизон крепости сделал вылазку на правый берег реки Одер отрядом из 1500 человек. Однако, благодаря расторопности оренбург-

⁹ Российский государственный военно-исторический архив. Москва. (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 3416; Д. 3401.

¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3401. Л. 15.

ских казаков под командованием майора Бслякова, эта вылазка была отбита, а французы потеряли 25 человек убитыми, трос взятыми в плен¹¹.

30 августа в наступление пошли авангард и «Корпус правого фланга», 1 сентября выступила Главная квартира армии. Костромское ополчение, башкиры, мишари, остались блокировать крепость Глогау, под командованием генерал-лейтенанта барона И. К. Розена, сменив части регулярной армии, направленные в Бунцлау. 7 сентября к блокаде присоединились 8-й, 12-й, 16-й Башкирские полки, Пензенское ополчение. Генерал-лейтенанту графу П. А. Толстому предписано следовать в Богемию «с теми только ополчениями и иррегулярной кавалерией, которые он... по сему предмету способны признали...»¹². В Богемию выступили семь казачьих, четыре башкирских полка, регулярная пехота, кавалерия, артиллерия. В составе этих войск были 1-й, 5-й Уральские, 3-й Оренбургский казачьи полки и 9-й, 11-й, 14-й, 15-й Башкирские полки, находившиеся в авангарде. «Журнал» сообщает о боевых столкновениях частей авангарда с французской армией при Штансдорфе, Селтнице, Бемишлейте – 17 сентября. Эти же полки «содержали главные посты при Алт-Биле, Еймс, Дейти-Кан, Шперберге, Кенигсвальде, остальная часть авангарда расположена при Гарднице и Аусигс»¹³.

21 сентября было получено повеление Александра I, командировать в Главную армию для усиления артиллерийскую роту № 2, 11-й Башкирский и 3-й Оренбургский казачий полки. Таким образом, с 21 сентября у графа П. А. Толстого остались 9-й, 14-й, 15-й Башкирские, и шесть казачьих полков. Корпус перешел в Теплиц и с 25 сентября по 30 октября блокировал Дрезден.

Оставшиеся три башкирских полка вошли в состав отряда генерал-майора барона К. А. Крейца, шефа Сибирского уланского полка. 4 октября этот отряд вел бои за Вурцен, для пресечения коммуникаций между Дрезденом, Мейсеном и Лейпцигом. Бои шли в городе, где улицы были забаррикадированы французским гарнизоном, но, несмотря на упорную оборону, противник был из него выбит. 5 октября отряд присоединился к авангарду. 9 октября отряд штурмом взял город Вейсенфельс, а 11 октября вместе с авангардом графа П. П. Палена настиг французский арьергард и взял деревню Буттельштадт. Затем началось преследование отступающей французской армии до Эрфурта.

Такое использование иррегулярной кавалерии было эффективно и способствовало общему успеху союзных армий осенью 1813 года в Германии.

В дальнейшем, башкиры участвовали в сражении под Дрезденом, битве при Лейпциге, затем преследовали отступающего противника. 1-й полк освобождал Голландию, находясь в отряде А. Х. Бенкендорфа, в 1814 году

¹¹ Там же. С. 341б. А. 7–9об.

¹² Там же. С. 13об.

¹³ Там же. С. 18.

свой боевой путь завершил в Париже. На 28 марта 1814 года в нем насчитывалось 7 штаб, 7 обер-офицеров, 115 нижних чинов¹⁴. Походный старшина Асылгузя Бакиров из 4-го полка, за отличие в сражении при Дрездене был награжден орденом Св. Анны 3-й степени¹⁵. 9-й полк участвовал в Лейпцигском сражении, а затем находился в блокаде Гамбурга. За отличие при Лейпциге его есаул Кутлугильды Ишимгулов, сотник Аккусюк Тимсрбаев награждены орденами Св. Анны 3-й степени¹⁶. Во время блокады Гамбурга в полку был 1 обер-офицер, 8 пятидесятников, 124 нижних чина¹⁷. 18–20-й полки находились в 1813–1814 году в резервной Польской армии, где содержали почту, сопровождали пленных, охраняли транспорты направлявшиеся в войска.

Вооружение башкир в эпоху наполеоновских войн представляло собой своеобразную смесь оружия средневековья и нового времени. Основным видом оружия у них были лук со стрелами и пика. Лишь небольшое число воинов имели сабли и единицы – огнестрельное оружие. На преобладание лука со стрелами в качестве вооружения указывают в своих записках и мемуарах – Д. В. Давыдов, Р. Вильсон, М. Марбо, Комб.

Так, в «Описании последних дней пребывания русских в Вильне, занятии ее французами и празднования по случаю провозглашения Варшавской конфедерации», опубликованном в «Литовском курьере» № 53 за 1812 год, описано экзотическое оружие кочевников: «еще в апреле месяце пришли орды калмыков и башкир, вооруженных луками»¹⁸. Комб сообщая о событиях 5, 6 сентября 1812 года упоминает следующую деталь: «русская армия... прикрывала свое отступление частой цепью стрелков, составленной из казаков, калмыков и башкир. Последние были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили несколько из наших стрелков. Шея лошади капитана Деспну, из моего полка, была пронзена под гривой одной из этих стрел, имевших, приблизительно, четыре фута в длину»¹⁹.

Генерал М. Марбо, говоря о вооружении башкир под Лейпцигом в 1813 году, пишет, что видел «башкир, вооруженных одними луками и стрел-

¹⁴ Там же. Д. 4137. Л. 456.

¹⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 531. Л. 7–8.

¹⁶ «Любезные вы мои...»/Сост. А.З. Асфандияров. Уфа, 1992. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 438.

¹⁸ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные, по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича. Под ред. К. Воевоцкого. Т. 1//Сборник русского исторического общества. Т. 128. СПб., 1909. С. 257.

¹⁹ Французы в России, 1812г. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М., 1912. С. 144.

лами»²⁰. Он также описал способ ведения ими стрельбы из лука. «... Башкирские всадники не могли стрелять горизонтально, не убивая и не рая своих же товарищей, скакавших перед ними. Поэтому башкиры пускали свои стрелы по дуге в воздух, и стрелы при этом описывали большую или меньшую кривую, в зависимости от того, насколько удаленным от себя лучники считали врага. Однако такой способ пускать стрелы во время боя не позволяет точно прицелиться, поэтому 9/10 стрел падают впустую, а то небольшое количество, какое достигает противника, при подъеме уже теряет почти всю силу, что сообщает стреле тетива лука. Поэтому, когда стрела попадает в цель, она имеет лишь силу собственного веса, а он совсем не велик, из-за этого стрелы обычно наносили только очень легкие ранения. И наконец, поскольку у башкир не было никакого другого оружия, они были самой неопасной воинской частью, какая только существует в мире.

Тем не менее они налетали на нас массами, и поскольку чем больше они убивают, тем больше прилетает новых, то некоторое количество стрел, выпущенных в воздух, все же наносило кое-какие тяжелые ранения. Так, один из самых смелых моих унтер-офицеров по фамилии Меслен был пронзен стрелой насквозь. Стрела вошла в грудь и вышла из спины! Бесстрашный Меслен схватил эту стрелу двумя руками, сломал ее и сам вырвал оба обломка стрелы из своего тела. Однако это не могло его спасти: он скончался через несколько мгновений. Мне кажется, это был единственный пример смерти от стрелы, пущенной башкиром. Однако среди моих людей и лошадей многие все же слегка пострадали, и даже сам я был неопасно ранен этим смехотворным оружием»²¹. Внешняя несерьезность такого простого оружия, должна была внушать представление о скрытой угрозе таящейся в нем. Это видно на примере обращения с башкирским луком и стрелами Гете. Гете, которому башкиры в 1814 году подарили их, долгие годы хранил это оружие, иногда стреляя ради развлечения в саду. Он считал, что стрелы могли быть отравлены²².

Детальное описание вооружения башкир дает Жан-Батист Бретон: «Башкирские воины вооружены длинной пикой, украшенной флажком, по которому они определяют офицера, саблей, луком и колчаном с двадцатью стрелами. Луки у них небольшие, имеют типичную азиатскую форму и, как правило грубо выделаны. На кончиках стрел мало перьев. Однако стреляют они отменно, с удивительной меткостью»²³. Н. Казанцев, современник XIX века описывает вооружение башкир как следующее: «из пары пистоле-

²⁰ Марбо М. Указ. соч. С. 660.

²¹ Марбо М. Указ. соч. С. 674.

²² Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986. С. 490.

²³ Воины Российской империи. Комплект открыток. Иллюстрации к книге Жан-Батиста Бретона «Россия, или нравы, обычаи и костюмы жителей всех провинций этой империи». Т. I—VI. Париж, 1813. М., 1992.

тов, ружья, пики, сабли, лука, колчана со стрелами, которыми башкирцы мастерски стреляют на большое пространство в цель и с такою силою, что стрела в 15 сажнях может проткнуть насквозь не только человека, но даже и лошадь. Некоторые из башкирцев в действиях с неприятелем надевают латы, называемые кольчугами, они делаются их проволочных колец»²⁴.

Почему башкиры имели столь архаичное вооружение? Ответ на этот вопрос надо искать в мероприятиях правительства по подавлению башкирского восстания 30-х годов XVIII века, в частности указе от 11 февраля 1736 года запрещавшем башкирам иметь огнестрельное оружие²⁵. Также запрещалось иметь кузнецов и кузниц за исключением городов, запрещалась перевозка и продажа из других уездов ружей, пороха, свинца. Этот указ, по сути, законсервировал процесс модернизации вооружения башкир и сохранил оружие средневековья для XVIII и XIX века.

Лишь с введением кантонной системы управления в 1798 году башкирам было разрешено иметь кузницы в кантонах, и соответственно огнестрельное оружие. Но такого короткого временного промежутка было явно недостаточно для массового вооружения огнестрельным оружием.

Кроме экзотического вооружения интерес вызывала одежда. Так М. Марбо замечает: «Эти татары и башкиры выглядели как китайцы и были одеты в очень странные костюмы»²⁶. Описания башкир, сделанные французами внешне похожи. Для них башкиры – это дикари, уродливые люди. Комб: Мы убили нескольких башкир, и я никогда не видел более безобразной расы людей»²⁷. М. Марбо: «Однако эти вновь прибывшие (башкиры), еще незнакомые с французами, были подстрекаемы своими командирами, почти столь же невежественными, как и они сами, что мы обратимся в бегство при их приближении. Им не терпелось войти с нами в соприкосновение, и с самого первого дня прибытия на позиции перед нашими войсками они устремились на наших солдат бесчисленными толпами, однако везде были встречены ружейным огнем. Эти омерзительные уродливые дикари, естественно, мгновенно обратились в бегство и оставили на поле битвы большое количество убитых.... В мгновение ока эти мерзкие варвары с громкими криками окружили наши эскадроны и забросали их стрелами...»²⁸.

Имела определенное значение и пропаганда, проводимая среди мирного населения Франции по отношению к казакам и башкирам в 1814 году Наполеоном. Об этом свидетельствуют записки адмирала А. С. Шишкова, нахо-

²⁴ Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 19–20.

²⁵ ИСЗ-1. Т. IX. № 6890.

²⁶ Марбо М. Указ. соч. С. 661.

²⁷ Французы в России, 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М., 1912. С. 144.

²⁸ Марбо М. Указ. соч. С. 661.

дившегося в свите императора Александра I и знакомого с французскими газетами того времени. «Между тем, Наполсон... распускал, сказывают... глупые и смешные лжи. Об нас, русских, разглашал он, что мы варвары, дышущие злобой и мщенем; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых ребят, что мы не имеем ни малейшего уважения к женскому полу, и что если придем в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью, и произведем в отечестве их варварскую породу людей.

... Выходцы из Франции уверяют, что француженки не очень баснями их напуганы, и что напротив многие из них любопытствуют увидеть их варваров, и почитают не великою бедою, есть ли чрез несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башкирцы... Прочитал я во французских ведомостях следующую небылицу: «что в каждый дом ставят по сороку и по пятидесяти казаков и башкирцов, которым всякой день надобно давать по целой бочке водки и вина!» неслепая ложь размесшила меня...»²⁹.

После взятия Парижа казаки и башкиры были расположены биваками на Елисейских полях и в Булонском лесу. Контакты между ними и жителями города продолжились и здесь, причем они носили исключительно миролюбивый характер, если не считать сестований французских садовников, на то, что казаки ухитрились выловить всех ручных декоративных карпов из дворцовых прудов для своего пропитания³⁰.

До Франции слухи такого же содержания распускались Наполсоном и в 1813 году в Германии. Для немцев башкиры представлялись как нечто необычное, ужасное – ожидание, которого было невыносимо. Последующая встреча с башкирами приносила вместе с вздохом облегчения привкус некоторого разочарования. Так, в своем письме Доре Гензлер Б.-Г. Нибур упомянул как о важном событии факт появления в марте 1813 года в Берлине калмык и башкир: «Для детей началась прекрасная пора; казаки балагурят с ними и возят их верхом на лошадях. Прибыли также калмыки и башкиры, однако их осталось здесь немного. Сами казаки показывают их как необыкновенное зрелище»³¹.

Ранее не публиковавшиеся заметки Гусселя «Первые русские в Лейпциге», относящиеся к марту 1813 года, также посвящены как казакам, так калмыкам и башкирам³². «Все сгорали от желания увидеть пользовавшихся

²⁹ Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государя императора Александре Первом в бытность с французами в 1812 и последующих годах войны. СПб., 1831. С. 223–224. С. 249.

³⁰ Безотосный В. М. Указ. соч. С. 115.

³¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813г. и освобождение Германии. М., 1964. С. 91. Док. № 89.

³² Hussell. Die ersten russen in Leipzig//Kampf um freiheit. Dokumente zur zeit der nationalen erhebung. 1789–1815./Herausgegeben von Friedrich Donath und Walter

дурной славой и внушавших страх казаков, которые по описаниям французов едва ли имели человеческий облик, и, поднявшись на башни, искали невооруженным и вооруженным глазом скачущих всадников... Здесь присутствовали воины народов, никогда более не вступавших на европейскую землю, в чужих, невиданных доселе национальных одеждах и вооружении и с совершенно новыми для нас нравами и обычаями»³³. Описав необычность прибывших казаков и калмык, автор обратил особое внимание на башкир. «Наибольшее волнение у всех вызвали башкиры, о которых можно было услышать самые невероятные вещи и которые по слухам имели только один глаз на лбу, длинные морды и огромные клыки вместо зубов. Простолюдины принимали за чистую монету сказки о том, что в самой России они передвигались не иначе как закованными в цепи и под сильной охраной, чтобы они не могли похищать на улице детей, возбуждавших в них плотоядные желания, и съедать их целиком, без остатка. Было совершенно точно известно, что в России все дома запирались, когда мимо проходила такая колонна... Многие действительно, не без ужаса восприняли известие о том, что завтра придут башкиры. Тем не менее весь город сбегался, чтобы посмотреть на этих странных существ...

Каково же было удивление, когда увидели правильные черты лица и совершенно пропорциональное телосложение. На многих физиономиях, имевших большое сходство с китайцами, можно было видеть выражение добродушия... Если не считать лука и стрел, смотреть, собственно говоря, было не на что. Выглядят они совершенно так же, как нерегулярные казаки, за исключением их головного убора, высокой шапки в форме сахарной головы, отороченной толстым меховым валиком, который можно было развернуть вниз и тогда он доставал им до плеч. Они просхали через город так спокойно и естественно, словно не заметили вокруг себя ничего нового. Они редко останавливаются на квартирах, а устраиваются чаще всего на биваках. Вскоре мы с ними познакомились и дети вертелись среди них, но ни один из них за это время не пропал»³⁴.

Несомненно, основным побудительным мотивом, способствовавшим участию башкир в военных походах Российской армии, был патриотизм. Но кроме патриотического настроения имели место и другие представления о войне. С одной стороны, для башкир было ясно, что чем чаще и лучше они будут исполнять воинскую службу, тем дольше государство будет сохранять вотчинное право башкир на земли, защищать их интересы, давать все-

---

Markov. S. 323–331. Выражаю глубокую благодарность Achim Gramsch за любезно предоставленные материалы, и Р. С. Мурясовой за перевод с немецкого языка.

³³ Ibid. P. 323, 325.

³⁴ Hussell. Die ersten russen in Leipzig... S. 331.

возможные льготы, как это было видно на примере казаков³⁵. Поэтому башкиры были заинтересованы в военной службе в составе российской армии. С другой стороны, одним из такого рода побудительных мотивов была возможность получения либо сэкономленных фуражных и иных денег, либо добыча трофеев в бою³⁶. Под ними понимались обозы, личные вещи солдат противника и т. д. С момента создания Петром I регулярной армии, она жила по воинским уставам запрещавшим грабить мирных жителей, взятых в плен противников. Однако такое правило отнюдь не распространялось на казаков, башкир, калмыков, татар, т. е. на иррегулярное войско. Понятно, что трофеи были важным элементом военной службы казаков, отменить его государство смогло лишь в николаевскую эпоху. Эта своеобразная традиция, сложившаяся в ранние годы истории казачества, в виде «походов за зипунами» предполагала именно такой исход любого успешного военного предприятия. Не были в стороне от этого, разумеется, и башкиры. Вполне понимаемая практика захвата трофеев казаками в XVII – первой половине XVIII века, для начала XIX века была уже забыта Европой. Вот почему для многих немцев и французов, казаки, башкиры представлялись некоей ордой, напоминающей гуннов, монголов, наводящей ужас своим возможным появлением.

Неспокойность соседства с казаками и башкирами отметил «Литовский курьер»: «мы находимся в полной безопасности от нападений, производившихся казаками и башкирами, стоявшими по берегу Буга»³⁷. Разумеется, в данном высказывании имеется определенная доля преувеличения, однако, упоминаются почему-то в нем исключительно представители иррегулярного войска, и нет никаких сведений о солдатах русской армии, находящейся рядом. После Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода 1813–1814 года многие башкиры вернулись на родину с привезенными с собой в качестве трофея мундирами французской армии. Уже цитируемый нами Н. Казанцев приводит два таких примера: «один чиновник, проезжая Башкирией видит, что на козлы его экипажа забрался в шитом золотом французском мундире, узких панталонах, больших турсучьих сапогах и в остроконечной шапке башкирец...», в другом случае, команду башкир возглавлял чиновник: «на нем была гусарская куртка, наследие французского офице-

³⁵ Условиями добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству было сохранение вотчинного права башкир на землю, ислама, собственного самоуправления. За это башкиры должны были платить ясак, впоследствии замененный пограничной службой на Оренбургской линии, и участвовать в походах русской армии.

³⁶ Об этом одним из первых достаточно подробно написал В. М. Безотосный: Безотосный В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999. С. 110.

³⁷ Сборник РИО. Т. 128. С. 312. Литовский курьер. № 74. 21 августа 1812 года.

ра в память 1812 года, казачьи шаровары, а на бритой голове башкирского покроя шапка»³⁸.

Трофейная эпопея иррегулярного войска была понята несколько буквально некоторыми современными исследователями наполеоновских войн. Так, Чарльз Исдейл считает: «Что же касается татар и им подобных, то они в действительности были племенными насмниками, не имевшими никакого чувства солидарности с Россией»³⁹. На самом деле основной причиной участия башкир в войне был, разумеется, патриотизм. О том, что Отечественная война 1812 года башкирами воспринималась в целом как патриотическая, а не очередной поход с целью получения трофеев, говорят следующие факты, которые, кстати, характеризуют и религиозные представления башкир.

По свидетельству генерала Н. М. Бороздина в 1812 году, он часто видел в походе башкира, который приносил ему отбитое церковное серебро у французов, хотя по обычаю оно уже являлось его собственностью. Далее следовал следующий диалог: «Вот батька, серебра, прикажи взять. — Как взять? Да оно твое, ты его отбил. — Да, батька, отбил, но он твой мечеть. — Что же ты его и возьми, оно тебе теперь принадлежит. — Нет батька, Магомет убьет. Вот, видишь, собака француз умирает (показывает тут же на дороге лежащего и умирающего француза), видишь, батька, он умирает за то, что мечеть ваш ограбил!»⁴⁰ Сам автор заключает этот диалог следующим высказыванием: «Какая противоположность просвещенного и невежественного народа»⁴¹.

Другой пример — много раз цитируемый «Перевод письма с башкирского языка к графу Матвею Ивановичу Платову, от 1 Башкирского полка старшины Кутлугельды Темировича» датированный 8 сентября 1813 года⁴². В нем башкиры просят принять тысячу рублей ассигнациями на восстановление Донского монастыря в Москве. «При всем нашем рвении не могли унять их святотатств; допустили до Москвы, где ограблены древние чудотворные храмы божиин, в чем считаем себя не менее виноватыми, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить святыню — само провидение наказало извергов за их безчестный и безбожный поступок против святой церкви...»⁴³ О патриотизме башкир, направлявшихся на войну с Наполеоном, говорят и тексты песен, созданных в то время: «Французская», «Ирмель»,

³⁸ Казанцев Н. Указ. соч. С. 58.

³⁹ Исдейл Ч. Д. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 382.

⁴⁰ Оленин А. Н. Рассказы из истории 1812 года // Русский архив. 1868. М., 1869. С. 1995.

⁴¹ Там же.

⁴² Русский вестник на 1814 г. Кн. 9. С. 64–66. Опубликовано в качестве приложения к своей работе А. Н. Усмановым и А. З. Асфандияровым в сборнике «Любезные вы мои...».

⁴³ Там же. С. 65–66.

«Батыр егет», «Вторая армия», «Ахмет-баик». Кроме того, башкиры добровольно собрали и подарили государству более 500 тысяч рублей, 4139 лошадей, которых сопровождали 1062 башкира и 384 оренбургских казака⁴⁴.

Трофейная эпопея сыграла свою роль в сознании европейцев. Отголоском ее можно считать следующий фрагмент текста немецкой революционной листовки, датированной мартом 1848 года, выпущенной в Берлине.

«Русские уже здесь! Смерть русским!

Помните ли вы со времен освободительных войн наших друзей? Спросите своих отцов, дядей, тетюшек, бабушек и дедушек, как великомерно эти наши друзья умели воровать и грабить, мародерствовать и угонять. Помните ли вы еще казаков на низких лошадях с высокими седлами, увешанных котелками, чайниками, сковородками, утварью из серебра и золота? Всюду, где они побывали, они оставляли за собой разрушение, вонь и насекомых. И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т. д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рожденную свободу, нашу культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности»⁴⁵.

Таким образом, прививка «азиатской угрозы», сделанная Александром I для наполеоновской Европы, действовала довольно долгое время.

С другой стороны, в памяти европейцев кочевники юго-востока России остались и в качестве интересного этнографического феномена, символа Востока, его иной культуры.

Подводя итог краткому анализу первого массового контакта культур Европы и Азии, проходившему на фоне Большой Европейской войны начала XIX века, отметим как характерное явление его крайнюю миролюбивость и взаимный интерес, разумеется, за исключением боевых действий.

Если попытаться систематизировать случаи контактов, то схема их примерно такова. Вначале армию опережают страшные слухи о движущейся орде азиат, обязательно насильников и пожирателей детей, уродливых, похожих на диких зверей. Затем происходит факт встречи, с одной стороны развевающий слухи, с другой разочаровывающий — пришедшие кочевники такие же люди, отличающиеся лишь экзотической одеждой и средневековым вооружением. В сознании европейцев доминируют два вопроса: «И этих, слабо вооруженных людей на маленьких лошадях мы боялись? И это

⁴⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Л. 3450; Рахимов Р. Н. Патриотический подарок 1812 г.: Башкирские лошади в российской армии // Археография Южного Урала. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2002. С. 170–173.

⁴⁵ Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция. Каталог. Берлин, 1992. С. 12. Текст № 1.

они, в том числе, разбили непобедимого Наполеона?» Далее, после того как армия уходила, оказывалось, что казаки, калмыки, башкиры не только имеют архаичное вооружение, но и представления о правилах войны у них несколько иные, не европейские. Как неизбежность такого рода контактов: «потеря» некоторых вещей, весьма вольное отношение к имуществу военнопленных со стороны представителей иррегулярной кавалерии.

В сознании европейцев укреплялся тезис: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, с русскими лучше не воевать».

У башкир контакт с европейской культурой в эпоху наполеоновских войн практически не отложился в общественном сознании. Последние куплеты из песни «Любизар» сочиненной во время похода в 1812–1814 году в 1-м Башкирском полку отмечают Париж лишь как одну из победных вех в боевых буднях, но в них звучит сочувственное отношение к поверженному противнику, что характерно для культуры кочевников¹⁶:

И в Москве бывали мы,
И Париж видали мы,
И захватчика-француза
Хорошо бивали мы.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.
Улицы бульжные
У французов — здорово!
Эх, навоевал француз
На свою же голову.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

Интересен рассказ башкира Джантюри, записанный В. Зефировым во время его поездок по Башкирии в 40-е годы XIX века¹⁷. В нем, Джантюря, быв-

¹⁶ Песня сочинялась в течение похода 1812–1814 годов. В качестве припева используются подлинные слова М. И. Кутузова, башкиры произносили его фамилию как Кутдус, сказанные им осенью 1812 года одному из полковых есаулов прибывшему с донесением от Н. Д. Кудашева о партизанских действиях. Прочитав его, М. И. Кутузов сказал есаулу: «Любезные вы мои башкирцы! Хорошо деретесь, молодцы!» Вернувшись в полк, последний рассказал башкирам, что видел самого Кутузова. Все стали спрашивать, что Кутдус сказал о башкирах. Есаул передал его слова, которые довольные башкиры решили запомнить. Затем, видоизменив произносимое ими слово «любезные» на свой лад как «любезинький — любезники — любизар» стали петь в качестве припева фразу «любезники, любизар, маладис, маладис» сохранив, таким образом, подлинные слова М. И. Кутузова в песне.

¹⁷ Зефиров В. Рассказы башкирца Джантюри // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа, 1989. С. 408–411. Впервые опубликовано под названием: «Рассказы башкирца Джантюри. (Из воспоминаний о войне с французами)», в газете Оренбургские губернские ведомости, Уфа, 1847. № 47. С. 669–671.

ший в походе вместе со своей женой, вспоминает эпизоды кампании 1813–1814 года. Из них только два связаны с личностью рассказчика. Один рассказ о нападении на пикет (состоящий из 50 башкир) 20 французских кирасир, закончившийся победой последних, причем у башкир половина была убита, половина попала в плен, а кирасиры потеряли всего восемь человек. Жена Джантюри ускакала за помощью и привела с собой сотню казаков, освободивших пленников. Второй эпизод повествует о лечебных свойствах немесских пивовок, которые подняли силы рассказчику, уставшему от непрерывного трехсуточного перехода в августе 1813 года под Дрезденом. О Париже и французенках у Джантюри остались незначительные воспоминания. Рассказывая о своей кольчуге, он вспоминает и про Париж.

«В таком наряде я был на войне с французами и в их большом городе Париже.

— А что, ... хорош Париж?

— Славный город, больно славный! Какис бабы там, — прибавил он, смеясь, — бик якши. Только моя жена не пускала меня одного гулять...»⁴⁸.

Для башкир, таким образом, тот своеобразный диалог культур, который состоялся во время похода в Европу, не оказал глубокого воздействия. Разница между культурой кочевника и европейского бюргера была огромной, религиозные и языковые барьеры были непреодолимы, иные традиции и мирозерцание исключали всякую попытку к преодолению их⁴⁹. Башкирам гораздо более важным было осознание необходимости их существования как военной силы для империи. Действительно, впоследствии пять башкирских полков участвовали в русско-польской войне 1830–1831 года, четыре полка приняли участие (из них два охраняли Балтийское побережье) в Крымской войне 1854–1856 года⁵⁰. Кроме того, башкиры продолжали нести пограничную службу в Бессарабии, на Оренбургской линии, принимали участие в походах В. А. Перовского 1839 и 1853 года.

Военная служба способствовала достаточно быстрой интеграции башкирского общества в Российскую империю. Она стала у башкир своеобразной частью исторической памяти, героическим наследием. Впоследствии В. Флоринский тонко заметил, что у башкир «Дух верноподданничества... развит ничуть не менее чем у коренных русских жителей. Оттого на все государственные повинности, в том числе и на военную, они смотрят, как на дело законное и неизбежное. Я заметил даже, что башкиры гордятся своими военными заслугами, с удовольствием вспоминая те или иные эпи-

⁴⁸ Зсфиров В. Указ. соч. С. 409. Бик якши (башк.) — очень хорошо.

⁴⁹ Вероятно, какой-то смысл в связи с этим имеет фраза одной из песен современного музыканта и поэта О. Митяева о том, что: «на Цейлоне-острове или на Майорке русскому с татаринцом никогда не жить...».

⁵⁰ Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831. С. 31–32.

зоды из жизни существовавших прежде башкиро-мещерякских полков... Башкир охотно идет в военную службу... К тому же, он весьма любит внешние отличия. Старые воины и до сих пор с гордостью щеголяют между своими однодеревицами нашивками и значками, которые остались им от прежней службы»⁵¹.

Но как бы то ни было, «северные амуры», прошедшие в 1813–1814 году Европу в составе русской армии, остаются одним из феноменов в истории наполеоновских войн.

---

⁵¹ Флоринский В. Башкирия и башкиры. Путевые заметки//Вестник Европы. 1874. Т. VI. С. 741–742.

А. А. КОМЗОЛОВА

ПРОСВЕЩЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ:

ПИСЬМА П. А. БЕЗСОНОВА
К КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАССКОМУ
(1864)

Публикуемые письма принадлежат известному слависту Петру Алексеевичу Безсонову (1828–1898). Кандидат историко-филологического факультета Московского университета (1851), член Московского славянского комитета и сотрудник славянофильских изданий «Беседа» и «День», он долгое время работал в Московской Синодальной типографии, в 1867–1879 гг. состоял библиотекарем Московского университета, а впоследствии преподавал в Харьковском университете. Авторитет в ученом мире Безсонов приобрел в 1860-е гг. благодаря своим исследованиям в области фольклора и народного творчества.¹

Его адресат — крупный общественный и государственный деятель князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), участник подготовки Крестьянской реформы 1861 г., член-эксперт Редакционных комиссий, друг и помощник Н. А. Милютина. Осенью 1863 г. по приглашению Милютина, желавшего привлечь его к своей реформаторской деятельности, Черкасский оставил службу мирового посредника в родном Веневском уезде Тульской губернии и вместе с Милютиным и Ю. Ф. Самариним совершил поездку в Царство Польское, результатом которой стали просекты, положившие начало преобразованиям в Польше в 1860-х гг. В 1864–1866 гг. князь Черкасский занимал высокое положение в варшавской администрации, являясь

---

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860–1874. Ч. 1–10; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861–1867. Ч. 1–4 (Безсонов подготовил ч. 1–2); Калки персехожие: Сборник стихов и исследования. М., 1861–1864. Вып. 1–6; Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. Вып. 1.

главным директором Правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского. В Варшаве в сферу его деятельности входила не только разработка крестьянской реформы, но также проскты и мероприятия, связанные с конфессиональной политикой, просвещением и преобразованием гражданского управления. Единомышленник Черкасского Милютин, намечая основные положения своей программы, неоднократно подчеркивал необходимость восстановления престижа русской власти в Польше и замены местных чиновников русскими, приглашенными из России. «Нужно всеми силами увеличить нашу маленькую гражданскую армию в Варшаве. Это лучшее средство образумить поляков и обуздать шайки интриганов, которые плодятся и будут плодиться около графа Берга, — писал он в 1864 г. другому члену своей «команды», Я. А. Соловьёву, — Вам и всем нашим необходимо окружить себя людьми честными, твердыми и вполне надсжными, которые составят не только материальную трудовую, но и нравственную нашу опору в Царстве». ² Разделяя такую точку зрения и князь Черкасский.

Знакомство князя Черкасского и Безсонова состоялось еще в 1840-х гг. в стенах Московского университета на лекциях по сельскому хозяйству профессора Я. А. Линовского, а затем оно продолжилось в московских славянофильских гостиных, в том числе в кружке А. С. Хомякова. ³ В 1863 г., когда встал вопрос о формировании новой администрации в Царстве Польском, Черкасский, подбирая себе сотрудников, остановил свой выбор в том числе и на Безсонове. Как следует из писем этого последнего, в конце 1863 г. князь предложил ему принять участие в подготавливаемых в Польше преобразованиях учебной части, а также «вербовать» для этой цели своих друзей и знакомых. Безсонов согласился служить в Царстве Польском, но с условием, что его поездка туда состоится после официального утверждения в С.-Петербург программы Милютина и Черкасского.

Желание Безсонова поехать на западную окраину империи сразу после подавления там Польского восстания 1863–1864 гг. было далеко не случайным и диктовалось идейными соображениями. В письмах к князю Черкасскому в январе 1864 г. он представил собственные соображения о методах борьбы «русской цивилизации» с «цивилизацией польской». В частности, он предлагал преобразовать в Царстве Польском администрацию ведомства народного просвещения, организовать русскоязычные газеты, «листки» для народа, типографии, библиотеки и т. п., а также поощрять земледельческую колонизацию старообрядцев. Особое значение Безсонов придавал устройству в Западном крае для уроженцев Царства Польского университета, в кото-

² Н. А. Милютин в его заботах о крестьянском и судебном деле в Царстве Польском // Русская старина. 1884. № 6. С. 587.

³ Безсонов П. А. Князь Владимир Александрович Черкасский // Русский архив. 1878. № 6. С. 203–204.

ром было бы два основных факультета – исторический и филологический, а лекции (естественно, только на русском языке) читали бы лучшие отечественные ученые-слависты того времени (А. Ф. Гильфердинг, В. И. Ламанский и др.). По мысли Безсонова, задачей нового университета должно было быть создание на западных окраинах местной национальной интеллигенции, культурно и политически ориентированной на Россию.

Однако замыслам Безсонова не суждено было осуществиться. В середине 1864 г., так и не получив от Черкасского определенного предложения о своих служебных обязанностях и должности в Царстве Польском, он принял приглашение администрации Северо-Западного края занять место председателя Виленской археографической комиссии и публичной библиотеки. Вероятно, на решение Безсонова отправиться в Вильну, а не в Варшаву, во многом повлияла личная встреча с главным начальником Северо-Западного края М. Н. Муравьевым, который умел «зарядить» собеседника своей энергией и внушить важность стоявших перед ним задач. Уже состоя на службе в Литве, Безсонов, по его собственным словам, не раз выступал посредником в обмене мнениями и взглядами между Черкасским и Муравьевым, которые оказались тесно связаны между собой «одинаковою целью, обоюдным уважением и взаимодействием». ⁴ Вместе с тем, сравнивая впоследствии этих двух государственных деятелей, Безсонов давал более высокую оценку административным способностям и опыту Муравьева. «Черкасский, – полагал Безсонов, – не имел в своей власти ни той самостоятельности, ни безотчетности, как Муравьев. Равняясь с сим последним по энергии и дальновидности, он не владел его расчетливой уступчивостью и доступностью, а в прошлом своем не знал практики долголетнего правителя и министра... Деятельность князя всех изумляла, обширность его планов будила вокруг мысль и движение, но столь же было заметно... что настроения князя, способ и присмы его деятельности не успевали в искомой мере разливать успокоение вокруг... Вокруг него была работа и служба, но не было общества; кипела тревога, но не было роздыха...»⁵.

---

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 220.

После разговора с Вами, Князь, после совещания с близкими людьми и еще более близким – собственным положением, вот выводы, на которые прошу Вас обратить внимание:

- 1) Согласно Вашим словам, *conditio sine que non* (обязательное условие – пер. с лат. – *А. К.*) – утверждение Вашего проекта, назначение Милютина⁷, а вместе приблизительная определенность (здесь и далее подчеркнуто П. А. Безсоновым – *А. К.*) планов и назначений, общего вида и некоторых разветвленных предстоящего дела.
- 2) Только после этого, о чем Вы хотели написать в Москву или, еще лучше, расскажете по возвращении, можно решиться на предстоящую новую деятельность, избрать и принять на себя подходящую задачу.
- 3) До этого прошу Вас даже не называть меня и моих со товарищей, дабы и Вам не обмануться, и нам не потерять местов, которые занимаем. Вообще для этого прошу Вас, при случае, когда будет разговор, указывать в общих чертах лишь, что есть в виду годные люди, но что не они ищут места, а Вы предлагаете и вербуете. В самом деле, таких мест не ищут: их создают и на них решаются в силу убеждений и блага родины. Тут не переменна определенной должности, а создание ее в силу внутреннего долга и сознания настоящих потребностей.
- 4) Но, чтобы Вам при случае располагать вперед некоторыми соображениями, знать об условиях и силах, готовых для общего дела, то я соберу некоторые черты:
- 5) Посадка новых деятелей и назначения их предполагают свиту вокруг Милютина, Вас или кто там будет из людей известных. Необходимо нам: примкнуть к этой свите; стать в прямые личные отношения к главному начальнику; получить в нем опору и оборону на все вперед случаи, где только оправдается его доверенность; а с другой стороны, широкую свободу для деятельности, в той области, к какой окажется способным каждый, то есть

⁶ Письма публикуются по автографам П. А. Безсонова; хранятся в личном фонде князя В. А. Черкасского в ОР РГБ (Ф. 327/Ш. К. 5. Ед. хр. 30. Л. 5–16). Текст писем приведен в соответствие с современными правилами орфографии и синтаксиса, однако сохранены авторские стилистические и языковые особенности написания некоторых слов.

⁷ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), сенатор, член Государственного совета, в 1859–1861 гг. временно исполняющий должность товарища министра внутренних дел, в 1861–1866 гг. статс-секретарь по делам Царства Польского.

свободу, основанную на личном доверии главного начальника и обеспеченную инструкцией.

6) Как один в таком деле не воин, то, кроме того, что нужно примкнуть к свите, и отсюда я один не отправлюсь: для общего дела мне обещали двинуться еще двое, и есть надежда всего на пять человек. Это кандидаты здешнего Университета, моих лет, одинакого почти образования, одинаких взглядов и убеждений, с отличными способностями, безукоризненной честностью и за которых я поручусь как за себя. Нам необходимо действовать вместе, разумеется с начала, пока определятся разветвления. По Вашем возвращении позвольте их всех познакомить с Вами.

7) Ни они, ни я не можем отправиться, даже в первую поездку, раньше мая. Это факт неизбежен, чтобы устроить на верное домашние, общественные и служебные дела: такого рода ликвидации мы займемся по Вашем известии или возвращении. Так, например, мне нужно устроиться с разными изданиями, лежащими исключительно на мне, подготовить лекции, которые хотелось бы прочесть и т. п. Да и семью, возрастающую до 13 человек, нужно подготовить. Но главным образом это зависит от положения Польши. Мы люди не военные и если предстоящие нам дела не совсем мирные, то они имеют значение борьбы не внешней, не материальной, а внутренней, духовной, силами национального духа и просвещения: а при внешнем мятеже, шайках, убийствах и отравках так действовать нельзя. К весне же, должно надеяться, все это большей частью покончится или разрешится европейским взрывом⁸, под который наши работающие головы бесполезно подставлять.

8) На двух из моих сотоварищей, по их отличному юридическому и бытовому помещичьему, опытному образованию, нужно рассчитывать в крестьянском польском деле. Вообще же на всех нас следует рассчитывать в следующих ветвях деятельности (за исключением судебной, для которой мы не имеем необходимого знания предшествующей польской практики и законодательства):

а) Одним из самых могучих средств предстоящего России дела я считаю сердечную профессуру, такую, которая обратила бы поляков в славян, возвратила их славянству⁹ из прежней исключительной сферы, а через то воз-

⁸ Речь идет о возможности интервенции антироссийской коалиции Франции, Великобритании и Австрии.

⁹ Представление о разрыве и отчуждении поляков в отношении славянских начал было весьма распространенным для взглядов славянофилов 1860-х гг. См., например: Самарин Ю. Ф. Современный объем Польского вопроса: [Статья опубликована в газете «День» 21 сентября 1863 г.] // Сочинения Ю. Ф. Самарина. М., 1877. Т. 1. С. 325–350; Аксаков И. С. Крестьянскою реформой введено в Польшу новое Славянское начало: [Статья опубликована в газете «День» 5 марта 1864 г.] // Сочинения И. С. Акса-

вратила бы к сознательному единению с Русью. Как это необходимо и как возможно, об этом скажу в pripravляемой статье для «Дня»¹⁰ подробнее. Здесь вкратце выражу несомненное убеждение, истекающее не из теории, а из знания дела, и особенно истории: Университет или Академия в Варшаве, где никогда не может быть достаточного эквивалента русского и куда под свистки одних поляков не пойдут русские профессора, есть аномалия; такому Университету место где-либо в Западной Руси, или, еще лучше, на Волыни, откуда можно бы управлять округом польских училищ; состав — факультеты Исторический и Филологический (юридический в польском краю не годится, естественный, медицинский и математический — не имеют средств русской пропаганды), с добавкой (малою) богословия и естественных наук; на эту деятельность стянуть исторические и филологические способности и известности Варшавы, Киева, даже Харькова, где эти факультеты — исторический и филологический — закрыть¹¹; на другие же факультеты пусть едут поляки в Киев, Москву, Петербург, куда угодно. Для Польши и всего Юго-Запада Руси единственный источник историко-филологического образования, преподавание исключительно по-русски, облегченный доступ и способности преподавателей, все это привлечет сюда многих русских слушателей, а поляки придут по необходимости. Но, где бы это не имело места, хотя бы в Варшаве (по укрощении внешнего мятежа), необходимо прочно основать такое широкое и исключительное преподавание, где бы господствовала история, филология, литература или словесность общеславянская, преимущественно церковно-славянская и русская, а в тесной связи с этой деятельностью — управление гимназиями и народными училищами. Я здесь принес бы немалую пользу; особенно с одним из московских со товарищей; но для лучшего успеха предлагаю и прошу непременно подвести к этому делу в Петербурге славяниста А. Ф. Гильфердинга¹², Владимира Иванов [ича]

кова. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»: [2-е изд.]. СПб., 1900. Т. 3. С. 219–224.

¹⁰ Вероятно, подразумевается статья П. А. Безсонова «Вукол Михайлович Ундольский», опубликованная в газете «День» (1864, № 45).

¹¹ НВ. Признаюсь, похерить бы все кафедры славянских наречий в прочих Университетах (тысяч 15 р. сер., и никакой пользы), а вместо того устроить прочную профессуру из даровитых людей на польской земле, для ее крещения в духе и истине. (Примечание П. А. Безсонова на полях письма — А. К.).

¹² Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872), славист, известный знаток и собиратель русского былинного эпоса. В 1856–1859 гг. русский консул в Боснии, по возвращении в Россию служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и в Государственной канцелярии. В 1863–1864 гг. он был привлечен Н. А. Милютиным к работе в Комитете по делам Царства Польского, одновременно участвуя в трудах Главного комитета об устройстве сельского состояния. «Деятельность Гильфердинга в эти годы была обширна: он являлся редактором официальных бумаг, поме-

Ламанского¹³, который если не вернется, то на днях вернется из славянских земель; если же прибавить бы сюда М. П. Петровского¹⁴ из Казани, П. А. Лавровского¹⁵ из Харькова, то проект такого дела и устройство были бы совершенно обеспечены. Это все люди, хорошо знающие и польский язык, и историю, и литературу Польши: они же все это пересформируют на общеславянский и, особенно, русский лад, а этим пересформируется все исключительное мышление поляков, их идеи, доселе служащие главным рычагом мятежй.

Выполнение совершится конечно постепенно: но положить начало, выработать прочный план и пустить его в ход можно с весны. Мы бы это сделали не только для Польши, но вернули бы тем и самую Русь к Руси, а все малорусское и белорусское стянули бы к общему единству, не дав времени развиться белорусскому и малорусскому сепаратизму, который того и гляди поднимет голову, когда Польшу усмирят, а эти края выхоят и возгордят

шал статьи в газетах, в которых разъяснялся польский вопрос для русской публики, издал по-английски брошюру (анонимно) «Polish Question», — писал К. Н. Бестужев-Рюмин об этом периоде жизни Гильфердинга. (Бестужев-Рюмин К. Н. Александр Федорович Гильфердинг // Славянское обозрение. 1892. № 9. С. 10–11).

¹³ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), историк-славист, академик С.-Петербургской Академии наук (1900), создатель и глава научной школы русских славистов, один из организаторов Славянского съезда в Москве (1867), С.-Петербургского отделения Московского Славянского комитета. В 1862–1864 гг. совершил поездку по славянским землям. С 1865 г. доцент, с 1871 г. профессор С.-Петербургского университета по кафедре славянской филологии.

¹⁴ Петровский Мемнон Петрович (1833–1912), славист-филолог, педагог, переводчик, публицист; профессор (1875), член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1895). С 1860 г. магистр славянской филологии; прикомандирован к кафедре славянских наречий Казанского университета, читал лекции по славянским древностям, языкам и литературе.

¹⁵ Лавровский Петр Алексеевич (1827–1886), славист, лексикограф, член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук (1865). В 1851 г. занял кафедру славянских наречий в Харьковском университете, затем ректор Варшавского университета (1869–1872), попечитель Оренбургского (с 1875) и Одесского (1880–1885) учебных округов. В письме от 12 декабря 1864 г. А. Ф. Гильфердинг рекомендовал князю В. А. Черкасскому кандидатуру П. А. Лавровского для службы в Царстве Польском: «Н. А. Милютин передал мне, почтеннейший князь Владимир Александрович, что Вы ищете заместить должность директора Дешарт [амента] духовных дел, и просил прислать Вам благонадежное лицо для этой должности. [...] Я решаюсь указать Вам на человека, который, по моему мнению, был бы годен для этого места. Это Петр Алексеевич Лавровский, профессор Харьковского университета. Я его знаю коротко. [...] Он пользуется известностью, как человек безукоризненной честности, весьма деятельный и энергический, и самых крепких русских убеждений. Он принимал живое участие и в литературной полемике, и в деятельности своей как профессор, против Малороссийского сепаратизма. Польский язык он знает основательно. [...]». (ОР РГБ. Ф. 327/11. К. 7. Ед. хр. 15. Л. 9–10 об.).

ухаживаньсм. Отсюда выходили бы — малоруссы и белоруссы с великорусским единством просвещения, русские вообще — со знанием польского языка, а поляки обрусевшие с самой глубокой стороны — просвещения. Таков только по-мосму может быть первый шаг для успеха борьбы русской цивилизации противу исключительной польской, и здесь только семена для образованного русского общества по всему Юго-Западу¹⁶.

б) С этим связана вся администрация по делу народного просвещения в том же духе, то есть в духе русской пропаганды, которая, как она ни мирна, должна сим путем победить. Сюда я отношу перестроение и новое устройство всяких школ и училищ в том же духе, введение преподавания с господством тех же предметов на русском языке, заведение типографий для русских и церковно-славянских книг, основание частных книжных складов, устройство их тесной связи с московскими, петербургскими и, особенно, синодальными, наводнение букварями, молитвенниками, Евангелиями, Псалтырями, начальными церковными историями и катехизисами, с прибавкою кое-где элемента польского, малорусского и белорусского в первоначальном обучении, с тем, чтобы выше оно уже все к русскому единству; наконец, основание, при этих средствах, русских листков, газет — в связи с московскими, и т. п. Дело это отчасти уже началось, отрывочно: нужно это организовать. Здесь и я, и мои сотоварищи могли бы пригодиться — личными поездками с весны, а прежде того — составлением общего плана действий, чтобы сговориться и спеться. Последнее всего лучше начать бы теперь, под фирмою устрояемого Московского Среднего братства, вызвав сюда Гильфердинга, Ламанского и прочих вышеименованных: здесь втихомолку — говорливую — можно бы, не составляя отнюдь комиссии, приготовиться к весенней поездке. Ведь будет же для этого — ибо это необходимо — ассоциация в Петербурге? Вместо того, чтобы знающие люди приготовились к администрации и потом схали на место, если наберутся петербургские администраторы по Министерству народного просвещения и — без внутренней зиждительной основы — двинутся пересламывать все Польшей организованное в Польше и на Юго-Западе, то сломать — может статься — они и сломают (и то едва ли), а создать для русского единства в просвещении уже конечно ничего не создадут. Это дело не чиновников. Хотя конечно и облечется со временем в общепринятую внешнюю форму.

в) Везде здесь в основе и [1 сл. нрб.] будет много значить борьба национальных и религиозных элементов. Чтобы не создать никакой новой русской унии в сем роде, а чтобы сразу усилить народный элемент, и притом великорусский, и притом православный, который всего сильнее упрямец противоборствовал бы Полонизму и Латинству, сам ни в чем бы не уступал, а напротив, укреплялся бы и укреплял собратий, необходимо развить существующую вдвинуть в те края новую массу старообрядцев, посредством

¹⁶ Подразумевается Юго-Западный край Российской империи.

колонизации. По моим личным сношениям и сведениям, нет ни малейшего сомнения, что туда передвинутся с величайшей готовностью массы раскольников, особенно из Поморской и Черниговской стороны, если, между прочими не столь важными привилегиями, даны им будут — свобода богослужения и типография. Нечего и прибавлять, сколько с этой массой наплыло бы народного великорусского элемента, сил, торговли, денег, связей со всей Русью. Но тем искуснее нужно с этим щекотливым делом обойтись, а если отдадут его чиновникам Министерства внутренних дел или какому генералу от раскола, это будет лишь бесплодное угнетение и роскошное поле взяток. Обозреть теперешние поселения раскольников в том крае, войти в их потребности и желания; снестись с другими великорусскими, договориться и условиться о колонизации на льготных правах; возбудить и предоставить им это переселение на их собственные средства, не как насильную передвижку, а как добровольное искание рая; отобрать, какая из ветвей Раскола для сего годится (не годятся скопцы¹⁷, молоканы¹⁸, духоборцы¹⁹, бегуны²⁰, странники, да и не все старообрядцы); определить, кому нужна одна комната для беспрепятственной молитвы, кому часовня (беспоповцам²¹), кому

¹⁷ Скопцы, религиозная секта, возникшая в России во второй половине 18 в. Основным признаком секты было оскотление. Общины скопцов назывались кораблями и управлялись кормщиками с безграничной властью. Богослужения имели форму радений.

¹⁸ Молоканы, молокане, религиозная секта, выделившаяся из секты духоборов. Молокане отрицали православную церковь с ее иерархией, таинства, обряды, почитание святых, мощей и икон. Источником вероучения молокан — Св. Писание Ветхого и Нового Завета; архиереем признавался только один Иисус Христос; все люди считались братьями, равными по вере. Богослужение совершалось в простом доме чином общего моления и молений к частным случаям (рождение, брак, кончина).

¹⁹ Духоборцы, духоборы, религиозная секта рационалистического направления, возникшая в середине 18 в. Согласно учению духоборов, в душе человека пребывает сам Бог; души посылаются на землю и облакаются в тела в наказание за падение; после смерти тела душа благочестивого человека переходит в тело живого праведника, душа грешника — в животное. Причащение понималось ими духовно, брак таинством не считался. Духоборы не признавали икон, совершали богослужение в обычной комнате или в поле, читая псалмы и молитвы.

²⁰ Бегуны, или странники, беспоповщинский толк в старообрядчестве, выделившийся из филипповщины в конце 18 в. Бегуны, признавая все власти воплощением антихриста, стояли на почве пассивной борьбы с видимыми знаками антихристовой власти (уклонялись от платежа податей, военной службы, присяги, паспортов и т. п.), им приходилось постоянно скрываться от властей, не имея дома и семьи.

²¹ Беспоповцы, одно из двух наиболее крупных (наряду с поповцами) направлений старообрядчества, отвергавшее священство. Беспоповцы утверждали, что, поскольку антихрист уже царствует на земле в лице правящих монархов, то не существует ни истинной веры, ни истинного священства. Отрицая православную церковную иерархию, беспоповцы отказались от священников, заменив их выборными

храм с попами (поповцы²²), кому даже с архиереями (австрийского пострижения²³), кому типографии для старопечатных книг, кому школы для рукописей и своеобразные училища, кому лишь признание законности рождаемых детей, кому метрики и т. п., и все это исходатайствовать; разместить, чтобы не сталкивались разные ветви; облегчить этим выводом средину Руси от небезопасного для Церкви элемента и переместить его, где он будет вытеснять собой и умерять Латинство; умерить, по условию, самый Раскол на месте нового поселения, чтобы не заглохла господствующая Церковь (и без того там слабая); ограничить, чем нужно, соблазны внешности; определить, как далеко (на старопечатные издания) должна простираться типографическая деятельность; дать возможность в первоначальном народном образовании родниться с поляками, белоруссами и малоруссами, а потом по степеням восходить к общему единству русского просвещения; проложить сим пути для цивилизации нашего раскола (чему ни в каком другом краю не дается места, да и трудно дать); устроить пределы и надзор такому сближению после расколных сторон, без обиды тому и другому, а с целями свободного общения — дело возможное, важнейшее и тем более завлскательное. Я с товарищами посвятил бы сему все силы, знания, опыты, личные сношения (если конечно не припутается сюда Синод, коему в этом деле может быть представлен лишь совещательный голос, и то через обер-прокурора). Переселения могли бы начаться с весны: сношения и условия теперь же.

9) Изложенное мною слишком кратко и теоретично в смысле проекта: это не проекты, а черты деятельности, в коей я был бы полезен с товарищами, если определится деятельность в сем роде или по крайности сочтут нужным ее определить.

10) Если события, имсющиеся совершится до весны, помешают подобным шагам Русского дела в Польше, а вместе — может статься — поизменится и теперешнее положение Руси Юго-Западной, то я желал бы действовать с весны в сей последней. Для этого я желал бы поручения или места преимущественно по отделу народного просвещения, в роде помощи попечите-

---

наставниками и начетчиками; они признавали необходимость только трех таинств (крещения, исповеди и причастия), не признавали царя и царской власти. Беспоповщина распадалась на множество толков и согласов, в свою очередь постоянно дробившихся и различавшихся своими обрядовыми и бытовыми чертами.

²² Поповцы, одно из умеренных направлений старообрядчества, сохранившее учение об иерархии и семи церковных таинствах.

²³ Речь идет об иерархии Белокриницкого, или Австрийского, согласия, одного из старообрядческих согласов поповского направления. Возникло в 1846 г. в с. Белая Криница на Буковине (Австрия) в результате поставления босносаравским митрополитом Амвросием старообрядческих епископов. В России религиозным центром Белокриницкой иерархии с 1853 г. стало московское Рогожское кладбище.

но, директорства и т. п., в связи с какой-либо администрацией того же рода и духа, как выше обозначено. Сюда же пригодились бы и мои сотоварищи.

5 января 1864

2.

Сюда, для просьбы о привилегиях, собралось очень много выборных от старообрядцев. По вопросу о колонизации самая лучшая минута для переговоров с ними, ибо они в сборе и в нужном настроении. Я намскал им на Запад²⁴, как на Эльдorado в известном отношении: встретил всличайшую радость и готовность. Один был за советом у И. С. Аксакова²⁵ и, при подобном же намске, вскочил воскликнув: «Тотчас пошлем миллион поселенцев!» Потому благовременно начать переговоры, и для того Вам выхлопотать дозволение на то (хоть секретное), очерк и размер условий, или хоть какую-либо инициативу. Если Вы этого не сделаете, то время конечно еще не уйдет, но могут влезть известного рода петербургские чиновники.

Я вчера послал Вам от нас письмо, но, по ошибке И. С. Аксакова, написал: «на Михайловской улице, в гостинице Клей». Сделайте одолжение, достаньте это письмо из гостиницы или из почтамта.

Прощайте, князь Владимир Александрович.

Ваш Безсонов

21 января 1864 г.

3.

Князь Владимир Александрович!

С нетерпением ждал я мая месяца, срока, с которого ожидалось устройство по делам Вашей Комиссии просвещения²⁶. Слыша, что Вы совершенно поглощены делом крестьянским, я обрадовался по крайности возврату Гильфердинга: но от него, к сожалению, узнал я мало положительного, одни проекты и предложениe места в неблизком будущем, а на днях письмо его известило о перемене его положения²⁷ и освобождает от обязательств вся-

²⁴ То есть на Западный край.

²⁵ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), славянофил, публицист, поэт, издатель и редактор газет «День», «Москва», «Москвич», «Русь».

²⁶ Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения.

²⁷ В первой половине 1864 г. Н. А. Милютин и князь В. А. Черкасский хлопотали о назначении А. Ф. Гильфердинга пошчителем Варшавского учебного округа, однако этому проекту воспрпятствовал наместник Царства Польского граф Ф. Ф. Берг. В этот период Гильфердинг активно участвовал в выработке положений об устрой-

ких вперед. Между тем решимость моя передвинуться ближе к Польскому вопросу, хотя бы в западные губернии, не ослабевала: я поехал в Петербург, чтобы представиться Муравьеву²⁸, ознакомиться с Корниловым²⁹ и тамошними потребностями. Мне предложили место председателя Виленской археографической комиссии³⁰, а я вместе подал несколько проектов об успешнейшей разработке всей истории белорусского края, с изданием документов Центрального Виленского архива и, особенно, тамошней Капитулы³¹. Муравьев привел меня в восторг своим пониманием: но Комиссия еще порядочно не устроена, члены только временные³², а при шаткости

стве учебных заведений в Царстве Польском (в том числе в составлении программой «Общей объяснительной записки об устройстве учебной части в Царстве Польском»), ему было также поручено составление проектов о преобразовании Варшавского университета.

²⁸ Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), граф (с 1865), генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета, в 1857–1861 гг. министр государственных имуществ. С мая 1863 г. по апрель 1865 г. занимал пост главного начальника Северо-Западного края и командующего Виленским военным округом. В 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

²⁹ Корнилов Иван Петрович (1811–1901), действительный тайный советник, в 1863–1868 гг. попечитель Виленского учебного округа, затем член Совета министра народного просвещения, заведующий Гатчинского сиротского института.

³⁰ Виленская археографическая комиссия была создана как постоянное учреждение в 1862 г. по инициативе виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, а свою работу она официально начала с 17 апреля 1864 г. Комиссия находилась в ведении Министерства народного просвещения и подчинялась попечителю Виленского учебного округа, а также виленскому генерал-губернатору. Переговоры о приглашении Безсонова на должность председателя Виленской археографической комиссии начались весной 1864 г., и участие в них принял И. С. Аксаков. В частности, в письме от 14 мая 1864 г. он обратился к графине А. Д. Блудовой с просьбой рекомендовать Безсонова М. Н. Муравьеву. «Дело в том, — писал Аксаков, — что Муравьев с Корниловым ищут председателя для Археографической комиссии в Вильне, которую они хотят поднять высоко в значении. Мысль прекрасная: надобно вырвать разработку истории края из рук польских, надо пролить широкий свет истории на эти области, надо повести борьбу с поляками путем науки. [...] Корнилов присылал своего чиновника в Москву отыскивать председателя, и выбор его пал на Безсонова. [...] Безсонов принял предложение, но предъявил некоторые соображения для переговоров, о которых его пригласили приехать в Петербург. Он на днях и явится. Но я прошу Вас предупредить о нем Муравьева М [Ихана] Николаевича, чтобы М [Ихана] Н [иколаевич] принял его и выслушал внимательно: если Вы ему скажете, что это почтенный ученый, издатель таких-то книг, славянофил, сотрудник «Беседы» и «Дня», то этого, я думаю, будет уже довольно для Муравьева в настоящее время. Другого человека, кроме Безсонова, и в виду не имеется. Не Костомарова же! Я прошу об этом же Анну Федоровну [Тютчеву]». (Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой // Российский архив. М., 2001. Вып. 11. С. 345).

³¹ Виленская римско-католическая капитула.

³² Первыми членами Виленской археографической комиссии были чиновник особых

се будущего я просил об определении меня при Округе в Вильне, с казенною квартирой. Муравьев согласился, но, указывая на другие заботы, его отвлекающие, два раза просил при мне Корнилова устроить все это дело для меня. К сожалению, весьма добрый и благонамеренный Корнилов, Вы знаете, слаб: время проходит, с ним удобство летних занятий по архивам и переездки отсюда, а я, несмотря на общания, долго не получаю даже ответа. Временные члены Комиссии, получая жалованье, тянут и затягивают дело, оно валится из нерешительных рук, и потому я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбою: по знакомству с Муравьевым, о котором я от Вас слышал, благоволите ему написать, подтверждая рекомендацию и намекая на возможность скорейшего устройства; он подтолкнет и Корнилова.

Как бы мне хотелось туда, между прочим открыть там публичные лекции об истории края, о полонизме и его цивилизации, а зимою навещать Варшаву, чтобы учиться у Вас и, кто знает, тем или другим пособить разным вопросам Вашим!

По Вашим занятиям, не пишу Вам подробностей ни о чем другом и не жду от Вас ответа, но уверен, что Вы простите мне беспокойство и не оставите в туне мою просьбу. Княгине прошу передать почтение.

Ваш Безсонов

19 июня 1864 г.

4.

Князь Владимир Александрович!

Я уезжал из Москвы, а потому, воротившись, только что получил Ваше письмо и прошу прощения в невольной медленности ответа. Благодарю Вас искренно за честь предложения. В другом положении я поспешил бы согласиться. Но в одно время с Вашим письмом я дома нашел телеграмму из Вильна от Корнилова, которую прилагаю в подлиннике³³. В конце июля мне предложили окончательно место председателя Комиссии, с жалованьем 2000 р. сер., 500 р. добавочными от наместника³⁴ лично мне и 500 р. сер. подъемными. Я отвечал, что мне, для покрытия издержек переездки и устройства на новом месте, необходимо еще место в Округе, с казенною квартирой, так чтобы жалованье простиралось до 3500 р. сер., а подъемные до 1000 р. Из телеграммы усмотрите, что они подвигаются к согла-

---

поручений при виленском генерал-губернаторе И. А. Никотин, православный священник А. И. Пцолко и архивариус Виленского центрального архива Н. И. Горбачевский; из них только Горбачевский непосредственно занимался археографическими изысканиями.

³³ Упомянутая телеграмма в деле отсутствует.

³⁴ То есть от виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева.

сию и очень хлопочут выполнить мои условия³⁵. Потому нравственный долг и слово не позволяют мне уклониться от переговоров, когда они требовали многих хлопот и уже приходят к концу, тем более, что деятельное участие в них принимает мой товарищ и приятель Н. Н. Новиков³⁶, недавно перешедший в Вильно окружным инспектором учебной части.

Потому еще раз, искренно и глубоко, благодарю Вас за память обо мне, любезное и чрезвычайно почетное предложение. К величайшему сожалению, мне возможно будет воспользоваться им разве в том лишь случае, если Вильно не сдержит обещаний и к тому времени место у Вас, что несвероятно, будет еще не занято.

Примите уверение в глубочайшем уважении, преданности и готовности к услугам

Вашего Безсонова.

М [илостивой] Г [осударыне] Княгине Екатерине Алексеевне³⁷ прошу выразить мое почтение.

1864, Августа 20.

---

³⁵ Официальное назначение Безсонова на пост председателя Виленской археографической комиссии состоялось 26 февраля 1865 г. Одновременно он был назначен директором Виленского равнинского училища.

³⁶ Новиков Николай Николаевич (1828–1898), тайный советник, в 1860-х гг. инспектор народных училищ в Виленском учебном округе, затем служил в Московском и Варшавском учебных округах, в 1887–1896 гг. член Совета Главного управления по делам печати. Дружеские отношения между Безсоновым и Новиковым завязались, вероятно, во второй половине 1840-х гг.: оба окончили одновременно, в 1851 г., историко-филологический факультет Московского университета, затем были коллегами по работе в Московской Синодальной типографии. В письме от 10 июля 1864 г. Новиков писал П. И. Бартеву, другому своему однокласснику по Московскому университету, о предстоявшей ему службе в Виленском учебном округе: «[...] Завербованный в Царство Польское, [я] месяц тому назад наотрез отказался от [...] приглашений в Виленский учебный округ, а теперь, т. е. 14-го [июля] еду туда на вновь открывшуюся вакансию 3-го окружного инспектора со специальным поручением заведовать народными училищами Ковенской губернии. [...] 8-го я получил уже извещение попечителя Корнилова о распоряжении М. Н. Муравьева вызвать меня в самоскорейшем времени. [...]». Новиков сообщал также Бартеву, что в Северо-Западном крае он будет получать «ровно 2/3 содержания», получаемого им на прежнем месте службы в Москве: «Итак, сам не знаю, из-за каких видов, кроме нравственных, бросаю то, что приобреталось и материально, и нравственно в течение целой четверти столетия. Ровно 25 лет Москва была моею кормилицей. Всего того, что было и есть для меня Москва, не могу, да и не хочу приобрести где бы то ни было...». (РГАЛИ. Ф. 46. Л. 557. Л. 63–64).

³⁷ Черкасская Екатерина Алексеевна (урожденная Васильчикова), княгиня, жена В. А. Черкасского.

СТИВЕН Г. МАРКС

«БРАВО, ХРАБРЫЙ ТИГР ВОСТОКА!»:

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛИЗМА В БРИТАНСКОМ ЕГИПТЕ И ИНДИИ¹

Рост напряженности в первом десятилетии XX века в Египте и Индии, находившихся под британским правлением, обуславливали многочисленные факторы. Проведенные лордом Керзоном реорганизация университетов и раздел Бенгалии спровоцировали вражду индийских мусульман и индуистов. В Египте при графе Кромере и сменившем его сэре Эддоне Горсте происходили нападения на британских солдат, школьные забастовки и городские бунты, последовавшие как за англо-турецким пограничным спором на Синае, так и за Диншавайским инцидентом; последний ознаменовался исключительно жестокими наказаниями, которым подверглись феллахи, участвовавшие в стычке с британскими офицерами. Эти события, спровоцировавшие коренных жителей на насильственные действия, по сути не отличались от более ранних и столь же бестактных мер, предпринимавшихся как английскими правителями Индии, так и оккупационными властями в Египте, но обычно вызывавших быстро затухавшую и сугубо локальную реакцию. Однако к 1906 г. в этих областях Британской империи сложилась особенно беспокойная обстановка, а противники британского владычества прониклись несвойственной им прежде решимостью. Свидетельством тому были пылкие статьи в местной прессе и энергичная деятельность политиче-

---

¹ В названии цитируется стихотворение из Prakashak, 19. 2. 1904, см.: Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1904, no. 9. p. 13. British Library, Oriental and India Office Collection (OIOC). L/R/5/159. Мне хотелось бы выразить благодарность следующим исследователям, поделившимся со мной сведениями о национализме в Египте, Индии, Турции и в колониях: Пэлмайре Браммет, Джеймсу Бернсу, Джеймсу Миллеру, Лайзе Поллард, Дональду Райду, Авниэлю Рошуолду и Майк-лу Сильвестри.

ских организаций: в Индии действовали партия Конгресса и многочисленные индуистские экстремистские и террористические общества, особенно активные в Бенгалии; в Египте вела работу националистическая партия (партия «Ватани») во главе с Мустафой Камилем. Кроме того, как никогда большая доля населения этих колоний² начала демонстрировать самоосознанные национальные настроения.

Одной из искр, породивших эту новую фазу в истории Британской империи, стала Русско-японская война³. Решительное поражение, которое азиатская держава нанесла европейской, хоть и затененное в исторической памяти Первой мировой войной с вильсоновскими обещаниями самоопределения и ленинскими призывами к национальному освобождению и революции, придало серьезный импульс национальным движениям в колониях, в значительной степени определившим лицо XX века. Как отмечал в конце войны в своей южно-африканской газете «Индиэн Опиньон» Мохандас Ганди, «корни японской победы расходятся настолько широко, что мы не в состоянии предвидеть все плоды, которые она принесет. Судя по всему, народ Востока пробуждается от своей лстаргии»⁴.

В статье указывалось, что русско-японская война способствовала стимуляции того, что Парта Чаттерджи назвал «моментом отхода» в колониальной националистической мысли, а Садик Джалаль аль-Азм — «ориентализмом наоборот»⁵. По сути, речь шла об одном и том же процессе: Чаттерджи утверждал, что националистическое движение может существовать и подпитывать само себя лишь после того, как в умах местных интеллектуалов утвердилось четкое противопоставление Востока и Запада. Аль-Азм определял этот момент (также не отождествляя его с каким-либо конкретным событием), как точку, в которой давние «ориенталистские» стереотипы доминирующего Запада и подчиненного Востока оказались перевернуты в глазах жителей

---

² Следует отметить, что формально Египет не являлся колонией; он стал британским протекторатом лишь в 1914 г., когда оборвались его связи с Османской империей. И Кромер, и Горет назывались всего-навсего генеральными консулами, так как британский посол находился в Константинополе. Но все это была лишь фикция.

³ Существует единственное исследование, посвященное хотя бы некоторым аспектам данной проблемы — концептуально тонкая брошюра R. Dua. *Impact of the Russo-Japanese (1905) War on Indian Politics* (New Delhi: S. Chand, 1966).

⁴ Статья от 28 октября 1905 в: M. Gandhi. *Collected Works of Mahatma Gandhi*. Vol. V. Ahmedabad: Government of India, Ministry of Information and Broadcasting, 1961. P. 115.

⁵ P. Chatterjee. *Nationalist Thought and the Colonial World* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993). P. 50–51; S. al-'Azam. *Orientalism and Orientalism in Reverse*// *Khamsin*. 8 (1981). P. 5–26. В данной статье эти интерпретации используются с некоторыми оговорками, так же, как и в: R. Worringer. *Comparing Perceptions: Japan as an Archetype for Ottoman Modernity, 1876–1918*. Ph. D. diss., University of Chicago, 2001.

колоний. Сугата Бозе, Айша Джалаль, Аниль Сил и прочие современные индийские историки уточняют эти концепции, изображая национальные движения как исключительно сложные и разноплановые следствия местных, региональных и межкастовых или межконфессиональных взаимодействий. Кроме того, эти движения, отнюдь не сводясь просто к оппозиции европейским властям, оформлялись в процессе взаимной конкуренции⁶. Чаттерджи и Аль-Азм, безусловно, подходили к вопросу очень поверхностно, когда сводили национальные движения всего лишь к противостоянию Востока и Запада. Но, как выразился Сил, «родившись из разрозненных чаяний и обид, [колониальный национализм] каким-то образом преобразовался в единство, оказавшееся более крепким, чем раскалывавшие его противоречия»⁷. Мы убеждены в том, что важнейшую роль в преодолении этих противоречий сыграла Русско-японская война, заставив националистов и их последователей осмыслить свое положение в общенациональном и глобальном контексте и убедив их в том, что мечта самим управлять своей страной вполне достижима. Хотя, как будет показано ниже, националисты не вполне преодолели многочисленные разногласия и в их среде продолжали существовать разнообразными, нередко взаимоисключающими, представления о будущем, отклики на Русско-японскую войну в Египте и Индии свидетельствовали о том, что взгляды Чаттерджи и Аль-Азма вполне обоснованны. Если же спуститься на более низкий уровень, то анализ реакции на эту войну может пролить свет на дискуссии по вопросам о нации, империи и современности, которые в то время только зарождались в странах третьего мира.

Почему мы рассматриваем именно Египет и Индию? Эти страны представляли собой в составе европейских империй две колонии с наиболее образованным коренным населением и соответственно, наиболее многочисленными оппозиционно настроенными национальными интеллигенциями⁸. Египет, формально оставаясь частью Османской империи, в реальности являлся британским протекторатом и пользовался относительно либераль-

---

⁶ S. Bose and A. Jalal. *Modern South Asia* (London: Routledge, 1998). Chap. 11; A. Seal. *Imperialism and Nationalism in India*//J. Gallagher et al., eds. *Locality, Province, and Nation: Essays on Indian Politics, 1870–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 1–27.

⁷ Seal. *Imperialism and Nationalism*. P. 4–5.

⁸ Возможно, это объясняет наиболее восторженную и заинтересованную реакцию на войну именно в этих, а не в других колониях; ср. статью Пола Роделла о Юго-Восточной Азии: Paul A. Rodell. *Inspiration for Nationalist Aspirations? Southeast Asia and the 1905 Japanese Victory*//John W. Steinberg et al. eds. *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. P. 629–654. См. также: G. Hoston. *State, Identity, and the National Question in China and Japan*. Princeton: Princeton University Press, 1994. *passim*. — где описываются многочисленные отклики китайских интеллигентов на войну, аналогичные откликам в Индии и Египте.

ными законами о печати, не существовавшими в других областях Османской империи, где преобладала жесткая цензура⁹. Благодаря процветающим издательствам, религиозному университету Аль-Ахзар, а после 1908 г. и светскому Египетскому университету, египетские авторы пользовались непревзойденным интеллектуальным авторитетом в исламском мире от Марокко до Малайзии. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Индии (хотя Керзон стремился ограничить там свободу печати), где также имела крупная мусульманская община, все громче подававшая свой голос. Индийское влияние затрагивало интеллектуалов всей Юго-Восточной Азии, они читали произведения индийских авторов и подражали их политическим акциям¹⁰. Кроме того, египетские и индийские националисты шли нога в ногу в своих представлениях о Британской империи, которые, как будет показано, отличались значительным сходством как в тональности, так и по содержанию¹¹. Поэтому пример этих стран имеет ключевое значение для изучения развития антиколониальных тенденций по всей Африке и Азии. Наконец, в обеих странах зародились экстаические надежды на избавление, которое принесет победа японского Давида над русским Голиафом. «Джам-и-Джамшид», выходящая в Бомбее гуджаратская газета, так подводила итог этим настроениям: «Двадцатый век не мог вдохнуть более... многообещающего послания надежды в уши угнетенных наций Востока, чем то, какое он прошептал в первый день нынешнего года — в виде капитуляции русского Порт-Артура перед японцами»¹².

Русско-японская война широко освещалась и в Индии, и в Египте. В 1904–1905 гг. эта тема занимала важнейшее место на страницах газет, с ежедневными и нередко длинными статьями о сражениях, деятельности дипломатов, плавании русского Балтийского флота (в конце концов разгромленного адмиралом Того). С самого начала войны и в течение нескольких

---

⁹ Worringer. *Comparing Perceptions*. Chaps. 6 and 7.

¹⁰ См., например: J. Furnivall. *Colonial Policy and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 142–143 — о бирманских националистах, вдохновлявшихся индийским примером.

¹¹ О националистических египетских статьях, перепечатанных в индийских газетах, см., например: Shams-ul-Akhhbar (April 11, 1904) // *Reports on Madras Native Newspapers*, 1903–1904, no. 16 (1904). P. 143. OIOC, L/R/5/111, and *ibid.* // *Reports on Madras Native Newspapers*, 1905–1906, no. 4 (1905). P. 29. OIOC, L/R/5/112. О индийских националистах, посетивших выступления Мустафы Камилы в Лондоне, см.: *Egyptian Gazette* (Aug. 3, 1906). P. 3. О египетских и индийских газетах как основных источниках информации об исламском мире и для этого мира см.: F. Robinson. *The British Empire and the Muslim World* // J. Brown et al., eds.. *Oxford History of the British Empire*. Vol. VI: *The Twentieth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 406.

¹² *Jam-e-Jamshed* (Jan. 4, 1905) // *Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency*, 1905, no. 1. P. 9. OIOC, L/R/5/160.

следующих лет газсты и политики в колониях состязались в интерпретации ее последствий. Статьи о России — в связи с войной, последующей революцией 1905 года и еврейскими погромами — нередко затмевали освещение событий в других иностранных государствах, включая и Великобританию. В англоязычной египетской печати число статей о воюющей России далеко превосходило число материалов о мировом хлопковом рынке, который ранее являлся основной темой. Кроме того, резко возрос тираж арабоязычных изданий — националистическая газета Камиля «Аль-Лива» («Знамя») могла похвастаться по меньшей мере то тысячами подписчиков¹³. Ни одна другая тема столь же часто не освещалась и в индийской печати, которая удовлетворяла запросы в военной корреспонденции с помощью экстренных выпусков и превращения еженедельных изданий в ежедневные¹⁴. Бурно расцвела и поэзия, вдохновлявшаяся военным конфликтом. Политическая поэзия являлась в Египте давней традицией, но наличествовала она и в Индии. В обеих странах она отличалась одинаковой викторианской напыщенностью и восторгами по поводу пробуждения Востока, воплотившегося в японской победе; пример тому — заголовок данной статьи¹⁵.

Война полностью занимала мысли местных интеллектуалов и специалистов, восторгавшихся ее результатами и поражавшихся японским успехам. Можно привести слова будущего индийского премьер-министра Джавахарлала Неру, который в то время был подростком: «Японские победы разбредили мой энтузиазм; каждый день я в нетерпении ждал газет со свежими новостями. Я накопил множество книг о Японии... Мой разум заполняли национальные идеи. Я размышлял об освобождении Индии и Азии от европейского рабства. Я мечтал о доблестных подвигах, о том, как с мечом в руке я буду сражаться за Индию и способствовать ее свободе»¹⁶. Такой строй мыслей не ограничивался образованной элитой, и даже неграмотность не препятствовала распространению информации о военных победах Японии и восхищения ими.

В источниках можно прочесть о скоплениях простого люда, собравше-

¹³ R. Tignor. *Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882–1914*. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 249.

¹⁴ См.: Dua. *Impact*. P. 23.

¹⁵ О египетской поэзии на тему Русско-японской войны см.: H. Sugita. *Japan and the Japanese as Depicted in Modern Arabic Literature*//K. Tsuruta, ed., *The Walls within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad*. Vancouver: Institute of Asian Research, University of British Columbia, 1989. P. 300–304; Worringer. *Comparing Perceptions*. P. 31, n. 42. Одно из многочисленных индийских стихотворений приводится в: Prakashak (Feb. 19, 1904)//*Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1904*, no. 9. P. 13. OIOC. L/R/5/159.

¹⁶ J. Nehru. *Toward Freedom: The Autobiography of Jawaharlal Nehru*. NY: John Day, 1941. P. 29–30.

гося, чтобы выслушать новости о последних событиях. В Египте для тех, кто не умел читать, газеты зачитывались вслух в школах, кофейнях, парикмахерских, на сельских сходках и в частных домах¹⁷. Как отмечал журналист Эдвард Дэйси, «Не думаю, что хотя бы один из тысячи или ста тысяч египтян имел представление о том, где находится Япония... но известия о поражениях России от рук цветной расы... распространяются... с поразительной быстротой. Нет в Египте деревни, в которой не нашлось бы муллы, махди или местного святого знатока Корана, радостно объявляющего своим приверженцам, что падение неверных близится и что грядет тот день, когда ислам снова восторжествует»¹⁸. В Индии ситуация была аналогичная. По словам британского миссионера, даже в отдаленных деревнях люди «беседовали о японских победах, собираясь по ночам вокруг кальяна»¹⁹. Местная аудитория только что появившихся кинотеатров с восторгом встречала кинохронику о триумфах японского оружия²⁰. В донесениях британской разведки из Индии, Афганистана, Персии и Аравийского полуострова ясно указывается, что торжество и ликования замечены на базарах по всему региону²¹. Русско-японская война пробудила в массах национальные настроения – что является необходимым условием для постепенной мобилизации всего населения на борьбу с колониальным правлением. Таким образом можно усомниться в мнении о том, что национальные чаяния наблюдались исключительно среди незначительной по размерам элиты, как утверждают некоторые исследователи²².

Неудивительно, что местные наблюдатели не вполне представляли, каких ожидать последствий от только что начавшейся войны. Они не думали, что

---

¹⁷ Worringer. *Comparing Perceptions*. P. 27–31, 351.

¹⁸ *Egyptian Gazette* (July 1, 1906). P. 3.

¹⁹ Цит. по: C. Andrews. *The Renaissance in India*. London: Church Missionary Society, 1912. P. 4. Об интересе, проявлявшемся низшими классами, см. также: *Tribune (Lahore)* (March 12, 1904) // *Selections from the Native Newspapers Published in the Punjab, 1903–1904*, no. 10 (1904). P. 51. OIOC, L/R/5/187; P. Sinha. *Indian National Liberation Movement and Russia (1905–1917)*. New Delhi: Sterling Publishers, 1975. P. 174–175; *Dua-Impact*. P. 24; N. Chaudhuri. *My Hundredth Year* // *Granta* (Spring 1997). P. 205.

²⁰ M. Aung. *History of Burma*. NY: Columbia University Press, 1967. P. 277.

²¹ *Diary of Capt. A. D. Macpherson*, no. 3 (Feb. 16–21, 1904) // *Political and Secret Correspondence. Letters from India, 1904*. OIOC, L/PS/7/163; *Diary of the Kabul Agency for the week ending 12 March 1904* // *ibid.*; *Diary of Capt. C. B. Winter*, for the week ending 5 Feb. 1904 // *ibid.*; E. H. S. Clarke. *Secret Letter to His Majesty's Secretary of State for India*, no. 78 (April 7, 1904) // *ibid.*; *Report on the Economic and Administrative State of the Hedjaz Villayet, Oct. 1904 to Feb. 1905* // *Foreign Office. Further Correspondence Respecting the Affairs of Arabia, 1905*. Public Record Office (henceforth PRO), FO 106/22.

²² Об этом представлении см.: T. Raychaudhuri. *India, 1858 to the 1930s* // R. Winks, ed. *Oxford History of the British Empire*. Vol. V: *Historiography*. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 217.

она закончится легкой победой Японии, которую считали слабейшей стороной. А многие из тех, кто предвидел слабость России, разделяли убеждение, что британский король, несмотря на свой союз с Японией, не допустит, чтобы правитель-сдиновсердц, каким был для него русский царь, потерпел поражение, ибо такой исход мешал достижению конечной цели европейцев: покорению всех цветных народов²³. Когда русский Балтийский флот отбыл на Дальний Восток, некоторые газеты предсказывали, что Японии грозит беда²⁴. Но вне зависимости от того, на чью победу делали ставки, в большинстве передовиц утверждалось, что Россия, «либо опьяненная победой, либо расщепившаяся от поражения», усилит империалистический нажим на Индию, Центральную Азию, или Османскую империю²⁵. В отличие от британских политиков, индийских националистов беспокоило не столько русское вторжение, сколько вероятность того, что англичане воспользуются «русским пугалом», чтобы увеличить масштабы британского военного присутствия, которое будет использовано для подавления освободительного движения. Разумеется, последнее оказалось бы под еще большей угрозой в том случае, если бы Россия выиграла войну, так как подобный исход по сути подтвердил бы непобедимость европейских держав²⁶.

Когда в итоге Япония все же победила, возникли надежды на то, что эта победа означаст смертный приговор европейским империям. Ополчившись

---

²³ Об этом см.: Hitechchu (May 12, 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 20. P. 11. OIOC. L/R/5/159. См. также: Basumati (May 6, 1905)//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 19. Pt. I. P. 467. OIOC. L/R/5/31; и многие другие статьи.

²⁴ Напр.: Kal (March 3, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1905, no. 9. P. 15. OIOC. L/R/5/160.

²⁵ Цит. по: Lord Curzon, letter to St. John Brodrick (Feb. 11, 1904)//Correspondence with the Secretary of State. 1904, no. 8. OIOC. MSS Eur F 11/163. Местные газеты соглашались с этим, см.: Vrittanta Patrika (April 7, 1904)//Reports on Madras Native Newspapers. 1903–1904, no. 15 (1904). P. 136. OIOC. L/R/5/111; Manorama (Sept. 9, 1904)//ibid., no. 37 (1904). P. 311; Al Bashir//Selections from the Native Newspapers Published in the United Provinces of Agra and Oudh. 1904, no. 24. P. 194. OIOC. L/R/5/80 — где также выражается изумление тем фактом, что мусульмане-подданные царя прилагали свои усилия для достижения победы над Японией. См. также: Egyptian Gazette (July 7, 1906). P. 3. В случае Египта и других областей Османской империи исключение составляли православные христиане, которые надеялись на русскую интервенцию, так как считали Россию своей защитницей, и были разочарованы ее поражением: Egyptian Gazette [Aug. 3, 1905]. P. 2.

²⁶ Эта проблематика характерна для всей индийской печати в период, предшествующий Цусиме. См.: Gujaraṭī (April 24, 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 18. P. 11 (quote). OIOC. L/R/5/159; Indian People (Jan. 16, 1904)//Selections from the Native Newspapers Published in the United Provinces of Agra and Oudh. 1904, no. 4. P. 28. OIOC. L/R/5/80; Bengalce (April 9, 1905)//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 16. Pt. II. P. 143. OIOC. L/R/5/31.

на идею о «желтой угрозе», которой оправдывалась европейская агрессия, местные газеты в Египте и Индии почти единодушно придерживались мнения, что теперь-то Япония покончит с «белой угрозой»²⁷. Как утверждалось в бомбейской «Гуджарати», «не только русские, но и все европейские народы прониклись таким эгоизмом, вероломством, тираническими наклонностями и алчностью, что возникла настоятельная потребность сбить с них спесь. И это осуществила Япония»²⁸. Египетские националисты разделяли эти чувства: «Японский народ является... единственным народом Востока, которому удалось поставить Европу на место. Как мне его не любить?» — спрашивал Мустафа Камиль, который рассматривал любой удар по Европе как удар по Британской империи — по его словам, «врагу № 1»²⁹. В калькуттской «Бхарат Митра» надежды колониальных подданных выражались более конкретно: «Отпор, полученный Россией, может остановить европейскую экспансию на Восток»³⁰. Почему в результате унижения, испытанного Россией от рук Японии, ожидался откат Британской империи, объясняется в стихотворении египетского националистического поэта Хафиза Ибрагима (последователя Камилы): микадо — «идеальный император, восхищающийся нас всех тем, что он разбудил Восток и вселил страх в сердца людей Запада»³¹. В этой же связи некоторые индийские газеты рассуждали даже о том, что европейцы настолько испугаются японской мощи на Востоке, что бросят все и сбегут из колоний. Ожидалось, что Китай с его сотнями миллионов жителей объединит силы со своими японскими освободителями и начнет межрасовую мировую войну — азиаты против белых — в которой последние понесут расправу³². Большинство обозревателей не заходило настолько далеко, но отныне каждой без исключения газете было ясно, что по видимости могучие империи могут обнаружить свою слабость, а малые народы — свою силу³³. Общим местом стало то, что японская победа «открыла нам глаза»; «Мы — не тот народ, каким были до японских побед»³⁴.

²⁷ Курсив мой. Цит. по: Vihari // Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1905, no. 28. P. 13. OIOC. L/R/5/160.

²⁸ Cujarati (June 25, 1904) // ibid., no. 26. P. 18.

²⁹ M. Kamel. Egyptian-French Letters. Cairo: Moustafa Kamel School, n. d. P. 202.

³⁰ Bharat Mitra (June 10, 1905) цит. по: Sinha. Indian. P. 174.

³¹ «Japanese Maiden» (1904) цит. по: Sugita. Japan. P. 301.

³² Amrita Bazar Patrika (Jan. 14, 1905) // Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 3. Pt. II. P. 23. OIOC. L/R/5/31; Indian Mirror (July 19, 1905) // ibid., no. 29. Pt. II. Pp. 262–263; Musafir (Nov. 8, 1906) // Selections from the Native Newspapers Published in the United Provinces. 1905–1906, no. 46 (1906). P. 795. OIOC. L/R/5/81.

³³ См., напр.: Kal (June 3, 1904) // Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 23. P. 11. OIOC. L/R/5/159.

³⁴ Цитаты соответственно из: Sandhya (March 15, 1905) // Report on Native Papers in

Появление Японии в роли пробного камня борьбы с европейским империализмом сыграло роль, выходящую далеко за рамки чисто стратегических и геополитических соображений. Представления о Японии выкли за собой отход от ранее преобладавших стереотипных взглядов на незападный мир как отсталый и бессильный. Колониальные газеты не только пели пангирики Японии, но и отождествляли себя с нею. Индийцы видели в японцах свою «ближайшую родню»³⁵. Они писали, что «достойные восхищения качества [японцев]... носят характерный азиатский характер:... бесстрашие перед смертью... трезвость и самообладание, доброта и гуманность». Напротив, все это «не характерно для западных наций», которые определялись как агрессивные, алчные и презирающие права других народов во имя прогресса³⁶. Во время Русско-японской войны индийский поэт и националист Рабиндранат Тагор (наряду со многими другими авторами) приписывал японские добродетели историческому влиянию индуизма. «Главное стремление Индии», — фантазировал он, — всегда заключалось в том, чтобы «установить личные отношения между людьми». Таков «путь Востока», явственно проявившийся в деяниях японских солдат, которые «сохраняют связь с микадо и своей родиной путем благоговейного самоотречения». В противоположность этому на материалистическом Западе, жаждущем власти, такие духовные и гуманистические идеалы совершенно отсутствуют³⁷. В Египте шел аналогичный мыслительный процесс, хотя некоторым обозревателям подобные ассоциации давались мучительно: египетские панисламисты с большим трудом находили смысл в победах японцев — языческого народа, — и призывали их перейти в ислам, чтобы исправить эту аномалию³⁸. Но в целом египетские интеллектуалы сходились во мнении, что побежденная Россия олицетворяет Запад, а Япония является «такой же восточной страной, как и наша»³⁹. Некоторые наблюдатели из обеих стран доводили эти представления до логической крайности. По их мнению, японцы доказали расовое

Bengal. 1905, no. 12. Pt. 1. P. 290. OIOC. I./R/5/31; и Bengalce (June 14, 1905)//Цит. по: Sinha. Indian. P. 176.

³⁵ Deshabhakta (Feb. 23, 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 9. P. 11. OIOC. I./R/5/159.

³⁶ Gujarati (March 19, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1905, no. 11. P. 13. OIOC. I./R/5/160.

³⁷ Цит. по: Hay. Asian Ideas of East and West. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. P. 43, см. также 69. Аналогичные интерпретации см.: Bangavasi (Feb. 13, 1904)//Report on Native Papers in Bengal. 1904, no. 8. P. 177. OIOC. I./R/5/30; Sandhya (Aug. 31, 1905)//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 36. Pt. 1. P. 863. OIOC. I./R/5/31.

³⁸ Egyptian Gazette (July 19, 1906). P. 2; Worringer. Comparing Perceptions. P. 343, n. 4; 406–408.

³⁹ Слова египетского социалиста Саламы Мусы, цит. по: Sugita. Japan. P. 299.

превосходство народов Востока над жителями Запада⁴⁰. Согласно Ибрагиму, утонченная красота архетипа японской женщины такова, что при виде ее «сврей забудет о золоте»⁴¹.

Обратной стороной этих заблуждений являлось самоочернение – хорошо заметный компонент в развитии всех национальных идеологий, игравший большую роль в тогдашних представлениях о Японии. И индийские, и египетские авторы поносили своих соотечественников за то, что те не ведут себя, как японцы. Камиль во всем обвинял иноземное господство, но тем не менее критиковал египтян за нехватку патриотизма, благородства, уверенности в себе, жертвенности и чувства собственного достоинства – тех самых качеств, которые обеспечили победу японцам⁴². «Пайза Ахбар», лахорская газета на урду, сожалела о том, что индийцы оказались рабами собственных склонностей и лишены тех свойств, которые сделали Японию великой нацией⁴³. По мнению различных бомбейских газет, индийцам совершенно не свойственны японские черты: они трусливы, избалованны, ленивы, лишены патриотизма, расколоты на конфессии и страдают от междоусобных столкновений, которые как происходят из британской политики «разделяй и властвуй», так и подпитывают ее⁴⁴. Калькуттская «Дэйли Хитавади» тоже не питала иллюзий: «Может ли цепной пес подражать свободному льву? Япония и Индия отличаются друг от друга, как небо и земля»⁴⁵.

Но несмотря на эти пессимистические оценки, и египтяне, и индийцы были одинаково убеждены в том, что волна повернула вспять – благодаря Японии, продемонстрировавшей, что Восток может сам решать свою судьбу. «Если японцы-рисосы способны свергнуть в полный разгром и развал русскую армию, то почему индийцы-рисосы не могут сделать то же самое [по отношению к англичанам]?» – задавалась вопросом одна индийская газета⁴⁶. В стихах Ибрагима заявлялось, что Япония обучила «Восток чувству уверен-

---

⁴⁰ R. Ray. *Social Conflict and Political Unrest in Bengal, 1875–1927*. Delhi: Oxford University Press, 1984. P. 141. Об аналогичной реакции в Османской империи см.: M. Hanioğlu. *Preparation for Revolution: The Young Turks, 1902–1908*. Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 297, 302, 304.

⁴¹ Цит. по: Sugita. *Japan*. P. 301.

⁴² *Egyptian Gazette* (June 8, 1904). P. 3; Worringer. *Comparing Perceptions*. P. 357.

⁴³ *Paisa Akbhar* (Sept. 7, 1904)//*Selections from the Native Newspapers Published in the Punjab, 1903–1904*, no. 37 (1904). P. 216. OIOC. L/R/5/187.

⁴⁴ *Aryavart* (Aug. 6, 1904)//*Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1904*, no. 33. P. 13. OIOC. L/R/5/159; *Shri Sayaji Vijay* (Jan. 30, 1904)//*ibid.*, no. 3. Pp. 11–12; *Hitechchhu* (May 12, 1904)//*ibid.*, no. 20. P. 11; *Baroda Vatsal* (May 21, 1904)//*ibid.*, no. 23. P. 12.

⁴⁵ *Daily Hitavadi* (June 4, 1905)//*Report on Native Papers in Bengal, 1905*, no. 23. Pt. 1. Pp. 564–565. OIOC. L/R/5/31.

⁴⁶ *Sri Sri Vishnu Priya-o-Ananda Bazar Patrika*, цит. по: Dua. *Impact*. P. 28.

ности в себе»⁴⁷. Аналогично высказывался и Тагор: «страна восходящего солнца» «вдохнула надежду» в жителей Востока, и «эта надежда зажигает скрытый огонь, необходимый для всякой творческой работы»⁴⁸. Для подданных колоний ключ к тому, чтобы стать хозяевами своей судьбы, скрывается в выработке качеств, присущих японцам — «энергии, мужества, находчивости и отваги», которые обеспечили победу над Российской империей и позволили им вступить за «азиатскую честь» и «восточную цивилизацию»⁴⁹. «Япония, — поучал своих соотечественников-египтян Камиль, — это тот пример, которому мы должны следовать. Полвека назад весь мир презирал японский народ, но тот в последнее время заслужил всеобщее одобрение. Почему? Потому что Япония достигла высот процветания, продемонстрировав величайшую энергию и способности»⁵⁰. Одно из нескольких стихотворений Тагора, вдохновленных победой Японии над Россией, написано в аналогичном ключе: в прошлом наши «знатоки религии пришли учить ваш народ, сегодня мы приходим к вашим дверям как ученики, чтобы получить урок борьбы»⁵¹.

Большинство обозревателей полагало, что этот «урок борьбы» начинался с уроков патриотизма и национального единства. По оценке Ганди, успех Японии можно объяснить «твердой решимостью победить... [достигнутой благодаря] единству, патриотизму и готовности добиться своего или умереть». Он призывал южно-африканских индийцев «последовать... примеру Японии» в своей борьбе за справедливость⁵². Камиль играл на той же струне. Для него самоочевидно, что «если бы я не был рожден египтянином, то мечтал бы им стать»⁵³, но его тяготило осознание того, что немногие из соотечественников подписались бы под этим заявлением. Чтобы изменить эту ситуацию, он сочинил «Восходящее солнце» — первую книгу о Японии, когда-либо написанную на арабском языке, — несмотря на то, что был мало знаком с темой, когда приступал к этому проекту. «Главной причиной, подтолкнувшей меня к данному начинанию, было стремление воспользоваться

⁴⁷ «The Russo-Japanese War» (1905), цит. по: Sugita, Japan, P. 301.

⁴⁸ R. Tagore. Nationalism. NY: Macmillan, 1917. P. 86.

⁴⁹ Первая цитата из: Jam-e-Jamshed (Jan. 4, 1905) // Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1905, no. 1. P. 9. ОИОС. L/R/5/160; другие из: Tribune (March 19, 1904) // Selections from the Native Newspapers Published in the Punjab, 1903–1904, no. 11 (1904), P. 57. ОИОС. L/R/5/187.

⁵⁰ Egyptian Gazette (July 26, 1906). P. 3.

⁵¹ Цит. по: Hay, Asian Ideas. P. 43.

⁵² M. Gandhi, Japan and Russia // Indian Opinion (June 10, 1905), в его Collected Works. Vol. IV. Ahmedabad: Government of India, Ministry of Information and Broadcasting, 1960. P. 466–467.

⁵³ Цит. по: I. Gershoni et al., Egypt, Islam, and the Arabs. NY: Oxford University Press. P. 12.

ся нынешними настроениями моих соотечественников, питающих огромную симпатию к Японии, чтобы рассказать им, что эта страна сильна лишь благодаря своему патриотизму. Я верю, что мои слова прозвучат подобно набату»⁵⁴. Так и случилось — книга разошлась большим тиражом, вдохновляя читателей своими словами о национальной гордости и преданности как о «секретах японского развития»⁵⁵. Более умеренный националист, Ахмад Лутфи аль-Сайид, глава партии «Умма» (Народной), также подчеркивал необходимость внушения патриотизма в японском духе в качестве ключевого условия для достижения Египтом независимости⁵⁶.

Помимо вопросов патриотизма и национального единства, египетские и индийские писатели и активисты извлекли и более конкретные политические уроки из японской победы, которые многое проясняют в их представлениях о настоящем и будущем. Что касается Камиля, он был противоречивой фигурой, панисламистом, мечтавшем о национальном возрождении в рамках пробудившейся к новой жизни Османской империи, но получившим известность за исключительный национализм, выраженный в девизе «Египет для египтян»⁵⁷. Как он (довольно смутно) представлял себе, египетский идеал — это «успехи процветания и рост цивилизации, аналогичные достижениям [наших исламских] предков и современных европейских государств, Америки и Японии». Он призывал к внедрению экономических, политических и образовательных институтов, аналогичных тем, что существовали в вышеупомянутых регионах, но не созданных британскими властями, при том, что те инвестировали большие средства в египетскую экономику и инфраструктуру. Особое значение для Египта имел пример Японии как независимой страны, своей военной мощью сравнявшейся с Западом⁵⁸. Хотя в программе Камиля оставалось много противоречий, его воззрения на Японию свидетельствуют, что заявленные им цели не отличались ни обскурантизмом, ни бегством от современности, чего можно было бы ожидать от радикального исламиста; учитывая расставленные им акценты,

---

⁵⁴ Kamel. *Egyptian-French Letters*. P. 146.

⁵⁵ Sugita. *Japan*. P. 299–302 (Камиль цитируется на P. 302).

⁵⁶ Worringer. *Comparing Perceptions*. P. 360.

⁵⁷ *Egyptian Gazette* (May 15, 1906). P. 2; *ibid.* (May 31, 1906). P. 5. Мироззрение Камиля излагается мной по: Gershoni. *Egypt, Islam, and the Arabs*. Pp. 4–15 *passim*; A. Hourani. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*. London: Oxford University Press, 1967. P. 200–208; F. Steppat. *Nationalismus und Islam bei Mustafa Kamil*. Leiden: Brill, 1956; C. Wendell. *Evolution of the Egyptian National Image*. Berkeley: University of California Press, 1972. P. 245–266.

⁵⁸ *Egyptian Gazette* (June 8, 1904). P. 3; *ibid.* (June 2, 1906). P. 3 (цитата); *ibid.* (July 26, 1906). P. 3. См. также: Sugita. *Japan*. P. 300, J. Ahmed. *Intellectual Origins of Egyptian Nationalism*. London: Oxford University Press, 1960. P. 65.

несудивительно, что впоследствии Камиль стал культовой фигурой для таких националистов-государственников, как Гамаль Абдель Нассер.

Политические уроки, преподанные Японией Индии, отражают большую разнородность индийского общества и большой вес интеллектуальной прослойки в этой стране. Удовлетворение статусом-кво выражали совсем немногие газеты. Одной из них была «Чару Михир», бенгальская газета из Маймансингха, утверждавшая, что Индия добьется большего процветания при британской, нежели при индуистской или мусульманской власти, при которых нацию ослабят межконфессиональные конфликты⁵⁹. Издававшаяся на урду газета «Аль-Башир» считала, что все будет отлично, если только король Эдуард VII перейдет в ислам⁶⁰. Но подавляющее большинство умеренных персидов, даже объявлявших индийцев лояльными британскими подданными, критиковали британские власти за то, что те недостаточно уважительно относятся к Индии и не стремятся сделать ее сильной и процветающей страной по японскому образцу, снизив налогообложение, допустив коренных жителей на высшие политические и армейские должности, учредив всеобщее образование, даровав равные с белыми людьми права и отменив драконовскую политику Керзона. Утверждалось, что если эти требования не будут выполнены, Англия не сможет рассчитывать на индийскую поддержку в случае возможных будущих столкновений с Японией⁶¹. Для Британии настало время, — предупреждала «Бенгали», — повысить свою популярность в Индии, уничтожив все подобные причины для недовольства, и заслужить благодарность индийцев, надлив их «соответствующим голосом в управлении делами родной страны»⁶². В настоящее же время британское правительство занимается лишь тем, что отталкивает их от себя⁶³. Японские

⁵⁹ Charu Mihir (June 13, 1905)//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 25. Pt. I. P. 612. OIOC. L/R/5/31.

⁶⁰ Al Bashir (July 31, 1906)//Selections from the Native Newspapers Published in the United Provinces. 1905–1906, no. 31 (1906). P. 464. OIOC. L/R/5/81.

⁶¹ Din Mani (Aug. 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 33. P. 13. OIOC. L/R/5/159; Vihari (July 24, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1905, no. 30. P. 16. OIOC. L/R/5/160; Hitavarta//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 9. Pt. I. P. 192. OIOC. L/R/5/31; Indian Mirror (April 13, 1905)//ibid., no. 16. Pt. II. P. 143; Daily Hitavadi (April 22, 1905)//ibid., no. 16. Pt. I. P. 411; Advocate (Jan. 8, 1905)//Selections from the Native Newspapers Published in the United Provinces. 1905–1906, no. 2 (1905). Pp. 12–13. OIOC. L/R/5/81; Swadesamitran (March 30, 1905)//Reports on Madras Native Newspapers. 1905–1906, no. 14 (1905) P. 126. OIOC. L/R/5/112; Swadesamitran (Sept. 19, 1905)//ibid., no. 39 (1905). P. 354.

⁶² Bengalee (June 10, 1905)//Report on Native Papers in Bengal. 1905, no. 24. Pt. II. P. 219. OIOC. L/R/5/31.

⁶³ Nadegannadi (March 29, 1904)//Reports on Madras Native Newspapers. 1903–1904, no. 11 (1904). P. 132. OIOC. L/R/5/111.

власти обращаются с народом как родители с детьми; напротив, англичане угнетают индийцев, как завосватели – покоренных⁶⁴.

Соответственно, хотя многие индийцы были бы удовлетворены, получив больше прав в рамках империи, очевидной тенденцией являлся призыв к «свараджу» – в буквальном переводе этот термин означает «самоуправление», но в сущности он подразумевал независимость, в значительной мере основанную на экономической самостоятельности. Эта идея вышла с периферии политической жизни в ее центр благодаря победе Японии над Россией. Как утверждала экстремистская националистическая газета «Кезари» из Пуны, «знание [японской] истории пробудило в мыслях [индийцев] решительное стремление к «свараджу»⁶⁵. Мадрасская «Манорама» писала, что японцы достигли величия благодаря собственным усилиям, и Индия должна последовать по тому же пути⁶⁶. Некоторые понимали японский путь как ориентированную на Запад программу экономического и военного роста, но для других он означал отказ от какой-либо оглядки на Запад и создание «всех современных условий для прогресса» своими силами⁶⁷. «Праджа Бандху», англо-гуджаратская газета из Ахмадабада, призывала к полному запрету импорта, ликвидации производства, находящегося в иностранном владении, и признанию только национальной индийской продукции, чего следует добиваться благодаря японской экономической помощи⁶⁸. В связи с этим многие придавали важное значение заимствованию японцами западных военно-промышленных технологий⁶⁹. В частности, воинствующий националист Бал Гангадхар Тилак считал, что при соблюдении этих принципов свараджа Индия уже через десять-пятнадцать лет станет не менее могущественной, чем Япония⁷⁰. Однако раздавались и такие голоса, которые, вслед за Тагором, скептически относились к этим аспектам японских успехов: «Не могу

---

⁶⁴ Arya Gazette (July 27, 1905)//Selections from the Native Newspapers Published in the Punjab, 1905–1906, no. 32 (1905), P. 217. OIOC. L/R/5/188.

⁶⁵ Dua. Impact. P. 40.

⁶⁶ Manorama (Sept. 9, 1904)//Reports on Madras Native Newspapers, 1903–1904, no. 37 (1904), P. 311. OIOC. L/R/5/111.

⁶⁷ Цит. по: Bengalee (Feb. 6, 1905)//Report on Native Papers in Bengal, 1905, no. 6. Pt. II. P. 55. OIOC. L/R/5/31; *ibid.* (Oct. 19, 1905)//Report on Native Papers in Bengal, 1905, no. 43, Pt. II. P. 377.

⁶⁸ Praja Bandhu (Sept. 3, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1905, no. 36. P. 11. OIOC. L/R/5/160; см. также: Mahratta (March 20, 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1904, no. 13. P. 11. OIOC. L/R/5/159.

⁶⁹ Deshabakta (Feb. 23, 1904)//*ibid.*, no. 9. P. 11; Kesari (Feb. 13, 1904)//*ibid.*, no. 8. P. 11; Jam-e-Jamshed (Jan. 4, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1905, no. 1. P. 9. OIOC. L/R/5/160.

⁷⁰ Dua. Impact. P. 37.

поверить, чтобы Япония стала той, какая она есть, подражая Западу» с его любовью к войне, власти, богатству и машинам. Тагор объяснял возвышение Японии ее преданностью буддизму и призывал свой народ заимствовать не технологию, а японскую духовность и эстетику⁷¹. Однако Тагор был анти-модернистом и утопистом, чьи идеи не находили отражения в современных ему газетах. Их интерпретация сварджда предусматривала государственную протекционистскую программу индустриального развития, подобную той, что осуществил в постколониальной Индии Джавахарлал Неру.

Немногие из индийцев отмечали жестокую агрессивность — несотъемлемую черту становления Японии как великой державы (в число этих немногих входили Ганди и Тагор, но позже). Если они и упоминали тягу Японии к захвату заморских территорий, то уверяли читателей, что микадо удовлетворится теми дальневосточными кусочками, которые он получил по условиям мира⁷². Некоторых смущало то, что европейцы стали положительно относиться к японцам лишь после того, как те столь решительно уничтожили тысячи русских жизней на полях Манчжурии и в водах Цусимы: «Какое великолепное мерило цивилизованности!» — саркастически отмечала бенгальская газета из Калькутты⁷³. Но подавляющее большинство радовалось тому, как Япония «ринулась вперед и поразила русского медведя; пусть же на его трупе пируют стервятники, терзая его внутренности» — так восторгался автор стихотворения в бомбейской газете «Пракашак»⁷⁴. Жестокостью японской армии вдохновлялись террористические группы, получавшие все большее распространение в Бенгалии и других провинциях. Политические активисты, возглавившие экстремистское крыло индийского движения за независимость — Билин Чандра Пал, А. Банерджи и П. Миттер — организовывали прояпонские митинги; для них победа Японии над Россией демонстрировала, что белые люди ни в чем не превосходят азиатов, и что самодержавие (каким они считали британское правление) можно свергнуть силой⁷⁵. Стремясь привить Индии японский воинский дух, г-жа Сарала Деви Гхонал открыла в Калькутте академию боевых искусств, призывая бенгальскую молодежь учиться «пользоваться палкой, кулаком, клинком и ружьем»⁷⁶.

⁷¹ Tagore. Nationalism. P. 68–73, 84–89, 106–107, цитата: P. 70.

⁷² Dua. Impact. P. 20–21.

⁷³ Sri Sri Vishnu Priya-o-Ananda Bazar Patrika (Sept. 14, 1904)//Report on Native Papers in Bengal, 1904, no. 39, p. 907, OIOC, L/R/5/30; см. также Hitkari (May 10, 1907), in Selections from the Native Newspapers Published in the Punjab, 1907, vol. XX, no. 24, p. 212, OIOC, L/R/5/189.

⁷⁴ Prakashak (Feb. 19, 1904)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1904, no. 9, P. 13, OIOC, L/R/5/159.

⁷⁵ Ray. Social Conflict. P. 141.

⁷⁶ Ibid.

Помимо слабой озабоченности кровавой стороной японских триумфов, следует отметить также, что ни в Египте, ни в Индии почти не дискутировалась тема японских представительных институтов. С первого взгляда это кажется странным, учитывая, каким влиянием пользовался японский парламент (наряду со вновь созданной российской Думой) как образец для политических реформаторов в Турции, Иране и Афганистане⁷⁷. Но последние были независимыми государствами, а не колониями, страдающими под пятой иноземных оккупантов. На тот момент все внимание националистов в Египте и Индии было уделено свержению британского владычества, и многие из них пытались найти альтернативу британской парламентской системе, которая в их глазах ассоциировалась с колониальным угнетением. Всех египетских и индийских националистов — как индуистов, так и мусульман, как умеренных, так и экстремистов — куда больше занимал поданный Японией пример того, что «ключ от величия страны находится в ее собственных руках»⁷⁸.

У британских властей этот пример не вызывал никакого восторга. В сущности, сперва они вообще отрицали какое-либо значение этой войны, особенно ее влияние на массы. «Во-первых, — отмечал Артур Гадли, заместитель госсекретаря по Индии, — из каждых десяти тысяч жителей Азии никто так и не узнает о японских победах, а во-вторых, те, кто узнают, думаю, отнесутся к ним очень спокойно»⁷⁹. Разумеется, он ошибался, и его представления свидетельствуют о том, насколько далеки от жизни были многие британские колониальные чиновники. Даже те, кто признавал это влияние, пренебрежали его как признак неготовности туземцев к участию в управлении страной. Итог этим настроениям подводится в меморандуме, составленном Майклом О'Двайером из правительства Пенджаба, и получившим одобрение Джона Морли, госсекретаря по Индии: «Успехи европейцев в военном деле, в сфере администрации и в торговле вызывают зависть у полуобразованного и нравственно неуравновешенного народа, непривычного к ясным и трезвым размышлениям. Успехи японцев, по их мнению, ликвидировали европейское военное превосходство, и теперь они готовы оспаривать это превосходство в администрации и торговле. В этом и состоит причина свадши [бойкота иностранных товаров] и претензий на самоуправление»⁸⁰. В Египте

⁷⁷ I. Spector. *The First Russian Revolution: Its Impact on Asia*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1962; Worringer. *Comparing Perceptions*. P. 36–37, chap. 4 passim.

⁷⁸ Jam-e-Jamshed (Jan. 4, 1905)//Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency, 1905, no. 1. P. 9. OIOC. 1./R/5/160.

⁷⁹ Письмо от мая 1904 г., цит. по: M. Das. *India under Morley and Minto*. London: George Allen and Unwin, 1964. P. 19. См. аналогичный британский прогноз относительно Египта в: *Egyptian Gazette* (Aug. 25, 1905). P. 2.

⁸⁰ M. O'Dwyer to Dunby Smith. *Government of India* (March 23, 1907)//Minto Papers. MS 12756. National Library of Scotland; John Morley to the Earl of Minto (May 24,

английские авторы передовиц также изображали националистов как юнцов, неспособных выполнить свое намерение – сравняться с Японией⁸¹. Кромер отрицал, что «брედовые речи» Камилы и панисламистов отражают законные претензии, хотя его мнение о том, что панисламисты не пользуются широкой поддержкой, опровергалось его же призывами к введению цензуры и увеличению численности британского гарнизона⁸².

Англия в качестве союзника Японии и соперника России в империалистической «большой игре» оказывала Японии военную помощь. Однако последствия японской победы для британских колониальных властей проявлялись со все большей очевидностью. Сэр Альфред Лайалл, бывший губернатор Пенджаба, говорил о том, сколь безрассудно «радоваться поражению европейской державы от рук азиатской армии»⁸³. По мнению другого защитника империализма, «реальные причины волнений в Индии... имсют столько же связи с правлением вице-короля Керзона, сколько с луной. Они коренятся в той волне чайний, которая затопила Азию после японских побед»⁸⁴. Хотя многие все так же пребывали в неведении или были настроены искоренять оппозицию, другие стали задумываться о последствиях: «теперь, когда «спящий Восток» проснулся... сколько времени пройдет, прежде чем «желтые азиатские орды» обрушатся на Запад?» – задавался вопросом английский историк А. Ф. Поллард⁸⁵. С другой стороны, существовало также более трезвое и точное понимание реакции коренного населения на войну: согласно передовице в проимпериалистической «Иджиптиэн газетт», уверенность европейцев в своем превосходстве «была решительно развеяна. Мы видели, как относительно малочисленный азиатский народ нанес решительное поражение крупнейшей в мире империи, а затем, забыв о своих варварских методах ведения войны, с достоинством и прозорливостью заключил мир. Так стоит ли удивляться тому, что и смуглый человек вслед за желтокожим начал

1907) // Minto Papers. MS 12737. Выражаю благодарность Майклу Сильвестри за знакомство с этими документами.

⁸¹ Egyptian Gazette (May 23, 1906). P. 3. Аналогичный комментарий Керзона к желанию афганского эмира подражать Японии см. его Correspondence with His Majesty the King, 1901–1905, letter no. 103 (Jan. 25, 1905). Pp. 124–125. OIOC. MSS Eur F 111/136.

⁸² Earl of Cromer to Marquess of Landsdowne (Jan. 9, 1905) // Foreign Office. Further Correspondence Respecting the Affairs of Egypt and the Soudan. 1905. PRO. FO 407/164, item no. 203. Pp. 362–364; Egyptian Gazette (July 23, 1906). P. 3 (цитата); см. также: Tignor. Modernization. P. 270ff.

⁸³ Цит. по: Hitechchhu (June 2, 1904) // Report on Native Papers Published in the Bombay Presidency. 1904, no. 23. P. 11. OIOC. L/R/5/159.

⁸⁴ Цитирует Ловат Фрейзер в Times of India, цит. по: Das. India. P. 18–19.

⁸⁵ A. Pollard. The History of England. London, 1912, цит. по: R. Hyam. The British Empire in the Edwardian Era // Brown. Oxford History of the British Empire. P. 55.

задумываться: в чем же состоит моя неполноценность?»⁸⁶ Такой пронизательности сопутствовало еще малозаметное, но крепнущее признание того, что национализм представляет собой естественную реакцию и силу, которая не отступит, даже если империалистическая держава одарит покоренную страну материальными выгодами⁸⁷. Немногие представители британских правящих кругов соглашались с такой точкой зрения, но дискуссия об этих вопросах, подхлестнутая Русско-японской войной, широко развернулась и в колониях, и за их пределами. Сам Керзон понимал, что империя вступила в новую эпоху: как он отмечал в 1911 г. в выступлении перед Палатой Лордов, «отзвуки этой победы пронеслись подобно раскатам грома по перешептывающимся восточным галереям»⁸⁸.

Не следует упрекать британцев за их удивление при виде националистической волны, поднявшейся в результате японских побед, так как она стала чем-то совершенно новым и неожиданным даже для местных интеллектуалов. Именно это внешнее событие более, чем что-либо, привнесло «подобие сплоченности и структуры» в прежде разрозненные национальные или протонациональные группировки⁸⁹. Многие из них не сумели прийти к согласию по вопросам стратегии и целей, однако новостью стало само единое движение — результат войны, наделившей и местные элиты, и массы как чувством собственного достоинства, так и потенциалом политического противодействия империалистическим силам⁹⁰.

Но индийцы и египтяне не просто вступили в схватку с британской империей. Помимо этого, они размышляли о своем будущем в качестве независимых народов, и Русско-японская война подтолкнула их к поискам альтернативных западным моделям развития. В течение последующих нескольких лет Япония продолжала служить источником вдохновения как в борьбе против британского господства, так и в дискуссиях о возможном экономическом и политическом устройстве после освобождения. Однако,

---

⁸⁶ Egyptian Gazette (Nov. 16, 1906). P. 2; см. также: Letter on Pan-Islamism//London Times (Jan. 21, 1908). Аналогичную оценку Индии см.: L. O'Malley. History of Bengal, Bihar, and Orissa under British Rule. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depot, 1925. P. 526–528.

⁸⁷ Egyptian Gazette (May 31, 1906). P. 5.

⁸⁸ Цит. по: Sinha. Indian. P. 173.

⁸⁹ Цит. по: Bose and Jalal. Modern South Asia. P. 108.

⁹⁰ Seal. Imperialism and Nationalism. Pp. 4–5, 19–21, 25. Автор не вносит ясности в вопрос, когда начался этот процесс, возможно, из-за того, что не признает роли Русско-японской войны. Другие историки не сомневаются в оказанном ею влиянии, см.: Dua. Impact. P. 37–38; H. Grimal. Decolonization/Trans. S. De Vos. Boulder: Westview, 1978. P. 40–41; J. McLane. Indian Nationalism and the Early Congress. Princeton: Princeton University Press, 1977. P. 364; W. Smith, Nationalism and Reform in India. New Haven: Yale University Press, 1938. P. 269.

в итоге оказалось, что японская модель не слишком отличается от западной. Но ирония судьбы, вскоре куда более привлекательным для националистов из колоний оказался пример советской России, представлявшей собой реальную альтернативу западному капитализму, а также оказывавшей активную поддержку антиимпериалистической борьбе. Почву для такой перемены отношений отчасти подготовило поражение русских от японцев, которое, наряду с революционным движением и популярностью русской литературы, внушало многим местным интеллектуалам мысль, что Россия — это все же не Европа и поэтому она приемлема как источник идей для того общества, которое они планировали создать⁹¹. После Второй Мировой войны, вследствие дискредитации русского коммунизма и японского экономического чуда, японский опыт снова встал на повестку дня, в первую очередь для «азиатских тигров» — Южной Кореи, Тайваня и Сингапура; но к тому моменту значение Русско-японской войны для развития национальных движений было уже давно забыто.

Перевод с английского Николая Эдельмана

---

⁹¹ См.: S. Marks. How Russia Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Н. В. ЛУКИНА

ОТ «КНИГ ДЛЯ НАРОДА» К ОЧЕРКАМ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ:

РУССКИЕ АВТОРЫ О СЕРБИИ И СЕРБАХ

В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

К онцу XIX — начало XX в. обозначили собой несомненный рубеж в истории человечества. Э. Хобсбаум выделяет ряд особенностей того времени. Прежде всего, по словам исследователя, «мир стал действительно глобальным»¹. Почти все его области были обнаружены и нанесены на карту. Телеграф сделал возможным обмен информацией по всему земному шару за считанные часы, а при помощи железных дорог и пароходов можно было добраться за сравнительно короткое время до самых отдаленных мест. «Географические экспедиции (за незначительными исключениями) уже не представляли собой «исследования», а превратились в... спортивные состязания»². Относительные комфорт, скорость и безопасность путешествий вызвали своего рода туристический бум. Путешествие стало не только возможностью посетить ранее недоступные области и вариантом познания мира, но и элементом самопознания. Туристы-наблюдатели пишут о своих поездках книги, которые пользуются спросом. По замечанию М. Тодоровой, на Западе (в частности, в Британии) путевые заметки в ряду читательских предпочтений уступали только романам³. Формируются серии научно-популярных книг с этногеографическим уклоном. В последней четверти XIX в. Балканы, по большей части, перестают быть небезопасной окраиной Османской империи и становятся территорией туристических маршрутов — пусть и не самой популярной, но, несомненно, пользующейся спросом, в частности, из-за своей «экзотичности». Недавно ставшие независи-

¹ Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 21.

² Там же.

³ Todorova M. Imaginary Balkan. Beograd, 1999. P. 159.

мыми славянские государства посещают не только русские, но и англичане, французы, бельгийцы, публикуя заметки и воспоминания, ценные именно в качестве «взгляда со стороны», замечаящего то, что объективно оставалось вне поля зрения местных жителей⁴. Мир становился все более компактным и тесно связанным потоками людей, товаров, капиталов и знаний. Одновременно он все более отчетливо разделялся на противостоящие друг другу военные и экономические блоки ведущих государств и их сателлитов. Культурно-политические элиты настойчиво искали пути к сохранению стабильности внутри своей страны и союзников на международной арене.

Российская империя тоже искала свое место в этом стремительно меняющемся мире. Необходимость перемен — как во внутренней, так и во внешней политике — ощущалась почти повсеместно. Однако то, в чем именно эти перемены должны были состоять, и как именно их следовало бы вносить в политику императорского правительства, зависело от политических, философских и культурных предпочтений тех, кто говорил об их необходимости. Одним из наиболее острых вопросов, дебатировавшихся в русском обществе того времени, был вопрос о целесообразности сохранения союза с Австро-Венгрией. Для многих было очевидным, что Высокая Порта в относительно недалеком будущем должна была превратиться в сателлита европейского Запада, тогда как Петербург и Вена должны были ожидать непримиримое соперничество на землях освобождаемого от османского контроля Балканского полуострова. В свою очередь, одним из самых первых, важных и острых пунктов этого соперничества стало обоюдное стремление к тому, чтобы включить в орбиту своего влияния Сербское княжество (с 1881 г. королевство), которое в 1878 г., в соответствии с Берлинским трактатом, обрело долгожданную полную независимость от Порты. Государственные отношения между Россией и Сербией в тот момент были чрезвычайно натянутыми, ибо правивший в последний князь (с 1881 г. король) Милан Обренович недвусмысленно связал судьбу самого себя, своей династии и самой страны с Австро-Венгрией. В таких условиях совершенно особую нагрузку должны были приобрести общественные связи между Россией и Сербией — в противовес официальному межгосударственному.

В свете этих обстоятельств обращает на себя внимание заметное сокращение публикаций на сербскую тему в русских легальных (подцензурных) периодических и отдельных печатных изданиях — особенно по сравнению с временем Восточного кризиса 1875–1878 гг. С другой стороны, характерные для того времени т. н. «книги для народа» — особая разновидность про-

⁴ Анализ наблюдений западных авторов о Сербии см. в работе: Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX веков: традиционализм или модернизация. Два восприятия // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. М., 2002. С. 162–191.

пагандистской литературы, в массовом порядке распространявшаяся среди низших слоев русского населения усилиями самых разных лиц, в т. ч. анонимных, которые при этом, по большей части, сами не бывали в описываемых ими краях — уступают место гораздо более реалистичным очеркам авторов, которые лично посещали балканские страны и, в частности, Сербию и непосредственно наблюдали местную действительность⁵.

После 1878 г. краткие известия о текущих событиях сербской политической жизни продолжали появляться регулярно, но сколько-нибудь пространные и подробные материалы, анализирующие положение в Сербии, стали относительно редки. Характерно, что среди их авторов практически не было случайных людей. Наоборот, едва ли не все они были прямо связаны с балканским (в терминологии того времени — «восточным») направлением по своим служебным обязанностям или — реже — «партийным» интересам. В частности, в печать периодически попадали «переработанные и дополненные» материалы, предназначенные первоначально в качестве отчетов для различных министерств и ведомств императорского правительства.

Характерными примерами этого рода могут служить работы генерал-лейтенанта Н. Р. Овсяного и второго секретаря русского посольства в Белграде Б. Н. Евсинова.

ОВСЯНОЙ Николай Романович (1847–1913) — генерал-лейтенант, военный историк, славист. Из дворян Киевской губернии. Образование получил в Киевском кадетском корпусе, военном училище и Военно-юридической академии. После окончания учебы принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., с июня 1877 г. состоял в распоряжении заведующего гражданскими делами при главнокомандующем, в 1878–1880 гг. губернатор г. Кюстендил. В 1886 г. вышел в г. Цетинье в качестве воспитателя наследника черногорского престола княжича Данилы. По возвращении — профессор Академии Генерального Штаба (с 1894), где преподавал военную историю и историю славян. Действительный член Русского Географического и Санкт-Петербургского славянского благотворительного обществ. Выйдя в отставку в 1910 г., занялся научной и общественной деятельностью. Во время Первой Балканской войны в качестве члена Совета Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества занимался отправкой в воюющие славянские страны врачей и медикаментов. Зимой 1912–1913 гг. в качестве уполномоченного Черняевского комитета находился в Старой Сербии (совр. Косово и Метохия). Оpub-

---

⁵ Подробнее о «книгах для народа» и о тех образах, в которых они представляли своим читателям сербов и Сербию, см., в частности: Конюшенкова Н. В. Сербская тема в т. п. «книгах для народа» в 70-е гг. XIX в. // Общества и государства югославянских народов в Новое и Новейшее время. К 125-летию обретения государственной независимости княжеств Сербии и Черногории. Конференция молодых ученых. Москва, МГУ, 29 ноября 2003 г. Материалы (в печати).

ликовал работы: «Современная Турция. Историко-этнографический очерк» (1877), «Сербия и сербы» (1898), «Болгария и болгары» (1900)⁶.

В одной из своих книг, специально посвященной современной ему Сербии и сербам, Н. Р. Овсяный подчеркивал, что «Россия не может безучастно относиться к Сербии, ... населенной одноплемennым нам народом, исповедывающим православную веру»⁷. С другой стороны, по убеждению Н. Р. Овсяного, положение в Сербии заслуживало внимания русской читающей публики еще и потому, что сербский вопрос, как и раньше, продолжал оставаться частью вопроса Восточного. В своей книге ученый приводил подробный географический обзор страны и очерк ее истории. Отдельный раздел был посвящен общей статистике и этнографии. С особым вниманием Н. Р. Овсяный рассматривал военный потенциал Сербии, подробно описывая принципы комплектования армии, ее структуру и численность, порядок чиновпроизводства и устройство военного управления. В то же время в книгу был включен пусть и небольшой, но очень содержательный очерк нравов и обычаев сербского народа.

В свою очередь Б. Н. Евреинов, учитывая относительную скудость сведений о Сербии в русской литературе, планировал создать полное описание королевства, основанное, с одной стороны, на официальных данных, а с другой – на материалах, собранных им лично. Этим планам не суждено было сбыться, поскольку дипломат был отозван из Белграда⁸. Однако, те материалы, которые ему все же удалось подготовить: географическое описание и некоторые сведения о внутренней жизни страны, – были изданы в виде отдельной книги под названием «Статистические очерки Сербского королевства»⁹.

Важно отметить, что к исходу XIX в. Балканы больше не были тем экзотическим краем («Европейская Турция!»), каким они представлялись для европейски образованной публики еще в первой половине этого столетия. Для большинства авторов и многих читателей Балканы стали местом повседневной – иногда даже рутинной – работы или предметом каждодневного интереса. Произошло общее повышение уровня образованности и требовательности читательской аудитории. Тем более, что развитие путей сообщения обеспечивало реальную возможность лично посетить описываемые места с целью проверки сведений, предлагаемых тем или иным источником информации. В этих условиях откровенные неблизцы о балканских землях и их жителях

⁶ См.: Улунян А. А. Овсяный Николай Романович // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 251–152.

⁷ Овсяный Н. Р. Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 4.

⁸ К сожалению, подробных сведений о дипломатической карьере Б. Н. Евреинова и, в частности, о ее белградском периоде на данный момент отыскать не удалось.

⁹ Евреинов Б. Н. Статистические очерки сербского королевства. СПб., 1903.

(которыми, в частности, изобиловали т. н. «книги для народа» периода Восточного кризиса 1875–1878 гг.) больше не могли рассчитывать на прежний успех и вызывали, в лучшем случае, лишь недоумение и улыбку¹⁰.

Характер публикуемых материалов, во многом, определялся родом деятельности их авторов, в частности — отношением к государственной службе. Лица, состоявшие на ней, по понятным причинам должны были проявлять максимальную осторожность при освещении тех вопросов, которые порождали реальные конфликты внутри самого сербского общества и открытое обсуждение которых в русской печати было способно еще более осложнить официальные отношения между Россией и Сербией. Специально и в деталях такие вопросы почти никогда не рассматривались. Чаще всего отмечался лишь сам факт их существования, обычно в связи с экономической или военной тематикой. В свою очередь, журналисты, свободные от служебной ответственности и далеко не всегда располагавшие полным объемом сведений по тому или иному вопросу, много и охотно рассуждали на общие темы — об особых отношениях между Россией и Сербией, о поиске союзников в будущей войне, считавшейся неизбежной, о возможных вариантах политических программ того или иного рода.

В качестве примеров можно указать очерки Е. Л. Маркова, опубликованные в «Русском вестнике» в 1898–1899 гг. («В братской земле» и «Стольный град Сербии»), и работы Е. Л. Львова (Кочетова), вышедшие в 1885 г. в «Новом времени» (серия публикаций под общим названием «Болгария в период террора и анархии»). Позднее и те, и другие были изданы в виде отдельных книг — Е. Л. Маркова в 1903 г. (под новым названием «Путешествие по Сербии и Черногории»), Е. Л. Львова в 1888 г.

МАРКОВ Евгений Львович — публицист, критик, прозаик, педагог (1835–1903). Родился в старинной помещицкой семье Щигровского уезда Курской губернии. Окончил курс в Харьковском университете кандидатом естественных наук. В университете сблизился с радикальным студенческим кружком. Увлечшись идеями воспитания нового гражданина, Е. Л. Марков (вместе с братом) с 1859 г. преподавал в Тульской гимназии. Л. Н. Толстой предлагал Е. Л. Маркову сотрудничество, но тот отказался, поскольку не разделял педагогических взглядов писателя. С 1865 г. Е. Л. Марков — директор Симферопольской гимназии и народных училищ. Через пять лет, не сойдясь с консервативным начальством, он подает в отставку, проводит год в Швейцарии и Германии, а затем переезжает в свое имение Александровка, где активно занимается земской деятельностью. В этот период своей жизни Е. Л. Марков почти каждый год совершал путешествия по России и разным

¹⁰ Анализ наиболее характерных из таких псеблиц см. в работе: Коношеникова Н. Стереотипы славянской взаимности // Свободная мысль-XXI. 2004. № 3 (1541). С. 93–104.

странам мира. В 1881–1882 гг. он участвовал в созданной Министерством Внутренних Дел комиссии «сведущих людей» по питейному и переселенческому вопросам, в связи с чем регулярно выступал в печати. С 1887 пересел в Воронеж, где продолжил общественную и просветительскую деятельность: состоял управляющим воронежского отделения дворянского и крестьянского земельных банков, участвовал в организации губернского музея, кружка любителей живописи. Сотрудничал в «Отечественных записках», «Голосе», «Русском вестнике».

Критические и публицистические работы Е. Л. Маркова, посвященные не только конкретным общественно-политическим проблемам, но и вопросам развития русской литературы, отличались методичностью изложения и афористичностью итоговых формулировок. Статьи имели успех у читателей и в 1877 г. были переизданы в составе собрания его сочинений.

Наиболее плодотворно Е. Л. Марков работал в жанре путевого очерка, особенно после того, как широкую популярность ему принесли «Очерки Крыма», впервые опубликованные в «Отечественных записках» в 1867 г. и к 1911 г. выдержавшие четыре издания. В путевых очерках автора соединяются бытовые зарисовки, этнографические описания и публицистические отступления. В этом жанре написаны «Очерки Кавказа» (СПб., 1887), «Путешествие на Восток. Царь-град и Архипелаг. В стране фараонов» (СПб., 1890), «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891), «Россия в Средней Азии» (СПб., 1901), «Путешествие по Сербии и Черногории» (СПб., 1903)¹¹.

ЛЬВОВ (настоящая фамилия Кочетов) Евгений Львович (1845–1905). Родился в мелкопоместной дворянской семье, получил домашнее образование. Точные сведения о первой половине жизни Е. Л. Львова отсутствуют. Однако литературоведы соотносят героя книги «В Сибирь на каторгу» Евирафа Логиновича Кречетова с автором, писавшим под псевдонимами «Евг. Л. Львов» и, позднее, «Русский странник». Таким образом, вполне возможно, что Е. Л. Львов находился в Польше во время восстания 1863 г., служил в одном из уланских полков, намеревался жениться на польке и принять католичество, за что подвергся уголовному, а по другим версиям, дисциплинарному преследованию. После освобождения служил в особой канцелярии вилленского генерал-губернатора. Позже пересел в Петербург, где получил место в одном из городских судов.

С 1880 г. начинается журналистская деятельность Е. Л. Львова. Опубликовав в «Московских ведомостях» письмо о студенческих волнениях, он получает приглашение от М. Н. Каткова сотрудничать в его газете. В ней Е. Л. Львов стал вести колонку, в которой регулярно полемизировал с либералами. В 1882 г. он начинает переговоры с Н. С. Сувориным о команди-

¹¹ См. подробнее: Викторевич В. А. Е. Л. Марков // Русские писатели 1800–1917. В 4 тт. М., 1989. Т. 3. С. 526–528.

ровке в Польшу в качестве корреспондента «Нового Времени». Однако М. Н. Катков не согласился на работу своего сотрудника одновременно в двух газетах, и Е. Л. Львов переходит в издание Н. С. Суворина. С лета 1884 г. в «Новом времени» появляются корреспонденции из Польши под псевдонимом «Русский странник», в которых главное внимание было сосредоточено на проблеме русского влияния в крае. В сентябре 1885 г., после Румслийского переворота, Е. Л. Львов выезжает в Болгарию. Освещение им происходящих событий с позиции русских интересов – так, как он сам их понимал – вызвало противодействие болгарских властей. Журналист доказывал, что в подготовке переворота ведущая роль принадлежала русским эмигрантам-нигилистам, стремившимся подорвать влияние России. Вернувшись в Москву в начале 1886 г., Е. Л. Львов издал свои материалы в виде книг «Румслийский переворот» (1886) и «Болгария в период террора и анархии» (1889). Позиция автора встретила поддержку славянофильских кругов как в самой России, так и в Болгарии. Однако продолжения книг не последовало, ибо события на Балканах на некоторое время утратили прежнюю актуальность. В 1894 г. Е. Л. Львов переходит на службу в министерство финансов и прекращает активную журналистскую деятельность¹².

Цель большинства работ, опубликованных в России в конце XIX – начале XX в. и затрагивавших сербскую тематику, состояла отнюдь не только в том, чтобы дать читающей публике некоторый объем сведений о Балканских странах вообще и Сербии в частности. В принципе, при желании такие сведения можно было получить и из газет – как российских, так и иностранных. Помимо простой информации, читателям предлагался еще и анализ, а иногда даже и прогноз возможного развития той или иной конкретной ситуации. Прежде всего, авторы русских публикаций на сербскую тему стремились создать позитивный и, вместе с тем, как можно более реальный, демифологизированный, образ серба как возможного союзника на Балканах. Не скрывая многих из тех проблем, с которыми действительно сталкивалась Сербия в своей внешней и внутренней политике или, по крайней мере, проговариваясь о них, авторы пытались определить потенциал и возможные пути ее развития. Русских наблюдателей интересовало не только отношение сербов к России, но и духовное состояние сербского общества, реалии его церковного, культурного, социально-политического и хозяйственно-экономического быта. Одновременно с этим почти все русские авторы считали необходимым предложить своим читателям очерк средневековой и новой истории Сербии – пусть даже в самом кратком и общем виде – стремясь учитывать при этом хотя бы основные достижения научной славистики того времени.

---

¹² См. подробнее: Носов А. А., при участии Эдельман М. Г. Е. Л. Катков // Русские писатели 1800–1917. В 4 тт. М., 1989. Т. 3. С. 115–116.

Сербия и Россия: родственная близость или случайное сходство?

Прямое сходство Сербии и сербов с Россией и русскими по внешнему облику и внутреннему строю и складу ищет и находит только Е. Л. Марков, который свое путешествие 1898 г. «по славянским землям» начал из Салоник.

Близость русских и сербов Е. Л. Марков чувствует сразу по пересечении сербской границы. Он отмечает, что «вид всего кругом какой-то русский». Объявления написаны «родными русскими буквами — кириллицей — и почти русскими же словами»¹³. Одежда прохожих, дома и поля отчетливо напоминают малороссийские. Сколько-нибудь углубленное предварительное изучение сербского языка кажется не особенно нужным — знание нескольких сербских слов и фраз и переделка русской речи «на сербский лад» дают возможность часами разговаривать с сербами на какие угодно темы. Дорога на Ниш напоминает Е. Л. Маркову «родную русскую равнину: хлебные поля кругом, зеленые луга, скот на лугах»¹⁴.

Примечательно, что, рассказывая о событиях сербской истории и описывая сербские города и монастыри, Е. Л. Марков неоднократно пытается указать на их возможные аналоги на родной русской почве: Призрен он называет «Сербским Царградом», сербскую Дечанскую лавру сравнивает с подмосковной Троице-Сергиевой¹⁵. Особое внимание Е. Л. Марков обращает на сходство и различия исторических судеб сербов и русских. Косовский бой он сравнивает с Куликовской битвой. Османское владычество — с монголо-татарским игом. И даже созвучие самих имен «Рашка» (как называлась одна из главных сербских областей, ставшая колыбелью средневековой Сербской державы Неманичей) и «Россия» не кажется ему простой случайностью.

Очень сильно волнует Е. Л. Маркова отношение сербов к России. В своем опыте общения с сербами он находит подтверждение давно сложившегося в русском обществе представления о том, что искренне любят Россию только простые крестьяне, тогда как образованные сербы относятся к ней гораздо более критично и требовательно. По дороге в древний сербский монастырь Студеница русские путешественники (автора сопровождали его супруга и русский консул из Ниша) были вынуждены сделать остановку в небольшой «меанс» (трактире). Немногочисленным посетителям, привлеченным необычным видом приезжих, по словам Е. Л. Маркова, «достаточно было узнать, что мы русские, чтоб окончательно расположить их к нам»¹⁶.

¹³ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 8. Т. 256. 1898. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 14.

За время своей поездки Е. Л. Марков приходит к пониманию того, что, несмотря на общую любовь сербов к России – а «все они знали, что русский царь помог сербам освободиться, что русские – друзья и братья сербов» – реальное положение дел в России для них практически неизвестно. Сербские крестьяне знают лишь то, «что Россия страшно сильна, велика и богата»¹⁷. То, что Босния отошла к Австро-Венгрии, а «Старая Сербия» оставлена под властью Стамбула, воспринимается среди сербских крестьян как мелкое недоразумение, которое Россия не только может, но и должна как можно скорее исправить. С этой точки зрения примечательно, что не только сербские «ссылки», но и братия монастыря Студеница оказываются буквально изумлены, узнав, что русский и сербский языки не только используют одну и ту же азбуку, но и весьма схожи между собой по своему словарному составу и строению. Перекрестившись, Е. Л. Марков окончательно убедил своих собеседников в том, что он такой же православный христианин, как и они сами, после чего те наконец-то поняли, что побудило его решиться на столь дальнюю и трудную дорогу до Студеницы.

Если для сербских крестьян было вполне достаточно услышать от Е. Л. Маркова несколько русских слов, более или менее приспособленных для сербского слуха, и убедиться в православии его самого и его спутников, то сербы, выучившиеся в Европе, обычно высказывали целый ряд характерных претензий. В этом отношении чрезвычайно любопытен разговор Е. Л. Маркова с одним сербским ротмистром, закончившим военную академию в Брюсселе. По искреннему убеждению ротмистра, именно Сербия сыграла величайшую роль в европейской истории, пожертвовав собой ради того, чтобы остановить турецкое вторжение в Европу. И, несмотря на это, ни к какой другой стране просвещенные европейские державы не выказали такой неблагодарности, как к Сербии – она «была оставлена безо всякой помощи, и исключительно собственными ничтожными силами, героизмом своего народа отбилась от варваров и сбросила с себя пятисотлетнее иго»¹⁸. Все попытки Е. Л. Маркова напомнить о роли России в поддержке Первого сербского восстания, об ультиматуме российского императора Оттоманской Порте после сокрушительного поражения сербов под Джунишем, со стороны ротмистра были безжалостно парированы указанием на Сан-Стефанскую Болгарию. По его словам, русская дипломатия «взлеяла Болгарию как родное детище», а к сербам «отнеслась как к каким-то пасынкам»¹⁹. При этом серб особенно старался доказать, что Болгария была попросту недостойна тех великих милостей, которых она была удостоена в рамках Сан-Стефанского договора. По мнению собеседника Е. Л. Маркова, болгары решительно

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 12. Т. 258. 1898. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 38.

ничего не сделали для своего освобождения, а, следовательно, не имеют никакого права на покровительство и сочувствие великих держав. Россия же, в свою очередь, стала жертвой болгарского двуличия — «в то время как русские войска проливали за них свою кровь, болгары передавали туркам оружие, раздававшиеся им русскими, и служили туркам надежными шпионами за движением и расположением русских войск»²⁰. Старание Е. Л. Маркова указать на пристрастность и несправедливость таких оценок не нашло понимания, вызвав со стороны ротмистра лишь новую тираду о судьбе Сербии, которую принесли в жертву Австро-Венгрии с согласия все той же России еще накануне ее вступления в войну с Портой. Так что теперь новым главным врагом сербского народа и его государства являются «швабы». Именно Австро-Венгрия виновна в недавней сербо-болгарской войне, которую она вызвала, «чтобы надолго установить среди балканских народностей вражду и рознь»²¹. Однако, если от Вены ничего другого нельзя было и ожидать, то позиция невмешательства, занятая Петербургом, вызвала горькую обиду. При этом сербский ротмистр не скрывал, что до сих в присутствии крестьян и дурного слова нельзя сказать про Россию, русский гимн («Боже царя храни») стал любимейшей песней в сербских деревнях, а «простой серб не называет русских иначе, как братьями»²². По признанию Е. Л. Маркова, он был польщен уверениями сербского офицера в привязанности его соотечественников к России. Однако, то обстоятельство, что, как пишет далее сам Е. Л. Марков, «эти выражения братских чувств между сербом и русским должны» были «происходить не на сербском и не на русском языках, а на языке тех самых ненавистных сербу швабов, которых он только что обвинял во всех бедах», не могло не заставить автора «внутренне улыбаться»²³.

К этому замечательному разговору, воспроизведенному Е. Л. Марковым, стоит обязательно добавить, что подобные представления о русских благодетелях Болгарии за счет Сербии были достаточно широко распространены среди образованных сербов, в т. ч. лиц, занимавших самое высокое положение в сербском обществе и государственной власти. Среди последних был, в частности, и сам Й. Ристич, возглавлявший сербскую делегацию на Берлинском конгрессе в 1878 г. Рассказывая о разговоре с ним (ведшемся, кстати говоря, по-французски), Е. Л. Марков отмечает, что «Болгария и Македония, очевидно, как бельмо в глазу у сербских политиков». Й. Ристич считал «совершенно незаслуженным такое исключительное сочувствие, которое Россия проявила относительно Болгарии». Болгария, по словам сербского политика, вообще была «страной без истории — сама она никогда

---

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 40.

²² Там же.

²³ Там же.

даже не пыталась делать что-нибудь собственными силами: все делали за нее другие». В то время как греки восстали против турок в 1820 г., а сербы — еще в 1804, болгары не восставали «совсем». В Боснии и Герцеговине «сербы постоянно бились с турками в качестве добровольцев (прежде всего, здесь имеется в виду восстание 1875 г. — *Н. Л.*), а Болгария едва могла присоединить к русской армии (в ходе войны 1877–1878 гг. — *Н. Л.*) 3 тысячи своих добровольцев». И после всего этого именно Болгария получила от России и ее представителей «казну в 12 миллионов франков чистыми деньгами, полное вооружение для армии..., русских офицеров-инструкторов, даже маленский флот и, кроме того, все готовые правительственные учреждения, словом, получила даром все то», чего сами сербы «должны были добиваться в течение долгих лет со страшным напряжением сил»²⁴. В рассуждениях Й. Ристича чувствовалась явная обида на Россию и ее дипломатов. По его словам, на Берлинском конгрессе на все его заявления о защите сербских интересов один из членов российской делегации (граф Шувалов) не нашел иного ответа, кроме следующего: «наше положение такое скверное, что мы ничего существенного изменить не можем, советуем вам обратиться к Австрии». «А потом, — восклицал Й. Ристич, — нам ставили в вину, что мы поддерживали с Австрией добрые отношения»²⁵.

Гораздо более спокойно и сочувственно о России и о ее политике по отношению к Сербии высказывался в беседе с Е. Л. Марковым вождь противоположной — радикальной — партии Н. Пашич. Он прямо признавал, что во внешней политике программа его партии состояла в «дружбе с Россией», но дружбу эту предполагал вести так, чтобы «при этом не требовать от России более того, что она может дать; потому что мы понимаем, что она сама стеснена в своих действиях Европой»²⁶. Как и многие его соотечественники, Н. Пашич тоже испытывал обиду от Сан-Стефанского договора, однако объяснял его условия (прежде всего, по вопросу о границах Болгарии) «не враждой» русских к сербам, а «просто заблуждением» русских дипломатов, поддавшихся «ложным» внушениям своих болгарских сотрудников. По мнению Н. Пашича, для России было бы «всего справедливее разграничить сербов и болгар при участии самих сербов и болгар», что позволило бы избежать «таких крупных несправедливостей и ошибок»²⁷.

Разговаривая с разными людьми, отличавшимися по уровню образования, профессии и партийной принадлежности (встретиться не удалось только с сербскими прогрессистами), Е. Л. Марков «чувствовал ясно и несомненно, что сербы действительно родные нам; в них много так близко и зна-

²⁴ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 83–84.

²⁵ Там же. С. 83.

²⁶ Там же. С. 91.

²⁷ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 91.

комо,... столько чисто русских достоинств и чисто русских недостатков»²⁸. Их страна вообще напомнила путешественнику малороссийскую провинцию — своей привязанностью к деревенскому быту, нелюбовью к промышленности и торговле, а также тем благоговением перед своим героическим прошлым, какое, по мнению Е. Л. Маркова, можно было встретить у потомков запорожских казаков.

Путешественник считал, что, несмотря на многие столетия отсутствия прямых и прочных связей с Россией, сербский народ, за редким исключением, верит в нее и желает тесного сотрудничества с ней, «охотно готов бы был стать под ее естественное покровительство и руководство»²⁹. Тем не менее, отмечал Е. Л. Марков, в действительности Россия для Сербии является, скорее, мечтой, которая поддерживается памятью о тех исторических событиях, в которых далекая северная империя активно поддерживала сербов. В реальной повседневной жизни молодого славянского государства существование России практически никак не ощущается, поскольку в Сербии почти совсем нельзя встретить ни русских товаров, ни книг, ни туристов — за отдельными, очень редкими, исключениями. Вся экономическая и политическая жизнь Сербии, по наблюдениям Е. Л. Маркова, связана с Австро-Венгрией, а из всех изучаемых в стране иностранных языков именно немецкий пользуется наибольшей популярностью.

Резко негативно Е. Л. Марков оценивает деятельность русской дипломатической миссии в Сербии. Безрадостное впечатление произвело на него уже само русское посольство, расположенное на одной из самых плохих улиц Белграда. Все попытки получить от его сотрудников советы и возможное содействие для задуманного путешествия по Боснии и Герцеговине не увенчались успехом. Хотя в посольстве и было известно, что посздка Е. Л. Маркова предпринимается с «учено-литературной» целью, «никто из наших молодых дипломатов не мог дать... даже приблизительных сведений» о тамошнем положении и «никто... не выказал ни малейшей готовности помочь в этом деле соотечественнику своим официальным влиянием»³⁰.

В Нише, несмотря на присутствие русского консула, т. н. «Русский кружок», организованный стараниями местного префекта-русофила, представлял собой «маленькую комнатку с маленьким шкафиком, за стеклом которого стояли несколько десятков случайно собранных русских книг, с маленьким столом, на котором лежали несколько номеров русских газет». Все материалы в этом «Русском кружке» находились безо всякой охраны, ибо «охотников украсть русские газеты и книги в Нише», по наблюдению Е. Л. Маркова, не имелось. Сюда, по словам русского консула, иногда заходили «поболтать,

²⁸ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 8. Т. 262. 1899. С. 582.

²⁹ Там же.

³⁰ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 92.

поиграть в шахматы», но читали мало. Вообще, в Нише было мало тех, кто умел говорить по-русски, хотя русские книги понимали многие³¹.

Состояние русского дипломатического представительства в Сербии удручало Е. Л. Маркова тем более, что он был глубоко убежден в его огромном практическом значении для развития тесных отношений России со славянскими странами. Перед лицом объединившихся Италии и Германии и расширяющей свою мировую империю Великобритании, «в этом роковом неизбежном состязании могучих рас европейского человечества», «славянству», по мнению Е. Л. Маркова, надлежало волей-неволей или «сделаться беспомощной жертвой экономического и политического превосходства своих соперников»³², или же объединиться, осознав не только свое родство, но и общность своих интересов, и дать «отпор строго дисциплинированным и тщательно выработанным силам» своих врагов (прежде всего германизации). Объединяющую «великую роль вождя и защитника славянства» могла, по искреннему убеждению Е. Л. Маркова, сыграть лишь Россия, поскольку только ей на протяжении долгого времени удалось сохранить свою государственность. Однако, чтобы выполнить это великое предназначение, она сама должна была «решительно вступить на путь, способный привлечь к себе непринужденную любовь славянских народов»³³.

Другой русский путешественник — Е. Л. Львов, корреспондент «Нового Времени», освещавший события сербо-болгарской войны 1885 г. — о родстве русских и сербов нигде прямо не говорит, однако много пишет об отношении сербов к России. Вообще, именно сербы привлекали к себе его симпатии — в отличие от «лукавых и неблагодарных» болгар. Важно отметить, что общение Е. Л. Львова с сербами протекало по обе стороны болгарско-сербского противостояния. Оно началось еще в Софии, где автор встречался с сербскими эмигрантами, укрывшимися в Болгарии от преследований короля Милана и его сторонников. Затем оно переместилось в расположение сербской действующей армии, куда Е. Л. Львов перескал, преодолев линию фронта (чему не препятствовала ни одна из противоборствующих сторон). Далее он направился в Белград, останавливаясь по дороге в городах Пирот, Ниш и некоторых селах. В свою очередь, сами сербы, с которыми он познакомился и беседовал во время этой поездки — так же, как и в случае Е. Л. Маркова — принадлежали к самым разным социально-политическим и культурным слоям сербского общества.

Одним из самых колоритных собеседников Е. Л. Львова был старый вовода Пейко Павлович, встреченный им в местечке Кудловица недалеко от Софии и настаивавший на том, что даже против турок отказывался

³¹ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 8. Т. 256. 1898. С. 43–44.

³² Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 8. Т. 262. 1899. С. 584.

³³ Там же. С. 585.

выступать, когда русский царь не давал на то своего дозволения. По словам Е. А. Львова, «старик вообще показывает восторженное поклонение России, ... говоря про нее, он встает с места»³⁴. Для П. Павловича главным врагом была Австро-Венгрия: «пусть не думает кесарь, что у нас можно отнять последнее, потому что мы малочисленнее»³⁵. Восвоя всячески подчеркивал, что Босния и Герцеговина, несправедливо отнятые австрийцами, представляют собой исконные земли Сербии, которые сербам обязательно надо вернуть — и как можно скорее. Старому воеводе вполне вторил другой сербский собеседник, встреченный Е. А. Львовым в Болгарии — некий Стефан Петранович, эмигрант: «Под именем государя у нас подразумевается один государь русский, а другого мы не знаем»³⁶.

Попад в расположение сербских войск, Е. А. Львов, в отличие от Е. А. Маркова, не заметил существенной разницы в том, как относились к России рядовые солдаты, простые крестьяне по происхождению, и офицеры, обычно получившие образование. Солдаты соревновались за право принести русскому гостю воды, а один из их командиров, майор Магдаленич, предложил русскому корреспонденту собственную комнату, поскольку в разгромленном Пироте трудно было найти сколько-нибудь сносное жилье. Известие о появлении русского распространилось по городу с молниеносной быстротой. Пострадавшие от болгарских грабежей жители подали корреспонденту петицию с перечислением понесенного ущерба. К майору Магдаленичу в гости сразу же пришли друзья, устроившие ужин в честь его гостя, где провозглашались тосты за Россию и русского императора. Ответный тост Е. А. Львова — за Сербию и митрополита Михаила (который к тому времени был низложен со своей кафедры и эмигрировал из Сербии) — вызвал возмущение со стороны его гостеприимца. Майор заявил, что, ненавидя Австрию, он «глубоко любит русских», так что «сломаю бы скорее о колено свою саблю, как и всякий другой серб, прежде чем обнажить и поднять ее против русских»³⁷. Он также признался, что понимает те благородные мотивы, которые побудили Россию предоставить убежище опальному митрополиту. Тем не менее, — закончил Магдаленич, — перед лицом спора между королем и одним из его подданных сам он должен следовать принесенной присяге и оставаться на стороне своего короля. Русский корреспондент с аргументами сербского майора полностью согласился, не преминув при этом заметить, что, как русский, имеет подобное право не поднимать тост за князя Баттенберга в Болгарии, за короля Милана — в Сербии, и в Вене — за того и другого вместе. Наметившийся, казалось бы, конфликт, не получил продолжения

³⁴ Львов Е. А. Болгария в период террора и анархии. М., 1888. С. 34.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 46.

³⁷ Там же. С. 276.

и закончился миром — собравшиеся признали правоту каждого из выступивших, провозгласив еще раз тост за Россию как за «прошедшее, настоящее и будущее всего славянского мира»³⁸.

В Ак-Паланке, следующем городе, где русский корреспондент сделал остановку, для него также не нашлось свободной комнаты в гостинице. И вновь «один из сербских офицеров» обратился к нему «с просьбой сделать ему честь и перейти в его комнату»³⁹. Е. В. Львов принял предложение, но, по собственному признанию, поставил условием потребовать собственный обед, зная сербское гостеприимство. Хозяин комнаты — корреспондент не смог определить его чин по мундиру, а спросить ему было неловко — тоже говорил о своей любви к русским. Во многом, по словам офицера, поражения его армии объясняются распушенным слухом о наличии у болгар русских командиров, из-за чего целый «полк отказался драться и стрелять по русским»⁴⁰. Болгары же из «из собственных выгод» старались поддерживать это заблуждение у своих сербских противников, «что и было нетрудно, ибо многие воспитывались в России, отлично знают русский язык и при перестрелках кричали и переругивались по-русски»⁴¹, — признавался собеседник Е. Л. Львова. При этом следует отметить, что сам сербский офицер не имел никакой обиды на Россию и русских и лишь возмущался двуличием своего врага.

По пути в Ниш корреспондент неоднократно останавливался на сербских постоянных дворах и везде находил — в качестве русского — самый радушный прием, близкий, по его словам, к обожанию. В одном поселке к Е. Л. Львову крестьяне привели своих детей, чтобы показать им живого русского, а один из «селяков» даже попросил гостя написать свое имя, обещая хранить эту записку. Не обошлось и без вопросов. Особенно часто корреспондента спрашивали о русском царе, за что он сердится на сербов, и почему русский народ больше любит болгар. Е. Л. Львов обратил внимание на то, что во многих комнатах как постоянных дворов, так и обычных сербских домов висели портреты не только Милана и королевы Натальи, но и русского императора, тогда как изображений императора австрийского не было нигде — в отличие от домов болгарских. По мнению Е. Л. Львова, это объяснялось тем, что болгарин равнодушен к Францу-Иосифу и потому вешает на стену его изображение безо всякого чувства, в то время как серб, «глубоко ненавидя Австрию, не решается украшать свои стены изображением того, кого считает своим врагом»⁴².

Любовь и внимание к его соотечественникам, считал Е. Л. Львов, «очень естественны и весьма легко объясняются» тем, что русские «в 1876 г. оста-

³⁸ Львов Е. Л. Ук. соч. С. 276.

³⁹ Там же. С. 292.

⁴⁰ Там же. С. 291.

⁴¹ Там же.

⁴² Львов Е. Л. Ук. соч. С. 296.

вили по себе здесь добрую память, которая и осталась в народе в полной неприкосновенности». Сербское правительство, по мнению корреспондента, «не допуская русских посещать внутреннюю страну, оказывает этим русскому делу менее вреда, чем того желает, ибо народ, не видя русских, еще более чтит своих единокровных друзей»⁴³.

Прибыв в Ниш, Е. Л. Львов очень быстро завел знакомства с офицерами местного гарнизона, которые первыми предложили гостю свое приятельство. В разговорах новых знакомых обсуждались, преимущественно, прошедшая кампания и внутренняя политика Сербии. Офицеры уверяли своего собеседника в любви к России и клялись в ненависти к Австро-Венгрии, на которой, по их мнению, лежала значительная часть вины за поражение сербов в войне 1885 г. По словам одного штабс-капитана, закончившего Венскую военную академию, именно «Австрия, вмешиваясь во все, систематически деморализует и ослабляет наши войска»⁴⁴. Поскольку австрийцы, — продолжал штабс-капитан, — хорошо осведомлены о том, что «всякий серб скорее позволит себя убить, чем поднимет оружие против главы славянства (т. е. России — *Н. Л.*)», следовательно, хорошее состояние сербской армии не только не желательно, но прямо опасно для Венны. В случае «переворота... в тылу у Австрии очутилось бы от 75 до 100 тысяч хорошо дисциплинированного войска». Офицер считал, что король Милан в свое время совершил огромную ошибку, связав судьбу страны и династии с Дунайской монархией, на которую «вся страна смотрит... как на врага и кровопийцу»⁴⁵. Сербский правитель «вообразил себе, ... что ценой отречения от происхождения и религии сербского народа купит его благосостояние, незыблемость своего престола и прирезку территории»⁴⁶. Однако, ни одному из этих расчетов не суждено было сбыться, что и показала проигранная война. Штабс-капитан был убежден, что достаточно лишь желания России, чтобы Сербия стала ее верным союзником. При отсутствии этого желания со стороны Петербурга, сербам не останется ничего другого, кроме как «совершенно подчиниться протекторату Австрии и силой постоянного давления... сделаться из православных добрыми католиками»⁴⁷.

Мнение офицера разделял австрийский серб-адвокат, настойчиво интересовавшийся у Е. Л. Львова, когда же Россия объявит войну Австро-Венгрии. На вопрос русского корреспондента о выгоде этой войны для сербов, его собеседник горячо отвечал, что мечтает о «распадении и гибели» их «соседки и мучительницы». Серб был убежден, что войну следует объявить

⁴³ Там же. С. 298.

⁴⁴ Там же. С. 307.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Львов Е. Л. Ук. соч. С. 307.

как можно скорее, потому что «Австрия без прямого союза с Германией ни за что не решится на войну с Россией..., поскольку ей очень хорошо известны те полки, которые ей нельзя будет двинуть в дело». Таких частей, по мнению адвоката, «больше половины,... ни один славянин не разрядит своего ружья о русскую грудь,... разве, что поляки»⁴⁸.

Никто из сербских знакомых Е. Л. Львова не отрицал, что официальные сербо-русские отношения на данном этапе чрезвычайно холодны, но объясняли они это лишь неосведомленностью Петербурга о реальном положении дел в их стране. Один из собеседников корреспондента — сведений о его происхождении и роде занятий Е. Л. Львов не сообщает — убеждал его в том, что русские «с высоты своего могущества довольствуются только внешними признаками, не беря на себя труда вникнуть во внутреннюю жизнь и в дух этих ничтожных на ваш взгляд народов»⁴⁹. Если бы только русские политики присмотрелись, горячился серб, они бы сразу убедились в том, что, несмотря на «ошвабившиеся» города, истинное славянство находится в «сербской стороне Балкан». Даже «в брошенной... на съединение Австрии Боснии и Герцеговине, — настаивал серб, — до сих пор еще не угасли надежды на Россию,... каждый босняк, каждый герцеговинец, православный или магометанин, все равно, готов за Россию положить свою голову»⁵⁰. Плохое знание русскими реального положения дел на Балканах приводит к ошибкам в выборе союзника, поскольку «сербь, получившие в десять раз менее, чем болгары... все-таки в десять раз благодарнее их»⁵¹, несмотря на все сложности в официальных отношениях между Сербией и Россией.

Несмотря на демонстративные признания в любви к России, услышанные им от большинства своих сербских собеседников, Е. Л. Львов признавал, что разделяли эти чувства в Сербии отнюдь не все. Однако, корреспондент не считал проавстрийскую партию сколько-нибудь серьезной политической силой ввиду ее, как ему казалось, малочисленности и никчемности. Ситуация в стране представлялась Е. Л. Львову в следующем виде: «с одной стороны, вся Сербия, с другой, высшее правительство и белградская интеллигенция, получившая воспитание в Вене и в Париже»⁵². «Прогрессисты» или «напредняки» (сторонники правившей в то время в Сербии т. н. прогрессистской партии), стремившиеся приобщить свой народ, даже вопреки его желанию, к плодам цивилизации, которая для них отождествлялась только и исключительно с Европой и Западом, в изображении русского корреспондента выглядели крайне несимпатично. Е. Л. Львов считал, что короля Милана

---

⁴⁸ Там же. С. 309.

⁴⁹ Там же. С. 311.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Львов Е. Л. Ук. соч. С. 318.

и его сторонников привлекали не столько фундаментальные постулаты западной культуры, сколько предоставляемые ей удобства и «блага» – вплоть до развлечений. По словам одного из «прогрессистов», отсутствие цивилизации можно было ощутить «даже на мелочах» сербской жизни – «повеселиться ли хотим, побегать ли на коньках зимой, поневоле сдем в Землин, там и каток с музыкой, и всякие увеселительные заведения»⁵³.

Достигнув Белграда, Е. Л. Львов получил возможность лично убедиться в том, насколько справедливы были слова одного из его сербских собеседников об «ошвабившихся» городах. Сербская столица действительно сильно изменилась по сравнению с тем, как она выглядела в 1877 г., когда корреспондент был в ней последний раз. Однако, сами по себе эти перемены вызвали у него лишь сожаление. Преступный Белград казался Е. Л. Львову более русским городом, чем, например, Варшава – «по-русски знал всякий извозчик, всякий купец, прислуга во всех гостиницах»⁵⁴, а вывески на магазинах рекламировали русские товары. В новом Белграде все заменили немецкая речь и австрийские товары. Так что если однажды в него и в самом деле «явится Австрия», вся местная европеизированная «интеллигентная шваль, по убеждению Е. Л. Львова, – готова будет «обвеситься флагами» и «кричать hoch!»⁵⁵.

В своих корреспонденциях Е. Л. Львов ни разу не посетовал на деятельность русских дипломатов в Сербии, видимо, понимая, в каких непростых условиях се приходилось вести: «все наше посольство... имеет вид командированных во вражий стан парламентаров»⁵⁶. Неприязнь со стороны самого короля Милана и вождей «напредняцкой» партии дополнялась невозможностью выезжать из самого Белграда и отсутствием надежных информаторов и агентов влияния за его пределами. В этих условиях «о положении всего королевства и состоянии умов в нем», по признанию самого Е. Л. Львова, приходилось судить на основании только того, что удавалось «случайно приметить и выудить в его столице»⁵⁷.

Итак, оба русских автора-путешественника: и Е. Л. Марков, и Е. Л. Львов, – описывая отношение сербов к России и русским, неоднократно давали понять, что оно не было равным и однозначным. В свою очередь, причины этого они усматривали в особенностях внутреннего развития самой Сербии и ее общества, отчетливо распадавшегося на крестьянское большинство, искренне любящее Россию, и обладавшее в то время властью в стране европеически образованное меньшинство, ориентирующееся на Австро-Венгрию.

⁵³ Там же. С. 320.

⁵⁴ Там же. С. 318.

⁵⁵ Там же. С. 320.

⁵⁶ Там же. С. 319.

⁵⁷ Львов Е. Л. Ук. соч. С. 321.

Почти все русские, посетившие Сербию в конце XIX в., вне зависимости от собственных воззрений и рода занятий, отмечали, насколько ожесточенная межпартийная борьба протекала в этой стране, отголоски которой слышались едва ли не во всех областях местной жизни. Сторонники разных партий отказывались ходить по одним и тем же улицам. Даже в церквях священники из числа приверженцев радикальной партии отказывались встречать митрополита Михаила при совершении им объезда своих епархий, поскольку тот считался сторонником либералов. Между тем, сама политическая система страны не отличалась устойчивостью – партийные правительства менялись с поразительной частотой. И если первоначально критике подвергались конкретные положения программы той или иной партии и действия ее сторонников, то позднее недовольство и разочарование стало вызывать само существование политических партий как таковых.

В частности, Е. Л. Марков считал необходимым отметить, что резко отрицательное отношение к политическим партиям – которые думают лишь о голосах избирателей и не обращают внимания на реальные проблемы страны – разделяли равным образом и русский консул, и нанятый русскими путешественниками сербский проводник. По мнению консула, радикалы своей популистской политикой способствовали образованию огромного государственного долга: «все заигрывали с простым народом, не смели взыскивать с него податей, а расходы все увеличивались»⁵⁸. В свою очередь, проводник-серб, проторговавшийся купец, вину за все нестроения и тяготы местной жизни возлагал на либералов и, прежде всего, лично на Й. Ристица – «ведь в сущности он погубил Сербию, потому что это он выдумал конституцию, когда нам нужна только сильная, заботливая власть!»⁵⁹. Бывший торговец был искренне убежден в том, что Сербия слишком рано получила конституцию и свободную печать. «Промышленности нет, а политика есть; на что же это нужно?», – со вздохом вопрошал серб⁶⁰. Такое отношение к политической системе Сербии было не только у малообразованного бывшего купца, но и у доцента Белградского университета Радована Кошутича⁶¹. Серб-ученый был убежден в том, что между партиями нет никакой

---

⁵⁸ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 9. Т. 257. 1898. С. 77.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Там же. С. 69.

⁶¹ Об отношении сербов к политическим лидерам и власти см.: Шемьякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; Он же. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 228–255; Он же. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети

принципиальной разницы и что они различаются лишь по своим вождям, провоцирующим в стране хаос и своеволие. Единственный способ навести в Сербии порядок и вывести ее из кризиса, по мнению Р. Кошутича, состоял в том, чтобы найти человека, который «правил бы твердой рукой, ... честно и умно»⁶², подобно князю Михаилу. Однако, в то время такого человека на сербской политической сцене не было: Й. Ристич был скорее кабинетным ученым, чем практическим деятелем, Н. Пашич был слишком закрыт (так что никто не знал, на что он способен в действительности), а король Милан был «рабом своих страстей», которыми он «дорожил больше, чем Сербией»⁶³.

Вовлеченность сербов в политику, по мнению как русских наблюдателей, так и сербских собеседников Е. Л. Маркова, резко отрицательно сказывалась на состоянии их нравов. Русский консул в Нише утверждал, что «церкви всегда пусты, попы и архиереи занимаются больше политиканством, чем своими религиозными обязанностями; печать же совершенно ничтожна»⁶⁴, а правительство увязло в межпартийных склоках, игнорируя реальные нужды и потребности страны. Лишь крестьяне, несмотря на развращающее влияние местных политиканов, пока еще сохранили «историческое достоинство» сербского народа. Тем не менее, даже и они в условиях, когда межпартийное соперничество было связано, прежде всего, с предвыборной борьбой, пристрастились «к газетным сплетням, к болтовне в кофейнях, вместо того, чтобы по-старому ходить за плугом или пасти овец»⁶⁵. Мнение русского дипломата вполне разделял и сербский проводник Е. Л. Маркова: «прежде... сербы были трудолюбивый народ, а от этого парламентского режима совсем распущенные стали, ... политикуют, вместо того, чтобы работать по-старому, ... выучились... газеты читать, болтунов разных слушать»⁶⁶. Р. Кошутич, как сообщал Е. Л. Марков, тоже связывал падение нравственности со всеобщей политизацией, когда даже священники и учителя перестали заниматься своими прямыми обязанностями, превратившись в агитаторов. Вместо проповеди или урока шло чтение газет или политической литературы. Столь же невысокого мнения о действительной роли учителей и духовенства в жизни сербского общества был и член радикальной партии Марко Николич. Священник, по его словам, не может быть советчиком ни в чем, кроме политики, а паства готова слушать только «газету и... про политические дела»⁶⁷.

XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. СПб., 2004. С. 10—53.

⁶² Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 93.

⁶³ Там же. С. 95.

⁶⁴ Марков Е. Л. В братской земле. // Русский Вестник. № 8. Т. 256. 1898. С. 47.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Марков Е. Л. В братской земле // Русский вестник. № 9. Т. 257. 1898. С. 68.

⁶⁷ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 103.

денежных средств, которыми не располагал и не мог располагать скудный сербский бюджет. Правительство было вынуждено обратиться за помощью к Австро-Венгрии: «миллионные займы следовали один за другим и, соответственно тому, увеличивались налоги»⁷⁴, которые приводили к разорению местного населения, коль скоро формы и способы его хозяйственной деятельности продолжали оставаться прежними, т. е. патриархальными. По мнению Н. Р. Овсяного, «государственное хозяйство Сербии велось так плохо, что эта богатая всеми природными дарами страна находится теперь на пути к неизбежному истощению и разорению»⁷⁵. Несудивительно, заключал Н. Р. Овсяный, что в этих условиях народ стал оказывать поддержку оппозиционной радикальной партии — тем более, что сами «напредняки» и их сторонники «на народ и его обычаи... смотрели с пренебрежением, как на нечто полудикое, требовавшее бдительного надзора и попечения со стороны правительства»⁷⁶.

Не менее скептически к политике ускоренной европеизации, проводившейся в Сербии «напредняками», относился и Б. Н. Евреинов: «правительство, заимствовав готовые и чуждые стране законы, применило их на практике, не согласовав предварительно с существовавшими уже там народными обычаями»⁷⁷. Так же, как и Н. Р. Овсяный, Б. Н. Евреинов, описывая положение сербского населения, упоминает и рост возложенного на него правительством налогового бремени, и снижение его общего благосостояния, и растущее недовольство с его стороны сложившимся положением вещей.

Итак, как бы не различались между собой сами русские авторы и их сербские собеседники: по роду занятий, имущественному и социальному положению, образовательному и культурному уровню, — в своих оценках внутреннего положения Сербии на рубеже XIX–XX вв. они были практически единодушны. Политика ускоренной европеизации, проводимая в стране королем Миланом и его сторонниками, на деле оборачивалась совершенно иными результатами, чем те, на которые рассчитывали в свое время ее разработчики и проводники. Несмотря на все прилагаемые правительством усилия, из Сербии никак не удавалось сделать по-настоящему европейскую страну. Ожидаемые блага европеизации становились все более призрачными, тогда как цена и издержки проводимых реформ, наоборот, делались все более явными и ощутимыми, причем для самых широких кругов сербского населения. В условиях все более нарастающей политизации населения — которая, в свою очередь также была сплошь и рядом вынужденной реакцией на действия противоборствующих политических партий или пра-

---

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 241.

⁷⁶ Там же. С. 239.

⁷⁷ Евреинов Б. Н. Ук. соч. С. 49.

вительства — такое положение таило в себе отчетливую угрозу не только для личной власти короля Милана, но и для всего внутри- и внешнеполитического положения Сербии.

Вера и Церковь

Несмотря на то, что русские и сербы исповедовали одну и ту же православную веру и следовали в своем богослужении одному и тому же византийскому обряду, реальная повседневная церковная практика тех и других имела весьма существенные различия, которые не могли остаться незамеченными со стороны русских авторов.

Е. Л. Маркову в Сербии, прежде всего, бросилась в глаза степень обмирщенности местного православного духовенства и монашества — совершенно невероятная по сравнению с той, которую он привык наблюдать в России. Так, в частности, архимандрит древнего монастыря Любостиinja (основанного еще княгиней Милицей, вдовой погибшего на Косовом поле князя Лазаря) «не считал нужным, да вероятно и не имел обыкновения, преподать» русским гостям «свое пастырское благословение и в ответ на протянутые с этой целью руки... радушно потряс их и по-братски расцеловался» с автором⁷⁸. Монахов в этом монастыре было всего двое. Богомольцы посещали его лишь по большим церковным праздникам. А настоятеля сильнее волновали заботы о небольшом монастырском хозяйстве, чем богословские вопросы: архимандрит не тратил «и гроша на свой старый храм, проживая себе вольным помещиком..., не удручая особенно ни своего жизнерадостного духа, ни своей цветущей плоти»⁷⁹.

Не менее выразительную картину Е. Л. Марков обнаружил и в монастыре Манассия (Ресава). В этой обители (основателем которой в начале XV в. стал сын князя Лазаря деспот Стефан Лазаревич), где в лучшие времена насчитывалось до двухсот человек братии, к приезду Е. Л. Маркова и его спутников оставался всего один монах — архимандрит Кирилл, который «когда нужно архимандрит, когда нужно дьячок, пономарь, кухарка, дворник, садовник и архитектор»⁸⁰. На вопрос Е. Л. Маркова, почему в такой древней и славный монастырь не поступают монахи, отец Кирилл дал характерный ответ, что «в Сербии... каждый хочет жениться»⁸¹. Летом архимандрит отдавал все свое время саду, огороду и скотному двору, а зимой писал «восторженные патристические стихотворения на разнообразнейшие события новейшей серб-

⁷⁸ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 10. Т. 257. 1898. С. 9.

⁷⁹ Там же. С. 12.

⁸⁰ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 12. Т. 258. 1898. С. 56.

⁸¹ Там же.

ской и общеславянской истории»⁸². Особенно много стихов было посвящено русским царям — с благодарностью за присланные в монастырь подарки и за освобождение славян от турецкого ига.

Как оказалось, подобное положение дел отнюдь не было чем-то исключительным. В еще более древнем и прославленном некогда монастыре Студеница очень немногочисленная братия искренне обрадовалась приезду гостей, поскольку тем самым для монахов представилась возможность обсудить все местные новости и события большой политики. В связи с этим обстоятельством Е. Л. Марков считал необходимым особо отметить, что «сербские монахи... вовсе не отшельники и не подвижники, не говорят никому поучений и не следят ни за чьей нравственностью,... в мясосды сдят мясо,..., не избегают никаких собраний,... пьют вино и ракию,... свободно пользуясь всеми скромными радостями жизни»⁸³. Единственное их отличие от мирян — исполнение треб и чернос одеяние.

Подобные оценки можно встретить в работах и других русских авторов. Так, в частности, Е. Л. Львову во время поездки на театр военных действий сербо-болгарской войны 1885 г. довелось наблюдать священника во главе отряда сербских «добровольцев» (в действительности, мародеров), который двигался в сторону болгарской границы, чтобы отомстить болгарам за грабежи, совершенные теми на сербской территории. Как показалось русского корреспонденту, сербы — «настоящие юнаки», по словам проводника-черногорца — не испытывали ни малейшей неловкости от того, что православный священник занимался столь несвойственным, на взгляд русского, делом. Напротив, они даже радовались тому, что, при необходимости, будут, во всяком случае, погребены по-христиански⁸⁴.

Другой характерной чертой сербского церковного быта, бросившейся в глаза русским авторам, была бедность и, нередко, даже запущенность сербских храмов и монастырей, которые, к тому же, сплошь и рядом использовались для целей, не связанных прямо с их богослужебным предназначением.

Так, в частности, в монастыре Любостинья внимание Е. Л. Маркова привлекло отсутствие привычной для него колокольни: «небольшой колокол, которым пренебрегла бы самая бедная из наших приходских церквей», висел «на отдельной деревянной звоннице»⁸⁵. Правда, путешественник все же считал необходимым воспроизвести уверения местного архимандрита о том, что в древних христианских церквях звонницы устраивались именно таким образом. Примерно ту же картину Е. Л. Марков наблюдал и в монастыре Жича, в котором один из малочисленной братии оказался выпускником

⁸² Там же. С. 64.

⁸³ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 29.

⁸⁴ См. Львов Е. Л. Ук. соч. С. 286.

⁸⁵ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 10. Т. 257. 1898. С. 11.

Санкт-Петербургской духовной академии. По словам Е. Л. Маркова, он «с восторгом вспоминал о благолепии и богатстве русских церквей и с великим горем сетовал на запущение и бедность своих родных сербских»⁸⁶.

О скромности виденных им сербских храмов писал и Б. Н. Евреинов, отмечая, не без характерного сожаления, что их «убранство... приблизастся к современному греческому». На взгляд русского дипломата, иконы в них были не только плохо написаны, но и обезображены «серебряными накладками... в форме глаз, рук, ног и пр., приносимыми в дар исцелившимися от различных болезней»⁸⁷. Еще более неудовольствия с его стороны вызвало наличие в сербских храмах посторонних предметов, явно не придающих их внутреннему пространству надлежащего благолепия – таких, например, как знамя местного певческого общества, хранившееся в специальной «стеклянной витрине в форме пирамиды» в кафедральном соборе Ниша⁸⁸.

Наконец, по общему указанию всех без исключения русских авторов, сербские храмы резко отличались от русских еще и тем, что в них очень редко можно было застать церковную службу и встретить молящихся, так что большую часть времени они стояли пустыми и запертыми.

Ни в одном из описанных ими сербских монастырей литургии не служились по будним дням, а совершались только по воскресеньям и по большим церковным праздникам. «Судя по отзывам местных людей, – заключал Е. Л. Марков, – религиозность действительно» была «слабо развита у сербов. И наш драгоман, и русский консул (из Ниша, сопровождавший Е. Л. Маркова в этой поездке. – *Н. Л.*), и архимандриты посещенных нами монастырей – все единогласно утверждали, что чиновники и военные почти совсем не посещают церквей, простой народ ходит в них мало и редко, а жертвует еще меньше.... Зато деревенские мсаны всегда полны посетителей, всегда с доходом и всегда выделяются среди деревенских построек величиною и сравнительною красотою своих зданий»⁸⁹.

Такое же впечатление сложилось и у Б. Н. Евреинова: «посещаются церкви вообще мало; даже в большие праздники... на три четверти» стоят «пустые»⁹⁰. И это при том, что действующих храмов было не так уж и много, и даже в столичном Белграде «на почти 70-тысячное население» приходилось всего пять церквей, из коих две кладбищенские»⁹¹.

К чести русских авторов, они не только отмечали явные, на их взгляд, недостатки и нестроения сербской церковной жизни, но и пытались

⁸⁶ Там же. С. 25.

⁸⁷ Евреинов Б. Н. Ук. соч. С. 33.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 14.

⁹⁰ Евреинов Б. Н. Ук. соч. С. 33.

⁹¹ Там же.

найти для них объяснение в трагической судьбе христиан-сербов под властью мусульман-турок. В то же время русские не могли не почувствовать и того, что не только составляло специфику именно сербской церковной жизни, но и развилось в ней лишь в относительно недавнее — с их точки зрения — время.

Так, в частности, Е. Л. Марков напоминал своим читателям — да и самому себе — о том, что в свое время османское владычество имело место и в Греции. И, тем не менее, в отличие от сербских, греческие земли внешне выглядели гораздо более по-христиански — «там на каждом холме церковь или часовня, хотя и очень бедные и маленькие»⁹². В свою очередь, Сербия поразила путешественника тем, что ее население «почитало» свои храмы и монастыри «больше как памятники патриотизма, чем как религиозные учреждения»⁹³. В качестве одного из примеров, Е. Л. Марков упомянул фреску с изображением архангела Михаила на боковых дверях алтаря в храме монастыря Раваница, связанного с памятью князя Лазаря и сербских воинов, павших на Косовом поле. Насколько сам путешественник понял из объяснений местного архимандрита, представленный на этой фреске архангел попирает ногами «не змея как обыкновенно, а лежащего на земле человека, который... должен изображать собою изменника Вука Бранковича, приравненного таким образом к самому духу тьмы»⁹⁴.

В целом, у Е. Л. Маркова вообще сложилось впечатление, что «православие у балканских славян с самых отдаленных веков было до того тесно слито с народностью, что славянские племена, потерявшие православие, нечувствительно теряли вместе с тем и свою народность; мусульманство и католичество странным образом убивали в народе его племенное сознание»⁹⁵.

К подобному выводу приходил и Н. Р. Овсяный. По его словам, сербы настолько были преданы «своей вере и народности», что «одноплеменника-католика» отказывались называть сербом, а называли «шокуцем или латином, магометанина же — турчином»⁹⁶.

За этими и некоторыми другими наблюдениями русских авторов, посетивших Сербию на рубеже XIX–XX вв. и описавших поразившие их особенности местной церковной жизни, отчетливо угадывается процесс секуляризации, который у сербов шел параллельно, а иногда и опережал дело национального освобождения и государственного строительства. Все его важнейшие симптомы русские авторы заметили и описали вполне точно и выразительно. Тем не менее, никто из них ни разу не назвал — да и не мог

⁹² Марков Е. Л. В братской земле // Русский вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 44.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Марков Е. Л. В братской земле // Русский вестник. № 12. Т. 258. 1898. С. 50.

⁹⁵ Марков Е. Л. В братской земле // Русский вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 34.

⁹⁶ Овсяный Н. Р. Ук. соч. С. 176.

(Вестник не смог не отметить «чистоты и прибранности везд»—у виденных им сербов «все» было «в строгом порядке: сады обнесены тыном, огороды отлично обработаны»¹⁰².

Русские авторы единодушно отмечали практически полное отсутствие в Сербии фабричной промышленности и не скрывали скептического отношения своих сербских собеседников к перспективам ее развития.

Так, в частности, единственным современным промышленным предприятием, которое довелось осмотреть Е. Л. Маркову, был «казенный пороховой завод» в Крушевце¹⁰³. В свою очередь, обсуждая с Е. Л. Марковым причины столь слабого развития в Сербии «промышленной предприимчивости», его сербский проводник сначала указал на то, что сербы лишь совсем недавно «перестали быть турецкими рабами». А далее перешел к подробному обсуждению поразившей его соотечественников новой беды — «политики». Дело с «промышленной предприимчивостью», — по горестному признанию проводника, — должно было бы у сербов «лучше идти, если бы политика их не портила. Прежде, действительно, сербы были трудолюбивый народ, а от этого парламентского режима совсем распушенные стали; партии тут... разные объявились, каждая ухаживает за избирателями, льстит, потворствует... Вот и политикуют... крестьяне вместо того, чтобы работать по-старому; по ханам да по кофейням выучились расслаивать целые дни, газеты читать, болтунов разных слушать... Ленишься-то, конечно, легче, чем работать»¹⁰⁴.

Другой характерной чертой повседневной сербской жизни, бросившейся в глаза едва ли ни всем русским авторам, посетившим Сербию в конце XIX— начале XX в., было слабое развитие местной торговли, которая, в большинстве случаев, сводилась к вывозу в соседнюю Австро-Венгрию излишков сельскохозяйственной продукции и к ввозу оттуда же недостающих промышленных товаров. Иными словами, от русских наблюдателей не укрылось то исключительно важное обстоятельство, что для Сербии того времени Дунайская монархия была если не единственным, то, во всяком случае, ключевым внешнеторговым партнером.

Так, в частности, Н. Р. Овсяный, признавая повсеместное развитие в Сербии «кустарного промысла»¹⁰⁵, указывал на то, что «предметы фабричной заграничной индустрии (преимущественно австрийской) все более и более распространяются в Сербии в ущерб ее кустарной промышленности»¹⁰⁶. В свою очередь, причины подобной зависимости Сербии от развития внешнеторговых связей с Австро-Венгрией Н. Р. Овсяный усматривал

¹⁰² Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 9. Т. 257. 1898. С. 76.

¹⁰³ Там же. 75.

¹⁰⁴ Там же. С. 68.

¹⁰⁵ Овсяный Н. Р. Ук. соч. С. 128.

¹⁰⁶ Там же. С. 130.

не только в «недостатке капиталов и знаний», но и в «некоторых политических обстоятельствах» — очевидно, имея в виду режим короля Милана и проавстрийский курс его внешней политики¹⁰⁷.

Похожие наблюдения и оценки не редки в работах и других русских авторов. Как и Н. Р. Овсяный, Б. Н. Евреинов указывал на то, что в Сербии «промышленности почти нет», что сербские крестьяне «придерживаются существующей у них первобытной системы хозяйства», а если и испытывают в чем-либо недостаток, то «закупают австрийское»¹⁰⁸. Наконец, Е. Л. Марков считал необходимым специально отметить, что даже в столичном Белграде не было «ни одного настоящего серьезно обставленного магазина, — все больше мелкие лавочки с товарами довольно низкого разбора исключительно для демократических потребностей»¹⁰⁹.

Последнее наблюдение Е. Л. Маркова заслуживает особого внимания. И его самого, и всех остальных русских авторов, писавших о Сербии и сербах — каким бы ни было их имущественное и социальное положение в своей стране — с одинаковой силой поражали две взаимосвязанные особенности сербской жизни. С одной стороны, отсутствие в сербском обществе сколько-нибудь значительной имущественной дифференциации. С другой — совершенно невероятный, с точки зрения русских реалий, повседневский демократизм, воспроизводящий патриархальные нравы сербской деревни.

Так, Н. Р. Овсяный прямо указывал на то, что «отличительную особенность» Сербии как раз и составляло «довольно равномерное распределение собственности: нет крупных землевладельцев, но мало и пролетариата»¹¹⁰. Одновременно с этим Н. Р. Овсяный подчеркивал, что, «несмотря на дурные примеры, подаваемые австрийскими сербами», в самой Сербии «до сих пор еще очень крепка» оставалась патриархальная семейная община — задруга, хотя она все же и обнаруживала признаки распада, особенно в равнинных областях¹¹¹. Вообще, стоит заметить, что задруга явно интересовала Н. Р. Овсяного. Он довольно подробно рассказывает о ее устройстве и роли в организации повседневного быта сербской деревни. В частности, русскому читателю сообщалось, что сами общины были двух видов — простыми и сложными, в последнем случае объединяя в своем составе не только родителей и их детей, но также внуков и даже правнуков. Задруга действовала как одно общее большое хозяйство и управлялась семейным советом, а ее старшина служил «представителем своей семьи перед властями и обществом»¹¹².

---

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Евреинов Б. Н. Ук. соч. С. 51.

¹⁰⁹ Марков Е. Л. Столичный град Сербии // Русский вестник. № 6. 1899. Т. 261. С. 568.

¹¹⁰ Овсяный Н. Р. Ук. соч. С. 160.

¹¹¹ Овсяный Н. Р. Ук. соч. С. 167, 169.

¹¹² Там же. С. 168.

В тех же случаях, когда семье становилось трудно справиться с полевыми работами, она всегда могла рассчитывать на помощь своих соседей-односельчан — т. н. «мобу». На «мобу» обычно приходили молодые люди со всего села, после чего «все вместе» возвращались «к хозяевам, обязанным приготовить работавшим обильное угощение»¹¹³.

В свою очередь, наблюдения Е. Л. Львова, в первую очередь, были связаны с его пребыванием в расположении сербских войск в 1885 г. Особенно сильно русского корреспондента поразило отсутствие сколько-нибудь значительных различий между сербскими солдатами и офицерами — если не считать униформы: все они равно обращались друг к другу на «ты» и вместе грелись у огня¹¹⁴.

Что же касается Е. Л. Маркова, то в его очерках интересующая нас тема была освещена еще более подробно. Особенно выразительным представляется следующий фрагмент. Сначала Е. Л. Марков — уже в который раз! — отмечает завидное благополучие и природные красоты сербских земель: «ну, чувствуешь себя чисто в каком-то сплошном зеленом раю». «Унылых, безлюдных пустырей» здесь «нигде не видно» — «везде деревья, зелень, жильё, хлеба, народ». Сербские деревни живописно «разбросаны по одному, по два двора, редко по 5, 6, то дворов в одной куче, одинокими хуторками своего рода, очень удобно окруженными всеми своими хозяйственными угодьями». В какой-то момент, путешественнику вообще стало казаться, что его путь «в целые дни» не выходит «из прекрасного тенистого парка, из одной необъятной, на десятки верст раскинутой деревни»¹¹⁵. И именно в конце этого восторженного рассказа Е. Л. Марков счел необходимым указать, что, по «уверениям» сопровождавшего его русского консула в Нише, «в Сербии почти совсем нет крупных поместий». По словам русского дипломата, «сколько-нибудь большими имениями» владели только бывший регент Белимаркович и известный генерал Хорватович¹¹⁶. И, тем не менее, даже имение Белимарковича, которое сербский проводник Е. Л. Маркова «называл замком», на взгляд самого русского путешественника, представлял собой не более, чем просто «красивый деревенский дом», «живописно» расположенный на вершине холма, господствующего над окружающей местностью.

Как стало казаться Е. Л. Маркову, в Сербии вообще все было «устроено очень просто, без затей, как и подобает в... царстве селяков»¹¹⁷. Путешественнику пришлось испытать немало смущения, когда в одном из ресторан-

¹¹³ Там же. С. 171.

¹¹⁴ Львов Е. Л. Ук. соч. С. 273.

¹¹⁵ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 10. Т. 257. 1898. С. 14.

¹¹⁶ Там же. С. 14.

¹¹⁷ Там же. С. 15.

чиков, «рядом... уселся за соседним столиком весь промокший и грязный кучер..., преважно звавший лакся и заказывавший себе порции как и другие люди, и где какой-то оборванный разносчик фамильярно трепал по плечу щеголеватого кавалерийского офицера, обедавшего с очень приличными дамами»¹¹⁸. Очевидно, что, в отличие от Е. Л. Маркова, для самих сербов подобное поведение было в порядке вещей. В кофейнях и на постоянных дворах, в лавках и возле источников минеральных вод обслуживание посетителей производилось вне зависимости от их социального происхождения и материального достатка. Сербы не стеснялись не только друг друга, но и русских путешественников, что и не укрылось от их наблюдательных глаз. Желая поприветствовать Е. Л. Маркова и его спутников, каждый из посетителей кофейни «подходил по очереди» к их столику и, обращаясь к нему самому и к его супруге, «с большим сознанием собственного достоинства, как и подобало свободным гражданам, говорил... какос-нибудь складное и любезное приветствие»¹¹⁹.

Прибыв в Белград, Е. Л. Марков не без удивления и даже некоторого удовольствия обнаружил, что положение дел в сербской столице не так уж сильно отличается от того, что ему довелось наблюдать в провинции. Здесь, несмотря на определенный внешний «европеизм», жизнь протекала в русле все того же «скромного и откровенного» уклада, чуждого «всякого тщеславия» и «натяжек» и восходящего к патриархальным порядкам сербской деревни.

По словам Е. Л. Маркова, даже в столице «сербы живут удивительно доступно и просто, не усложняя своей жизни пустой роскошью и не стесняя ее китайскими церемониями светского этикета»¹²⁰. Посетив профессора Пантелся Сречковича, видного историка и члена Государственного Совета, русский путешественник был поражен его скромностью и демократизмом: «из... садика незапертая дверь сама доверчиво отворяется, без звонков и швейцаров, в уютное жилище профессора,... налево небольшой кабинет, где... сидит за своим письменным столом ученый хозяин»¹²¹. Из всех белградских собеседников Е. Л. Маркова единственное исключение составил только бывший министр и регент Й. Ристич, вождь ратовавшей за европейский прогресс либеральной партии. Его домашний быт был устроен «уже более по-европейски», чем у «других государственных людей Сербии». Так что у Й. Ристича имелся даже собственный «лакей, докладывающий о посетителях, чего при здешней простоте нравов обыкновенно не водится». Тем не менее, даже и у Й. Ристича, который, по словам Е. Л. Маркова, «смотрел

¹¹⁸ Там же. С. 16.

¹¹⁹ Марков Е. Л. В братской земле // Русский Вестник. № 11. Т. 258. 1898. С. 16.

¹²⁰ Марков Е. Л. Стольный град Сербии // Русский вестник. № 6. Т. 261. 1899. С. 569.

¹²¹ Там же. С. 569.

настоящим европейским дипломатом», посетителям «подали..., как везде в Сербии, воду с вареньем и старую сливовую водку»¹²².

Подведем итоги. Итак, по сравнению с периодом Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. в том, что касается количества и качества публикаций на сербскую тему в русских легальных (подцензурных) печатных изданиях, в т. ч. периодических, произошли значительные перемены. Откровенно пропагандистские «книги для народа» времен Герцеговинского восстания 1875 г. и сербо-турецкой войны 1876 г. имели лишь временный успех. Уже очень скоро их сменили воспоминания непосредственных участников событий – русских добровольцев, часто полные разочарования и обиды¹²³. После же 1878 г. число публикаций на сербскую тему вообще заметно сократилось – что не удивительно, если вспомнить о состоянии официальных государственных отношений между Россией и Сербией, которые, вплоть до 1903 г., оставались крайне напряженными. Тем не менее, по своему общему информативному потенциалу и по его качеству – прежде всего, речь идет о достоверности – русские публикации о Сербии и сербах обнаружили несомненный и замечательный в своем роде рост.

Освещение сербской темы стало гораздо менее эмоциональным, зато намного более реалистичным, внимательным к отдельным деталям и даже мелким, на первый взгляд, подробностям. Картина сербской действительности, представавшая на страницах этих публикаций перед русским читателем, стала гораздо менее однозначной, чем это было раньше – когда сербов достаточно было представить в образе страдающих от турецкого гнета православных братьев, уповающих на Бога и русскую помощь. Теперь прямо указывалось, что отнюдь не все сербы одинаковы в своих религиозно-культурных и общественно-политических устремлениях. Сами эти устремления оказывались далеко не всегда совпадающими с представлениями самой русской аудитории о том, как должны строиться жизнь в Сербии и ее отношения с Россией. Выяснилось, что не только проавстрийское правительство короля Милана, но и его оппоненты отказывались слепо следовать советам из Петербурга. Хозяйственный уклад и повседневная жизнь сербов обнаружили в себе немало такого, что на русской почве не только не вызывало сколько-нибудь широкого одобрения, но иногда могло восприниматься как откровенная крамола. Даже в области церковной жизни, в которой русское общество видело залог своего влияния на сербов, открылись значительные расхождения с русской церковной практикой.

¹²² Марков Е. Л. Столыный град Сербии // Русский вестник. № 7. Т. 262. 1899. С. 83.

¹²³ См., например, работы с характерными названиями: Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма кн. Мещерского. СПб., 1877; Воронич К. И. Изнанка сербской войны. Записки в 3-х частях. СПб., 1877.

В то же время, многие из внутренних противоречий сербской жизни, обнаружившихся перед русским читателем, оказались удивительно созвучными тем большим вопросам, над которыми билась мысль самого русского общества того времени. Выяснилось, в частности, что и в Сербии очень остро стояли проблемы восприятия европейского опыта в условиях преобладания патриархального сельского наследия, приверженного наследию традиционной византийско-православной церковной культуры, проблемы хозяйственно-экономической (по условиям того времени — промышленной) и культурно-образовательной модернизации, проблема отношения к внутриполитической практике, основанной на наличии постоянных представительных органов и политических партий, и многие другие.

В конечном счете, освещение сербской темы в русских легальных печатных изданиях не только стало гораздо более достоверным, но и открыло новые перспективы в том, что касается использования содержащейся в них информации. Прежде всего, на нее стало возможным опираться в ходе идейной полемики внутри самого русского общества. В самом деле, в целом ряде отношений Сербия, располагающая собственными конституцией, политическими партиями и парламентом (скупщиной), могла казаться опередившей Россию в деле усвоения европейского общественно-политического и культурного опыта. Что, в свою очередь, в принципе позволяло прибегать к ссылкам на сербский опыт при обсуждении перспектив подобных нововведений на русской почве. С другой стороны, эти ссылки можно было достаточно уверенно использовать в полемике с самой властью, действовавшей в России — в частности, для оценки эффективности правительственной политики на сербском и, шире, балканском направлении. Тем самым, сербский пример становился реальным фактором внутриполитической борьбы в самой России.

ДОНАЛЬД РАЙТ

РУССКАЯ АРМИЯ И СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Однажды вечером, в конце августа 1912 года Николай II прибыл в московский Кремль, где его встречало без малого тридцать тысяч школьников со всех концов Российской империи. Выстроившись ровными рядами, мальчики и девочки — многие с деревянными ружьями — приветствовали царя, исполнив гимнастические упражнения и армейские экзерсисы, за которыми последовал парад — дети прошли строем мимо Николая, отдав ему традиционные воинские почести. Это мероприятие, носившее название «Высочайший смотр учащимся», являлось частью празднований столетия войны 1812 года. В конце лета и осенью 1912 г. демонстрации и парады, наподобие данной инспекции в кремлевских стенах, проходили по всей империи и в больших городах, и в мелких селениях. Однако, парады с участием солдат и детей представляли собой лишь часть обширных юбилейных мероприятий, включавших богослужения и народные гуляния, грандиозные театральные постановки и торжественные чтения литературных произведений, призванные почтить память павших на той войне. Юбилейные торжества проходили в православных соборах, синагогах и мечетях, в сельских школах, городских театрах и парках.

Московский губернатор В. Ф. Джунковский, присутствовавший на «Высочайшем смотре учащимся», описывал это событие как «не виданное до того времени»¹. Это верно как в отношении кремлевского мероприятия, так и общеимперских празднований в целом. Юбилей 1812 года стал крупнейшим и самым тщательно спланированным национальным торжеством во всей истории империи. В отличие от прочих европейских держав, Россия вступила в XX век, не имея серьезной практики национальных юбилеев. Накануне XX века праздники в империи оставались в основном такими же,

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 49.

как и столетием раньше. Чаще всего отмечались религиозные праздники тех конфессий, приверженцы которых составляли большинство населения империи – православные, еврейские и мусульманские. Популярны были также зимние ярмарки, карнавалы и прочие светские торжества, по традиции проводившиеся в крупных городах. Официальные же чествования случались редко и обычно сводились к мероприятиям, прославлявшим имперский режим и его институты – таким как коронации, похороны и военные юбилеи. Однако ничего из этого нельзя причислить к национальным торжествам. В двухтомном труде Ричарда Уортмана о праздниках времен царизма показывается, что вплоть до конца XIX в. российская монархия сохраняла сильную зависимость от придворных ритуалов и церемоний в распространении и укреплении своей легитимности². Уортман выяснил, что придворные церемониалы до самого конца XIX в. строились на основополагающей мифе о монархе как представителе элиты западноевропейского типа, подчинившей себе Россию и обособленной от нее, но эффективно управляющей страной. Монархические торжества Романовых – бракосочетания, парады, коронации и пр. – предназначались для небольшого «ядра» военных и гражданских служащих, помогавших управлять Российской империей и сплоченных родственными и иными связями. Царский режим практически не делал попыток организовать какие-либо празднования для подавляющего большинства российского населения, не входившего в состав элиты, поскольку это большинство не обладало ни политическим, ни общественным влиянием.

Прочие светские церемонии – в первую очередь юбилеи крупных военных побед России – также проводились в ограниченном масштабе. Режиму хватало участия в этих военных торжествах двора и собственно армии. Армейские полки устраивали парады, балы и другие мероприятия, предназначенные для их собственного развлечения и назидания. Если там и присутствовали представители общественности, то, как правило, в малом числе и только по приглашению. Даже годовщины русской победы над Наполеоном в 1812 году – бесспорно, одного из самых важных событий в истории империи – привлекали лишь случайное и ограниченное внимание. В 1830-х гг. Николай I несколько раз отмечал эту дату, но церемонии обычно сводились к открытию памятников, парадом и прочим армейским мероприятиям³. Крупнейшим из юбилеев 1812 года было празднование в 1839 г., отмеченное воспроизведением Бородинской битвы, во время которого Николай, игравший роль русского главнокомандующего, начал отдавать приказы, по его мнению, «исправлявшие» ошибки, допущенные русскими

---

² Richard S. Wortman. *Scenarios Of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton, 1995. P. 3–4.

³ *Ibid.* P. 316.

генералами в реальном бою⁴. При пресмниках Николая интерес к годовщинам 1812 года существенно снизился. Пятидесятую годовщину битвы режим вовсе не отмечал, поскольку в том году из-за страхов перед массовыми волнениями, последовавшими за освобождением крестьян, публичные мероприятия проводились в очень ограниченных масштабах. Собственно, единственным крупным празднованием в 1862 г. стала небольшая церемония в честь тысячелетия России⁵. Следовательно, юбилей 1812 года проводился редко и почти исключительно в военной среде. Писатель Г. С. Шереметьев, ставший свидетелем небольшой юбилейной церемонии на Бородинском поле в 1889 г., отмечал, что эту битву в России почти совершенно забыли⁶. Он утверждал, что режим игнорирует это событие, несмотря на очевидную возможность на его примере преподать населению важные уроки о российском прошлом⁷. Признания этой поучительности пришлось ждать еще целых шестнадцать лет.

Главный импульс к созданию национального праздника нового типа исходил после 1905 г. из офицерского корпуса. Поражение в Русско-японской войне сильно деморализовало армейские круги, поставив под вопрос дееспособность армии — института, от которого царский режим сильно зависел на протяжении двухсот лет. Как и после предыдущего поражения в Крымской войне, армия вслед за маньчжурским разгромом приступила к проведению серьезных реформ, в основном связанных с самыми заметными проблемами вооруженных сил: нехваткой финансирования, устаревшим вооружением и некомпетентным руководством. Однако, в рамках этих реформ была предпринята амбициозная попытка привить населению империи новый просвещенный дух патриотизма, вызванная ходившим в армии мнением о том, что ее поражения на поле боя отчасти обусловлены недостатком патриотического пыла среди солдат. Несмотря на то, что в большинстве боев русские солдаты выказали впечатляющую стойкость и отвагу, многие офицеры считали, что патриотического рвения им не хватало — как правило, из-за того, что сравнивали собственных рядовых с японскими бойцами, которые, в глазах русских,

⁴ Открытие памятника на Бородинском Поле в 1839 году // Русская старина. 1885, апрель. С. 134–135. Анонимный автор, армейский генерал, присутствовавший при инсценировке, утверждает, что Николай, сделав «исправления», спросил у группы генералов: «Не находите ли вы, что если бы фельдмаршал Кутузов действовал так, как мы сегодня, то последствия сражения были бы иные?» После этого заявления надолго воцарилось молчание, прерванное лишь каким-то офицером, пробормотавшим: «Да государь забывает, что сегодня не было ядер, ни пуля, и главное, что не было против него Наполеона». Неизвестно, услышал ли Николай это замечание, но вскоре после этого он внезапно прервал разговор и ушел.

⁵ Русский инвалид. 5 сентября 1912. С. 3.

⁶ Шереметьев Г. С. В дороге. 4-е издание. М., 1906. С. 80–81.

⁷ Там же. С. 81.

демонстрировали поразительную готовность отдать жизнь за своего императора и страну. Большая часть русского генштаба утвердилась во мнении, что эта мнимая нехватка патриотизма и есть главная слабость армии. В социальных и политических потрясениях 1905 года они видели признак того, что патриотизм отсутствует и в гражданской среде.

Армия отреагировала на это поддержкой программ, призванных сплотить всех подданных империи на основе глубоких патриотических ценностей. В 1909 г. правительство ввело в школах обязательную военную подготовку – армейские офицеры вели уроки гимнастики и муштровали учащихся, готовя их к верной службе Отечеству. Кроме того, армия приступила к созданию милитаризованных юношеских организаций, призванных прививать молодежи разнообразные военные добродетели. Наконец, вследствие революции и военного поражения царские чиновники, и в первую очередь военные чины, занимавшие высшие должности в военном министерстве, стали по-иному смотреть на военные юбилеи, рассматривая их как возможность пропагандировать именно те патриотические ценности, которых, по их мнению, так не хватало населению империи. На десятилетие после 1905 года пришлось несколько важных юбилеев, в том числе двухсотлетие Полтавской битвы. Однако, ни одно из этих празднований не приобрело такого значения, как столетие победы над Наполеоном в 1812 г.

В офицерском корпусе многие считали, что юбилей 1812 года, должным образом организованный, может распространить среди подданных империи важнейшие политические ценности. Вследствие значения, придававшегося юбилейным торжествам в армейских кругах, царь передал организацию празднеств в руки генерала В. Г. Глазова, в 1908 г. возглавившего специальный комитет по подготовке этого мероприятия. Однако, мысль о значении юбилея для формирования настроений в массах исповедовал не только русский генеральный штаб. Например, один из руководителей Министерства просвещения считал, что победа России над Наполеоном – столь великое событие, что простой рассказ о ней учащимся способствует «укреплению и развитию у них любви и преданности к родине»⁸. Сходные взгляды высказывались и в печати. Например, редакторы одной из томских газет выражали почти мистическую веру в юбилей как в источник вдохновения для российских воинов и молодежи: «Пусть дух наших верных воинов, пусть умы подрастающего юношества в образах бывших героев, спасителей родины... пусть их славные подвиги заставят кипеть кровь в груди мужественных их пресмников по защите государства»⁹.

Для них и для многих других русских война 1812 года была самым героиче-

⁸ Российский Государственный Исторический Архив (в дальнейшем – РГИА). Ф. 740. Оп. 15. Д. 228. Л. 63.

⁹ Томский вестник. 26 августа 1912. С. 2.

ческим событием в истории страны. Они полагали, что если юбилейные торжества 1912 года сумеют достоверно изобразить ход войны, то это самым благотворным образом скажется на росте патриотизма. Именно из этих идей исходил комитет Глазова при планировании юбилейных мероприятий.

Глазов и другие члены комитета поставили своей целью внушение простых идей, таких, как любовь к царю, роль дома Романовых в войне 1812 года. Эти темы были призваны утвердить легитимность династии, потерпевшую серьезный ущерб от военного поражения и революции. Однако организаторы торжеств старались также в первую очередь подчеркнуть национальную патриотическую идею, поскольку к XX веку память о 1812 годе превратилась в нечто большее, чем символ победы, одержанной династией Романовых. Многие ключевое значение той войны видели в зарождении русской национальной идентичности. Этот взгляд опирался на интерпретацию войны как столкновения Наполеона с русским народом, который встал на защиту своей страны от иноземных завоевателей. Этим-то война 1812 года и отличалась от, например, Полтавской битвы, приобретая большее значение и становясь потенциальным средством для конструирования патриотической идентичности, определяемой в первую очередь принадлежностью к народу, а не преданностью правителю. Военные чины и другие царские чиновники, планировавшие торжества, понимали это и старались, чтобы эта тема прозвучала в каждой составляющей юбилея. В начале 1912 г. министр внутренних дел А. А. Макаров приказал губернаторам всех губерний империи внимательно следить за ходом юбилейных торжеств в селах и малых городах. Макаров требовал, чтобы среди юбилейных мероприятий непременно были лекции, разъясняющие, что решающий вклад в победу над Наполеоном внес «подъем духа и высокопатриотические чувства войск и населения»¹⁰. Чиновники от образования также считали этот момент совершенно необходимым. Глава Одесского учебного округа требовал от всех учителей истории читать лекции о созданном войной «национальном самосознании»¹¹. Комитет, руководивший подготовкой юбилея 1812 года в туркестанских школах, пользовался той же терминологией при формулировании его целей. Он призывал учителей и школьную администрацию к организации мероприятий, которые иллюстрировали бы историю 1812 года и тем самым стимулировали «развитие национального самосознания и национального творчества»¹². В Киевском учебном округе был объявлен конкурс сочинений о 1812 годе с требованием, чтобы каждый участник в своем сочинении обратил особое внимание «на подъем народного самосознания»¹³.

¹⁰ РГИА. Ф. 740. Оп. 15. Д. 228. Л. 23 об.

¹¹ Там же. Л. 68.

¹² Там же. Л. 47.

¹³ Правительственный вестник. 24 сентября 1911. № 206. С. 2.

К темам единства и национального самосознания народа обращались не только должностные лица. Журналисты нередко трактовали столкновение с Наполеоном как первое проявление национального единства в русской истории. Один из авторов журнала для учителей констатировал, что «ни одно событие до этого времени не объединяло так всех русских, от царя до последнего крестьянина, как нашествие Наполеона», и что победа была одержана всем русским народом, а не только армией¹⁴. Казанская городская газета опубликовала статью, освещавшую возникновение «национального самосознания» во время войны. Автор считал чувство идентичности, пробужденное 1812 годом, настолько сильным, что, по его мнению, юбилей должен был стать преградой на пути пропаганды против самодержавия и даже мог предотвратить революцию одним только напоминанием о событиях той войны¹⁵. Даже либеральные журналисты, которые обычно избегали выражения патриотических чувств и идей из опасения, что они могут быть приняты за поддержку царского режима, сочли юбилей событием, пробуждающим чувство национальной гордости. «Одесские новости» называли войну важнейшим поворотным пунктом в российской истории, потому что борьба с общим врагом способствовала уничтожению барьеров между «господином и рабом»¹⁶. Несмотря на различие в интерпретациях, очевидно существование консенсуса по отношению к войне как к повивальной бабке русской национальной идентичности.

В связи с ключевой концепцией национальной идентичности и идеей о «народе», вставшем в 1812 году на защиту России, имелась еще одна ценность, на внедрение которой рассчитывали организаторы торжеств, а именно – идеал гражданского долга, заключавшегося в служении империи. Организаторы почти никогда не упоминали его открытым текстом. Однако после Русско-японской войны офицеры царской армии жаловались на то обстоятельство, что средний российский новобранец не воспринимает свою военную службу как гражданский долг, в то время как у японских солдат, по мнению русских наблюдателей, чувство гражданского долга было высоко развито. В глазах многих представителей генштаба это во многом объясняло победу японцев. Служивший в Манчжурии генерал Е. И. Мартынов писал после войны, что японский солдат «чувствует себя полноправным гражданином»¹⁷. Автор полагал, что вместе с осознанием себя в качестве гражданина приходит и понимание интересов нации и осознание своего долга по их защите. Это гражданское чувство, – полагал Мартынов, – усиливало патриотический дух японского солдата, давая ему

¹⁴ Виленский календарь на високосный 1912 год. Вильна, 1912. С. 75.

¹⁵ Казанский телеграф. 26 августа 1912. С. 3.

¹⁶ Одесские новости. 26 августа 1912. С. 3.

¹⁷ Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1907. С. 64.

превосходство по сравнению с бойцом русской армии. Другие армейские офицеры в своих критических отзывах на ведение войны с русской стороны утверждали, что японское правительство насаждало в своих подданных чувство долга, с помощью национальных праздников повышая патриотический дух¹⁸. Русские офицеры стремились воспользоваться юбилеем 1812 года для той же цели.

Однако, задачи, возлагавшиеся на юбилейные торжества, были значительно сложнее, нежели насаждение повышенного чувства патриотизма и гражданского долга. Организаторы торжеств сознательно пытались укоренить эти ценности среди населения, создав коллективную память, укреплявшую основные принципы патриотической идеологии. Идея коллективной памяти, подробно разработанная социологом Морисом Хальбвахом, основана на представлении о том, что сообщества людей конструируют общее прошлое, используя такие инструменты, как литература, ритуалы и обряды¹⁹. Именно это общее прошлое, — указывает Хальбвахс, — связывает индивидуумов и сообщество друг с другом, наделяя последнее единством и силой.

Как раз такую общую память и был призван создать юбилей 1812 года. Многие царские чиновники выражали уверенность в том, что должным образом организованные торжества ознакомят население со значением важнейших патриотических событий и тем самым пробудят в нем патриотический пыл. Эти чиновники пользовались такими выражениями, как «запечатлеть в душах» и «вселить в сердца», формулируя свою концепцию создания коллективной памяти²⁰. Пользуясь юбилейными торжествами, чтобы рассказать о доблести, жертвенности и национальном единстве, несомненных от истории 1812 года, организаторы намеревались сконструировать конкретную версию российского прошлого для населения, практически не знакомого с историей империи.

Следовательно, годовщина 1812 года должна была не только прославлять прошлое, но и формировать современные настроения и ценности. Такая дидактическая цель требовала, чтобы торжества охватили как можно более широкую аудиторию. С целью добиться этого комитет Глазова стремился придать юбилею «всенародный» характер, чтобы он праздновался всем населением империи. Кроме того, комитет выработал проект юбилейных

---

¹⁸ См., например: Куронаткин А. Н. Записки Генерала Куронаткина. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 203.

¹⁹ О концепции исторической памяти см.: Maurice Halbwachs. *On Collective Memory*. Chicago, 1992.

²⁰ См., например, письмо А. А. Тихомирова, главы Московского учебного округа, который рассуждает об идее «запечатлеть» значение 1812 года в сердцах русских детей. РГИА. Ф. 740. Оп. 15. Д. 228. Л. 12.

мероприятий, которому должны были следовать все общества и учреждения при организации собственных торжеств. Всеобщность и единообразие, как надеялись организаторы из числа военных, позволили бы насадить более всеохватное чувство «национального сообщества», которое бы преодолело традиционное разделение по вероисповеданию, этнической принадлежности и социальному происхождению. Эти принципы также могли гарантировать, что торжества по всей империи станут использовать одинаковые механизмы для преподания одних и тех же патриотических уроков. В отличие от юбилеев XIX века, новый юбилей был рассчитан на общенациональную аудиторию и должен был охватить всех членов общества.

Программа, разработанная комитетом Глазова, имела в своей основе элементы традиционных религиозных, военных и народных праздников²¹. Государственная программа, широко распространявшаяся министерствами, а также прессой, требовала, чтобы армейские части, государственные служащие и учащиеся утром 26 августа, в день Бородинской битвы, сперва посетили богослужение, за которым следовали парады местных гарнизонов; в парадах предлагалось участвовать и школьникам. Наконец, юбилейные торжества в виде лекций, речей и театральных постановок на тему войны 1812 года, включенных в состав широких публичных празднеств, организуемых местными властями. От российских городов требовалось украсить общественные здания и школы флагами и другими национальными символами и обеспечить их ночное освещение. Этот план был положен в основу годовщины 1812 года, и ему следовало большинство обществ империи. Из 71 юбилейного торжества, по которым имеются документы, подавляющее большинство было организовано в соответствии с проектом глазовского комитета²².

Однако, в единообразии не было особого смысла, если празднования не достигали намеченной цели — насаждения конкретных ценностей и создания коллективной памяти. В решении этих задач организаторы юбилея в основном полагались на два метода — патриотическое назидание и спектакли. Патриотическое назидание являлось наиболее непосредственным способом преподания уроков. Чаще всего такие уроки, как любовь к монарху и подъем русского народа на борьбу с французскими захватчиками, включались в публичные лекции о смысле войны 1812 года. Подобные лекции читались в 1912 году по всей России — в публичных театрах, армейских частях и на фабриках. В ходе юбилея ораторы выступали даже перед заключен-

---

²¹ Общегосударственная программа была опубликована в: Русское слово. 11 августа 1912. С. 3.

²² Эта статистика собрана в основном благодаря обзору общенациональных и провинциальных газет, поместивших отчеты о праздновании столетней годовщины 1812 года.

ными, разъясняя им значение войны. Например, в орловской губернской тюрьме начальник тюрьмы прочел лекцию с отчетливо местным колоритом — он рассказывал о подвигах партизанского вождя Дениса Давыдова, родившегося неподалеку от тюрьмы²³.

Однако, дальше всего пошла обширная государственная школьная система со своей отлично организованной программой патриотического воспитания. Во многих школах патриотические уроки начинались с речей, освещавших значение юбилея. В этом смысле характерно выступление школьного чиновника в коммерческом училище украинского города Кобеляки. Начав с описания гениальности Наполеона и репутации непобедимости, приобретенной его армией, оратор далее заявил, что французский император совершил огромную ошибку, напав на Россию, так как нашел «в каждом крестьянине... храброго защитника и беспощадного мстителя за... Родину»²⁴. Далее шло объяснение причин победы в 1812 г.: «Чем же победила Россия? Она победила единением всех своих сынов. В ту страшную пору войска и все общество слились в одну великую семью горячей веры к Богу, безграничной любви к своей родной земле и к своему Царю»²⁵.

Речь заканчивалась призывом к учащимся взять геросы 1812 года за образец и выводом, что лишь благодаря их отваге и жертвенности было обеспечено будущее России. В подобных речах создавался образ нации, в которую превращается народ, объединившийся в «одну большую семью» для «защиты родной земли». Наконец, речь указывала на сплоченность русского общества и зарождение национального самосознания. Царь упоминался в речи, но, очевидно, его роль была вторична по сравнению с народом, объединившимся для защиты от захватчиков.

Патриотические уроки в школах и других общественных местах для повышения доходчивости нередко включали в себя декламацию стихотворений, исполнение песен и использование более современных технических средств, таких, как «волшебный фонарь». Наиболее часто читали два стихотворения, посвященные теме 1812 года и призванные заразить слушателей истинно патриотическим духом. Первым было пушкинское «Перед гробницею святой...» — по сути, панегирик фельдмаршалу Кутузову, русскому главнокомандующему в войне 1812 года. В этом стихотворении, которое к началу XX века получило известность под названием «Перед гробницей Кутузова», поэт совершает паломничество к могиле фельдмаршала в санкт-петербургском Казанском соборе и вспоминает величие этого человека: «Смиритель всех ее [России] врагов... В твоём гробу восторг живет!»²⁶ Пушкин писал это

²³ Тюремный вестник. № 10. Октябрь 1912. С. 1573.

²⁴ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Л. 387. Л. 224.

²⁵ Там же.

²⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. М., 1995. С. 267.

стихотворение в 1830 году, во время яростного польского восстания против российских властей. Для его подавления царский режим осуществил военное вторжение в Польшу, но русской армии понадобился почти год на то, чтобы полностью умиротворить страну. Пушкин, раздосадованный нерешительным и некомпетентным командованием русскими войсками, оглядывается на героическую фигуру Кутузова и призывает фельдмаршала еще раз, как и в 1812 году, спасти Россию:

Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...
...Явись у двери гробовой,
Явись: вдохни восторг и рвенья
Полкам, оставленным тобой!
Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!²⁷

Призыв поэта полностью соответствовал тематике и задачам юбилейных торжеств. Слушая слова Пушкина, аудитория несомненно вспоминала события и героизм 1812 года. Однако, она также слышала беспокойство поэта о будущем России и должна была близко к сердцу принять этот призыв к появлению новых героев — наследников кутузовского патриотизма.

Вторым стихотворением, которое стало важнейшим компонентом в юбилее 1812 года, являлось «Бородино» Лермонтова, в котором старый ветеран войны рассказывает об этой битве юноше. В то время как в произведениях Пушкина используется возвышенная и нередко туманная поэтическая речь, «Бородино» повествует о ходе сражения неприкрашенным, подлинным языком простого солдата. Благодаря этой особенности стихотворение не представляло никакой сложности для декламирования и понимания детьми и взрослыми из любых социальных слоев, что, скорее всего, усиливало патриотическое влияние стихотворения на аудиторию в 1912 году. Многие современники Лермонтова отмечали, что благодаря прославлению простого солдата «Бородино» звучало более сильно и героически, чем произведения, в центре внимания которых стояли генералы-аристократы, руководившие битвой²⁸. Безусловно, этого и добивался Лермонтов. В качестве рассказчика он выбирает старого солдата, которого представитель младшего поколения спрашивает в первой строфе:

²⁷ Там же. С. 267–268.

²⁸ Бородино // Лермонтовская энциклопедия. М., 1993. С. 67–68.

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки босвыс,
Да, говорят, еще какие!
Нсдаром помнит вся Россия
Про день Бородина!²⁹

Далее старик пересказывает события битвы, выразительно описывая свирепое сражение и бесхитростный патриотизм русского воина, который в конечном счете и стал причиной поражения гениального полководца Наполеона:

Забил снаряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!³⁰

В завершение стихотворения рассказчик выражает сожаление о том, что подобный непоколебимый патриотизм, который помог выстоять в битве, больше не замечен среди русской молодежи. Он говорит своему юному слушателю: «Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: / Богатыри – не вы»³¹. Таким образом, для устроителей торжеств 1912 года, «Бородину» являлось не просто пересказом событий Отечественной войны. Как и поэтическое воззвание Пушкина к Кутузову, произведение Лермонтова могло служить обращением к новому поколению патриотов, которые бы повторили пример, показанный теми, кто спас Россию столетием раньше.

Другим средством создания коллективной памяти и преподания важнейших уроков юбилея являлись зрелища. Самыми известными постановками из числа осуществленных в рамках столетней годовщины 1812 года стали главные имперские торжества на Бородинском поле и в Москве. Глазовский комитет поставил в центр обоих мероприятий, на которых побывали сотни тысяч зрителей, царя и царскую семью. В. Ф. Джунковский, губернатор Московской губернии, возглавлял организацию торжеств на поле битвы. Замыслив колоссальный трехдневный праздник, в ходе которого сто тысяч человек могли бы увидеть царя, отмечающего годовщину великой победы над Наполеоном, губернатор решил преобразовать сонную деревушку

²⁹ Лермонтов М. Ю. Избранное. Л., 1979. С. 27.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Там же. С. 29.

Бородино в настоящий небольшой город с собственной трамвайной линией, казармами, электростанцией, открытым театром, телефонной станцией, госпиталем и другими вспомогательными службами³². Кроме того, Джунковский приказал подновить главные памятники на поле боя, отремонтировать дороги и мосты в том районе и украсить место торжеств триумфальными арками, флагами, геральдическими символами и зелеными насаждениями. В итоге губернатор истратил пятую часть средств, выделенных правительством на юбилей, чтобы подготовить Бородинское поле к великому празднеству³³.

Джунковский и другие члены глазовского комитета в фокус церемоний на Бородинском поле поставили монарха и его личную связь с народом. Юбилей 1812 года, несомненно, являлся военным праздником, и главным событием бородинских торжеств стал смотр войск Николаем. Однако, глазовский комитет позаботился о том, чтобы в Бородино были представлены все слои населения империи, символизируя узы, сплачивающие царя с «народом», а также свидетельствуя о связи монарха с победой 1812 года. В Бородино были отправлены пять тысяч представителей сельской России; их поселили в специально построенных жилищах. К сельской знати и простонародью присоединились делегации от дворянства, купечества и других сословий в качестве зрителей многочисленных парадов, речей, возложений венков и религиозных церемоний, состоявшихся в ходе трехдневного праздника. Торжества на поле боя завершились праздником с концертом патриотической музыки и показом слайдов о войне 1812 года.

Хотя амбициозный масштаб торжеств, запланированных комитетом Глазова, был очевиден, комитет не предложил ничего нового для программы церемоний на поле битвы. Напротив, в проекте бородинского празднества фигурировали все религиозные, военные и народные элементы, к которым обращались в 1912 году во всех концах империи. Как и на эти местные торжества, на бородинские церемонии возлагалось две задачи – мемориальная и дидактическая. Центральной фигурой в большинстве мероприятий являлся Николай II. По плану глазовского комитета, передвижения царя по полю битвы совершались на глазах у публики. Визит царя был согласован с приездом сельской делегации; Николай оказывался в центре внимания во время каждого парада, богослужения или возложения венков. Кроме того, комитет преобразовал все поле битвы в наглядное дидактическое пособие, внедрив в его пейзаж такие символы, как флаги, геральдические знаки и цветы, подобранные в тон национального триколора. Самыми заметными являлись две колоссальные триумфальные арки, сооруженные к юбилею и покрытые изречениями, прославляющими солдат 1812 года, такими, как

³² Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 7.

³³ РГИА. Ф. 710. Оп. 15. Л. 224. Л. 196–196 об.

«Имена и дела ваши будут переходить из уст в уста, до поздних годов»³⁴. Бородинские торжества с их размахом и зрелищностью были призваны сконцентрировать внимание как непосредственных зрителей, так и широкой российской общественности — которая могла узнать о ходе церемонии из газет — на царя и его связи с национальной победой 1812 года. Благодаря этому режим надеялся, что в памяти нашествия навечно отложатся уроки патриотизма и жертвенности.

После бородинских торжеств было запланировано празднование в Москве, также грандиозное своими масштабами. Глазовский комитет поставил перед собой цель превратить все церемонии, даже богослужения, в спектакли. Самый яркий тому пример — колоссальная торжественная служба, которой заканчивались юбилейные мероприятия в городе. Это зрелище привлекло на Красную площадь сотни тысяч людей, вместе с Николаем и Александрой участвовавших в молебне в память о солдатах 1812 года³⁵. Службу, которая началась с крестного хода из Кремля на площадь, совершали тысяча священников. Молебен вторил хор из трех тысяч школьников. В заключение службы, когда началась молитва за Александра I и павших на поле боя, все участники церемонии опустили на колени, прогремел военный салют и зазвонили колокола кремлевских церквей. Глазовский комитет превратил религиозную церемонию в массовое мероприятие, проводя ее на Красной площади, а не внутри одного из кремлевских соборов. В течение всей службы духовенство напоминало собравшимся о жертвах, принесенных в 1812 году; этот урок был подчеркнут зрелищем сотен тысяч колоснопрсклоненных людей, таким образом отдавших дань уважения павшим в Отечественной войне.

Юбилейные празднества 1912 года не ограничивались только теми мероприятиями, в которых участвовал царь. Во многих школах во время юбилея тоже проводились свои торжества в форме «живых картин». Народные праздники, завершавшие многие местные торжества, также часто включали либо «живые картины», либо драматизированные рассказы о событиях 1812 года, поставленные либо в театрах, либо на открытых сценах. Например, в Курске посетителям городского парка показывали ряд «живых картин», изображавших торжественное вступление Наполеона в Москву и последующее бегство его армии³⁶. В Архангельске артисты местного театра изобразили перед пятью тысячами зрителей в городском парке серию более сложных «живых картин». Кульминационная сцена, называвшаяся «Московский пожар», была разыграна на огромной сцене, за которой натянули большой прозрачный экран. Когда прожектор осветил взшедшего на сцену

³⁴ Дукновский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 18.

³⁵ Русское слово. 31 августа 1912. С. 2.

³⁶ Курская быль. 28 августа 1912. С. 5.

актера в костюме Наполеона, рабочие за сценой разожгли большие костры. И зрители, и «император» следили за тем, как пламя вздымается все выше, в то время как героические москвичи снова не желали склоняться перед французскими захватчиками³⁷. В некоторых городах для постановок использовались самые различные приспособления. Например, в городе Богучар под Воронежем на главной площади был организован показ слайдов посредством «волшебного фонаря», причем для публики натянули большой экран и возвели трибуны³⁸. Пока детский хор исполнял патриотические песни, изображения на экране пересказывали историю войны с французами. Последними были показаны портреты Николая и Александры; при этом зрители встали и спели национальный гимн. Помимо создания коллективной памяти о событиях 1812 года, этот спектакль был призван связать победу над Наполеоном с Николаем II, тем самым повысив уважение к монархии и степень ее поддержки.

Помимо насаждения любви к царю, национальной идентичности и коллективной памяти, организаторы надеялись использовать юбилейные торжества с целью внедрить в народное сознание чувство гражданского долга, прежде всего готовность защищать империю. Ради этого организаторы юбилея поощряли участие школьников в военных парадах, чего раньше никогда не практиковалось на царских торжествах. Истоки такого желания привлечь молодежь к военным церемониалам находились внутри самой армии. К 1912 году генштаб провел большую работу по введению военной подготовки в программу школ по всей империи с целью повысить готовность молодежи к обязательной военной службе. Военные и чиновники из Министерства просвещения рассматривали уроки военной подготовки как важное средство внедрения патриотических идеалов, включая гражданский идеал служения империи. Столетие Отечественной войны предоставляло армии превосходную возможность пропагандировать среди населения идею гражданского долга, и комитет Глазова в своем проекте торжеств настойчиво рекомендовал местным властям организовать участие детей в юбилейных парадах.

Некоторые должностные лица прямо требовали, чтобы подчиненные им общества выполняли эти рекомендации. Например, губернатор Воронежа приказал, чтобы все учащиеся средних учебных заведений не только участвовали в парадах, но и стояли строем рядом с войсками в течение всех юбилейных торжеств. Свой приказ губернатор мотивировал тем, что школьники — «будущие защитники Отечества», подразумевая, что они должны готовиться к исполнению своего гражданского долга³⁹. Однако, большинст-

³⁷ Архангельск. 29 августа 1912. С. 3.

³⁸ Воронежский телеграф. 31 августа 1912. С. 4.

³⁹ РГИА. Ф. 740. Оп. 15. Л. 227. Л. 52.

во обществ добровольно отправляли своих детей на парады. Из 71 торжеств, по которым имеются подробные отчеты, 55 (83 %) включали парады с участием школьников. В большинстве случаев оно выражалось в том, что старшие ученики, а иногда также небольшая группа учащихся начальных классов, проходили маршем вслед за войсками местного гарнизона.

Однако кое-где эти парады сами по себе становились спектаклем. Таковым стал «Высочайший смотр учащимся» в московском Кремле, когда тридцать тысяч детей, помимо традиционного парада, исполнили упражнения с ружьями, гимнастику и танцы. Юбилейные мероприятия в Москве также включали так называемую «Прогулку в Филях» — шестисот тысяч детей из Кремля до избы в пригородных Филях. Этим детей, собранных со всей Московской губернии, армейские офицеры муштровали в течение нескольких месяцев, предшествовавших юбилею. В день шестивия дети построились в колонны с офицерами и знаменами во главе. Придя в Филя, они исполнили упражнения с ружьями, отслужили торжественный молебн и осмотрели избу, где фельдмаршал Кутузов провел военный совет после Бородинской битвы⁴⁰. Дети участвовали также в петербургском спектакле. Тридцать пять тысяч мальчиков и девочек прошли маршем до Дворцовой площади, где их встретили тысячи солдат регулярной армии, затем солдаты и молодежь хором пели песни и вышли на парад в честь юбилея⁴¹. Организаторы торжеств в Одессе предусмотрели аналогичные мероприятия: тридцать семь тысяч детей совершили молебн, спели национальный гимн и прошли строем мимо армейского командования на городском плац-параде⁴².

Таким образом, празднование столетней годовщины 1812 года следует рассматривать как часть более широкой кампании по воспитанию настроений и ценностей у населения империи. В центре этой кампании стояла армия. Офицерский корпус оказался ключевым институтом, участвовавшим в этой амбициозной попытке. Командиры русской армии, действовавшей в Манчжурии, в 1905 г. убедились в том, что неудачи армии вызваны поразительным отсутствием патриотического пыла у рядовых солдат, и в ответ приняли меры к тому, чтобы найти новые способы насаждать и укреплять патриотические настроения среди населения империи в целом, но особенно среди молодежи — той группы населения, из которой шел набор солдат для армии. Поиск новых методов укрепления политических и гражданских ценностей привел к созданию юбилеев нового типа — национальных торжеств, использовавших события 1812 года для внедрения таких идеалов, как преданность монарху, любовь к Родине, осознание своей принадлежности к национальному сообществу и долг по защите этого сообщества.

⁴⁰ Там же. Д. 228. Л. 12 об.

⁴¹ Русский инвалид. 24 августа 1912. С. 3.

⁴² Там же. 9 октября 1912. С. 2.

Национальные праздники приобрели такое большое значение для армии, что когда настало время планировать трехсотлетие династии Романовых в 1913 г., армия снова взяла на себя ведущую роль и позаботилась о том, чтобы структура и приемы, использовавшиеся в юбилейных торжествах 1912 года, стали основой и для династического юбилея. К 1913 г. многие представители власти прониклись уверенностью, что не сегодня-завтра разразится всеобщая война. Особенно сильны были такие настроения среди офицерского корпуса армии. Царские офицеры, по-прежнему озабоченные недостаточным уровнем патриотизма у населения империи и влиянием этого на ход будущей войны, способствовали разработке программ богослужений, уроков и лекций для населения в рамках трехсотлетнего юбилея Романовых. В этот последний мирный год офицеры также устраивали совместные парады солдат и детей по улицам и площадям городов по всей империи в качестве подготовки к тому дню, когда будущим воинам придется исполнить свой гражданский долг, покинув родной дом и отправившись защищать царя и Отечество.

*Авторизованный перевод с английского
Николая Эдельмана*

Е. А. СТЕПАНОВА

НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ:

МИД РОССИИ И СЕРБО-БОЛГАРСКИЙ СПОР (1913)

Можно с уверенностью сказать, что публикуемый ниже документ представляет интерес для историков, занимающихся внешней политикой Российской империи начала XX века. Его публикация кажется тем более оправданной, что он относится к 1913 году, к периоду, так и не затронутому в наиболее полной публикации архивных документов по истории внешней политики России начала XX века «Международные отношения эпохи империализма»¹.

Представленный документ, «весьма доверительное письмо», написан А. А. Нератовым, временно заменявшим министра иностранных дел Российской империи, от лица С. Д. Сазонова, и адресован российскому посланнику в Сербии Н. Г. Гартвигу. По сути, он является программным и выражает мнение МИД России по главному проблемному вопросу Балканского региона в начале 1913 года: послевоенному² устройству земель на полуострове. Однако темы, затронутые в этом письме, выходят за рамки того, что в исторической науке называется «историей дипломатии», т. к. касаются вопросов и военно-экономического характера.

Несколько слов следует сказать об адресате и авторе письма. Николай Генрихович Гартвиг в 1913 году занимал пост российского посланника в Белграде. Он был примечательной личностью среди российских дипломатов начала века. Сын обрусевшего немца, штаб-лекаря Горийского военного

¹ Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). Сер. 2 Т. 18. Ч. 1 (14 мая 1911–13 сентября 1911); Ч. 2 (14 сентября 1911–13 ноября 1911); Т. 19. Ч. 1 (14 ноября 1911–13 января 1912); Ч. 2. (14 января 1912–13 мая 1912); Т. 20. Ч. 1 (14 мая 1912–13 августа 1912); Ч. 2 (14 августа 1912–17 октября 1912). Л., 1938–1940.

² Имется ввиду 1 Балканская война.

госпиталя Г. Г. Гарвига, он начал свою карьеру в МИД в 1874 г. с должности внештатного чиновника Азиатского департамента и дослужился до поста начальника Азиатского департамента. Будучи ближайшим помощником графа В. Н. Ламсдорфа в то время, когда он возглавлял Министерство иностранных дел, Н. Г. Гартвиг мог рассчитывать на получение поста министра иностранных дел после его ухода. Но преемником Ламсдорфа стал А. П. Извольский, который, не желая видеть Гартвига в Петербурге, направил его послом в Тегеран. Характер у Н. Г. Гартвига был сложный, целеустремленный и неуступчивый. В Тегеране, отстаивая интересы России, он рассорился с английским послом, после чего в 1909 г. его отозвали на Родину и вскоре отправили в Белград³. Служба в маленьком Балканском государстве оказалась его призванием. Находясь в центре внешнеполитической активности России на Балканах, Николай Генрихович принимал самое активное участие в политике Балканских государств. Гартвиг был панславистом по своим убеждениям, видел в союзе Сербии и Болгарии событие огромного значения для Балканского региона и всячески подталкивал оба государства к его заключению. В споре между Сербией и Болгарией он встал на сторону Сербии. Его положение в этом государстве было значительным. По мнению А. Тошева, он «постепенно сконцентрировал в своих руках реальную власть над Королевством»⁴. Насколько возможности Гартвига действительно были большими — вопрос спорный. Однако, во время переговоров о союзе между Сербией и Болгарией именно ему удалось подтолкнуть страны к скорейшему заключению договора.

В 1913 г. российский МИД возглавлял Сергей Дмитриевич Сазонов. Современники отзывались о нем как о человеке неглупом, энергичном и решительном⁵. Он служил в Министерстве иностранных дел с 1883 г. и до 1909 г., занимал пост советника в Англии, а затем чрезвычайного полномочного посланника Российской империи в Ватикане. В 1909 г. он стал товарищем министра иностранных дел и фактически уже тогда начал реально управлять министерством вместо А. П. Извольского. В 1910 г. С. Д. Сазонов официально был введен в должность: «Политика Сазонова, преемника Извольского на посту министра иностранных дел, сводилась к тому, чтобы присоединить проливы к России и изжить с Балканского полуострова австро-германское влияние»⁶. С. Д. Сазонов делал упор на развитие Тройственного соглашения, полагая, что политическое равновесие между двумя союзами сможет удержать Европу от военных действий. К 1913 г. он уже достаточно

³ Rosses A. *Russia and the Balkans*. Toronto, 1908–1914. P. 26.

⁴ Toshev A. *Balkanskite voini*. V. 2. Sofia, 1929–1931. S. 168.

⁵ Михайловский Г. Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1982. С. 57.

⁶ Сухомлинов В. А. Воспоминания. М. — Л., 1926. С. 152.

давно находился во главе министерства, великолепно осознавал сложность положения России, которая была недостаточно сильна в военном и экономическом отношении, так и не восстановившись после русско-японской войны, но пыталась вести активную внешнюю политику наравне с остальными великими державами.

Анатолий Анатольевич Нератов занял пост товарища министра иностранных дел, когда Сазонов стал министром. Он временно возглавлял министерство всякий раз, когда Сергей Дмитриевич уезжал из Петербурга, отправляясь в отпуск или на лечение. Происходило это достаточно часто, так, фактически весь 1911 год министерством управлял А. А. Нератов. При этом он руководствовался инструкциями, получаемыми от Сазонова, проводил в жизнь те же политические принципы, что и его патрон. Положение его было особенно трудным потому, что в критических ситуациях находившийся далеко от Петербурга министр не мог быстро реагировать, и Нератову приходилось брать на себя ответственность за принимаемые решения «в условиях, близких к безнадежным... не имея никакой поддержки извне»⁷. Извольский, например, «не отказывал ему в очень многих положительных качествах», но при этом считал, что обычно Нератов чересчур уж осторожен в своих решениях⁸.

На фоне вышесказанного необходимо решить вопрос, было ли письмо Н. Г. Гартвигу написано А. А. Нератовым от себя лично, или же решение спорных вопросов внешней политики Российской империи было согласовано им с министром иностранных дел и всем аппаратом?

Письмо вполне соответствует тогдашней политике самого Сазонова, одобренной Николаем II. Еще в конце 1912 г., когда в Лондоне шла мирная конференция и решался вопрос о границах Албании, в котором были заинтересованы и Черногория, и Сербия, Сазонов указывал российскому послу в Лондоне, что «в определении границ Албании интересы Черногории и интересы Сербии должны быть представлены совершенно независимо друг от друга, ибо нельзя соглашаться на уступки для одних за счет других»⁹. В Лондоне речь шла не об одном и том же объекте интересов Черногории и Сербии, а лишь о возможности влияния России на решения великих держав, ограниченность которого не позволяла отстаивать интересы обоих потенциальных союзников. Но провозглашенному принципу «нельзя соглашаться на уступки для одних за счет других» российская политика на Балканском полуострове соответствовала вплоть до начала I Мировой войны. Что касается сербо-болгарских противоречий, то спустя неделю после письма Нератова Сазонов лично написал российскому посланнику

⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 53. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 26. Л. 65.

в Софии, подтвердив мнения своего Товарища. Он написал, что МИД «продолжает неизменно придерживаться в болгаро-сербском договоре убеждений относительно обязанностей для обеих сторон связывающего их договора. Если в данном случае наша точка зрения фактически соответствует интересам Болгарии, мы все же признаем, что требования Сербии не могут быть оставлены без всякого внимания, ввиду оснований морального характера»¹⁰. Фактически Сазонов призывал Болгарию отказаться от дополнительных территорий, чтобы «не потерять то, что было самым ценным в их союзе с Сербией, — сознание братской солидарности»¹¹. Мне кажется, что когда крупный политик начинает говорить о соображениях морального характера, это значит, что более весомых аргументов у него нет, и ему остается апеллировать к моральным категориям, выжидая более благоприятного времени. И как бы в подтверждение своего бессилия российский министр заканчивает письмо просьбой передать болгарскому министру иностранных дел, что «Болгария поступит мудро, если... пойдет хотя бы на небольшие уступки».

Публикуемое письмо вполне можно назвать программным, написанным в официальном порядке от лица министерства иностранных дел. Письмо Нератова логически можно разделить на три части. В первой, вводной, описывается настроение и международная обстановка на момент написания письма. Эта часть словно специально написана для будущих исследователей болгаро-сербского конфликта. Вряд ли Н. Г. Гартвиг мог найти что-то новое для себя в характеристике отношений двух стран, тем более, что разбираясь в обстановке он много лучше сидящего в Петербурге чиновника. Единственное объяснение данного введения состоит в том, что Гартвигу еще раз была изложена официальная точка зрения МИД Российской империи на происходящие на Балканском полуострове: «Все эти обстоятельства приведены здесь для того, чтобы не оставить сомнения в том, что императорское министерство со своей стороны учитывает трудность и сложность положения, обусловленного перекрещивающимися интересами и интригами». В Петербурге знали о пристрастности сербского посланника в решении вопросов между балканскими государствами в пользу Сербии, и Нератов еще раз косвенно напоминал своему подчиненному о необходимости соответствовать в своих действиях решениям МИД. Вторая часть посвящена тяжелому положению, в котором оказалась Россия после окончания I Балканской войны. Если во время войны Россия, заинтересованная в поддержке ее политики на Балканском полуострове со стороны и Сербии, и Болгарии, могла оказывать им услуги, не вызывая открытой неприязни союзников, то после ее окончания ввиду полного несогласия бывших союзников под-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Л. 37. Л. 64–64 об.

¹¹ Там же. Л. 65 об.

держка обеих стран стала невозможна. Россия была фактически поставлена перед выбором, на чью сторону встать, но делать этот выбор не хотела. В результате вторая часть письма приводит нас к заключению, сделанному вторым человеком в российском МИДе: занять выжидательную позицию. Фактически Нератов предлагает Гартвигу роль наблюдателя, а не активного участника, в тот момент, когда решалась судьба территорий, захваченных во время удачной для союзников войны, а значит, могли быть или разрешены странные территориальные споры соседних государств, или заложены новые точки напряженности.

Нужно сказать, что все спорные вопросы, о необходимости решения которых идет речь на страницах письма, были заложены еще при создании сербо-болгарского договора 1912 года.

С самого начала обе договаривающиеся страны предполагали, что договор будет носить не только оборонительный, но и наступательный характер. Было составлено несколько проектов, единственное, что их все объединяло — это условие *sine que non*, участие России в качестве судьи в спорных вопросах. Несмотря на желание действовать совместно, Сербия и Болгария не доверяли друг другу. Участие Российской империи им нужно было не только в качестве судьи, но и как гаранта исполнения договора. Впрочем, России балканские страны тоже не слишком доверяли, особенно Болгария. Примером тому может служить поведение софийской стороны во время переговоров о разделе Македонии, на территорию которой претендовали и Сербия, и Болгария. Сербь предложили поделить Македонию на три части: безусловно сербскую, безусловно болгарскую и спорную. Судьбу этой третьей спорной части должен был определить русский император Николай II. Болгарская делегация долго отказывалась от русского арбитража, который, по словам русского дипломата, “по их понятию, должен сказаться далеко не в пользу чрезмерных притязаний Болгарии”¹². В конце концов, под давлением со стороны российских посланников в Болгарии и Сербии арбитраж был принят. Речь шла о статье 4 сербо-болгарского соглашения, заключенного 13 марта 1912 г., которая гласила: “Всякий спор, который возник по поводу толкования или исполнения какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения или военной конвенции, подвергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами”¹³. Болгарский делегат Д. Ризов довольно точно высказался, что “арбитраж русского императора необходим для обоих правительств как прикрытия от общественных мнений, крайне противоположенных и трудно

¹² Моевн. Сер. Н. М., 1938. Т. 19. Ч. 1. С. 270.

¹³ Там же. Ч. 2. С. 268.

примиримых”¹⁴.

Вопрос раздела Македонии изначально не имел решения, т. к. договаривающиеся стороны не хотели уступать ни пяди земли, которую считали исторически принадлежащий именно своим государствам. В случае поддержки Россией Сербии или Болгарии, вторая страна непременно чувствовала бы себя обиженной. Поэтому идея отложить окончательное решение до более мирных времен была, пожалуй, единственной возможностью для России сохранить дружеские отношения с обоими государствами. Сазонов давал очень высокую оценку этому соглашению, утверждая, что Россия взяла “в руки средство влияния на обе державы”, создав одновременно “гарантию против распространения влияния более сильных держав на Балканском полуострове”¹⁵.

Когда Сербия и Болгария заключали союзный договор, они придерживались следующих основополагающих принципов:

1. Союзники стремились сохранить существовавшее до войны соотношение во владениях.
2. В договоре был закреплён принцип пропорциональной зависимости получаемой военной добычи от степени участия в военных действиях.

Для Болгарии и Сербии союз открывал новые стратегические возможности расширения на Балканском полуострове. Сербии было насущно необходимо получить выход к Адриатическому морю, а Болгария стремилась завладеть несколькими портами на Эгейском побережье.

Что предполагалось по сербо-болгарскому договору? В случае победы над Турцией захваченные территории должны были быть поделены следующим образом: земли Старой Сербии и Новобазарского санджака, а также западные Шар-Планины, т. е. Албания, – признавались бесспорно принадлежащими Сербии. Территории, расположенные на линии Дедогач-Адрианополь-Чёрное море бесспорно отходили к Болгарии. Город Константинополь и земли между ним и Адрианополем объявлялись неприкосновенными. Оставшаяся земля между р. Струми и Шар-Планиной оставалась спорной.

После успешно проведённой кампании Болгария на севере и западе сохранила бы прежние границы с Румынией и Сербией. Македония была бы поделена согласно подписанному договору, образовалась бы новая граница с Грецией, с Турцией приграничная полоса прошла бы по линии Дедогач-Адрианополь (город остался бы в составе Турции) – Кирклис (он вошёл бы в состав Болгарии) до Чёрного моря на уровне Мидеи.

В Сербии граница государства прошла бы по рекам Дунай, Сава, Дрина, как и раньше, но дальше шла бы исправленная граница санджака с Боснией, новая граница с Черногорией, выход в Адриатическое море до пересече-

¹⁴ Гешов И. Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 24.

¹⁵ МОЭИ. Т. 19. Ч. II. С. 180.

чения с Грецией, с которой Сербия разделила бы Албанию, и болгарская граница по линии Охридское озеро – Велес – Егри-паланка – прежняя болгаро-сербская граница¹⁶.

Территория Сербии, таким образом, увеличилась бы в Старой Сербии и Македонии примерно на 25. 000 км², в Албании на 13. 000 км², всего 39. 000 км². Вся территория Сербии составила бы 48. 000 км старой и 39. 000 км новой земли, т. е. около 87. 000 км². Земли Болгарии увеличились бы примерно на 53. 000 км². Болгария же владела бы 96. 000 км² старой и 53. 000 км² новой, всего около 149. 000 км². В результате Сербия получила бы около 43 %, а Болгария 58 % бывшей турецкой территории¹⁷.

До войны соотношение территорий двух союзников было 1:0,5, соотношение населения чуть менее выгодно для Болгарии – 1:0,7. Если бы при разделе завоеванного учитывался договор, то соотношение количества земель союзников немного менялось в пользу Сербии, оно становилось 1:0,59, зато соотношение количества жителей – в пользу Болгарии, т. к. к ней присоединились бы густонаселенные турецкие территории. Но в целом сохранялось бы «равновесие» двух ведущих балканских государств.

После окончания войны и заключения перемирия странам-союзникам оставалось поделить между собой военную добычу, завоеванные земли. Но эта задача оказалась более трудновыполнимой, чем заключение соглашения и победа над османскими войсками. Может быть, все дело было в том, что государства, вошедшие в союз, ставили перед собой одни и те же задачи. Их выполнение к взаимному удовлетворению сторон было невозможно изначально, т. к. по ключевым вопросам их интересы пересекались.

За время военных действий количество нерешенных проблем не уменьшилось. Во время войны не все, записанное в договоре, было воплощено в жизнь. Болгары не предоставили обещанную стотысячную армию на Вардарский театр войны, напротив, они потребовали от Сербии дополнительных войск и осадную артиллерию. 50. 000 сербских солдат пришли на помощь болгарам во Фракии. В результате общими усилиями были захвачены не запланированные в договоре территории Фракии и город Адрианополь. Напротив, земли, которые бесспорно должны были быть присоединены к Сербии, – Албания и Адриатическое побережье, – из-за вмешательства Великих держав захвачены не были. Такой итог военных действий и подтолкнул Сербию к требованию пересмотра договора о разделе захваченной территории. Кроме того, Белград справедливо отмечал, что уже в ноябре 1912 г. были заняты все территории, которые подразумевал союзный договор, и войну можно было прекратить. И лишь желание Болгарии захватить

¹⁶ Табурно И. П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 29.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 37. Л. 18.

еще больше и войти в Адрианополь были причиной того, что война продолжалась еще целых 5 месяцев, то есть Сербия несла дополнительные расходы только для того, чтобы поддержать союзника.

Почему Сербия не требовала пересмотра условий договора тогда же, когда болгары просили дополнительной военной помощи? Объяснений может быть несколько. Во-первых, помощь болгарам нужна была немедленно, и на ведение дополнительных переговоров просто не было времени. Во-вторых, Болгария могла бы обвинить по окончании военных действий сербского союзника, что тот под давлением тяжелых обстоятельств вынудил ее изменить соглашения в пользу Белграда. По мнению Сазонова, «Сербия не входила в переговоры по этому вопросу, ею руководило глубокое сознание внутренней солидарности интересов обоих славянских государств»¹⁸.

Основная проблема для российской дипломатии на Балканском полуострове состояла в том, что Россия стремилась поддерживать и контролировать все славянские государства. Такая задача была изначально невыполнима, т. к. славянские народы полуострова стремились к самостоятельности, независимости, к расширению своих территорий. А в границах полуострова расширяться можно было только за счет соседей. В России же верили, что с позиции «верховного арбитра» и «старшего брата» можно успешно конкурировать с политикой Австро-Венгрии, которая также была заинтересована в сильном союзнике на Балканском полуострове. Желание привлечь на свою сторону все государства Балканского полуострова связывало руки русским дипломатам, что нашло свое отражение в представленном документе. «Значение одной этой услуги несомненно громадно. Между тем, нам невозможно не только самим огласить ее в печати, но и нежелательно сделать ее известной широкой публике»¹⁹, т. к. услуга эта была оказана за счет другого союзного государства — это характерный пример. Мне кажется, что, выбрав тактику помощи всем, Россия поставила себя и свои действия в зависимость от политики малых государств и заняла выжидательную, а не активную позицию. Последовательная поддержка только одной страны, например, Сербии, могла бы помочь именно этому государству стать действительно первой силой в регионе, и Российская империя получила бы сильного и надежного союзника. А это было бы выгодно для России, где понимали, что столкновение с Австро-Венгрией может произойти в любой момент. В решении сербо-болгарского спора Россия фактически предоставила государствам самим решать этот вопрос, ведь «у первой [Болгарии] формальные права, у второй [Сербии] лишь нравственные основания». А значит «старший брат» мог только советовать «Болгарии поступить мудро, пойти хотя бы на небольшие уступки»²⁰.

---

¹⁸ Там же. Л. 64 об.

¹⁹ Там же. Л. 62.

²⁰ Там же. Л. 66.

Но столь мудрое решение было бы принято Болгарией только в том случае, если бы она была настроена сохранить союз. София же предпочла получить бывшие турецкие владения, поддержку Австро-Венгрии и войну с прежними союзниками.

Исследуя представленное письмо, можно получить представление о процессе формирования внешней политики Российской империи, причем в данном случае путь, выбранный министерством для разрешения достаточно острой политической ситуации, вызывает искреннее изумление. Российская дипломатия, которая в десятые годы XX века постулировала активную позицию во внешней политике, выбрала политику невмешательства и в самый ответственный момент предоставила государствам Балканского региона решать все споры самостоятельно. Фактически МИД ушел от принятия решения в тот момент, когда осознал, что ситуация выходит из-под его контроля.

**Письмо заместителя министра иностранных дел России
А. А. Нератова русскому послу в Сербии Н. Г. Гартвигу²¹,
23 апреля 1913 г.**

Весьма доверительно

Милостивый государь Николай Гесрихович!

Как Вам известно из предыдущей телеграфной переписки по сему предмету, отношение между Сербией и Болгарией, обострившиеся в последнее время в связи с вопросом о предстоящем между ними завоевании, серьезно нас озабочивает.

Точка зрения обоих государств на этот вопрос известна. В то время как Болгария настаивает на точном соблюдении того размежевания, которое закреплено было в договоре между ней и Сербией, последняя указывает на то, что договорные обязательства должны быть рассмотрены в совокупности. Если выяснится, что Сербия оказала помощь своей союзнице сверх уговоренного, тогда как Болгария не выполнила всех предусмотренных в том же договоре условий, то, по мнению Сербии, за ней должно быть признано право на соответствующие территориальное возмещение.

К точке зрения права присоединяется оценка, исходящая из принципа политической целесообразности. И сербами, и греками указывается на подавляющее превосходство, которое получит Болгария при размежевании, отдающем в ее владение территории, значительно превосходящие объем тех, которые выпадают на долю остальных Балканских государств.

²¹ Там же. Л. 60–63 об.

Сербия, по-видимому, опасается, что болгарское правительство, завершив процесс племенного объединения болгарского народа, охладит к общеславянским интересам и будет склонно завязать близкие отношения с Австрией за счет своих соседей. Опасения эти подтверждаются политикой Венского кабинета, несомненно стремящегося сблизиться с Софией и в той же мере посеять недоброжелательство между нею и Белградом, и одновременно взрастить зародыш взаимного недоверия и подозрения между ними и Балканскими государствами.

Все эти обстоятельства, без сомнения, хорошо известны Вам, приведены здесь для того, чтобы не оставить сомнения в том, что императорское министерство со своей стороны учитывает трудность и сложность положения, обусловленного перекрещивающимися интересами и интригами.

Укрепление и усиление Сербии представляет в наших глазах интерес первостепенного значения. Сознание важности этой цели усугубляется в нас всеми событиями Балканской войны. В ней Сербия воочию доказала свою жизнеспособность и дисциплину — народную и военную. Отныне возможность создания прочного заслона для дальнейшего проникновения Австрии на Балканский полуостров является самоочевидным. Будущие перспективы в Сербии, которая только начинает процесс своего племенного объединения, в то время как Болгария, быть может, его закончила, рисуются нам не в призрачном, а в реальном виде. Для России представляется несомненным интерес содействовать всемирному достижению Сербией ее национального и государственного идеала.

Из всего этого следовало бы на первый взгляд заключение, что становясь на указанную точку зрения политической целесообразности, нам следует всецело поддерживать сербские пожелания, не смотря на букву договорных обязательств.

Рассмотрение совокупности вопросов, в связи с задачами России как в прошлом, так и в будущем на Балканском полуострове приводит нас, однако, к иным выводам.

Нет сомнения, что при нынешних приобретениях Болгарии и при близости ее границ к турецкой столице, отношение наше к этому государству значительно осложняется. Национальный эгоизм болгар может получить опасное преобладание над традициями прошлого. Подогреваемое усилиями Венского кабинета, который будет все время указывать болгарам, что на пути к завоеванию Константинополя стоит не Австрия, а Россия, это чувство может стать рычагом опасных перемен в Софийском кабинете.

Уже во время войны Австрия старалась подчеркнуть перед болгарским общественным мнением, что запрет выйти к Мраморному морю исходит от России, что непризнание начала компенсации за счет союзников за передачу Силистрии румынам состоялась благодаря России, наконец, — что та же Россия хочет отдать Салоники Греции, а не Болгарии.

Мы, конечно, могли бы без труда противопоставить этим фактам совершенно иные. Нынешнее болгарское правительство без сомнения сознает значение и размеры всех услуг, оказанных ему Россией, которая не остановилась перед угрозой Румынии, когда дело приняло на одну минуту крайне опасный для Болгарии оборот, ибо Румыния, при благосклонном поощрении той же Австрии, не чужда была намерения занять вооруженной силой спорные болгарские территории.

Значение одной этой услуги несомненно громадно. Между тем, нам невозможно не только самим огласить ее в печати, но и нежелательно сделать ее известной широкой публике, ибо в той же мере, в которой наш образ действия способен был бы снискать нам благорасположение болгарского общественного мнения, в общем не слишком восприимчивого к такого рода впечатлениям, — мы оттолкнули бы от себя *возрождающиеся в Румынии*²² тяготение к России, к которому нам следует более, чем когда либо, относиться бережно и внимательно.

Между тем, указанные выше факты, эксплуатируемые Австрией, гораздо более осязаемы и, несомненно, действуют на воображение армии и интеллигенции в Болгарии. Если к этим фактам присоединилась бы поддержка Россией сербских желаний, *вопреки договорным обязательствам, скрепленным в свое время именем России*²³, — то на этот раз агитация против нас получила бы твердую почву, ибо тогда не по видимости уже, а по существу нами было бы нарушено начало справедливости по отношению к Болгарии. Если бы дело касалось только мимолетных впечатлений, или мы полагали бы центром наших усилий только создание благоприятного для нас настроения в Болгарии, то, разумеется, такой постановке вопроса можно было бы противопоставить целый ряд серьезных возражений.

Мы не можем упускать из виду, что между чуждым нам австрийским присмем исканий популярности и нашим желанием утвердиться всюду, в Болгарии, как и в других Балканских государствах, сознанием, *что Россия останется прежней верховной покровительницей их всех и беспристрастным судьей в их взаимных спорах*, — существует осязательная разница. Мы не можем и не должны считать положение России в Болгарии отныне проигранным. Между тем, оно действительно стало бы таковым, если бы мы оправдали все обвинения, возводимые на нас Австрией.

В спорах между Болгарией и Сербией единственно достойное России положение — роль умиротворяющей обе стороны и внушающая им обоим уважение и признание полного беспристрастия и благожелательства.

Мы можем жалеть, что обстоятельства так сложились, что в вопросе о размежевании интересы Сербии связаны *известными непрекращаемыми*

²² Подчеркнуто в тексте Н. Г. Гартвигом, на полях: «т. к. Сербия».

²³ Подчеркнуто в тексте Н. Г. Гартвигом, на полях поставлен знак вопроса.

*обстоятельствами*²⁴. Не будь этих последних и не будь нашего участия в их установлении, мы располагали бы, разумеется, гораздо большей свободой и могли бы содействовать в большей мере осуществлению сербских пожеланий.

Вам лучше, чем кому-либо, известно, однако, каких трудов стоило в свое время убедить Болгарию в необходимости пойти на уступку Ускюба Сербии. Соглашение между обоими государствами состоялось только благодаря крупным усилиям России.

Цель, руководившая нами тогда, остается и по сие время неизменной. Мы должны употребить все усилия к тому, чтобы союз, сплоченный с таким трудом, не распался от предстоящих ему испытаний и чтобы работа наша и обоих народов не послужила к конечному торжеству Австрии. Между тем, если Болгария увидит себя покинутой Россией и в открытой вражде с Сербией, то ей ничего другого не останется, как принять руку, которую за спиной Белграда ей протягивают из Вены.

К решению сербо-болгарского спора нам приходится приступать с сознанием серьезной исторической ответственности, нам выпадающей. Все, что мы можем сделать в целях полюбовного соглашения и взаимных уступок, должно быть нами исполнено. Мы не перестаем оказывать умиряющее воздействие на болгар. Мы указываем им на всю необходимость уступок с их стороны, на то, что в свое время Болгария признала справедливость возмещения Сербии, оказанного, по-видимому, сверх буквы договора содействия. Мы представляли Софийскому кабинету, что, став на эту почву, он облегчит нам трудную задачу, от которой мы не отказываемся и которая сулит нам в результате неудовольствие и разочарование с обеих сторон.

Одновременно с сим мы настаиваем на том, что будем придерживаться буквы договора при одном неслыханном условии, чтобы взаимные его обязательства были вновь закреплены и послужили упрочнением того политического уклада, который явился основанием союза.

Обстоятельство это представляется нам крайне существенным с точки зрения интересов Сербии, для которой важно укрепить, с одной стороны, возможно большую солидарность с Болгарией, а с другой получить по возможности прочное обеспечение на случай столкновения с Австрией.

Софийский кабинет дал нам понять, что после размежевания с Сербией на основе договора и одновременно с актом Болгария готова дать полное обеспечение своей верности союзным обязательствам. Если в Белграде, тем не менее, могут возникать сомнения в искренности и ценности такого рода завершений, хотя под ними и стояла бы подпись Болгарии, сербское правительство не должно забывать, что главным обеспечением при этом для него является поддержка его Россией. Последняя же располагает достаточными

---

²⁴ На полях поставлены два знака вопроса.

средствами воздействия на болгарское правительство для того, чтобы удержать его на почве должного отношения к своим обязательствам²⁵.

Таковы руководящие взгляды наши в сербо-болгарском споре. Несмотря на всю трудность выпадающей на Вашу долю задачи убедить сербов в необходимости считаться с, быть может, неприятным для них фактом существующего договорного обязательства, мы твердо рассчитываем, что политическая мудрость г. Пашича подскажет ему, что в данном случае мы становимся, в конце концов, на почву коренных интересов самой Сербии. Его авторитет и то выдающееся положение, которое Вам удалось занять в Белграде, дают нам надежду на благоприятный и соответствующий России и Сербии выход из нынешнего трудного положения.

Примите, милостивый государь, уверения в отличнейшем почтении и совершенной преданности,

А. Нератов

---

²⁵ На полях напротив этого абзаца рукою Гартвига написано: «!! Увы! Она этого не доказала!»

ГОРАН МИЛОРАДОВИЧ

РОМАН ЗАМЯТИНА «МЫ»:

МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И УТОПИЕЙ

Когда же окончится тысяча лет,
сатана будет освобожден из
тмнищы своей и выйдет обольщать
народы, находящиеся на четырех углах земли,
Гога и Магога, и собирать их на брань;
число их – как песок морской

Откровение Иоанна Богослова,
гл. 20, 7.

Существуют значимые книги, которые так и не заняли причитающегося им места в истории литературы, и которые, в силу разных обстоятельств (хотя литература о них постепенно растет), остались по сути непрочитанными. Литературные произведения чаще всего стараются истолковать историки литературы и филологи, иногда социологи культуры, или философы. Мы же попробуем с точки зрения историка пролить немного света на одно исключительное произведение, которое долгое время оставалось в тени других, подобных ему, но менее выдающихся. Роман «Мы» Евгения Ивановича Замятина¹ (1884–1937) значителен по двум причинам: во-первых,

---

¹ Литературы о Замятине и его романе в последнее время стало значительно больше, особенно в англоговорящем мире. Перечислим только некоторые наиболее часто упоминаемые книги: Richards, David. *J. Zamiatin: A Soviet Heretic*. New York, 1962; Shane, Alex. *The Life and Works of Evgenij Zamjatin*. Los Angeles, 1968; Collins, Christopher. *Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study*. Hague – Paris, 1973; Brown, Edward James. “Brave New World”, “1984” and “We”: An Essay on Anti-Utopia (Zamyatin and English literature). Ann Arbor: Ardis, 1976; Edwards T. R. N. *Three Russian Writers and the Irrational: Zamyatin, Pil’nyak, and Bulgakov*. Cambridge, 1982; Kern, Gary. *Zamyatin’s We: A Collection of Critical Essays*. Ardis, 1988; Russell, Robert. *Evgeny Zamyatin*. London – Bristol, 1992; Goldt, Rainer. *Termodinamik als Textem. Der Entropiesatz als poctologische Chiffre bei E. I. Zamjatin*. Mainz 1995; Новое о Замятине:

это результат длительной идейной эволюции, а, во-вторых, это продукт конкретных общественных и политических обстоятельств, имевших решающее значение не только для русской, но и для мировой истории.

Историческую составляющую романа мы будем исследовать по двум направлениям: определим конкретные исторические личности, которых имел в виду Замятин, создавая героев своего романа, а также обратимся к рожденным до того литературным персонажам других писателей, которые послужили Замятину примерами при создании его собственных образов. Этим, разумеется, не исчерпывается историческое содержание книги. Но этого, все-таки, достаточно для того, чтобы показать глубокую укорененность романа в политической, общественной и интеллектуальной истории России, а также связь русской истории со всемирной. Вторая часть статьи будет посвящена взглядам Замятина на историю как на универсальный и необратимый процесс, а также на роль личности в нем. История идей составляла чрезвычайно важную сторону исторического мировоззрения Замятина. Речь идет о механизме влияния этих идей на историческую действительность, а также о последствиях этого взаимного влияния для сознания людей, бывших одновременно и творцами истории и ее продуктом.

Генезис и значение героев романа «Мы»

Круги и треугольники русских интеллектуалов

На конец 19 в. и первые десятилетия 20 в. пришелся расцвет интеллектуальной жизни, что видно по количеству и масштабу имен, творивших в России в столь короткий отрезок времени. В основном эти люди были знакомы друг с другом и сотрудничали. Но для большей части своих соотечественников они представляли собой экзотический и закрытый круг, непонятный и не представлявший для масс никакого интереса. Участников кружков и треугольников часто связывали не только интеллектуальные, но и дружеские, любовные, родственные отношения. Замятин принадлежал к этому миру и черпал в нем вдохновение.

Первый такой треугольник², вероятно вымышленный, составляют герои романа Николая Чернышевского «Что делать?»: Вера Павловна и два её

Сборник материалов/Леонид Геллер (ред.). М., 1997; Cooke, Brett. Human Nature in Utopia: Zamyatin's We. Evanston, 2002; Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации/Сост. М. Ю. Любимова. СПб., 2002. Отдельные статьи даже не стоит пытаться перечислить, их слишком много.

² Замятин использовал численные символы как выразительное средство. В списках мы растолкуем самые важные: «Треугольник – триединая природа вселенной: Небо, Земля, Человек; отец, мать, дитя; человек как тело, душа и дух; мистическое число три; тройка, первая из плоских фигур. Отсюда символ поверхности вообще.

мужа. Они были своеобразной моделью для всех прочих: для Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, которые образуют треугольник с Димой Философовым (родственником Мережковского); затем для Лили Брик, которая имела схожие отношения с Осипом Бриком и Владимиром Маяковским. Аналогия распространяется и на Анну Ахматову и Николая Гумилева, которые находятся в своеобразном треугольнике с Замятым. Разумеется, не следует забывать и самый старый из треугольников, который составляли Адам, Ева и Змей (дьявол), и который представляет собой мифологическую матрицу. На ней автор строит отношения между собственными образами, играя характерами и судьбами некоторых своих современников.

Персонажи в романе образуют схожие треугольники. Их имена состоят из комбинации букв и чисел, которую каждый носит на груди на золотой бляхе. В один треугольник входят D-503, O-90 и R-13. С ним связан другой треугольник: D-503, R-13 и I-330. Через последнюю к ним ко всем имеет отношение и S-4711. По ходу повествования проявляются и другие, более или менее связанные между собой, треугольники, создающие целую систему отношений. А над всеми ними возвышается государственная пирамида, на вершине которой находится Благодетель.

Все номера тщательно подобраны. Само число 40 (столько глав в романе³) имеет свой глубокий смысл. А имена, т. е. «номера» персонажей имеют особенно символическое значение. Благодетель, «Нумер из Нумеров», единственный не пронумерован, чем выделяется из безликой массы своих подданных. Все мужские «номера» содержат согласную букву и нечетное число (например, D-503), а женские гласную букву и четное число (например, I-330). Иногда буквы кириллические, иногда латинские, ибо автору важна, в первую очередь, их форма, графически выражающая характер литературного образа. Совместив черты некоторых литературных, мифологических персонажей, а также исторических личностей, наделив их именами-числами, Замятин создал интересный, глубоко символический ансамбль персонажей, в тоже время содержащий важную информацию и для историка⁴.

Поверхность состоит из треугольников (Платон)» (Курер, Džin Kambel. Ilustrovana enciklopedija tradicionalnih simbola. Beograd, 1986. S. 175).

³ «Сорок. Означает пробу, испытание, посвящение, смерть. Будучи связано с четверкой, означает целостность и совокупность. (...) В христианстве сорок дней продолжается Великий пост в честь сорока дней, проведенных Христом в пустыне. Сорок дней от Пасхи до Вознесения...» (Курер... S. 27).

⁴ При переводе книг на иностранные языки неизбежно теряется часть их смысла. К сожалению, при переводе на сербский язык (Мирой Лалич) было утрачено значение «имен» героев, т. е. их графический облик. В переводе (напечатанном кириллицей!) все буквы, входящие в состав «имен» (D, R, S, I, Ju), напечатаны латиницей, хотя таким образом был утрачен их графический облик и значение. См: Јевревић Замјатин. Ми. Београд 1969. 1990.

Как и все нумера мужского пола, Д-503 состоит из согласной буквы и нечетного числа⁵. Буква «Д» кириллическая, т. к. больше всего похожа на квадрат, отражающий характер героя, его предельный рационализм. Он конструктор вселенского корабля Интеграл, а одновременного лирический герой и главный герой романа, написанного как исповедь. Из-за этого двойственного положения у Д-503 начнется раздвоение личности, когда соблазнительная 1-330 пробудит в нем подавленные инстинкты⁶. Основа этой идси очевидна⁷. Это судьба самого Замятина, инженера и писателя, большевика и еретика⁸. Но, отрекшись от большевизма (в 1917 г. он выходит из партии) и оставив судостроение, он разрешает этот внутренний конфликт, целиком отдавшись литературе. В свои еретические, с точки зрения рационального и тоталитарного общества, моменты Д-503 – сам писатель.

Прообразом правозерной, лояльной по отношению к государству, сущности главного героя послужил, по-видимому, Алексей Гастев (1882–1941), – русский поэт, рабочий по происхождению, имевший нетривиальное представление о будущем: «Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата. (...) Вот эта-то черта и сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квали-

⁵ «Числа – Во многих культурах, особенно в вавилонской, индуистской и иифагорейской, число есть фундаментальный принцип, лежащий в основе мира вещей. Оно – начало всех вещей и той гармонии вселенной, стоящей за их высшей связью... В герметической философии мир чисел отождествляется с миром причин. (...) Для Платона числа – это гармония вселенной. Для Аристотеля число было началом и сущностью вещей, их взаимодействием и состоянием. Нечетные числа являются мужскими, а четные – женскими» (Курег... С. 20.).

⁶ «Было два меня. Один я – прежний, Д-503, номер Д-503, а другой... раньше он только чуть высовывал свои лохматые ланы из скорлупы, а теперь вылезал весь, скорлупа трескала, вот сейчас разлетится в куски и... и что тогда?». Замятин Е. И. Мы. // Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. М., 1989. С. 580. (Далее – Замятин Е. И. Мы...)

⁷ Двойственность характерна и для других его персонажей: Шмята и Тихмяя из рассказа «На куличках», Мартин Мартиныча из «Пещеры».

⁸ «Справедливо рубят голову еретической, посягающей на догмы, литературе: эта литература вредна. Но вредная литература полезнее полезной: потому что она антиэнтропийна, она – средство борьбы с обывизвлением, склерозом, корой, мхом, покосом... Ну, а двуерстники, Аввакумы? Аввакумы ведь тоже еретики? Да, и Аввакумы – полезны... Аввакумы нужны для здоровья; Аввакумов нужно выдумывать, если их нет». (Zamjatin, Jevgenij. O književnosti, revoluciji i entropiji // Flaker, Aleksandar. Heretici i sanjari. Zagreb, 1988. S. 57).

фицировать отдельную пролетарскую единицу, как А, В, С или как 325,075 и О и т. п.... движение этих коллективов-комплексов приближается к движению вещей, в которых... есть ровные, нормализованные шаги, есть лица без экспрессии, душа. лишняя лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром»⁹.

Этот взгляд во многом совпадает и с той картиной общества, в которое после долгой и ожесточенной борьбы¹⁰ влился Д-503: «Как всегда, музыкальный завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди – государственственный номер каждого и каждой»¹¹. Вышеупомянутая картина может быть еще конкретней: «Каждая искра динамо – искра чистейшего разума; каждый ход поршня – неспорочный силлогизм. Но разве не тот же безошибочный разум и в вас? Философия у кранов, прессов и насосов – закончена и ясна, как циркулярный круг. Но разве ваша философия менее циркулярна? (...) Вы видели когда-нибудь, чтобы во время работы на физиономии насосного цилиндра – расплывалась далекая, бессмысленно-мечтательная улыбка?»¹².

Кроме двух вышеупомянутых прототипов к Д-503 приложил руку и протест Адам. Замятин отношения героя с обеими его женщинами построил в соответствии с библейским сюжетом, в котором Д-503 – Адам, «его» О-90 – Ева, а I-330, – со своими «несобычайно белыми и острыми зубами... тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст»¹³, – Змий (дьявол). Только после ее появления О-90 удастся склонить Д-503 к зачатию ребенка, в результате чего оба совершают смертный грех перед Единым Государством, т. е. Богом этого перевернутого рая.

У Д-503, помимо его исконной и иррациональной сущности¹⁴, которой он боится и хочет в себе подавить, есть и вторая, склонная к нескритическому существованию в соответствии с сократовским принципом, что разум это верховная добродетель. Стремясь к рационализации всех сторон своего

⁹ Gastev, Aleksej. O tendencijama proleterske kulture (1919)//Sovjetska književnost 1917-1932. Zagreb, 1967. S. 28-29.

¹⁰ «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

¹¹ Замятин Е. И. Мы... С. 551.

¹² Замятин Е. И. Мы... С. 647-648. Приведен отрывок из Государственной газеты, в которой далее говорится: «историки Единого Государства просят отставки, чтобы не записывать постыдных событий». Автор, вероятно, хотел показать, что и советская историография с самого начала имела избирательную память.

¹³ Замятин Е. И. Мы... С. 552.

¹⁴ Вышеуказанную сущность символизируют руки героя: «Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: все в волосах, лохматые – какой-то иелный атавизм... Обезьяньи». Замятин Е. И. Мы... С. 553.

существования, Д-503 дошел до восприятия себя как квадрата: «Вот что: представьте себе – квадрат, живой прекрасный квадрат. И ему надо рассказать о себе, о своей жизни. (...) Вот и я все время в этом квадратном положении»¹⁵.

И не только в квадратном, но и в перевернутом положении: «Я вижу: как в воде – в стеклянной глади подвешены вверх ногами опрокинутые, сверкающие стены, и опрокинуто, насмешливо, вверх ногами подвешен я»¹⁶. По сути, весь роман можно расценить как перевернутое¹⁷ (сатанинское) Святое писание. Тогда Д-503 выступает и в роли сына антибога, т. е. Антихриста, который после своего свособразного благовещения в первой записи, проходит через круг искушений, с тем чтобы через сорок дней (или записей) воскреснуть в качестве совершенного гражданина Единого Государства и таким образом вернуться в утерянный рай.

О-90

Её имя, как и у всех женских персонажей, состоит из гласной буквы и двузначного числа. Буква «О» символизирует её характер и роль в романе. О-90 – Ева, которой запрещено рожать, т. к. она на десять сантиметров ниже «Материнской Нормы». «... она похожа на свое имя... вся кругло обточенная, и розовое О – рот – раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: круглая, пухлая складочка на запястьи руки – такие бывают у детей»¹⁸. Кроме того, у нее круглые, мудрые глаза и «секундная скорость языка» выше «секундной скорости мысли»¹⁹. О-90 полностью характеризует её материнское предназначение. Даже тогда, когда Д-503 изменяет ей, когда ей из-за беременности грозит верная смерть от Машины Благодетеля (нечто вроде электрической гильотины)²⁰.

¹⁵ Замятин Е. И. Мы... С. 560.

¹⁶ Замятин Е. И. Мы... С. 597.

¹⁷ Инверсия. Взаимодействие противоположностей. Ситуация когда одно качество уступает своей противоположности: смерть уступает жизни, добро – злу и т. п. Существуют различные символы инверсии: песочные часы, перевернутое дерево, двойной треугольник (соломонова печать), двойная спираль, буква «Х», подвешенный головой вниз человек. Этот символизм говорит о том, что «каждая истинная аналогия должна быть способна к инверсии». Другими словами – «как вверх, так и вниз». (Дž. К. Курег... С. 114).

¹⁸ Замятин Е. И. Мы... С. 551.

¹⁹ Замятин Е. И. Мы... С. 553.

²⁰ «Но только я хочу – я должна от вас ребенка – оставьте мне ребенка, и я уйду, я уйду (...)

– Что? Захотелось Машины Благодетеля? (...)

– Пусть! Но ведь я же почувствую – я почувствую его в себе. И хоть песколько

В обществе, в котором все регулируется рационалистическими принципами, нет места ни для чувств, ни для семейных отношений. Однако то, что в XX веке вызвало злобные комментарии, является нормой в ХХХ веке, когда развивается действие романа. Д-503 пишет: «Милая О... Милый R... все-таки я, он и О – мы треугольник, пусть даже и неравнобедренный, а все-таки треугольник... мы – семья»²¹. А десять веков назад Лили Брик писала в своей записке «Как это происходило»: «С 1915 г. мои отношения с Осипом перешли в чисто дружеские, и эта любовь (с Маяковским) не могла ни нарушить моей дружбы с ним, ни дружбы Маяковского и Брика. (...) Я и Ося больше никогда не были близки в физическом смысле. Так что все сплетни о «треугольнике», «любви втроем» и т. д. вообще не похожи на то, что было...»²².

Лили Брик, конечно, не может служить прототипом О-90, т. к. ее интересовали не дети, а искусство и общественная жизнь, в которой она играла важную роль. Замятин просто позаимствовал модель отношений, как и образ Маяковского (для R-13). Лили была заменена на О-90, а Брик – на Д-503.

Как беременная О-90 целиком оправдывала свое имя: «Вся она была как-то по-особенному, законченно, упруго кругла. Руки и чаши груди, и все ее тело, такое мне знакомое, круглилось и натягивало юнифу... Я невольно посмотрел на ее круглый под юнифой живот»²³. Таким образом, она, круг²⁴, вместе с Д-503 (квадрат) образуют мандалу, являющуюся схематическим изображением космоса. Но они родят человека, что, по Замятину, символизирует единство микро- и макрокосмоса²⁵.

дней... Один день!». Замятин Е. И. Мы... С. 611. Очевидна связь с философией, основанной на «чуде жизни», заимствованной Замятиным от Достоевского.

²¹ Замятин Е. И. Мы... С. 573.

²² LjubaV je srce svega, Preписка Vladimira Majakovskog I Lill Brik 1915-1930/Jangfelt, Bengt. Beograd, 1988. S. 16-17. (Далее: В. Jangfelt...).

²³ Замятин Е. И. Мы... С. 643. «Унифа» – сокращенное от «униформа». Замятин иронизирует над манией сокращений для всех и всего, объявшей Россию с приходом большевизма.

²⁴ «Круг. Универсальный символ. Означает целостность, непрерывность... Округлость священна как наиболее естественное состояние... всякое циклическое движение, динамизм, бесконечное движение... Круглое или бесконечное символизирует женственность, как противопоставление связанной границами прямой мужественной отцовской созидательной силе... Круг с квадратом – это Небо и Земля, интеграция... Вместе они, дополняя друг друга, олицетворяют Космическое Яйцо». (Курет... С. 79–80) Эта «дополненность» героев романа, т. е. новый человек, созданный ими, продолжит (в идеале) повествование романа, т. е. саму историю. Этим разрывается замкнутый круг, в котором существуют утопии. Время течет дальше...

²⁵ Тема рождения и обновления жизни, связанная с символикой круга, занимает центральное место в творчестве Замятина. Кроме романа, встречается в рассказах: «Наводнение», «Рассказ о самом главном» и «Чрево». Округлая О символизирует и Мать Землю.

Этот персонаж — поэт на службе у государства, друг Д-503 со школьных времен. Они с О-90 составляют «семью» или «треугольник»²⁶. В его физическом облике и ярком характере трудно не узнать Владимира Маяковского. Его крупная фигура и «извращенная логика» вытеснили всех других претендентов на роль прототипа этого персонажа. Латинская буква «R» графически символизирует вызывающую позицию в искусстве и в жизни, а также соответствующий внешний вид — выпяченную грудь и отставленную ногу. В то же время это и перевернутая русская буква «Я». Этим автор, по-видимому, хотел указать на что-то перевернутое, дьявольское в этом герое. В чем эта перевернутость? То, что «Я» это местоимение первого лица единственного числа, характеризует героя как индивидуалиста, по своей сути противостоящего коллективизму, выраженному названием романа «Мы» (первое лицо, множественное число). Вопреки самодисциплине, с помощью которой Маяковский принудил себя к лояльности в отношении большевистского режима, Замятин подметил это принципиальное расхождение. Номер персонажа — напоминание о первоначальном названии поэмы «Облако в штанах» («Тринадцатый апостол»). Название романа «Мы» — пародия на многочисленные пролеткультовские и футуристические названия того времени, популяризирующие коллективизм. Их хватало и у Маяковского: «Мы», «Наш марш», «Мы шагаем» и т. д. Периодически раздающийся по ходу повествования «Марш единого государства» — еще одна аллюзия на произведения популярного поэта.

Вот он: «Ну, скажем, старый мой товарищ, R-13, поэт, негробуый, — ну да все его знают»²⁷. «R-13 говорит, захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ — брызги; каждое “П” — фонтан, “поэты” — фонтан»²⁸. А также, «Вот бы — “б” — фонтан из толстых, шлепающих губ»²⁹. Современники из «Театральной газеты» получили схожее впечатление от выступления Маяковского в Кафе поэтов в 1917 г.: «У него квадратный рот, из которого выстают не слова, а грохочущий альпийский камнепад... Мысли его космогонические, но он не Данте, а Уолт Уитмен. Ему бы править стихиями»³⁰.

²⁶ «И я пошел к нему, к R. Правда, он не точен, не ритмичен, у него какая-то выворачивающая смешливая логика, но все же мы — приятели. Недаром же три года назад мы с ним вместе выбрали эту милую розовую О. Это связало нас как-то еще крепче, чем школьные годы». (Замятин Е. И. Мы... С. 571.)

²⁷ Замятин Е. И. Мы... С. 560.

²⁸ Замятин Е. И. Мы... С. 571.

²⁹ Замятин Е. И. Мы... С. 572.

³⁰ Flaker, Aleksandar. Ruska avangarda. Zagreb, 1984. S. 201. (Далее: Flaker. Ruska avangarda...). Поэту из романа тоже хватало космогонического размаха: «Понимаете («п» — фонтан) — древняя легенда о рас... Это ведь о нас, о теперь. Да! Вы вдумайтесь. Тем двум в раю — был предоставлен выбор: или счастье без свободы — или сво-

Этот женский нумер уже был нами идентифицирован как Змий (дьявол) в райском саду. Латинская буква I графически выражает суть персонажа. 1-330 играет ключевую роль в антигосударственной заговорщицкой организации Мефи — сокращение от Мефисто³⁶. Героиня бесцеремонно пользуется своей сексуальностью, играет чужими чувствами, сплетая сеть из попавших в ее власть влиятельных людей, которые располагаются на всех ступенях иерархической лестницы, кроме высшей. Цель — уничтожение Единого Государства. Д-503 интересуется ее, прежде всего, как конструктор вселенского корабля Интеграл, захват которого (наподобие восстания на «Потемкине», на котором присутствовал Замятин) станет началом государственного переворота. Наивный и оьяненный весной инженер этого не замечает до конца романа, когда наступит время отчаяния и раскаяния.

Мира Лалич, — переводчик романа на сербский язык, — считает, что «1-330, вымышленная автором во второй декаде этого века, и сейчас является самым современным женским образом в новейшей русской литературе»³⁷. Это и не удивительно, учитывая, кто был ее предтечей.

Первый прообраз — Вера Павловна, — героиня романа Николая Чернышевского «Что делать?», — служившая, вероятно, образцом для прочих женщин, о которых пойдет речь далее. Главный мотив романа и смысл Веринной жизни — освобождение женщины в русском обществе. Вера отлично играет на фортепиано, как и «дьяволица» у Замятина. Обе собирают кружки интеллектуалов, с помощью которых стремятся переменить общественное устройство. Вера Павловна со своим первым и вторым мужьями живет, словно в интернате, в отдельных комнатах, по расписанию, которое регулирует даже супружеские обязанности (как и в Едином Государстве). 1-330 точно поставила бы подпись под заявлением Веры Павловны, достойным падшего ангела: «Но главное — независимость! Делать, что хочу, — жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в ком не нуждаться! Я так хочу жить!»³⁸.

Зинаида Гиппиус со своим мужем Дмитрием Мерсжковским также напоминает пару, описанную Замятиным: «С тех пор я видел ее только один раз на прогулке... С ней об руку — по плечо ей — двоякий S...»³⁹. Мерсжковский был невысокого роста, сутулым, а Гиппиус крупной рыжей женщиной.

³⁶ Первым это сокращение отметил Виктор Шкловский в своей книге «Пять человек знакомых» (Тифлис, 1927), в которой содержится критика романа «Мы». См. также: В. Jangfelt... С. 275–276

³⁷ Lalić, Mira. Predgovor//Zamjatin, Jevgenij. Kristall I snovidnja. Beograd, 1981. S. 21.

³⁸ Černiševskij, Nikolaj. Što da se radi? Zagreb, 1921. S. 87. (Далее: N. Černiševskij...)

³⁹ Замятин Е. И. Мы... С. 596.

В Петрограде до 1919 г., а позднее и в Париже, они держали известный литературный салон, похожий на Древний Дом, в котором встречались Меффи. Мережковский и Гиппиус бежали в Европу вместе с Димой Философовым, с которым они составляли семейный и интеллектуальный треугольник. Гиппиус за острую литературную критику называли «всдёмой». Помимо прозвища, с «дьяволицей» ее роднит талант и обожатели, ибо кроме литературы и философии, поэтесса собирала кольца мужчин, «с которыми имела дело»⁴⁰. А об I-330 автор пишет: «Очень интересная, талантливая женщина. У нее много почитателей»⁴¹. Обе отличаются беспорядочностью половых связей. Ни у той, ни у другой нет детей, которые им и не нужны. Белый и Философов занимались с Гиппиус какими-то мистериями, называя ее Белой Дьяволицей. Обе женщины отчетливо доминировали в кругу своих мужчин.

Как уже было сказано выше, Лили и Осип Брики составляли «семью» с Маяковским: «Свой жизненный эксперимент они ставили, по мысли Лили, опираясь на роман «Что делать?». Подобно «новым людям» Чернышевского, они действительно стремились победить ревность и другие проявления «старого образа жизни»⁴². Лили, помимо этого, придерживалась, как и Александра Коллонтай, теории «свободной любви». Из переписки Брик следует, что и у нее, и у Маяковского были многочисленные любовные приключения. В этом отношении Лили и I-330 совершенно одинаковы. К тому же обе были пианистками и создавали интеллектуальные кружки: «И вот Маяковский ввел меня в квартиру, не похожую на другие, расчвеченную раскрашенными, размалеванными тканями, звонкую от стихов, только что написанных или прочитанных, с блестящими горящими глазами хозяйки, которая умеет убедить и удивить собственным мнением»⁴³. Когда I-330 привела Д-503 в свой салон в «Древнем Доме», его там ждала та же картина: «... мы в мрачном, беспорядочном помещении (это называлось у них «квартира»). Тот, самый странный, «королевский» музыкальный инструмент – и дикая, неорганизованная, сумасшедшая – как тогдашняя музыка – пестрота красок и форм. Белая плоскость – вверху; темно-синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг; желтая бронза – канделябры... В этот момент – я видел только ее глаза... Передо мною – два жутко-темные окна, и внутри такая невсдомая, чужая жизнь. Я видел только огонь – пыласт там какой-то свой «камин»...»⁴⁴. Как уже было сказано ранее, у I-330 были «необычайно белые и острые зубы», каковые можно разглядеть и на фотографиях Лили

---

⁴⁰ Рајчић, Бисерка. Зинаида Хиниус – писац декадентне маште//Руски алманах. Бр. 2, лето/јесен 1992. Београд. С. 55 (Далее: Б. Рајчић. Зинаида Хиниус...).

⁴¹ Замятин Е. И. Мы... С. 568.

⁴² В. Jangfelt... С. 33.

⁴³ В. Jangfelt... С. 13 (Николай Асеев о посещении Лили).

⁴⁴ Замятин Е. И. Мы... С. 563–564.

Брик, а также «блестящие горящие глаза». Нет сомнений в том, что Замятин был вхож в вышеописанные кружки и салоны и был осведомлен о взаимоотношениях их завсегдатаев. Творческий замысел вызревал на литературных вечеринках, на которых автор находил прототипов своих героев, которые потом читали и обсуждали роман.

Пятый (а последний ли?) вклад в создание образа I-330 внесла Анна Ахматова, любимого поэта которой, Пушкина, встречаем в виде бюста в Древнем Доме⁴⁵. Ахматова, как и ее вышеперечисленные предшественницы, была весьма эмансипированной и общественно активной как в искусстве, так и в личной жизни. Замятин хорошо ее знал и написал в 1922 г., в эссе «О синтетизме», посвященном выставке рисунков Юрия Аненкова: «Портрет Ахматовой — или, точнее, портрет бровей Ахматовой. От них — как от облака — легкие, тяжелые тени по лицу, и в них — столько утрат. Они — как ключ в музыкальной пьесе: поставлен этот ключ — и слышишь, что говорят глаза, траур волос, черные четки на гребнях»⁴⁶. Лицо I-330 также все сформировано вокруг бровей: «И я увидел странное сочетание: высоко вздернутые у висков темные брови — насмешливый острый треугольник, обращенный вершиною вверх — две глубокие морщинки, от носа к углам рта. И эти два треугольника как-то противоречили один другому, клали на все лицо этот неприятный, раздражающий X — как крест: перечеркнутое крестом лицо»⁴⁷.

Однако не только внешность Ахматовой предопределила облик персонажа. Внимательный читатель Достоевского, Замятин точно знал, что дьявол сказал Ивану Карамазову: «Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен «отрицать»... и выбрали козла отпущения, заставили писать в отделении критики, и получилась жизнь...

⁴⁵ «С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая асимметрическая физиономия какого-то из древних поэтов (кажется Пушкина)». (Замятин Е. И. Мы... С. 565). Об Ахматовой Надежда Мандельштам писала в 1919: «Затем у нее наступила эпоха общения с Пушкиным... Такой личной и пристрастной заинтересованности у Ахматовой не было ни к кому из живых» (N. Mandelstam. Strah i nada II. Zagreb, 1988. S. 25). Виктор Шкловский, однако, в статусе узнал работу русского скульптора Антокольского (1883) «Мефистофель». Помимо намек на Ахматову, это место в романе интересно и с точки зрения возможной связи Пушкин-Мефистофель.

⁴⁶ J. Zamjatin. O sintetizmu // Književna smotra. 40/XII /1980. Zagreb. S. 40.

⁴⁷ Замятин Е. И. Мы... С. 577. Замятин, несомненно, знал, что символизирует собой крест: «Крест — универсальный символ, ведущий свое происхождение из наиболее древних времен... Линия вертикальная — небесная, духовная и интеллектуальная, позитивная, активная, мужская; горизонтальная является земной, рациональной, пассивной, отрицательной и женской. Крест как целое образует первоначального андрогина. Это заложенный в природе дуализм и единство противоположностей». (Курс... S. 76–77). «X». Символ инверсии. «Каждая истинная аналогия должна быть употреблена в обратном порядке... В христианстве это крест Святого Андрея и полностью разделяет символику креста».

Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло... Люди принимают всю эту комедию за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом их и трагедия. Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут, живут реально, не фантастически; ибо страдания-то и есть жизнь... Ну а я? Я страдаю, а все же не живу. Я икс в неопределенном уравнении»⁴⁸. Следовательно, Ахматова это 1-330; 1-330 — это икс; икс — дьявол, а дьявол — критик. Чего? Того, что есть, что составляет реальность. В романе это Единое Государство под стеклянным куполом, проскт рая — островка рационалистической преисподней среди одичавшей зелено-голубой планеты⁴⁹. Во всемирной истории это большевистская Россия.

Мефи, которые борются против Единого Государства, вопреки своему имени, играют в романе позитивную роль. Это означает, что для Замятина плюс и минус означают не добро и зло, а два полюса, которые могут поменяться местами. Чистая условность, как в математике. По-видимому, писатель представлял мир как песочные часы: песок перетекает из одного сосуда в другой без остатка. Плюс это полный сосуд, минус — пустой, пока не наполнится. Все относительно — Эйнштейн. Нет добра и зла, нет смерти. Есть только существование, которое будет длиться вечно.

Итак, образ 1-330 окончательно сформирован. Только надо дать ей сигарету и рюмку ликера. Так, к ужасу своих современников-обывателей, наслаждались все ее единомышленницы тысячу лет назад⁵⁰.

Ю...

Однако, смысловой потенциал женских образов еще не исчерпан. В романе появляется некая Ю... Женский образ, «имя» которого так и не приведено полностью, и который всегда остается в тени. Это не слишком важная

⁴⁸ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы.

⁴⁹ «Рай. В большинстве традиций рай — это огражденный сад, остров-сад или «Зеленый Остров». Наиболее важные исключения: христианская традиция, в которой Новый Иерусалим — это Град... Рай символизирует изначальное совершенство и Золотой Век, космический центр, исходную невинность, блаженство, совершенную гармонию между Богом и человеком, человеком и всеми живыми существами. (...) Означает... такую близость Неба к Земле, что на него можно попасть, взобравшись на дерево, лиану или гору... Утраченный рай охраняют чудовища, драконы или ангелы с пылающими мечами. Обретение рая связано с великими трудностями, испытаниями и опасностями, которые символизируют трудный духовный путь обратного путешествия к центру». (Dž. К. Курег... S. 140-141.). Единое Государство — аллюзия на «Новый Иерусалим». Его устройство гарантирует невинность и блаженство избранному народу, заключенному в реторту, в которой совершается великий эксперимент. Вселенский корабль Интеграл должен достичь небес. Главный герой по пути в утраченный рай, на страже которого стоят «ангелы»-Хранители, проходит свою Голгофу и т. д.

⁵⁰ Замятин Е. И. Мы... С. 578-579.

особа, поэтому главный герой не помнит ее фамилии. Она «контролерша», которая в вестибюле принимает и проверяет почту жителей, а также следит за правильностью использования «розовых билетов», дающих право на сексуальные отношения. О ней известно, что она работает на «Детско-воспитательном заводе»⁵¹, и что она влюблена в Д-503. Но Ю немолода и некрасива, и поэтому отвергнута. Она узнала и донесла об участии Д-503 в попытке свержения Единого Государства. Месть оскорбленной женщины. Очевидно, буква Ю, — имя героини, — графическое соединение латинской буквы «I» и буквы «O». Этим Ю объединяет двух других героинь, любовниц главного персонажа, и, неожиданно, сравнивается с ними. Может, Замятин так цинично наводит нас на мысль, что и другие две героини однажды превратятся в толстых рыб с большими коричневато-розовыми жабрами (такой автор описывает эту героиню)⁵². А рыба, как мы знаем, символ Христа.

Загадку недостающего числа в ее «имени», навверное, можно решить с помощью простых математических вычислений и некоторых общих знаний:

$$\begin{aligned} 503 + 330 + 90 + 13 + 47\pi &= 5647 \\ 5647 - 1917 + x &= 3730 + x = 3760 \\ x &= 30 \end{aligned}$$

Сложение всех известных чисел, входящих в состав имен персонажей, (503 + 330 + 90 + 13 + 47π) дает 5647. Если от этого числа отнять 1917, — год Октябрьской революции, — получится 3730. Самое близкое мистическое число, имеющее для нас некоторый смысл, это 3760, т. е. год сотворения мира по еврейскому летоисчислению. Если от этого числа отнять 3730, останется 30. Это могло бы быть второй частью имени персонажа: Ю-30. Это означает, что сложение всех номеров в именах героев даст год сотворения мира по еврейскому календарю.

S-47π

Несмотря на то, что и это имя состоит из согласной буквы и нечетного числа, оно отличается от всех прочих мужских «номеров» тем, что имеет четыре цифры. Для каждого, кто знает о продукции кельнской фирмы «No. 47π», этот «номер» ассоциируется с одсколоном. В России в начале двадцатых годов этот товар было нелегко достать иначе, кроме как в специализированных магазинах для государственных служащих. Такого особу (например, члена ВЧК) можно узнать на улице по запаху. Латинское «S» символизирует сторбленность того, кто носил это имя-букву.

S-47π самый частый спутник I-330 еще с того момента, когда Д-503

⁵¹ Замятин Е. И. Мы... С. 616.

⁵² Замятин Е. И. Мы... С. 606–607, 616

встретил их в первый раз, когда они «мерными рядами, по четыре... тратили послеобеденный личный час на дополнительную прогулку»⁵³. «Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, 1-330... налево – О, совсем другая... и с краю нашей четверки – неизвестный мне мужской номер – какой-то дважды изогнутый, вроде буквы S»⁵⁴. В этом странном «номере» можно узнать мужа Зинаиды Гиппиус: «Мережковского описывают, как чрезвычайно низкого, худощавого человека, сгорбившегося от сидения... Мережковский на улице являли собой зрелище. Как единое целое... Всегда под руку... Образ жизни вели строго запрограммированный. До часа. Даже до минуты»⁵⁵. Совсем как герои и героини Замятина.

С другой стороны, в романе S-4711 – влиятельный член касты Хранителей, которая представляла собой ничто иное, как типичную тайную полицию, наподобие царской Охранки, или большевистской ВЧК. Один чекист, действительно, послужил прототипом данного персонажа. Это Осип Брик, – муж Лили Брик, ее равнодушный к сексу спутник⁵⁶. Помимо служебной принадлежности, Брик интересен и своими характерными ушами, описанными Замятиным, которые бросаются в глаза и на фотографиях Брика. Так что и в физическом отношении он соответствует персонажу: «что-то стремительное несущееся в пространство: голова – и она несется, потому что по бокам – оттопыренные розовые крылья-уши. И затем кривая нависшего затылка – сутулая спина – двойко-изогнутое – буква S... На бляхе у него сверкнуло: S-4711»⁵⁷.

Не только запоминающаяся внешность Дмитрия Сергеевича Мережковского связывает его с романом. Он был одним из идеологов русского символизма, из которого берет начало акмеизм. Представителям этого течения Замятин был очень близок. Мережковский особое внимание уделял «мистическому содержанию» искусства, суть которого состояла в «вечном столкновении» духовного и телесного начал. Другими словами – христианского и языческого. Дуализм, характерный для идей Замятина, присущ и Мережковскому. Это демонстрируют даже названия его произведений: «Христос и Антихрист» (на этом же противопоставлении основывается и роман «Мы»), или «Толстой и Достоевский» (которые были представителями двух противоположных идейных направлений в России 19 в.). В образе S-4711 Мережковский, по иронии автора, объединен с Осипом Бриком, – его

⁵³ Замятин Е. И. Мы... С. 551.

⁵⁴ Замятин Е. И. Мы... С. 552.

⁵⁵ Б. Рајчић. Зинаида Хиппиус... С. 56.

⁵⁶ «Осип Брик одно время служил в ВЧК, паверное, в качестве эксперта в области права. Судя по справке Политотдела московского ГПУ, он в этой организации работал с 8 июня 1920 г. по 1 января 1924 г. (архив Лили Брик)». (В. Jangfelt... С. 208).

⁵⁷ Замятин Е. И. Мы... С. 567–568.

антиподом в плане философского и литературного мировоззрения, а также политической ориентации. Этим Замятин, вероятно, хотел навести читателя на мысль о неусловимом единстве противоположностей, которое составляет суть жизни.

Однако кроме выразительной внешности, рассматриваемый персонаж имеет и свою тайну. Он двойной агент⁵⁸, также завсербованный 1-330 в ряды Мефи. Данный сюжетный ход мог быть инспирирован средой, в которой жил Замятин. В дореволюционной и большевистской России интеллигенция и политические кружки кишели провокаторами. Самый известный из них – Малиновский, член ЦК большевистской партии, разоблаченный после открытия архива Охранки в 1917 г. Он, как и S-4711, отвечал в партии за ликвидацию агентов-провокаторов. Может быть, Замятин это имел в виду?

Благодетель

Глава Единого Государства единственный непронумерованный персонаж в романе. Его присутствие ощущается повсюду. Он – в государственных институтах, опутывающих все общество, в «Ежедневных одах Благодетелю»⁵⁹, во всепроникающем страхе: «Что? Захотелось Машини Благодетелю?»⁶⁰, в характерном выражении: «клянусь Благодетелем»⁶¹. В романе он появляется лично всего три раза, но всегда театрально. У «Нумера из Нумеров», перед «самоотверженным трудом» которого все «набожно склоняются»⁶², было разветвленное древо реальных и вымышленных прародителей. Назовем самых важных.

Казнь поэта, написавшего сатирическое произведение о Благодетеле, превращена в своеобразную «литургию», которую совершал сам Благодетель. После чтения богоугодной поэзии он лично убивал приговоренного, а потом «по старому обычаю – десять женщин увенчивали цветами еще не высохшую от брызг юнифу Благодетеля. Величественным шагом первосвященника Он медленно спускается вниз, медленно проходит между трибун – и вслед Ему

---

⁵⁸ «И вдруг – мне молниейно, до головы, бесстыдно ясно: он – он тоже их...». (Замятин Е. И. Мы... С. 677.)

⁵⁹ Замятин Е. И. Мы... С. 587. Ирония по поводу утилитарного восприятия литературы, присущего Пролеткульту и подобным течениям. На той же странице еще несколько заголовков: «Цветы Судебных приговоров», «Опоздавший на работу», а также незабываемые «Стансы о половой гигиене». Маяковский стихотворением «Владимир Ильич!» положил начало стихотворному циклу, посвященному Ленину. Нельзя представить, чтобы сатирическая стрела, выпущенная Замятиным, предназначалась не Маяковскому и поэтам, как он.

⁶⁰ Замятин Е. И. Мы... С. 611.

⁶¹ Замятин Е. И. Мы... С. 619.

⁶² Замятин Е. И. Мы... С. 587.

поднятыс вверх нежные белые встви женских рук и сдиномиллионная буря кликов. (...) Да, что-то от древних религий, что-то очищающес, как гроза и буря, — было во всем торжестве»⁶³. Даннос описание гротескно воспроизводит дионисийские празднества, в которых главную роль играли женщины. Завершавшиися массовым экстазом обряды сопровождались человеческими жертвоприношениями, ритуальными оргиями⁶⁴.

В предельно рационалистическом обществе нет места ни богу, ни религии. Государство присвоило атрибуты церкви, а его глава не только цезарь и первосвященник, но и бог на земле. Его имя указывает на бога, каким его видел Платон. Тот, по определению, мог совершать только добро. Кроме того, описание Благодетеля отсылает нас к Сократу, первым выдвинувшему идею о разуме как высшем благе. Когда Д-503 встретит Благодетеля, перед ним будет сидеть «сократовски лысый человек, и на лысине — мелкие капельки пота»⁶⁵.

Благодетель разделяет моральные принципы Рахметова, — героя романа «Что делать?». Благодетель: «... истинная, алгебраическая любовь к человечеству — непременно бесчеловечна, и непременный признак истины — ее жестокость»⁶⁶. Рахметов, — один из строителей «нового человека» на рационалистических принципах: «я... и сам не рад, что я «мрачно чудовище», да уж обстоятельства-то такие, что человек с мою пламенной любовью к добру не может не быть «мрачным чудовищем»⁶⁷.

Другие идеи Благодетеля очень близки Великому Инквизитору. Благодетель: «... о чем люди — с самых пеленок — молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье, — и потом приковал их к этому счастью на цепь. (...) Древняя мечта о рас...»⁶⁸. Великий Инквизитор: «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми?... ничего и никогда не было для человека и для человеческого обще-

⁶³ Замятин Е. И. Мы... С. 575–576. Обряд целиком: С. 573–576.

⁶⁴ «Дионис (...) бог растительности, великое божество, которое... постоянно обновляется. Дионисийскому культу и мифу присущи экстаз, убийство и расчленение младенцев (спарагмос), а также поедание сырого мяса (омофагия)... В его культе значительную роль играет фаллос; В отличие от своей свиты — силосов и сатиров — Дионис никогда не изображался в состоянии эрекции. (...) В Дионисийских празднествах в основном участвовали женщины. (...) В мифах о Дионисе главное место занимает столкновение рационального и иррационального в человеческой жизни.» (Срејовић — Цермановић. Речник митологије... с. 116–119.)

⁶⁵ Замятин Е. И. Мы... С. 669. Слова фаллическая аллюзия.

⁶⁶ Замятин Е. И. Мы... С. 668.

⁶⁷ N. Černiševskij. Što da se radi? С. 364.

⁶⁸ Замятин Е. И. Мы... С. 668.

ства невыносимее свободы!». А чтобы сходство было полным, используется даже один и тот же термин – «благодетель»: «... а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред Богом»⁶⁹. Наконец оба они – приверженцы теории о меньшинстве, которое приносится в жертву для спасения остальных. Великий инквизитор: «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла»⁷⁰. Благодетель: «Одни – сверху, обрызганные кровью, прибавают тело к кресту; другие – внизу, обрызганные слезами, смотрят. Не кажется ли вам, что роль тех верхних, – самая трудная, самая важная. (...) Они были освистаны темной толпой: но ведь за это автор трагедии – Бог – должен еще щедрее вознаградить их»⁷¹.

Легенда о Великом Инквизиторе была перед глазами Владимира Соловьева, когда он в 1899 г. писал «Три разговора». Последняя часть этой книги, – «Краткая повесть об Антихристе», – повлияла на Замятина, работавшего над образом Благодетеля. Вот как воспринимает себя Антихрист: «Христос... был исправителем человечества, я же призван быть благодетелем этого... человечества»⁷². Схожи и подконтрольные выборы, совершенные в обоих государствах. Сперва Антихрист: «... когда же он явился на трибуне во всем блеске своей сверхчеловеческой юной красоты и силы и с вдохновенным красноречием изложил свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собрание в порыве энтузиазма без голосования решило воздать ему высшую почесть избранием в римские императоры»⁷³. Затем Благодетель: «Завтра – день ежегодных выборов Благодетеля.... история Единого Государства не знает случая, чтобы в этот торжественный день хотя бы один голос осмелился нарушить величественный унисон»⁷⁴.

Следует отметить, что Замятин, помимо вышеприведенных завуалированных сравнений, проводит и некоторые прямые аналогии: «Это с небес нисходил к нам Он – новый Иегова на аэро, такой же мудрый и любяще-жестокый, как Иегова древних»⁷⁵. А также: «... концентрические круги трибун – как бы круги паутины, осыпанные микроскопическими солнцами (– сияние блях); и в центре ее сидит белый мудрый Паук – в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельскими

⁶⁹ Там же. С. 331.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Замятин Е. И. Мы... С. 668.

⁷² Соловьев, Владимир. Три разговора. Чачак, 1989. С. 137.

⁷³ Там же. С. 141–142.

⁷⁴ Замятин Е. И. Мы... С. 625.

⁷⁵ Замятин Е. И. Мы... С. 627. «Аэро» – летающий мотороллер, которым пользуются Замятинские герои.

тенстами счастья»⁷⁶. Белые одежды отсылают нас к облику Папы Римского. Таким образом, Благодетель воплощает в себе ранее известные формы божественной, церковной и светской власти. Этот гибрид прошел через фильтры современных общественных процессов. Может, так Замятин хотел предсказать будущее. Точность предсказания и безуспешность предостережения, непременно, удивили бы для писателя.

Замятин, как и его друзья аксисисты, любил в своих произведениях загадывать загадки и оставлять зашифрованные послания. Чтобы прочитать их, нужно знать особый ключ. Для данного романа это Евангелие от Иоанна и Откровение Иоанна Богослова. Пародируя и переплетая эти два текста, Замятин ведет повествование к неминуемому трагичному финалу. Однако при этом он следит, чтобы надежда теплилась до самого конца. Как уже было сказано, роман написан как Антиевангелие, в котором Благодетель – антибог, то есть Сатана, а Д-503 не только Адам, но и Антихрист. Кульминационные моменты романа – пародия на Голгофу. Д-503 тридцать два года – почти столько же, сколько и Христу ко времени распятия. Для Д-503 после мучений и насмешек в Бюро Хранителей испытания заканчиваются в уборной подземной железной дороги, где он, как на престоле восседает по правую руку от своего отца – Сатаны. В подземном антинебе, пока снаружи продолжается свособразный конспект света, антибог утешает Д-503, который разуверился в разуме, то есть в своем творце. Благодетель обещает ему воскресение и «новую землю». Это происходит в последней 40-й записи, в которой главный герой, после того как его излечили от фантазий, снова обретает веру в разум и воскресает в «Новом Иерусалиме» – в Едином Государстве. Его стены после диверсии Мефи снова укреплены «высоковольтными волнами».

В этом пародийном гибриде Евангелия и Откровения Джеймс Биллингтон в своей книге «Икона и топор» идентифицирует антибога как «гигантский фаллос» – «истинное божество этого неопримитивистского и неестественно эротического времени»⁷⁷. Во время написания романа, в России моральный упадок достиг своего предела. В условиях всеобщей безнадежности и духовной нищеты секс был единственным богом, которому еще поклонялись люди: «... женские и мужские номера бесстыдно совокупля-

---

⁷⁶ Там же. «Паук – Великая Мать в ужасной простаси ткачихи судьбы иногда изображается в виде паука. (...) Космический паук, Великий паук, или Великий Прядильщик, является Творцом, который прядет нить жизни из своей собственной субстанции, прикрепляет к себе посредством пуговицы всех людей и властвует их в сеть узоров мира. паук в центре паутины символизирует центр мира, Солнце в окружении лучей, отходящих от него во всех направлениях; Луну, олицетворяющую циклы жизни и смерти, придушую паутину времени... В христианстве – дьявол, завлекающий грешников; скунец, пьющий кровь бедного». (Купер... S. 126.)

⁷⁷ Bilington, Džon. Ikona i sekira. Beograd, 1988. S. 588. (Далее: Dž. Bilington...)

лись — даже не спустивши штор, без всяких талонов, среди бела дня...»⁷⁸. Легко установить связь вышеописанного с диониссийским культом, что подводит Биллингтона к следующему выводу: «И в скудные, тяжёлые годы после Гражданской войны автор «Мы» отходит от христианской символики и, в стремлении отобразить недавние беспрецедентные события, обращается к символам первобытного, дохристианского мира»⁷⁹. Но это ещё не все.

Последовательно следуя акмеистическому обыкновению зашифровывать в своих произведениях послания к читателям, Замятин вложил политический смысл в мотив поклонения фаллосу (Сатане). Антибога писатель описывает следующим образом: «Лоб — огромная лысая парабола, на лбу желтые неразборчивые строки морщин. И эти строки обо мне»⁸⁰. Так описан ещё один персонаж — сосед в стеклянном небоскребе, в котором живет Д-503: «В комнате справа я вижу соседа: над книгой — его шишковатая, вся в кочках лысина и лоб — огромная желтая парабола. (...) И справа — ясно чувствую на себе глаза, отчетливо вижу морщины на лбу — ряд желтых неразборчивых строк; и мне почему-то кажется — эти строки обо мне»⁸¹. Давая понять, что вечно углубленный в книги сосед главного героя — на самом деле вездесущий сатана, Замятин скрывает прочие его обличия. Между тем в облике «профессора», сидевшего рядом с Д-503, он присутствовал во время неудачной попытки похищения корабля Интеграл: «Рядом с ней — чья-то спело-желтая лысина»⁸². Третья его личина — это сам Благодетель, к которому Д-503 вызван на допрос: «Передо мной сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине — мелкие капельки пота»⁸³. Наконец, в подземном туалете он появляется вновь в облике соседа по дому и открывается как Антибог. Таким образом, сосед = профессор = Благодетель = Сатана (в облике соседа). Значит, он вездесущ. Интеллектуал, стремящийся ответить на «всколечные» вопросы, абсолютный владыка в собственном государстве и первосвященник рационалистической квази-религии. И сам Антибог. В то время в большевистской России только один человек мог послужить прообразом этого дьяволического героя — «сократовски лысый» Ленин.

Эта язвительная, хоть и завуалированная, аналогия не имела для Замятина никаких последствий, даже в 1929 г., когда он и Борис Пильняк подверглись самым жестоким гонениям. Похоже, никто ее не заметил. Или

⁷⁸ Замятин Е. И. Мы... С. 671. В Едином Государстве право на «общественно полезные» сексуальные отношения дается «розовыми билетами» в соответствии с календарным расписанием.

⁷⁹ Dž. Bilington... S. 589.

⁸⁰ Замятин Е. И. Мы... С. 678.

⁸¹ Замятин Е. И. Мы... С. 591–592.

⁸² Замятин Е. И. Мы... С. 662.

⁸³ Замятин Е. И. Мы... С. 669.

не решился заявить о ней публично? Все равно, весь роман излучает иронию и несприятие нового режима. Это было очевидно каждому. Несомненно, требовалось большое мужество, чтобы в то время адресовать обществу такое послание, даже в виде рукописи, которую читали на литературных вечерах. Может, Замятина охватило отчаяние? Во всяком случае, он знал, что играет в русскую рулетку. Кроме того, одному из своих эпизодических персонажей он уготовил участь, которая грозила и ему. Это безымянный поэт, казненный на Площади Куба за оскорбление Благодетеля. Д-503 объясняет, что речь шла: «о неслыханном преступлении: о кощунственных стихах, где Благодетель именовался... нет, у меня не поднимается рука повторить»⁸⁴. Повторить это могли только те, кто распрощался с утопическими иллюзиями, а роман «Мы» был самым большим шагом в расхождении Замятина-писателя и Замятина-большевика.

Роман «Мы» как толкование исторического процесса

Когда и почему появляются утопии?

Моменту, когда перед словом «утопия» появился префикс «анти», предшествовала вековая и богатая история утопизма. Узнаваемый термин «утопия» чаще всего ассоциируется с произведением сэра Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и его новом острове Утопии». (1516), давшим имя многолетней мечте. Само слово «утопия» – греческого происхождения и переводится как «несуществующее место» (у = не, тоπος = место). Речь идет о проекте государства, настолько хорошо устроенного, что оно раз и навсегда освобождает людей от бед, которые испокон веков приносил им исторический процесс. Но что толкает человека к написанию утопии?

Прежде всего, нет утопии без истории. Своим течением – бедами и несчастьями – она побуждает не только к созданию утопических идей, но и к массовому их восприятию. Помимо этого условия существуют и другие, более важные. Необходим духовный вакуум, чтобы одна идейная система пришла на смену другой. Так как эту нишу обычно занимала религия, присущая данной области в данное время, можно говорить, что религиозный кризис был необходимым условием для появления утопий. Это легко можно проверить, так как существует известная закономерность их возникновения. Они не распределены в истории равномерно, а появляются «гроздьями»⁸⁵

⁸⁴ Замятин Е. И. Мы... С. 575.

⁸⁵ Термин «гроздь» ввел в употребление Дарко Сувин в статье: Naučna fantastika i utopizam//Umjetnost riječi. Br. 2. VII. 1963. Zagreb. S. 113-135. Этот автор не делает различий между научной фантастикой и утопией и называет только три гроз-

в обществах, имеющих представление о течении истории. Большая часть авторов из каждой «грозди» принадлежала одному и тому же народу (хотя и не всегда). Поэтому «грозди» мы называем по имени народа.

Эллинская «гроздь» (IV–III вв до н. э.): Первую «гроздь» утопий обнаруживаем в Элладе. После того как Афины проиграли Пелопоннесскую войну, а в Греции наступил кризис полисов. Упадок был характерен для всех областей общественной жизни: экономики, политики, государственных институций, религии. Назрела необходимость радикальных изменений. Несколько авторов предлагали проекты: Платон собственные мысли об идеальном государстве изложил в своем самом известном произведении «Государство», а также в диалоге «Критий». Киники (Антисфен Афинянин, Диоген Синопский, Кратет из Фив) были также увлечены идеями лучшего общества, как и Фсопомп из Хиоса, который в восьмой главе Филиппики описывает удивительную страну Меропис. Эту «гроздь» заканчивается на Ямбуле и его описании путешествия к «райским островам», которое читали Томас Мор и Кампанелла.

Римская «гроздь» (II вв н. э.): После долгого периода гражданских войн, восстаний рабов, чумы и голода религия Рима была еще пустой формой, не приносящей утешения. В это время Плутарх из Херонея в биографии спартанского царя Ликурга создал проект идеального государства. Вскоре появился и Лукиан из Самосаты, написавший «Правдивые истории». Вероятная причина малого числа авторов в этой «грозди» – появление на исторической сцене христианства, наполнившего историю смыслом и предложившего спасение от реальности, хотя бы и на том свете. Ни в античную эпоху, ни во время кризиса христианства такой альтернативы не было.

Британская «гроздь» (XVI–XVII вв.): Начало реформации ознаменовало религиозный кризис, принесший новые утопии. Сэр Томас Мор написал свое знаменитое произведение, а Френсис Бэкон – «Новую Атлантиду». Прочие значительные произведения этой «грозди» были созданы в XVII в. Томас Кампанелла, создавая «Город Солнца», брал пример с Платона и Мора; Джеймс Харрингтон написал менее известное произведение «Республика Оксания»; француз Сирано де Бержерак – предтеча новой «грозди» – «Иной свет, или Государства и империи луны».

Французская «гроздь» (XVIII–XIX вв.): Нет необходимости объяснять насколько этот бурный период французской истории потряс основы прежней системы ценностей. Число авторов и произведений в этой «грозди» велико: Франсуа Фенелон («Приключения Телемаха, сына Улисса»), Жан Жак Руссо («Рассуждения о науках и искусствах», «Эмиль, или о Воспитании»), Ламстри («Человек-машина»), Морелли («Кодекс природы, или Истинный

ди: 1. основную античную (IV вв до н. э. – II вв н. э.); 2. утопическую планетарно-романтическую гроздь (XVI – пер. пол. XVII века); 3. антиципационную антиутопическую (втор. пол. XIX века).

дух ее законов»). Здесь же следует назвать Сен-Симона с рядом его производных, Роберта Оуэна с проектом «Новая гармония», Шарля Фурье («Новый хозяйственный и социетарный мир»), Джером Джерома («Новая утопия»), Этьсна Кабе («Путешествие в Икарию»), попытавшегося реализовать свои идеи на практике. В XIX в. самым значительным шагом на пути реализации утопий было создание Союза коммунистов и опубликование «Коммунистического манифеста» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Русская «гроздь» (XIX-XX): В это столетие Россию с Запада захлестнула волна новых идей. А дух реформаторства и атеизма принес новые утопические проекты: Фадей Булгарин («Невероятные небывлицы, или Путешествие к средоточию земли»), Владимир Одоевский («Год 4338»), Николай Чернышевский («Что делать?») и Александр Богданов (Малиновский) («Красная звезда»). Время их творчества предшествовало моменту, когда утопия впервые получила возможность реализоваться, да еще в таких грандиозных масштабах. Легко признать неисправимого мечтателя в Ленине, который носился с идеей полной электрификации и самоуправления в России, в то время как в Гражданскую войну и революцию люди массово умирали от голода и болезней.

Что есть это? Или дискуссия о терминологии

Применительно к роману «Мы» чаще всего употребляются несколько терминов: утопия, антиутопия, дистопия и научная фантастика. Если бы речь шла только лишь о литературной классификации, обсуждение терминологии не имело бы большого смысла. Однако утопическая литература предназначена к тому, чтобы влиять на современную политику. Таким образом, она корректирует и историю. Тяжело представить себе более радикальный вид ангажированной литературы, чем взаимно противоположные утопия и антиутопия. А ведь некоторые из них представляют собой и художественные шедевры. И именно эта литературная сторона данного явления служит причиной многих заблуждений, непонимания и терминологической путаницы.

Как же тогда подступиться к проблеме?

Начать следует с истории, ибо суровые исторические факты заставили авторов взяться за перо, а филантропическое начало не позволило им использовать это перо по другому назначению. Этические мотивы лежат в основе стремления к исправлению мира, который кажется утопистам дурным, или подлежащим улучшению. Однако он ни плох, ни хорош, как не является таковой ни сама история. В ней есть и позитивные, и негативные факты, и, в конечном счете, она в моральном отношении нейтральна. Чтобы история менялась так, как того хочется утопистам, творец истории — человек — должен был бы располагать некими иными надприродными свойствами. Но люди смертны, и этим определяется их поведение. Здесь

мы подходим к Достоевскому, который считал, что голод и секс — два жизненных инстинкта как отдельной личности, так и всего рода человеческого — суть два главных господина над людьми. Управляемый ими человек создает историю такой, какова она есть. Это Замятин понял, самое позднее, в 1917 г. Утописты этого так и не поняли. Они считали, что несовершенно общество, а отдельный человек, по сути своей, хорош. Демонстрацией ошибочности этого тезиса служат тоталитарные идеологии и режимы XX века. Все без исключения антиисторичные они были максимально реалистичным воплощением утопий, также как острова «архипелага ГУЛАГ» были самыми реальными «райскими островами», которые мог создать человек. Отдельные индивидуумы, чуткие и проникательные, долго и упорно били в набат. Напрасно. Огромное большинство людей учится только на собственном опыте, не считаясь с ценой.

Утопии появлялись на протяжении веков, не открывая свой подлинный смысл и свое, хоть и прикрытое масками, но все-таки уродливое лицо. Только Октябрьская революция позволила разглядеть прежде невидимый потенциал, заключенный в утопических проектах. После 1917 г. формируется и антиутопия как законченная картина мира. И только с того момента становится возможным анализировать ее отношение к истории, утопии и дистопии.

1. *Исторический процесс.* Он послужит отправной точкой объяснения. В онтологическом смысле это не подлежащий сомнению факт, который признают и утописты, историческим процессом неудовлетворенные. Разногласия возникают вокруг этических вопросов. Хотя историю как процесс нельзя оценивать с этой точки зрения (следовательно, она нейтральна: 0), утописты считают ее негативным явлением (-). Это очевидная мыслительная погрешность, происходящая из восприятия истории не как объективного процесса, а как следствия воли некоего субъекта. Ведь только личность имеет мораль. Только бог может быть столь могущественным индивидуумом. Таким образом, утопии претендуют на исправление божьего творения, или даже на замену его своей версией нового лучшего мира. То обстоятельство, что некоторые авторы утопий не были людьми религиозными, не опровергает сделанный нами вывод. Ибо элементы религиозного сознания не всегда осознаются тем, кто является их носителем.
2. *Утопия.* Утопические проекты имеют два источника: науку, которая своим критическим методом указывает на недостатки существующего положения, и поэзию, предлагающую решения в виде привлекательных картин. Авторы утопий отрицают ход истории (-), важнейшим элементом которого является время. Утописты предлагают мифологическую картину мира, в котором время застыло. Поэтому не существует никаких

- конфликтов, страданий и смерти. В рамках такой модели легко исполнить этические запросы, почему утопические проекты могут нести в себе позитивный заряд (+).
3. *Дистопия*. Если автор, отрицая исторический процесс (-), соответственно, исключая из своей модели время, предлагает пугающую и морально отталкивающую картину мира (-), тогда мы имеем дело с особым видом утопии – негативной утопией или дистопией. Пример таковой – «1984» Оруэлла. Мнение автора об историческом процессе весьма категорично: «Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно»⁸⁶. Правда, такого «вечно», какое есть и в романе Хаксли «О дивный новый мир», не знает история, ибо ей нет конца. И так, определены два вида одного и того же явления: оптимистическая и пессимистическая утопия. Критерий определения их утопичности – игнорирование времени как важнейшего фактора исторического процесса.
  4. *Антиутопию* из-за ее литературной формы ошибочно отождествляют с дистопией (то есть с негативной утопией)⁸⁷. С одной стороны, нарисованная антиутопией картина крайне неутешительна и морально неприемлема (-). Но, с другой стороны, в ней есть историчность (без Оруэлловского «вечно»). Время не останавливается, события развиваются, значит остается надежда на будущее (+). Антиутопия происходит из несогласия с утопией по фундаментальному вопросу – отношению к историческому процессу. Чтобы отнести конкретное произведение к утопиям (неважно, позитивным или негативным) или антиутопиям, необходимо проникнуть в суть авторского восприятия мира. Оно динамично или статично? Наличествует ли в предлагаемой исторической модели фактор течения времени, или нет? Антиутопия это не негативная утопия, а отрицание любого вида утопии, то есть мифологического сознания. Антиутопией является роман «Мы», а также «Аэлита» (1922) Алексея Толстого и «451 по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (1953).
  5. *Научная фантастика (science fiction, SF)*: Утопии и антиутопии представляют собой особый вид научной фантастики, основанной на общественных науках. В то время как то, что обычно называют научной фантастикой, следовало бы называть технологической фантастикой, так как она основывается на естественных науках. Вероятно, стремительное развитие естественных наук в XIX и XX вв. послужило подлинной причиной расцвета этого вида литературы. Научная фантастика – это собирательное понятие для социальной и технологической фантасти-

⁸⁶ Orvel, Džordž. 1984. Beograd. 1984. S. 243.

⁸⁷ Такую ошибку допускает Дойчер, причисляющий «Мы» и «1984» к одной группе – антиутопиям. См. Deutscher, Isaac. 1984 – misticizam okrutnosti // "Heretic I renegat I I drugi escij". Zagreb, 1990. S. 47 (Далее: Deutscher. 1984 – misticizam okrutnosti...).

ки, и поэтому терминологически их объединяет. Нередко эти два вида фантастики встречаются в одном и том же произведении. Из-за этого нет ясности в том, как они друг с другом соотносятся. Столь популярная сегодня технологическая утопия, как и социальная, уходит корнями в фантастическую литературу.

Если вышеприведенное объяснение представить графически, то вектор, направленный слева направо, представляет собой хронологическую шкалу (календарь). Она берет начало в глубоком прошлом и стремится в будущее. В соответствии с ней развивается исторический процесс. Вектор противоположный суть утопия и дистопия (они антиисторичны). Точка их соприкосновения во времени это Октябрьская революция, когда имела место попытка осуществления утопии, и родилась антиутопия (роман Замятина «Мы»).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

(морально нейтрален, 0)

(объективный факт, +)

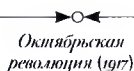
УТОПИЯ

(морально позитивная картина, +)

(отрицает исторический процесс, -)

Календарь

(хронологическая шкала)

АНТИУТОПИЯ

(морально негативная картина, -)

(принимает исторический процесс, +)

ДИСТОПИЯ

(морально негативная картина, -)

(отрицает исторический процесс, -)

Рождение антиутопии

В течение 1920–1921 гг., пока в России еще шла Гражданская война, Замятин работал над произведением всей его жизни – романом «Мы». Еще неопубликованный, он стал событием первой важности и в литературе, и в политике. В первое время роман ходил по рукам. Отрывки его зачитывались на литературных вечеринках. А впервые опубликован он был в 1927 г. на чешском языке. Фрагменты романа были переведены и напечатаны в эмигрантском журнале «Воля России», после чего в «Литературной газете» началась травля писателя за его «сотрудничество» с белыми. Литературная критика провозгласила роман «антисоветским памфлетом»⁸⁸. Был запущен хорошо известный механизм: коллеги-литераторы стали избегать Замятина, который подвергся нападкам сторонников Пролеткульта. Не преминул высту-

⁸⁸ А. Flaker. *Ruska avangarda...* С. 266.

пить с обвинениями в адрес писателя и Троицкий. Дальнейшая литературная деятельность привела к еще большему обострению отношений Замятина с режимом. Кульминация наступила в 1931 г., когда он был вынужден написать письмо Сталину, прося разрешенсис на выезд за границу. Замятину пошли навстречу. Одинокий и забытый, он умер в Париже.

Книга разделила судьбу своего автора. В Советском Союзе публикация романа запрещалась несколько раз. Целиком на русском языке он был опубликован эмигрантами только в 1952 г. в Нью-Йорке. Перевод на сербский появился в 1969 г., а в Москве роман был напечатан только в 1988 г.⁸⁹ Хотя на английский книга была переведена еще в 1924 г., на Западе она почти никого не заинтересовала. Одним из немногих был Джордж Оруэлл⁹⁰. Он сразу обнаружил связь между романом «Мы» и романом «О дивный новый мир» Хаксли. Первый он ставил выше, так как считал, что у Хаксли развитие действия страдает от отсутствия подлинной мотивации. Оруэлл создает и свою вариацию на ту же тему – пресловутый роман «1984» (1949 г.). Своей популярностью и влиянием, оказываемым на читателей, он отодвинул «Мы» на второй план, хотя произведение Замятина оригинальней, стоит на более высоком эстетическом уровне, и имеет большую важность с чисто познавательной точки зрения. Данная «несправедливость» была вызвана тем, что книга Оруэлла во время Холодной войны стала инструментом антисоветской пропаганды. Кроме того, «1984» многими воспринималась как пророчество. В то же время ни Оруэллу, ни Хаксли не удалось ответить на вопрос: «Почему так происходит?». Для них государство-монстр порождено «каждой власти, садизмом и бесчувственностью» власть предержащих⁹¹. Так что, Замятина не понял ни Оруэлл.

Как же тогда подступиться к Замятину и его книге? Частично ответ дают биографические сведения об авторе. Во время революции 1905 г. он примкнул к большевистскому крылу РСДРП, в котором состоял до 1917 г. Позднее он писал об этом: «... если бы в 1917 году не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией – больше не мог бы писать. Видел много: в Петербурге, в Москве – в захолустье – Тамбовском, в деревне – Вологодской, Псковской, в теплушках»⁹². Именно это «много», с которым Замятин столкнулся в охваченной Гражданской войной и революцией России, а особенно в городах, живших по законам военного коммунизма, развеяло его иллюзорные представления. Идсализм не выдержал лобового столкновения с реальностью исторического момента. Работая над романом, писатель вынес

⁸⁹ В журнале «Знамя»: 1988. №№ 5, 6.

⁹⁰ Оруэлл написал и рецензию: Orwell George. Review of We (*Tribune* Jan. 4, 1946) // The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell / Ed. Sonia Orwell and Ian Angus. 1968. P. 72-75.

⁹¹ I. Deutscher. 1984 – misticizam okrutnosti... S. 52.

⁹² Замятин Е. И. Автобиография // Избранные произведения... С. 42.

приговор собственному утопизму, то есть, практически, расстался с большевизмом⁹³. Это делает возможным рассматривать «Мы» и как производное от исторического процесса и, одновременно, как его толкование.

Литературоведы обычно ставят «Мы» на полку с надписью «концептуальный роман», которые характеризует стремление доказать правильность того или иного мировоззрения, а также морального, или политического принципа и тому подобно. Сам автор называл «Мы» «фантастическим авантурным романом»⁹⁴. Однако, прежде всего, он является сатирической картиной тоталитарного общества. Полотно развивает фаустовскую тему, но написано с определенных людей, находившихся в конкретных исторических обстоятельствах. Играя представлениями, дошедшими до нас из мифологии, и скрещивая их с историческими сюжетами, Замятин исследовал общие факторы исторического процесса, который он стремился понять и объяснить. Этим его произведения близки философии и теории истории. Вследствие чего он и представляет особый интерес для историка. Автор пришел к выводу об абсурдности человеческого существования в пространстве между полюсами «рациональность» и «иррациональность». В то же время, подобное существование неизбежно и константно. Увидев осуществление утопического проекта в исторически реальных условиях, Замятин понял, что любая утопия, реализуемая на практике, становится бесчеловечной и репрессивной. Писателю также стало очевидно, что в более гуманном варианте осуществление утопий невозможно в силу их принципиальной особенности. Дело в том, что они по сути своей *неисторичны*, а, следовательно, античеловечны и противоположны самой жизни. Так Замятин пришел к важнейшему литературному откровению XX века — *антиутопии*. Хотя сам он, наверное, этого не осознавал.

Перевод с сербского Александра Силкина

---

⁹³ Все-таки в «Мы» заложен более широкий смысл, чем простая критика Советов. В рассказе «Островитяне» (1917), в котором нашли отражение британское мировоззрение и образ жизни, можно разглядеть мотивы и идеи, которые получили окончательную разработку в романе «Мы».

⁹⁴ Замятин Е. И. Мы... С. 605.

Д. С. НОВОСЕЛОВ

«ВСЕ МОЕ НЕСЧАСТЬЕ В ТОМ, ЧТО Я РАНО НАЧАЛ РАБОТАТЬ И ПЕЧАТАТЬСЯ...»:

ДОКУМЕНТЫ О СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА

К. П. РОТОВА (1943–1944)

Константин Павлович Ротов – художник редкого и самобытного дарования, один из ярких мастеров юмористической графики 1920–1930-х гг. Это был обаятельный и жизнелюбивый человек, наделяемый богатой фантазией и неиссякаемой выдумкой. Его веселые, заразительно смешные, ироничные рисунки можно встретить на страницах «Правды», «Крокодила», «Комсомольской правды», в книгах И. Ильфа и Е. Петрова, К. Чуковского, В. Катаева, С. Маршака.

Константин Павлович Ротов родился 4 марта 1902 г. в Ростове-на-Дону в семье счетовода. Самостоятельный путь в искусстве он начал очень рано. Уже в пятнадцатилетнем возрасте он публиковал свои рисунки в ростовских газетах и журналах. Они понравились редактору петербургского журнала «Бич», который предложил юному художнику сотрудничество. В 1918 г. разразилась Гражданская война. В Ростов-на-Дону пришли белогвардейские отряды. Материальные затруднения и честолюбивые устремления подтолкнули Константина Ротова к сотрудничеству с печатью деникинского режима. Особенно часто рисунки художника появлялись в журнале «Донская волна». Их сюжеты, в большинстве своем, были связаны с Советской Россией, с положением на фронтах Гражданской войны, но наиболее характерной и часто повторяющейся темой стал образ голодного и холодного 1918 г. Сотрудничество с этим журналом не только дало возможность Константину Ротову публиковаться, но и помогло завести знакомство с некоторыми крупнейшими мастерами того времени, в частности с известным книжным графиком Д. И. Митрохиным. В конце 1920 г. в Ростов-на-Дону была провозглашена советская власть. Константин Ротов решил остаться в городе. Он показал свои рисунки руководителям Донского отделения РОСТА, и те приняли его

на работу. Основным занятием художника становится оформление плакатов, стенгазет, листовок и брошюр, издаваемых ДОНРОСТА. В 1921–1922 гг. К. П. Ротов получил заказ на иллюстрирование сказок Андерсена и братьев Гримм. В 1922 г. ему предложили работу в журнале «Крокодил», а затем и в «Правде». Работа в этих ведущих изданиях быстро принесла К. П. Ротову известность, его стали приглашать во многие газеты и журналы. Другая причина успеха кроется в том, что К. П. Ротов всегда брался только за воплощение наиболее близких и волнующих его тем, которые часто были связаны с повседневными явлениями жизни. Веселый и любознательный взгляд художника проникал повсюду: магазин или учреждение, коммунальная квартира или театр, стадион или дом отдыха — не было такого уголка, в котором не нашлось бы для ротовского карандаша сатирической сценки или комической ситуации. Однако и здесь были свои запреты. Художник Е. Гуров вспоминал, что однажды «Константин Павлович начал работу над серией сатирических портретов, герои которых имели черты животных. Бюрократ — бегемот. Зазнайка — верблюд... Он сделал четыре листа. Два из них были опубликованы. Потом тогдашний редактор «Крокодила» спохватился: да разве в лице советского человека могут быть черты животного?! На том и кончалась работа над серией»¹. К. П. Ротов являлся автором не только «бытовых» карикатур, но и рисунков, связанных с политическими событиями в СССР и за его пределами (так, один из номеров «Крокодила» за 1936 г. вышел с серией его рисунков о Гражданской войне в Испании), агитационных плакатов, иллюстраций к детским книгам (его рисунки украшают книги А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» (1959), С. Маршака «Три поросенка» (1958) и др.). В 1939 г. по эскизам К. П. Ротова было изготовлено панно для советского павильона Нью-йоркской всемирной выставки.

13 июня 1940 г. К. П. Ротов был неожиданно арестован. Ему было предъявлено обвинение в антисоветской агитации, заключавшейся в распространении «пасквилей» на советскую власть и в «восхвалении Троцкого», а также в шпионаже, основанном на полученных под давлением следствия показаниях знакомого К. П. Ротова М. Б. Храпковского. Почти на все время следствия К. П. Ротова поместили в «каменный мешок» НКВД — Сухановскую тюрьму (камеры в ней были очень маленькие, косяк не было, дощатое ложе находилось на замке, который снимался только с разрешения следователя, свет в камеру не проникал. Если арестант не вставал «на путь исправления», то его помещали в карцер, в котором он мог фактически только висеть на коленках, упираться спиной в стену, по которой текла вода). 14 июня 1941 г. К. П. Ротов был осужден на 8 лет ИТЛ. В лагере он руководил художественной мастерской, в которую был направлен никому тогда еще не известный Михаил Исаевич

¹ Злополучная лошадь. Рассказы о Константине Ротове, художнике-крокодилце. М., 1991. С. 5.

Танич. Позднее известный поэт вспоминал, что в этой мастерской делали «наглядную агитацию для лагеря. В мастерской писали копии с известных картин. Особенно котиrowались Шишкин и Айвазовский. Картины эти продавались в Перми... Константин Павлович делал и более ответственную работу. По докладам Сталина выпускались роскошные альбомы. Там были цитаты из доклада и рисунки Ротова. Альбомы эти переплетались в сафьян и отиравались в Москву, в подарок вождю. Не знаю, держал ли вождь когда-нибудь в руках альбом, оформленной талантливой рукой «врага народа»?... Выпустили мы с Константином Павловичем и «Лагерный Крокодил» на внутрилагерные темы. К примеру, человек, который выдавал нам сахар, нещадно нас обжулил. Ротов нарисовал на него очень похожую карикатуру... Карикатуру повесили в столовой. Не знаю, стали ли мы получать больше сахара, но заключенные посмеялись, а смех, говорит наука, для здоровья даже полезней сахара»². 4 января 1948 г. К. П. Ротов освобожден и практически сразу приступил к работе над иллюстрациями к роману А. Франса «Современная история» и к сказкам А. С. Пушкина. Но довести задуманное до конца не удалось: художник был отправлен в ссылку в Красноярский край.

В 1953 г. умер Сталин. Вскоре начались пересмотры дел репрессированных в годы его кровавого царствования. В. Лебедеву – Кумачу и Кукрыниксам удалось добиться пересмотра дела К. П. Ротова, в 1954 г. Военная коллегия Верховного Суда РСФСР освободила его от ссылки и полностью реабилитировала. Судьба была милостива к Константину Ротову: он не погиб в лагере и не пропал без вести, и смог найти в себе силы продолжить творческую деятельность. Но пережитое не прошло бесследно. В 1958 г. художник заболел и 6 января 1959 г. умер.

Вниманию читателей предлагаются документы из дела надзорного производства прокуратуры СССР по обвинению К. П. Ротова, хранящегося в Государственном архиве РФ.

№ 1.

Справка по делу К. П. Ротова, 18 декабря 1943

г. Москва

«Согласен»

Заместитель Начальника отдела

по спецделам прокуратуры СССР Патэ.

18 декабря 1943 г.

Сов. Секретно

14.VI. 41 г. Особым совещанием осужден к 8 г. ИТЛ Ротов Константин Павлович, 1902 г. рожд<сния>, урож<енец> г. Ростов-на-Дону, русский, б<сс>-п<артийный>, до ареста работал художником в журнале «Крокодил». Ротов

² Злополучная лошадь. С. 23, 25, 26.

обвинялся в том, что с 1917 по 1920 гг., находясь в белой армии генерала Деникина, вел активную борьбу против советской власти. По заданию шпионской разведки вел шпионскую работу³ в тылу у Красной Армии и проводил шпионскую работу в пользу германской разведки. Занимаясь распространением антисоветских анекдотов и пасквилей, т. е. в преступлениях преследуемых ст. ст. 58-1а и 58-10 и п. УК РСФСР. В качестве доказательств виновности Ротова в деле имеются показания Храпковского⁴, работавшего в пользу германской разведки совместно с Ротовым, протокол очной ставки между ними, признания обвиняемого Ротова и вещественные доказательства — рисунки антисоветского содержания, исполненные Ротовым⁵. После осуждения Ротов жалоб не подавал и не ходатайствовал о пересмотре дела. В феврале 1943 г. мать осужденного — Ротова Н. И. обратилась с жалобой о пересмотре дела ее сына. При рассмотрении дела видно, что виновность материалами дела вполне доказана, осужден он правильно и никаких оснований к принесению протеста нет, а поэтому полагал бы дело Ротова К. П. вернуть в архив по минованию надобности. Надзорное производство по делу прекратить.

Прокурор отдела по спецделам Долинина

ГЛ РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 13663а. Л. 12-12 об. Рукопись.

№ 2.

Заявление К. П. Ротова Верховному прокурору СССР К. П. Горшенину, 5 декабря 1943

Верховному Прокурору Союза ССР
Заявитель Ротова Константина Павловича
КОЛП Усольяга НКВД, г. Соликамск

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин прокурор. У меня и в мыслях не было совершать какие-либо преступления, однако Особое совещание приговорило меня к 8-летнему заключению в ИТЛ, обвинив меня в шпионаже.

³ Так в тексте.

⁴ Храпковский М. Б. (1905–1959) — художник журнала «Крокодил».

⁵ Здесь и далее опущены ссылки на номера листов следственного дела К. П. Ротова (не путать с делом надзорного производства).

Все мое несчастье в том, что я рано начал работать и печататься. Мне было 14 лет, когда впервые мои рисунки были помещены в петроградском журнале «Бич» (1917 г.) куда были посланы моим отцом из Ростова-на-Дону.

В 1918 г. на Дону власть была захвачена белыми. Я мечтал учиться. В то время ряд крупнейших русских художников, перед которыми я преклонялся (некоторые теперь имеют большие правительственные награды), работали в Осваге⁶.

Совершенно не отдавая себе отчета и даже не осознавая, что представляет собой это учреждение, [я] понес показывать свои работы. Мне было предложено сделать рисунки в своем жанре, на что, не задумываясь, я согласился. В то время большевиков я не представлял иначе как с ножом в зубах. Я искренне верил тому, что печаталось в белых газетах (других газет не было). Находясь в таком окружении, [я] думал, что большевики могут только разрушать жизнь, а мне хотелось учиться, быть художником, работать. Семья отца была большая и очень нуждалась (он 35 лет служил конторщиком в городск<ой> Ростовской больнице) и я был счастлив, когда так рано мог помогать ей материально. В то же время начал выходить журнал «Донская волна» под ред<акцией> Виктора Севского⁷. Я понес свои рисунки и к нему. Севский, узнав, что я казак, принял меня приветливо и в дальнейшем относился покровительственно, т. е. так, как относится меценат к начинающему художнику. Все рисунки, напечатанные в «Донской волне», были исполнены по его просьбе. Только этим наши взаимоотношения и ограничивались. На следствии я вынужден был придумать, [что] якобы Севский завербовал меня «шпионом» в пользу донской армии, т. к. следователя видно не устраивала та правда, которую я и говорил, и которую я Вам пишу сейчас.

В то время я рисовал карикатуры на советскую власть, печатавшиеся в «Донской волне» (в Осваге карикатуры не размножались массово, а выставлялись в витрине магазина). Знакомство с виднейшими художниками, мате-

---

⁶ Осваг (Осведомительное агентство) – создано летом 1918 г. как осведомительное отделение при верховном командующем Добровольческой армией генерале М. В. Алексееве. 31 августа 1918 г. преобразовано в отделение в составе дипломатическо-агитационного отдела. В функции осведомительного отделения входила координация всех направлений политико-идеологической деятельности отдела. В феврале 1919 г. реорганизовано в Отдел пропаганды при правительстве А. И. Деникина. Отдел пропаганды ведал сбором, обработкой и распространением информации. 30 декабря 1919 г. Отдел был подчинен начальнику Управления внутренних дел правительства при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России. В марте 1920 г. Отдел прекратил существование, его функции перешли к Отделу печати в правительстве Врангеля. В журнале «Донская волна», издававшемся при поддержке Освага, публиковались рисунки книжного графика Д. И. Митрохина (1883–1973), получившего известность в царской, а затем и в советской России и не подвергавшегося репрессиям.

⁷ Севский В. (Краснушкин В. А.) (ок. 1890–1921) – поэт, беллетрист, публицист.

риальная помощь семье, вполне понятное честолюбие — видеть свои работы в печати и шестнадцатилетний возраст — вот те причины моей работы в белой печати. Ясно, что в таком возрасте у меня не могло быть твердых идейных убеждений.

Общее образование из-за ограниченных средств отца мог только получить в городском училище, его я и окончил в период пребывания белых у власти.

Я мечтал о серьезном образовании и считал, что в этом препятствуют большевики, отрезавшие Дон от столиц. При таких настроениях, и, не зная абсолютно ничего о новой замечательной жизни, за которую именно и борются большевики, был тогда настроен против нового строя.

Но вот когда белой власти стал приходиться конец, и я собственными глазами увидел повешенных на улицах города, в моих настроениях произошел резкий перелом. Доказательством этому то, что я не захотел уходить вместе с ними, решив остаться в городе и при восстановлении советской власти рассказать обо всем, ничего не скрывая. Я искренне верил, что такое чистосердечное признание, кроме хорошего, ничего мне не даст. Я так и поступил. С первых дней, когда в городе организовывались ДОНРОСТА, пришел к руководителю этого учреждения и рассказал ему все, ничего не скрывая, показав свои работы, напечатанные при белых. С этого момента начал честно и добросовестно работать в ДОНРОСТА и др. советских издательствах.

Знакомство с новыми людьми, их энтузиазм, с которым они относились к своему делу, переродили меня окончательно. С такой же искренностью и увлечением стал и я отдавать свои силы, способности молодой Советской республике. Результатом моей работы было дважды премирование их Москвой на всесоюзных «ростовских» выставках и командировка меня на учебу в Петроград (1922 г.). Я был безмерно счастлив и благодарен за такое внимание. И с тех пор (когда мне было 17–18 лет) и в течение всей моей созидательной двадцатилетней работы в советской прессе убеждений не менял и всегда сохранял глубокую благодарность своей родине за свое развитие, за возможность трудиться, за все жизненные блага, которые имел.

Никто и никогда не смел упрекнуть, что я делал что-нибудь во вред своей Советской родине. И то, что следствие решило, что все двадцать лет я притворялся, не сумев, или, вернее, не захотев узнать, что я представляю собой как человек и как художник.

То, что напечатано, скрыть нельзя. Мои карикатуры на фашизм (с начала захвата им власти) со страниц нашей печати попадали на страницы иностранной демократической прессы. Чтобы иметь такой успех, нужно ненавидеть и быть искренним в своей ненависти. В искусстве лгать невозможно!

Так почему же именно теперь, когда своим оружием я мог принести посильную помощь республике в ее борьбе с фашистскими бандитами,

я вынужден заниматься окраской цветочных горшков? И только в свободное время от «подобных занятий» я могу продолжать ту же борьбу, но в ограниченных рамках лагеря. Кому это нужно?! То, что из меня «сделали шпиона» и на этом основании и послали в лагерь, где исполняю всякую работу — пусть останется на совести следователей (Владимирский⁸, Есаулов⁹, Сидоров¹⁰). Они не пожалели своих сил, чтобы в течение одиннадцатимесячного следствия содержать меня 7 месяцев в одиночке Сухановской тюрьмы, без единой прогулки за весь срок (только в конце одиннадцатого месяца мне разрешили 20 мин. прогулки). Путем самого жесткого и несправедливого ведения следствия, заставляли подписывать ту нелепую ложь, которую Вы, гражданин прокурор, легко увидите, если прочтете мое дело. Сейчас я перестал существовать как человек, как художник, вместо меня существует бумажка, по которой обо мне и судят. Я очень надеюсь, гражданин прокурор, что через вылитую на меня грязь Вы увидите человека, который хочет еще жить и работать. Я клянусь самым дорогим для меня на свете: жизнью, счастьем моей дочери, жены, матери, что все, что я написал Вам, правда. У меня и в мыслях никогда не было заниматься «шпионской деятельностью», мне приписанной.

Моя жизнь была открытой и проходила на глазах у всех. Мои товарищи в настоящее время являются людьми, которыми гордится моя страна. Почему следствием не дано возможности привести их свидетелями? Я уверен, что они, не боясь за свою репутацию, подтвердили бы мою честность, потому что они хорошо знают меня. Работали со мной об руку в течение многих лет и им хорошо известен мой характер, неспособный не только на преступления, но и вообще на какие-либо подлости. Почему поверили такой личности, как Храпковский? (Кстати, о Храпковском: когда я встретился с ним в Бутырской тюрьме, он плакал и просил у меня прощения за то, что вынужден оклеветать меня). Вся моя жизнь была только в работе и семье. Почему же меня лишили самого дорогого? Почему в такой ответственный момент для родины мне связали руки и отняли оружие, которое задолго до войны было все же заметно для ее врагов?

Гражданин прокурор, мне нанесено тяжкое оскорбление. Когда я думаю о своем несчастье, мне делается очень больно. Если меня наказывают за то,

---

⁸ Владимирский Л. Е. (1903–1953) — начальник следственной части ГЭУ НКВД СССР (4. 3. 1940–22. 7. 1940); первый заместитель начальника 3 отделения ГУГБ НКВД СССР (22. 7. 1940–26. 2. 1941); начальник следственной части НКГБ СССР (26. 2. 1941–31. 7. 1941), 23. 12. 1953 расстрелян.

⁹ Правильно Есаулов А. А. (1905–1954) — начальник следственной части ГУГБ НКВД СССР (26. 2. 1940–26. 2. 1941); заместитель начальника следственной части НКГБ СССР (26. 2. 1941–31. 7. 1941).

¹⁰ Сидоров В. Я. — В 1941 младший лейтенант госбезопасности, следователь следственной части ГУГБ НКВД.

что я работал в белой печати, то это похоже на наказание взрослого человека за то, что в детстве он разбил чашку. Работа в Осваге и «Донской волне» в качестве художника — это моя единственная и реальная вина, но ведь я ее не пытался скрывать. Об этом в свое время знали и ДонЧека, и ГПУ, и НКВД, об этом я писал и в письмах, и в анкетах.

Обвинение в шпионаже я еще раз категорически отрицаю как ложь, не имеющую под собой даже малейшего основания.

Гражданин прокурор, очень прошу Вас, разберитесь в моем деле и дайте возможность принять участие в великой борьбе освобождения нашей Родины. Клянусь Вам, что я докажу работой свою преданность ей. Я буду также честно трудиться, как и трудился до сих пор. Дайте возможность снова вернуться к своей семье, товарищам, работе, без чего я должен погибнуть как художник.

К. Ротов

Резолюция: Т. Долинина. 21/ХП-43 г. дело возвращено в 1-й секретный отдел НКВД СССР (в принятии протеста отказано). Наблюдательное производство В-50823/ХП-43 г. в Чкалов, в архив. Подпись неразб. 4/1-44.

Там же. Л. 14-16 об. Ручкопись.

№ 3.

Письмо группы художников и писателей председателю Верховного суда СССР И. Т. Голякову, 8 февраля 1944

Уважаемый тов. Голяков!

13 июня 1940 г. органами НКВД был арестован художник Константин Ротов. В настоящее время он находится в лагере НКВД в г. Соликамске, где работает в качестве художника.

Мы близко знаем Константина Павловича Ротова и в его личной жизни как человека, и по его многолетней работе в «Правде», «Крокодиле», Детиздате и др. местах.

С полной ответственностью за свои слова мы можем сказать, что художник Константин Ротов был и остается советским человеком, глубоко преданным своей Родине. В течение 20 лет своим мастерством он служил нашему отечеству.

Сейчас, более чем когда-либо, нашей стране нужны большие мастера и мы считаем себя в праве просить Вас ознакомиться лично с делом т. Ротова и, если материалы дела и все характеристики его за время нахождения тов. Ротова в концлагере это позволяют (а мы в этом уверены), -- поставить

вопрос либо о пересмотре решения по делу Ротова, либо о его досрочном освобождении.

В. Лебедев – Кумач, М. Черемных, Кукрыниксы,
С. Маршак, М. Зощенко, В. Катаев

Там же. Л. 22. Машинопись. Заверенная копия

№ 4.

Заключение прокурора отдела по спецделам Токаревой по делу К. П. Ротова, 1 апреля 1944

«Согласен»

Зам<еститель> нач<альника> Отд<ела> по спецделам

Ст<арший> советник юстиции Патэ

3 апреля 1944 г.

Заключение

*по архивно-следственному делу № 902940 по обв<инению> Ротова
Константина Павловича, осужденного 14 / VI. 1941 г. Особым совещанием
на 8 лет ИТЛ за антисоветскую агитацию.*

Ротов К. П. – 1902 г. рожд<ения>, урож<енца> г. Ростова-на-Дону, б<ес>-
п<артийный>, русский, с 1922 г. до ареста работал художником – карикату-
ристом журнала «Крокодил», арестован 13 / VI 1940 г.

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что:

- 1) С 1917 по 1920 г. вел активную борьбу против советской власти, находясь в армии Деникина.
- 2) Проводил шпионскую работу в пользу германской разведки.
- 3) Занимался распространением антисоветских анекдотов и пасквилей.

По делу собраны следующие доказательства:

1) Обв<иняемый> Храпковский<...> показал, что знает Ротова с 1924–25 г., находился с ним в дружеских взаимоотношениях, всем делился в жизни. По возвращении из Германии в 1928 г., находясь в гостинице г. Одессы, он рассказал Ротову, что был вызван в ОГПУ, где спрашивали о поездке. Ротов спросил: «Все ли ты рассказал, что с тобой произошло с тобой за границей?» Храпковский ответил, что все. После этого Ротов многозначительно спросил: «А о том, что с тобой случилось в полиции – президиуме, ты тоже

рассказал?» (Там Храпковский был завербован немецкой разведкой). Ротов сказал, что ему все известно и что в дальнейшем связь от имени германской разведки Храпковский должен поддерживать через него — Ротова.

Ротов дал задание сообщать о настроениях художников, заводить знакомства и выявлять антисоветски настроенных лиц. Все сообщения передавал Ротову до последнего времени. Примерные сведения в сообщениях: о Каракумском пробеге в 1934 г., о жизни в Средней Азии, о загибах в <«слыском» х<озийстве>, вошел в доверие в военную среду через жену Кулика¹¹, о военных действиях в Монголии, о подготовке войны с Финляндией, о ходе военных действий. О своем сотрудничестве в ОГПУ поставил в известность Ротова.

2) Обв<иняемый> Федоров<...> показал, что в Ростове-на-Дону в период, когда там были белогвардейцы в 1918 г., Ротов, будучи молодым одаренным художником-самоучкой, сотрудничал в белогвардейском журнале «Донская волна». Там он помещал целый ряд карикатур антисоветского характера. Пользовался покровительством редактора «Донской волны» писателя — реакционера Краснушкина (Виктор Севский). В первые дни советской власти Ротов к работе не приступил, а последние дни работал в ДонРОСТе¹².

3) Обв<иняемый> Орешкин<...> показал, что Ротова знает очень мало и ничего о нем сказать не может.

4) Обв<иняемый> Пайн<...> показал, что в 1934 г. Ротов принес в редакцию «Крокодил» карикатуру, в которой дискредитировал советскую торговлю и кооперацию. Напечатана она не была, но ряд сотрудников были возмущены этой карикатурой после ознакомления с ней.

5) Вещественные доказательства — 23 фотокопий с а<нти>с<оветских> карикатур Ротова из белогвардейского журнала «Донская волна».

6) Обвиняемый Ротов (допрошен как обвиняемый не был) показал:

---

¹¹ Кулик Г. И. (1890–1950) — С 1939 г. начальник ГАУ РККА и заместитель наркома обороны СССР. Во время арестов, в 1938–1939 пытался защищать некоторых военачальников (напр. А. В. Хрулева), подписал письмо И. В. Сталину, в котором предлагалось прекратить репрессии против комсостава. В августе 1941 г. назначен командующим 54-й армией, действовавшей на Ленинградском фронте. После ряда неудач был направлен в Керчь для организации обороны. 16 февраля 1942 г. осужден Специальным присутствием Верховного суда СССР, одновременно был выведен из состава ЦК партии. 11 января 1947 г. вновь арестован и 25 августа 1950 г. приговорен к расстрелу. В 1956 г. реабилитирован.

¹² Слова «ДонРОСТе» написаны от руки.

1) Что в 1918 г. он работал в Осваге (осведомительно-агентурный отдел при штабе добровольческой армии генерала Деникина) в Ростове-на-Дону. Одновременно работал в белогвардейском журнале «Донская волна». К политике относился безразлично и пошел на работу только потому, что там работали опытные художники. Рисовал всякие пасквили на вождей сов<етской> власти и Красную Армию, которые вывешивались на витрине и печатались на почтовых открытках.. За несколько дней до прихода частей Красной Армии Севский предложил ему эвакуироваться, но он отказался. После этого Севский предложил во избежание расстрела красными сразу же явиться с повинной и работать в советских органах, что и было сделано.

Севский дал задание собирать сведения о воинских частях, их вооружении и настроении, выявить настроения населения. Эти сведения передавал впоследствии один раз Черкасову, затем непосредственно Севскому, который скоро был арестован и расстрелян.

2) В 1922 г. его, Ротова, направили учиться в Ленинград, но он в Москве женился и стал работать в журнале «Крокодил».

3) В 1927 г. случайно встретил работавшего в «Рабочей газете» белогвардейца Козьмина, который по заданию Севского должен явиться к нему за получением шпионских сведений, но ранее встреч не было. С Козьминым поговорили о прошлом, он сказал, что нужно присматриваться к людям. Больше Козьмина не видел, т. к. он куда-то уехал.

4) В 1930 г. Ротов был подвергнут персональной чистке в редакции «Крокодил» за отказ рисовать карикатуры на Троцкого, отказывался рисовать потому, что в 1924 г. лично видел Троцкого, когда иллюстрировал его книгу¹³, и он произвел сильное впечатление, поэтому в разгар внутрипартийной борьбы сочувствовал Троцкому.

5) В 1932 г. отказался от секретного сотрудничества с ОГПУ, т. к. это шло вразрез с его убеждениями.

6) С Храпковским действительно был связан по шпионской работе в 1929 г., когда он завербовал его, Ротова, в пользу германской разведки (о практической работе ничего не показал).

7) Очная ставка между Ротовым и Храпковским<...>.

Храпковский показал, что его завербовал для шпионской работы Ротов, а Ротов показывает, что его завербовал Храпковский.

По справке 1-го спецотдела НКВД СССР от 23/III-44 г. Храпковский М. Б. осужден Особым совещанием 14/VI-1941 г. на 8 лет ИТЛ с конфискацией имущества.

¹³ К. П. Ротов иллюстрировал книгу: Л. Д. Троцкий. Дело было в Испании (По записной книжке). М., 1926.

В Прокуратуру СССР поступило две жалобы от матери Ротова с просьбой о пересмотре дела, которые были оставлены без удовлетворения.

5/ХП-43 г. поступила жалоба от з<a>к<люченного> Ротова, в которой он отказывается от всех своих показаний, данных на предварительном следствии в части шпионской работы. Ранес так оговаривал себя только по принуждению следователей (Сидорова, Есаулова¹⁴, Володзимирского), которые держали его 7 месяцев в одиночной камере без прогулки, следствие вели несправедливо и заставляли подписать протокол.

Храпковский оговорил его, о чем он сам лично сказал при встрече в Бутырской тюрьме и просил прощения.

8/П-44 г. на имя председателя Верховного Суда тов. Голякова поступило ходатайство о пересмотре дела Ротова или о его досрочном освобождении (подписи Лебедева – Кумача, Кукрыниксы, Маршак, Зощенко, В. Катаев, Черемных).

Исходя из изложенного выше

ПОЛАГАЛ БЫ

1. С протестом об отмене решения Особого совещания по делу Ротова не входить.
2. Жалобу Ротова и ходатайство группы писателей и художников оставить без удовлетворения.

Прокурор отдела по спецделам Токарева

Резолюция: 4/IV-44 г. доложено тов. Вавилову¹⁵. С заключением согласен. Патэ.

Там же. Л. 26–27. Машинопись. Подлинник.

№ 5.

Письмо группы художников и писателей Верховному Прокурору СССР К. П. Горшенину, 26 апреля 1944 г. ¹⁶

Уважаемый тов. Горшенин!

13 июня 1940 г. органами НКВД был арестован художник – карикатурист

¹⁴ Фамилия Есаулова написана от руки.

¹⁵ Вавилов А. П. (1902–?) – С 1931 г. прокурор при Наркомате юстиции РСФСР, военный прокурор Главной военной прокуратуры, заместитель военного прокурора войск НКВД Московской области, заместитель Главного военного прокурора морского флота.

¹⁶ Датируется по дате регистрации при получении документа.

Константин Ротов. В настоящее время он находится в КОЛП Усольлага (Соликамск, Молотовская обл.), работает в культурно – воспитательной части. Мы знаем тов. Ротова и как человека, и как художника по его многолетней работе в ЦО «Правда», в журнале «Крокодил», в Детиздате и др. И в своей работе, и в личной жизни Константин Ротов всегда был вполне советским человеком, искренне любящим свою Родину и отдающим ей все свои силы своего незаурядного таланта. Все это даст нам полное основание просить Вас о пересмотре дела Константина Ротова. Сознавая всю ответственность возбуждаемого нами ходатайства, мы просим Вас затребовать дело Ротова в порядке надзора и по результатам рассмотрения принять решение о его возможном освобождении.

В. Лебедев – Кумач, В. Катаев, М. Черемных,

Б. Ефимов, Кукрыниксы, Л. Ленч¹⁷

Там же. Л. 30. Машинпись. Подлинник

---

¹⁷ Ленч (Генч) Л. – художник-карикатурист журнала «Крокодил».

А. А. СМЕРНОВ

О ПОДЛИННОМ ОБЛИКЕ Г. И. КУЛИКА КАК ВОЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Одним из стереотипов массового сознания (да и историографии), связанных с предысторией Великой Отечественной войны, остается представление о противостоянии в 1930-е гг. в руководстве Красной Армии двух группировок — «танкистов» и «кавалеристов». Первые (во главе с М. Н. Тухачевским) изображаются сторонниками всемерной механизации и моторизации армии, оснащения ее современной техникой; вторые же (во главе с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным) — ретроgrадами, не понимавшими, что грядущая война будет «войной моторов», уделявшими излишне много внимания кавалерии — и вообще малосведущими в военных вопросах. Мы не будем сейчас останавливаться на явной искусственности подобной «черно-белой» схемы; отметим лишь, что она как минимум не учитывает динамику взглядов тех или иных военачальников, их профессиональный рост. Тот же нарком обороны Ворошилов — в 1935 г. действительно пошедший на значительное увеличение численности кавалерии — 27 ноября 1937 г. уже заявил на заседании Главного военного совета при наркомате обороны СССР (полемизируя с Буденным) дословно следующее: «[...] Кавалерия сейчас будет играть весьма скромную роль, Семен Михайлович. Прямо должен об этом сказать, очень больно говорить, а нужно прямо сказать: кавалерия будет играть скромную роль на нашем западном театре, архискромную, а может быть, и вспомогательную, и третьестепенную роль». В любом случае, дал понять далее нарком, сабельные атаки через производимое современным оружием «море огня» исключаются, бой конница будет вести в пешем строю¹. (Подчеркнем, что это говорилось уже после казни М. Н. Тухачевского, т. е. тогда, когда, по мнению сторонников вышеназванной схемы, в руководстве РККА восторжествовало «кавалерийское» мышление!). В этом смысле показательна

¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 484–485.

эволюция уровня профессионализма Г. К. Жукова. Вряд ли даже самые строгие критики смогут упрекнуть его в том, что летом 1939 г., организовав при помощи танковых соединений сначала «Байн-Цаганское побоище», а затем и окружение всей японской группировки на Халхин-Голе, он недооценивал возможности танков и переоценивал возможности конницы. А вот в марте 1935-го, в ходе военной игры, проведенной начальником Управления боевой подготовки РККА А. И. Седякиным с командирами и штабами соединений Бобруйского гарнизона, у командира 4-й кавалерийской дивизии Жукова — располагавшего, помимо кавалерийских, механизированным полком с несколькими десятками танков БТ — еще хватило ума принять решение атаковать танковые подразделения противника — да еще в лоб! — сабельными эскадронами²...

Отнюдь не претендуя пока на опровержение устоявшихся представлений о борьбе «танкистов» с «кавалеристами», рассмотрим позиции, занимавшиеся в вопросах армейского строительства одним из тех руководителей предвоенной Красной Армии, которых относят к «кавалеристам» — Г. И. Куликом, — с конца 1937 г. являвшимся начальником Артиллерийского управления РККА (с июля 1940 г. — Главное артиллерийское управление Красной Армии), а с января 1939 г. — еще и заместителем наркома обороны — и входившим с марта 1938 г. в состав Главного военного совета РККА (с июля 1940 г. — Главный военный совет). С конца 50-х гг. этого военачальника принято представлять малограмотным рубакой, разбиравшимся лишь в пушках времен Гражданской войны и тормозившим моторизацию Красной Армии и оснащение ее новыми видами вооружения. Ограниченность Кулика в отечественной историографии и мемуаристике стала прямо-таки притчей во языцех; ввиду высказываний на эту тему стали воспоминания некоего командира о присме Кулика в апреле 1939 г. группы военных, вернувшихся из Испании. «Распространяя легкий запах алкоголя», замнаркома «закатил» перед «испанцами» речь, которая «состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельности фраз. Это была чистейшей воды ахиня, бред полупьяного»³.

Сразу же признаем, что гладкостью речи Григорий Иванович с его крестьянским происхождением и 4-классным общим образованием действительно не отличался. Судя по неуправленным текстам стенограмм, он и в трезвом виде подчас экономил на законченности и связности своих фраз. «Что дать ротс, — дать ли ДС взамен «Максима» или дать стрельбу с лентой, это тот же пулсмет только с лентой и к нему маленький станочск?», — размышлял, например, Кулик на заседании комиссии Главного военного совета 27 апреля 1940 г., подразумевая под «тем же пулсметом» отнюдь не системы ДС

² Там же. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 196. Л. 171.

³ Свердлов Ф. Д. Ошибки Г. К. Жукова (год 1942). М., 2002. С. 10.

или Максима (как можно подумать), а упомянутый им в предыдущей фразе ручной пулемет ДП. Немудрено, что нарком вооружения Б. Л. Ванников понял его неправильно и счел нужным напомнить, что ДП — пусть и с ленточным питанием вместо магазинного — отличается от ДС и «Максима»: «там ствол другой»⁴... Тем не менее трезвый анализ обвинений, предъявлявшихся Г. И. Кулику официальной историографией и мемуаристикой, позволил в 1990-е гг. сначала Б. В. Соколову, а затем Н. А. Зеньковичу и Ю. И. Мухину⁵ прийти к выводу о бесосновательности большинства из них и о безусловном здравомыслии и профессионализме Кулика как военного деятеля. Опубликованные в постперестроечное время (и в том числе не использованные вышеупомянутыми исследователями) материалы ряда совещаний 1940 года, а также вновь обнаруженные нами документы 1930-х годов позволяют уточнить эту оценку и углубить наши представления о профессиональном облике Г. И. Кулика.

Первое, о чем следует четко сказать — это об абсолютной ложности пресловутого, сложившегося после выхода мемуаров Г. К. Жукова (и разделяемого даже тремя упомянутыми выше авторами), представления, согласно которому Григорий Иванович «ратовал за артиллерию на конной тяге»⁶. Вот предельно ясно заявление, сделанное командиром 3-го стрелкового корпуса Г. И. Куликом еще 12 декабря 1935 г., на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР: «Я считаю, что всю артиллерию, за исключением 3-дм пушки и 122-мм гаубицы, нужно перевести на механическую тягу, в особенности корпусную артиллерию — 6-дм гаубицы и 122-мм и 107-мм пушки»⁷.

А полковую артиллерию комкор-3 и вовсе предложил вооружить «пушкой на самоходной установке»: ведь полковые пушки находятся непосредственно в боевых порядках пехоты, т. е. в сфере ружейно-пулеметного огня противника, где артиллерийские лошади оказываются особенно уязвимыми⁸. Поскольку ружейно-пулеметный огонь мог вывести из строя и двигатель и механика-водитель (не говоря уже об орудийном расчете), Кулик явно имел в виду бронированную самоходно-артиллерийскую установку. Правда,

⁴ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.: СПб., 2004. С. 213.

⁵ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Интриги. Вражда. Заговоры. Смоленск, 1998; [Мухин Ю. И.] Война и мы. Кн. 1. Человеческий фактор. М., 2000; Кн. 2. Воспная мысль в СССР и в Германии. М., 2001.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 187.

⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 256. В тексте стенограммы вместо «3-дм» («3-дюймовая», т. е. 76,2-мм) и «6-дм» («6-дюймовая», т. е. 152,4-мм) ошибочно напечатано «3-мм» и «6-мм».

⁸ Там же. Л. 255–256.

в 1940 г. возобладало мнение о нецелесообразности включения гусеничной бронетехники в штаты стрелковых частей и соединений, так как, помимо прочего, эти последние не могут обеспечить качественный ремонт такой техники и должную выучку механиков-водителей. Однако в конце 1935-го Кулик мог знать лишь то, что в состав многих стрелковых полков РККА (например, 6-го 2-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа или 132-го 44-й стрелковой дивизии Киевского округа) уже включено по батальону танкеток Т-27 (с пулеметным вооружением), а для оснащения полковой артиллерии на базе Т-27 уже создана бронированная самоходно-артиллерийская установка КТ-27 с 76-мм полковой пушкой образца 1927 г.... «Доброжелательно», по воспоминаниям известного артиллерийского конструктора В. Г. Грабина, встретил Григорий Иванович (уже в конце 1940 г.) и предложением КБ завода № 92 создать самоходную противотанковую пушку⁹.

Как видим, с конной тягой Кулик хотел оставить лишь дивизионную артиллерию: именно ее составляли тогда «3-дюймовые» (т. е. 76-мм образца 1902 и 1902/30 г.) пушки и 122-мм гаубицы. Примерно на той же позиции оставался он и в январе 1941 г. — когда, по Г. К. Жукову, «ратовал за артиллерию на конной тяге». Излагая суть выступления маршала Советского Союза Кулика на разборе январских оперативно-стратегических игр, Жуков — как это бывало с ним при написании «Воспоминаний и размышлений» сплошь и рядом — допустил неточность. По свидетельству другого участника разбора, М. И. Казакова, маршал «защищал» тогда лишь стрелковую «дивизию на конной тяге»¹⁰; т. е. опять-таки предлагал транспортировать лошадьми не всю артиллерию, а лишь дивизионную. Да и ту явно не полностью: еще в апреле 1940 г. Кулик отнюдь не возражал против того, чтобы появившиеся в 1939-м вторые артиллерийские полки стрелковых дивизий — имевшие в своем составе и 152-мм (6-дюймовые) гаубицы — использовали механическую тягу¹¹.

Но почему он отказывал в этой последней 76-мм дивизионным пушкам и 122-мм гаубицам? Б. В. Соколов — пытаясь, наряду с Н. А. Зеньковичем и Ю. И. Мухиным, объяснить, почему Кулик был противником мехтяги вообще — приписал Григорию Ивановичу понимание той истины, что на российском бездорожье автомобиль уступит лошади по проходимости (эта версия была подхвачена затем Зеньковичем, а отчасти и Мухиным)¹². Однако до войны в СССР под механическими средствами тяги понимались и в качестве таковых использовались отнюдь не колесные, а гусеничные машины — трактора и специальные тягачи. И немцы, например, прямо отмечали, что «на Восточном фронте с его тяжелыми дорожными и климатическими усло-

⁹ Грабин В. Г. Оружие победы. М., 1989. С. 509.

¹⁰ Казаков М. И. Над картой сражений. М., 1965. С. 65.

¹¹ См.: «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). С. 170.

¹² Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 386–387; [Мухин Ю. И.] Война и мы. Кн. 1. С. 195.

виями» тягачи «как средство тяги легких и тяжелых орудий показали свои явные преимущества» перед лошадьми¹³. С учетом этого последнего обстоятельства нельзя принять и версию Ю. И. Мухина, согласно которой Кулик выступал против мехтяги еще и потому, что за немоторизованной пехотой Красной Армии вполне могла угнаться и артиллерия, влкомая лошадьми¹⁴. Важна ведь не только скорость, развиваемая средствами тяги, но и их проходимость и выносливость...

Ближе к истине объяснение, предложенное Н. А. Зеньковичем (и принятое затем Ю. И. Мухиным): «ратуя за конную тягу», Кулик учитывал нехватку в СССР горючего¹⁵. Эта гипотеза напоминает нам об экономической стороне вопроса – которая в данном случае исключительно важна. Дело даже не в горючем для тракторов или тягачей, которые будут буксировать дивизионную артиллерию, а в нехватке средств и производственных мощностей для выпуска самих этих машин: ведь 76-мм дивизионных пушек и 122-мм гаубиц в Красной Армии к концу 1935 г. насчитывалось порядка 6000, а на 1 июня 1941 г. – 17 380¹⁶. С учетом взятого в СССР курса на гипертрофированное развитие танковых войск снабдить гусеничными машинами еще и всю артиллерию и в 1935-м, и в 1941 г. явно не представлялось возможным. Но если предназначенные для борьбы с высокоомобильными целями 45-мм противотанковые пушки, а также обладавшие значительным весом 107-мм и 122-мм пушки и все артиллерийские системы калибра 152 мм и выше без мехтяги оставлять было крайне нежелательно или вообще нельзя, то относительно легких 76-мм дивизионных пушек и 122-мм гаубиц могли, на худой конец, обойтись и лошадьми... И не случайно в своем декабрьском выступлении 1935 года Г. И. Кулик никак не аргументировал предложение оставить дивизионную артиллерию с конной тягой: настолько все вышесказанное было очевидно.

Ложным представляется, далее, и утверждение о том, что, в начале 1941 г. маршал Советского Союза Кулик настоял на прекращении выпуска всех артиллерийских систем 45-мм и 76-мм калибра только потому, что получил сведения о резком росте бронезащиты немецких танков – хотя и 45-мм и 76-мм пушки предназначались для борьбы не только или даже не столько с танками, сколько с живой силой и другими целями. Подобно тезису о Кулике – противнике мехтяги, это утверждение – выставляющее Кулика не знавшим, для чего нужны пушки, – базируется на одном-единственном мемуарном источнике – воспоминаниях Б. Л. Ванникова¹⁷, в то время – нар-

¹³ Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. М., 2000. С. 118.

¹⁴ [Мухин Ю. И.] Война и мы. Кн. 1. С. 194–195.

¹⁵ Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 389; [Мухин Ю. И.] Война и мы. Кн. 1. С. 194.

¹⁶ Подсчитано по: Иванов А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. СПб., 2003. С. 11, 12, 16, 62.

¹⁷ Ванников Б. Л. Записки наркома//Знамя. 1988. № 1. С. 139–141.

кома вооружения. Тенденциозность описания Ванниковым этой истории еще в 1968 г. отметил бывший заместитель Кулика по должности начальника Главного артиллерийского управления Н. Н. Воронов¹⁸; существует и источник, прямо опровергающий версию бывшего наркома – воспоминания конструктора В. Г. Грабина. Предпочесть их запискам Ванникова нас заставляет не только то, что, по словам литературного обработчика грабинских мемуаров В. В. Левашова, Василий Гаврилович обладал «феноменальной» памятью и «помнил до мельчайших подробностей все» (это не раз подтверждали проводившаяся литобработчиками сверка сообщаемых им сведений с архивными документами)¹⁹ – но и то, что у Грабина было еще меньше резонов выгораживать Кулика, чем у Ванникова. Ведь среди снятых в начале 1941-го с производства орудий было и дстище возглавляемого Грабиным КБ завода № 92–76-мм дивизионная пушка образца 1939 г. (УСВ). Тем не менее, по Грабину, и «высшие инстанции» в конце 1940 г. и лично Г. И. Кулик в марте 1941-го назвали ему совсем другую причину прекращения выпуска УСВ – полное насыщение войск дивизионными пушками и накопление достаточного их запаса на случай развертывания армии по мобилизации. ««Дивизионных пушек вполне достаточно», – убежденно повторил Кулик»²⁰. Как показала Великая Отечественная, это мнение было ошибочным – но о том, что маршал не знал, для чего предназначаются дивизионные пушки, не может быть и речи...

Надо полагать, по тем же – ошибочным, но не выходящим за пределы здравого смысла! – соображениям был прекращен и выпуск 76-мм полковых пушек, а также 45-мм противотанковых (использовавшихся и как батальонные).

Документы комиссии Главного военного совета Красной Армии под председательством К. Е. Ворошилова, обсуждавшей в апреле – мае 1940 г. вопрос о системе вооружения армии, частично опровергают и тезис о Кулике – противнике автоматов (точнее, пистолетов-пулеметов – называемых у нас в обиходе автоматами). В наиболее концентрированном виде он изложен, пожалуй, в мемуарах авиаконструктора А. С. Яковлева; согласно им, И. В. Сталин вспоминал, что «перед войной» ему «пришлось упорно воевать с маршалом Куликом» как с одним из тех военных, которые «были против введения в армии автоматов и упорно держались за винтовку образца 1891 года»²¹. В феврале 1939 г. – когда из РККА были изъяты все пистолеты-пулеметы – командарм 2 ранга Кулик (как сам потом признавался) действительно «не думал», что это оружие «можно дать красноармейцу», и считал,

¹⁸ См.: там же. С. 131–132.

¹⁹ Левашов В. О книге «Оружие победы» и ее авторе // Грабин В. Г. Указ. соч. С. 5.

²⁰ Грабин В. Г. Указ. соч. С. 331, 456, 464.

²¹ Яковлев А. С. Цель жизни. (Записки авиаконструктора). М., 1973. С. 313.

что оно годится только «для командного состава и для полиции». Однако уже зимой 1940-го, побывав на финском фронте и «попробовав на себе лично» действие финского пистолета-пулемета «Суоми», он, по его словам, «почувствовал ошибку»: «оказалось, что для ближнего боя очень удобно»²². И уже 26 апреля 1940 г., на заседании вышеупомянутой комиссии, командарм 1 ранга Кулик изложил свое видение системы стрелкового вооружения Красной Армии так: «Я считаю, что решения наши правильные, иметь самозарядную [а не автоматическую, вопрос о которой предложил еще раз обсудить Ворошилов. — А. С.] винтовку. У нас [и без того. — А. С.] имеется много автоматических и [пистолеты-пулеметы. — А. С.] ППД»²³. Подчеркнем, что комиссия обсуждала вопрос об *основном* образце индивидуального стрелкового оружия; как видим, нет и речи о желании Кулика сохранить в качестве такового винтовку образца 1891/30 г. — с ручным перезаряданием после каждого выстрела и с магазином на пять патронов против 10 у самозарядных винтовок СВТ-38 и СВТ-40 и 15 у автоматических АВС-36. Нет у Кулика и возражений против того, чтобы иметь на вооружении армии пистолеты-пулеметы...

Не исключено, что А. С. Яковлев точно передал слова И. В. Сталина, и что «перед войной» тот критиковал Кулика не за неприятие пистолетов-пулеметов как таковых, а за недостаточно быстрое насыщение ими войск. Такая критика — как видно хотя бы из письма Кулика Сталину от 18 февраля 1942 г. — действительно имела место — причем, скорее всего, также была напрасной. «Я был удивлен, — говорилось в письме, — когда Вы мне сказали насчет ППШ [7,62-мм пистолет-пулемет системы Шпагина образца 1941 г. — А. С.], что мы мало просили [у промышленности. — А. С.] [...]». Заказ, запланированный Главным артиллерийским управлением (ГАУ), был, по словам Кулика, урезан рассматривавшей заявки военных комиссией председателя СНК СССР В. М. Молотова²⁴. Ряд документов, обнаруженных Н. А. Зеньковичем, подтверждает справедливость утверждения автора письма о том, что подобная практика по отношению к ГАУ до войны была нормой²⁵...

В позиции, которую занимал Г. И. Кулик в 1940 г. (основной вид индивидуального стрелкового оружия — самозарядная винтовка; ее дополняют автоматические винтовки и пистолеты-пулеметы), могут, однако, все-таки усмотреть недооценку автоматического огня. Подобное мнение будет ошибочным, так как ни пистолеты-пулеметы, ни автоматические винтовки ни в одной армии мира так и не стали основным видом индивидуального стрелкового

²² Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1998. С. 252–253.

²³ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). С. 183.

²⁴ Цит. по: Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 397.

²⁵ Там же. С. 397–402.

оружия – и стать им не могли. Эта роль оказалась под силу только появившимся в середине 1940-х гг. собственно автоматам – оружию, стреляющему промежуточным, т. е. более мощным, чем пистолетный, но менее мощным, чем винтовочный, патроном. Пистолетам-пулеметам для этого не хватало, прежде всего, дальности стрельбы: их малоомощный пистолетный патрон сообщал пуле слишком малую начальную скорость. Автоматические же винтовки с их, наоборот, излишне мощным винтовочным патроном не обеспечивали присмелой меткости автоматического огня. Из-за слишком большой отдачи их ствол – не опиравшийся, как у ручного пулемета, на упертые в землю сошки, а лежавший обычно в руках у бойца – при первом же выстреле очереди подбрасывало так, что сбивался прицел. Именно об этом и напоминал в апреле 1940 г. Г. И. Кулик: «один выстрел попадает в цель, а остальные десять выстрелов не попадают, устойчивости нет»²⁶. (Впрочем, находясь в окопе или укрытии, боец мог найти и более надежную опору для винтовки; так, в 78-м стрелковом полку 26-й стрелковой дивизии Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии весной 1937 г. в качестве сошек для АВС-36 использовали ее же штык. Возможно, понимая это, Кулик и поддержал предложение Б. Л. Ванникова комплектовать СВТ-40 переводчиком огня; с установкой этой детали самозарядная винтовка превращалась в автоматическую).

Материалы комиссий Главного военного совета, работавших весной 1940 г. над реформированием армии после финской кампании, вообще очень ярко высвечивают присущий Г. И. Кулику как военному деятелю *здравый смысл*, трезвомыслие профессионала, наглядно представляющего себе «первичный элемент» военных действий – бой²⁷. Напомним, что успех военной кампании складывается из успехов проведенных в ее ходе операций, а успех операции – из успехов проводимых по единому замыслу, увязанных между собой по месту и времени *боев*. Без учета реальных потребностей *боя* малопродуктивным будет и создание тех или иных образцов вооружения и разработка оперативных и стратегических теорий и замыслов. Именно об этом и говорил Г. И. Кулик еще на заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 22 ноября 1937 г.: «Если оружие не будет в порядке, то армия будет не армия, а армия в скобках. Как бы ни выводили вензеля на наших оперативных-тактических играх, а если материальная часть откажет, то армия небоеспособна»²⁸. (Примечательно, что то же самое не уставал тогда подчеркивать еще один воспитанник, третируемый историками как не всегда «кавалерист», – маршал Советского Союза С. М. Буденный. «Если мы даже в оперативном-тактическом отношении будем грамотны, но оста-

²⁶ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). С. 183.

²⁷ См.: [Мухин Ю. И.] Война и мы. Кн. 1. С. 196; Кн. 2. С. 108, 111, 195, 200.

²⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 317.

немся неграмотными в вопросах снабжения, — предупреждал он, например, на заседании вышеступающего совета 11 декабря 1935 г., — то все равно провалимся». «Мы подчас витаем в очень больших оперативно-стратегических масштабах, — напоминал Семён Михайлович на заседании 21 ноября 1937 г., — а чем мы будем оперировать, если рота не годится, взвод не годится, отделение не годится?»²⁹).

Именно это стремление исходить прежде всего из *реальных потребностей боя* заставило Кулика выступить в апреле 1940 г. со странным, на первый взгляд, предложением уменьшить дальность стрельбы полковой пушки. Но ведь полковая артиллерия предназначалась для непосредственной поддержки стрелковых подразделений, т. е. для стрельбы по целям, обнаруживаемым непосредственно на поля боя, находящимся в пределах прямой видимости. С учетом этого предельная дальность стрельбы находившейся тогда на вооружении 76-мм полковой пушки образца 1927 г. — 8500 м — действительно была явно избыточной — а между тем за нее было заплачено относительно большим весом орудия (900 кг). Для пушки, которая передвигалась непосредственно в боевых порядках пехоты — как правило, усилиями перекатывавшего ее расчета — это было недопустимо много.

Известно, далее, что перед войной в СССР на боевой самолет смотрели прежде всего как на инженерное сооружение, имеющее те или иные характеристики, — а не как на *оружие*, обладающее той или иной *боевой эффективностью*. Из-за того, что «совершенно не проводились серьезные исследования по поиску оптимальных форм и способов боевого применения авиации», решения о выдаче заказов на создание новых самолетов и принятии их на вооружение принимались «большой частью без учета конкретной боевой обстановки, в которой придется воевать боевым машинам»³⁰. Так в 1940 г. на вооружение в качестве основного фронтового бомбардировщика был принят обладавший совершенно недостаточной бомбовой нагрузкой (600, а в перегрузку — 1000 кг против 2500 кг у тогдашних модификаций немецких Юнкерс Ju88 и Хейнкель He III) Пе-2. Увлечшись его высокой скоростью, забыли, что эта последняя — лишь один из факторов, помогающих машине добраться до цели, — а собственно поражение наземной цели (т. е. то, ради чего и создается бомбардировочная авиация!) обеспечивается не летными, а боевыми качествами бомбардировщика — величиной бомбовой нагрузки, ассортиментом и эффективностью бомб, точностью бомбометания (зависящей, в частности, от качества бомбовых прицелов).

Тем поразительнее, что одним из тех немногих высших армейских руководителей, кто имел здоровое представление о критериях эффективности

²⁹ Там же. Оп. 16. Л. 19. Л. 275; Оп. 18. Л. 54. Л. 12.

³⁰ Перов В. И., Растренин О. В. Штурмовая авиация Красной Армии. Т. 1. Суровая школа. М., 2003. С. 9–10.

боевой авиации (способность к эффективному выполнению *конкретных* боевых задач в «*конкретной боевой обстановке*») оказался перед войной не просто представитель наземных войск, а слышущий не свеждой Г. И. Кулик! «Бомбовой нагрузкой никто не занимается, нужно, чтобы был разный ассортимент бомб — от 2,5 кг и выше, — напоминал он на очередном заседании упомянутой выше комиссии Главного военного совета, 5 мая 1940 г. — Нужно попадать в цель, а наши летчики бомбят без прицела. Нельзя, чтобы дальше продолжалось такое безобразие, когда звено «Юнкерсов» требует [для выполнения той же задачи. — *А. С.*] наших СБ 25 штук»³¹. Если выступавшие на этом заседании авиаторы стремились говорить лишь о летных данных, оборонительном вооружении и величине бомбовой нагрузки ударных самолетов, то Кулик снова и снова возвращался к вопросу о «большом диапазоне [т. е. ассортименте. — *А. С.*] бомб»: ведь конкретную цель поражают не «величиной бомбовой нагрузки», а конкретными — лучше или хуже подходящими для этого — типами боеприпасов.

Характерно, что, не желая, видимо, признать справедливость предъявленных Куликом претензий, присутствовавшие на заседании авиаторы принялись исказить их смысл, выставя их несерьезными, а Кулика — некомпетентным. Так, после очередного указания Григория Ивановича на то, что «диапазона [выделено мной. — *А. С.*] бомб и кассет [контейнеров с мелкими бомбами. — *А. С.*] у нас нет», заместитель наркома обороны командарм 2 ранга А. Д. Локтионов изобразил дело так, что, по Кулику, «у нас кассет нет» (и, естественно, легко доказал обратное)... А когда затем начальник Главного управления ВВС Красной Армии командарм 2 ранга Я. В. Смушкевич, неправильно поняв Кулика, заявил, что «все наши бомбардировщики имеют прицелы для сбрасывания бомб, поэтому утверждение т. Кулика, что у нас нет прицелов [см. выше. — *А. С.*], неправильно», а Григорий Иванович пояснил, что имел в виду совсем другое («Мне нужно, чтобы можно было [бы] действовать прицельно, а вы бомбите без всякого прицеливания»), заместитель наркома авиационной промышленности П. А. Воронин, словно не слыша этих слов, назидательно заметил: «Мне кажется, не к лицу т. Кулику не знать авиацию»³²... Не так ли — чтобы заставить забыть о просчетах и некомпетентности совсем других лиц — создавались легенды о Кулике-невезде? Ведь Григорий Иванович был казнен еще в 1950 г. и опровергнуть наветы не мог — а, с другой стороны, своими не всегда внятными высказываниями сам подчас давал повод для измышлений...

На ту же мысль наводят и мемуары Г. К. Жукова, где тот пишет о «странном впечатлении», которое произвело на него в январе 1941 г. предложение Кулика довести численность стрелковой дивизии военного времени

³¹ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). С. 226.

³² Там же. С. 231–232.

до 16 000–18 000 человек³³ (вместо 14 483 по принятому накануне войны штату № 04/400). На деле идея Григория Ивановича опять-таки была вполне здравой: в дивизии меньшей численности оказывалось слишком мало активных штыков, т. е. пехотинцев-стрелков – а без этих «штыков», силами одних артиллеристов, пулеметчиков, связистов, обозников, командсостава и т. п. соединение не могло удержать занятую им местность. Еще в декабре 1935 г. командир 2-го стрелкового корпуса И. С. Кутяков предупреждал, что в 13-тысячной дивизии – имеющей всего 2000–3000 штыков вместо желательных 5000–6000 – на третий день боев останется «одна техника со слабым, небоеспособным прикрытием» и дивизия превратится «в подвижную техническую базу снабжения противника»³⁴. О том же свидетельствовал в декабре 1940 г. и генерал-майор П. Г. Понсделин – командовавший в финскую войну 139-й стрелковой дивизией, в которой перед наступлением было не более 3000 штыков: «Достаточно потерять 1500–2000 штыков как всякая наступательная способность дивизии пропадет, иссякает. А такие потери на войне – обычное дело»³⁵. И, обобщая в апреле 1940-го опыт финской кампании, командиры-фронтовики одобрили идею иметь в стрелковой дивизии военного времени около 17 000 человек, в том числе 5626 активных штыков³⁶ (как раз столько, сколько предлагал в 1935-м И. С. Кутяков). Подобный – соответствующий *потребностям реального боя!* – штат и отстаивал в январе 1941-го Кулик...

В нашу задачу не входит всестороннее исследование полководческой деятельности Г. И. Кулика. Однако анализ даже тех немногих освещающих эту деятельность документов, которые уже введены в научный оборот, позволяет заключить, что здравый смысл, стремление непременно учитывать в своих решениях *реалии боя* выделяли Григория Ивановича и как полководца: настолько рельефно проступают они в его решениях... Б. В. Соколов уже обращал внимание на безукоризненно профессиональную подготовку командующим 54-й отдельной армией маршалом Советского Союза Г. И. Куликом наступления на Мгу с целью прорыва блокады Ленинграда в сентябре 1941 г.³⁷ В ответ на требование командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова начать наступление 15 сентября Кулик резонно заявил, что сможет сделать это только 16–17-го, так как еще «не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все

³³ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 187.

³⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 179.

³⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 323.

³⁶ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). С. 58, 133.

³⁷ Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Мн., 2000. С. 269.

части вышли на исходное положение»³⁸. «Части заняли исходное положение, отработано в деталях взаимодействие», — подчеркивал маршал, докладывая в 23.30 16 сентября Верховному Главнокомандующему о своей готовности начать наступление на Мгу в 10.00 17-го³⁹ (еще в 1935 г., характеризуя тактические взгляды командира 3-го стрелкового корпуса Г. И. Кулика как правильные, М. Н. Тухачевский имел в виду понимание командиром важности взаимодействия в бою всех родов войск⁴⁰). Конечно, речь идет о тактических азах — но вспомним, что пренебрежение этими азами, бездумная спешка, стремление начинать наступление без должной подготовки было в Великую Отечественную одним из главных пороков советского командования. ««Старшие начальники», — замечает относительно той же Ленинградской битвы В. В. Бешанов, — очень хотели побыстрее добиться победы, поэтому битва продолжалась три года и обошлась в три миллиона убитых, пропавших без вести, получивших ранения военнослужащих»⁴¹. А Кулик отстаивал необходимость считаться с требованиями военного искусства (т. е., в конечном счете, с требованиями *реального боя*) не только перед Жуковым (которому он не был подчинен) но и перед самим Сталиным. В разговоре с последним по прямому проводу 20 сентября 1941 г. он просит отсрочить на сутки представление плана дальнейшего наступления, так как подошедшие из резерва дивизии еще не закончили рекогносцировку местности. И даже услышав в ответ от Верховного: «Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время», повторяет (!), что будет готов представить план только 21-го — а не «сегодня же»⁴²...

Здравомыслие Г. И. Кулика, выражавшееся в его стремлении исходить в оперативных решениях *только* из требований военного искусства, вообще резко выделяет его среди советского генералитета сталинской эпохи. Напомним известную оценку немецкого генерала Ф. Меллентина: «Что касается русских военачальников, то хорошо известно, что [...] они почти в любой обстановке и в любом случае строго и неуклонно придерживаются приказов или ранее принятых решений, не считаются с изменениями в обстановке, ответными действиями противника и потерями своих собственных войск»⁴³. Историями о том, как советские командиры, бездумно выполняя не соответствующий обстановке приказ, истребляли свои части или соединения в завидомо безнадежных атаках, переполнена и вся бесцензурная отечественная военная мемуаристика. Оценим теперь кредо Г. И. Кулика, изложенное им

³⁸ Цит. по: Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 363–364.

³⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., 2004. С. 43.

⁴⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 119.

⁴¹ Бешанов В. В. Ленинградская оборона. М.; Мн., 2005. С. 6.

⁴² Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 45–46.

⁴³ Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999. С. 344.

в письме Сталину от 30 января 1942 г.: «[...] Самое главное преступление дласт командир, если он отдаст войскам заведомо невыполнимый приказ, войска его выполнить не в силах, гибнут сами, а приказ так и остается невыполненным»⁴⁴...

Поэтому маршал и приостановил 20 сентября 1941 г. — несмотря на понукания Ставки — наступление своей армии на Мгу и занялся пополнением частей и приведением их в порядок: продолжать бросать обескровленные дивизии в бой против свежих сил противника означало бы лишь нести напрасные потери. Еще более смелый шаг предпринял Кулик 12 ноября 1941 г., когда, будучи представителем Ставки в Крыму, пренебрег прямым указанием Верховного и приказал оставить Керчь. Здравый смысл подсказал ознакомившемуся с обстановкой маршалу, что деморализованная 51-я армия город все равно удержать не в состоянии, а своевременная эвакуация ее войск через Керченский пролив позволит оторваться от наседающего противника, исключить форсирование им пролива на плечах бегущих и выиграть время для организации обороны на Таманском полуострове.

Здравый смысл и исключительно четкое представление об *основах* военного дела — в данном случае о *природе регулярной армии* — характеризуют Г. И. Кулика и как учителя и воспитателя войск. Как известно, в последний предвоенный год боевая подготовка Красной Армии проходила в условиях укрепления единоначалия, радикального укрепления дисциплины и резкого повышения требовательности к бойцу и младшему командиру. Но на проходившем в конце декабря 1940 г. совещании высшего руководящего состава Красной Армии из всех говоривших об этих переменах один лишь Г. И. Кулик прямо заявил, что «реформы 1940 г. Красная Армия ждала в течение 23-х лет», что «Красная Армия на 23-м году [наконец-то. — А. С.] встала на правильный путь»⁴⁵. И это было не обычным «горячим одобрением» очередной «генеральной линии», а убеждением, безусловно пострадавшим. Еще 17 апреля 1940 г. (т. е. до начатой в мае «реформы»), на совещании начсостава Красной Армии при ЦК ВКП (б) по подведению итогов финской войны Кулик пропагандировал идеи, непривычные для таких «уродливых форм пролетарского творчества»⁴⁶ как Рабоче-Крестьянская Красная Армия — но естественные и необходимые для нормальной *регулярной* (по существу, а не по названию) армии. То, например, что командир «есть воспитатель и учитель» своих подчиненных (а не просто лицо, отдающее приказы). «Сейчас мы кричим, что у нас дисциплина плохая, — обращался к командирам

⁴⁴ Цит. по: Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 341.

⁴⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 108–109.

⁴⁶ Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины (1917–1937)// Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. (Российский военный сборник. Вып. 16). М., 1999. С. 264.

Кулик. — Кто мешает навести порядок у нас в этом деле. Этот участок у нас возложен на комсомольскую организацию, на политрука, а где командир роты, командир полка?» Расширение круга ответственности, справедливо давал понять далее замнаркома, повышаст авторитет командира (а значит, продолжим, и дисциплину и моральное состояние части или соединения)...

Несобычным было в апреле 1940 г. для РККА и подчеркивание Куликом важности четкого внутреннего порядка в подразделениях — и в том числе такой «мелочи» как неукоснительное проведение в подразделениях ежедневной вечерней поверки. «А без этого дисциплины быть не может, — напоминал (а многим и разъяснял вновь) Григорий Иванович. — Товарищи, это элемент дисциплины, это самый элементарный порядок»⁴⁷. В самом деле, «исполняя все подробности службы» (и в том числе строясь на вечернюю поверку), человек привыкает к «необходимости подчинения своей воле воле начальника и установленного порядка» — т. е. привыкает к дисциплине⁴⁸.

Больше того, в своем апрельском выступлении Кулик фактически взял под защиту и такое, совсем уж одиозное для русской революции понятие как «муштра» — выставив эту последнюю необходимым условием обеспечения должной выучки бойцов⁴⁹. И действительно, как отмечал еще известный военный публицист Н. Д. Бутовский, даже желание честно служить, даже готовность к самопожертвованию «никоим образом не может заставить человека полюбить, например, стрельбу, одиночную выправку, гимнастику, а тем более разные военные формальности, которые подчас бывают надоедливы»⁵⁰; здесь солдата нужно именно муштровать, т. е. *требовать* повторения определенных действий, пока они не окажутся доведенными *до автоматизма* (точно так же, как при выезде лошади).

Эти присущие Г. И. Кулику здравомыслие и практицизм — связанные, в свою очередь, с предельно ясным представлением о природе армии и реалиях боя, — должны быть, безусловно, объяснены не только его личными задатками, но и тем, что перед нами бывший *унтер-офицер русской армии мирного времени*. Будучи призван в армию в 1912 г., полтавский крестьянин Григорий Кулик к лету 1914-го успел не только окончить в 9-й артиллерийской бригаде учебную команду (которая и готовила унтер-офицеров), но и получить уже второе унтер-офицерское звание — старшего фэйсверкера. А в учебных командах русской армии начала XX в. — при помощи

⁴⁷ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 258–260.

⁴⁸ Ольховский П. Военное воспитание // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. (Российский военный сборник. Вып. 13). М., 1997. С. 199.

⁴⁹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 259.

⁵⁰ Бутовский Н. Воспитательные задачи командира роты // Военный сборник. 1885. Т. 161. № 2. С. 312.

жесточайшей, неослабной требовательности — выковывали именно прекрасных *специалистов-практиков* — не просто знавших свое дело *конкретно* и *досконально*, во всех подробностях, но и умевших применять свои знания *на практике*. Так, «фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически и, в особенности, практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира [...] Фейерверкеры были незаменимыми помощниками офицеров и служили примером для всех солдат батареи в смысле практических знаний службы, сознания долга и самоотверженности»⁵¹. Особенности подготовки и службы не могли не вырабатывать у унтер-офицеров и соответствующего — назовем его *здорово-практическим* — взгляда на военное дело вообще.

Подобный *здорово-практический* подход в значительной степени оказался утраченным в советской России, где стала господствовать доктрина революционной интеллигенции — привыкшей преувеличивать значение такого (безусловно, важного) фактора как «идейность». Политизация любой проблемы, противопоставление «сознательности» профессионализму стали характерными чертами большевистского стиля руководства. «Увлекаться муштрой нам не следует, у нас сознательные бойцы, они без нас в бою выставляют лозунги «За Родину», «За Сталина», — настаивал командарм 2 ранга К. А. Мерцков еще на совещании при ЦК ВКП (б) 16 апреля 1940 г., утверждая, что бойца нужно лишь «хорошо обучать» (правда, не объясняя, почему при всей своей «сознательности» рядовой нехотинец в РККА все еще «недоучен»). «Я откровенно скажу — не был «унтером» и фельдфебеля не любил», — сделал более чем существенное, на наш взгляд, добавление Мерцков — в русской армии, кстати, вообще не служивший...

«Но мастерами они должны быть», — напомнил призвавшему не муштровывать красноармейцев Мерцкову бывший старший фейерверкер Г. И. Кулик⁵². «С марксизмом в бой не пойдешь», — подчеркивал, командуя в 1935–1937 гг. 37-й стрелковой дивизией и сократив в ней количество часов политзанятий, бывший младший фейерверкер 2-го отдельного артиллерийского дивизиона (и будущий маршал Советского Союза) И. С. Конев⁵³. Тот же *здорово-практический*, «унтерский» взгляд на вещи чувствуется и в цитировавшемся уже выступлении 21 ноября 1937 г. маршала Советского Союза С. М. Буденного — бывшего старшего унтер-офицера Приморского драгунского и 18-го драгунского Северского полков: «Не надо заниматься высокими материями, а нужно заниматься подготовкой бойцов, отделения, взвода, роты. Рота — это тот инструмент, которым будете делать операцию противнику. Чем я буду

⁵¹ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.: Л., 1926. С. 164.

⁵² Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 148–149.

⁵³ РГВА. Ф. 3328. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 43.

оперировать? Пенсне сниму и начну ковырять противника?»⁵⁴ Вообще, увлекшись выявлением «танкистов» и «кавалеристов», у нас явно просмотрели наличие в среде высшего начсостава предвоенной Красной Армии двух других лагерей — условно говоря, «унтеров» и «комиссаров». А ведь эти лагерь расходились между собой в понимании *самых основ армии!* И в любом случае пора поставить вопрос о степени влияния на развитие РККА 1920-х — 1930-х гг. влившихся в ее комсостав *унтер-офицеров русской армии* — этих по определению здравомыслящих практиков военного ремесла, профессионализм которых не мог не толкать их на борьбу с «революционно-интеллигентским» утопизмом в армейском строительстве, борьбу за превращение «армии нового типа» в нормальную регулярную армию.

Итак, уточнение бытующих на сегодняшний день представлений о профессиональном облике Г. И. Кулика (часть которых источниками просто не подтверждается!) показывает, что изображаемый едва ли не эталоном невсестественного рубаки Г. И. Кулик:

- не только не может быть отнесен к тем, кто недооценивал значение моторизации войск и насыщения их новыми видами вооружения,
- не только не может быть назван малосведущим в военном искусстве и в военной технике,
- но и (наряду, по-видимому, с еще одним третируемым историками «конармейцем» — С. М. Буденным) должен быть признан военачальником, представлявшим себе требования современной войны куда конкретнее и реалистичнее, чем многие из его числящихся «прогрессивными» оппонентов. А это, в свою очередь, заставляет как минимум существенно скорректировать устоявшееся мнение о приходе после 1937–1938 гг. к руководству Красной Армией клана живших лишь опытом Гражданской войны невсестд-«кавалеристов».

---

⁵⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Л. 54. Л. 12.

ЮРИЙ КОРГУНЮК

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ: ОТ ОДНОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ
К ФЛУКТУАЦИОННОЙ (1989-1991)

Вопрос о применимости понятийно-концептуальных схем, разработанных учёными одних стран, к опыту других стран является разновидностью более общей проблемы – взаимоотношений теоретического обществоведения (социологии) и исторической науки. Схема, с одной стороны, всегда схематична, т. е. абстрактна, а с другой стороны, слишком привязана к тем реалиям, из которых она выросла, и поэтому, будучи перенесённой на иную почву, нуждается в известной «подгонке» к новым обстоятельствам. Однако именно опробование концептуальных схем на «чужом» материале помогает выявить в них те лакуны, натяжки и априорные допущения, которые прежде не бросались в глаза. Это создаёт предпосылки для дальнейшего развития концептуальной схемы и повышения её теоретического уровня.

Не является в данном случае исключением и тема становления партийной системы в современной России. Она точно так же не укладывается в рамки схем, предлагаемых западной политической наукой, а потому её разработка способна дать толчок развитию концептуально-понятийного аппарата партологии.

В данной статье предпринята попытка как подвергнуть пересмотру и уточнению концептуальные схемы, предложенные мировой политической наукой для характеристики партийных систем, так и использовать «ревидированные» схемы в целях конкретно-исторического исследования политических процессов в современной России. В связи с этим статья разделена на две части – «политологическую» и «историческую». В первой предлагается и обосновывается ряд новых понятий и концептуальных схем, без которых трудно объяснить суть происходящих в нашей стране событий, во второй анализируется сам процесс становления российской партийной

системы. Соответствующим образом будет различаться и научно-справочный аппарат этих двух частей. Первая будет содержать в основном ссылки на литературу, которые будут даваться прямо в тексте в квадратных скобках, вторая – в основном на источники (будут располагаться внизу страницы¹).

Теория партийных систем: критика, уточнение и ревизия существующих концепций

1. Типы партийных систем.

Нет смысла подробно останавливаться на доказательстве того, что для характеристики нынешней партийной системы России мало что даст «нумерологическая» (количественная) классификация, исходящая из числа основных участников межпартийной борьбы. Речь идёт не только о предложенном М. Дюверже делении на однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы [Дюверже: 263]. Данной классификации было явно недостаточно и для характеристики западноевропейских реалий середины XX века. Она сводила в одну категорию слишком отличающиеся друг от друга случаи, отождествляя те из них, которые были похожи друг на друга лишь чисто внешне. С другой стороны, в неё не укладывались те партийные системы, которые можно было определить как «полупартийные» либо «двухсполовинойпартийные» [Blondel 1968: 184–187; Blondel 1978: 89–99].

Но для анализа российской действительности мало что дадут и более изощрённые формулы, позволяющие оценить уровень фрагментации партийной системы, – такие, например, как «эффeктивное число партий» [Laakso and Taagera]. Как отмечал Дж. Сартори, числовой критерий в принципе целесообразно применять только к тем партийным системам, которые уже вступили в стадию структурной консолидации [Sartori 1976: 126]. В случае же со становящейся либо предельно атомизированной системой вообще не имеет смысла считать, сколько партий участвует в политике [Sartori 1976: 125].

Не укладывается российский опыт и в классификацию, предложенную самим Дж. Сартори, который расширил число критериев, характеризующих состояние партийных систем, положив в основу своей классификации характер устойчивых взаимодействий (patterned interaction) между основными участниками политического процесса. Критикуя М. Дюверже и прочих

---

¹ Ссылки на литературу по-прежнему будут даваться непосредственно в тексте в квадратных скобках.

представителей «нумерологического» подхода, он выразил неудовлетворение сведением в одну категорию — «многопартийные системы» — двух существенно отличающихся друг от друга классов: умеренного (биполярного) плюрализма и крайнего (многополярного) плюрализма. В первой, по мнению Сартори, господствуют центристские силы, во второй — центробежные; первая тяготеет к прагматической политике, вторая — к экстремистской [Sartori, 1966: 139]. Кроме того, итальянский политолог «разложил» категорию однопартийных систем на три класса — собственно однопартийные, системы с партией-«гегмоном» и системы с доминирующей партией. В итоге в предложенной им классификации число основных классов партийных систем увеличилось до семи: 1) однопартийная; 2) с партией-«гегмоном»; 3) с доминирующей партией; 4) двухпартийная; 5) ограниченный плюрализм; 6) крайний (поляризованный) плюрализм; 7) атомизированная [Sartori 1976: 138].

Для характеристики российской ситуации этой классификации не достаёт учёта третьего важнейшего момента — взаимоотношений между правящей партией (коалицией) и оппозицией. На динамику этих отношений как на один из красульных камней партийной системы первым — в середине 1960-х гг. — указал британский исследователь Гордон Смит [Smith: 362]. Его вклад, однако, не был по достоинству оценён коллегами-политологами. Между тем если попытаться применить данный критерий к современной России, выяснится одна интересная особенность, а именно — в нашей стране за весь постсоветский период до сих пор не сформировалась правящая партия (не путать с «партией власти»), так же как не было таковой и в России дореволюционной. А следовательно, применительно к нынешним реалиям следует говорить о *незавершённой* партийной системе, внутри которой партии, даже будучи представленными в парламенте, тем не менее не играют решающей роли при определении государственного курса.

Западная литература, основывающаяся на изучении опыта тех стран, в которых правящая партия — это нечто само собой разумеющееся, традиционно не придавала такого рода системам особого внимания, рассматривая их как частный казус или исторически преходящий этап в развитии партийных систем. Однако хочется заметить, что данный казус носит не такой уж частный характер, а преходящий этап порою затягивается весьма и весьма надолго. Ещё в первой половине XX в. к странам, в которых партии, даже имея легальный статус, не оказывали существенного влияния на действия верховной власти, относилось большинство государств Центральной и Восточной Европы. Это не значит, что существовавшие в них партийные системы относились к одному и тому же типу. Картина была богатой и включала самые разнообразные варианты.

Поэтому само понятие «незавершённая партийная система» требует некоторой детализации, в том числе выделения ряда подтипов, к каковым

следует отнести *флуктуационные, периферийные и псевдопартийные* системы.

Флуктуационные партийные системы в большинстве случаев возникают в моменты революционных взрывов, когда крах авторитарного режима выносит на поверхность множество образований, созданных в эйфории политического творчества и не способных ни к выстраиванию сколько-нибудь долгосрочных связей с обществом, ни к конструктивному сотрудничеству друг с другом. В принципе, в жизни любой партийной системы случаются своего рода флуктуации. Как правило, речь идёт о переломных моментах, влекущих за собой серьёзные системные изменения. Однако когда система только-только формируется, когда её, по сути, ещё нет, не остаётся ничего другого, как целиком охарактеризовать её понятием «флуктуационная».

Особенностью флуктуационных систем является отсутствие определённости в вопросе, где находится реальный центр власти. За контроль над этим центром идёт непримиримая война всех против всех. После того, как один из участников борьбы берёт властные рычаги в свои руки, флуктуационная система завершает своё существование — либо эволюционируя в систему экстремального плюрализма (в лучшем случае), либо вследствие вытеснения партий на периферию политического процесса, либо в результате установления однопартийной диктатуры, а то и вовсе ликвидации партий как таковых и наложения законодательного запрета на их деятельность.

В периферийных системах партии ведут бурную политическую деятельность (как легальную, так порою и нелегальную) и нередко даже представлены в представительных органах власти, но практически не имеют рычагов влияния на власть исполнительную. Яркий образец подобного рода — Россия 1905–17 гг., как, впрочем, и подавляющее большинство европейских стран того времени, включая относительно развитую Германию. В наше время яркий пример периферийной партийной системы представляет Белоруссия, где партии продолжают действовать, в том числе участвовать в выборах, однако сама власть носит демонстративно беспартийный характер.

Наконец, отличительная особенность *псевдопартийных* систем — возникновение «партий власти», которые могут иметь большинство в представительных органах власти, а могут и не иметь — в любом случае их декоративная сущность становится очевидной в силу «перевёрнутых» отношений с исполнительной властью. В отличие от правящих партий «партии власти» не формируют правительство и не определяют государственный курс — они сами создаются правящей бюрократией и находятся в полной от неё зависимости. В псевдопартийных системах состав и политика правительства не зависят от партийной структуры парламента, зато сама исполнительная власть пытается всеми силами поставить последний под свой контроль — если не путём победы на выборах, проводимых с большим количеством нарушений, главным из которых является активное использование т. н. адми-

нистративного ресурса, то путём закулисных сговоров и прямого подкупа депутатов. Другими словами, в такого рода партийных системах на словах никто не отрицает полезности института партий, им даже отдаётся известное предпочтение в процессе формирования парламента, партии определяют политическое лицо представительной власти, однако взять последнюю вершину — правительство — им не удаётся: их туда не пускает бюрократия, пытающаяся направить демократию в «управляемое» русло. Характерный пример псевдопартийных систем — современная Россия и некоторые другие страны СНГ (Азербайджан, Казахстан).

Наконец, в качестве подтипа незавершённой партийной системы можно рассматривать однопартийность, а также такую её разновидность как систему, строящуюся вокруг партии-«гегмона». В частности, М. Дюверже рассматривал однопартийные режимы СССР, Турции и Португалии (на 1950 г.) как своего рода ступень на пути развития полноценной демократии, характерным признаком которой он считал партийную конкуренцию [Дюверже: 344–345]. Грань между псевдопартийной и однопартийной системами и в самом деле весьма расплывчата. На определённом этапе псевдопартийная система вполне может трансформироваться в однопартийную или гегмонистскую — когда исполнительной власти удаётся полностью подмять под себя парламент, рукой подать до того, что каждому мало-мальски значимому чиновнику будет рекомендовано вступить в «партию власти», а уж тем более разорвать связи с любыми прочими организациями. С другой стороны, любая однопартийная или гегмонистская система рано или поздно может сделать шаг, преодолевающий расстояние между ней и псевдопартийной системой: когда партия слилась с государственным аппаратом, а идеологические заклинания потеряли прежнюю силу, значительные слои бюрократии начинают тяготиться партийной опекой и вполне могут пожертвовать прелестями однопартийного режима ради возможности конвертировать власть в собственность и прочих «естественных» преимуществ конкурентной борьбы.

Партийная система современной России пережила все три вышеуказанные состояния: она была и флуктуационной, и периферийной, и псевдопартийной. Будучи незавершённой, она по определению носит переходный характер, и большую часть её истории составляли именно переходы — от однопартийной системы к флуктуационной, от флуктуационной к периферийной, от периферийной к псевдопартийной. Главный вопрос в том, в каком направлении осуществляется нынешний переход — в сторону становления полноценной партийной системы или, наоборот, деградации до полной беспартийности власти и общества. Хотелось бы всё-таки иметь дело со *становящейся* партийной системой, а не с перерастанием незавершённой партийной системы в диктатуру — неважно, однопартийную или беспартийную.

2. Факторы, обуславливающие состояние партийных систем.

Определённых уточнений требуют и основные подходы к объяснению причин, обуславливающих состояние партийных систем. Таковых, по сути, два: *социологический*, который концентрирует внимание на общественных конфликтах, приводящих к размежеваниям внутри электората, и *институциональный*, последователи которого пытаются объяснить состояние партийных систем прежде всего характером избирательной системы, особенностями политического устройства (президентская или парламентская республика, федеративное или унитарное государство и т. п.), взаимоотношениями между различными ветвями власти и пр.

М. Дюверже в своём классическом труде «Политические партии» отдал дань и тому и другому подходам. С одной стороны, он видел в борьбе партий проявление присущих данному обществу «дуализмов»: политических (монархисты и республиканцы); социально-экономических (дирижисты и либералы), религиозные (клерикалы и лаицисты, протестанты и католики и пр.), этнические и национальные и пр. [Дюверже: 292–294]. С другой стороны, французский исследователь был автором знаменитого «закона Дюверже», вскрывающего связь между типом партийной системы и принятой в конкретной стране электоральной формулой. Так, на взгляд Дюверже, режим пропорционального представительства ведёт к многопартийной системе с жёсткими, независимыми и стабильными партиями; мажоритарное голосование в два тура — к многопартийной системе, партии которой характеризуются «мягкой» структурой, склонностью к альянсам и относительной стабильностью, а мажоритарное голосование в один тур — к дуалистической системе, основанной на поочередном приходе к власти двух больших независимых партий [Дюверже: 265].

Несмотря на то, что сам Дюверже пытался подходить к проблеме комплексно, его имя обычно связывают с институциональным подходом. Сторонники же подхода социологического предпочитают обращаться к «формуле Липсета—Роккана», названной по именам авторов вступления к сборнику «Политические системы и электоральные размежевания» [Lipset and Rokkan]. С. Липсет и С. Роккан (точнее Роккан и примкнувший к нему Липсет) выделили четыре фундаментальных общественных конфликта, лежащих в основе становления партийных систем Западной Европы: 1) между центром и периферией; 2) между церковью и государством; 3) между земельной аристократией и предпринимателями-промышленниками; 4) между собственниками и наёмными работниками [Lipset and Rokkan: 14]. Эта концепция обрела широкое признание и дала толчок целому потоку исследований на тему генезиса политических партий и его зависимости от структуры общественных конфликтов. Однако, как это часто бывает, популяризация

концепции привела к существенному выхолащиванию её смысла, а иногда и его искажению. Формула Липсета – Роккана оказалась сведена к простому перечислению общественных конфликтов, на основе которых происходило становление партийных систем. Кроме того, третий из этих конфликтов был заменён совершенно другим – конфликтом между городом и деревней. Однако сами С. Липсет и С. Роккан говорили именно о конфликте между лендлордами и промышленниками, которому в марксистской традиции соответствовал конфликт между феодалами и буржуазией.

Проблема была в том, что лежащая в основе знаменитой формулы концепция С. Роккана носила не теоретический, а эмпирический характер. Она вовсе не претендовала на теоретический и тем более универсальный статус. Неудивительно, что во многих «незападноевропейских» случаях эта формула попросту не «срабатывала». Но это означает лишь, что сама формула требует известного обновления, уточнения и более фундаментальной теоретической разработки.

В сущности, между социологическим и институциональным подходом нет фундаментального противоречия, поскольку они касаются разных сторон жизни партий и партийных систем. Социологический подход сосредотачивает внимание на содержании партийно-политической борьбы, тогда как институциональный – на формах, в которых она протекает. Так, институциональный подход может объяснить, почему партийная система Великобритании тяготеет к дуализму, но он бессилён, когда речь заходит о том, почему в начале XX в. на политическую сцену этой страны вышли лейбористы и почему они сумели оттеснить на задний план либералов.

Однако порою институциональный подход не очень эффективен и в собственной спархии. Так, в частности, он вряд ли способен объяснить причины сильной фрагментации и неустойчивости партийной системы в современной России. Если в стране до сих пор не возникла правящая партия, то истоки такого положения дел следует искать всё-таки не в институтах, а в состоянии самого общества. Имеющиеся же попытки объяснить нынешнее состояние российской партийной системы из особенностей «институционального дизайна» пока мало впечатляют.

Так, по мнению отечественного политолога Г. Голосова, общая неразвитость, фрагментированность и неустойчивость партийной системы современной России обусловлена прежде всего тем, что в своё время, в момент смены режима – в августе 1991 г., российские власти отказались от проведения «учредительных выборов» [Голосов 1999: 45, 62, 126–127]. В результате стимулы к членству в новых партиях были подорваны до такой степени, что «массовая политическая мобилизация 1989–1991 гг. прошла почти впустую с точки зрения генезиса организационных предпосылок партийной системы в России», и к моменту выборов в Госдуму первого созыва (декабрь 1993 г.) «ни одна из идеологических альтернатив... не располагала адекват-

ным «организационным носителем» [Голосов 1999: 50]. Не способствовал эффективному развитию партийной системы, по мнению Г. Голосова, и установленный в 1993 г. «конституционный дизайн» – режим президентско-парламентской республики, а также определенным образом сложившаяся последовательность парламентских и президентских выборов [Голосов 1999: с. 83, 92, 127]. Думские выборы, будучи «выборами второго порядка», своеобразной прелюдией к президентским выборам («выборам первого порядка»), благоприятствовали «маргинальным партиям и проблемно-ориентированным группам» и тем самым обуславливали сильную фрагментированность партийной системы [Голосов, Яргомская: 173].

Что касается непроведения «учредительных выборов» как главной причины отсутствия в России сложившейся партийной системы, то ссыла на это обстоятельство сильно отдаёт стремлением вывести суть событий из их хода и по определению не способна привести ни к чему другому, кроме как к подмене объяснения описанием, а в конечном счёте – к тавтологии: «Партийная система не сложилась потому, что... не сложилась».

Что же до особенностей российского «конституционного дизайна», то они ещё могли объяснить исход избирательных кампаний 1993 и 1995 гг., отчасти – 1999 г., однако в отношении думских выборов 2003 г. их «объяснительный» потенциал оказался исчерпан. «Дизайн» остался прежним, а итоги выборов приобрели кардинально иную окраску – сильная фрагментация партийного поля сменилась несомненной дефрагментацией. «Партия власти», неудачно выступавшая в кампаниях 1993 и 1995 гг. (в 1999 г. её успехи были более значительными, но поначалу не столь очевидными), не просто взяла реванш, а фактически подмяла под себя парламент. Что же произошло? Институциональный подход не может дать на этот вопрос ответа, поэтому корни этого изменения следует искать за его пределами, а именно в сочтании доминирующих общественных конфликтов. Что это за конфликты, как они соотносятся с теми, которые были зафиксированы Липсетом и Рокканом, – это, пожалуй, и есть главный вопрос.

Как уже отмечалось, формула Липсета – Роккана так и осталась эмпирической схемой, не доведённой до уровня теории. Не претендуя на многое в этом отношении, постараемся тем не менее пунктирно обозначить направления, по которым следовало бы развивать теоретическую сторону данной формулы, с тем чтобы рассмотреть обозначенные ею общественные конфликты как стадии единого процесса.

Если внимательно присмотреться, нетрудно обнаружить совпадение выделенных С. Липсетом и С. Рокканом конфликтов с этапами процесса модернизации.

Содержание первого этапа, сопровождаемого обострением конфликта между центром и периферией, – это выбор государственного устройства, создающего оптимальные условия для начала модернизации. Борьба идёт

между двумя формами: «механической» (империя, конфедерация) и «органической» (нация-государство).

На втором этапе выкристаллизовываются основные направления модернизации — урбанизация, индустриализация, сскуляризация, — в рамках которых предпринимаются первые шаги. Это этап экстенсивного развития, осуществляемого городским центром за счёт сельской периферии. Отсюда возникновение конфликта между «прогрессистами» и «традиционалистами», принимающего форму противостояния между городом и деревней, а в своих частных моментах — между государством и церковью, не приемлющей сскуляризации культуры и образования.

Третий этап модернизации знаменуется переходом от экстенсивного к интенсивному развитию промышленности — от мобилизации преимущественно внешних по отношению к индустрии ресурсов к более эффективному использованию ресурсов внутренних. На этом этапе происходит смена методов управления модернизационными процессами — с централизованных на децентрализованные. Монополия сменяется конкуренцией — сначала в экономике, а затем в политике. Этот переход сопровождается обострением «консервативно-либерального» конфликта — между земельной аристократией и промышленниками (феодалами и буржуазией). На первых порах конфликт охватывает только элитное меньшинство, но по мере развития — и более широкие массы населения.

Начало четвёртого этапа связано с выходом на политическую сцену большинства, требующего учёта своих интересов. На первом плане оказывается конфликт между собственниками и наёмными работниками. Линии на жёсткую конкуренцию (конфронтацию) противостоит ориентация на социальный компромисс. Социальная напряжённость сглаживается путём вмешательства государства в процесс перераспределения национального богатства — от благополучного меньшинства бедствующему большинству.

Наконец, на пятом этапе модернизации, который не вошёл в круг внимания Липсета и Роккана, поскольку начался относительно недавно, конфликт между собственниками и наёмными работниками отошёл на второй план, уступив место новому конфликту — между налогоплательщиками и бюджетополучателями. Легко заметить, что на протяжении последних трёх десятилетий наиболее жаркие политические баталии в развитых странах Запада вспыхивали не по поводу законодательного улучшения условий труда, а вокруг разного рода социальных программ, адресатами которых являются не работники, а те, кто по разным причинам не в состоянии самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию. Работники же, будучи полноценными налогоплательщиками, нередко оказывались фактически по одну сторону размежевания со своим вчерашними антагонистами — работодателями.

По ряду причин этот конфликт оказался незамеченным большинством исследователей в силу известной «затушёванности» своих проявлений. Во-

первых, на политическом уровне он не привёл к смене основных партий. Сохранение последними своих прежних названий создало иллюзию, что спор идёт практически о том же, что и пятьдесят лет назад – тем более что своим появлением конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями не в последнюю очередь обязан переустройству экономики и социальной сферы на принципах, в течение десятилетий пропагандируемых социалистами и социал-демократами.

Во-вторых, проявлению данного конфликта в общественном сознании препятствовала обозначившаяся с начала 1960-х годов конвергенция правых и левых идеологий, сопровождавшаяся обоюдным стремлением к сглаживанию различий [Thomas: 357]. При этом, как отметил Дж. Томас, именно в вопросе социального обеспечения и правые, и левые существенно сдвинулись влево, в результате чего среди европейских партий почти не осталось противников «социального государства» [Thomas: 357]. Другое дело, наверное, что левые дрейфовали влево на всех парусах, тогда как правые делали это вынужденно, идя в этом вопросе за большинством электората, а не всяды за собой.

Идиллическое единение в вопросах социального обеспечения, возможно, и сделало конфликт между налогоплательщиками и бюджетополучателями менее заметным, но отнюдь не устранило его со сцены. Уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. он проявил себя в полной мере: начавшийся в это время поворот к неоконсерватизму в Западной Европе и США можно расценивать как результат недовольства налогоплательщиков слишком масштабными социальными программами, на реализацию которых государство щедро тратило не им заработанные деньги. Теперь уже свою идеологию вынуждены были откорректировать левые, перешедшие на позиции социал-либерализма (неолиберализма в американском политическом языке), исходящего из необходимости расходовать бюджетные средства не столько на всевозможные пособия для аутсайдеров общества, сколько на системы образования, подготовки и переподготовки рабочих кадров [Согрин: 309]².

Таким образом, при характеристике любой партийной системы следует первым делом выяснить, насколько её состояние и эволюция связаны с общественными конфликтами, возникающими вокруг следующих фундаментальных проблем: 1) единство страны и статус составляющих её частей (крайние полюса противостояния – «унитаристы» и «сепаратисты»); 2) направление и содержание («смысл») общественного процесса («традиционалисты» против «прогрессистов»); 3) способ управления обществом, в первую очередь экономикой и политикой (сторонники монополии против сторонников конкуренции, консерваторы против либералов); 4) характер распределения «прибавочного продукта» между участниками производст-

---

² Подробнее о ревизии формулы Липсета – Роккана см. [Коргунюк].

всного процесса (работодатели против наёмных работников, «гарантии собственности» против «интересов трудящихся»); 5) характер перераспределения «прибавочного продукта» в масштабах общества в целом (налогоплательщики против бюджетополучателей).

Следует при этом отметить, что выходя на политическую сцену на определённом историческом этапе и затем уступая место следующему в качестве доминирующего, фундаментальные общественные конфликты никуда не исчезают — они продолжают влиять на политическую жизнь, время от времени напоминая о своём существовании, стоит только измениться соотношению противостоящих друг другу сил. Нередко в новых условиях эти конфликты приобретают новое звучание. Так, деревня, будучи хранительницей традиций, в одной ситуации может служить верным оплотом консерваторов, в другой поддержать радикальных социалистов (Россия начала XX в.), а в третьей выступить в качестве одного из отрядов бюджетополучателей (Россия 1990-х).

Кроме того, эти конфликты находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Они могут накладываться друг на друга, взаимно друг друга усиливая, а могут, наоборот, друг друга уравнивать и даже гасить. Дж. Сани и Дж. Сартори определили первую структуру общественных размежеваний как кумулятивную (*cumulative-coinciding*), вторую — как пересекающуюся (*cross-cutting*) [Sani and Sartori: 33]. Так, в регионе, где компактно проживает то или иное национальное меньшинство, обострение конфликта с остальным населением страны может погасить конфликт между собственниками и наёмными работниками. Однако непропорционально высокая доля какого-либо национального (конфессионального) меньшинства в экономической и политической элите страны, напротив, способна привести к кумулятивному наложению конфликта «центр — периферия» на конфликт «собственники — работники» и, соответственно, к их резонансному кумулятивному усилению.

Учитывая все вышесказанные моменты, попробуем проанализировать историю становления партийной системы современной России на её первом этапе — этапе разложения однопартийной системы и перехода к системе флуктуационной.

Партийная система периода распада СССР: от однопартийности к флуктуационности (1989–1991)

Как уже отмечалось ранее, партийная система дореволюционной России носила незавершённый характер. В ней так и не появилось правящей партии, а в своём развитии она прошла следующие этапы: 1) до 1907 г. — становление партийного спектра страны, завершившееся флуктуационным

взрывом и «супермногопартийностью»³ 1905–1907 гг.; 2) 1907–17 гг. – адаптация партийного спектра к существованию в условиях властной монополии императора и его бюрократии, формирование периферийной системы; 3) 1917–20 гг. – флуктуационный взрыв многопартийной жизни, перетескающий в однопартийную диктатуру. Лежащих в основе данной эволюции фундаментальных конфликтов и их взаимодействия между собой мы затрагивать не будем, поскольку это выходит за рамки исследуемой темы.

Отметим только, что возрождение российской многопартийности в конце 1980-х происходило в условиях, существенно отличавшихся от тех, что имели место в начале XX века. Другим стало общество, другими стали его проблемы и порождающие их конфликты, другими стали и партии. Однако в развитии партийных систем начала и конца столетия проявилось и кое-что общее – хотя бы то, что в обоих случаях система так и не обрела завершённого характера. Правда, траектории этого развития различались направлением. В 1907–1920-х гг. века партийная система России эволюционировала от периферийной – через флуктуационную – к однопартийной. В конце столетия – наоборот: от однопартийной – через флуктуационную – к периферийной. И если восемьдесят лет назад развитие многопартийности на этом и завершилось, то сейчас мы имеем дело с более сложным феноменом: периферийная партийная система трансформировалась в псевдопартийную.

В развитии современной российской многопартийности можно выделить три этапа: 1) с конца 1980-х гг. по август 1991 г. – переход от однопартийной системы к флуктуационной; 2) с осени 1991 г. по конец 1999 г. – переход от флуктуационной системы к периферийной; 3) с начала 2000 г. до конца 2003 г. – переход от периферийной системы к псевдопартийной. В данной статье будет рассмотрен первый этап развития – этап возрождения российской многопартийности, а точнее создания её заново.

Отличительной чертой общественно-экономической ситуации в СССР второй половины 1980-х гг. являлось кумулятивное наложение сразу нескольких взаимно усиливающих друг друга общественных конфликтов. Наиболее долгосрочный по своим последствиям характер носили два из них: 1) между государством-бюджетоуполномочителем и населением-бюджетополучателем; 2) между государством-работодателем и наёмными работниками.

Запретив частую собственность, советское государство, тем не менее, было не в состоянии уничтожить сам конфликт между собственником средств производства и наёмными работниками – оно просто заняло то место, которое ранее принадлежало капиталу. Точно так же, как и любой другой работодатель, государство было заинтересовано в снижении затрат на заработную плату и усилении эксплуатации работников. Причём, в отличие от частного собственника, оно имело возможность без оглядки на кого бы то ни было прибегать

³ Термин С. Тютюкина [Тютюкин: 79]

к помощи огромного репрессивного аппарата, тогда как работник оказывался зачастую лишён легальных возможностей для отстаивания своих прав.

Вместе с тем возможность обращения к несприккрытому насилию рано или поздно упиралась в определённые ограничения. И первым из этих ограничений было соотношение между сельским и городским населением. Если первое можно было эксплуатировать относительно безнаказанно на протяжении многих десятилетий, то со вторым дело обстояло сложнее. СССР же к 1980-м гг. превратился в «урбанизированное государство с ограниченной занятостью в сельском хозяйстве и образованным населением» [Гайдар: 330] — управлять таким обществом теми же методами, что и крестьянским можно только пока «действует инерция, вбитый десятилетиями страх перед властями» [Гайдар: 349–350]. Следует также учесть, что в новых условиях эти методы, как показал опыт собратьев по «социалистическому лагерю», да и собственный опыт (волнения 1962 г. в Новочеркасске), уже неэффективны — городское население во избежание беспорядков приходилось «подкармливать», развивая с этой целью социальные и пенсионные программы, увеличивая жилищное строительство, расширяя систему здравоохранения и т. п. Со временем возникла необходимость взять на буксир и село, «обескровленное социалистической индустриализацией» [Гайдар: 329]. Государство из коллективного лендлорда, взимателя ренты и работодателя постепенно превратилось в кормильца, посадившего себе на шею массового бюджетополучателя, каковым, по сути, стало едва ли не всё население. Конфликт между государством-работодателем и наёмными работниками (то есть трудоспособными гражданами страны) дополнился, таким образом, конфликтом между государством-бюджетополннителем (назвать его налогоплательщиком не поворачивается язык) и абсолютно всеми слоями населения, выступающими в роли бюджетополучателей.

Причём оба эти конфликта совпадали по фазе, взаимно усиливая друг друга. Иначе говоря, произошло кумулятивное наложение конфликтов, и степень их остроты зависела от того, насколько были полны закрома государства. А наполнение закромов с середины 60-х годов находилось в прямой зависимости от экспорта углеводородов, в том числе от мировой конъюнктуры цен на нефть и газ. Высокие цены 1970-х затушёвывали конфликты, переводили их в тлеющее состояние. В 1980-х цены пошли вниз, и напряжение стало нарастать, усугубляясь свойственным сознанию бюджетополучателя экономическим инфантилизмом, который по словам Т. Заславской, проявлялся в «наивной вере в якобы неограниченные материально-финансовые возможности государства», когда люди «полагают, что государство обязано и к тому же имеет возможность удовлетворить все потребности своих граждан на достойном нашего времени уровне, совершенно независимо от того, как эти граждане работают и что производят» [Заславская: 451].

Смягчение политического режима в 1950-е годы вывело на сцену ещё два конфликта: между властью и «общественностью» («монополия – конкуренция», «консерваторы – либералы») и между центром и периферией. О разгоне первого из них свидетельствовало появление правозащитного движения, а также всё более широкое распространение неофициальной городской культуры и связанного с ней неформального движения, о вызревании второго – нарастание сепаратистских настроений в национальных республиках.

Наконец, никуда не делся и конфликт между городом и деревней, просто он существенно трансформировался, в соответствии с новейшими тенденциями превратившись в разновидность конфликта между налогоплательщиками (в советском варианте – государством) и бюджетополучателями.

Определяющую роль играли, конечно, первые два конфликта – между государством и бюджетополучателями и между государством и работниками. Однако они тлели подспудно и не были так заметны. Напротив, два других конфликта – «монополия – конкуренция», «центр – периферия», – самым непосредственным образом затрагивая политически активное меньшинство, всё настойчивее пробивались на поверхность, служа своего рода тараном; в проделанную ими брешь впоследствии устремлялась социальная энергия и более широких слоёв населения.

Конфликт по линии «монополия – конкуренция» («консерваторы – либералы») вылился в противоборство интеллигенции и бюрократии, а также в противостояние внутри самого чиновничества – между традиционалистски настроенной «старой партийной гвардией» и тяготевшими к назойливой партийной опекой начальниками с более современными (то есть более либеральными) взглядами. С выходом на сцену новых политических игроков – партий – этот конфликт оформился в противостояние между руководством КПСС и демократами.

Конфликт между центром и периферией по ходу развития событий обернулся т. н. парадом суверенитетов, полноправным участником которого стала и самая главная союзная республика – РСФСР. Не вступил российское руководство в жёсткую конфронтацию с союзным центром, у демократов было бы мало шансов одолеть КПСС. С другой стороны, не дискредитируя себя руководство СССР до крайней степени в глазах наёмных работников и бюджетополучателей, союзные республики никогда не вырвались бы из-под контроля центра.

Так что если бы даже советские консерваторы не вязались в августе 1991 года в авантюру под названием «ГКЧП», власть они всё равно не удержали бы: им противостояли не просто «болтуны-интеллигенты» и «интриганы из российского руководства», а четыре масштабных общественных конфликта. Чтобы удовлетворить работников и бюджетополучателей или по крайней мере развести два этих конфликта в разные стороны, заставив их гасить, а не усиливать друг друга, необходимо было от экстенсивных методов

хозяйствования, основанных на государственной монополии, переходить к интенсивным, основанным на конкуренции. Конкуренция же объективно укрепляла позиции не руководства КПСС, а их оппонентов.

Таков был общий фон, на котором происходило становление молодой российской многопартийности, неразрывно связанное с разложением Коммунистической партии Советского Союза. По сути, это были два взаимосвязанных процесса. Чем дальше заходил процесс разложения КПСС, тем отчетливее на периферии политического процесса вырисовывались контуры новых образований, претендующих на роль полноценной оппозиции. В свою очередь, чем сильнее и влиятельнее становилась эта оппозиция, тем быстрее теряла видимость монолитности сама Компартия — тем больше становилось внутри неё течений, платформ, да и просто соперничающих друг с другом кланов и клиентел.

Всё это свидетельствовало о начавшемся разложении однопартийной системы. Вехой, с которой можно было отсчитывать начало этого процесса, следует считать выборы Съезда народных депутатов СССР (март 1989 г.), к участию в которых власть впервые согласилась допустить альтернативных, т. е. не санкционированных сверху, кандидатов.

Классической однопартийной системе в принципе противопоказана хотя бы малейшая степень свободы избирательной процедуры. Более того, даже система с партией-гегемоном, формально санкционирующая наличие иных, кроме правящей, политических партий, на самом деле не предоставляет электорату никакого выбора. Согласие на относительно свободные выборы подразумевала готовность власти уступить часть своих полномочий не зависящим от неё силам. Последующая отмена 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей и направляющей роли КПСС) являлась естественным следствием этой готовности и напрямую вытекала из согласия допустить к участию в выборах независимых кандидатов. Правящая партия тем самым сигнализировала обществу о своём намерении поступиться основополагающими постулатами однопартийной системы и с течением времени трансформироваться из единственной в доминирующую.

Надо сказать, что КПСС сделала всё возможное, чтобы обезопасить для себя процесс данной трансформации. В соответствии с новым выборным законодательством, треть депутатского корпуса Съезда народных депутатов СССР (750 человек из 2250) формировалась не непосредственно избирателями, а «общественными организациями», к которым были отнесены самые различные учреждения — от КПСС и ВЛКСМ до Академии наук СССР и Общества филателистов⁴. Конкуренции со стороны независимых общест-

---

⁴ Закон СССР об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР // Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одинадцатый созыв). 29 ноября — 1 декабря 1988 г. Стенографический отчет. М.: издание

венно-политических объединений власть могла пока не опасаться — таковых, по сути, ещё не было. Единственное исключение составил, пожалуй, Московский народный фронт, выставивший в столице 5 кандидатов [Малютин 1990: 44], один из которых — С. Станкевич — не только добился избрания, но и сделал в последующем неплохую политическую карьеру.

Подавляющее же большинство организаций, которым было позволено выдвигать депутатов, достаточно надёжно контролировались партаппаратом, и выборы (в соответствии с законом они проводились на собраниях, конференциях или пленумах⁵) носили вполне предсказуемый характер. Только в Академия наук СССР неформальным общественно-политическим группам удалось делегировать на Съезд народных депутатов академика А. Сахарова. В одномандатных территориальных и национально-территориальных округах, где на выборах впервые за шестьдесят с лишним лет баллотировался не один, а несколько соискателей, за теми или иными кандидатами только в крайне редких случаях стояла какая-либо неформальная группа или клуб избирателей — и то, как правило, лишь в крупных городах. Очень часто никакой реальной альтернативы и не было — кандидату от партаппарата противостоял такой же партчиновник, но только выдвинутый трудовым коллективом.

Существенно ограничен был и характер предвыборной агитации. Кандидаты представляли исключительно себя и не могли апеллировать к иной, кроме КПСС, политической силе. Даже газета «Московские новости», публиковавшая в ходе кампании предвыборные платформы близких ей по мировоззрению кандидатов — Г. Попова⁶, Ю. Черниченко⁷ и др., призывая избирателей принять участие во втором туре голосования (26 марта 1989 г.), не нашла более конкретных формулировок для определения своих протезе, нежели «достойные граждане и честные политические деятели»⁸.

Так что руководству КПСС не составило особых усилий добиться избрания вполне лояльного парламента. В силу сложившихся традиций власть не поощряла в депутатском корпусе политического размежевания. Нездаром представителям «радикального» демократического крыла поначалу приходилось отбиваться от обвинений в фракционности. В частности, Ю. Афанасьев приходилось настаивать на вполне «партийном» и «парламентском»

Верховного Совета СССР. 1988. С. 191; Закон СССР о выборах народных депутатов СССР//Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР... С. 215–216.

⁵ Закон СССР о выборах народных депутатов СССР//Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР... С. 216.

⁶ Московские новости. № 4 (446). 22 января 1989. С. 13.

⁷ Московские новости. № 6 (448). 5 февраля 1989. С. 9.

⁸ Обращение к читателям Общественного предвыборного совета МН//Московские новости. № 13 (455). 26 марта 1989. С. 9.

происхождении самих понятий «фракция» и «оппозиция»⁹, а А. Собчак отметил попытки охарактеризовать с помощью этих слов деятельность Межрегиональной депутатской группы¹⁰. Несмотря на то что ст. 39 регламента Съезда народных депутатов СССР допускала создание постоянных и временных депутатских групп по самым разным критериям¹¹, в действительности приоритет отдавался группам, сформированным на территориальной основе. Так, когда на IV Съезде дело, наконец, дошло до постановки вопроса о ротации Верховного Совета по фракционному признаку, руководство ВС резонно отметило, что для этого надо сначала внести изменения в Конституцию и регламент СНД¹². Действительно, ст. 52 регламента предполагала выдвижение кандидатур в ВС только собраниями депутатов от регионов¹³.

Тем не менее реального политического размежевания на Съезде народных депутатов СССР предотвратить было уже невозможно. Правда, оно коснулось лишь незначительной части корпуса парламентариев — как правило, либо «независимых» депутатов, избранных в одномандатных округах, либо выдвиженцев «прогрессивных» общественных организаций. Однако само наличие этого размежевания свидетельствовало о том, что процесс распада однопартийного режима начался.

Характерно, что первая депутатская группа Съезда, созданная по политическому признаку, назвала себя *Межрегиональной*, подчеркнув тем самым свой нетерриториальный статус. В разное время МДГ насчитывала от 200 до 388 депутатов¹⁴. Хотя правильнее было бы сказать от 388 до 200 — больше всего депутатов состояло в МДГ на момент первой конференции (29–30 июля 1989 г.). На II съезде народных депутатов (12–24 декабря 1989 г.) программное заявление МДГ подписали всего 140 депутатов¹⁵, да и из тех двое вскоре дезавуировали свои подписи, а несколько человек, как выяснилось позже, подписали документ дважды, а то и трижды¹⁶. На IV Съезде (17–27 декабря 1990 г.), где нетерриториальные депутатские группы впервые были

⁹ Текст непроизнесенного выступления Ю. Афанасьева на I Съезде народных депутатов СССР // Первый съезд народных депутатов СССР. Т. IV. С. 113.

¹⁰ Московские новости. № 40 (482). 1 октября 1989. С. 2.

¹¹ Регламент народных депутатов и Верховного Совета СССР // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. № 29. 27 декабря 1989. С. 765.

¹² Доклад И. Лантёва об обновлении (ротации) состава Верховного Совета СССР. 26 декабря 1990 г. // Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. С. 58.

¹³ Регламент народных депутатов и Верховного Совета СССР. С. 768.

¹⁴ О ней см.: А. Василевский. Демократы в парламенте // Панорама. № 8. Сентябрь 1989.

¹⁵ Выступление Ю. Афанасьева на II Съезде народных депутатов СССР. 21 декабря 1989 // Второй съезд народных депутатов СССР. С. 398–399.

¹⁶ Выступление Г. Крючкова на II Съезде народных депутатов СССР. 23 декабря 1989 // Второй съезд народных депутатов СССР. С. 251.

зарегистрированы непосредственно в ходе пленарного заседания, численность МДГ составила 229 человек¹⁷.

В числе лидеров МДГ (сопредседателей Координационного совета) были известный диссидент академик Андрей Сахаров, будущий российский президент Борис Ельцин, один из будущих лидеров «ДемРоссии» Юрий Афанасьев, будущий мэр Москвы Гавриил Попов, а в руководство вошли будущие партийные лидеры: Николай Травкин (Демократическая партия России), Юрий Черниченко (Крестьянская партия России), Александр Оболенский (Социал-демократическая партия России), Тельман Гдлян (Народная партия России). По мере развития демократических процессов политическая ориентация МДГ приобретала все большую радикальность, и в конце 1989 г. по призыву А. Сахарова¹⁸ большинство её членов фактически объявило себя оппозицией, обнародовав упомянутое выше программное заявление, содержащее требования отменить шестую статью Конституции СССР (о «руководящей роли КПСС»), обеспечить независимость Совета министров СССР от ЦК КПСС, перейти к «подлинно рыночному хозяйствованию и к самостоятельности предприятий», приступить к «скорейшей выработке нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик», отказаться от «конституционно закреплённой государственной монополии... на средства производства» и пр.¹⁹

МДГ была достаточно аморфным образованием как в идейном, так и, ещё более, в организационном плане. Это признавали и её собственные представители. Так, в ноябре 1989 г. Н. Травкин отмечал: «Мы – группа единомышленников, ... но работающей группой нас назвать всё ещё нельзя. За всё время существования группы она собиралась дважды. Оба собрания превратились в митинги»²⁰. А в январе 1990 г. Г. Попов, ссылаясь на аморфное состояние группы и на появление внутри неё «центров поляризации», не исключал возникновения в рамках МДГ самостоятельных фракций, причём это, по его мнению, был бы оптимальный вариант, альтернативой которому могло стать только сохранение прежнего хаоса²¹. В группе отсутствовала какая бы то ни было фракционная дисциплина, поскольку её члены

---

¹⁷ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.

¹⁸ Выступление А. Сахарова на собрании МДГ 14 декабря 1989 // Московские новости. Специальный выпуск ко дню смерти А. Сахарова. 17 декабря 1989. С. 4.

¹⁹ Выступление Ю. Афанасьева на 11 Съезде народных депутатов СССР 21 декабря 1989... С. 398–399.

²⁰ Травкин, Н. Сначала надо было размежеваться // Московские новости. № 46 (488). 12 ноября 1989. С. 11.

²¹ Попов Г. Депутатский плюрализм. Межрегиональная группа в пути // Московские новости. № 1 (495). 7 января 1990. С. 6.

с самого начала договорились жить по принципу «никто никого не обязывает при голосовании, каждый голосует по совести»²².

Тем не менее вклад МДГ в формирование многопартийности был весьма существенным. Разработанные её членами документы послужили базой для политических программ будущих партий и движений. В частности, предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия» (январь 1990 г.) упоминала документы МДГ в качестве одного из идейных источников, определяющего «общую политическую ориентацию» ДР²³. Именно в недрах МДГ были подготовлены многие законодательные инициативы, коренным образом менявшие характер существующего режима. Сами её сторонники в качестве таковых отмечали изменение (отмену) 6-й статьи Конституции СССР (о руководящей и направляющей роли КПСС), демократизацию избирательной системы, земельную реформу, выработку механизма перехода к рынку, легитимизацию многопартийности и т. п.²⁴ Значительная часть этих положений была реализована Съездом – несмотря на то, что большая часть его корпуса отнюдь не принадлежала к сторонникам МДГ.

Кроме того, самим своим появлением МДГ подтолкнула дальнейшее политическое структурирование депутатского корпуса. Кстати, именно в этом и видели предназначение группы некоторые её представители, в частности Ю. Болдырев, ставивший перед МДГ задачу «максимально способствовать созданию других парламентских групп и, вступая в коалиции с различными объединениями депутатов, добиваться большинства по всем важнейшим вопросам»²⁵.

В виду своей относительно небольшой численности (которая на протяжении 1990–91 гг. только уменьшалась), МДГ не могла создавать серьёзной угрозы доминирующему положению КПСС, в руках у которой были сосредоточены все рычаги управления парламентом. Следует, однако, отметить, что это положение обеспечивалось не столько политическими, сколько чисто административными методами. Власть легко манипулировала «агрессивно-послушным», по выражению Ю. Афанасьева²⁶, парламентским большинством, однако показателен тот факт, что на IV Съезде (17–27 декабря),

---

²² Выступление П. Осипова на круглом столе в журнале «Народный депутат». – На пути к парламентским фракциям. Депутатские группы Верховного Совета СССР: сегодня и завтра//Народный депутат. № 1 (546). 1991. С. 18.

²³ Предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия»//БД «ПартАрхив».

²⁴ Логунов В. Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции//Народный депутат. № 12 (539). 1990. С. 22–23.

²⁵ Московские новости. № 1 (495). 7 января 1990. С. 6–7.

²⁶ Выступление Ю. Афанасьева на I Съезде народных депутатов СССР 27 мая 1989//Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 224.

когда право депутатов на политическое самоопределение уже не подвергалось никакому сомнению, в *группу депутатов-коммунистов* записалось менее трети всего парламентского корпуса — 730 человек²⁷. И это при том, что подавляющее большинство нардепов всё ещё оставалось членами КПСС. При этом фракцию на платформе КПСС отличала блеклость политического лица и оборонительный стиль поведения — она не столько отстаивала линию партийного руководства, сколько механически следовала его решениям.

Роль главных оппонентов Межрегиональной депутатской группы играли не коммунисты, а другая парламентская фракция — образованная в феврале 1990 г. *депутатская группа «Союз»*. На III Съезде (12–15 марта 1990 г.) в её состав записалось более 300 депутатов²⁸, а на IV (17–27 декабря 1990 г.) — 561²⁹, и она являлась второй по численности после группы коммунистов. Идеологической платформой группы являлось требование сохранения СССР в виде федеративного государства и недопущение отделения союзных республик³⁰. Оппоненты группы определяли её идеологию как имперскую³¹. Сами лидеры «Союза» утверждали, что в группу вошли депутаты «самых разных политических и экономических ориентаций», объединённых стремлением «отстаивать Союз Советских Социалистических Республика как единое, суверенное государство, великую многонациональную культурно-историческую коалицию наций и народностей»³². При этом представители группы отмечали, что «почти полностью согласны с Межрегиональной группой по вопросам перехода к рыночной экономике»³³, подчёркивали центристский характер своей политической ориентации и не уставали напоминать, что в основу платформы «Союза», «по сути, положена Всеобщая декларация прав человека»³⁴.

Надо признать, однако, что плюрализм в группе был отнюдь не безграничным, уместаясь в достаточно жёсткие рамки, определяемые формулой: «[Мы]... за перестройку, против возврата к старому, к сталинско-брежневским порядкам. Но мы и против того, чтобы под видом перестройки осуществлять,

²⁷ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.

²⁸ Выступление Ю. Блохина на III Съезде народных депутатов СССР 13 марта 1990 // Высочередной Третий Съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 г. Стенографический отчет. Т. I. М.: издание Верховного Совета СССР, 1990. С. 133.

²⁹ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.

³⁰ Там же.

³¹ Выступление Г. Старовойтовой на II Съезде народных депутатов РСФСР // Российская газета. № 26–27. 11 декабря 1990. С. 4.

³² Выступление Ю. Блохина на IV Съезде народных депутатов СССР 17 декабря 1990 // ствёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 111.

³³ Выступление Ю. Блохина на круглом столе в журнале «Народный депутат». — На пути к парламентским фракциям. Депутатские группы Верховного Совета СССР: сегодня и завтра // Народный депутат. № 1 (546). 1991. С. 18.

³⁴ Комаров Г. Платформа «Союза» // Народный депутат. № 16 (543). 1990. С. 20–24.

по сути, контрперестроечный процесс, ведя дело к развалу страны, к её превращению в ряд слаборазвитых удельных княжеств с полуфашистскими диктаторскими режимами»³⁵. На учредительном же съезде Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней «Союз» (2 декабря 1990 г.) политическое лицо данного объединения определилось ещё более чётко: его участники выступили за сохранение прежнего названия страны «Союз Советских *Социалистических* Республик»³⁶ (при том что руководство Съезда уже согласилось изменить его на «Союз *Суверенных* Советских Республик»). А в преддверии референдума 17 марта 1991 г. всесоюзное объединение «Союз» вошло в состав «рабочего совещания» общественно-политических организаций, выступивших за «сохранение СССР как федерации» и «подтверждение социалистического выбора многонационального советского народа», — наряду с Компартией РСФСР, Объединённым фронтом трудящихся, Марксистской платформой в КПСС, Движением коммунистической инициативы, Всесоюзным обществом «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы» и др.³⁷

К моменту проведения IV Съезда (17–27 декабря 1990 г.) руководство страны окончательно смирилось с неизбежностью фракционного дробления парламента, и новые депутатские группы посыпались как из рога изобилия. Большинство из них, правда, создавалось по профессиональному, половозрастному, корпоративному признаку либо объединялось вокруг какой-нибудь общественно значимой проблемы. На IV Съезде были зарегистрированы, в частности, следующие группы: экологическая (220 депутатов), молодых народных депутатов (125), воинов-интернационалистов (52), содействия научно-техническому прогрессу (90), рабочих (более 400), аграрников (431), женщин («Жизнь»; 216)³⁸, по вопросам культуры (112), научно-промышленная (87), академическая (87)³⁹, медиков («За охрану здоровья народа»; 82), лекторов («Знание»; 56), сразу две группы военнослужащих — «Отечество» (124) и «За радикальную военную реформу» (50)⁴⁰.

Создавались, однако, и группы, сплотившиеся вокруг определённых политических целей — например, «За конструктивное сотрудничество» (153 депутата) или «За гражданское общество» (38)⁴¹. Впрочем, по своим установкам они мало отличались от того же «Союза» или группы коммунистов.

³⁵ Там же, с. 113–114.

³⁶ Выступление Ю. Блохина на IV Съезде народных депутатов СССР. 24 декабря 1990 // Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 165.

³⁷ Заявление общественно-политических организаций и движений социалистического выбора // Народный депутат. № 3 (548). 1991. С. 30–31.

³⁸ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.

³⁹ Там же. С. 446.

⁴⁰ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. III. С. 65.

⁴¹ Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. II. С. 422.

Так, группа «За конструктивное сотрудничество» выступала за прекращение «войны законов» между центром и союзными республиками, за «пресечение нарушений прав человека на всех уровнях» (имелись в виду прежде всего противники отделения от СССР в прибалтийских республиках), за «осторожность» при проведении приватизации промышленности и привлечении иностранных инвесторов, за защиту отечественных производителей от иностранных конкурентов и пр.⁴² А группа «За гражданское общество» ставила своей целью противостояние «национальному обособлению» и «национальному эгоизму», а также определение в новом Союзном договоре достойного места «общности советских людей» в лице «многонационального суверенного Союза СССР» (во главу угла группа ставила «идею гражданского общества с равными правами для всех, вне зависимости от национальности, расы, территории, где живёт человек»)⁴³.

Таким образом, уже в рамках союзного парламента было очевидно, что характер противостояния на политическом пространстве страны в описываемый период определялся конфликтами по линии «консерватизм – либерализм» и «центр – периферия» («унитаризм – сепаратизм»), наложение которых друг на друга приводило к их взаимному усилению. Причём если поначалу ведущую роль играл первый конфликт, то впоследствии он уступил своё место второму. В выигрышном положении изначально находились сторонники консерватизма и унитаризма, тогда как их оппоненты, внося на первых порах весомый вклад в изменение политической системы, в дальнейшем лишь утрачивали свои позиции.

В этих условиях у КПСС не возникало проблем с удержанием за собой статуса правящей партии. В общем и целом план её руководства по трансформации однопартийной системы в систему с доминирующей партией можно было бы считать осуществившимся, если бы не одно «но». Это «но» заключалось в том, что Съезд народных депутатов СССР не был единственной площадкой, на которой разворачивались политические баталии.

В марте 1990 г. прошли выборы в парламенты союзных республик, причём эти выборы носили гораздо более свободный характер, чем предыдущие. Во-первых, они целиком проводились по мажоритарной системе в два тура. Во-вторых, если в начале 1989 г. эмансипация общества выливалась лишь в создание единичных неформальных групп, то к началу 1990-го дело дошло до формирования избирательных объединений общенационального масштаба. Так, в ходе выборов на Съезд народных депутатов РСФСР (первый тур – 4 марта, второй – 16 марта) множеством местных и межрегиональных организа-

---

⁴² Выступление А. Крайко на IV Съезде народных депутатов СССР 19 декабря 1990 // Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 270–271.

⁴³ Выступление В. Самарина на IV Съезде народных депутатов СССР 21 декабря 1990 // Четвёртый Съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 542–544.

ций был учреждён предвыборный блок «Демократическая Россия» — типично интеллигентское по своему социальному составу образование с типично интеллигентскими организационными структурами (клубы единомышленников) и типично интеллигентской идеологией (широкая социальная демократия с акцентом на демократической составляющей — в силу того, что социалистические идеалы были уже изрядно дискредитированы правящим режимом; в литературе эта идеология именуется также «основной демократической» [Голосов 1999: 37]). Среди главных требований демократов были провозглашение суверенитета Российской Федерации, разработка и принятие демократической Конституции РСФСР, отказ от двухступенчатой системы «Съезд — Верховный Совет», отмена 6-й статьи Конституции СССР, гарантии прав на создание партий и общественных организаций, принятие демократического закона о печати, введение контроля над деятельностью КГБ со стороны выборных органов власти и ограничение его функций защитой международной безопасности, «безотлагательное создание эффективного рыночного сектора», «законодательное закрепление права граждан на гарантированный минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен», передача земли в бессрочную аренду и частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом, возвращение храмов верующим и пр.¹⁴

При этом в ходе предвыборной кампании демократы проявили недюжинные способности к самоорганизации. Даже их противники признавали, что те «проделали поистине колоссальную работу»: «Создали всесоюзную организацию избирателей, подготовили мощную информационную структуру.... Москва буквально была заполнена разного рода листовками, воззваниями, призывами. То же самое было и в Ленинграде»¹⁵. Правда, не в силах признать заслуженный характер победы демократов, их оппоненты были склонны объяснять её поддержкой «деструктивных сил» — «воротил теневой экономики, мафиозных кругов»¹⁶. Но это были обычные отговорки проигравших. Тем более что среди претензий к демократам были и вовсе абсурдные. Им, в частности, вменялось в вину, что за их кандидатов агитировали представители Межрегиональной депутатской группы: «МДГ всеми силами проталкивала нужных ей людей, вплоть до использования авторитета своих лидеров»¹⁷. В чём же ещё заключалась предвыборная борьба, как не в «проталкивании» своих кандидатов и агитации против чужих?

---

¹⁴ Предвыборная программа избирательного блока «Демократическая Россия»//БД «ПартАрхив».

¹⁵ Чем доволен В. Скрипко? (Интервью председателя ассоциации «Объединённый совет России» Виталия Петровича Скрипко)//Народный депутат. № 7 (534). 1990. С. 54.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 56.

Основным оппонентом демократов на российских выборах была, естественно, КПСС, образовавшая под своим патронажем *«Блок коммунистов и беспартийных»*. Фактически, правящая бюрократия опиралась на административные структуры и для ведения пропаганды использовала официальные средства массовой информации. Весьма показательным был тот факт, что предвыборная платформа блока была изложена в совместном обращении Российского бюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета министров РСФСР, а изложение велось от лица Российской Федерации в целом. Власть пыталась представить себя сторонницей перехода союзных республик «на самофинансирование и самоуправление», «эквивалентного межреспубликанского обмена», полномочного распоряжения РСФСР своим экономическим потенциалом и сырьевыми ресурсами, «решальной самостоятельности автономных образований, повышения их возможностей», «согласия, гражданского мира в стране», «всемерного укрепления порядка и законности», «ускорения жилищного строительства и улучшения качества жилья», расширения сети больниц, школьных, оздоровительных и культурно-просветительных учреждений, конструктивного общественного диалога и т. п. ⁴⁸ — в общем выступала за всё разумное, доброе, вечное. Исключением послужили разве что вопросы экономической реформы, где позиция правящей партии проявилась во всей своей двойственности: «Выступая за развитие трудовой и кооперативной деятельности, мы призываем местные Советы усилить борьбу с теневой экономикой, спекуляцией, с теми, кто паразитирует на трудностях, с явлениями, которые усиливают напряжённость, ведут к падению нравов. Мы — за хозрасчёт... Но он не должен быть фактором местнической замкнутости, препятствием для взаимовыгодных процессов» ⁴⁹.

Красной нитью через агитационные материалы коммунистов проходила мысль о необходимости преемственности в реформировании страны, а по сути — на необходимости сохранения рычагов управления в руках прежней власти. Идеология КПСС таким образом неизбежно приобретала консервативно-охранительный характер. И хотя к этому времени эффективность старых методов партноменклатуры заметно снизилась (а новые она так толком и не освоила), кое-какой запас прочности у неё оставался.

Наконец, «третьей силой» на этих выборах попыталось выступить «державно-патриотическое» течение, оформившееся в феврале 1990 г. в избирательное объединение *«Блок общественно-патриотических организаций "За политику народного согласия и российского возрождения"»*. Костяк блока составила ассоциация «Объединённый совет России», включавшая в основном

---

⁴⁸ К народам Советской России. Обращение Российского бюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР // Правда. № 26 (26109). 26 января 1990.

⁴⁹ Там же.

малоизвестные организации – Всероссийский фонд культуры, Общественный комитет спасения Волги, Товарищество русских художников, Российское отделение Международного фонда славянской письменности и славянской культуры, Союз духовного возрождения Отечества⁵⁰. КОСР примкнули также Ассоциация любителей русской словесности и искусства, Фонд восстановления Храма Христа Спасителя, клуб народных депутатов СССР и избирателей «Россия», Объединённый фронт трудящихся (последний, по словам организаторов блока, привнёс в его платформу «идеи социальной справедливости, борьбы с коррумпированной номенклатурой и мафией»⁵¹) и др.

Социальную базу «патриотического» блока так же, как и в случае с демократами, составила интеллигенция, но интеллигенция особого толка. В отличие от интеллигентского «мейнстрима» и от номенклатуры она была воодушевлена идеями «национального возрождения России – экономического, политического, духовного»⁵². Предвыборная программа объединения носила, по сути, национал-большевистский характер: она требовала создать в РСФСР собственную систему административно-хозяйственного управления, «воссоздать» в составе КПСС Российскую компартию, создать «полноценную Российскую академию наук» и Гостелерадио РСФСР, вынести за пределы Москвы административный центр СССР, прекратить передачу в союзный бюджет средств на «дотации и... искусственное повышение уровня жизни в других союзных республиках», взимать плату за пребывание на территории РСФСР союзных организаций и ведомств, вести борьбу с «дискриминацией выходцев из Советской России в союзных республиках», принять закон о нравственности, «защищающий от засорения духовной среды и уголовно наказывающий проповедь культа бесстыдства и произвола», перейти к принципу пропорционального представительства наций и народностей в законодательных и исполнительных органах власти⁵³. В экономической сфере блок выступал за «деатомизацию отечественной электроэнергетики», решение проблемы собственности только через всенародный референдум, безотлагательную денежную реформу для изъятия материальных ценностей из «теневой» экономики, введение прогрессивного налога на наследство, против продажи земли и эксплуатации наёмного труда в сельском хозяйстве, введения свободных зон торговли, концессий, создания «совместных предприятий неокOLONиального типа» и т. п.⁵⁴

Претендуя на роль «третьей силы», центра между демократами и КПСС,

⁵⁰ Чем недоволен В. Скрипко?... С. 55.

⁵¹ Чем недоволен В. Скрипко?... С. 55.

⁵² Там же.

⁵³ За политику народного согласия. Предвыборная платформа блока общественно-патриотических движений России // Литературная Россия. № 6 (1410). 9 февраля 1990.

⁵⁴ Там же.

«патриоты» попытались противопоставить себя обоим основным участникам данной избирательной кампании как традиционалисты прогрессистам. Причём, поскольку в идеологии «Демократической России» прогрессистский аспект был выражен более чётко, то и основными оппонентами «патриотов» стали именно демократы. Лидеры блока прямо объявляли себя «альтернативой так называемым левым радикалам, левым демократам», которые в их глазах представляли как «самые настоящие правые, по существу, внутренняя реакция буржуазного толка»⁵⁵.

Избиратели, однако, не восприняли предлагаемую им альтернативу «традиционализм — прогрессизм». В глазах электората «патриоты» оказались добровольным помощником партноменклатуры, тем более что они и не скрывали своей приверженности «укреплению общественной собственности на средства производства, укреплению социализма» и выступали «против бездумного разрушения сложившихся народнохозяйственных управленческих структур»⁵⁶. Да и сам факт членства в блоке ортодоксально-коммунистического Объединённого фронта трудящихся говорил сам за себя. В итоге «патриоты» стали «третьим лишним» в развёртывавшемся противостоянии и не смогли провести в российский парламент ни одного кандидата.

Если при формировании союзного парламента КПСС удалось без особого труда обеспечить себе статус доминирующей партии, то результаты выборов на Съезд народных депутатов РСФСР были для неё куда менее утешительными. Расстановка сил в российском парламенте свидетельствовала о том, что процесс разложения однопартийной системы зашёл весьма далеко.

Во-первых, в отличие от союзного парламента, на российском Съезде нетерриториальные депутатские группы стали создаваться практически сразу. Большинство из них носило профессиональный, корпоративный, половозрастной и т. п. характер: «Продовольствие и здоровье» (с V Съезда — «Аграрный союз», на I Съезде 183 депутата, на V Съезде — 113⁵⁷), по вопросам воспитания, образования, науки и культуры (71), медицинских работников (97), Федерации независимых профсоюзов РСФСР (89), от Вооружённых сил, КГБ, офицеров запаса (55), «Чернобыль» (69), от автономных республик (83 депутата; с V Съезда — «Суверенитет и равенство», 51 депутат⁵⁸), журналистов («Гласность»; 51), правовых работников (65), работников транспорта, связи и информатики (51), по проблемам беженцев и защите прав российских соотечественников (51), специалистов по экономике и управлению (61) и даже «За возвращение гражданства Солженицыну»

⁵⁵ Чем недоволен В. Скрипка?... С. 55.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября — 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁵⁸ Там же.

(53)⁵⁹. Однако не было недостатка и в собственно политических фракциях. Причём расклад сил оказался отнюдь не в пользу КПСС.

Формально почти 90 % народных депутатов РСФСР — 917 человек — были членами Компартии⁶⁰, однако во фракцию «Коммунисты России» на I Съезде (16 мая — 22 июня 1990 г.) вошло только 355 человек⁶¹ (из 1050). И если в союзном парламенте относительная немногочисленность группы коммунистов (менее трети депутатского корпуса) ни в каком случае не свидетельствовала об утрате контроля за рычагами управления, то со Съездом народных депутатов РФ ситуация обстояла совершенно иным образом. Здесь было необходимо именно большинство — без него не могло быть и речи о реальном доминировании.

Однако точно так же не могли претендовать на доминирующую роль и оппоненты КПСС — демократы. Во-первых, блок «Демократическая Россия» провёл в парламент ещё меньше своих представителей — около 300. Во-вторых, избранные при поддержке «ДемРоссии» депутаты, вместо того чтобы консолидировать свои силы в рамках единого объединения, сразу же разбились на несколько фракций: собственно «Демократическую Россию» (66 депутатов), «Беспартийных депутатов» (61 депутат; на V Съезде — 53⁶²), «Рабоче-крестьянский союз» (72 депутата; со II Съезда — «Рабочий союз России»), «Смену» (51)⁶³, «Демократическую платформу в КПСС» (61 депутат⁶⁴; со II Съезда — Объединённая фракция социал-демократов и республиканцев), «Демократическую автономию» (26), созданную в пику блокировавшейся с коммунистами группе депутатов от автономных республик⁶⁵, «Радикальных демократов» (55)⁶⁶ и др. Причём многие из депутатов входили сразу в несколько фракций, благо временный регламент СНД это позволял — его 6-я статья в этом плане фактически копировала ст. 39 Регламента СНД и Верховного Совета СССР⁶⁷.

---

⁵⁹ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Бюллетень № 25. М.: изд. Верховного Совета РСФСР. С. 28.

⁶⁰ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 г. Стенографический отчёт. Т. III. М.: изд-во «Республика», 1992. С. 173, 301.

⁶¹ Там же.

⁶² Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10—17 июля 1991 г., 28 октября — 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 г. Стенографический отчёт. Т. III. С. 301—302.

⁶⁵ Там же, С. 262.

⁶⁶ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 г. Стенографический отчёт. Т. IV. М.: изд-во «Республика», 1992. С. 95.

⁶⁷ Временный регламент Съезда народных депутатов РСФСР // Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 552.

Лишь на II Съезде, уже после создания движения «Демократическая Россия», большинство представителей этих фракций подтвердило свою принадлежность к ДР и образовало одноименный парламентский блок, объединивший лишь немногим более 200 человек. Кроме того, парламентские демократы отнюдь не спешили формировать единую внеспарламентскую структуру – напротив, они как будто специально начали дробить свои силы, принимая активное участие в создании многочисленных партий: Демократической партии России, Социал-демократической партии РФ, Республиканской партии РФ, Российского христианского демократического движения, Конституционно-демократической партии – Партии народной свободы, Крестьянской партии России, Народной партии России и др.

Характерно, что если общая численность фракций, чётко обозначивших свою принадлежность к демократическому флангу, не превышала 200 человек, то даже осенью 1991 г. лишь незначительное меньшинство из них – немногим более 50 человек – являлись членами тех или иных партий, в том числе 13 – Народной партии «Свободная Россия» (бывш. ДПКР), 12 – РХДД, 8 – РПРФ, по 6 – ДПР и СДПР, по 2 – КДП-ПНС, Крестьянской партии России, НПР и СвДПР⁶⁸. Весной того же года их было ещё меньше: по сведениям оппонентов демократов, на тот момент 7 депутатов состояло в РПРФ, по 3 – в СДПР, СвДПР и РХДД, по 2 – в ДПР и КДП-ПНС⁶⁹. Кроме того, около 50 «постоянных», т. е. не принадлежавших ни к каким другим объединениям членов фракции «Демократическая Россия» (в их число входили и многие представители указанных партий), ассоциировало себя с одноименным движением.

Стоит также отметить, что и сами по себе депутатские объединения российского парламента 1990 г. представляли собой «не столько фракции в общепризнанном значении данного понятия, сколько своеобразные “политические клубы”, объединявшие людей, более или менее симпатизировавших друг другу, но отнюдь не обязательно готовых к совместным действиям» [Сергеев, Беляев, Бирюков и Гусев: 54]. Ещё на первом Съезде лидер ДПР Н. Травкин, раздосадованный несогласованностью действий депутатов от «Демократической России», объявил о намерении немедленно приступить к созданию партийной фракции⁷⁰, однако, как показал дальнейший ход событий, из его затеи так ничего и не вышло. Исключением из общего правила можно считать разве что только созданную на II Съезде (27 нояб-

---

⁶⁸ Поправки Г. Точкина к справке пресс-центра ВС РСФСР о партийной принадлежности народных депутатов РСФСР//Панорама, № 3 (30), декабрь 1991 г.

⁶⁹ Г. Бекин. У политической карты Съезда//Советская Россия. № 100 (10551). 22 мая 1991. С. 3.

⁷⁰ Выступление Н. Травкина на I Съезде народных депутатов РСФСР 9 июня 1990//Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 69.

ря – 15 декабря 1990 г.) Объединённую парламентскую фракцию социал-демократов и республиканцев, да и та набирала необходимые 50 человек лишь за счёт привлечения депутатов, не являвшихся членами СДПР либо РНПФ. Не случайно после введения осенью 1991 г. правила «один депутат – одна фракция»⁷¹ эта фракция не смогла удержать в своих рядах нужное для перерегистрации количество депутатов.

Так что на утверждения о том, что после августа 1991 г. идеологические и организационные предпосылки партийной системы «подверглись эрозии» [Голосов 1999: 126–127], можно с полным основанием возразить: а так ли уж значительны были эти предпосылки? Было ли, по большому счёту, чему эродировать?

Так или иначе, решающую роль в том, на чьей стороне – демократов или КПСС (радикалов или консерваторов) – окажется перевес, должны были сыграть депутаты, не входящие ни в один из этих лагерей. А расстановка сил на Съезде народных депутатов РСФСР была такова. К «Коммунистам России» примыкали группы «Организаторы народного хозяйства» (образована на II Съезде; с III Съезда – «Промышленный союз»⁷²; при создании насчитывала 52 депутата, на V Съезде – 58 депутатов⁷³), «Продовольствие и здоровье» (с V Съезда – «Аграрный союз»), «Россия» (создана на II Съезде; при регистрации имела 87 депутатов [Прибыловский 1993: 25]; на V Съезде – 74⁷⁴), «Отчизна» (образована на IV Съезде; 140 депутатов⁷⁵; на V Съезде – 70⁷⁶). В блок «Демократическая Россия», кроме одноимённой фракции, в разное время входили депутатские группы «Радикальные демократы», «Беспартийные депутаты»⁷⁷, Объединённая фракция соци-

⁷¹ Постановление Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений во Временный регламент Съезда народных депутатов РСФСР». 25 октября 1991 // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39469.html.

⁷² Третий (всочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 28 марта – 5 апреля 1991 г. Стенографический отчёт. Т. III. М.: изд-во «Республика», 1992. С. 90.

⁷³ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁷⁴ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁷⁵ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. 21–25 мая 1991 г. Стенографический отчёт. Т. III. М.: изд-во Верховного Совета РСФСР, 1991. С. 127–128.

⁷⁶ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁷⁷ Несмотря на относительно «безобидное» название, «Беспартийные депутаты» придерживались весьма радикальных антикоммунистических позиций: они требовали «департизации армии, КГБ, МВД, прокуратуры, суда, арбитража, государственных предприятий народного хозяйства, культуры и образования» и солидаризовались с идеей референдума «о политическом суде над руководством ВКП (б) – КПСС,

ал-демократов и республиканцев, «Российский союз» (создан на II Съезде по инициативе лидеров РХДД и КДП-ПНС В. Аксючица и М. Астафьева⁷⁸, движимых, по оценке В. Прибыловского, «честолюбивым желанием... иметь собственную депутатскую группу»; насчитывал 52 депутата [Прибыловский 1993: 30]) и «Левый центр» (образован на II Съезде⁷⁹; 57 депутатов [Прибыловский 1993: 10]; на V Съезде – 64⁸⁰). Роль центра пытались играть фракции «Рабочий союз», «Смена – Новая политика», врсменами – «Левый центр».

Главными игроками были, конечно же, «Демократическая Россия» и «Коммунисты России». Как замстил один из активных участников межфракционной борьбы, эти две группы «обросли сателлитами», формировавшимися, как правило, из их же собственных членов⁸¹. На самом деле всё было не так просто. Ни у одного из лагерей не хватало сил, чтобы безоговорочно доминировать на Съезде. Расстановка сил между ними была примерно 50 на 50, точнее, по выражению одного из депутатов, «примерно 40 на 40»⁸². По оценке социологов Д. Юрьева и А. Собянина, сделанной накануне III Съезда (28 марта – 5 апреля 1991 г.), 43,1% депутатов более чем в 70% случаев голосовали за частную собственность, демократизацию и вرخовенство законов России над законами СССР; против монополии КПСС на власть и «социал-коммунистического» выбора, 40,2% – с противоположных позиций, 16,7% голосовали непоследовательно – «то с позиций демократов, то с позиций коммунистов»⁸³. Один из основных авторов большинства документов парламентских «демороссов» – В. Шейнис – практически в то же самое время по результатам поимённых голосований следующим образом определил соотношение сил: «475 депутатов склоняются к консервативным решениям, 463 – к радикально-демократическому подходу и 124 колеблют-

---

виновном в совершении преступлений против собственного народа, и о национализации имущества КПСС, незаконно присвоенного ею в годы Советской власти» (Позиция беспартийных. Программное заявление группы беспартийных народных депутатов РСФСР//Российская газета. № 67–68 (113–114). 4 апреля 1991. С. 1).

⁷⁸ Стенограмма Второго Съезда народных депутатов РСФСР. Тридцатое заседание. 15 декабря//Российская газета. № 39. 21 декабря 1990. С. 2.

⁷⁹ Стенограмма Второго Съезда народных депутатов РСФСР. Десятое заседание. 3 декабря//Российская газета. № 18–19. 6 декабря 1990. С. 4.

⁸⁰ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября – 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

⁸¹ Выступление Г. Саенко на IV Съезде народных депутатов РСФСР 22 мая 1991//Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 201.

⁸² Выступление А. Васяновича на V Съезде народных депутатов РСФСР 17 июля 1991//ятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 482.

⁸³ Юрьев Д. и Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры». Депутатский корпус в зеркале поимённых голосований//Независимая газета. № 32. 14 марта 1991. С. 5.

ся»⁸⁴. Наконец, по оценке ещё одного представителя «ДемРоссии», во время решающих голосований на стороне демократов оказывалось около 505 голосов, на стороне их противников — 495⁸⁵. «Вот откуда возникало на предыдущих съездах то острейшее противостояние, когда невозможно было предвидеть, куда качнётся чаша политических весов»⁸⁶, — резюмировал он.

Не последнюю роль в исходе противостояния сыграло то, что, как и в союзном парламенте, на конфликт «консерваторы — либералы» наложился конфликт «центр — периферия», причём на этот раз — отнюдь не в пользу консерваторов и унитаристов. Данный конфликт сыграл в распаде политической системы не меньшую, если не большую роль, чем конфликт «консерватизм — либерализм». В ряде союзных республик — Эстонии, Литве, Латвии, Молдавии, Грузии — его значение было несомненно решающим: политические силы, получившие большинство в местных парламентах, добивались в первую очередь государственной независимости и лишь во вторую обещали провести либеральные реформы. В России этот конфликт вглубь общества не проник, затронув только элиту. Однако вкупе с размежеванием по линии «консерватизм — либерализм» он серьёзно повлиял на изменение расстановки сил.

Противостояние между центром и регионами давало знать о себе не только на союзном, но и на российском уровне. На Съезде народных депутатов РСФСР была, в частности, организована депутатская группа представителей автономий, которая вела собственную игру и поначалу в тактических целях блокировалась с коммунистами⁸⁷ (это, собственно, и привело к созданию группы «Демократическая автономия», просуществовавшей лишь до конца работы I Съезда), а впоследствии предпочитали придерживаться центристской позиции.

Однако гораздо более важное значение имело противостояние между руководством СССР и РСФСР. Здесь главную роль сыграло то, что значительная часть представленной в российском парламенте бюрократии, прежде всего хозяйственной, оказалась достаточно отзывчивой на исходящие от демократов призывы воплотить в реальность формально существующую российскую государственность. Другое дело, что для демократов российский суверенитет означал независимость от КПСС, а для большинства хозяйственников — от союзной и особенно партийной бюрократии. По под-

⁸⁴ Шейнис В. Когда шансы примерно равны...//Московские новости. № 13 (558). 31 марта 1991. С. 10.

⁸⁵ Брагин В. Что ждёт нас на Съезде?//Российская газета. № 58 (104). 27 марта 1991. С. 3.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Демократы, в частности, отмечали эту «смычку» в ходе формирования руководящих органов Верховного Совета. См. выступление Н. Неласова на I Съезде 5 июня 1990 г.: Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 108.

счётам Д. Юрьева и А. Собянина, в этом союзе 61,1% приходилось на представителей высшего, среднего и нижнего звена управления (соответственно 2,6%, 25,6% и 32,9% — против 43,8%, 41,5% и 8,8% у коммунистов) и только 31,8% — на интеллигенцию⁸⁸.

Однако именно этот союз позволил демократам одержать ряд побед, к числу которых они относили принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР и Декрета о власти, запрещающего вмешательство «политических партий, партийно-политических органов и иных общественных организаций» (имелась в виду прежде всего КПСС) в деятельность органов власти, государственных предприятий и учреждений⁸⁹, избрание Б. Ельцина председателем Верховного совета республики, введение в практику отчётов правительства, внесение в Конституцию ряда поправок⁹⁰, упразднение органов народного контроля⁹¹ и пр.

Сами демократы объясняли эти успехи разными причинами — и «небывалым подъёмом политической активности масс», и влиянием средств массовой информации, и «благоприятными в целом тенденциями развития международных отношений», и «неуклюжестью... попыток старых структур власти... дискредитировать демократическое движение», и наличием в своих рядах «большого числа активных личностей, чем у группы “Коммунисты России”» («Просто поразительно, насколько бледно выглядели секретари обкомов и горкомов КПСС, другие партийные лидеры, причём довольно высокого уровня», — писал лидер группы «Радикальные демократы» С. Юшенков), и большей независимостью «демососсов» на фоне «Коммунистов России» (С. Юшенков: «Если блок “Демократическая Россия” апеллировал к избирателям, то группа “Коммунисты России” — к руководству КПСС, которое оказывалось часто несостоятельным»)⁹². Во всём этом, конечно, есть своя правда, но вряд ли успехи демократов были бы достижимы без союза с частью чиновничества.

Кто играл в этом союзе ведущую роль, видно уже из того, что единственным кандидатом на высший пост в парламенте от демократов и «прогрессивной» бюрократии стал не представитель «ДемРоссии», а бывший секретарь

---

⁸⁸ Юрьев Д. и Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...

⁸⁹ Декрет о власти. Принят за основу 20 июня 1990//Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. V. С. 433.

⁹⁰ Выступление А. Мамохина на I Съезде народных депутатов РСФСР 22 июня 1990//Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчёт. Т. V. С. 337.

⁹¹ Выступление С. Юшенкова на I Съезде народных депутатов РСФСР 17 июня 1990//Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 377.

⁹² Юшенков С. Консолидация или противостояние?//Народный депутат. № 16 (543). 1990. С. 71–73.

Свердловского обкома и Московского горкома КПСС, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и руководитель Госстроя СССР Борис Ельцин. Однако выдвижение на первый план этой фигуры означало и смещение в иную плоскость основного лейтмотива политического противостояния — это была уже не столько борьба коммунистов и демократов, сколько российского и союзного руководства, российской и союзной бюрократии. Так что и характер этого противостояния был не столько партийным, сколько межгосударственным, или, точнее, внутригосударственным. Тем не менее вполне определённое партийное содержание оставалось в нём до самого конца: российское руководство в глазах большинства населения чётко ассоциировалось с демократами, тогда как союзное — с коммунистами.

Переход контроля над руководством российского парламента в руки противников КПСС имел эпохальное значение для судеб всей политической системы. В стране фактически появился параллельный центр власти. Развернувшаяся в результате «война суверенитетов» («война законов») придала системе несомненный момент флуктуционности. КПСС теряла роль безусловно доминирующей силы, оказавшись перед необходимостью вести не номинальную, а вполне реальную борьбу за сохранение властных рычагов. И спор шёл не столько о том, кто должен контролировать данные рычаги, сколько о том, где они вообще должны находиться — у союзного руководства либо у руководства союзных республик. Отсутствие определённости в этом вопросе отнюдь не способствовало сохранению стабильности, тем более что исход борьбы вовсе не выглядел предсказанным.

Борьба велась прежде всего в рамках российского парламента и протекала с переменным успехом. Уже на I Съезде успехи демократов были компенсированы тем, что коммунистам и их союзникам удалось добиться существенного перевеса при формировании Верховного Совета РСФСР — это признавали сами сторонники «ДемРоссии»⁹³. Признавали они и то, что коммунисты попросту переиграли их по всем правилам фракционной борьбы, противопоставляя разрозненным действиям демократам сплочённость рядов и согласованно вычёркивая из бюллетеней для голосования представителей ДР⁹⁴. Правда, в трактовке демократов действия коммунистов выглядели как несоблюдение договорённости, достигнутой ещё до открытого обсуждения кандидатур — представители КП обещали проголосовать за согласованных

⁹³ Выступление Ю. Нестерова на I Съезде народных депутатов РСФСР 9 июня 1990 // Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 65; Выступление С. Филатова на I Съезде народных депутатов РСФСР 16 июня 1990 // Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 261–262; Выступление С. Юшенкова на I Съезде народных депутатов РСФСР. 17 июня 1990 // Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 377;

⁹⁴ Выступление Н. Травкина на I Съезде народных депутатов РСФСР 9 июня 1990 // Первый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 69.

кандидатов, но не выполнили своего обещания⁹⁵. Результатом этого просчёта демократов явилось выделение из «ДемРоссии» фракции «Радикальные демократы», основными требованиями которой были роспуск Верховного Совета, «который оказался консервативнее Съезда», и преобразование Съезда в постоянно действующий парламент⁹⁶.

В дальнейшем многие формальные достижения российского руководства (вроде принятия ряда рыночных законов и программы «500 дней») наткнулись на ограниченность возможностей по их реальному претворению в жизнь. Характерно в этом плане признание первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатова: «Мы вроде бы официально являемся властью, но властью в оппозиции, а на самом деле правящими являются Компартия и другие структуры... Мы конституционная власть, но неконституционной реальной властью остаются всё-таки помещения на Старой площади и те дворцы, которые находятся в наших крупных городах (имелись в виду, само собой разумеется, ЦК КПСС и обкомы. — Ю. К.)»⁹⁷.

Кроме того, уже ко II Съезду (27 ноября — 15 декабря 1990 г.) структура российского парламента несколько усложнилась и утратила жёсткий двухполярный характер: противостояние «ДемРоссии» и «Коммунистов России» было смягчено выходом на авансцену новообразованных депутатских групп — «России» и «Левого центра».

Первую из них можно было считать аналогом группы «Союз» на Съезде народных депутатов СССР. Главным пунктом, в котором «Россия» расходилась с «демороссами», было отношение к сохранению Советского Союза. Как говорил лидер фракции С. Бабурин, «мы не можем и не должны бороться за сохранение Российской Федерации, пренебрегая будущим Советского Союза. Мы должны... обеспечивать возрождение всего нашего федеративного государства»⁹⁸. Соответствующим было отношение и к стремящимся к независимости союзным республикам: «Мы не должны обеспечивать чью бы то ни было независимость за наш счёт.... Мы не должны продолжать поставлять сырьё по внутрисоюзным бросовым ценам в те республики, которые всячески подчёркивают, что они нам чужие»⁹⁹. При этом «Россия» подчёркнуто дистанцировалась от коммунистов и называла своей задачей объединение «трёх обязательных компонентов: демократии, патриотизма и эффективной экономики»¹⁰⁰. Кроме того, во вполне традиционалистском духе фракция призывала «помнить о духовно-политическом российском

---

⁹⁵ Юшенков С. Консолидация или противостояние?... С. 73.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 214.

⁹⁸ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 74.

⁹⁹ Там же, С. 79–80.

¹⁰⁰ Там же, С. 72–73.

своеобразии» и не бояться «понятия “русская нация”»: «Ведь... от состояния культуры русской нации будет зависеть самочувствие всех народов Российской Федерации»¹⁰¹. Консерватизм, умеренный традиционализм и фактический унитаризм сближал «Россию» с коммунистами – в большинстве случаев они оказывались по одну сторону политического размежевания. Д. Юрьев и А. Собянин, проанализировав характер голосования её членов, пришли, что «Россия» абсолютно ничем не отличается от КП¹⁰².

«Левый центр», напротив, больше тяготел к «Демократической России» и во второй половине 1991 г. даже вступил в ряды одноимённого блока. Недаром свою позицию фракция определяла словами «либерально-демократический центр»¹⁰³. Тактику ЛЦ, однако, отличала большая умеренность и стремление к компромиссу. Как говорил один из её лидеров, «мы... стараемся стремиться к тому, чтобы от конфронтации перейти в русло компромисса»¹⁰⁴. Поэтому в ходе II Съезда фракция чаще занимала срединную позицию по ряду важных политических вопросов. Так, во время дебатов вокруг допустимости купли-продажи земли «Левый центр» выступил с компромиссным вариантом: в то время как демократы были безусловными сторонниками этой меры, а коммунисты, наоборот, противниками, «левоцентристы» предложили разрешить продавать землю, но под «чётким, жёстким государственным контролем», то есть исключительно через советы народных депутатов¹⁰⁵. В итоге именно этот вариант и был поддержан большинством Съезда¹⁰⁶. С другой стороны, вместе с коммунистами и «Россией» «Левый центр» был противником форсированного введения института президентства в РСФСР¹⁰⁷, и это тоже было очередным подтверждением его умеренности и центризма. По оценке же Д. Юрьева и А. Собянина, в своих голосованиях «Левый центр» даже с наиболее радикальной частью демократов расходился разве что в отношении к проблеме «Россия – Союз», проявляя большую лояльность по отношению к руководству СССР, да и эти расхождения, на их взгляд, были не слишком серьёзными¹⁰⁸.

---

¹⁰¹ Там же. С. 72–73.

¹⁰² Юрьев Д. и Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...

¹⁰³ Выступление Д. Волкогонова на II Съезде народных депутатов РСФСР 8 декабря 1990 // Российская газета. № 28–29. 12 декабря 1990. С. 3.

¹⁰⁴ Выступление Д. Волкогонова на II Съезде народных депутатов РСФСР 13 декабря 1990 // Российская газета. № 33–34. 15 декабря 1990. С. 4.

¹⁰⁵ Выступление К. Морозова на II Съезде народных депутатов РСФСР 3 декабря 1990 // Российская газета. № 18–19. 6 декабря 1990. С. 4.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Выступление В. Калашникова на II Съезде народных депутатов РСФСР 15 декабря 1990 // Второй Съезд народных депутатов РСФСР. Т. VI. С. 137.

¹⁰⁸ Юрьев Д. и Собянин А. «Глас народа» против «гласа номенклатуры»...

Как бы то ни было, в результате усложнения расстановки сил демократам в ходе II Съезда не удалось решить в свою пользу фактически ни одного вопроса. По замечанию Д. Юрьева и А. Собянина, «шанс был либо у компромиссных вариантов, поддержанных хотя бы частью “Коммунистов России”, либо у предложений коммунистов, иногда получавших те самые несколько необходимых голосов, которых недосчитывались демократы»¹⁰⁹. Из этого вытекало, что обострение ситуации играло на руку демократам, а сё «размывались», наоборот, коммунистам.

Тем не менее на III Съезде (28 марта — 5 апреля 1991 г.) ситуация вновь резко поляризовалась, и виновниками этой поляризации явились именно коммунисты. По мере нарастания противостояния между союзным и российским руководством КПСС сделала ставку на смену председателя ВС РСФСР. В свою очередь «Коммунисты России», чувствовавшие себя, по меткому замечанию Р. Хасбулатова, «представителями другого парламента — союзного... и даже не самого этого парламента, а союзной правящей верхушки»¹¹⁰, выступили в качестве исполнителей этой установки. Сначала 272 народных депутата РСФСР, в основном из групп «Коммунисты России», «Организаторы народного хозяйства» и аграриев выступили с требованием созвать внеочередной Съезда и заслушать на нём отчёт председателя Верховного Совета РСФСР о причинах кризисного состояния дел в стране¹¹¹. Затем к их призыву присоединились 6 (из 8) руководителей Верховного Совета РСФСР, обвинивших Б. Ельцина в «авторитарности, конфронтационности, стремлении единолично решать вопросы внутренней и внешней политики, пренебрежении законом и мнением конституционных органов»¹¹². Несколько позже с аналогичным требованием выступила фракция «Россия»¹¹³.

III Съезд, однако, привёл к результатам, совершенно противоположным тем, на которые рассчитывали коммунисты, — в частности к появлению группы «Коммунисты за демократию». Её лидер А. Рудкой обвинил руководство КР в «деструктивности, консерватизме и негибкости»¹¹⁴ и высказал «полное доверие Верховному Совету Российской Федерации и его председателю»¹¹⁵.

---

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Союзники Россию не ревнуют. Руслан Хасбулатов, первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР, дал интервью обозревателю «НГ» Сергею Пархоменко//Независимая газета. № 16. 5 февраля 1991. С. 1.

¹¹¹ Советская Россия. № 37 (10488). 21 февраля 1991. С. 1.

¹¹² Политическое заявление С. Горячевой, Б. Исаева, Р. Абдулатипова, В. Исакова, А. Вешнякова и В. Сыроватко//Правда. № 46 (26494). 22 февраля 1991. С. 1.

¹¹³ Советская Россия. № 44 (10495). 2 марта 1991.

¹¹⁴ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 69.

¹¹⁵ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 98.

Поддержав Б. Ельцина, группа фактически блокировалась с «Демократической Россией».

Конечно, группа оказалась не Бог весть какой большой. Поначалу сам Руцкой заявил, что в ней состоит 170 депутатов¹¹⁶, затем представитель секретариата сообщил, что в группу вошло 186 человек¹¹⁷. Однако сотрудники газеты «Советская Россия» быстро выяснили, что на самом деле в группу вступило только 80 депутатов и лишь к концу работы Съезда численность «Коммунистов за демократию» выросла до 95 человек.¹¹⁸ Последняя цифра выглядит более реалистичной, если учесть, что на V Съезде в группе перерегистрировалось 96 депутатов.¹¹⁹ При этом, как следовало из приведённого «Советской Россией» списка, 15 членов новой фракции одновременно состояли в «Демократической России», 3 — в «Радикальных демократах», 13 — в «Левом центре», 3 — в «Российском союзе», 4 — в Объединённой фракции социал-демократов и республиканцев и лишь 11 перешли в неё из «Коммунистов России»¹²⁰. Причём, как утверждал лидер КП РСФСР И. Полозков, 10 из этих 11 в течение последнего года практически не участвовали в работе фракции КП, а некоторых и вовсе записали в КзД без их согласия¹²¹. Так что оценка новой группы как «коммунистического отделения блока “Демократическая Россия”»¹²² была недалеко от истины.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и то, что «Коммунисты за демократию» вобрали в себя какую-то часть парламентского «болота», а также, что весьма важно и что отметили оппоненты Руцкого из «Советской России», — немало представителей руководства Верховного Совета, в т. ч. 22 председателя и заместителя председателя комитетов и подкомитетов ВС РСФСР¹²³. Это свидетельствовало о том, какие настроения господствовали в верхушке российского парламента и, в какой-то мере, депутатского корпуса в целом. Самое же главное — создание новой группы явилось весьма грамотно рассчитанным тактическим ходом. После него в работе Съезда наступил перелом: на сторону «ДемРоссии» перешли балансировавшие ранее между двумя полюсами «Смена», «Левый центр», «Рабочий союз России» и «Независимые депутаты», которые не только поддержали «демососсов» в стремлении вве-

¹¹⁶ Третий (височередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. II. С. 69.

¹¹⁷ Третий (височередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 90.

¹¹⁸ Оппозиция с благословения // Советская Россия. № 73 (10524). 12 апреля 1991. С. 3.

¹¹⁹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля 1991 г., 28 октября — 2 ноября 1991 г. Т. I. С. 518.

¹²⁰ Оппозиция с благословения...

¹²¹ Конструктивность и честность. Интервью первого секретаря ЦК КП РСФСР И. К. Полозкова // Советская Россия. № 78 (10529). 19 апреля 1991.

¹²² Оппозиция с благословения...

¹²³ Там же.

сти в России институт президентства (предотвратить принятие этого решения, неизбежное после соответствующих результатов референдума 17 марта 1991 г., как раз и пытались коммунисты), но и высказались за предоставление председателю ВС дополнительных полномочий — как «промежуточного шага к введению поста президента»¹²⁴.

В итоге коммунистам не удалось ни помешать руководству Верховного Совета РСФСР, ни даже отсрочить назначение президентских выборов — они были назначены на 12 июня¹²⁵. Кроме того, их противникам удалось настоять на передаче руководству ВС части полномочий Съезда¹²⁶. Единственное, чего смогли добиться коммунисты — это перенести принятие соответствующих поправок к Конституции на следующий Съезд, однако это уже никак не могло изменить расстановки сил и, соответственно, предотвратить исхода выборов, закончившихся, вполне естественно, победой тандема Б. Ельцин — А. Руцкой, обошедших своих ближайших соперников — Н. Рыжкова и Б. Громова, пользовавшихся поддержкой руководства КПСС, — более чем на 40% (57,3% против 16,85%)¹²⁷.

IV Съезд (21–25 мая 1991 г.) коммунисты провели в глухой обороне. Даже их союзник С. Бабурин вынужден был констатировать, что «под огнём тотальной критики» представители КР «отказались от всякой самостоятельной линии», и большинство решений «при непрерывных разговорах о каком-то противостоянии» принимается квалифицированным большинством голосов¹²⁸. А В. Исаков — один из 6 руководителей ВС, выступивших в феврале против Б. Ельцина, — с грустью признавал: «Наш Съезд стал пассивно-послушным в отличие от союзного, который называют агрессивно-послушным»¹²⁹.

На самом деле, осознав бесперспективность лобовых атак, коммунисты просто изменили тактику и уступили инициативу своим союзникам и сателлитам, в т. ч. созданной на IV Съезде «Отчизне», платформа которой чуть ли ни слово в слово повторяла платформу «России»: «сохранение целостности страны, республики в составе обновленного Союза, нравственное и духов-

---

¹²⁴ Выступление В. Шуйкова на III Съезде народных депутатов РСФСР. 4 апреля 1991 // Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. IV. С. 136–137.

¹²⁵ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер и выполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР» // Третий Съезд народных депутатов РСФСР. Т. V. С. 155.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Российская газета. № 128 (174). 20 июня 1991.

¹²⁸ Четвёртый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. III. С. 88–89.

¹²⁹ Владимир Исаков: «Президент получит тяжелейшее наследство...» // Советская Россия. № 103 (10554). 25 мая 1991. С. 1.

ное возрождение России, спасение национальной культуры, укрепление традиций любви к Родине»; «мы против безудержного хаоса под флагом суверенизации, абсолютизации лозунга о национальном самоопределении»; «бесплодны попытки противопоставить демократию и патриотизм — они тесно взаимосвязаны»; «мы убеждены в необходимости демократических преобразований, утверждении свободы, цивилизованных форм жизни»; «мы не прислём антисемитизм, русофобию, но в то же время нам не по пути с теми группами и движениями, которые враждебны делу национального возрождения России и русского народа в частности»¹³⁰ и т. п.

Эта же тактика была продолжена на V Съезде (первый этап — 10–17 июля 1991 г.), где коммунисты поначалу выдвинули своим кандидатом на освободившееся место председателя Верховного Совета РСФСР В. Степанова, в заслугу которому ставили прежде всего умение «слушать и слышать», а также «уравновешивать различные точки зрения»¹³¹. Кстати, и их оппоненты признавали, что на этот раз коммунисты «нарушили традицию... выдвигать... не тех людей, которые могут завосвать симпатии» и выставили «достаточно интересного» кандидата¹³². При этом сам В. Степанов ещё до начала голосования снял свою кандидатуру, сославшись на нежелание быть свидетелем того, как оппоненты используют выдвижение его кандидатуры «для навешивания политических ярлыков»¹³³.

Тем самым коммунисты отошли в сторону, чтобы вместе с аграрниками, «Промышленным союзом» и «Отчиной» поддержать лидера фракции «Родина» С. Бабурина¹³⁴, обеспечив последнему небольшое преимущество в конкуренции с главным соперником — Р. Хасбулатовым, на кандидатуре которого настаивали фракции «Демократическая Россия», «Беспартийные депутаты», «Коммунисты за демократию»¹³⁵, «Рабочий союз России»¹³⁶, а также группа депутатов от «национально-государственных образований»¹³⁷. Попробуйте коммунисты проталкивать своего кандидата несмотря ни на что,

---

¹³⁰ Выступление Б. Тарасова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 88–89.

¹³¹ Выступление Б. Кибирева на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 152–153.

¹³² Выступление С. Шеболдаева на V Съезде народных депутатов РСФСР. 11 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 140.

¹³³ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 160.

¹³⁴ Выступление И. Рыбкина на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 302.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Выступление В. Козыря на V Съезде народных депутатов РСФСР 11 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 150–151.

¹³⁷ Выступление И. Рыбкина на V Съезде народных депутатов РСФСР 15 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 302.

демократы скорее всего вынуждены были сплотиться и скрепя сердце консолидированно поддержать Хасбулатова. Но к Бабурину, в котором многие тоже видели креатуру КПСС и противника реформ¹³⁸, у демократов, по всей видимости, не было той идиосинкразии, которую вызвал бы представитель КР. В итоге ряд из них, в том числе в полном составе фракция «Радикальные демократы»¹³⁹, категорически высказались против кандидатуры Хасбулатова. В действиях последнего уже тогда давали знать о себе признаки непомерного властолюбия, и многие опасались, что «Руслан Иманович неверно воспользуется своими политическими полномочиями»¹⁴⁰. Лидер же ДПР Н. Травкин и вовсе открыто обвинял первого заместителя председателя ВС РФ в заимствовании у КПСС технологии «прикармливания» людей, которыми он управляет¹⁴¹. Безо всякой симпатии относилась в тот момент к Хасбулатову и относившая себя к центру фракция «Смена», представители которой вменяли последнему в вину авторитарные методы руководства, «замыкание» на себя большинства решаемых руководством парламента вопросов, «непротивление подавлению инакомыслия» в Верховном Совете, протаскивание через ВС «явно сырых и неподготовленных» решений и пр.¹⁴²

В итоге сложилась патовая ситуация. Голосование проводилось шесть раз, в четырёх из которых участвовали только Хасбулатов и Бабурин – и вновь и вновь ни тот ни другой не могли набрать необходимого числа голосов. Причём, как признавали впоследствии противники демократов, «именно жёсткое противостояние внутри “ДемРоссии” не позволило прийти к искомому результату», т. е. избрать нового председателя ВС¹⁴³. С этим были согласны и «демосороссы». Один из их представителей – сопредседатель Республиканской партии РФ В. Лысенко – уже по окончании Съезда с сожалением констатировал: «Когда демократы ощущают мощное сопротивление, когда они чувствуют реальную угрозу реформам – они объективно спланиваются, откладывая разногласия до лучших времён. Как только угроза проходит,

---

¹³⁸ Выступление В. Ребрикова на V Съезде народных депутатов РСФСР 13 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 259–260; Выступление А. Манохина на V Съезде народных депутатов РСФСР 13 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 264–265; Выступление Ю. Афанасьева на V Съезде народных депутатов РСФСР 15 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 311.

¹³⁹ Выступление С. Юшенкова на V Съезде народных депутатов РСФСР 15 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 351–352.

¹⁴⁰ Выступление С. Юшенкова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 15 июля 1991.

¹⁴¹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 146–147.

¹⁴² Выступление В. Шуйкова на V Съезде народных депутатов РСФСР. 16 июля 1991//Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 451–452.

¹⁴³ Владимир Лисин, координатор депутатской группы «Россия»: «Боролись за будущее России»//Советская Россия. № 142 (10593). 23 июля 1991. С. 2.

ситуация улучшится — демократическое движение тут же начинаст рассыпаться на свои составляющие»¹⁴⁴.

Осознавая необходимость компромисса, обе стороны выступали с показательными жестами примирения. Так, представители «России» предлагали формировать руководство Верховного Совета на основе «большой коалиции»¹⁴⁵, сам Бабурин напоминал, что на I Съезде голосовал за избрание председателем ВС Б. Н. Ельцина, и обещал поддерживать с последним конструктивные рабочие отношения «во благо России и благо народов, сё населяющих»¹⁴⁶, а Хасбулатов, прекрасно чувствуя, откуда дует ветер, обещал в случае победы поддержать выдвижение на должность заместителя председателя ВС представителя «Коммунистов России» Ю. Воронина¹⁴⁷.

Однако в обоих случаях готовность к компромиссу носила достаточно ограниченный характер. Согласившись баллотироваться в «связке» (один из кандидатов должен был занять пост председателя ВС, а другой — его первого заместителя), стороны так и не смогли договориться, кто будет играть первую скрипку. Каждый, естественно, претендовал на главную роль. И дело было не только в личных амбициях. Хасбулатов вполне обоснованно указывал на политический характер данного решения — в противном случае, по его словам, он был бы не понят ни избирателями, ни сторонниками из числа депутатов¹⁴⁸. В свою очередь, один из видных представителей «России» — Н. Павлов — заявлял, что не подаст руки Бабурину, в случае если тот согласится стать первым заместителем Хасбулатова, поскольку «первый заместитель, в отличие от простого заместителя, должен проводить политическую линию председателя»¹⁴⁹. Как заметил по этому поводу один из участников съездовских баталий, несовместимы были не личности Хасбулатова и Бабурина — несовместимы были «две политические линии»¹⁵⁰.

Впрочем, голосование «в связке» не состоялось ещё и потому, что такая возможность, как справедливо заметил С. Бабурин, не была предусмотре-

---

¹⁴⁴ Лысенко В. Демократическое движение или перегруппировка сил? Важно, чтобы самоопределение партий не привело к разрушению существующих структур // Независимая газета. № 88. 27 июля 1991. С. 2.

¹⁴⁵ Выступление В. Лисина на V Съезде народных депутатов РСФСР 15 июля 1991 // Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 308. Выступление С. Бабурина на V Съезде народных депутатов РСФСР 15 июля 1991 // Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 325.

¹⁴⁶ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 324.

¹⁴⁷ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 133.

¹⁴⁸ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 403.

¹⁴⁹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 408.

¹⁵⁰ Выступление А. Блохина на V Съезде народных депутатов РСФСР 16 июля 1991 // Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 421.

на Конституцией и регламентом Съезда¹⁵¹. В конце концов депутатам так и не удалось избрать председателя ВС и они были вынуждены перенести решение этого вопроса на осень¹⁵².

Так или иначе результаты противостояния на Съезде народных депутатов РСФСР недвусмысленно свидетельствовали о том, что коммунистам были противопоставлены любые резкие движения. Любая попытка перейти из обороны в наступление стимулировала их противников к сплочению и тем самым лишь ухудшала положение КПСС. Правда, и более тонкая игра приводила к скромным результатам — она позволяла лишь замедлить распад однопартийной системы, но никак не предотвратить его. Для того чтобы разрешить в свою пользу конфликты по линиям «консерватизм — либерализм» и «центр — периферия», Союзному центру и стоящему за его спиной руководству КПСС необходимо было сначала справиться с другими, гораздо более мощными, конфликтами — между государством и наёмными работниками и между государством и бюджетополучателями. Загвоздка была в том, что никаких средств для исправления стремительно ухудшающегося экономического положения в распоряжении разлагающейся системы уже не было — все предлагаемые ею методы давно доказали свою неэффективность. Но и выжидательная тактика не давала особых шансов — время работало не на систему, а на её противников, не упускавших возможности нанести по ней очередной удар: «войной законов», запрещением деятельности партийных организаций на предприятиях и в госучреждениях и т. п.

В этом контексте попытка ГКЧП переломить ход событий откровенным силовым вмешательством выглядела жестом отчаяния, вполне понятным, впрочем, с психологической точки зрения — лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Как и следовало ожидать, это «резкое движение» изменило расстановку сил в пользу противников руководства КПСС и предопределило не только уход с политической сцены наиболее консервативной части союзного руководства, но и ликвидацию КПСС, а заодно и СССР. Однопартийная система распалась окончательно, оставив после себя лишь обломки. Всё, что могло на такой почве вырасти, — это флуктуационная система, эволюцию которой мы предполагаем рассмотреть в следующей статье.

Литература

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

¹⁵¹ Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 413.

¹⁵² Пятый Съезд народных депутатов РСФСР. Т. I. С. 505.

- Голосов Г. В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М., 1999.
- Голосов, Г. В. и Яргомская, Н. Б. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах//Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М., 2000.
- Заславская, Т. И. Текст произнесенного выступления на I Съезде народных депутатов СССР//Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. IV. М.: издание Верховного Совета СССР, 1989. С. 451.
- Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
- Коргунюк Ю. Г. «Наложение конфликтов» – российский опыт в свете ревизии «формулы Липсета – Роккана»//Полития. № 1. 2003.
- Малютин М. За кем пойдут массы? Общественно-политический спектр Москвы//Народный депутат. Общественно-политический, проблемно-информационный журнал Верховного Совета СССР. № 5 (532). 1990.
- Прибыловский В. В. Политические фракции и депутатские группы российского парламента. 2-й вариант, исправленный и дополненный. М., 1993.
- Сергеев В. М., Беляев А. В., Бирюков Н. И. и Гусев Л. Ю. Становление парламентских партий в России. Государственная Дума в 1994–1997 годах//Полис. № 1. 1999.
- Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001.
- Тютюкин С. В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков//Политические партии России: история и современность. М., 2000.
- Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies//Canadian Journal of Political Science, 1/2. 1968.
- Blondel J. Political Parties. A Genuine Case for Discontent? London, 1978.
- Laakso M. and Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe//Comparative Political Studies. Vol. 12. 1979.
- Lipset S. M. and Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments: An Introduction//Party Systems and Voter Alignments. New York, 1967.
- Sani G and Sartori G. Polarization, Fragmentation and Competition in Western Democracies//Western European Party Systems: Trends and Prospects. New York, 1983.
- Sartori G. European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism//Political Parties and Political Development. Princeton, N. J., 1966.
- Sartori G. Parties and party system: A framework for analysis. Vol. 1. Cambridge, 1976.
- Smith G. What is a Party System?//Parliamentary Affairs. 19:3. 1966.
- Thomas J. C. Ideological Trends in Western Parties//Western European Party Systems: Trends and Prospects. New York, 1980.

Д. А. ЮРЬЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТЦЫ:

КАК ДЕЛАЛИ КОНСТИТУЦИЮ ДЛЯ РОССИИ (1990).
ВОСПОМИНАНИЯ

16 июня 1990 г. I съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «Об образовании Конституционной комиссии РСФСР». В состав комиссии было включено более 100 народных депутатов РСФСР, возглавил ее избранный председателем Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин. 22 июня 1990 г. распоряжением председателя ВС РСФСР была образована рабочая группа Конституционной комиссии, в состав которой первоначально были включены 31 депутат и 8 экспертов. Одновременно из числа демократических активистов был создан технический секретариат комиссии, в составе которого с первого дня работал автор этого текста. 12 сентября 1990 г. еще одним распоряжением Ельцина был учрежден бюллетень комиссии — «Конституционный вестник» — ответственным редактором которого я был назначен. С июля по декабрь 1990 г. мне довелось работать в составе «рабочей группы» Конституционной комиссии, причем в обстановке демократического романтизма того времени жесткой иерархии в работе комиссии и чрезмерной специализации не было. Мне пришлось в какой-то мере выполнять функции PR-обеспечения проекта: составлять своеобразные пресс-релизы заседаний рабочей группы и комиссии в целом, участвовать в обсуждениях, работать с членами комиссии, приезжавшими в Москву из регионов. В моем архиве остались несколько экземпляров «Конституционного вестника» и первый сброшюрованный текст проекта Конституции, торжественно завершающийся списком «авторов» — с автографами многих из них. Все это позволяет сегодня попытаться систематизировать воспоминания о том, как начинал формироваться конституционный строй постсоветской России.

...Когда в 1825 г. декабристы вели на Сенатскую площадь мятежные полки, им пришлось немало помучиться, вынуждая солдат хором требовать «Константина и Конституцию». Потому — что такое Константин, это всем понятно:

это добрый царь — вместо Николая, царя злого. А вот Конституция... Это уже не так понятно.

Историческая легенда гласит, что, столкнувшись с дефицитом времени и непробиваемым уровнем конституционного сознания солдатских масс, остроумные декабристы нашли беспроигрышный ход: Конституция, — объяснили они, — это добрая царица, жена доброго царя Константина. Такая постановка конституционного вопроса солдат устроила, и они гаркнули требующее дружно да так громко, что даже разбудили Герцена.

Как и многое другое в нашей истории, та или иная историческая шутка часто оборачивается трагической иронией судьбы. Идеям декабристов не суждено было осуществиться при их жизни, но представление о Конституции как о некоем приложении к доброму царю пережило и декабристов, и Николая, и Герцена, и всех прочих, кому они совместными усилиями не давали спать.

Единственным действенным актом конституционного характера в течение почти двух всков оставался «Акт о престолонаследии» Павла I — он действительно регулировал процесс, определяющий кардинально важные для существования реальной власти отношения.

Все остальные «Конституции» не выходили за пиаровские рамки: они провозглашали те или иные идеологические форматы («диктатура пролетариата», «советы депутатов трудящихся», «партия как руководящая и направляющая сила» и т. д.), оставляя дело подлинного организационно-политического регулирования в стране системе закрытых партийных инструкций.

После 1993 г. Конституция вдруг — отчасти неожиданно — превратилась в действительно системообразующий документ, в «священную корову» государственного устройства. Каким-то образом в общественное сознание внедрилось представление о «незыблемости конституционного строя», апелляции к Конституции превратились из формы диссидентского схиждства советских времен в эффективный инструмент политического или юридического воздействия, а место высшего суда страны уверенно занял вовсе не Верховный, а Конституционный суд.

Конечно, нельзя говорить о том, что Конституция РФ 1993 г. занимает в национально-государственной идеологии России то же место, что Конституция США — в том причудливом пространстве, которое многие называют «гражданской религией» американцев. Но в какой-то степени она не просто вышла из тени бюрократического аппарата, но и стала одной из немногих общепризнанных постсоветских новаций.

Вместе с тем, история возникновения «Конституции РФ» — история практически закрытая, причем вовсе не потому, что засекреченная. Просто в то время, когда «конституционный процесс» шел полным ходом, никому, кроме его непосредственных участников, он не представлялся столь важным, чтобы обращать внимание на его историографию. А когда 12 декабря

1993 г. за неизвестно откуда вынырнувший проект проголосовали избиратели, никому уже не было дела до воспоминаний.

В США есть целый общественно-исторический институт – так называемые «Отцы Конституции». Экземпляр текста, подписанный «отцами», представляет собой нечто сакральное. Историю о том, как Александр Гамильтон публиковал свои «письма федералиста» и тем самым радикально менял позицию общества, изучают в школах.

Конституция России – безотцовщина. Точнее, ее называли «льдинской» – но вот уже некоторое время не называют: при всех зримых изменениях в стилистике и идеологии, путинский режим остается режимом конституционным, основанным на утвержденном в 1993 г. конституционном строе. Попытка назвать ее «льдинской» продолжала линию «сталинских» и «брежневских» Конституций, приписывала Конституции РФ тот же пиаровский смысл, что и советским «Основным Законам». Как ни удивительно, она не стала ни «льдинской», ни «путинской». Она удивительным образом, в искаженной российской истории, в руках убогого политического класса, на фоне общегосударственного беззакония и бесправия, смогла стать – хотя бы в какой-то мере – российской.

Вот почему достаточно интересно было бы вспомнить о некоторых достаточно частных обстоятельствах ее рождения – именно из таких частных обстоятельств складывается общий поток истории.

1. Рабочая группа

Конституционный вопрос всерьез встал на повестку дня в СССР в 1990 г.

До 1990 г. все кардинальные законодательные изменения предпринимались исключительно по инициативе КПСС. Серьезнейшие политические реформы планировались, обсуждались и принимались на партийных форумах – главным из них стала XIX Всесоюзная конференция КПСС 1988 г. Именно эта конференция дала толчок политической реформе в СССР, которая только оформлялась в виде внесения поправок в Конституцию, а реально формировалась в пределах партийных решений.

Инициатива академика Сахарова, выдвинутая им на I и II съездах народных депутатов СССР в 1989 г., была революционной по сути – выдвигая юридически несовершенный, публицистический проект «Декрета о власти», Сахаров пытался провозгласить изменение иерархии принятия решений, превратив Съезд и Верховный Совет в площадки для разработки и принятия политических решений вне системы органов КПСС. Однако эта инициатива (как и подготовленный Сахаровым проект «Конституции Европейско-Азиатского Союза Советских Республик») в рамках существовавшего на тот момент общественного самосознания оставалась маргинальной. С точки зрения действовавшего на тот момент общественно-политического реше-

ния, легитимизация любой общественной инициативы была невозможна без утверждения ее руководством КПСС — и только такое утверждение носило характер окончательного политического действия.

Именно в таком порядке реализовывались два крупнейших политических проекта начала 1990 г. — решение о введении поста президента СССР, инициированное руководством КПСС, и решение об отмене 6 статьи Конституции СССР, которого требовало «перестроечное» общественное мнение.

Первыми политическими актами, принятыми вне партийной системы принятия решений, стали действия Советов, избранных в 1990 г. в некоторых союзных республиках. Председателями Верховных Советов стали не рекомендованные органами КПСС Витаутас Ландсбергис (Литва), Звиад Гамсахурдиа (Грузия), Лсвон Тер-Петросян (Армения). Наиболее знаковым поражением КПСС стало избрание Бориса Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР 10 июня 1990 г.

Сразу же вслед за этим 12 июня 1990 г. по предложению Ельцина была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Это означало окончательный перелом в развитии ситуации на съезде и утрату руководством КПСС политической инициативы, перехваченной группой активистов неоформленного «демократического движения». Именно 12 июня 1990 г. можно считать началом конституционного процесса в РСФСР, началом превращения крупнейшей (и не вполне существующей) союзной республики в независимую Россию — правопреемницу распадающегося Союза.

В пункте 15 Декларации документ в целом объявлялся основой для разработки новой Конституции РСФСР. Соответственно, 16 июня съезд принимает постановление «Об образовании Конституционной комиссии». В тот же день законом РСФСР вносятся изменения в статьи 6 и 7 Конституции РСФСР (аналогичные статье 6 Конституции СССР) о «руководящей и направляющей роли КПСС». Одновременно Конституционной комиссии поручается подготовка и внесение на рассмотрение съезда проекта закона о срочных изменениях действующей Конституции РСФСР 1978 г. (с поправками 1989 г.).

20 июня 1990 г. активистам демдвижения удастся развить наступление на позиции КПСС. Съезд принимает постановление «О механизме народовластия в РСФСР», в соответствии с которым Верховному Совету и Конституционной комиссии поручается доработать принятый за основу проект «Декрета о власти», внесенный народным депутатом РСФСР из Ленинграда, юристом Владимиром Варовым. Этот «Декрет» был похож на сахаровский по своему политическому смыслу, но представлял собой более выверенный и технологичный юридический документ, решающий две главные цели — ликвидацию политической монополии КПСС и реальную суверенизацию Российской Федерации, то есть приоритет российских органов власти над союзными.

22 июня 1990 г. съезд принимает очередное постановление — «О некоторых вопросах подготовки проекта Конституции РСФСР» — впервые обозначая временные рамки для только что запущенного конституционного процесса. В соответствии с постановлением, Верховному Совету РСФСР (напомним, что после конституционной реформы 1989 г. высший орган законодательной власти в РСФСР, как и в СССР, был двухступенчатым — непосредственно народом избирались «народные депутаты РСФСР», которые на съезде «формировали двухпалатный Верховный Совет — постоянно действующий законодательный орган») поручалось не позднее сентября 1990 г. подготовить и принять закон РСФСР «О референдуме»; вынести на референдум основные принципы новой Конституции; совместно с Конституционной комиссией подготовить проект Конституции для обсуждения на съезде.

В результате «конституционный процесс» сразу же превратился в одну из ключевых политических площадок содержательного противостояния, причем на этой площадке инициатива действующей властью СССР была изначально утрачена. Как это произошло?

«Демократическим активистам» удалось «оседлать лавину», которую столкнули с горы своими неуклюжими и непродуманными действиями их наиболее радикальные оппоненты — руководители только что созданной Компартии РСФСР.

До июня 1990 г. государственность РСФСР с политической точки зрения не была полноценной. В крупнейшей республике СССР не было собственного филиала КПСС — в отличие от остальных республик, руководство областными комитетами КПСС, то есть высшими органами управления территорий, осуществлялось ЦК КПСС непосредственно. Это означало, что в качестве субъекта реальной политики РСФСР в Союзе не существует — формально высший из существующих руководителей РСФСР, председатель Совета министров, по должности позиционировался достаточно высоко — он мог быть кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС (как Михаил Соломенцев) или членом Политбюро (как Виталий Воротников), но по существующей системе представлений он оставался «вторым лицом» — в данном случае в отсутствие первого. Подчинение партийной власти в РСФСР напрямую ЦК КПСС означало, что в политическом смысле РСФСР отождествляется с СССР в целом.

Такая ситуация на деле обеспечивала определенную устойчивость межреспубликанских отношений, компенсировала политически неоправданное формальное «равноправие» России с «легковесами» Союза — Эстонией, Молдавией и др.

Катализатором развала системы стали элиты в союзных республиках, престиж и полномочия которых нарастали по мере усиления процессов суверенизации в СССР и политических уступок руководства КПСС. Это подтолкнуло значительную часть коммунистической номенклатуры в РСФСР

к активным действиям, направленным на укрепление собственного аппаратного статуса. Воспринимая активизацию элит в союзных республиках как аппаратный вызов, а действия руководства КПСС во главе с Горбачевым — как признак слабости и политическое предательство, так называемые «консерваторы», представители партгосноменклатуры среднего звена, инициировали процесс строительства «Компартии РСФСР», открывавший возможность создания новой мощной политической площадки, которая могла бы, по их мнению, обеспечить им возможность для сильной игры как против республиканских элит, так и против все более ненавистного горбачевского руководства.

На этом этапе окружение Михаила Горбачева не было способно к проведению иной политики, кроме реакционной. Все его инициативы лишь отвечали на внешние вызовы. Вынужденным было и согласие на создание КП РСФСР, завершившееся первым крупным поражением Горбачева в масштабах России: первым секретарем КП РСФСР стал, вопреки планам Горбачева, руководитель Краснодарского крайкома Иван Полозков — одиозный деятель, популярный среди наиболее откровенных противников курса гонимца.

Однако победа «консерваторов» предопределила поражение номенклатурного руководства в целом на съезде народных депутатов РСФСР.

Во-первых, она политически ослабила Горбачева и продемонстрировала реальность политического раскола в руководстве КПСС. Во-вторых, общественному мнению столиц, формируемому и транслируемому наиболее влиятельными СМИ, был предоставлен убедительный аргумент о политической недееспособности Горбачева, о переходе власти в КПСС под контроль непопулярных и одиозных «крайне правых» (напомним, что на рубеже 80–90 гг. под «правыми» понимались «коммунистические консерваторы», а под «левыми» — «демократические реформаторы»). Наконец, в третьих, в угаре политической борьбы с Горбачевым новые лидеры КП РСФСР заигрались в «суверенизацию» — в результате идея суверенитета РСФСР стала популярной в рядах коммунистических радикалов и была ошибочно воспринята ими как идея, способная укрепить их политические позиции в противостоянии с конкурентами из союзных республик и «реформаторами» в центральном руководстве.

Вот почему в первые же дни работы российского съезда малочисленным и слабо организованным депутатам из неформального блока «Демократическая Россия» (поначалу блок, а точнее, список «демократических» кандидатов, назывался «Демократические выборы-90»; никакой официальной оргструктуры у «ДемРоссии» не было; даже фракцию на съезде еще не создали — так что ничем, кроме брэнда, сторонники Ельцина на тот момент не обладали) удалось внести в повестку дня съезда вопрос о государственном суверенитете РСФСР.

Как утверждалось участниками процесса, группе демократических активистов удалось очень быстро подготовить и предложить Борису Ельцину проект «Декларации о суверенитете». Авторами проекта стали 29-летний научный сотрудник, инициатор попытки создания «Социал-демократической партии России» Олег Румянцев, а также активист «Клуба избирателей АН СССР» (неформальной структуры, возникшей в 1989 г. в ходе борьбы за избрание Андрея Сахарова и ряда других кандидатов народными депутатами СССР от АН СССР), профессор Виктор Шейнис, юрист Леонид Волков и некоторые другие депутаты.

Олег Румянцев был молодым и энергичным «неформалом», человеком эмоциональным и амбициозным, всерьез переживавшим свое участие в историческом процессе и мечтающим о роли «российского Гамильтона». Тот отчасти забавный факт, что свою большую статью о конституционном процессе он назвал «Записками конституционалиста», свидетельствовал, скорее, не о претензиях на эту роль, а именно о мечте, об обостренном восприятии значимости переживаемого страной исторического момента.

«Патриотическая инициатива» демороссов стала неожиданностью для коммунистического руководства. К тому моменту тактика коммунистов на съезде была радикальной, даже экстремистской, и очень несумной. Процессом рулили непосредственно из ЦК КПСС. Организационно-политическое обеспечение борьбы против Ельцина-кандидата в председатели ВС курировал замзаворотделом ЦК КПСС Владимир Бабичев — человек предельно агрессивный и линейный (что, впрочем, не помешало ему впоследствии, при Викторе Черномырдине, стать руководителем аппарата Правительства РФ и одним из лидеров «Нашего дома — России»). Агитация коммунистов сводилась к истерическим накруткам в кулуарах региональных депутатских групп, к призывам «бороться с экстремистами и так называемыми демократами». Разумеется, удар с «суверенитетом РСФСР» коммунисты блистательно пропустили. Текст декларации, составленный «экстремистами», был достаточно грамотным — за него не смогли не проголосовать не только демократы, но и активисты Компартии, и в результате первое же крупное предложение сторонников Ельцина оказалось принято расколотым съездом почти единогласно. Это стало мощнейшей символической победой Ельцина. Это стало и основной причиной того, что опирающийся на неустойчивое большинство в 1 голос председатель Верховного Совета легко провел решение о создании Конституционной комиссии РСФСР и подготовке новой Конституции — это казалось естественным продолжением единственного сюжета, в отношении которого у непримиримых крыльев съезда был консенсус.

При формировании Конституционной комиссии коммунисты, естественно, «отыгрались». В состав комиссии вошли более 100 депутатов, причем коммунисты постарались обеспечить перевес своим сторонникам. Но имен-

но в этот момент Ельцин одержал эффектную аппаратную победу, действуя традиционными номенклатурными методами.

Сразу же после формирования комиссии во главе с председателем — самим Ельциным — было издано распоряжение, которым для подготовки документов к пленарным заседаниям комиссии создавалась «рабочая группа Конституционной комиссии». В ее состав вошли депутаты (31 человек) с определенным профессиональным и политическим уровнем, но, главное, ее политический состав резко отличался от «среднесъездовского» — разумеется, в пользу Ельцина.

Было принято и другое ключевое решение: секретарем Конституционной комиссии стал Олег Румянцев, пожалуй, единственный в тот момент участник демдвижения, который бал «заиклен» на конституционном процессе и именно его считал основой для политических и социально-экономических преобразований. Оппоненты могли оспаривать политические взгляды Румянцева, но им было очень трудно что-либо противопоставить его конституционному энтузиазму. В состав рабочей группы были включены эксперты-юристы, первоначально 8 человек, из которых в качестве «экспертов Конституционной комиссии», основных разработчиков и авторов текста проекта, остались в памяти (и в списке авторов проекта) четверо — доктора юридических наук Валерий Зорькин, Борис Страшун, Леонид Мамут и кандидат юридических наук Виль Кикоть. Был также создан «технический секретариат» — аппарат комиссии: его возглавил соратник Виктора Шейниса по «сахаровской кампании», сопредседатель «Клуба избирателей АН СССР» кандидат физ.-мат. наук Александр Собынин, который в то время был одним из наиболее энергичных и самоотверженных организаторов демдвижения. «Революционный романтик» Собынин быстро сформировал секретариат из числа своих соратников по группе «За демократические выборы в АН СССР», причем многих из них руководители академических институтов, в которых они работали, были вынуждены откомандировать «в распоряжение Верховного Совета РСФСР» по официальному письму за подписью секретаря Конституционной комиссии.

Были в том же аппаратном порядке назначены ответственные за «направления». Координаторами тематических подкомиссий стали Виктор Шейнис, Леонид Волков, Павел Медведев и др. Разумеется, раздел, посвященный правам человека, курировал бывший политэк Сергей Ковалев, ставший председателем комитета ВС РСФСР по правам человека (и казавшийся тогда своим коллегам вполне адекватным и вменяемым человеком). Федеративным устройством занялся научный сотрудник, ученик и соратник Галины Старовойтовой Федор Шелов-Коведяев (который, несмотря на предельно экстравагантный внешний вид — рыжая борода, цветные пиджаки, шелковые шарфы или бабочки и т. д. — первое время умел находить общий язык с «атавизмами» из числа руководителей автономных республик). Подготовкой

основного текстового массива с самого начала занялись эксперты во главе с Валерием Зорькиным, доктором юридических наук из Академии МВД, одним из немногих в СССР специалистов по конституционному праву.

Характерно, что коммунисты не осознали важности «рабочей группы» и даже не попытались внедрить туда своих людей (чему противостоять было бы с формальной стороны невозможно). Входивший в состав группы Сергей Бабурин занимал в тот момент относительно умеренную позицию, а главный коммунистический конституционалист, солнечногогорский судья Юрий Слободкин, крошечного роста тощий красноглазый холерик, сразу же повел дело к созданию «альтернативного», «подлинно советского» проекта Основного закона.

В то же время руководители «рабочей группы» осознавали роль и место проекта как важнейшей политической площадки в полной мере. По словам Олега Румянцева, «с ее [Конституции] принятием становятся неясными назначение и правомочность союзной конституции. И не только самого текста, но и институтов Союза ССР: президентства, Съезда народных депутатов СССР, Совмина и прочая. Доживающий свое Центр это прекрасно понимает — и всеми силами старается вскочить в последний вагон набирающего силу локомотива российской демократической социально-правовой революции. Вскочив, затормозить его ход... Возможно ли нам утратить свою конституционную инициативу, главный козырь нашего суверенитета?» (из статьи «Новая Конституция для России: наши подходы» в бюллетене «Конституционный вестник» № 2, октябрь 1990).

2. Мы — народ... РСФСР, РФР, ФРР? РФ!

Работа над текстом Конституции началась в июле 1990 г. На 31 августа было назначено первое пленарное заседание комиссии под председательством Ельцина.

На этом заседании автор «альтернативного» проекта Конституции Юрий Слободкин выступил с резкими нападками на деятельность «рабочей группы». Он обвинил ее в «утаивании» содержания работы комиссии, в попытках «реставрации абсолютной монархии» под видом президентской власти, в том, что проект Конституции «предусматривает смену общественного строя, отрицает социалистический выбор, раз и навсегда сделанный нашим народом в Октябре 1917 года», «уничтожает Советскую власть, за которую гибли наши отцы, Советскую власть — высшую форму демократии, подразумевающую всеобщее вовлечение народа в процесс управления, возможность отзыва депутатов, сосредоточение в руках Советов всей полноты законодательной и исполнительной власти, Советскую власть — первый шаг на пути к отмиранию государства, власть, объединяющую все слои и группы населения в единую систему органов народного представительства».

Формулировки и интонации Слободкина изначально воспринимались как маргинальные. В политизированном обществе канонические коммунистические идеологемы уже не работали и, несмотря на искренность солнечногорского судьи, создавали впечатление откровенной лжи и ханжества. Куда более успешным оказался другой юрист — ленинец Владимир Варов.

Когда 31 августа, в ходе первого заседания Конституционной комиссии под председательством Ельцина, стало ясно, что большинство присутствующих может не утвердить подготовленные рабочей группой концептуальные предложения, а атмосфера на заседании накалилась, Варов внес предложение, показавшееся поначалу компромиссным — принять предложения комиссии «за рабочую основу». Это предложение было проголосовано, и тем самым главная задача конституционного процесса — обеспечение постоянного политического внимания к развитию идеологии новой российской системы власти — было обеспечено. Тем временем коммунисты, фактически выйдя из диалога, были вытеснены из процесса подготовки документа и сосредоточились на разработке «проекта Слободкина», не имевшего никакой политической легитимности.

С этого момента и вплоть до 10 октября рабочая группа начала форсированную работу по выработке текста проекта Конституции.

Одним из стартовых вопросов — имевших чисто символическое, то есть на тот момент наиболее важное, значение — стал вопрос о названии государства.

К этому моменту Верховные Советы Литовской, Армянской и Грузинской ССР уже приняли официальные решения о переименовании своих государств (в Литовскую Республику, Республику Грузия и Республику Армения соответственно).

Ключевую роль конституционного процесса как процесса, инициатива в котором была выпущена из рук «Центром», Борис Ельцин осознавал глубоко и подчеркивал постоянно. В первый же раз, публично комментируя работу Конституционной комиссии, он расставил точки над «С»: «У нас будет Российская... Федеративная... Республика!» — сказал он в телесинтервью.

В документах рабочей группы были и другие варианты. Леонид Волков придерживался «антифедералистских» взглядов и считал необходимым повышать уровень централизации страны. Именно поэтому он предлагал название «Федеральная Республика Россия» — ФРР — которое во «внутреннем рейтинге» рабочей группы прочно занимало второе место после РФР. Шелов-Коведяев, глубоко погружившийся в федеративную проблематику и озабоченный статусом «субъектов Федерации» (предполагалось вместо областей и автономных республик образовать «федеральные земли»), считал возможным предложить название «Российская Федерация», которое не вызывало у участников работы особого энтузиазма.

В начале сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения по заказу Конституционной комиссии РСФСР (опрошено, по сообщению «Конституционного вестника», 1148 человек в 25 точках по 10 отделениям Центра). В ходе опроса выяснялось отношение к некоторым ключевым «конституционным» темам. Многие вопросы вызвали затруднения у более чем 30 процентов респондентов, другие — у 15–20 процентов. Однако предпочтения выявились достаточно отчетливо.

В частности, отношение к разным вариантам названия было таким: РСФСР — 29,8 процента; название, «не включающее слов Советская и Социалистическая» — 49 процентов, в том числе Российская Республика — 15,7; Российская Федерация — 8,3; Российская Федеративная Республика — 10,2; Федеративная Республика Россия — 14,8.

Неожиданный сдвиг в позиции рабочей группы произошел одновременно — на заседании непосредственно накануне очередного пленарного заседания Конституционной комиссии. Нравы в комиссии были предельно демократичны, сотрудники секретариата принимали участие в обсуждениях, поэтому именно мне довелось сделать рабочей группе сообщение о том, какие проблемы возникают в связи с выбором названия. Я обратил внимание на то, что главными источниками сопротивления при обсуждении проекта могут быть две влиятельные силы — коммунистические радикалы и представители «автономий». «Автономии» в последние месяцы дружно исключали слово «автономная» из своих официальных названий — стремясь повысить свой статус, а, возможно, и войти в обновляемый Союз ССР на других правах. Поэтому возникает угроза смыслового конфликта: «такая-то республика в составе Российской Федеративной Республики» будет звучать дискомфортно. Одиозным является название РФР и для коммунистов — слишком очевидно изменение сводится к отказу от двух любимых ими букв «С». В то же время название «Российская Федерация», хотя оно и непопулярно в рабочей группе, вряд ли вызовет отторжение у коммунистов — это вполне официальное с давних времен название для РСФСР, и даже газета «Советская Россия» определяет себя как «газета коммунистов Российской Федерации». В то же время для автономий формула «республика в составе Федерации» тоже звучит менее конфликтно.

После непродолжительного обсуждения члены рабочей группы пришли к выводу, что появившаяся у них идея смены фаворита в названиях оправдана и разумна. Через некоторое время название «Российская Федерация» стало общепризнанным и единственным, альтернативным названию РСФСР.

Важным с символической точки зрения стало отношение к структуре Конституции, в частности, к ее первому разделу и к ее преамбуле.

В обоих случаях влияние на позицию участников процесса пытался оказать один из наиболее колоритных членов рабочей группы, народный

депутат от автономной республики Коми, диссидент и бывший политзэк, математик Револьт Пимснгов.

Во-первых, Пимснгов выступил категорически против идеи принятия «Декрета о власти» как составной части Конституции. По выраженному им в радикальной и убедительной форме мнению, слово «декрет» дискредитировано революционной практикой и в корне противоречит самой идее конституционного демократического строя, принципам разделения властей. По праву равного, он жестко оппонировал покойному Сахарову и не обращал внимания на «молодого» Варова. Так или иначе, по моему ощущению, именно Револьт Пимснгов сумел понизить популярность идеи «Декрета о власти» в среде «демократов» — возможно, к сожалению.

К сожалению же, другая радикальная идея Пимснгова так и не была услышана «отцами Конституции». Находясь в плену обаяния «главной Конституции в мире» — Конституции США — руководители рабочей группы упорно склонялись к навязчивой формулировке «Мы, народ» как к стартовой формулировке Конституции.

Револьт Пимснгов ополчился на слово «народ». С присущей бывшему стойкому политзаключенному резкостью он объявил, что это слово по своей филологической структуре оскорбительно, что оно происходит от слова «народиться», то есть практически идентично таким словам, как «окот», «отел» и «помет». Пимснгов предлагал пользоваться другими терминами — «люди», «граждане», в крайнем случае, «наследие».

Находясь под впечатлением доводов Револьта Ивановича и соглашаясь с ним, а также исходя из того, что «We the People» может быть переведено и как «Мы люди», я предложил вариант пресамбулы, который, насколько я понимаю, был первым — экспертам-юристам, работавшим над содержательными разделами, было не до того. Вот текст пресамбулы, в котором зафиксировались некоторые тогдашние настроения, ключевое представление об исторической обусловленности единства народа России, а также влияние недавно опубликованного романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»:

Мы, люди Российской земли, объединенные судьбой и жизнью на этой земле, с верой в добро и справедливость, с памятью об отцах, лишенных свободы и счастья, стремясь обеспечить счастье, свободу и благополучие детям, объявляем и провозглашаем настоящую Конституцию основой, на которой зиждется наше государство — Российская Федерация.

Текст был принят руководством рабочей группы — Олегом Румянцевым и Виктором Шейнисом — «за рабочую основу» и переработан до следующего состояния:

Мы, многонациональный народ Российской Федерации, объединенный исторической судьбой и жизнью на этой земле, чья память предков своих, в бедах и страданиях сохранивших и передавших нам светлую веру в добро и справедливость, исходя из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями наших соотечественников, исполненные решимости утвердить свободу, права человека и достойную жизнь в нашей стране, обеспечить гражданский мир и национальное согласие, возродить общество и сделать незыблемой демократическую государственность Российскую — принимаем настоящую Конституцию и считаем ее впредь *Основным Законом нашего общества и нашего государства*.

Именно этот текст был вынесен на обсуждение пленарного заседания комиссии 12 октября 1990 г. и впоследствии, претерпев многочисленные изменения и, надо сказать, будучи существенно отредактирован, дожил до окончательного варианта 1993 г.¹

3. Президент или парламент?

Но помимо символических идеологических процессов размежевания с советской уходящей натурой, эффективной площадкой для которых стала Конституционная комиссия, очень скоро в центре ее внимания оказались другие темы — темы будущего, темы, важные для возникающего на бумаге, в ходе споров о названиях, реального конституционного строя.

Некоторые концептуальные положения не вызывали в «рабочей группе» принципиальных споров.

Так, сразу же возобладала идеология, впервые сформулированная неформальным лидером группы экспертов Валерием Зорькиным, которую можно свести к двум позициям: во-первых, Конституция должна быть законом прямого действия, во-вторых, — Конституция не может приниматься «на

---

¹ «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем *Конституцию Российской Федерации*» (Конституция России. Введение) — *прим. ред.*

переходный период», на время, она должна быть «Конституцией на века» — только тогда она сможет консолидировать общество и, в результате, стать эффективным инструментом решения злободневных задач.

Рабочая группа также согласилась, что в основу структуры документа должна быть положена следующая логика: основные принципы — права человека — гражданское общество — федеративное устройство — государственная власть — заключительные и переходные положения.

Достаточно спокойно обсуждались вопросы федеративного устройства. Главным из них было отношение к этнической автономии. Член рабочей группы, народный депутат РСФСР Анатолий Шабад — в прошлом известный физик-теоретик, соратник Андрея Сахарова и активный участник движения «За демократические выборы в АН СССР» — занимал позицию почти экстремистскую. Под впечатлением трагических событий в Нагорном Карабахе Шабад превратился в адепта национальной автономии любой ценой и на любой территории. Он всерьез рассуждал о «доменной структуре» федерации (терминология из физики ферромагнетиков): если внутри какого-либо субъекта федерации компактно проживает какая-то национальная группа, то она должна получить автономию. Если внутри ее территории проживает другая группа — еще одна, вложенная, автономия. И так далее.

Разумеется, куда большей поддержкой пользовалась идеология координатора подкомиссии Федора Шелова-Коведяева — идеология формирования однородных субъектов Федерации, республик (здесь). При этом подчеркивалось, что в полной мере отойти от национально-этнического принципа не удастся, но наряду с национальными автономиями должны «образоваться русские автономные республики, возникающие через объединение краев и областей на основе экономической достаточности и историко-географического взаимного тяготения» (из записки Д. Юрьева и Г. Ковальской, опубликованной в «Конституционном вестнике» в октябре 1990 г.).

Не вызвал в рабочей группе разногласий и вопрос о разделе, посвященном правам человека. Этот раздел был отдан на откуп «правочловекам» — энтузиастам-правозащитникам, группировавшимся вокруг Сергея Ковальца. Надо сказать, что «правочловеки» работали наиболее эффективно и результативно — их наработки практически без изменений перешли в окончательный вариант конституционного документа.

Камнем преткновения, разумеется, стал вопрос о выборе формата власти — о президентской или парламентской республике.

Здесь столкнулись две позиции, каждую из которых защищали сильные (в тогдашнем раскладе) игроки.

Как отмечалось в «Конституционном вестнике» в октябре 1990 г., «в рабочей группе сначала возобладал подход, предложенный подкомиссией «Высшие органы государственной власти. Избирательная система» (коор-

динаторы Л. Б. Волков и В. Л. Шейнис), при котором правительство, ответственное перед парламентом, соседствует с сильным Президентом, являющимся главой государства и имевшим возможность влиять на действия правительства (так называемая «полупрезидентская» республика). Вариант Л. Б. Волкова и В. Л. Шейниса был подвергнут наиболее тщательной проработке в Рабочей группе. Большинство членов Рабочей группы, принимавших на заключительном этапе участие в подготовке проекта Конституции, отдали предпочтение другому варианту, подготовленному на основании предложения проф. В. Д. Зорькина, эксперта Конституционной комиссии – варианту президентской республики, при котором Президент, являющийся главой исполнительной власти, и Парламент – высший орган законодательной власти, в равной степени ответственны перед народом... Достичь по этому вопросу согласия в Рабочей группе не удалось, поэтому в проект Конституции включены два параллельных варианта».

Следует обратить внимание на то, что проект, вынесенный на пленарное заседание комиссии 12 октября, был сброшюрован и отредактирован таким образом, что глава 5. 1 разбивалась на два варианта: вариант А (парламентская республика) и вариант Б (президентская) – разумеется, в рядах участников процесса варианты назывались «зорькинским» и «шейнисовским».

Позиции оппонентов были непримиримы и уже тогда можно было понять, что в этом расколе заложены будущие конфликты между разными подходами к новой российской государственности.

Будущий соучредитель «Яблока» Виктор Шейнис и «социал-демократ» Леонид Волков откровенно лоббировали парламентарный вариант власти. Это импонировало их интеллигентским идеалам, их представлениям о том, как должна функционировать политическая элита в новой России, их страхам в отношении «первого лица, которое будет командовать» – страхом персонифицированным, связанным с личностью Ельцина (о чем, впрочем, в тот момент вслух говорить в демо-интеллигентской среде было не принято). Как утверждал Леонид Волков, «Президент России не должен быть всероссийским управдомом... Имея возможность влиять на различные власти, он в то же время не может командовать ими. Роль «всероссийского управдома» должно взять на себя Правительство – Совет министров, которое избирается парламентом и отвечает перед ним. Парламент по воле большинства народных представителей вправе в любой момент сместить Правительство, не нарушая при этом устойчивости самой системы власти... Президент наделен достаточными возможностями влиять на перемены в парламентском большинстве. Влиять, но не командовать».

Оппонируя ему, Валерий Зорькин предлагал «определиться относительно формы правления Российской Федерации с учетом как преимуществ, так и недостатков той или иной формы под углом зрения конкретно-исторических особенностей страны... Важно осознать, что закладываемая в Конститу-

цию юридическая конструкция формы правления должна быть выработана не на основе сиюминутных настроений, а исходя из стратегических целей и интересов».

По мнению проф. Зорькина, «в парламентарной республике деспособность исполнительной власти, принадлежащей правительству во главе с премьером, зависит прежде всего от наличия устойчивой двухпартийной (в крайнем случае трехпартийной) системы, которая позволяет создать жизнеспособное однопартийное или коалиционное правительство. Очевидно, что при существующих обстоятельствах Россия от этого весьма далека».

«В целом парламентарная республика (как, например, в Италии) и полупрезидентская (как во Франции) рассчитаны на ухоженные политические газоны и не слишком большие штормовые нагрузки, — резюмировал Зорькин. — В наших же политико-климатических условиях попытка апробировать полупрезидентскую форму, как показывает сегодняшний опыт с общесоюзными органами власти (где, казалось бы, в полном соответствии с требованиями авторов «полупрезидентского варианта», есть и сильный президент, и премьер, ответственный перед парламентом, и сам парламент), приводит к тому, что полупрезидентская республика неизбежно вырождается в безответственную суперпрезидентскую диктатуру. Заметим, что аналогичная ситуация воспроизводится и на местах: председатель Совета («президент»), председатель исполкома («премьер»), Совет («парламент») — скопировали тот же запутанный клубок противоречий, в котором оказались Горбачев, Рыжков и Верховный Совет СССР. Следует очень серьезно задуматься, стоит ли обречь, вслед за Союзом и местными Советами, теперь еще и Российскую Федерацию на подобный эксперимент. Думается, вопрос о выборе формы правления имеет для России огромное значение. Здесь ошибка может оказаться не просто демонстрацией неправильно выбранного варианта, а в целом надолго затормозит переход к свободе и цивилизованной государственности».

Ближе к пленарному заседанию 12 октября 1990 г. страсти стали накаляться. Первоначально свой небольшой «административный ресурс» применили формальные руководители рабочей группы — Олег Румянцев и Виктор Шейнис (Румянцев, который пытался соблюдать объективность — для него «проект в целом» был, несмотря ни на что, абсолютным приоритетом по сравнению с «частностями» формы правления — по существу склонялся к «парламентскому варианту»). Благодаря этому, а также с креативной помощью привлеченных Румянцевым соратников по создаваемой им «социал-демократической партии» (среди которых были знаменитый в то время народный депутат СССР Александр Оболонский, тот самый, который «альтерна-

тива Горбачеву» в мае 1989 г., а также будущий «яблочник» и замминистра природных ресурсов Кирилл Янков, бывший «социалистический диссидент» и будущий замминистра труда Павел Кудюкин и другие), «вариант Шейниса» стал «вариантом А» в сброшированном проекте.

В этот момент процессы в рабочей группе «вышли из сумрака». До какого-то момента Ельцин и его окружение не вмешивались в работу над проектом Конституции напрямую. «Конституционный процесс» был важным фактором политического давления на «Центр», способом легализации новых подходов к власти и управлению, но политика делалась не там.

Впрочем, осенью 1990 г. Конституционная комиссия и ее аппарат стали популярными «точками встречи». Перед рабочей группой выступали члены Совмина, сй презентовал свою программу недолго пробывший на посту вице-премьера Григорий Явлинский. В комиссию часто приходили депутаты из регионов — именно здесь они оказывались вовлечены в большую политику, «попадались на глаза» (как, например, красноярский физик Юрий Москвич, будущий полпред президента в Красноярском крае, или директор вятского совхоза Вениамин Сумароков — будущий полпред Ельцина в Кировской области).

К работе комиссии все более внимательно относились ближайшие к Ельцину и наиболее влиятельные люди — полномочный представитель председателя ВС РСФСР, народный депутат СССР Геннадий Бубулис, председатель комитета ВС по законодательству Сергей Шахрай, министр юстиции России Николай Федоров, помощники Ельцина Лев Суханов и Виктор Илюшин. Лоббистами проекта Зорькина выступали некоторые депутаты — члены рабочей группы, а также Александр Собянин и большинство работников секретариата.

Разумеется, когда возникла необходимость, в работу рабочей группы вмешались. По результатам пленарного заседания комиссии проект вышел в измененном виде — теперь «вариантом А» стал вариант Зорькина. Впрочем, споры и скандалы вокруг вариантов некоторое время нарастали. Однако это уже ни на что не влияло. «Рабочая группа» сыграла свою рабочую роль.

4. Неизвестные отцы

Все, что было нужно, было сделано. С помощью проекта «Конституционная комиссия» Борису Ельцину и его команде удалось сыграть в свою игру — легализовать тему необходимости радикального правового реформирования системы власти, сформулировать несколько важных символических вещей (новое название, президентская форма правления, основные политические принципы).

Октябрьский опрос ВЦИОМа показал, что некоторые конституционные принципы успешно внедрены в массовое сознание.

58,6 процентов респондентов полагали, что во главе России должен стоять президент, избираемый всеобщим голосованием (57,2 процента). По мнению 46,5 процентов опрошенных, этот президент должен иметь возможность издавать указы, имеющие силу законов. 54,2 процента считали, что новую Конституцию надо принимать всеобщим референдумом. По мнению 52,5 процентов, органы Союза ССР не должны иметь права отменять или приостанавливать решения органов РФ, в то время как органы РФ должны иметь права отменять решения союзной власти по мнению 48 процентов опрошенных.

Вместе с тем, принять Конституцию в рамках имеющихся механизмов и возможностей было, с очевидностью, нельзя.

Этого не позволил бы ни политический состав съезда (в лучшие времена Ельцин с трудом набирал там простое большинство), ни действующее законодательство.

Однако Конституционная комиссия полностью выполнила свою задачу за несколько месяцев 1990 г. Она вбросила в общественное сознание устойчивое представление о том, что новая Конституция должна быть принята, и о том, как она должна выглядеть. Возникла удобная ситуация отложенного старта, которой блестяще воспользовались те, кто был способен этим воспользоваться.

В конце 1990 г. Валерий Зорькин, апологет безусловного принятия «вечной Конституции» и противник «времянки», сформулировал парадоксальное предложение: чтобы вывести проект Конституции из-под угрозы постоянной порчи гнилыми компромиссами, нужно пойти на практику внесения масштабных поправок в действующую Конституцию — потому что только это обеспечит юридическую базу для той радикальной политической реформы, к которой был готов перейти Ельцин.

И процесс пошел. «На излете» 1990 г. был принят закон о референдуме, что позволило провести 17 марта 1991 г., параллельно с союзным референдумом, всероссийское голосование за то, чтобы главой РСФСР был «Президент, избираемый всем народом». Безусловная победа на референдуме позволила перейти к внесению огромного количества поправок в и без того монструозную Конституцию.

Валерий Зорькин на себе испытал следствие одной из смешных недоработок авторов поправок: вводя в Конституцию должность президента, они забыли поручить именно ему внесение на съезд кандидатур членов Конституционного суда — это осталось прерогативой председателя Верховного Совета, и будущего первого председателя КС рекомендовал к избранию осенью 1991 г. уже Руслан Хасбулатов.

1991 г. прошел под знаком других процессов — процесс распада Союза вступил в решающую фазу. А когда наступил ноябрь 1991 г. и возникло «правительство реформ» во главе с Ельциным, Бурбулисом и Гайдаром, политическая структура страны изменилась коренным образом.

Теперь съезд в целом превратился в главного политического оппонента новой власти. И попытки Олега Румянцева реанимировать Конституционную комиссию «под Хасбулатовым» были обречены: «спикера Всея Руси» Руслана Имрановича интересовали другие конституционные новации, такие, как возможность «автоматического прекращения полномочий президента» в случае попытки с его стороны «ропуска законно избранных органов власти», и для него любые «конституционалисты» могли служить исключительно инструментом в борьбе «за власть Советов» — разумеется, предельно персонифицированную в его, Руслана Имрановича, inferнальной личности.

Тем временем дело взял под контроль Сергей Шахрай, успевший в течение 1991–92 гг. побывать и членом Госсовета РСФСР, и вице-премьером, и начальником главного правового управления АП. Как утверждается, еще в 1992 г. он без шума собрал группу юристов, которая начала кропотливую техническую работу по доводке текста проекта до рабочего уровня. Разумеется, то, что пришло из Конституционной комиссии, было достаточно сыро и — по мнению многих экспертов — чересчур «социал-демократично» и декларативно, иногда в ущерб юридической грамотности. Но это было как раз тем, что не создавало проблем для юристов Шахрая.

На этапе подготовки окончательного проекта Конституции, в 1993 г., Сергей Шахрай привлек в свою команду двух тяжеловесов — юристов и политиков одновременно: петербургского мэра Анатолия Собчака и бывшего председателя Комитета конституционного надзора СССР, профессора Сергея Алексеева.

Что касается «рабочей группы», то она удалась с политического горизонта тихо, незаметно и иногда грустно.

10 октября 1990 г. в брошюре с текстом проекта были перечислены в качестве его основных «соавторов»: члены рабочей группы, народные депутаты РСФСР Валерий Адров, Фануза Арсланова, Лсонид Волков, Борис Золотухин, Сергей Ковалев, Павел Медведев, Револьт Пименов, Олег Румянцев (руководитель группы), Юрий Рыков, Сергей Сироткин, Федор Цанн-Кай-Си, Виктор Шейнис, Федор Шелов-Коведяев, народный депутат СССР Александр Оболснский, эксперты, профессора Валерий Зорькин, Виль Кикоть, Леонид Мамут, Борис Страшун, сотрудники секретариата Александр Собянин, Людмила Семина, Нина Сотникова, Дмитрий Юрьев, Татьяна Корниенко, Галина Ковальская, Михаил Афанасьев, Владимир Купченко, Александр Гольцблат.

Осенью 1990 г. от ураганного рака мгновенно умер Револьт Пименов.

Олег Румянцев, который в конце 1990 г. имел основания для того, чтобы воспринимать себя как одного из первых руководителей государства (во всяком случае, в Конституционной комиссии он и вправду был фактически вторым человеком после ее председателя — Бориса Ельцина), оказался оттеснен от реального политического процесса вместе с быстро устаревшим депутат-

ским корпусом, а в октябре 1993 г. принял участие в «обороне Белого дома» и выступил по радио в поддержку «народного восстания против преступного режима». Политическая карьера его — как и очень многих «народных избранников» 90-го года — пошла на спад, зато — в отличие от многих из них — сменилась успешной бизнес-карьерой: в начале 2000-х гг. он «всплывает» в серьезной роли в достаточно серьезном нефтяном проекте.

Виктор Шейнис, человек с типичной внешностью меньшевика из плохого советского фильма о революции, прошел за неполных два года большой и трудный путь от безусловного интеллектуального авторитета демократического и признанного носителя острого здравого смысла до одиозного типажа зашоренного и заштампованного «яблочника». Именно ему Россия обязана появлением в 1993 г. фантастического «положения о выборах» по партийным спискам в отсутствие реальных партий.

Валерий Зорькин, оказавшийся в центре событий и внимания, чуть было не занял высокую должность начальника канцелярии госсекретаря РСФСР Бурбулиса (была такая идея) — но что-то не сложилось, и пришлось удовольствоваться должностью руководителя судебной власти страны. В 1993 г. Зорькин оказался в ситуации тяжелейшего личного кризиса и психологического срыва, превратившись на время в предельно эмоционального и неадекватного «трибуна». Удивительным образом ему удалось полная морально-политическая ремиссия, и через десять лет после драматического отстранения от должности он был вновь избран председателем Конституционного суда.

Федор Шелов-Коведяев, после кратковременного пребывания в должности первого заместителя министра иностранных дел РСФСР, занялся научной работой и пиаром по мелочам.

«Альтернативу Горбачеву» — Александра Оболенского — я как-то увидел на улицах Москвы, совершенно неформатного и с реальной авоськой в руке.

Боевой секретариат тоже понес тяжелые потери — в 1997 г. после тяжелой болезни умер Александр Собянин, один из наиболее ярких и незапятнанных представителей «демократической волны» 1989–90 гг. А летом 2003 г. трагически погибла Галя Ковальская, которая сумела после недолгой службы демократии в Конституционной комиссии переквалифицироваться из научного работника в блестящую журналистку, «приму» репортажа.

Летом 1993 г. конституционный вопрос ненадолго обострился — было созвано Конституционное совещание. Оно проходило в обстановке жесткой конфронтации. На совещании вновь возник малосный и страшный призрак коммунизма — Юрий Слободкин — и его как-то очень смешно и некрасиво выносили из зала, теряя на ходу ботинки.

В течение двух лет Конституция РСФСР оставалась жертвой маньяка-компромисса. Она была изуродована до неузнаваемости. Отстаивая политические символы, депутаты отказывались утверждать госсимволику, требовали

считать названия «Российская Федерация» и «Россия» равноценными, запрещали именовать правительство просто «Правительством» (а обязательно еще и «Советом Министров»), что породило монстра по имени «Совет Министров минус Правительство Российской Федерации минус России».

Указ № 1400 вынес из небытия на суд общественности готовый проект Конституции страны. В горячке послепутчевых выборов избиратели относительным большинством голосов поддержали ЛДПР, а абсолютным — утвердили Конституцию. Как ни удивительно, результат оказался устойчивым и достаточно эффективным, а в основу общественно-политической жизни России впервые был помещен писанный закон, официально принятый и опубликованный для всеобщего сведения.

~

М. К.

КАПИТУЛЯЦИЯ ПЕРЕД ЗЮГАНОВЫМ:

ИНИЦИАТИВА 13-ТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В ЗЕРКАЛЕ РУССКИХ СМИ (1996)

После победных для коммунистов выборов в Государственную Думу в декабре 1995 года и накануне выборов президента России, назначенных на 16 июня 1996 года, либеральный политический класс России не верил, что Борису Ельцину, чей электоральный рейтинг тогда колебался в пределах между одним и двумя процентами, удастся составить хоть какую-то конкуренцию уверенно наступавшему лидеру коммунистов Геннадию Зюганову и вновь стать президентом России. Либеральный класс вынужденно поддерживал Ельцина, но лихорадочно искал новых имен и способов избежать коммунистической контрреволюции. В тени растущей коммунистической оппозиции росли ставки бонапартиста генерала Александра Лебеда и социал-либерала Григория Явлинского, но у них не было никаких шансов победить Зюганова. В таких условиях крупный российский бизнес в начале 1996 года, предварительно собрав значительные средства на финансирование президентской кампании Ельцина, начал собственную политическую игру, целью которой было сохранение рыночной реальности в ожидаемом некоммунистическом будущем.

Нелишнее заметить, что крупный бизнес был более чем обязан режиму Ельцина своими капиталами и влиянием. Именно по указу Ельцина от 31 августа 1995 г. была совершена фактическая льготная приватизация через схему «залоговых аукционов», по которой бизнес предоставил государству кредиты под залог крупнейших промышленных и особенно – нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих государственных активов. Предприятия эти бизнес взял в управление, а средства на кредиты позаимствовал через банковские схемы у того же государства. Так в России родились крупнейшие и политически активные финансово-промышленные группы, хозяев которых позже назвали «олигархами»: МОСТ В. А. Гусинского (вклю-

чавшая медийные активы: радио «Эхо Москвы», телеканал НТВ, газету «Сегодня»), Менатеп-ЮКОС М. Б. Ходорковского, ОНЭКСИМ-Интеррос В. О. Потанина, группа Б. А. Березовского, Альфа-Групп М. М. Фридмана и другие. Не успев даже в полной мере войти в управление собственностью, крупнейшие бизнесмены, видимо, решили, что Ельцин уже не может служить достаточным гарантом стабильности их приобретений. В начале 1996 г. в кругу Гусинского, Березовского и Ходорковского возникла идея примирения (раздела власти) с Зюгановым ради сохранения собственности и минимальных политических свобод, служащих пространством реализации и защиты собственности.

Первое российское исследование политической истории президентских выборов 1996 года предпринял Олег Мороз. В посвященной этому мемуарно-публицистической книге он несколько страниц уделил и описываемой политической инициативе бизнесменов. Он вспоминает о том, как инициаторы начали публичную игру: «Вечером 24 апреля в программе «Вести» Российского телевидения прозвучало сообщение, что в ходе предвыборной гонки, похоже, нарождается еще одна, четвертая, сила: согласно сообщению некоего «осведомленного источника», в последнее время «группа крупнейших российских промышленников и предпринимателей вела консультации с командами двух претендентов на пост президента России — Ельцина и Зюганова; результатом этих консультаций, вероятно, завтра станет открытое обращение предпринимателей к кандидатам в президенты». Обращение появилось не «завтра», то есть не 25-го, а 27 апреля. Называлось оно «Выйти из тупика!»...»¹

Глава тогдашнего предвыборного штаба Ельцина А. Б. Чубайс, похоже, не вполне откровенно признался мемуаристу: «Выступить с таким обращением — это, по-моему, была идея Березовского. А может быть, и Ходорковского. Он ведь, как известно, тогда был близок с коммунистами. Но я точно не помню, боюсь соврать. Нет, кажется, вспомнил — это придумал Кургинян...»² Источник либерального журнала «Деньги» в среде

---

¹ Олег Мороз. 1996: Как Зюганов не стал президентом. М., 2006. С. 291.

² Олег Мороз. 1996... С. 302. Следует отметить, что близкий к коммунистам политический консультант С. Е. Кургинян был признанным автором текста, а не инициатором. См. об этом современные события интервью публициста Александра Янова: «Авторство манифеста 13-та приписывается известному «методологу» Сергею Кургиняну, работающему, как принято считать, и на Ельцина, и на Зюганова. Не знаю, правда ли это. Но, судя по высокопарному стилю и пафосным интонациям, похоже» (Московский комсомолец. 3 июня 1996); Николай Сванидзе: «то, что Кургинян принимал участие в письме 13-ти, это для меня не секрет с самого появления письма. Вопрос ведь в том, что в данном случае письмо не ограничивается авторством Кургиняна» (Литературная газета. 29 мая 1996).

банкиров в те дни прямо признал, что «инициаторами стали г-да Гусинский и Березовский»³.

Сегодня один из участников инициативы, Ходорковский вспоминает о себе, своем круге и истинном замысле инициативы так: «Я хорошо помню мрачноватый январь 1996-го. Тогда большинству либералов и демократов было трудно и тоскливо на душе от безоговорочной победы КПРФ на думских выборах-1995. (...) у меня и моих единомышленников не было ни малейшего сомнения, что Зюганов выиграет предстоящие президентские выборы. (...) И потому я в числе еще 13 крупных (по тем временам) бизнесменов подписал в марте 1996г. почти забытое сейчас обращение «Выйти из тупика!». Идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили. Президентом России должен оставаться Борис Ельцин – как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен был стать глава КПРФ. (...) Компромиссный тандем Ельцин-Зюганов, как всем известно, не состоялся. Почему – лучше знают те, кто в отличие от меня был вхож в Кремль. Может быть, виноваты ближайшие ельцинские соратники, которые не хотели ничем делиться, пусть даже и ради предотвращения затяжной нестабильности. А может – Геннадий Зюганов, который то ли не хотел договариваться, будучи на 100% уверен в собственной победе, то ли, как считают теперь многие его товарищи по чувствам и перу, просто не хотел власти в России...»⁴

Настоящие заметки, основанные на личных наблюдениях, сделанных в ходе событий, имеют своей целью описание не внутренней, а *общественной*, в каком-то смысле «электоральной» истории инициативы предпринимателей – так, как она отразилась в СМИ, и так, как это переживалось читателями тогдашних русских газет. Именно ради описания *общественной истории* автор намеренно отказался от идеи дополнить материалы СМИ интервью с участниками и наблюдателями инициативы (они были бы легко доступны сегодня). Может быть, внешнее описание этого забытого дела и спровоцирует свидетелей на опровержения и мемуары.

Обращение «Выйти из тупика!»

Итак, «Обращение 13-ти предпринимателей» (далее – О13), названное «Выйти из тупика!», было широко опубликовано в печати 27 апреля 1996⁵ –

³ Деньги. 12 мая 1996.

⁴ Михаил Ходорковский. Левый поворот//Ведомости (Москва). 1 августа 2005. № 139.

⁵ В газетах: «Коммерсантъ-Daily», «Известия», «Сегодня», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда». Автор благодарит Бориса Косарева за помощь в работе с массивом газетных публикаций 1996 года.

в последние дни перед традиционной праздничной майской паузой в России, когда с 1 по 9 (фактически по 12–15) мая, во время которой медийная, деловая и политическая активность замирает. С точки зрения учета, развития или корректировки общественной реакции, время для публикации О13 было выбрано крайне неудачно. Легко предположить, что оно и не предполагало широкой общественной дискуссии, будучи обращенным едва ли не персонально к Зюганову и его ближайшему кругу. О13 гласило (приводится полностью):

« 1. Общество расколото. Этот раскол катастрофически нарастает с каждым днем. И трещина, разделяющая нас на красных и белых, своих и чужих, проходит через сердце России.

Накаленность предвыборной борьбы побуждает противоборствующих политиков к тому, чтобы одним ударом разрубить узел проблем. Силы, стоящие за спиной политиков, ждут своего часа. Они выйдут на следующий день после победы любой из сторон. Это произойдет с роковой неизбежностью вопреки воле отдельных личностей. Ибо после июньского голосования фактически от лица меньшинства, каким бы оно ни было – красным или белым, будет получен мандат на реализацию правил жизни, категорически отвергаемых огромной частью общества.

В итоге победит не чья-то правда, а дух насилия и смуты. Взаимное отторжение политических сил столь велико, что утвердиться одна из них может только путем, ведущим к гражданской войне и распаду России.

В этот ответственный час мы, предприниматели России, предлагаем интеллектуалам, военным, представителям исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов и средств массовой информации, всем тем, в чьих руках сегодня сосредоточена реальная власть и от кого зависит судьба России, объединить усилия для поиска политического компромисса, способного предотвратить острые конфликты, угрожающие основным интересам России, самой ее государственности.

2. Российских политиков необходимо побудить к весьма серьезным взаимным уступкам, к стратегическим политическим договоренностям и их правовому закреплению. Иного выхода просто не существует. Понятна правда каждой из политических сил. Но ни одна из сил не имеет права навязывать насильственно свою правду всему обществу.
3. Мы разделяем особую озабоченность патриотических сил судьбой России, как исторически сложившегося союза народов, в котором русские играли и играют собирательную роль.

Однако надо четко проводить грань между конструктивной политикой и политическими спекуляциями на национальной теме. В России более половины детей от смешанных браков. Мы все – россияне,

и попытка разделить нас на чистокровных и инородцев противоречит самой сути державного собирания народов России.

4. Деятельность отдельных политических фигур и политических партий привела к тому, что слово «демократия» превратилась для многих наших сограждан чуть ли не в синоним антигосударственности. Оплевывание исторического пути России и ее святынь, растаптывание советского периода истории России – должны быть отвергнуты и прекращены.

Вместе с тем нельзя допустить, чтобы оказались дискредитированы великие идеи свободы⁶, гражданственности, справедливости, права и правды – это и есть то главное, что несет с собой действительное народовластие. Именно это отстаивается миллионами россиян, вопреки издержкам реформ голосующими за демократов и демократию. Это голосование говорит о том, что Россия неукротимо стремится взять правовой барьер, барьер информационной и гражданской свободы. Такое стремление необходимо уважать и учитывать в политическом балансе, создаваемом во имя защиты государственных интересов России.

5. Серьезная политическая угроза таится в том, что в случае победы на президентских выборах коммунисты реально могут предпринять попытку идеологического реванша. Это дает основание в очередной раз видеть в них силу, желающую принимать окончательные и жизненно важные решения как бы от лица всего общества.

Мы понимаем коммунистов и признаем их политическую роль как выразителей интересов социальных групп, пострадавших в ходе непростых, а часто и ошибочных реформ. Однако коммунисты не должны настаивать на отказе общества от мучительных достижений последнего десятилетия. Осуждая исторические итоги этого десятилетия, обвиняя все другие силы в губительных шагах, коммунисты как минимум должны разделить с ними ответственность за развал СССР. На КПСС, преемницей которой объявила себя КПРФ, лежит и ответственность за поражения застоя. Именно под руководством КПСС страна проспала две технологические революции: современную индустриальную в 60-е годы и информационную в 70-е. Именно верхушка КПСС повинна в развале СССР. Именно этот развал повлек за собой необходимость проводить реформы в условиях дефицита государственного управления и именно «аварийность» этого реформирования привела к столь болезненным социальным издержкам.

Используя в борьбе за власть ностальгию, тоску по безвозвратно утерянному образу жизни 70–80-х годов, коммунисты фактически делают то же, что и их противники! Те эксплуатировали несбыточную мечту

---

⁶ Интересно, что в первом варианте обращения, подготовленном «инициативным ядром», упоминаний о «свободе» не было.

населения о скором обретении западного благополучия. Эти эксплуатируют мечту о мгновенном возврате к стандартам жизни эпохи застоя. Думают ли политики о том, что произойдет после очередного неизбежного разочарования народа?

6. Между тем ко второй половине 90-х годов процесс реформ все же начал давать определенные, хотя и слабо ощутимые результаты. Суля возврат утерянного, на деле легко лишить страну этих трудно и мучительно достигаемых приобретений и лишь умножить утраты, еще сильнее дестабилизировать общество. Тот, кто игнорирует это обстоятельство, берет на себя всю тяжесть политической и исторической ответственности за очередную государственную и социальную катастрофу.
7. Последние действия различных политических сил подтверждают наши худшие опасения. Налицо вытеснение государственных интересов узкополитическими целями. Угроза государственного кризиса, вызванная необдуманной денонсацией Беловежских соглашений, – вот один из тревожных моментов предвыборного противостояния, когда Государственная дума причинила явный ущерб государственности. Реализация этих инициатив превратила бы Россию в мини-СССР, который вскоре мог быть развален тем же способом, каким развалили большой Союз в 1991 году.

Говоря об этом, мы вовсе не хотим демонизировать одну из сторон. Ущерб государственности наносят и действия нынешней власти. Неэффективная политика в Чечне, создавшая угрозу целостности России, – вот еще один из эпизодов обесценивания государственности в угоду политике.

Трагичность нынешней ситуации как раз и состоит в том, что политическая борьба толкает каждую из основных сил на действия, вольно или невольно наносящие ущерб и без того хрупкой государственности России.

8. Мы понимаем, что в стране найдутся группы, желающие наращивать политическую напряженность. Найдутся и сознательные, упорные антигосударственники. Мы не хотим заниматься изнурительной и бесплодной педагогикой! Те, кто посягает на российскую государственность, ставя на идеологический реваншизм, на социальную конфронтацию, должны понимать, что отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия и на слишком беспринципных, и на слишком бескомпромиссных политиков.

Россия должна войти в XXI век процветающей, великой державой. В этом наш долг перед нашими предками и потомками.

Президент группы Логоваз – Б. А. Березовский

Председатель Правления Сибирской нефтяной компании – В. А. Городилов

Председатель Совета Директоров группы
Мост – В. А. Гусинский
Президент КБ им. Яковлева – А. Н. Дундуков
Президент МАК «Вымпел» – Н. Б. Михайлов
Президент нефтяной компании «Юкос» – С. В. Муравленко
Президент компании Роспром – Л. Б. Невзлин
Президент – генеральный директор АО «Авто-
ваз» – А. В. Николаев
Председатель Правления КБ «Возрождение» – Д. Л. Орлов
Президент АКБ «ОНЭКСИМбанк» – В. О. Потанин
Президент АКБ «Столичный банк Сбереже-
ний» – А. П. Смоленский
Председатель Совета Директоров консорциума Альфа-груп-
па – М. М. Фридман
Председатель Совета Директоров банка «Менатеп»
М. Б. Ходорковский»

В авторском составе, хоть и получившем общее имя «предпринимателей», выделялись две генетические части: а) собственно бизнесмены – Березовский, Гусинский, Ходорковский и его партнер Невзлин, Орлов, Потанин, Смоленский, Фридман; б) экс-советские руководители производств, «красные директора»: экономически зависимые от Березовского – Городилов и Николаев, зависимый от Ходорковского Муравленко, свободные от прямых зависимостей Дундуков и Михайлов.

«Умиротворение агрессора»

Из всех газет лишь коммунистическая «Советская Россия» сообщила, что публикации предшествовала встреча 24 апреля Березовского, Гусинского, Смоленского, Ходорковского и Потанина с редакторами левых (коммунистических) газет. Хотя в своем замысле Огз было обращено к лидерам противоборствующих сил, Ельцину и Зюганову, и, исходя из его авторского состава, должно было скорее играть сдерживающую роль в отношении реставраторских амбиций Зюганова, предварительная встреча авторов с левыми с самого начала задала Огз подтекст того, что оно было особо адресовано левым силам и имело своей целью их «умиротворение». Одновременно в среде журналистов и аналитиков стали распространяться комментарии по поводу Огз: в том смысле, что Огз было подобно известному письму германских промышленников Гинденбургу с требованием назначить канцлером Гитлера и, таким образом, является предательством по отношению не столько к Ельцину, сколько к демократии. В таких либеральных изданиях, как «Коммерсант-Daily», «Коммерсант-Weekly», «Сегодня», «Независи-

мая газета», возникла, поначалу неявная, оппозиция Отз, в лучшем случае создававшая фон недоумения и разочарования действиями авторов Отз. Тем не менее, в первые дни после опубликования Отз в целом поддержали либеральные «Московские новости», «Коммерсант-Daily», «Независимая газета», «Сегодня», массовые «Труд» и «Комсомольская правда». При этом лишь немногие толковали Отз в антикоммунистическом духе. Но именно в антикоммунистическом духе его поначалу восприняли левые – в этом чувствовалась, однако, не их какая-то особая оценка текста Отз, а просто их политическая бескомпромиссность, их нежелание вдаваться в детали того непроизнесенного компромисса, с которым выступала верхушка «классово враждебного» бизнеса.

В Отз туманно говорилось о заключении неких «стратегических политических договоренностей и их правовом закреплении» – а 30 апреля в интервью информационному агентству «Интерфакс» один из коммунистических лидеров, известный своим антиельцинским радикализмом, Виктор Илюхин озвучил проект создания Государственного совета.

Березовский в интервью «Коммерсанту» (опубликованом 30 апреля 1996) не скрывал своего согласия с Илюхиным и намерений группы 13-ти: «Разумный человек сможет сформулировать сотни вариантов реализации [обращения]: создание Госсовета, внесение поправок к Конституции, предложение поделить часть функций и полномочий с оппозицией. По имеющейся у меня информации, президент оценил обращение положительно. Что касается Зюганова, то он сказал, что готов встретиться. Судя по его реакции, он видит возможность компромисса. Люди, подписавшие обращение, традиционно считаются людьми из президентского лагеря... Обращение вовсе не подразумевает отмену или перенос выборов. На самом деле, все мы должны действовать исключительно легитимно. Если власти – и исполнительная, и законодательная – решат, что решение существующего конфликта требует переноса выборов, то такое решение может быть принято».

Близкая к Березовскому «Независимая газета» в номере от 30 апреля подробно описывала логику замысла, надежды инициаторов и риторику тех, кто поддерживал их в предвыборном штабе Ельцина:

«“ На ближайшее время президент России планирует серию политических консультаций, в том числе с представителями оппозиции в лице Компартии РФ”. Так ответил вчера помощник главы государства Георгий Сатаров на вопрос ИТАР-ТАСС об отношении Бориса Ельцина к обращению крупнейших отечественных предпринимателей, которые призвали политиков к серьезным взаимным уступкам и стратегическим договоренностям в преддверии президентских выборов в странс. Георгий Сатаров назвал это обращение банкиров «ответственным гражданским поступком предпринимателей». Для практической реализации призыва

финансистов к поиску компромисса между ведущими политическими силами «необходимо, прежде всего, изучить их конкретные предложения, в этом есть резон», — отметил Сатаров. Помощник президента заявил, что окружение Бориса Ельцина отнюдь не отвергает идею выработки договоренностей с оппозицией «о поиске форм снижения поляризации общества».

Геннадий Зюганов ответил на обращение предпринимателей, хотя оно и не было адресовано ему «лично как лидеру народно-патриотического блока, объединяющего свыше 200 политических партий...». Лидер КПРФ «счел целесообразным публично заявить о понимании мотивов их озабоченности» судьбой Родины, ее целостности и безопасности. Кандидат в президенты России видит гарантию стабильности ситуации в стране «на путях последовательного и неукоснительного соблюдения всех демократических процедур», главным образом при передаче власти от одной политической силы к другой. Господин Зюганов предложил провести в прямом телеэфире его встречу с действующим президентом и «одновременно кандидатом на этот пост» Борисом Ельциным, где, обсудив перед людьми всей страны и мира свои позиции по ключевым проблемам, оба дали бы морально-политические гарантии «нормального, правового ведения предвыборной борьбы». Такими гарантиями лидеру КПРФ видится принятие поправок к Конституции, сокращающих объем «чрезвычайных» полномочий президента, расширение полномочий Федерального собрания по назначению состава правительства и контролю за его деятельностью, а также твердое обязательство провести после президентских выборов глав местных администраций и представительных органов повсеместно. Сегодня все 13 авторов обращения приглашены в думский кабинет Геннадия Зюганова «для открытого, прямого и честного обсуждения» проблем, связанных с выводом страны из кризиса и обеспечения перспектив ее развития. За закрытыми дверями».

«Независимой газете» вторила «Сегодня» (впрочем, оставляя большой простор для сомнений):

«Предложенный тринадцатую влиятельными банкирами и промышленниками России «выход из тупика» по справедливости был оценен прессой как сенсация № 1 президентской кампании. Один из главных адресатов «обращения 13-ти», лидер КПРФ Геннадий Зюганов, уже дал согласие на переговоры с партией власти по предложенной программе. Однако точка зрения самого главного адресата, нынешнего президента России, пока еще не прояснилась настолько, чтобы однозначно утверждать, что газетная сенсация станет в скором времени реальным политическим

инструментом. По признанию помощника президента Георгия Сатарова, Борис Ельцин запланировал на ближайшее время серию политических консультаций, «в том числе и с представителями оппозиции в лице КПРФ». В интервью агентству ИТАР-ТАСС г-н Сатаров согласился с отправным пунктом «обращения 13-ти», заявив, что «предстоящие выборы усиливают существующую в обществе поляризацию». Избирательный совет президента, по словам помощника, уже «прорабатывает соответствующие защитные механизмы». Другой помощник президента, Александр Лившиц, оценив обращение как «взвешенное», пообещал корреспонденту ИТАР-ТАСС, что будет рекомендовать главе государства прислушаться к голосу банкиров.

Между тем в оценке содержательной части обращения оба президентских помощника проявили гораздо большую сдержанность. Георгий Сатаров подверг ревизии точку зрения, согласно которой при любом исходе выборов президентское кресло займет представитель меньшинства. По его мнению, подобное суждение будет справедливо только в случае победы Геннадия Зюганова, когда президент и парламент станут одноцветными. Наоборот, если избиратели подтвердят легитимность Бориса Ельцина, то, считает г-н Сатаров, будет сохранена заложенная в действующей Конституции система сдержек и противовесов, обеспечивающая представительство различных политических сил.

Александр Лившиц признался, что пока не понял, на каком компромиссе между Ельциным и Зюгановым настаивают авторы обращения. Помощник президента по экономическим вопросам не против того, чтобы коммунисты отвечали в правительстве за социальный блок вопросов, хотя и не видит в этом большой необходимости, т. к. бюджет-96 и так уже сориентирован на рядового человека. И все же г-ну Лившицу «жалко экономику», потому что существует большая вероятность того, что министры-коммунисты не смогут удержаться в рамках закона о бюджете и обязательствах перед МВФ».

Вскоре оказалось, что Ельцин проигнорировал Отз и его идеи. Да и в остальных вносимых планах 13-ти всё было не гладко. Началось явное отмежевание представителей власти от 13-ти. Первыми были один из лидеров властной партии «Наш дом — Россия» (проигравшей выборы в Государственную Думу в декабре 1995) Сергей Беляев и помощник президента России Ельцина по экономическим вопросам Александр Лившиц (значимым для последующей реакции демократической прессы стало обращение Лившица к авторам Отз: «Ничего не бойтесь. От вас никто не требует любить Ельцина. Вы только без трусости и без чемоданных настроений работайте и не губите [компромиссами с Зюгановым] экономику»). Осудил обращение как попытку «сговора» третий основной кандидат в президенты генерал Александр Лебедь.

Ощущение «предательства» подтвердилось после оперативной встречи авторов Огз с Зюгановым, который, несмотря на лояльные авансы Березовского, так и не отошел от официальной позиции Коммунистической партии (КПРФ), согласно которой компромисс с Ельциным возможен лишь при его отказе от большей части своих полномочий и непроведении *победе коммунистов на выборах*. При этом предпринимателям коммунисты давали понять, что их лояльность к Зюганову послужит гарантией их неприкосновенности после выборов. Сам факт встречи авторов Огз с Зюгановым был в полной мере истолкован и коммунистами, и сторонниками Ельцина в пользу КПРФ. Отсутствие новых выпусков газет и новой информации в праздничные майские дни объективно способствовало преобладанию таких толкований. Негативным обстоятельством следует признать и то, что Огз было представлено как инициатива «банкиров», а выступление одного из «подписантов» промышленника Михайлова по телеканалу ОРТ было бледным и не изменило общей тональности.

Праздничные дни 5–9 мая 1996 стали переломными в отношении к Огз: Ельцин авторов Огз не принимал, Зюганов выслушивал, но молчал, — поначалу скрываемое, недоумение либерального класса и сторонников Ельцина росло. Единственная статья в «Независимой газете», в которой таки прозвучала поддержка Огз, тем не менее (как бы во спасение благих намерений инициаторов), давала понять, что единственным гарантом компромисса может быть только Ельцин. Это же утверждали правительственные «Российские вести». Более или менее ясно отмежевались от Огз мэр Москвы Юрий Лужков, Чубайс, и вновь — влиятельнейшая деловая газета «Коммерсант». Против Огз как попытки «соглашения с коммунистами», вызванного «страхом» перед ними, выступили «Сегодня», «Российские вести», «Московские новости», «Деловой мир», массовый «Московский комсомолец», влиятельные предприниматели Марк Масарский, Каха Бендукидзе, президент крупнейшего «Инкомбанка», конфликтовавший практически со всеми бизнесменами из 13-ти, Владимир Виноградов, вновь А. Лившиц. Несколько дней спустя Виноградов⁷ выступил с инициативой срочного проведения экономического форума в Екатеринбурге, который, очевидно, мыслился как альтернатива Огз, а местом своего проведения (Екатеринбург-Свердловск) ясно сигнализировал о том, что это будет форум сторонников Ельцина, начавшего свою карьеру в Свердловске. Проект проведения форума именно в бывшем

---

⁷ «Способность Березовского идти на компромисс обычно иллюстрируют на примере его отношений с главой Инкомбанка Владимиром Виноградовым. Их первый конфликт был связан с «Сибнефтью», на которую Инкомбанк тоже имел виды. Тем не менее Березовский до последнего пытался привлечь Виноградова в число «подписантов» обращения 13 банкиров «Выйти из тушика!»» (Коммерсантъ-Daily. 2 ноября 1996)

Свердловске также прямо отсылал к памяtnому проекту создания именно в этом городе альтернативной столицы властей РСФСР во главе с Ельциным в случае победы ГКЧП 19–21 августа 1991 года. 12 мая с3енедельник «Интерфакс-АиФ», рассказывая об инициативе форума в Екатеринбурге, видимо, не без внушений Виноградова, подвел итог: «Договариваться надо не Ельцину и Зюганову, а Березовскому и Виноградову». Впрочем, у наблюдателей не было никаких сомнений в заведомой слабости и нереалистичности «альтернативы Виноградова».

Либеральная «Общая газета» опубликовала запоздалое изложение событий на встрече авторов О13 с Зюгановым, где «Березовский явно персборщил с комплиментами в адрес Зюганова». В резкой форме со страниц «Независимой газеты» и «Московской правды» осудил О13 член Президентского совета, авторитетный политолог Андраник Мигранян. Вскоре (по указанию Березовского) еще более резкую отповедь Миграняну в защиту О13 в «Независимой газете» опубликовал сотрудник Ходорковского, коммунист Алексей Кондауров.

В эти дни, словно в развитие произнесенных в печати 30 апреля планов Березовского, прозвучало заявление чрезвычайно влиятельного начальника Службы безопасности президента Ельцина А. В. Коржакова о необходимости переноса президентских выборов, воспринятое как наилучшее доказательство слабости и неуверенности команды Ельцина. «Независимая газета» сообщила 6 мая: «вновь оживляются толки о переносе выборов. Бизнесмен Борис Березовский после встречи с лидером коммунистов Геннадием Зюгановым деловых людей – авторов обращения к кандидатам в президенты – приподнял завесу над содержанием конфиденциального разговора: предприниматели предложили Зюганову три варианта компромисса между ним и Ельциным. Один из этих вариантов – легитимный перенос срока президентских выборов. Вчсра пришло сообщение из Лондона: в интервью газете «Обсервер» Александр Коржаков высказался за то, чтобы в интересах стабильности отложить президентские выборы. Он открытым текстом дал понять, что того же мнения придерживается «много влиятельных людей», тем более что оппозиция все равно объявит выборы фальсифицированными, если победит Ельцин». В тот же день в интервью «Интерфаксу» Ельцин одернул главу своей Службы безопасности: «Я сказал Коржакову, чтобы он в политику не лез».

Выступление Коржакова вызвало всеобщее возмущение политического класса, хотя и породило подозрения в том, что олицетворяемая Березовским линия на компромисс с Зюгановым вполне совместима с отменой выборов ради передачи исполнительной власти Зюганову⁸. На следующий

⁸ «В переносе выборов крайне заинтересован и большой бизнес, приближенный к нынешнему режиму и получающий огромные прибыли от этого. Знаменитое

день, 7 мая некто анонимный от имени всех авторов О13 (свидетельства согласования между ними этого, нового текста не известны) выступил с новым и весьма коротким, в несколько фраз, заявлением, сфокусированным против Коржакова и претенциозно названным «Второе обращение предпринимателей». «Независимая газета» (наряду с «Трудом», «Сегодня») так изложила его суть:

«Группа ведущих российских предпринимателей и банкиров, подписавших недавно обращение «Выйти из тупика!», выпустила еще одно заявление. В нем говорится: «События последних дней усилили нашу озабоченность ближайшим будущим страны. Крайние силы, окружающие основных участников политического процесса, вновь отчетливо обозначили себя. Это проявилось как в призывах «Бороться до последней капли крови!», так и в требованиях неконституционного переноса выборов. Мы считаем, что политические лидеры должны дать самостоятельную и однозначную оценку подобному экстремизму и тем самым определить, наконец, содержание возможного компромисса во имя будущего России».

С высокой вероятностью можно было предположить, что авторами этого нового выступления, полный текст которого (даже если он и существовал) в печати так и не появился, были представители Гусинского. Примечательно, что если прежде инициаторы О13 (Березовский, Гусинский, Ходорковский), пропагандируя О13, действовали как бы по уполномочию всех 13-ти, то теперь представители Гусинского (и следовательно, представители «инициативного ядра»), давая оценки команде Ельцина, то есть избирательно толкуя смысл О13, санкции для такого использования политического капитала О13 у остальных «подписантов» не спрашивали. Это превращало последних в очевидных статистов. Интересно, что именно коммунистическая «Советская Россия» в специальной статье от 5 мая намекнула на давний конфликт МОСТ-банка Гусинского с Коржаковым. Позже либеральный журнал «Деньги» прямо сообщил, что новое заявление от имени 13-ти по поводу заявления Коржакова не могло отражать позиции всех авторов О13: «большинства из них не было в тот день в Москве. Их фамилии поставили без согласования с ними». Сомнения в том, что «новое заявление подписали все члены группы» высказала даже принадлежащая Гусинскому газета «Сегодня».

письмо 13 бизнесменов и банкиров в той его части, которая адресована Борису Ельцину, в завуалированной форме как раз и предлагает ему пойти на отмену выборов, используя политический компромисс с коммунистами по составу будущего правительства» (Независимая газета. 14 мая 1996); «Борис Березовский — один из инициаторов неудачной попытки то ли помирить Ельцина с Зюгановым, то ли отложить выборы (письмо 13-ти)» (Независимая газета. 21 мая 1996).

Вскоре «инициативное ядро» (Гусинский, Березовский, Ходорковский, с привлечением Орлова) от имени всех авторов Огз провело встречу с кандидатом-3 (продвигаемым командой Ельцина ради откола от «коммунистического» электората Зюганова его «патриотических» союзников) — Александром Лебедем. Встреча была неудачной: в телевизионном интервью он зло и издевательски шутя заявил, что в случае кризиса и насильственного развития событий, по крайней мере, имеет в лице пришедших к нему банкиров «начфинов» (начальников финансовых служб в войсковых частях).

Неудача преследовала Огз и в отношениях с коммунистами. «Советская Россия» в специальной статье отвергла критику в адрес коммунистов, прозвучавшую в Огз, и дала понять, что фактическая солидарность его авторов с Ельциным не гарантирует их от неприятностей, тем самым говоря, что авторы Огз должны еще более решительно отмежеваться от Ельцина, не получая, однако, никаких гарантий от Зюганова. А 9 мая на митинге в честь Дня Победы (показанному по телевидению) Зюганов заявил, что его компромисс с Ельциным может выглядеть только как отказ Ельцина от возможной отмены выборов в обмен на отказ коммунистов преследовать своих политических оппонентов — то есть компромисс по-прежнему виделся КПРФ как согласие с полной победой Зюганова. Видя полное отсутствие компромиссных шагов со стороны коммунистов и почти всеобщее осуждение со стороны демократов, немногочисленные сторонники Огз подталкивали авторов к разговору с коммунистами с позиции силы, к разъяснению своей позиции в том смысле, что гарантом компромисса может быть только Ельцин. Праздничная медийная пауза требовала от тех участников обращения, кто не готов был согласиться с проводимой «ядром» линией на «умиротворение» Зюганова, срочных действий — чтобы хотя бы отчасти изменить негативный и деморализующий сторонников Ельцина фон вокруг Огз.

Стремясь сбалансировать 13-ти и более всего свою, 12 мая по Российскому телевидению выступил Потанин. Он заявил, что встречу авторов Огз с Зюгановым нельзя рассматривать как «поклон» Зюганову и определенно высказался в поддержку Ельцина (это заявление прошло фактически бесследно — лишь правительственная «Российская газета» неделю спустя тщетно, повторяя тезисы Потанина, писала, что предложенный Огз компромисс должен «гарантировать страну от перемены курса на 180 градусов» и пр.). Однако в тот же день 12 мая в интервью газете «Московские новости» Смоленский от имени 13-ти повторил формулу Березовского-Илюхина о том, что предполагаемый Огз компромисс может быть в форме Государственного совета: внесконституционного чрезвычайного органа государственной власти, составленного из представителей действующих органов власти, партий и предпринимателей. Состав и назначения Госсовета были даны Смоленским с почти текстуальными совпадениями с тем, как Государственный совет был предложен Илюхиным в интервью «Интерфаксу»

30 апреля. Наблюдателям было ясно, что этот Госсовет, параллельный президентской вертикали и состоящий из представителей Ельцина, коммунистов и бизнеса, должен был возглавить Зюганов. Заявление Смоленского лишь укрепило образ Отз как капитуляции перед Зюгановым. Единство гз-ти развалилось.

Вернее сказать, «инициативное ядро» фактически поставило и своих коллег, и предвыборный штаб Ельцина перед фактом неких своих предварительных договоренностей с КПРФ, для которых и само Отз, и «заинтересованные голоса» из предвыборного штаба Ельцина использовались как ширма. Единственным, в чем, видимо, всё более терпело поражение «ядро», было твердокаменное нежелание коммунистов согласиться на публичный отказ от казавшейся предрешенной победы Зюганова на президентских выборах в обмен на сохранение у номинальной президентской власти Ельцина. Используя общение с авторами Отз как фактор раскола команды противника, КПРФ не хотела никакого компромисса. Кстати, трудно представить, что этот компромисс (отмена выборов и создание тандема «президент Ельцин – глава Госсовета Зюганов») можно было даже технически реализовать так, чтобы он носил хотя бы намёк на легитимность. Кулуарные договорённости даже очень влиятельных бизнесменов были абсолютно нереализуемы ни руками Ельцина, ни решениями Государственной Думы и Совета Федерации – и потому они были, если не попыткой переворота, то уж во всяком случае – актом отчаянной утопии.

В середине мая 1996 г. подавляющее большинство СМИ продолжило критику Отз. «Вечерняя Москва», подводя итог двухнедельным откликам демократической прессы, заявила, что общей оценкой Отз является «предательство». Отз осудили «Московский комсомолец», «Век», «Новая ежедневная газета», экс-президент СССР М. С. Горбачев.

Одновременно «Советская Россия», выдерживая жесткую линию коммунистов, опубликовала крайне критическую статью против Отз и лично его подписавших лиц, в том числе промышленников. В интервью еженедельнику «Коммерсант» Илюхин заявил, что «принципиальной договоренности [с Ельциным] не может быть. Мы его оцениваем как перевертыша и негодяя». Единственным предметом компромисса, по словам Илюхина, может быть только проведение выборов в обмен на отказ коммунистов от «условно говоря, широких актов протеста». Рядом с этим интервью на страницах того же издания представители «ядра» Гусинский и Невзлин, продолжая избранную линию на достижение компромисса любой ценой, прямо высказались о возможности компромисса с коммунистами. «Общая газета» и «Труд», сообщая о выступлении Зюганова на митинге 9 мая, заместили, что позиция КПРФ об условиях «компромисса» в виде фактической капитуляции Ельцина не изменилась (и, следовательно, терпимость авторов Отз к Зюганову становится странной).

На встрече с представителями О13 один из заведомо «неспроходных» кандидатов в президенты, социалист-предприниматель Святослав Федоров дал понять, что компромисса следует искать не с Зюгановым, а с «демократической оппозицией», то есть с подобными ему заведомо «неспроходными» кандидатами, надеявшимися таким образом вступить с Ельциным в деловой торг о «цэне» своего электората. «Московская правда», «Независимая газета», «Деньги», авторитетный представитель «красных директоров» А. И. Вольский напоминали авторам О13, что гарантом компромисса может быть только Ельцин.

16 мая представители О13 добились встречи с пользовавшимся в России репутацией одновременно сильного и прогрессивного политика (и в этом смысле служившим персональным образцом постсоветского «компромисса» между левыми и «демократами») президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. К группе 13-ти на встрече присоединился и Виноградов, но Назарбаев неожиданно поддержал именно О13. Это могло быть понято как приглашение бизнеса к достижению единства и внутри корпорации, и с президентской властью. Это, впрочем, не вызвало особого резонанса в СМИ.

17 мая прошел обещанный Виноградовым форум в Екатеринбурге. На нем в присутствии наиболее влиятельных глав российских регионов М. Ш. Шаймиева и Э. Э. Росселя было продекларировано учреждение движения «За социально-экономический прогресс России» и Национального экономического совета. Организаторы форума подчеркивали якобы независимость их инициативы от факта появления О13, пытаясь представить О13 делом узкой и непредставительной группы – в то время как форум готов был «объединить» более широкие круги предпринимателей, далеких от «сговора» с коммунистами. Особо подчеркивалось одобрение форума лично Ельциным. Вечером 17 мая телеканал ОРТ в репортаже с форума продемонстрировал выступление на нем Березовского, а 18 мая в статье о форуме «Известия» писали, что «организаторы Форума всячески отрицают альтернативность екатеринбургского собрания и указывают на присутствие такого заметного представителя «13» как Борис Березовский». Форум однозначно поддержал Ельцина и, собственно, одним этим актом окончательно похоронил кулуарные усилия добиться от Ельцина уступок Зюганову, но выглядел весьма неубедительно – более того, даже поддержав Ельцина, в поиске «единства бизнеса» форум почему-то искал компромисса с О13, которое к тому времени уже однозначно воспринималось как приглашение к формированию Государственного совета во главе с Зюгановым.

После форума в Екатеринбурге либеральной газете «Интерфакс-АиФ» дал интервью доверенное лицо Ельцина в предвыборной кампании – крупный нефтепромышленник Вагит Алекперов: говоря об О13, он высказал-

ся «откровенно против компромиссов» с коммунистами⁹. В том же духе в «Известиях» выступил влиятельный представитель горбачевской «перестройки» А. Н. Яковлев. В своем ответе Яковлеву коммунистическая «Правда» взяла «под защиту» авторов Огз в их стремлении к компромиссу с коммунистами и одновременно осудила форум в Екатеринбурге.

Наконец, в «Независимой газете» её главный редактор Виталий Третьяков, пытаясь примирить екатеринбургское мероприятие и Огз, проговорил новую, *без Госсовета*, гораздо более легко реализуемую и потому более прикладную политическую модель компромисса, которую теперь вынашивали авторы Огз: «в контрмероприятии в Екатеринбурге принял участие Рем Вяхирев, глава «Газпрома», чья подпись должна была быть 14-й по счету, но, конечно же, не по значению, под обращением 13-ти. А кроме того, что тоже не осталось не замеченным, Борис Ельцин почтил собрание в «уральском Давосе» своим приветствием, полностью до того проигнорировав обращение 13-ти (что не означает, что он его: 1) не заметил; 2) не знал о его появлении заранее; 3) отнесся к нему сугубо негативно).... Банкиров (или, как они себя охотнее называют, предпринимателй) обвинили в предательстве президента и помощи (злонамеренной или по глупости) Зюганову в овладении Кремлем.... Я задал вопрос о рамках компромисса: Ельцин – президент, но *Зюганов – премьер-министр* – это вам подойдет? Не слишком радостно (ведь мечтают о правительстве профессионалов), но кивнули» (курсив мой – *М. К.*). Можно представить, что на это согласился бы Ельцин (как в 1998-м, после дефолта, согласился на левое правительство Е. М. Примакова с вице-премьером по экономике коммунистом Ю. Д. Маслюковым), но трудно представить, что в то время на такое «понижение ставок» (после главы альтернативного Госсовета) согласился бы Зюганов.

Вновь осудили Огз «Российские вести» и еженедельник «Коммерсант». Проблема была в том, что лидеры КПРФ уже не хотели разговаривать с авторами Огз. Очевидная электоральная сила Зюганова и одновременно растущий рейтинг Ельцина равно делали излишними посреднические услуги авторов Огз, особенно теперь, когда их способность подтолкнуть коммунистов к компромиссу была неоднократно дезавуирована самими коммунистами. В свою очередь, на пресс-конференции в Государственной Думе Зюганов в очередной раз повторил свою формулу компромисса: всего лишь обещая не преследовать политических оппонентов после своей победы на выборах.

---

⁹ Впервые он это сделал сразу же после Огз: «Когда нефтянцы спросили Вагита Алекперова, почему он не стал подписывать «письмо 13», он ответил: «Все спрашивают, почему в этом заявлении нет подписей руководителей «Газпрома» и «ЛУКОЙла». Но «грушна 13» предлагает варианты политического компромисса, а мы – доверенные лица Бориса Ельцина, узко сориентированные на определенную фигуру» (Сегодня. 28 мая 1996).

В СМИ появились сообщения о подготовке коммунистов к «всероссийской политической стачке» (как того обещал Илюхин) в случае поражения на выборах, подразумевалось — в случае сфальсифицированного в пользу Ельцина подсчета голосов.

В конце мая 1996 г. «ядро» О13 в лице Березовского, представителя Гусинского Сергея Зверева и Невзлина встретило с еще одним маргинальным кандидатом в президенты — Владимиром Жириновским. По двум центральным телеканалам прозвучало обиженное заявление Невзлина о том, что коммунисты задерживают свой ответ на предложения О13. Словно в ответ ему, в опубликованной в конце мая предвыборной программе Зюганова говорилось, что в качестве одного из главных своих политических и экономических противников Зюганов рассматривает крупный финансовый капитал и вообще крупных собственников, против которых намечен ряд самых жестких юридических, политических и экономических мер. Примечательно, что накануне опубликования программы Зюганова близкая Березовскому «Независимая газета», в каком-то уже риторическом усилии, в которое вряд верила сама, сообщила, что коммунистическая программа передана «на экспертизу» авторам О13 и теперь «весьма вероятно [их] положительные отзывы» на нее. Получалось, что «ядро» 13-ти готово согласиться уже с любой формулой капитуляции перед Зюгановым ради формального участия в «экспертизе».

Вновь осудил О13 Лебедь, но теперь же резко и оскорбительно, что выдавало отношение его кураторов из окружения Ельцина, — как «авантюристов, которые хотят подладиться к коммунистам». «Московский комсомолец», анализируя предвыборные позиции «банкиров», изобразил авторов О13 как трусливых «грабителей».

Одновременно в коммунистической «Советской России» появилась обширная статья, утверждающая «банкротство режима» Ельцина и особо обращенная к Березовскому как представителю О13. В ней вновь вполне откровенно были подтверждены предложения коммунистов к авторам О13 развивать «диалог» с коммунистами — всего лишь ради обеспечения мирного исхода выборов в пользу Зюганова (то есть коммунисты рассчитывали, что то влияние на Ельцина, которое, возможно анонсировало «ядро» 13-ти, будет использовано не более чем в убеждении Ельцина отказаться от сопротивления). Коммунистическая «Правда» неоднократно обращала внимание на отклики западной прессы на О13 как на проявление трусости и почти состоявшейся сделки «банкиров» с коммунистами. Общий тон коммунистической прессы по отношению к О13 окончательно сложился в высокомерное запугивание авторов О13 и одновременное приглашение их к компромиссу с Зюгановым, по сути ничем не отличающемуся от капитуляции.

«Независимая газета» опубликовала статью, в которой «банкаирам» было предложено практически повлиять на экономическую политику

в том направлении, которое фактически и зачастую текстуально совпадало с обнародованной программой Зюганова – в том, что касается рынка государственных казначейских обязательств (ГКО), борьбы против утечки капитала и переориентации экономики в пользу обрабатывающей промышленности. В другой статье в том же номере «Независимой газеты» говорилось, что «банкиры», исходя из корыстных интересов, выразили настоятельную потребность в компромиссе. Но – в компромиссе в пользу Зюганова, который (в качестве встречного шага) может гарантировать тем, кто поддерживает Ельцина, не более чем «амнистию без конфискации». Явственный отказ КПРФ от сделки с 13-тью не расстроил упорства «ядра». В сообщении «Независимой газеты» об очередной встрече авторов О13 – теперь уже с «интеллигенцией» было приведено заявление Березовского о том, что О13 «нельзя трактовать как акцию, однозначно направленную в поддержку Ельцина».

Таким образом, главным сторонником прокоммунистического толкования О13 стал Березовский, который теперь был признан «вдохновителем» О13 и, несмотря на усилия Гусинского, лидером группы лиц, подписавших О13.

Вторая попытка

Как уже отмечалось, к 12 мая Потаниным была осознана несовместимость прокоммунистической линии «ядра» О13 во главе с Березовским с первоначальными намерениями части авторов О13 и острая необходимость если не отмежеваться от Березовского, то хотя бы отмежеваться от Зюганова. С конца мая началась работа по подготовке (с медийной точки зрения) третьего, но фактически второго (консенсуального) «Обращения 13-ти», призванного исправить сложившуюся ситуацию, тем более что до выборов 16 июня 1996г. уже катастрофически не оставалось времени для какой-либо самостоятельной политической игры. Значительная часть текста «второго О13» по просьбе представителей Потанина была написана экономистом Михаилом Делягиным. Обращение было выдержано в определенно антикоммунистическом духе и детально критиковало предвыборную программу Зюганова.

8 июня, наконец, группа 13-ти направила новое обращение («второе О13») в виде письма Зюганову, в котором подвергла резкой критике его экономическую программу. По досадному совпадению, в тот же день газета «Коммерсант» опубликовала статью Делягина, утверждавшую принципиальную несовместимость коммунистической программы с банковской деятельностью. Большая часть статьи текстуально совпадала со «вторым О13», но поскольку полностью оно было опубликовано позже и лишь в еженедельнике «Аргументы и факты», то есть фактически осталось неизвестным массовому читателю, пресса это красноречивое и скандальное «совпадение», к счастью для авторов О13, не заметила.

В средствах массовой информации первое сообщение о «втором Огз» появилось в информационном агентстве «Интерфакс» в 18.00 9 июня. В тот же день это получило максимальную огласку на телевидении (по телеканалам ОРТ, РТР, НТВ). На следующий день о «втором Огз» подробнее сообщили радио «Свобода» и телепрограмма «Деловая Россия» (РТР). Общий характер сообщений полностью воспроизводил единую формулировку о «резкой критике» программы коммунистов предпринимателями, а само «второе Огз» толковалось как окончательное размежевание бизнеса с коммунистами.

Но новое заявление по-прежнему оставалось в тени первого Огз. В очередном номере либерального экономического журнала «Эксперт» было опубликовано интервью Алекперова, который на вопрос о политическом единстве крупного капитала заявил: «Бывает, что бизнесмены боятся на все случаи жизни и начинают заигрывать со всеми. Это редкий случай». В том же номере «Эксперта» появилось интервью с одним из лидеров коммунистов Ю. Д. Маслюковым, который первое Огз оценил как предосудительное «желание поставить [коммунистов] на место», но признался, что «Зюганов оценил [Огз] по-другому – более мягко».

10 июня вышел в свет еженедельник «Коммерсант», посвятивший специальную статью взаимоотношениям германских промышленников с Гитлером, то есть настаивал, таким образом, на сравнении ситуации вокруг Огз с «предательской» ситуацией 1933 года.

11 июня появились первые отклики на «второе Огз» в прессе – их было заметно меньше, чем на Огз. Красноречивым было замалчивание этого события в «Независимой газете». Газета Moscow Times обратила внимание, что антикоммунистическое «второе Огз» возникло под давлением общественного мнения и что среди подписавших новое Огз не оказалось Дондукова и Михайлова, истолковав это как возможное дистанцирование их от любых политических дел финансистов¹⁰. «Известия» очень сдержанно оценили «второе Огз» как запоздалое, но позитивное размежевание 13-ти с коммунистами. «Сегодня», столь же кратко сообщив о письме, истолковало его резкую критику лишь как «ряд замечаний». Если считать «второе Огз» попыткой исправления репутации авторов Огз, то можно констатировать, что либеральный политический класс, памятуя о практике Огз, фактически не принял на веру «второе Огз».

---

¹⁰ Вечером 12 июня Дондуков уже выступал на митинге на Васильевском спуске возле Кремля в поддержку Ельцина, демонстративно выходя из линии «компромисса». 13 июня Дондуков же опубликовал статью в «Российской газете», в которой истолковывал Огз в антикоммунистическом и определенно проельцинском духе. Учитывая время, необходимое на подготовку выступления на митинге и в газете, можно заключить, что решение о самостоятельном заявлении своей лояльности к Ельцину (и своеобразном оправдании своего участия в инициативе 13-ти) было принято Дондуковым под непосредственным воздействием «второго Огз».

11 июня в интервью НТВ Зюганов в целом негативно отозвался о «втором О13»¹¹. Глухое неудовольствие было заметно и в позиции «ядра». Известно, что «Интерфакс» пытался получить комментарии по поводу «второго О13» у Березовского и Ходорковского, но не смог. Складывалось впечатление, что «ядро» намеренно воздерживается от признания того, что «второе О13», желая спасти репутацию 13-ти в глазах Ельцина, пытается придать новый, антикоммунистический смысл всей инициативе 13-ти.

После первого тура президентских выборов, прошедших 16 июня, средства массовой информации вновь стали возвращаться ко «второму О13». «Российская газета» отметила, что этот «шаг бизнесменов — чисто политический», адресованный не Ельцину и Зюганову, а избирателям, говорящий, что его авторы «больше не стоят «над схваткой»... Обратившись [с критикой] к Зюганову, финансисты дезавуировали свой призыв к компромиссу», указав, что программа Зюганова не ведет к компромиссу. Газета Moscow Times привела лестное для авторов О13, но вряд ли обоснованное мнение, что призыв к консолидации на основе принципов экономической свободы и жесткая критика программы коммунистов, с которыми выступила группа 13-ти, повлияли на результаты первого тура выборов.

Как известно, по итогам первого тура, принесшего большинство голосов Зюганову (недостаточно, впрочем, для победы в первом туре), в ночь с 19 на 20 июня в окружении Ельцина произошел переворот, в результате которого сторонники «жесткой линии» и отмены выборов (глава Службы безопасности президента Коржаков, глава ФСБ М. И. Барсуков и вице-премьер О. Н. Сосковец) были по инициативе руководителей избирательного штаба, А. Б. Чубайса и дочери Ельцина Татьяны Дьяченко, отстранены от власти. Команда Ельцина окончательно взяла курс на электоральные технологии. На О13 легла дополнительная тень одного из вариантов уже посрамленного и проигравшего в лице Коржакова «предательства».

Стремясь постфактум реабилитировать О13 и изобразить его неудавшуюся «компромиссность» не как «предательство», а как нечто, противостоявшее не столько Ельцину, сколько отставленным «радикалам» в его окружении, 21 июня главный редактор «Независимой газеты» Третьяков решил так объяснить появление среди отставленных имени Сосковца: «Теперь легко понять, почему, например, на страницах «НГ» жесткую отповедь инвективам Андраника Миграняна в адрес группы 13-ти, сделавшей ставку на компромисс во имя стабильности, дал рупор 13-ти Алексей Кондауров. Дело было не в Миграняне. Дело было в Сосковце, который практически стоял за то, что Мигранян, исходя из своих политологических воззрений, описал теоретически. То была редкая публичная вспышка закулисной войны, апофеоз которой случился вновь с 19 на 20 июня».

---

¹¹ 13 июня текст этого интервью также опубликовала «Советская Россия».

22 июня в газете «Коммерсант» авторитетный либеральный публицист Максим Соколов прямо сообщил, что за инициативой 13-ти стоял С. Е. Кургинян как представитель Коржакова и Сосковца, — и это, по мнению публициста, послужило причиной «трагической судьбы» названных лиц и самой инициативы О13. Новый удар по либеральному самооправданию «ядра» нанес и сам Зюганов.

Напомню, что в апреле 1996 года О13 говорило о заключении между Ельциным и коммунистами неких «стратегических политических договоренностей и их правовом закреплении» в виде Государственного совета во главе с Зюгановым. Госсовет выглядел как орган, представляющий все политические и общественные силы. Теперь, накануне второго тура выборов 3 июля 1996 г., Зюганов выступил с идеями Пакта о национальном согласии и создания Совета национального спасения, впоследствии преобразуемого в Государственный совет. Помимо общей для обоих заявлений риторики «согласия во имя национальных интересов» и отказа от власти «красного или белого меньшинства», обращает на себя внимание даже совпадение ключевых фраз в тексте О13 и заявления Зюганова. «Общество расколото...» — начиналось О13, «общество расколото», — говорил на пресс-конференции 24 июня Зюганов, о «духовном расколе» и «расколе общества» говорится в тексте его заявления¹².

На пресс-конференции Зюганов сообщил также, что «членами Госсовета, в случае успеха КПРФ на выборах, станут председатели правления двух крупнейших коммерческих банков России (входят в первую десятку)¹³, активно финансирующих избирательную кампанию Геннадия Зюганова». Эту информацию привнесла только «Независимая газета», причем в опубликованном «Советской Россией» официальном проекте Госсовета упоминание о банковской квоте отсутствовало.

3 июля 1996 г., во втором туре президентских выборов Зюганов проиграл Ельцину. Ельцин был уже болен, и 1996–1998 годы стали временем растущей политической и экономической власти «олигархов» Березовского, Ходорковского и Гусинского. Дефолт 1998 года лишил их большей части спекулятивных активов, оставив главным источником их экономической власти инсайдерские политические сделки, и тем самым окончательно сделал из них публичных политических творцов политической системы России. В 1999 г. они решили уже самостоятельно, без помощи Зюганова, легитимировать своё экстраординарное влияние.

Последний отклик на О13 прозвучал именно в 1999 году, когда политичес-

---

¹² «Общество раскалывается...» — говорил Коржаков в интервью «Интерфаксу» в начале мая 1996, аргументируя свою инициативу о переносе выборов: Олег Мороз. 1996... С. 304.

¹³ Видимо, речь шла об участниках О13 — М. Б. Ходорковском и А. П. Смоленском.

ский класс вновь задумался о смене режима Ельцина, а главным «наследником» Ельцина с весны 1999 года всё более позиционировал себя мэр Москвы Ю. М. Лужков, создавший в преддверии парламентских выборов политическое движение «Отечество» и фактически начавший свою предвыборную кампанию как претендента на президентский пост и сопутствующую ему идейную работу. Элементом этой работы стал идеологический сборник лужковской коалиции «Красные холмы». В предисловии к нему Лужков предложил политическую формулу своей компромиссной оппозиционности и своей идейно-политической задачи, в которой явственно звучал опыт Ойз (курсив мой): «Можно ли *отвергать нынешний режим*, не впадая в пафос обличения, а сохраняя созидательную энергию поставленных целей? Да, можно. (...) Или *мы выведем Россию из тупика*, или смирился с печальной участью свидетелей её упадка»¹⁴...

Впрочем, уже в августе 1999 года премьер-министром, а вскоре и признанным «наследником» Ельцина, радикально изменившим его режим, стал Владимир Путин.

---

¹⁴ Красные холмы. М., 1999. Авантитул.

РЕЦЕНЗИИ

Frederick W. Kagan. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999

Книга американского исследователя Фредерика Кэгана представляет собой достаточно редкую попытку осветить военную историю России в период 1815–1848 гг. Автор указывает на то, что этот период, если сравнивать его с эпохой наполеоновских войн, никогда не был избалован вниманием исследователей.

Но именно в эту «серую» эпоху в Пруссии постепенно выкристаллизовывалась военная система, которая доказала свою исключительную эффективность во второй половине XIX – начале XX вв. И Пруссия была далеко не единственным государством, которое развивало и усиливало свои вооруженные силы. В это время военное строительство, не менее масштабное и достойное внимания, происходило в Российской империи – стране, считающейся наиболее отсталой среди великих держав. Работа Кэгана – это история военных реформ 1830-х гг. и анализ тех причин, которыми они были вызваны.

Несмотря на победоносное завершение русской армией наполеоновских войн, изменения в старой системе развертывания, обеспечения и управления были настоятельно необходимы. Постепенно русские приняли систему, которая удивительным образом, по мнению автора, напоминала то, что потом станет называться системой германского Большого Генерального Штаба, хотя и с некоторыми важными отличиями. Но на рубеже 1820–1830-х гг. произошел отказ от этой схемы и замена ее военной системой, во главе которой находился военный министр.

С точки зрения Кэгана, основной движущей силой реформ был кризис, и политика Николая I в деле военного строительства может быть понята только в контексте этого кризиса. Реформы дали жизнь современной рус-

ской армии и создали реальную альтернативу систем Генерального Штаба, базовые положения которой были сознательно отвергнуты. Видимо, под понятием «современная армия» автор подразумевает его традиционную для западной историографии трактовку как массовой армии индустриального общества второй пол. XIX – нач. XX вв., способной принимать участие в мировой войне.

Значительное место в работе автора уделяется эволюции системы высшего военного управления в России и того кризиса, в котором она в итоге оказалась в ходе войн с Турцией и Польшей (1828–1831). Говорить о централизованной русской военной администрации до 1810–1812 вообще нельзя, а после – только очень условно. Система, созданная военным министром М. Б. Барклаем де Толли в преддверии войны 1812 года предусматривала, что Военное министерство будет заниматься организацией снабжения только относительно небольших резервных контингентов войск, которые не входили в действующие армии. С такой специфической, но доказавшей свою эффективность, военной организацией Россия и встретила «грозу 1812 года».

После выхода в 1812 в свет «Учреждения для управления Большой Действующей Армии», русская система военного управления стала сильно напоминать прусский вариант с Генеральным штабом. Начальник Главного Штаба Большой Действующей Армии имел полномочия, схожие с полномочиями начальника прусского Генерального Штаба. Принципиальная разница была, однако, в том, что в России штабная структура не была отражена в центральной военной администрации (С. 22). В отличие от прусско-германского Генерального Штаба, у Главного Штаба Большой Действующей Армии не было организационной независимости.

12 декабря 1815 вышел указ «Об управлении Военного Департамента». Теперь Военное министерство стало весть «экономическими», а начальник Императорского Главного Штаба всеми «оперативными» вопросами. Этим постановлением военный министр превращался, по сути, в офицера по вопросам тылового обеспечения, который к тому же дублировал функции генерал-интендантов действующих армий (С. 28).

Новый указ 1816 «О провиантском управлении» лишь усугубил это положение. Теперь министр только распределял фонды между действующими армиями и отдельными корпусами, даже не обладая возможностью контролировать их целевое использование.

Доказывая схожесть русской системы 1815–1832 с более поздней германской, автор прибегает к помощи Д. А. Милютин – военного министра Александра II. Он в своей статье «Военные реформы императора Александра II» (Вестник Европы. Январь 1882) указывал на то, что система, существовавшая в 1816–1832, приобрела свои очертания в ходе Наполеоновских войн, когда Александр I лично сопровождал армию, а князь П. М. Волконский

служил ему начальником штаба. Милютин также считал, что в последние 10 лет царствования Александра русская военная система была зеркальным отражением более поздней германской системы Генштаба, которая, как подчеркивал Милютин, страдала от такой же неразберихи и раздвоенности устремлений (С. 32).

Преобразования 1815–1816 Кэган даже не склонен называть реформами, так как они всего лишь оформили то, что и так являлось практикой в последние годы войны с Наполеоном.

На примере войны с Турцией 1828–1829 автор показывает, что возникшая русская система военного управления внешне была очень похожа на созданную позже Мольтке-старшим, но функционировала она иначе (С. 102). Русский Главный Штаб все еще не приобрел корпоративный вид. Планы были плодом творения отдельных личностей, а не являлись результатом коллективных размышлений штаба. Они почти не учитывали примитивность коммуникаций, возможные трудности со снабжением, транспортом и координацией действий.

Царь и начальник Императорского Главного Штаба И. И. Дибич обладали необходимой разведывательной информацией, но тот план, который они в итоге направили во Вторую армию, недостаточно учитывал возможные трудности наступления на Константинополь. О состоянии дорог в Европейской Турции, о трудностях поиска фуража и воды (особенно летом) неоднократно предупреждал П. Д. Киселев – начальник Главного Штаба Второй армии, но Дибич не послушал его. Отсутствие взаимопонимания между ними уже на ранней стадии наложило отпечаток на ход всей кампании (С. 103).

Грубейший промах, допущенный Дибичем еще на этапе планирования, – это несоответствие между поставленными целями и выделенными для проведения операции средствами. Внешнеполитическая ситуация накануне войны была такова, что кампанию, из-за угрозы вмешательства Великобритании и Австрии, нужно было проводить решительно, быстро и, самое главное, крупными силами.

Войскам же была поставлена, по сути, невыполнимая задача разгрома армии турок численностью в 150 000 чел., которая оборонялась, опираясь на сеть мощных крепостей на Дунае, с последующим переходом Балкан и взятием Константинополя. И все это силами армии в 75 000 чел.

В реальности же пришлось провести 2 трудные кампании, отправить на театр военных действий 180 000 человек, из которых только 17 000 Дибич привел к Адрианополю. В итоге все и без того ограниченные резервы были израсходованы еще до достижения главных целей войны (С. 104).

В ходе кампании 1828 главнокомандующий П. Х. Витгенштейн лишь формально исполнял свои обязанности и служил козлом отпущения при неудачах. Начальник Главного Штаба армии Киселев тоже находился

в приниженном положении. Все реальное руководство операциями находилась в руках Дибича, который формально занял пост главнокомандующего только в 1829. Подобная неразбериха в будущем была неприемлемой, и лишь в ходе дальнейших реформ смогли создать механизмы ее недопущения.

В итоге созданная к 1836 военная система представляла собой следующее. Военный министр отвечал за военное управление, в то время как вся хозяйственная часть переходила в ведение Военного совета при Военном министерстве, председателем которого также являлся военный министр. Таким образом, военная и хозяйственная части разделялись. Канцелярия военного министра также была разделена на хозяйственную и военную. Главный штаб на период мирного времени упразднялся.

Отдельно регламентировались отношения министра с главнокомандующими (Большой Действующей армии, Отдельного Кавказского корпуса, Гвардии и Гренадер). В 1846 вышел «Устав об управлении армией в мирное и военное время», заменивший указы и постановления 1812, касающиеся организации Большой Действующей армии. Но на прерогативах главнокомандующих это никак не сказалось. Военный министр А. И. Чернышев не ставил себе задачу урезать их полномочия.

По мнению автора, в период после реформ Большая Действующая армия являлась, по сути, сатрапией Паскевича. Она поглощала значительную часть годового военного бюджета. И хотя формально распределение и использование этих средств проходило под бдительным оком Чернышева, в реальности Паскевич имел почти полную свободу распоряжаться ими по своему усмотрению.

Подводя итог, автор так оценивает реформы 1832–1836 «Они объединили ранее фрагментированную военную администрацию и организовали ее на рациональных и функциональных началах. Децентрализация до 1832 — это результат незавершенной централизации, когда многие независимые администрации объединены по закону, но не фактически» (С. 184). «В процессе реформ старая система, в которой доминировали строевые офицеры, была отвергнута и вместо нее появилась система, в которой доминировали штабные офицеры и бюрократы, в том числе и гражданские» (С. 161). По-видимому, для американского автора наличие в армии влиятельной группы гражданских специалистов относится, скорее, к разряду достоинств, чем недостатков.

Автор в своей работе также уделяет значительное внимание тому, на каком стратегическом фоне осуществлялись военные преобразования. И здесь главной у него является мысль о поразившем Россию в конце царствования Александра I кризисе людских резервов.

Содержание армии в 800 000–900 000 человек легло непосильным бременем не только на государственную казну, но и на крестьянское насе-

ление, поставлявшее солдат. В докладе военного министра А. И. Чернышова в 1835 людские ресурсы империи назывались не иначе как скудными. Положение в 1832–1833 выглядело так: Россия содержит в мирное время армию в 850 000 чел., при наличии 16,5 млн. потенциальных рекрутов. Это требовало, чтобы 1 из 20 потенциальных рекрутов постоянно находился на службе. Но реально к несению военной службы по возрасту и состоянию здоровья были пригодны не более 4 125 000 чел. Из их числа под ежегодный рекрутский набор попадало 75 000 чел. (2%). Иными словами, армия мирного времени в 850 000 чел. — это 20% всех годных к службе крестьян в стране. А каждый крестьянин, взятый на службу, это налогоплательщик и производитель продовольствия, которого теряет государство. В такой ситуации возможностей увеличить армию привычным методом дополнительного набора рекрутов без риска полного краха экономики не существовало.

Уже в этом докладе Чернышев косвенно намекнул на возможность создания массовой (кадровой и резервной) армии в будущем. По предположению Кэпана, министр пытался донести до императора мысль, что проблема людских ресурсов не может быть решена без отмены крепостного права. То, о чем писал Милютин в 1856-м, было вполне очевидно для Чернышова в 1835-м.

В ходе войны с Турцией и Польского восстания на ограниченные людские ресурсы легла непосильная нагрузка. При таком бедственном положении большая война в начале 1830-х годов ничем хорошим для России закончиться не могла, и Николай это понимал. Кэпан утверждает, что император осознавал, что попал в замкнутый круг. Реальный выход был только один — отмена крепостного права. Но даже это не решало проблему полностью. Одного людского потенциала крестьянства уже не хватало. Необходимо было перекладывать обязанности по защите Отечества и на другие сословия. Но введение всеобщей воинской повинности в 1830-е, с точки зрения автора, было абсолютной химерой из-за складывающейся тогда в России внутривнутриполитической ситуации. Следовательно, искивались иные возможности. Во-первых, в 1830-е значительно улучшилась организация рекрутских наборов. Это в несколько раз снизило смертность среди рекрутов до их прибытия в часть и потери от дезертирства. Обязанность поставлять рекрутов была распространена на еврейское и польское население. Но главным событием стало решение 1834 увольнять в бессрочный отпуск солдат, отслуживших без взысканий 15 и 20 (в гвардии) лет. Государство оставляло за собой право снова призвать их в случае опасности, чтобы они отслужили оставшийся срок. Это позволило к концу 1840-х гг. накопить резерв в 250 000 чел. «Бессрочно-отпускным» не хватало оружия, были серьезные проблемы с офицерскими и унтер-офицерскими кадрами, но в 1849 за счет них удалось быстро

решить проблему приведения в боевую готовность армии Паскевича перед ее вступлением в Венгрию.

Мероприятия Николая I в области преодоления кризиса резервов могут быть сочтены успешными или нет, в зависимости от того — рассматриваемы ситуацию 1831 или 1853 года. По отношению к положению начала 1830-х был сделан очень серьезный шаг вперед, и император достиг поставленных целей. А Крымская война, по мнению Кэгана, была бы проиграна Россией при любых обстоятельствах.

Император и Чернышев уже в 1833 предвидели вероятность того сценария, который имел место в 1853–1856. Более вероятным им представлялся вариант с высадкой десанта на балтийском побережье, однако и черноморский театр вызывал опасения. Было неясно, как станут реагировать турки на угрозу прорыва английского флота через проливы. В 1833 велика была вероятность того, что Турция в интересах России и с русской помощью будет их защищать. Но к началу 1850-х ситуация ухудшилась настолько, что возникла реальная перспектива беспрепятственного прохода британского флота к русскому черноморскому побережью, протяженность которого была вдвое больше, чем у западной границы. Позиция Франции также вызывала опасения. При Луи Филиппе вероятность ее вступления в войну против России была минимальной, но после 1848 и прихода к власти Луи Наполеона все изменилось. С участием в десанте французского контингента его опасность резко увеличивалась. При таких обстоятельствах стратегическое положение России, если добавить к этому возможность враждебных действий Австрии, становилось практически безнадежным.

Автор ставит под сомнение тот факт, что проигрыш войны был результатом поражения армии. По мнению Кэгана, русская армия в 1853–1856 добилась гораздо большего, чем можно было от нее ожидать. Если сравнивать расчеты военного руководства в 1833 и реалии 1856, то картина получается впечатляющая.

Максимально возможная по планам 1833 (практически нереальная, по мнению Николая) численность армии — 1 200 000. В 1856 была развернута армия в 1 774 297 чел. только в регулярных частях. А с учетом вспомогательных войск и милиционных частей — 2 561 494. Население, подлежащее набору в армию, такими темпами не росло. В 1831 было 18 млн. В 1856 — 25 млн. Разница в 40 %, а не 100 %.

Планы 1830-х не предполагали размещение в Крыму более полутора дивизий (15. 000) из-за сложностей с их снабжением. В 1856 в Крыму было сосредоточено 320 000 чел., а с учетом войск на побережье и в Бессарабии — 440 600. По планам 1830-х черноморское побережье должно было защищать не более 40 000.

Организация Действующей армии в 9 раз меньшей, чем в 1853, была для военной администрации образца 1828 почти непосильной задачей.

В 1831 году дело обстояло чуть лучше. Но чудовищно сложная задача мобилизации армии в 2 500 000 чел. (это, к слову, более половины мобилизационных возможностей Франции в 1914) не стала непосильной для русской военной администрации в 1856. Кэган заключает: «Развертывание армии в 2 500 000 чел. может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.» (С. 243).

Опыты с системой бессрочно отпускных пригодились Военному министерству в 1860–1870-е. Механизмы приведения в действие резерва в 200 000 или в 2 млн. чел. примерно одинаковы, но получать практический организационный опыт удобнее с более компактной массой людей. Были получены навыки того, как готовить кадры, как контролировать местопребывание резервистов, как создать механизм их призыва, как доставить их на сборный пункт, подготовить и отправить в часть. А самое главное — для решения каких боевых задач можно, а для каких нельзя использовать резервные войска. Для Кэгана, это становится понятным уже из «Введения», прусская военная система, основанная на доминировании Генерального Штаба, не является желательной и уж, тем более, единственно возможной.

Кэган пытается выявить недостатки, свойственные прусской схеме организации управления вооруженными силами. В частности, то, что уже в ходе франко-прусской войны 1870–1871 имели место серьезные столкновения между Бисмарком и начальником Генерального штаба Мольтке-старшим по принципиальным военно-политическим вопросам. В дальнейшем эта тенденция в Германии только усиливалась. Вмешательство Генштаба в политические вопросы было все более деструктивным и неизбежно должно было привести к печальным последствиям. Но, несмотря на это, преимущества подобной организации управления вооруженными силами были настолько очевидными, что до сих пор, по мнению автора, сложно предложить ей реальную альтернативу.

Однако, опыт войны 1828–1829 продемонстрировал насколько легко и естественно эта система может привести к появлению дублирующей командной структуры, опасной на поле боя. А это была как раз та самая проблема, с которой немцы столкнулись наиболее остро в ходе Первой мировой войны.

Но важнейшая причина неприятия автором системы Генштаба, строго говоря, не связана с чисто военными соображениями. Он считает, что Генштаб — это барьер между верховным командованием и остальной армией, тогда как Военное министерство — между всей армией и обществом. Германский Генштаб не заботился о преодолении тех трений, которые неизбежно возникали между армией и обществом, особенно по вопросам связанным с финансированием.

В Пруссии, а потом Германии те отделы Генштаба, которые отвечали, в частности, за тыловое обеспечение, не соответствовали тем задачам, ради

которых Большой Генеральный Штаб создавался. Эти отделы часто вообще не подпускались к сфере военного планирования.

Пруссия, если сравнивать ее с Россией, была более богатой страной, относительно своей площади и численности населения. Ее армия не находилась под постоянным давлением требований минимизации военных расходов. Проблема, которая действительно стояла перед Генеральным Штабом, заключалась не в изыскании, а в максимально эффективной мобилизации ресурсов на случай войны. И Генштаб Мольтке-старшего решал эту проблему, тщательно прорабатывая военные и мобилизационные планы, руководя созданием железнодорожной сети.

Работа Кэгана вызывает также и ряд критических замечаний. Автор не упоминает о том, что эффективность военной организации Пруссии объяснялась не только и не столько наличием Генерального Штаба, сколько «триединым» характером модели управления вооруженными силами. Функции Генштаба, Военного министерства и Военного кабинета были достаточно четко очерчены. Странными являются слова автора о том, что начальник Генштаба, в отличие от военного министра, может и не понимать того, что армия сильно влияет на общество, и на экономику. Что для военного министра социальные и экономические задачи также важны, как и поддержание боеготовности армии (С. 248–249).

В значительной степени голословны выводы Кэгана о том, что армия, руководимая Генеральным Штабом, неизбежно дистанцируется от социальных, экономических, политических и дипломатических проблем, сосредотачиваясь только на вопросах военного планирования (С. 249). Наличие системы Генерального Штаба не тождественно отделению военного планирования от экономических проблем.

Не следует отрицать важности концентрации ресурсов, особенно в условиях их постоянной нехватки, но исследователю можно и воздержаться от проведения слишком смелых параллелей между локальными войнами XIX в. и Первой мировой войной. Логика мировой войны требовала совершенно иных подходов к вопросам изыскания, мобилизации и использования ресурсов, чем любая война до нее.

Более верной мне кажется мысль, что в реальных условиях 1830-х современники могли просто не осознавать того, что вопросы, связанные с организацией военного управления, неизбежно выйдут на первый план через несколько десятилетий. Желание наладить централизованное управление ограниченными ресурсами вполне объяснимо, тогда как необходимость поддержания в работоспособном состоянии «мозга армии» очевидной для современников не являлась.

Примеры того, как осуществлялось планирование накануне и руководство операциями в ходе войны 1828–1829, показывают, насколько далеко было еще Императорскому Главному Штабу времен Дибича до Большого

Генерального Штаба Мольтке-старшего в деле эффективного стратегического планирования. В итоге получается, что автор стремится объяснять недостатки прусско-германской военной системы теми структурными дефектами, которые якобы изначально были в нее заложены, но доказывает это на примере ее гораздо более архаичного и менее совершенного русского варианта 1815–1832. Такой подход позволяет более ярко подчеркнуть мотивы реформ 1832–1839, но по сути своей он является не совсем корректным.

Кроме того, автор последовательно придерживается схемы – «сверхцентрализация» Николая I, «децентрализация» Д. А. Милютин. На мой взгляд, подобная схема не соответствует действительности. Возможно ли вообще говорить о «сверхцентрализации» при Николае, раз существовала группа независимых главнокомандующих на важнейших стратегических направлениях. И именно Д. А. Милютин сделал все возможное, чтобы ликвидировать подобное положение. Созданная им система высшего военного управления как раз и предусматривала «сверхконцентрацию» административной власти в руках военного министра.

Подводя итог, необходимо заметить, что работа Фредерика Кэган выполнена на очень высоком уровне. И недостатки этой работы являются продолжением ее достоинств. Историческое исследование должно не только отвечать на поставленные вопросы, но и порождать их. Этому требованию книга американского автора соответствует.

Можно и нужно спорить с автором в вопросах достоинств и недостатков функционирования системы Генерального штаба, в вопросах реальной организации комплектования и боевого развертывания русской армии в указанный период, но необходимо признать его значительный вклад в дело изучения армии Николая I.

А. А. Кривопалов

Ито Юкио. Конституционное государство в Японии и русско-японская война (1898–1905). Токио, 2000

Столетие русско-японской войны, отмечавшееся в 2004–2005 гг., привлекло дополнительное внимание научной общественности к событиям вековой давности, российскими и зарубежными учёными были вновь предприняты попытки рассмотреть причины вооружённого столкновения Российской и Японской империй в самых различных аспектах.

В этой связи вызывает несомненный интерес монография профессора Киотского государственного университета Ито Юкио «Конституционное государство в Японии и русско-японская война (1898–1905)»¹. Это исследование является третьей крупной работой автора, занимающегося изучением политической истории Японии нового времени².

Характерной чертой рецензируемой монографии является комплексный подход автора к проблеме взаимосвязи политических процессов внутри страны с внешнеполитическим курсом японского государства накануне войны 1904–1905 гг. На основе широкого круга источников, главным образом японских, профессор Ю. Ито проанализировал развитие русско-японских переговоров с точки зрения внутривнутриполитической борьбы в Японии между умеренной группировкой и сторонниками жесткого курса в отношении России.

Среди задач, поставленных в исследовании, следует выделить две основные. Во-первых, развеять, по выражению автора, «миф», укоренившийся в японской историографии и общественном сознании, согласно которому война являлась исключительно вынужденным шагом Японии в ответ на «последовательную экспансию России на юг» (т. е. в направлении Маньчжурии, Корейского полуострова и т. д.), представлявшую непосред-

---

¹ Ито Юкио. Риккэн кокка то нитиро сэисо. Гайко то найсэй (Конституционное государство в Японии и русско-японская война: внешняя и внутренняя политика). 1898–1905. Токио, 2000.

² Ито Юкио. Тайсё дэмокураси то сэйто сэйдзи. (Демократия Тайсё и партийная политика в Японии). Токио, 1987; Он же. Риккэн кокка но какуруцу то Ито Хиробуми. Найсэй то гайко. (Ито Хиробуми и становление конституционного государства в Японии: внутренняя и внешняя политика). 1889–1898. Токио, 1999.

ственно угрозу для стран³. Во-вторых, проследить процесс становления и укрепления конституционного государства в Японии, выразившийся в ослаблении роли гэнро⁴ в политике и усилении политического влияния кабинета министров во главе с Кацура Таро, через призму внутривнутриполитической борьбы накануне русско-японской войны.

Источниковая база монографического исследования весьма обширна и представлена многими видами документов. Наряду с опубликованными японским МИДом документами по внешней политике Японии (Нихон гайко бунсё), дневниками Хара Такаси, Коноэ Ацумаро, записками Ямагата Аритомо, Кацура Таро и других японских государственных деятелей, автор широко цитирует материалы прессы, в том числе региональной. Отдельно следует выделить использование неопубликованных документов из фондов Архива внешней политики МИДа Японии, Государственной парламентской библиотеки, Центра оборонных исследований Управления самообороны Японии и т. д. В научный оборот вводятся многие документы, проливающие свет на новые обстоятельства развития политического процесса в Японии в указанных хронологических рамках. В частности, профессор Ю. Ито впервые привел данные о финансировании влиятельнейшей партии Сэйюкай со стороны императорского двора, что было вызвано личной просьбой председателя партии и одновременно ближайшего советника императора гэнро Ито Хиробуми (с. 64). Опора на широкий круг первоисточников является несомненным достоинством работы. Она позволила автору переосмыслить ряд выводов японской историографии, речь о которых пойдет ниже. Заслуживает внимания попытка автора опираться не только на работы японских исследователей, но и обратиться к трудам зарубежных ученых⁵, включая российских⁶.

Монография состоит из введения, двух частей (каждая из трех глав), а также заключения. Особый интерес читателей, несомненно, вызовет

---

³ В качестве авторов, способствовавших утверждению данного мифа, Ито Юкию прежде всего указывает историка Цунода Дзюн (монография «Мансю мондай то кокубо хосин» («Маньчжурская проблема и оборонная политика Японии») — Токио, 1967) и писателя Сиба Рётаро (роман «Сака но уэ но кумо» («Облака над холмами») — Токио, 1969).

⁴ Гэнро (японское: *старейшина*) — внеконституционный орган в Японии, обладавший большим влиянием и состоявший из назначавшихся пожизненно ближайших советников императора, также называвшихся *гэнро*.

⁵ G. Monger. *The End of Isolation British Policy 1900–1907*. Nelson, 1963; Ian H. Nish. *The Origins of the Russo-Japanese War*. Longman, 1985.

⁶ Романов Б. А. *Россия в Маньчжурии: Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма (1895–1906)*. Л., 1923. (Автор монографии использовал японский перевод 1973 года); Andrew Malozemoff. *Russia Far Eastern Policy 1881–1904*. University of California, 1958.

содержание основной, первой части монографии, название которой — «Континентальная политика и внутриполитические реформы», — отражает попытку автора увязать разработку внешнеполитического курса японского государства с политическими процессами внутри страны.

Отправной хронологической точкой исследования стал год, явившийся важной вехой в истории международных отношений на Дальнем Востоке. В 1898 г. Россия получила от цинского правительства права на аренду Порт-Артура и Ляодунского полуострова сроком на 25 лет. В Японии, добившейся после победы над Китаем в 1895 г. аналогичных привилегий, и вынужденной отказаться от них в результате нажима со стороны России, Германии и Франции, данное событие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Русско-японское соперничество за влияние на Дальнем Востоке существенно обострилось.

Вместе с тем, к концу 90-х гг. XIX в. внутриполитическая ситуация в самой Японии также претерпела значительные изменения. В правящей элите империи наметилось противостояние двух сил, сгруппировавшихся вокруг наиболее влиятельных гэнро — Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо. Один из главных разработчиков конституции Мэйдзи Ито Хиробуми, вместе с гэнро Иноуэ Каору и образованной в 1900 г. партией Риккэн Сэйюкай («Общество друзей конституционной политики») выступали за осторожную внешнюю политику, делая упор на масштабных реформах внутри страны. Вторая группировка, центральной фигурой которой являлся отец японской армии Ямагата Аритомо, сплотивший вокруг себя многочисленную клановую бюрократию из «главных княжеств»⁷, ратовала за активную экспансию на материк, настороженно относясь к внутриполитическим преобразованиям, способным ослабить влияние клановой олигархии.

Автор монографии показывает эволюцию взглядов наиболее значимых представителей японской политической элиты в отношении России. Так, вплоть до 1898 г. Ямагата вместе с Ито занимал осторожную позицию, являясь сторонником мирного диалога с Петербургом, однако после восстания ихэтуаней в Китае и оккупации российскими войсками Маньчжурии в 1900 г., Ямагата склоняется к более жёсткому курсу по отношению к России, выступив за союз с Великобританией для обеспечения японской экспансии на Корейский полуостров. На этом фоне на ведущие позиции в министерстве иностранных дел Японии выдвигаются Като Такааки и Комура Дзютаро, настроенные антироссийски, а премьер-министром становится выходец из военных кругов Кацура Таро (1901), внешняя политика которого была направлена на полное подчинение Кореи и активнос

---

⁷ Княжества Сацума и Тёсю, а также Тоса, выходцы из которых сыграли решающую роль в реставрации Мэйдзи (1868), после чего фактически узурпировали управление государством.

противодействие России путём заключения англо-японского союза и масштабного строительства флота.

На основе анализа многочисленных документов автор доказывает, что данный курс практически полностью поддерживался фельдмаршалом Ямагата, что опровергает сложившуюся ранее в японской историографии точку зрения о том, что Ямагата занимал осторожную позицию в отношении России наряду с Ито Хиробуми, в отличие от «молодого» поколения политиков – Кацура Таро и Комура Дзютаро, выступавших за решительные действия⁸. Среди одной из важных причин, приведших к провалу миссии Ито Хиробуми в Петербурге, автор указывает именно на малочисленность в японской правящей элите сил, выступавших за соглашение с Петербургом, в то время, когда большая часть руководства, включая императора, склонялась к заключению союза с Лондоном.

Новаторскими в работе также являются уточнения автора относительно первоначальных японских предложений российскому правительству, известных как «обмен Корси на Маньчжурию» (японское: Ман-Кан кокан). По мнению профессора Ю. Ито, суть предложений гэнро Ито Хиробуми и Иноуэ Каору заключалась во взаимном ограничении влияния России в Маньчжурии и Японии в Корее, а не в полной передаче данных регионов в сферу интересов обеих империй (С. 19).

Автор монографии даёт развёрнутую характеристику политической борьбы между сторонниками масштабных административно-финансовых реформ, сгруппировавшихся вокруг партии Сэйюкай и её председателя Ито Хиробуми, и их многочисленными противниками среди военных и олигархической бюрократии, идейным лидером которых был Ямагата Аритомо, а также шагов кабинета министров, направленных на ослабление партии Сэйюкай. В результате умелых действий премьеру Кацура при поддержке гэнро Ямагата удалось провести через парламент законы о продлении действия дополнительных налогов, принять третью программу судостроения для ВМФ, направленную против российской Тихоокеанской эскадры, а также спровоцировать кризис в Сэйюкай, вынудив Ито Хиробуми пойти на компромисс с правительством и подать в отставку с поста главы партии в обмен на его назначение председателем Тайного совета. По мнению автора монографии, это существенно ослабило позиции сторонников соглашения с Россией. Профессор Ю. Ито также убедительно показал усиление позиций политиков так называемого «второго эшелона» японской правящей элиты – Комура Дзютаро, Кацура Таро (во многом благодаря заключению англо-японского союза), Хара Така-

---

⁸ См.: Цунода Дзюн. Мансю мондай то кокубо хосин (Маньчжурская проблема и оборонная политика Японии). Токио, 1967; Shumpei Okamoto. The Japanese oligarchy and the Russo-Japanese war. New York, London, 1970.

си (Кэй) и др., которые впоследствии оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, в том числе на отношения с Россией.

Анализируя процесс русско-японских переговоров, начатых в августе 1903 г., автор выделяет следующие моменты. В определении официальной позиции японской стороны ведущую роль играли премьер Кацура и министр иностранных дел Комура, настроенные решительно в отношении России. Составленный ими первый проект соглашения, утверждённый на императорском совете в июне и представленный в Петербург в самом начале переговоров, был выдержан в весьма жёстких тонах, что, как считает профессор Ю. Ито, значительно ужесточило позицию России, ослабив влияние умеренного крыла во главе с С. Ю. Витте. В свою очередь, демонстративное нежелание российских представителей на переговорах идти на уступки по ряду вопросов, касающихся Маньчжурии и нейтральной зоны в Корее, способствовало упрочнению в японском руководстве мнения о невозможности договориться с Россией. Как отмечает автор исследования, в японской элите с конца XIX в. господствовало стойкое убеждение, что Россия осуществляла на Дальнем Востоке «последовательную» экспансию, напрямую угрожавшую Японии, хотя в правящих кругах Российской империи также существовала умеренная группировка, а к началу 1904 г. царское правительство даже решило все-таки пойти на компромисс с Токио по ключевым вопросам. Иными словами, «несмотря на то, что войны можно было избежать, наличие ошибок в суждениях российской и японской сторон относительно действий друг друга... привело к открытию военных действий» (С. 224). Данный вывод является одним из ключевых в монографии и требует, на наш взгляд, внимательного анализа.

Далее автор вновь обращается к внутриполитической ситуации в Японии. Заняв решительную позицию на переговорах с Россией, правительство Кацура приступило к осуществлению своего плана реформ, которые, однако, носили внешний характер и были ориентированы на подготовку к войне. Это, наряду с нежеланием кабинета признавать политические амбиции Сэйюкай, привело к новому столкновению крупнейшей политической партии страны с правительством и бюрократией. Попытки Кацура и Ямагата вызвать раскол в Сэйюкай не имели успеха, а, напротив, привели к укреплению лидерства в ней Хара Такаси и Мацуда Масахиса, которые пошли на конфронтацию с правительством совместно с партией Кэнсэйхонто.

Однако начало войны способствовало ослаблению внутриполитической борьбы, а успехи японской армии на фронтах обусловили усиление престижа кабинета и лично Кацура Таро, который стал занимать позицию, более независимую от Ямагата Аритомо и клановой олигархии. Стремление про-

водить самостоятельную от них политику позволило премьер-министру в дальнейшем достигнуть соглашения с неформальным лидером Сэйюкай Хара Такаси, что положило начало сформировавшейся окончательно после русско-японской войны «системы Кэй-Эн»⁹, когда пост премьер-министра поочередно занимали Кацура Таро и Сайондзи Киммоти, ставший главой Сэйюкай после Ито Хиробуми.

Во второй части монографии автор производит сравнительный анализ партийного строительства и организационной структуры Сэйюкай с партией Кэнсэйхонто, в том числе их региональных структур, взяв за пример префектуру Вакаяма.

Подводя итоги, следует отметить, что автору при помощи огромного массива документов и других материалов удалось проследить динамику выдвижения на первые позиции в японской элите «молодого поколения» политиков вместо непосредственных участников реставрации Мэйдзи, а также усиление роли правительства и партий как политических институтов, прописанных в конституции страны (в отличие от гэнро). Предложенный профессором Ю. Ито анализ внутривластной обстановки в Японии начала XX в. (в частности, касательно внутривластной борьбы в Сэйюкай, конфронтации с правительством по вопросам реформ, достижения компромисса между Хара Такаси и Кацура Таро как предпосылки к формированию политической мозаики страны после войны) получил в целом высокую оценку японских специалистов¹⁰. Большой интерес представляет попытка автора проследить взаимосвязь между внутренней и внешней политикой государства. Анализ действий представителей японской правящей элиты, препятствовавших снижению напряжения в отношениях и достижению соглашения с Россией, и, в конечном итоге, способствовавших развязыванию войны, также заслуживает внимания.

Вместе с тем, наряду с достоинствами работы, нельзя не заметить ряд недостатков. По нашему мнению, автору не удалось убедительно доказать прямую связь между позицией ведущей партии Сэйюкай, её председателя Ито Хиробуми и гэнро Иноуэ Каору относительно внутривластных реформ и отношением к российской политике кабинета Кацура Таро. Безусловно, проведение масштабных реформ внутри страны требует взвешенной и осторожной внешней политики. С развитием противостояния Сэйюкай с правительством и клановой олигархией «группы» Ямагата

---

⁹ За основу термина взяты иероглифы из фамилий Кацура Таро и Сайондзи Киммоти.

¹⁰ Рецензии: Кобаяси Митихико. Ито Юкио Риккэн кокка то нитиро сэнсё//Сигаку кэнкю кай. Сириг: Издательство Киотского университета, 2001. Т. 84. № 5. С. 129–136 (779–786); Игути Харуо. Ито Юкио Риккэн кокка то нитиро сэнсё//Нихонси кэнкю. 2003. № 488. С. 90–98. и др.

Аритомо, а также нарастанием напряжённости в русско-японских отношениях, внешнеполитические взгляды Ито Хиробуми и других ведущих деятелей реформаторского лагеря были подвержены изменениям, однако в монографии отсутствует анализ их позиции после отставки гэнро Ито с поста главы Сэйюкай и назначения председателем Тайного совета в июле 1903 г., т. е. во время решающей стадии переговоров с Россией. Соответственно, вопрос о том, насколько и до какого момента Сэйюкай выступала за соглашение с Петербургом, а также вела полемике с правительством именно по данной проблеме, остаётся открытым. Представляется более вероятным, что после начала русско-японских переговоров в августе 1903 г. основное внимание лидеров Сэйюкай было направлено на противодействие ограниченному проекту реформ кабинета Кацура, а также его попыткам вызвать раскол внутри партии. В условиях острейшей внутриполитической борьбы критика позиции правительства в переговорах с Россией (если таковая имела место) являлась скорее тактическим ходом, а не отражением внешнеполитической позиции Сэйюкай. То же самое можно сказать по поводу политического кризиса декабря 1903 – января 1904 г., связанного с затянувшимся противостоянием партий Сэйюкай и Кэнсэйхонто с правительством по вопросам налоговой политики и административных реформ, которое не прекратилось и после роспуска парламента 28 декабря. В данных условиях сложно представить, чтобы Сэйюкай или Ито Хиробуми выступали за компромисс с Россией.

Также вызывает сомнение вывод о последовательности курса гэнро Ито на «умиротворение» России, а также попытка автора увязать его отставку с поста главы Сэйюкай с ослаблением умеренной группировки на переговорах с Петербургом. Вне всякого сомнения, отставка Ито, в немалой степени дискредитировавшего себя в глазах членов партии стремлением достичь компромисса с кабинетом Кацура даже путём существенных уступок, являлась довольно ощутимым ударом по политическому влиянию Сэйюкай. Однако пост председателя Тайного совета отнюдь не являлся синекурой, поэтому в данном случае сложно, на наш взгляд, проводить аналогию с отставкой лидера умеренной группировки в российском руководстве С. Ю. Витте с поста министра финансов и назначением его на формальную должность председателя Комитета министров. Возглавив Тайный совет, в который входили влиятельнейшие гэнро Ямагата Аритомо, Иноу Каору, Мацуката Масаёси, а также ключевые министры, Ито Хиробуми не только не был исключен из процесса принятия политических решений, в отличие от Витте, а наоборот, до последнего момента принимал участие в определении важнейших шагов японского государства. Несмотря на это, позиция Ито Хиробуми по переговорам с Россией во время пребывания на посту председателя Тайного совета осталась в работе недостаточно раскрытой.

Наконец, учитывая вышеуказанные замечания, более тщательного подхода, как представляется, требует однозначный вывод автора о возможности избежать русско-японской войны. Очевидно, что логика экспансионистского развития Российской и Японской империй потенциально предполагала возможность их столкновения, как наиболее сильных государств региона, тем более, что слабость циньского Китая неизбежно провоцировала обе державы на новые захваты за его счет. Вместе с тем, профессор Ю. Ито справедливо указывает на чрезмерно острое восприятие «российской угрозы» японской правящей элитой, считавшей, что Россия планомерно ведет подготовку если не к вторжению в Японию, то к её полной изоляции. При том, что, как известно, в российском руководстве не было единства мнений относительно дальнейшего направления дальневосточной политики государства. Одновременно с этим царское правительство, очевидно, не отдавало себе отчета в том, что Япония не остановится даже перед войной. Таким образом, суждение об ошибочной оценке российской и японской сторонами намерений друг друга является, в известной степени, обоснованным, однако оно не дает основания однозначно утверждать о возможности избежать войны, на которую указывает автор рецензируемой монографии. Так, в качестве одного из «упущенных» возможностей избежать войны профессор Ю. Ито приводит «опозданный» телеграмма, в которой сообщалось о решении русского правительства убрать из предполагавшегося соглашения с Японией пункт о нейтральной зоне в Корее (28 января 1904). Однако, как известно, фактическое решение о войне с Россией было принято в декабре 1903 г.¹¹, 12 января 1904 г. была завершена подготовка к войне японских сухопутных сил, а к 20 января – военно-морского флота¹². Безусловно, в данных условиях предполагать возможность избежать военного столкновения более чем затруднительно.

В свою очередь, в монографии не представлен подробный анализ борьбы относительно направлений дальневосточной политики в правящих кру-

---

¹¹ Как свидетельствуют японские историки, передавая русскому посланнику в Японии Р. Р. Розену в устной форме 21 декабря 1903 г. окончательный пакет японских предложений, в Токио считали: «Надежды на то, что Россия его примет... мало». 24 декабря лидер умеренной группировки Ито Хиробуми был вынужден дать премьер-министру Кацура обязательство поддержать мероприятия правительства в области военных приготовлений, а 30 декабря 1903 г. было созвано особое заседание японского кабинета, на котором был утвержден Высший военный совет и приняты другие важные решения по подготовке к войне (Окамото Сюмпэй. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С. 138–139).

¹² Инаба Чихару. Из истории подготовки Японии к русско-японской войне: военные аспекты // Русско-японская война 1904–1905: Взгляд через столетие / Под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 46.

гах Российской империи. В своей работе Ю. Ито опирается на одно из наиболее известных русских исследований данной проблемы (Б. А. Романов. «Россия в Маньчжурии, 1895–1906»), однако объективная невозможность использовать другие источники на русском языке, в том числе документальные, естественным образом ограничила возможности автора. Таким образом, вывод автора о возможности избежать русско-японской войны представляется преждевременным¹³.

Впрочем, замечания не могут изменить общей положительной оценки рецензируемого издания. Являясь специалистом по японской политической истории нового времени, профессор Ю. Ито сумел пересмотреть и дополнить ряд выводов исторической науки относительно партийного строительства и установления конституционного государства в Японии. Насыщенность монографии богатым фактографическим материалом, полезным для отечественных и зарубежных ученых, занимающихся политической историей Японии на рубеже XIX–XX вв., увеличивает ценность исследования. Заслуживает внимания попытка по-новому и критически взглянуть на проблему ответственности сторон в начале русско-японской войны. Хочется выразить уверенность, что дискуссия по данному вопросу получит продолжение в работах российских и зарубежных историков.

Ярослав Шулатов

---

¹³ Любопытной ответ на вопрос о неизбежности русско-японской войны 1904–1905 гг. дается в аналитической записке Морского Генерального Штаба России, составленной в 1913 г.: «Положение [Японии накануне войны] было напряженное. С одной стороны – угроза России и необходимость быть готовой к столкновению с ней, с другой – постоянное напряжение финансов, постоянные комбинации и рискованные положения на денежном рынке, невозможность дальнейшего повышения доходов путем налогов, и в то же время такая же невозможность оставлять без поддержки развивающуюся промышленность и торговлю под постоянной угрозой военного и финансового кризиса. Сумма этих причин и побудила наконец, не дожидаясь выполнения 3-й [судоостроительной] программы, как можно скорее разорубить узел немедленно, пока перевес в силе дает шанс на успех. *Война рано или поздно была бы; этого смутно ждала Россия, к этому неизбежным путём шла Япония* (выделено мной – Я. Ш.). Вопрос был только во времени – и, очевидно, само положение вещей не позволяло Японии ждать дальше. Напряжение финансовых и экономических сил – все требовало скорейшего разрешения вопроса... В этом и надо видеть причину войны, а в её непонимании – неожиданность для нас» (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Л. 4507. Л. 78).

А. Б. Николаев. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории/Предисл. С. М. Ляцрес. Рязань, 2002. 302 с.

Монография А. Б. Николаева – явление в российской научной жизни неординарное. Она посвящена нескольким дням существования одного государственного учреждения. И хотя речь идет о Государственной думе и о днях Февральской революции, постановку подобной исследовательской задачи можно признать новаторской. Основную часть предваряет историографический очерк, в котором автор отразил основные точки зрения, имеющие место в научной литературе на место Государственной думы в революции и характер деятельности думцев в этих событиях. Мнения историков разобраны достаточно подробно, но автору, как нам представляется, следовало бы также попытаться реконструировать общий концептуальный замысел основных трудов, посвященных данной теме. Ее «непреходимый» характер в течение целых десятилетий приводил к острым столкновениям на этой почве различных ученых, школ, направлений отечественной и западной историографии как по общим, так и по частным вопросам, что, безусловно, нельзя обойти стороной. Без этого историографический очерк рискует выйти сухим, слишком «операциональным», а взгляды и мотивы суждений историков окажутся не проясненными.

Николаев основывает свою работу на обширном материале целого ряда петербургских архивов (прежде всего Российского Государственного исторического архива). Архивные документы были подобраны автором и подвергнуты тщательному анализу. Николаевым, в частности, был составлен список членов и сотрудников Военной комиссии Государственной думы (всего 446 фамилий), сыгравшей одну из важнейших ролей в февральских событиях. К сожалению, вне поля зрения автора остался достаточно большой комплекс документов по данной теме, находящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 124 – Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции; ф. 1790 – Министерство юстиции Временного правительства; ф. 1788 – Министерство внутренних дел Временного правительства).

Николаев подробно освещает первые мероприятия Государственной думы после падения старого порядка в Петрограде, рассылку комиссаров Временного комитета в учреждения и на места, установление им контакта с восставшими воинскими частями, подавление Военной комиссией Думы

очагов контрреволюции в столице, организацию продовольственного снабжения и охраны общественного порядка и ряд более частных вопросов. Основной концептуальный замысел Николаева заключается в попытке доказать революционный характер действий Государственной думы в февральских событиях, ее ведущую роль в перевороте и в установлении новой власти. Хотя эта точка зрения в целом не является новой (в частности, в 1920-е годы ее отстаивал П. Н. Милюков, позднее — Г. М. Катков), однако исследование Николаева, во-первых, подводит читателя к еще более радикальным на сей счет выводам, а, во-вторых, впервые развертывает эту концепцию на фундаментальном документальном основании.

В чем же, по мнению Николаева, заключалась революционность Государственной думы? В том, что она якобы уже в первой половине дня 27 февраля способствовала «усилению движения восставших к Таврическому дворцу» и задавала «определенный темп и силу революционного натиска на военно-полицейские опорные пункты» (С. 27). Но прежде всего, в создании органа революционной власти — Временного комитета, который сразу выступил против самодержавия и начал концентрировать власть в столице в своих руках. Его полномочия изначально базировались якобы на волеизъявлении Частного совещания членов Государственной думы, которое предоставило Комитету неограниченное право деятельности от имени Думы (С. 30–31). Исследователь утверждает, что здание Таврического дворца, где находилась Дума, было не захвачено восставшими солдатами и рабочими, а, наоборот, сами депутаты Думы (в частности, Милюков и Керенский) привели их туда. После этого в Думе был создан т. н. «штаб Керенского», который приступил к организованному подавлению правительственных сил в Петрограде. «Штаб», которому подчинялась и Военная комиссия Государственной думы, активно сотрудничал с Петроградским советом, но играл ведущую роль в развертывании революции.

Конечно, нельзя отрицать активной роли Государственной думы в февральских событиях. Но и делать на этом основании вышеуказанные выводы представляется натяжкой. Протокол решения Частного совещания, принявшего, по мнению Николаева, судьбоносное для Государственной думы решение, отсутствует. Его численный и партийный состав совершенно неизвестен, хотя, судя по тому, что решение якобы шло от трудовиков, можно предположить, что он был непредставительным. Кроме того, предоставление Комитету поддержки с максимально неопределенной формулировкой («во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем») еще не означает революционного настроения депутатов. Исследователь подкрепляет свой вывод тем, что сразу после создания Временного комитета в столице появились листовки о его составе и задачах. То, что они не прошли цензуру, Николаев считает за верный признак революционного настроения Комитета (С. 31). Хочется напомнить, что, скажем,

уже в январе 1917 г. некоторые номера прогрессивистской газеты «Утро России» выходили без предварительной цензуры¹. Безнаказанность со стороны власти имела место гораздо раньше февральских событий, однако административное правонарушение — еще не революция. Николаев также приводит резолюцию, которая якобы была принята на заседании Совета старейшин Государственной думы около полудня 27 февраля и сводилась к поддержке революции («Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах.... Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой...»). Автор опровергает имеющее место в историографии мнение о том, что такой резолюции в действительности никогда не было принято. Он приводит два косвенных доказательства ее подлинности: факт опубликования резолюции в «Известиях Петроградского комитета журналистов» в тот же день и наличие к тому времени у Думы восной силы, позволявшей осуществить такую резолюцию.

Мы можем лишь согласиться с оппонентами Николаева: данное «постановление» — типичная газетная «утка» радикальных журналистов, пытавшихся сформировать общественное мнение в нужном им ключе и толкавших Временный комитет на революционные шаги. Никаких революционных постановлений М. В. Родзянко, в этот момент обрывавший думский телефон с целью связаться со Ставкой, издавать бы не решился. 28 февраля он, как утверждает Николаев, принимал участие в операции «по захвату Адмиралтейства» (С. 101). Участие заключалось в предложении председателю Государственной думы командирам частей, сохранившим верность присяге, перейти на сторону Таврического дворца. Родзянко проявлял такую активность уже после того, как правительство ушло в отставку и в столице не было никакой реальной власти. В подобной обстановке выражение поддержки номинальной власти в лице Государственной думы не могло однозначно трактоваться как акт революционный. Конечно, Родзянко активно действовал в пользу победы революции, но организатором ее Михаила Владимировича все же вряд ли можно назвать.

Предположение о существовании и активной деятельности «штаба Керенского», который якобы взял на себя «организационно-техническую работу по развитию успеха восстания» (С. 53), требует, на наш взгляд, дополнительной фактической аргументации. Николаев пишет о том, что состав «штаба» установить не удалось, но предполагает, что туда входили, в частности, М. В. Родзянко, Н. С. Чхеидзе, А. И. Гучков и «предположительно» П. Н. Милуков (С. 60). Нужно ли говорить, что дореволюционные политические взгляды и позиции исключали не только тесное объ-

---

¹ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 261.

единение этих лиц в первые дни революции, но и их работу под эгидой Керенского. Добавим от себя также и то, что конкретная деятельность «штаба» в монографии Николаева прописана не вполне четко. Вместе с тем, работа Гучкова во главе Военной комиссии Государственной думы известна историкам достаточно хорошо: благодаря тесным дореволюционным контактам с генералитетом и офицерами Генерального штаба он внес значительный вклад в дело провала операции по подавлению мятежа в столице. Однако утверждать, что Гучков выполнял указания Керенского, конечно нельзя. Скорее наоборот: Керенский являлся «связующим звеном» между социалистами Петроградского совета и либералами Государственной думы. В февральских событиях они оказались союзниками: социалисты поддержали создание либерального Временного правительства, либералы обеспечили победу революции, предотвратив контрреволюцию со стороны Ставки. Керенский, а также и Чхеидзе не принимали никакого реального участия в деятельности Временного комитета Государственной думы. Керенский 27 февраля производил аресты представителей старой власти не как член Временного комитета, но как возглавивший революционные массы социалист – депутат Государственной думы. Сам Временный комитет приступил к арестам только 28 февраля – после падения в столице старой власти. С санкции Комитета арестовывались лишь его активные противники – жандармские, полицейские и армейские офицеры и генералы, лишь впоследствии – министры прежнего правительства. Однако большинство арестов производилось революционными массами самочинно.

Николаев считает Временный комитет Государственной думы (ВКГД) и его комиссаров в государственных учреждениях первым революционным Временным правительством (С. 91) и даже структурой, наделенной правами верховной власти (С. 242). Между тем существовало принципиальное отличие в статусе ВКГД и того Временного правительства, которое появилось в результате политического соглашения ВКГД и Петроградского совета и статус которого был закреплен отречением императора Николая II и актом об отказе от власти Великого князя Михаила Александровича. Целью ВКГД, как было заявлено в его первой декларации от 27 февраля, было «восстановление государственного и общественного порядка», разрушенного «мерами старого правительства». Под «правительством» подразумевался лишь Совет министров, но не верховная власть, принадлежавшая императору и законодательным палатам; в тот период она еще не была устранена революцией. ВКГД, таким образом, временно сменил прекративший существование Совет министров, высший административно-распорядительный орган власти Российской империи. Временному комитету не принадлежала даже законодательная власть, поскольку по своему статусу (не суть важно, что деятельность его вышла за рамки законности)

он не мог быть выше Совета старейшин Думы. Акт, подписанный 3 марта Великим князем Михаилом, ясно закреплял временную верховную власть за «общественным кабинетом» во главе с кн. Г. Е. Львовым. Только для М. В. Родзянко это было не очевидно, однако очень быстро члены революционного Временного правительства дали ему понять, что впредь не нуждаются в услугах «третьеиюньской» Думы.

Среди сторонников сохранения Государственной думы в той или иной форме в этот период Николаев также называет Керенского, Коновалова, Гучкова и др. видных политических деятелей, правда без достаточной аргументации (С. 242). В действительности депутаты Думы, поддержавшие революцию, еще в ее первые дни перешли «на новую работу» в органы исполнительной власти и тем самым подписали окончательный приговор парламенту. Будучи порождением «третьеиюньской системы» и, вместе с тем, не став в действительности органической частью верховной власти, Государственная дума была обречена на политическую смерть сразу после победы революции. Она не была представительством народа, а в февральских событиях успешно сыграла роль политической ширмы, благодаря которой мятеж приобрел легитимные черты и был в конце концов поддержан генералитетом Ставки.

В целом, автор монографии, несколько увлекшись институциональными и юридическими аспектами политического процесса, преуменьшает политическое значение самих революционных событий. Он, в частности, считает, что Основные государственные законы (ОГЗ), поскольку не были отменены Временным правительством, продолжали действовать и после февраля-марта 1917 г. Но рассуждения о том, что по 87 статье ОГЗ постановления Временного правительства должны были вноситься на рассмотрение законодательных палат (С. 232–236), отдают юридической казуистикой. Вопрос применения 87 статьи после 3 марта 1917 г. мог интересовать лишь таких «любителей» дореволюционного права, как В. А. Маклаков. Его соратники по кадетской партии уже тогда воспринимали эту статью как политический анахронизм². Юридически проблема была решена на правительственном заседании 14 марта, причем не в пользу палат, политически – уже после опубликования «манифеста» Михаила Александровича. После объявления о созыве Учредительного собрания серьезно обсуждать вопрос о 87 статье было уже смешно.

Временное правительство, конечно, «не уничтожило возможности возобновления... полноценной парламентской деятельности» Государственной думы, но не потому, что «было вынуждено уважать» ее права (С. 250), а потому что опасалась реакции Ставки, возможной контрреволюции на фронте и, кроме того, пыталось проводить политику «классового

---

² Там же. С. 311–312.

мира». Одним из направлений подобной политики было сотрудничество с Петроградским советом, другим – сохранение видимой благожелательности в отношении призрака цензовой законодательной палаты. Правда, дальнейшее развитие событий в марте-апреле 1917 г. привело к тому, что демонстративное почтение к «антиквариату со статусом» сменилось полным забвением революционных заслуг Государственной думы. Временное правительство вполне резонно рассудило, что сохранение его власти в обстановке нарастающей анархии вероятно только при возможно большем отдалении от каких-либо атрибутов старого порядка, одним из которых была IV Дума.

В целом, автору монографии удалось глубоко и всесторонне рассмотреть ряд вопросов заявленной темы. К сожалению, некоторые ее аспекты в книге оказались несочувственными. За рамками исследования остались, например, такой важный и не освещенный в литературе вопрос, как деятельность депутатов правой и националистических фракций в период Февральской революции. Однако, это, безусловно, не умаляет достоинств исследования, которое стало одним из самых ярких событий в современной историографии Февральской революции.

Ф. А. Гайда

Е. В. Клюкин. Юго-Западная Кавказская республика: Очерк политической истории. СПб., 2002. 100 с.

Исследование военно-политических аспектов проблемы национального (и националистического) государственного строительства на постимперском пространстве представляет собой интересную и сложную научную задачу, которая закономерно привлекает внимание историков. Исключительно богатый материал в этом отношении дают события и процессы, происходившие в Закавказье в период завершения Первой мировой войны и последовавших гражданских войн и межнациональных конфликтов на территории бывших Российской и Османской империй. Их последнее столкновение и гибель в войне 1914–1918 гг. и революциях вызвали вакуум государственности, политический хаос и череду локальных войн в регионе. В эти годы были почти на столетие определены границы и судьбы народов и государств Закавказья, продолжающих и по сей день испытывать сильнейшее влияние того исторического опыта.

С 1917 по 1921 гг. на развалинах русского Кавказского фронта и имперской администрации в Батумской и Карской областях шла ожесточенная борьба закавказских народов за максимально полную реализацию их национальных устремлений. В условиях постоянных изменений военной и политической обстановки беспрестанно двигались границы; турецкие, германские и английские оккупационные власти, в соответствии с их собственными обширными замыслами, поощряли или давили органы местного самоуправления различных национальностей и партий, стремившиеся к приобретению самостоятельного политического статуса. Под эгидой наступавшей османской армии на территории Батумской и Карской областей в 1918 году возникло самоуправление мусульманских народностей, приобретшее вскоре, уже при английской оккупации, форму самопровозглашенной Юго-Западной Кавказской республики (далее – ЮЗКР), которая официально просуществовала с января по апрель 1919 года. Затем правительство и парламент ЮЗКР были разогнаны британскими военными властями, а позже ее территория была разделена между кемалистской Турцией и Советской Россией по компромиссному Московскому договору 1921 года. Истории этого недолговечного политического образования посвящена небольшая по объему монография петербургского исследова-

теля Евгения Владимировича Ключкина, окончившего очную аспирантуру Восточного факультета СПбГУ и защитившего в 2004 году кандидатскую диссертацию по этой же теме¹.

Автор рецензируемой книги, представляющий старую и почтенную петербургскую школу востоковедения, обладает важным, ценным и достаточно редким сейчас профессиональным навыком — знанием современного турецкого языка. Однако содержание монографии демонстрирует, что, если этот навык является единственным козырем историка, на котором он пытается целиком построить свое исследование, то это неизбежно резко отрицательно скажется на результатах его труда. Фактически — и это видно даже по характеру научно-справочного аппарата и ссылок в тексте монографии Ключкина — основная ее часть представляет собой конспективный реферат двух сравнительно новых книг турецких историков А. Э. Гёкдемира и С. Э. Дайы. Названные работы, в свою очередь, основаны преимущественно на документах архива Военно-исторического института турецкого Генерального штаба, материалы которого, относящиеся к политике младотурок в отношении армянского населения и других национальных и конфессиональных меньшинств Закавказья, до сих пор строгойше заскречены. Не подлежит сомнению, что документы, связанные с военно-политическими и административными мероприятиями иттихадистов и сменивших их кемалистов на территории бывших Батумской и Карской областей Российской империи, подверглись строгому и пристрастному отбору перед тем, как часть из них увидели историки. Жесткая последовательность в этом отношении турецких властей, сознающих огромную политическую значимость и цену данного исторического вопроса, вполне понятна и, по-своему, достойна уважения. Неясно другое. Е. В. Ключкин уже во введении честно называет основные источники своего труда, но не пытается ответить, насколько возможно при такой источниковой базе добиться полноты охвата и объективности подхода, а также какова степень научной новизны и самостоятельности его исследования.

На протяжении всей монографии автор неоднократно совершенно справедливо отмечает — и сами факты подтверждают это — что территория Закавказья в рассматриваемые годы была ареной столкновения интересов Турции, России, Англии, Германии, не говоря о больших и малых народах региона. В связи с этим при чтении работы Ключкина возникает вопрос — как исследование подобной темы может быть проведено практически исключительно на вторичных турецких источниках? Историк-тюркологу извинительно не знать сложных армянского и грузинского языков, но абсурдно пытаться раскрыть поставленную тему без широкого

---

¹ Ключкин Е. В. Юго-западная кавказская республика (1918–1919 гг.) и возрождение государственности на Южном Кавказе. Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004.

использования источников и историографии на английском и немецком. Еще более странно, что в научно-справочном аппарате книги практически отсутствуют и русские первоисточники. Если документы большевистской тайной дипломатии и секретных служб в Закавказье рассматриваемого периода засекречены в наши дни не менее строго, чем материалы турецких военных архивов, то почему автор не использовал документы военного и дипломатического ведомств дооктябрьской России? К примеру, штаб Кавказского военного округа, традиционно получавший экстраординарные денежные средства на разведку, на протяжении десятилетий был центром серьезнейшего военно-географического и страноведческого изучения Закавказья. Среди опубликованных и архивных документов окружного штаба содержится огромное количество статистических и аналитических материалов по этнографии и демографии русских закавказских владений и османской восточной Анатолии. Эту группу источников Е. В. Ключкин проигнорировал, за исключением единственной ссылки на военно-географическое описание Кавказского военного округа 1908 года издания (С. 42). В фондах штаба Кавказской армии и Штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) хранится обширный корпус документов, отражающих события вплоть до середины 1918 года и содержащих массу сведений об обстановке на территориях, оставляемых разложившейся русской армией, о формировании национальных армянских, грузинских и греческих частей, о переговорах их командования с русскими штабами. Советские специалисты по истории Турции времен Первой мировой войны в своих исследованиях отнюдь не пренебрегали документами архивов дореволюционного русского военного и военно-морского ведомств — достаточно назвать монографии Е. Ф. Лудшувейта и Г. З. Алиева². Что же помешало Е. В. Ключкину последовать в этом отношении примеру своих старших коллег-тюркологов, хотя это было бы закономерным в силу ряда очевидных достоинств их работ? Думается, что если «новаторство» историка заключается в сознательном сужении источниковой базы по сравнению с его предшественниками, то это вряд ли может быть поставлено ему в заслугу.

Единственная ссылка на архивный документ, присутствующая в работе, выглядит довольно странно и анахронично и не может не вызвать сомнений в профессиональной добросовестности автора. Складывается впечатление, что, ссылаясь в 2002 году на документ из фондов «ЦГАОР АзССР» (С. 88), Ключкин явно опирается не на результаты собственных эвристи-

---

² Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972.

ческих изысканий, а на проделанный кем-то другим труд, тем более что в той же ссылке фигурирует и журнал «Известия АН АзССР», в которой, видимо, и был опубликован вышеупомянутый документ.

Целый ряд основополагающих понятий и терминов в монографии Ключкина несостоятелен с научной точки зрения. В частности, это относится к выражению «Юго-Западный Кавказ», которым автор вслед за своими турецкими коллегами обозначает основное географическое пространство своего исследования – территорию бывших Карской и Батумской областей Российской империи (или же, если смотреть на это турецкими глазами, – бывших трех санджаков Османской империи – Карского, Батумского и Ардаганского). При этом Ключкин сам говорит об условности и «нестрогой географичности» (С. 6) этого понятия. Разумеется, почти любое географическое и этнографическое название, относящееся к Закавказью, условно и политизировано. Так, кто возьмет на себя смелость сказать, где в начале XX века кончались границы Восточной Анатолии, где начиналась Армения, и существовал ли вообще турецкий Курдистан? Однако используемое Ключкиным понятие «Юго-Западный Кавказ» не просто условно. Оно несет на себя ярко выраженный отпечаток той системы исторических, политических и идеологических координат, в которой никогда и ни при каких условиях не появится места, к примеру, для словосочетания «Западная Армения»³. Проще говоря, это турецкий взгляд на мир и на историю Закавказья. Вообще (о чем подробнее скажем ниже) одной из особенностей монографии Ключкина является манихейско-тюркофильское видение им исследуемой проблемы, благодаря чему армянскому населению региона в его работе отводится роль inferнальной силы, своего рода досадного (а также агрессивного, вероломного и жестокого) недоразумения, мешающего обретению давно вождельственной независимости и собственной государственности турками Западной Армении. При этом армянское национальное движение автор оценивает исключительно как верный инструмент русской имперской экспансии и, позднее, орудие в руках Антанты (С. 15). Далее Ключкин повторяет мнение турецкой историографии о том, что большевики вслед за русской политикой имперского периода стали использовать армянское движение в своих интересах (С. 27).

Помимо небесспорной политико-географической терминологии, еще одной более чем уязвимой для критики особенностью работы Ключкина являются его познания и суждения в области национального вопроса. Уже с первых строк введения монографии читатель узнает, что в Российской империи существовало «национальное движение мусульман» (С. 5),

---

³ Впрочем, в одном месте Ключкин между прочим все же упоминает о существовании «так называемых армянских вилайетов» Османской империи (С. 42). Небезынтересно было бы узнать мнение автора, почему это они так назывались?

а по ходу дальнейшего чтения выясняется, что это совсем не стилистическая погрешность, не небрежная безграмотность в формулировке, а органичная часть исторического видения автора, многократно впоследствии использующего данное выражение. Впрочем, Клюкин не претендует на открытие или изобретение новой «национальной» общности. Иногда понятие «мусульмане» у него выступает просто как синоним понятия «турки» или «османы». Однако чаще оно служит для механистического объединения по конфессиональному признаку в псевдооднородную массу представителей совершенно разных этносов, населявших Закавказье, — турок-османов, татар, аджарцев, лазов, турок-месхетинцев, курдов, черкесов, туркмен, персов, азербайджанцев. Таким образом автор монографии идет на грубое упрощение изучаемой проблемы. Сложнейшая проблема *национальной самоидентификации* мусульман Закавказского региона попросту оставлена Клюкиным за рамками исследования. Разумеется, религиозная принадлежность неизменно была важнейшим фактором, определявшим тяготение народов Кавказа и Закавказья к России или Османской империи. Использование дихотомии «мусульмане — христиане» представляет большой методологический искус для историка, стремящегося облегчить свою задачу. Но разве возможно, оперируя столь обобщенными понятиями, передать всю пестроту и сложность этнических и националистических чаяний, устремлений и конфликтов в регионе или пытаться анализировать процесс *национального* государственного строительства у «мусульман»?

Здесь мы подходим к одной из ключевых проблем в рамках исследуемой Клюкиным темы, к одному из самых уязвимых мест в его методологии — к проблеме демографической статистики. Рассматривая соотношение численности мусульманского и христианского населения в Карской и Батумской областях, Клюкин использует из всех возможных статистических источников только русский «Кавказский календарь» за 1915 год. Естественно, цифры этого издания военного времени не могли отличаться полнотой и точностью. По материалам «Календаря», из примерно 404 тыс. жителей Батумской и Карской областей только 42 % принадлежали к мусульманскому исповеданию. Летом 1918 года, по турецким данным, к моменту проведения референдума о присоединении к Османской империи из 320 тыс. жителей «трех санджаков» 85 % были мусульманами. При этом превосходство численности христиан над мусульманами в 1915 году автор монографии объясняет стихийным притоком туда неучтенной массы переселенцев армян и греков из восточных вилайетов Османской империи (С. 41–42). Данная схема, не обремененная цифрами и их анализом, отличается простотой и изяществом, однако Клюкину никогда не удастся убедить специалистов, что использование одного лишь «Кавказского календаря» за 1915 год — это пример добросовестного и серьезного под-

хода к исследованию демографических процессов в регионе. На такой вот зыбкой почве построены рассуждения Ключкина о правах турецкого населения (национального меньшинства ко времени начала мировой войны, хотя автор настаивает на обратном) на создание собственного государства на территории «трех санджаков», о легитимности различных плебисцитов и учредительных конгрессов, проводившихся турками в 1918–1919 гг., когда еще не успели остыть очаги бжеавшего из Карской области ради собственного спасения армянского *большинства*.

В основу монографии положен хронологический и фактографический стиль изложения, аналитика и самостоятельные выводы автора практически отсутствуют. В первых двух главах, посвященных предыстории возникновения ЮЗКР и доводящих повествование до поражения Турции в мировой войне осенью 1918 года, автор обнаруживает поразительно слабые познания в истории Первой мировой войны, в частности, событий на ее Кавказском фронте. К примеру, ссылаясь на две турецкие работы, Ключкин утверждает, что «с началом военных действий против 70. 000 османских пехоты, 20. 000 кавалерии и 172 орудий Российская империя сосредоточила на Кавказском театре военных действий до 140. 000 пехоты, 17. 000 кавалерии и 474 орудия» (С. 14). Если бы мы поспешили посчитать, что эти цифры хоть сколько-нибудь достоверны, то получилась бы впечатляющая картина двукратного превосходства в силах со стороны русского агрессора (а именно так Ключкин трактует политику России в Закавказье). Стало быть, именно этим подавляющим превосходством и объясняются все оглушительные поражения турок на Кавказском фронте в 1914–1916 гг., непрерывно продолжавшиеся до самого революционного развала русской армии? Ничуть не бывало. Будь автор монографии более добросовестен в поиске и использовании русской историографии военных действий в Закавказье, он никак не смог бы пройти мимо фундаментального труда генерала Е. В. Масловского, бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта, одного из главных разработчиков и руководителей операций русских войск на Кавказе⁴. В своем исследовании – наиболее обстоятельном из всего, что было написано о Кавказском фронте на русском языке – Масловский приводит следующие данные о соотношении русских и турец-

---

⁴ Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. Стратегический очерк. Париж, 1933. Добавлю, что этот труд был почти сразу же переведен на турецкий язык и до настоящего времени активно используется турецкими историками, не в пример некоторым русским тюркологам. См. издания: General Maslofski. Umumi Harpte Kafkas Cephesinin Tenkidi. Çev. Kaymakam Nazmi, Ankara, 1935. Maslofski General. Umumi Harpte Kafkas Escri ve Onun Tenkidi. Ankara: Genel Kurmay Başkanlığı, Genel Kurmay Matbaası, 1953.

ких сил в начале войны⁵. К началу декабря 1914 года, т. е. непосредственно перед решающей Сарыкамышской операцией, численность турецкой 3-й армии, действовавшей на Кавказском фронте, была доведена до 160 батальонов, 128 эскадронов, до 300 орудий, а также 8–10 тысяч курдов. Всего — до 190 тыс. человек. Отметим кстати, что курдская иррегулярная кавалерия в составе османских вооруженных сил ко времени начала войны именовалась «полки легкой кавалерии из кочевников», а не «хамидийе», как ошибочно называет ее Клюкин (С. 19)⁶. В то же самое время, в декабре 1914 года, силы противостоявшей туркам русской Кавказской армии составляли 108 батальонов, 117 сотен, 298 орудий, 15 инженерных рот, 8 ополченческих и 4 добровольческие дружины⁷. При этом русские войска были развернуты кордонным образом на огромном пространстве, и силы их были распылены.

Откуда же взялась такая разница между цифровыми данными разных источников, использованных Масловским и Клюкиным? Думается, объяснение достаточно просто. Некоторые наименее честные и добросовестные турецкие мемуаристы и военные историки на своей стороне изначально подсчитывали только количество активных штыков в поле, в первой боевой линии, за исключением всех нестроевых, больных, обмороженных, дезертиров и т. д.⁸ На русской же стороне считалась максимальная теоре-

---

⁵ Сразу подчеркну, что источниками для Масловского служили документы разведывательного отделения Штаба Кавказской отдельной армии, бумаги из личного архива, материалы классического труда французского майора Ларше, использованного архивные документы турецкого Генштаба, и, наконец, воспоминания немецкого подполковника (в 1914 г.) Феликса Гузе (Felix Guse), начальника штаба турецкой 3-й армии в начале войны.

⁶ Курдская конница «хамидийе» была расформирована младотурками 17 августа 1910 года, а ее прежнее название — предано забвению, как явно контрреволюционное («войско Абдул-Хамида»). С того времени иррегулярная конница комплектовалась по «аширетному», т. е. племенному принципу, а курдским вождям были закрыты возможности производства в старшие офицерские чины и назначения на руководящие должности. Факт этот весьма значительный в истории курдов Османской империи, и специалист по «Юго-Западному Кавказу» должен был бы его знать.

⁷ Масловский Е. В. Ук. соч. С. 45, 434. Возможно, турецкие силы Масловским все же были несколько преувеличены. По данным другого крупного военного историка комбрига Н. Г. Корсуна, к началу Сарыкамышской операции русские имели на Кавказе в действующей армии 114 батальонов, 127 сотен и 304 орудия, а турки — 121 батальон, 22 сотни и 263 орудия, а также курдскую конницу (Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 33).

⁸ В весьма содержательном и взвешенном труде Э. Эриксона можно найти следующие данные о численности 3-й армии, взятые из турецкой официальной истории Первой мировой войны. К началу Сарыкамышской операции 3-я армия имела готовыми к активным действиям 75, 660 штыков, 73 пулемета и 218 орудий. Общая же

тическая численность всех сил, включая и те части, что несли гарнизонную и этапную службу далеко в тылу, причем все русские подразделения считались полностью укомплектованными. В результате получалась весьма удобная интерпретация того обстоятельства, что вплоть до развала русской армии в 1917 году турки не смогли добиться на Кавказском фронте ни одного успеха в наступлении и обороне, а постоянно терпели сокрушительные поражения в поле и теряли одну за другой крепости и укрепленные позиции. Фактически автор рецензируемой монографии принял на веру малодостоверные данные турецких авторов, даже не потрудившись свериться с русскими источниками или проанализировать существующие расхождения в сведениях о численности войск обеих сторон. Это — довольно яркий показатель глубины исследования Клюкиным проблем военного противостояния России и Турции на Кавказе, а также степени его осведомленности в важных вопросах истории интересующего его региона и периода времени.

Далее, как успех младотурецкой политики и подрывной работы в русском Закавказье (а также как яркое проявление свободолюбивых устремлений мусульман Российской империи) автор рассматривает события конца 1914 года в Батумской области. По его сведениям, вторгшиеся отряды мусульманских добровольцев и «народная милиция» местного аджарского населения добились первоначальных успехов в партизанской борьбе с русскими войсками, достигнув к концу декабря Ардагана, но затем «удары подошедших казаков» (sic!) вынудили их отступить за линию фронта (С. 14). В действительности главную угрозу русской власти в Батумской области в тот период представляли не банды восставших аджарцев, а части регулярной турецкой армии, имевшие значительный численный перевес над силами русского Приморского отряда. В частности, на приморском направлении действовал высаженный на морском побережье в районе Хопы отряд германского майора Штанге (т. н. «Штанге-бей мюфрезеси»), немногочисленный, силой около полка, но сформированный из отборных частей элитного 1-го Константинопольского корпуса, с горной артиллерией и пулеметами. Он то и стал главной силой «народной милиции» аджарцев. Фактически Штанге возглавил действия сил знаменитой подрывной тайной организации «Тешкилят-и-Махсуса» («Особая организация»), в руководство которой входили ключевые деятели иттихадистского комитета, ближайшие помощники и доверенные лица Энвер-паши, и которая располагала на территории Лазистана хорошо подготовленными и вооруженными

численность армии составляла 118. 660 человек, так как значительные силы были выделены для охраны Эрзерумской крепости и других тыловых районов (Erickson, Edward J. *Ordered to Die. A History of the Ottoman Army in the First World War*. Westport, Connecticut-London, 2001. P. 57).

ми чстническими кадрами. К концу ноября турки заняли весь Чорохский край и подошли вплотную к Михайловской крепости. Русские военные власти в тот период всерьез опасались проникновения турок по горным тропам из Чорохского края к северу от Батум – Ахалцихского шоссе и порчи ими железной дороги⁹. Впрочем, турецкое командование придавало операциям в Батумской области значение исключительно отвлекающего маневра, который должен был лишить русских возможности отразить удар обходящего левого крыла 3-й армии. Во время Сарыкамьшской операции по практически неприкрытому Ольтинскому округу Карской области пролегал путь наступления турецкого 10-го армейского корпуса, которое вызвало крупное восстание местного населения. На этом направлении турки превосходили русские войска в живой силе пехоты в 6 раз, в артиллерии – в 3 раза¹⁰. После разгрома 3-й армии под Сарыкамьшем расстроенные части 10-го корпуса отступили в Чорохский край, увеличив силу сопротивления тамошних неприятельских отрядов. Русский Приморский отряд, возглавленный генералом В. П. Ляховым, только в начале января 1915 года смог начать методичное очищение края от противника. Так, на зачистку наиболее беспокойного и труднодоступного Таускертского участка был направлен отряд полковника А. Е. Крутения в составе 16-го и 17-го Туркестанских стрелковых полков, одной горной батареи и конного 3-го Горско-Моздокского полка. Завершить операцию по освобождению края от турецких отрядов и местных банд удалось лишь к началу апреля 1915 года¹¹. Как мы видим, военно-историческая действительность не очень профессионально отражена в словах Ключкина об успехах мусульманской «народной милиции» и об «ударах подошедших казаков». Между тем очевидно, что события 1914–1915 годов в Батумской области, непосредственно связанные с предысторией возникновения ЮЗКР, заслуживают более серьезного анализа.

Некоторые суждения автора просто изумляют. Так, ссылаясь на опубликованную в 1915 году в петроградской открытой печати Р. Е. Стрельцовым, частным лицом, компилятивную брошюру о русской политике в отношении Черноморских проливов, в которой доказывалась ненужность установления контроля России над ними, Ключкин пишет, что в 1915 году русская дипломатия отказалась от замыслов захвата и приобретения Проливов (С. 17). Одной этой фразой Ключкин распишывается в совершенном незнании и непонимании важнейшего вопроса в русско-турецких отношениях на протяжении трех веков, вопроса, приобретшего особую, острую актуаль-

⁹ См., например: РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 47.

¹⁰ Русский Ольтинский отряд насчитывал всего 8 $\frac{3}{4}$ батальона, 7 сотен, 24 орудия и 1 саперную роту. См.: Корсуи Н. Г. Ук. соч. С. 34, 36.

¹¹ Масловский Е. В. Ук. соч. С. 150–152.

ность в годы Первой мировой войны. Очевидно, автору неизвестна та сравнительно немногочисленная, но чрезвычайно информативная и глубокая литература, а также публикации документальных источников по проблеме Проливов в русской дипломатии, военной и морской стратегии¹². Из всех этих работ однозначно следует, что в 1914–1917 гг. руководство Российской империи, хотя и с многочисленными колебаниями и изменениями военного и политического курса, но все же неукоснительно готовилось к осуществлению «Босфорской экспедиции», достаточно успешно вело переговоры по этому поводу с союзниками, собирало транспортные средства, обучало части десантного корпуса. Пик готовности пришелся на 1917 год, и лишь революционный развал армии и государства окончательно похоронил амбициозный замысел прыжка на Босфор. Неужели Е. В. Ключкин не понимает, что вопросы подготовки захвата Босфора были государственной тайной высокой степени секретности и, в силу этого, не могли быть отражены на страницах публицистической брошюры 1915 года, на которую он ссылается? О каком профессиональном соответствии автора в области источниковедения, знания историографии и, наконец, простой логики может идти речь после этого?

На страницах монографии Ключкина неоднократно возникают чрезвычайно странные, неизвестные исторической науке персонажи. Например, кто такой «Ганс фон Шект», упоминаемый автором (С. 15)? Исследователю, занимающемуся участием Турции в Первой мировой войне, стыдно не знать генерал-полковника (с 1926 г.) Ганса фон Зеекта¹³ (Hans von Seeckt, 1866–1936), одного из ярчайших представителей германского Генерального штаба, легендарного руководителя рейхсвера в 1920–1926 гг., главного творца командных кадров будущего вермахта, занимавшего в 1917–1918 гг. должность начальника Генерального штаба турецких сухопутных сил, автора воспоминаний и ряда классических трудов по военной теории. Очевидно, это имя Ключкин взял из одной из турецких книг и, опираясь на собственные лингвистические познания, перевел его написание на русский,

---

¹² Адамов Е. А., сост. Константинополь и проливы (по секретным документам б. министерства иностранных дел). Т. 1–2. М., 1925–1926; Калачев В. Стратегическая оценка возможностей блокады Босфора Черноморским флотом и десантные операции в его окрестностях в войну 1914–1918 // Морской сборник. 1926. № 7; Корсун Н. Г. Русское командование и вопрос о проливах во время мировой войны // Новый Восток. М., 1927. № 16–17. С. 338–351; Емец В. А. Проблема Черноморских проливов во внешней политике России в период первой мировой войны // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 305–352; Айрапстов О. Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158–261.

¹³ Его полное имя – Johannes Friedrich Leopold von Seeckt. В русской военной литературе издавна устоялось написание его фамилии в виде «фон Сект».

попутно обнаружив полное незнание с русской, а также оригинальной и переводной немецкой литературой по Первой мировой войне. Подобным образом и генерал-лейтенант Фридрих Кресс фон Крессенштейн (Friedrich Kress von Kressenstein), один из ключевых деятелей германской военной миссии в Турции в те годы, чьи мемуары о событиях в Закавказье недавно были изданы в Тбилиси¹⁴, у Клюкина на одной из страниц именуется просто как «фон Крез» (С. 35).

Вообще, автор монографии испытывает явные трудности с корректным использованием имен собственных и географических названий. Так, главный город и порт Лазистана он попеременно называет то по-гречески Трапезундом, то по-турецки Трабзоном (С. 16–17, 25, 27 и др.). Все, даже самые крупные русские и советские военные и политические деятели упоминаются Клюкиным исключительно по фамилиям, без имен или инициалов¹⁵. К примеру, говоря о событиях мировой войны, Клюкин упоминает некоего «де Гирса», якобы русского «посланника» в Константинополе (С. 16), и утверждает, что этот загадочный человек (очевидно, предположим мы, француз по происхождению¹⁶) исполнял инструкции министра иностранных дел С. Д. Сазонова по изучению сведений о подготовке заговора константинопольских армян во главе с Джемаль-пашой (sic!). В то же время Клюкин совершенно серьезно утверждает, что сделанные Энвер-пашой накануне начала войны русскому военному агенту генерал-майору М. Н. Леонтьеву известные предложения союза с Россией были искренними, но их отвергла злонамеренная и агрессивная русская дипломатия, стремившаяся к расчленению и разделу Турции (С. 16).

Описывая «модель взаимодействия» русской армии с армянскими повстанцами, Клюкин пишет, что весной 1915 года Ван был взят отрядом некоего «Арама», которого русское командование вскоре назначило главой городского управления (С. 16). Очевидно, автор монографии имел в виду военного и политического деятеля армянского национального дви-

---

¹⁴ Kress von Kressenstein, Friedrich. *Meine Mission im Kaukasus*. Tbilissi, 2001.

¹⁵ В наши дни, при доступности современных справочно-энциклопедических ресурсов интернета, использования которого Клюкин не совсем чужд, эта особенность его текста выглядит просто необъяснимой с позиций исследовательского профессионализма.

¹⁶ В действительности русскую императорскую миссию в Константинополе в 1912–1914 гг. возглавлял посол (а не посланник!) гофмейстер Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), сын Н. К. Гирса, министра иностранных дел Александра III; предки Гирсов были выходцами из Швеции и не имели никакого отношения к французскому дворянству. Другое дело, что в дипломатической переписке на французском языке он именовался «de Giers», откуда это написание совершенно ошибочно было позаимствовано некоторыми историками.

жения Арама Манукяна¹⁷ (1879–1919), будущего министра внутренних дел Армянской республики. Если уж Ключкин, вслед за авторами пересказываемых им турецких книг, предпочитает именовать этого человека на староосманский манер – по одному имени – то он мог назвать его уважительно – «Арам-паша», как это делается в ряде энциклопедий и справочников. С чем же мы сталкиваемся в данном случае – с незнанием исследователя-тюрколога или с сознательной небрежностью историка-тюркофила, коль скоро речь идет всего лишь о «каком-то» армянском национальном лидере? На страницах монографии неоднократно можно встретить и не несущие, в силу своей односторонности, никакой научно-смысловой нагрузки упоминания автора о жестокостях армянских бойцов против турецкого населения региона, к примеру, о том, что армянский вождь Андраник (Озаян, он же Андраник Сасунский; 1865–1927) стал в турецкой истории символом армянского террора (С. 15); Ключиным приводятся количественные данные турецкой историографии об убийствах армянскими отрядами мирных турок Карской области в 1918–1919 гг. (С. 77) и т. п. Приступ умиления у неискушенного читателя может вызвать рассказ о том, как в апреле 1918 года отступающие армянские бойцы Андраника устроили жестокую резню турок в Карсе, а пришедшие турецкие войска в ответ даже не тронули древнюю армянскую церковь в городе (С. 31). Ни для кого не является откровением, что дашнаки были жестоки и беспощадны в своей борьбе. Но тогда почему бы автору для видимости беспристрастности не упомянуть и о том, как и кем стали в армянской народной памяти фактически создатели ЮЗКР – я имею в виду не группу мелких лавочников, лесников, столяров, окулистов и других разночинных политических «самородков», формально возглавивших это образование, а триумvirат вождей комитета «Иттихат ве теракки» и ряд османских воссначальников Кавказского фронта? Впрочем, это и так достаточно хорошо известно, и, прежде всего, тем турецким авторам, труды которых стали главным источником рецензируемой монографии. В любом случае, серьезное статистическое и аналитическое исследование проблемы взаимного террора армян и турок друг против друга явно превышает возможности доступных нам источников и выходит за рамки темы работы Ключкина. И все же симптоматично, что проблема геноцида армян не затрагивается и, по сути, даже *не упоминается* на страницах рецензируемой монографии¹⁸. Между тем,

---

¹⁷ Арам Манукян – партийный псевдоним. Настоящее его имя – Саркис Ованесян, он же Арам-паша, он же Ванеци («Ванский») Арам.

¹⁸ Уже не к науке, а к области морали следует отнести возмутительное с этической точки зрения высказывание Ключкина о том, что с началом войны армянское и греческое население восточной Анатолии стало «перебираться на российскую территорию, парализовав практически всю торговлю сахаром и керосином (...) которая

более пристальное и добросовестное внимание к этому вопросу пролило бы больше света на особенности формирования того конфессионально чистого электората трех санджаков, который «под сенью дружеских штывков» османской армии избирал делегатов для описываемых в монографии Карских и Ардаганских конгрессов.

Во второй главе монографии автор фактографически излагает события 1918 года в Закавказье вплоть до Мудросского перемирия. В этот период наступавшие османские войска, не встречая сопротивления со стороны разложившейся и самораспустившейся русской армии, создали необходимые условия для проведения референдума о присоединении бывших «трех санджаков» (естественно, при их участии уже очищенных от армян) к Османской империи. Автор монографии оценивает этот референдум как «политический спектакль» (С. 42), и это одно из немногих его суждений, не вызывающих наших возражений. Странно, что ту же оценку он не распространяет на более поздние Карские и Ардаганские конгрессы мусульманского населения, провозгласившие самостоятельную государственность на «Юго-Западном Кавказе». Описание этих конгрессов занимает видное место в тексте работы Ключкина, с подробным перечислением имен делегатов, названий принятых ими деклараций и конституций, а также всевозможных никем не признанных ячск местного мусульманского самоуправления. К сожалению, аналитическая составляющая и общий смысл этих описаний ускользают от нашего понимания.

Третья глава монографии посвящена периоду между Мудросским перемирием и моментом провозглашения независимой ЮЗКР, состоявшегося уже после прибытия британских оккупационных властей. Этот раздел и весь последующий текст монографии представляют собой простой пересказ работ турецких историков Гёкдемира и Дайы. Основное содержание главы сводится к тому, что, вынужденные отступить с территории «трех санджаков», турецкие войска сделали все возможное, чтобы обеспечить органы самоуправления своих единоверцев и соплеменников на оставляемых землях оружием¹⁹, офицерскими кадрами и военными запасами, необ-

---

находилась в их руках» (С. 42). Подумать только: физически истребляемые армяне имели наглость, спасая свои жизни, прекратить снабжать своих палачей товарами первой необходимости!

¹⁹ Добавим, что упоминание разных видов оружия, достававшегося тем или иным вооруженным формированиям, пестрит у Ключкина странными деталями. Так, он упоминает, что мусульманам селения Камерли досталась партия «крупнокалиберных винтовок» (С. 48), но не поясняет, видимо, по незнанию, что «крупнокалиберность» этих винтовок означала следующее: они были давно устаревших систем, скорее всего, Бердана или Мартини, и существенно уступали современному в начале XX века «мелкокалиберному» ручному огнестрельному оружию. В другом месте он говорит о выданной нахичеванской милиции партии «однствольных ружей» (С. 51).

ходимыми для отражения попыток армян и грузин пересмотреть результаты последнего наступления османской армии.

Собственно истории существования ЮЗКР посвящена всего одна, заключительная глава монографии. Описание деятельности руководства ЮЗКР представляет у Ключкина довольно обширную и бессистемную россыпь фактов, создающих общее впечатление сумбурности и непродуманности всей работы беспомощных правителей импровизированной республики. Достижения властей ЮЗКР на поприще внутренней и внешней политики были достаточно жалки. Не сумев добиться официального признания у Великих Держав и приглашения на Парижскую мирную конференцию, мусульманские власти ЮЗКР с трудом и не очень успешно отражали нападения грузинских и армянских вооруженных формирований, выпрашивали деньги, военных инструкторов и гражданских чиновников у мусаватистского Азербайджана, пытались, по некоторым туманным сведениям, установить контакты с большевистской Москвой. Между прочим, Ключкин совершенно ошибочно полагает, что поиски сближения с Советской Россией свидетельствовали о политическом прагматизме руководства ЮЗКР, поскольку в тот период влияние большевиков в Закавказье якобы возрастало (С. 72). В действительности к началу 1919 года в результате наступательных операций Вооруженных Сил Юга России красная Москва временно утратила практически все позиции на Кавказе и в Закавказском регионе. Собственная армия ЮЗКР оставалась в зародышевом состоянии и самым своим существованием была обязана тем обширным партиям трофейного русского оружия, которые им передала османская армия, оставившая также группу офицеров в штабе новосозданных вооруженных сил ЮЗКР. Впрочем, по некоторым сведениям, власти ЮЗКР все же сумели поставить под ружье до 8 тыс. человек, которые, однако, не смогли отразить натиск грузинских частей генерала Г. И. Квинитадзе, в марте 1919 года отвоевавших Аджур, Ахалцихе и Ахалкалаки²⁰.

Коль скоро можно предполагать, что речь идет о боевом оружии, а не об охотничьем, то данное определение вообще лишено всякого смысла. На с. 82 в составе английских оккупационных войск упоминается «легкая бронированная моторная батарея». Как видим, в вопросах военного строительства государств «Юго-Западного Кавказа» автор монографии также некомпетентен.

²⁰ Allen W. E. D., Muratoff, Paul. *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border*. Cambridge, 1953. P. 498. О войне между Грузинской республикой и восставшими мусульманами Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, опиравшимися на непосредственную военную поддержку ЮЗКР, подробнее см.: Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в года независимости Грузии 1917–1921. Paris, 1985. С. 84–132. Подавляющее военное превосходство грузин дало Квинитадзе основание написать, что его наступление на Аджур 5 марта было подобно удару молотом по яйцу (Там же. С. 94). По мнению этого военачальника, именно победы грузин-

Государственные структуры непризнанной мусульманской Карской республики существовали до тех пор, пока это позволяли и терпели британские оккупационные власти, всегда рассматривавшие их исключительно как стихийно возникшие органы местного самоуправления. Заняв бескомпромиссно неуступчивую позицию в вопросе о возвращении армянских беженцев в Карс и о снабжении их продовольствием, оставшимся на бывших русских складах, руководство ЮЗКР вырыло для самого себя могилу, вызвав раздражение английских представителей. Чаша терпения последних была переполнена случаями вооруженного сопротивления местных мусульман и гибелью трех британских солдат, после чего англичане 12 апреля 1919 года, не церемонясь, арестовали группу лидеров самопровозглашенной республики и распустили ее парламент. Можно сказать, что те несколько вагонов с продовольствием для голодающих армян в Гюмри, из-за которых части ЮЗКР первыми начали стрелять в англичан, — и были подлинной ценой всей самостоятельной мусульманской государственности «Юго-Западного Кавказа», ее реальный вес на весах истории.

Достаточно наивны попытки Клюкина охарактеризовать политику английских оккупационных властей в отношении мусульманского самоуправления трех санджаков и провозглашенной позже ЮЗКР. Не опираясь ни на какие британские источники, автор делает выводы о плохой осведомленности англичан в данном вопросе, о непродуманности и непоследовательности их шагов. В качестве примера он приводит события января 1919 года, когда прибывшие в Карс представители британской военной администрации якобы полностью приняли требования турецкого Национального Совета — не способствовать возвращению армян в Карс и не снабжать их продовольствием (с. 62–64). По мнению Клюкина, временная уступка англичан означала, что представители величайшей колониальной империи пошли на поводу у мусульманских властей, не имевших ни своей армии, ни четкой политической программы. Далее, однако, сам автор оговаривается, что, возможно, только недостаточное военное присутствие в регионе в тот момент удержало англичан от решительных действий. Бросается в глаза, что сведения о согласии англичан не добиваться возвращения армян в Карс содержатся только в турецких источниках, в силу тенденциозности которых они не могут считаться достоверными.

На самом деле факты говорят, что британские оккупационные власти в Карсе, опираясь на свой двухвековой опыт эффективной политики в отношении азиатских народностей, действовали жестко и расчетливо. Очень скоро убедившись, что самовольное руководство ЮЗКР не намерено выполнять продиктованные ему условия, а, напротив, готово идти

ского оружия пошатнули основы государства ЮЗКР и привели его к скорой гибели по решению англичан.

на вооруженное сопротивление, англичане расправились с ним. При этом они могли с полным правом позволить себе несколько не считаться с волеизъявлением мусульманского населения, начавшего строить свое «государство», в котором не оставалось места для живых армян. Для автора монографии данное волеизъявление – важный знак политической зрелости «национального движения мусульман». Однако британские военные власти, наверное, не захотели принять это во внимание, ибо руководствовались собственными интересами, а не отвлеченным тюркофильством. В соответствии с законом имперской политики («злостное и злонамеренное неповиновение должно быть наказано») англичане прикончили и без того мертворожденную ЮЗКР. Впоследствии только мудрый компромисс между большевистской Москвой и кемалистской Турцией стал причиной конечного неуспеха английской политики в Закавказье. Это соглашение – возможно, самая интересная и важная проблема в истории Закавказья тех лет – не получило сколько-нибудь подробного освещения в работе Ключкина.

Что касается целей и мотивации британской политики в регионе, то с этим все обстояло далеко не так просто, как полагает Ключкин, незнакомый с английскими источниками и историографией вопроса²¹. Было бы громадным заблуждением считать, что английские оккупационные власти и высшее руководство метрополии были настроены исключительно анти-турецки и проармянски. Действительно, англичане оказывали поддержку дашнакской Армении и считали, что Карская область должна быть частью армянского государства. Однако, с другой стороны, даже после войны с Турцией у части британского истеблишмента, – к примеру, в военном ведомстве, – были по-прежнему сильны традиционные протурецкие симпатии²². И все же главной целью британской стратегии в регионе было

---

²¹ Довольно большой смелостью являются попытки рассуждать о британской политике в регионе, не будучи знакомым, например, со следующими классическими монографиями по этому вопросу: Kazemzadeh Firuz. *The Struggle for Transcaucasia, 1917–1921*. New York, 1951; Bush, Briton Cooper. *Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in West Asia, 1918–1923*; Albany NY, 1976. Nassibian, Akaby. *Britain and the Armenian question, 1915–1923*. London, 1984.

²² Nassibian A. *Op. cit.* P. 162. Любопытно, что авторы из Форин Офис в своем обзоре британской политики в Закавказье в те годы отметили, что командование и чины различных частей британских оккупационных сил были настроены совершенно по-разному. Так, войска, прибывшие из Салоник и подчиненные военному ведомству (к их числу принадлежали части ген. Дж. Т. Форестье-Уокера в Западном Закавказье), симпатизировали христианам, недолюбливали мусульман и были склонны поддерживать силы русской контрреволюции. Напротив, войска с Месопотамского фронта, подчиненные индийскому ведомству, симпатизировали мусульманам, презирали восточных христиан и в традициях англо-индийской армии подозрительно относились ко всему, что могло

создание такого порядка и равновесия сил, которые гарантировали бы сохранение стабильного влияния Англии в Закавказье без необходимости содержать там значительные контингенты войск. Вообще британские военные власти в Закавказье стояли на позициях непредрешенчества в определении судьбы Карской области и других спорных территорий, намереваясь передать эти вопросы на рассмотрение Парижской мирной конференции. Именно английские власти зимой 1919 года добились отъезда из Карабаха и роспуска отряда генерал-майора Андраника, состоявшего преимущественно из уроженцев Западной Армении, настроенных неприязненно и в силу этого угрожавших британской программе урегулирования в Закавказье. Очень любопытно, что английский офицер, выступивший посредником между властями ЮЗКР и генералом Г. И. Квинитадзе во время мартовского наступления последнего на мусульманские районы, заявил грузинскому командующему, что Карская республика находится под покровительством Англии²³.

Важную, если не решающую, роль в судьбе ЮЗКР сыграли донесения английской разведки об угрожающей интересам Британии деятельности мусульманских властей в Карсе. В конце марта 1919 года состоялась поездка по Карской области офицера британской секретной разведывательной службы подполковника А. Роулинсона, на которого была возложена официальная миссия проверки выполнения турками условий перемирия. Роулинсону удалось получить «документальные свидетельства огромной важности» о запрещенной англичанами негласной военной помощи турецкой армии мусульманам Карса, что, несомненно, сильно повлияло на решение британских властей уничтожить правительство ЮЗКР²⁴.

В заключении к своей монографии Е. В. Ключкин приходит к выводам о том, что население Юго-Западной Кавказской республики (то есть, называя вещи своими именами, мусульмане бывших «трех санджаков», при поддержке регулярных османских войск вырезавшие и «вычистившие» своих христианских соседей), несмотря на отсутствие национальных партий, проявило высокую политическую активность и сознательность, что очень скоро оказало значительное влияние на общетурецкое национальное движение и победу кемалистской революции. Но не преувеличивает ли автор, к тому же бездоказательно, роль стихийного политического творчества масс и зрелость их парламентско-демократического опыта? Фактический

быть связано с русским империализмом. В результате «народы Закавказья не могли обнаружить определенной британской политики» (PRO. FO/371/7729. Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921. P. 10).

²³ Квинитадзе Г. И. Ук. соч. С. 102, 106–107.

²⁴ Rawlinson A. Adventures in the Near East 1918–1922. London, 1934. P. 134, 140.

материал его монографии красноречиво убеждает читателя, что местное самоуправление мусульман Карской и Батумской областей, приобретенное на три-четыре месяца вид самостоятельной государственности, изначально было всего лишь искусственным проектом тогда еще иттихадистского руководства Османской империи, марионеткой, всецело зависевшей от его дипломатической, военной и моральной поддержки и служившей прикрытием для попытки реализации далеко идущих планов пантюркистской экспансии в Закавказье и Средней Азии. Сам автор отмечает, что даже руководители ЮЗКР, не спеша с провозглашением независимости, рассматривали это квазигосударственное образование как временное явление (С. 93), необходимое лишь до выяснения политической обстановки, то есть, добавим мы, до появления благоприятных условий для слияния с западным старшим братом. Более интересным и перспективным представляется другое наблюдение автора, к сожалению, совершенно им не развитое, — о том, что в процессе образования и развития ЮЗКР именно иттихадисты сыграли существенную, но недооцененную историками роль. По сути дела, ЮЗКР была всего лишь военно-политической «заготовкой» младотурецкого военного руководства, столкнувшегося с огромными трудностями после поражения в мировой войне. Самобытная «государственность» мусульман «Юго-Западного Кавказа» была не более чем ширмой для реализации этого проекта, ставившего целью получение громадных политических прибылей с вложенных в создание ЮЗКР партий старого оружия и некоторых припасов²⁵. По всей видимости, корни последовавшего успеха кемалистов в отношении Западной Армении в значительной степени были подготовлены еще мероприятиями комитета «Единение и прогресс». Все это логично вписывается в современную историографическую концепцию того влияния, которое оказало националистически и пантюркистски настроенное младотурецкое офицерство (причем еще довоенной формации), на процесс образования национального турецкого

---

²⁵ Кстати, напрашивается параллель между ЮЗКР и Гюмюльджинской турецкой республикой, возникшей в Западной Фракии во время 2-й Балканской войны летом 1913 года. После отступления болгарских войск на освободившейся фракийской территории до прихода османской армии возникло «Временное правительство Западной Фракии» во главе с видным иттихадистом майором Сулейманом Аскери-беем, доверенным лицом Энвер-паши, его сослуживцем по Триполитанской войне. По Константинопольскому договору территория республики отошла к Болгарии, но младотурецкое руководство и, прежде всего, «Тешкилят-и махсуса» продолжали поддерживать ушедшие в подполье власти Гюмюльджинской республики, активно снабжая их оружием. Созданная в Западной Фракии мощная турецкая четническая организация сыграла важную роль в подрывной деятельности на Балканах в годы Первой мировой войны, став головной болью даже для болгарских властей, вначале благосклонно настроенных по отношению к ней.

государства²⁶. Какова же была степень пресмщенности политики кемалистов на восточных границах Турции по отношению к таковой же политике Энвер-паши и Талаат-паши? Этот вопрос обречен пока оставаться без ответа. Остается пожалеть, что, вместо исследования этих реальных проблем, автор монографии пошел по пути описания фиктивных политических конгрессов и деятельности марионеточных гражданских лидеров мусульман Западной Армении и Аджарии.

Подведем довольно безрадостные для отечественной науки итоги. Несамостоятельный и неубедительный текст монографии Е. В. Ключкина представляет собой образец во всех отношениях некачественно выполненного исторического исследования. По сути дела, благодаря работе Ключкина читатель сможет всего лишь несколько расширить свои представления о турецкой историографической версии событий в Закавказье в 1917–1921 гг., а также задаться закономерным вопросом, почему традиционные доводы турецкой научно-публицистической пропаганды вдруг зазвучали из уст российского исследователя с берегов Невы. Или пора уже перестать удивляться появлению исторических трудов, написанных с позиций всепоглощающей и ослепляющей симпатии авторов к изучаемой ими стране и народу?

Публикация монографии Е. В. Ключкина на Восточном факультете СПбГУ и последовавшая успешная защита им кандидатской диссертации являются тревожными признаками, симптомами опасной болезни, угрожающей современному российскому историческому востоковедению. Методологический, источниковедческий и историографический дилетантизм автора, рассчитывающего, очевидно, скрыть и компенсировать это одним лишь знанием турецкого языка, должен быть поставлен в упрек петербургской школе востоковедения, ныне одобряющей и утверждающей подобные непрофессиональные тексты. Дальнейшее движение по этому пути неизбежно приведет нашу науку к резкому падению стандартов качества исследовательской работы и, в конечном счете, к профанации и девальвации исторического знания.

Любая критическая рецензия или полемическая статья может только выиграть, если кроме отрицания и опровержения она предлагает читателю хотя бы малую частицу позитивного знания, в частности, знания фактов, которые способны сообщить нам малоизвестные архивные документы.

С любезного согласия редакции «Русского сборника» я, выходя далеко за рамки и объемы жанра традиционной рецензии, решил сопроводить ее текст публикацией нескольких документов из фондов британского Public Record Office (PRO), непосредственно относящихся к истории возникно-

---

²⁶ Из последних работ см., например: Handan Nezir Akmeşec. *The Birth of Modern Turkey. The Ottoman Military and the March to World War I*. London-New York, 2005.

вения и скорой гибели самопровозглашенной Карской республики и отчасти заполняющих те зияющие пробелы в источниковой базе монографии Е. В. Ключкина, которые бросаются в глаза ее читателю.

Публикуемые документы отражают, прежде всего, взгляд британских оккупационных властей на проблему политического урегулирования в Западном Закавказье, которое должно было, как они надеялись, принести мир и спокойствие народам региона, разумеется, при неслыханном условии преобладания собственных интересов Англии. В конце концов, именно британские военные власти стали главными вершителями судьбы мусульманского самоуправления в Карсе, которое существовало, пока англичане терпели его, и которое пало по их приговору. Из этих документов видно, что английские представители были далеко не так плохо осведомлены в делах Закавказья, как полагают некоторые исследователи, и отлично сознавали при этом, что только присутствие достаточного воинского контингента могло эффективно принудить местное население выполнять продиктованные им условия и прекратить взаимное истребление. И с турками, и с армянами Англия разговаривала на языке силы и была готова, не задумываясь, применить эту силу в случае необходимости. Надо признать также, что вполне искренние, хотя и субъективные, гуманитарные побуждения, безусловно, оказывали значительное влияние на решения британских властей, причудливо переплетаясь, как это часто бывало в истории Англии, с соображениями реальной политики и стратегии. Однако многие расчеты и надежды, отраженные в публикуемых документах, носили на себе отпечаток иллюзий, поскольку в изменившихся послевоенных условиях Британская империя лишь с большим напряжением была способна проецировать свою военную силу на труднодоступный для нее Закавказский регион, который находился на периферии зоны ее могущества. Надежные батальоны гуркхов и сикхов могли легко разогнать правительство Карской республики или любого другого подобного образования, однако эти войска были необходимы сразу во многих местах и не могли оставаться в Карсе вечно. Под бременем внутренних проблем и осложнений в других азиатских владениях, а также в условиях противодействий мощных сил — большевистской Москвы и кемалистской Турции — Великобритания была вынуждена смириться с провалом ее плана умиротворения и разграничения Закавказья и с утратой влияния в этом регионе.

Документы 1 и 2 содержат категорические инструкции командующего британскими силами в западном Закавказье генерал-майора Джорджа Т. Форестье-Уокера командующему 9-й турецкой армией Якубу Шевкипаше и министру иностранных дел Армении С. Тиграняну относительно порядка проведения эвакуации турецких войск из Карской области, условий постепенного перехода ее под управление армянской админи-

страши и возвращения армянских беженцев. Заслуживает внимания намерение Форестъс-Уокера обеспечить участие мусульман в органах местного самоуправления, пропорционально численности населения области до турецкой оккупации, то есть до этнической чистки армянского населения. Также примечательно, что английские власти не исключали возможности отмежевания в будущем от Карской области части ее территории с исконно преобладавшим мусульманским населением и строго предписывали армянской стороне проводить политику терпимости в отношении мусульман. Пересказ основных пунктов документа 1 приводится Ключиным со ссылкой на турецкую монографию (с. 60–61). Настоящая публикация знакомит российского читателя с подлинным текстом первоисточника.

Документ 3 представляет посвященный Карской области фрагмент доклада командующего британскими силами в Константинополе генерала Дж. Ф. Милна начальнику Имперского Генерального Штаба от 6 февраля 1919 года о положении дел в Закавказье. В этом отрывке наибольший интерес представляет настроенность Милна в четко поставленные сроки любыми средствами преодолеть очевидное сопротивление мусульман Карсавозвращению армян.

Под № 4 публикуется документ, излагающий точку зрения властей ЮЗК на проблему возвращения армян в Карскую область. Эта петиция за подписью председателя Меджлис Шуры Ибрагима Джахангирова на имя короля Георга V поражает дерзкой и самоуверенной наглостью тона и характера требований, предъявленных самому могущественному монарху того времени. Данный документ хорошо демонстрирует дипломатический уровень руководства Карской республики и степень конструктивности его подхода к отношениям с армянами и английскими властями. Попытка авторов петиции простонародным слогом голословно демонизировать армянскую сторону и добиться тем самым удовлетворения своих заведомо неприемлемых требований вряд ли можно считать примером трезвого и глубокого политического подхода.

Наконец, документ 5 – это телеграмма генерала Милна в Военное ведомство от 6 апреля 1919 года, отражающая его намерение решительными мерами переломить нетерпимое с точки зрения интересов и престижа Великобритании развитие событий в Карсе. Фактически, документ свидетельствует, что к тому времени приговор мусульманским властям Карса был уже внесен и начал приводиться в исполнение. Наивными были, однако, надежды Милна избежать кровопролития путем решительных действий и своевременной демонстрации силы.

Документы 1 и 2 переведены с французского Т. С. Крупновой, за что я ей сердечно благодарен; 3–5 – с английского автором публикации. Я хочу также выразить глубокую и искреннюю признательность профессору

Доминику Ливсну (Лондонская Школа Экономики), благодаря безграничной щедрости и гостеприимству которого мне удалось поработать с документами британских Национальных Архивов (Кью).

Г.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДЖ. Т. ФОРЕСТЬЕ-УОКЕР, КОМАНДУЮЩИЙ БРИТАНСКИМИ СИЛАМИ В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ШЕВКИ-ПАШЕ, КОМАНДУЮЩЕМУ 9-Й ТУРЕЦКОЙ АРМИЕЙ.

КАРС, 7 ЯНВАРЯ 1919 Г.

Ваше Превосходительство, посылаю Вам прилагаемый Меморандум во французском переводе, содержащий инструкции, данные Вашему Превосходительству во время нашей встречи, которая состоялась в моем поезде.

Ваше Превосходительство, примите уверение в моем уважении к Вам.

Инструкции, переданные Его Превосходительству Шевки-паше, командующему 9-й турецкой армией.

1) В силу полномочий, данных мне Союзными державами как их военному представителю, подчиненному британскому Главнокомандующему в Константинополе, я официально уведомляю Его Превосходительство Шевки-пашу о моем намерении в ближайшее время принять на себя военное и гражданское управление Карской областью, так же как я недавно сделал с Батумом.

Мой представитель, который будет назначен военным губернатором Карса, прибудет в сопровождении роты (200 человек) солдат приблизительно к 12 января 1919 года. С ним придут должностные лица, снабженные правительством Армянской республики всем необходимым.

Я прошу Ваше Превосходительство сделать соответствующие распоряжения, чтобы эта администрация и чиновники были устроены надлежащим образом.

Военный губернатор разместится в резиденции, где все должно быть достойно его положения.

2) Части пограничной стражи османской армии, расположенные на довосной границе, должны быть немедленно отозваны, и ничто не должно препятствовать свободному перемещению местного населения.

Так же безоговорочно на границе не должно быть допущено ограничение свободного перемещения транспорта, начиная с этого дня.

Турецкая охрана может быть оставлена в лагерях, казармах и складах, временно занятых оттоманскими войсками до тех пор, пока не будет проведена эвакуация.

Ответственность за соблюдение закона и порядка среди местного населения отныне переходит от Вашего Превосходительства к представителям Союзников.

Ответственность за дисциплину в войсках остается на командующем 9-й турецкой армией.

С целью избежать каких-либо разногласий между турецкими войсками и местными жителями, которые сильно раздражены против них, Вашему Превосходительству будет необходимо сделать распоряжения, ограничивающие перемещения войск пределами строго определенной территории их лагерей и мест их расквартирования, а также тотчас приступить к их сосредоточению на главном маршруте отхода войск, кроме тех, кто находится на дороге Карс — Эрзерум.

В случае недоразумений между военными и местным населением вне территории размещения войск, Союзные державы возложат ответственность за эти конфликты на турецкого командующего.

3) Армянская администрация, подчиняющаяся английскому военному губернатору, вступит во владение железной дорогой и телеграфом вплоть до Карса к 15 января.

Турецкая администрация, действующая под контролем английского военного губернатора, продолжит управлять железной дорогой и полсвой узкоколейкой от Карса до границы.

Участок железной дороги у Карса будет управляться смешанной турецко-армянской комиссией во главе с английским военным губернатором.

4) Весь личный состав турецкой армии должен как можно скорее эвакуироваться за довоснную османскую границу. Его Превосходительство не должно думать, что эвакуация может продолжаться, по меньшей мере, до конца февраля, если с этого времени не будет сильных снегопадов. Выражая свое личное мнение, Его Превосходительство объяснил, что одной из причин отсрочки явилась необходимость перевезти большой запас пшеницы в Эрзерум, чтобы там обеспечить продовольствием войска. По упомянутой ранее причине этот довод не может быть принят, и я думаю, что сроки вывода войск могут быть значительно сокращены.

Британский военный губернатор предоставит мне отчет, если решит, что эвакуация не проводится с должной быстротой.

В этом случае я буду обязан информировать британского Главнокомандующего, что Ваше Превосходительство продолжает проводить план срыва вывода турецких войск.

5) Турецким войскам не разрешается вывозить за пределы страны привезенные с собой военные материалы.

Военное имущество прежнего правительства не должно быть вывезено или повреждено до их ухода.

Неприкосновенной должна остаться и собственность, не носящая военного характера.

Военный губернатор наделен мною властью проверять и, если необходимо, обыскивать вьючных животных, автомобили или поезда, покидающие Карс, Сарыкамыш или другой район, где имущество не обеспечено необходимой защитой, согласно этому параграфу.

Ваше Превосходительство призваны направить своего представителя с переводчиком в штаб-квартиру Военного губернатора с целью предотвратить любые недоразумения, касающиеся того или иного пункта Инструкций.

6) Не только по причине инструкции, содержащейся в первой фразе параграфа 5, но так же поскольку я имсю основание считать, что местное население находится под угрозой голода, я не могу позволить, чтобы зерно было вывезено в количестве сверх необходимого для продовольствия войск вплоть до Эрзерума.

Для их обеспечения в этой местности и с уже упомянутой здесь целью я считаю, что необходимый объем довольствия составляет килограмм [хлеба] на человека. Его Превосходительство сказал, что осталось эвакуировать 13. 000 человек. Турецкие власти могут сохранить 403. 000 кг хлеба. Остаток должен быть передан Британскому военному губернатору.

Может случиться, что [если] в результате недоразумений турецкие власти окажутся неспособными решить эту проблему, я готов рассмотреть вопрос о возвращении части этого зерна.

7) Вопрос оплаты вышеуказанного количества зерна, которое может быть оплачено турецкими властями, и возмещения ущерба со Османской Империей за то зерно, что было захвачено и реквизировано турецкими войсками по эту сторону довоенной границы, будет отложен до его решения Союзными Державами.

Станция беспроволочного телеграфа в Карсе и телеграфные линии Батум – Карс будут переданы под управление британского военного губернатора после его приезда.

Вся техника и аппаратура, действительно принадлежащие османскому правительству, которые будут необходимы для функционирования радиостанции, должны быть оставлены после описи в ожидании решения согласно статье 12 условий перемирия.

Подписано: генерал-майор Дж. Т. Форестье-Уокер

Командующий британскими войсками в западном Закавказье.

PRO. FO / 608 / 78. P. 189–193. Машинопись. Копия.

Меморандум к Соглашению, состоявшемуся между генерал-майором Дж. Т. Форестье-Уокером, командующим британскими силами в западном Закавказье, с одной стороны, и г-ном Тиграняном, министром иностранных дел Армянской Республики, с другой стороны, 8 января 1919 г.

Гражданская администрация Карса.

1) Армянское правительство в ожидании решения Мирной конференции готово назначить должностных лиц, которые примут гражданскую администрацию города Карс и области во главе с английским военным губернатором, назначенным генерал-майором Форестье-Уокером.

2) Служащие, назначенные армянским правительством, будут подчинены министру внутренних дел Армении, действуя по инструкциям министерства внутренних дел в согласии с английским военным губернатором во всех делах, требующих его вмешательства. Спорные вопросы будут урегулироваться в главном командовании британских сил как в последней инстанции после консультации с правительством Армении.

3) Менее важные служащие должны быть готовы сопровождать военного губернатора в его поездке в Александрополь, ориентировочно назначенной на 12 января 1919 года.

Железная дорога и телеграф.

Управление железными дорогами и телеграфными линиями будет принято от турецкой администрации следующим образом:

а) Железные дороги и телеграфные линии на современной границе Александрополя и Карса (исключительно) – 15 января 1919 г;

б) Железная дорога и телеграф Карса (исключительно) в установленный в дальнейшем срок, совпадающий с полной эвакуацией турецких войск;

в) Железная дорога и телеграф вплоть до Карса будет управляться армянской стороной под контролем английского военного губернатора;

д) Железная дорога и телеграф в самом Карсе будут управляться совместно армянами и турками под контролем английского военного губернатора до окончательного вывода турецкого воинского контингента. После этого система управления будет аналогична указанной в пункте «с»;

е) Железная дорога и телеграф от Карса до армянской границы будут управляться турецкой стороной под контролем британского военного губернатора до полного вывода турецкого воинского контингента из района Карса. После этого система управления будет аналогична указанной в пункте «с»;

ф) Сроки и условия передачи управления телеграфной линией, соединяющей Карс и Батум, до границы с Батумской областью будут определены позже британским военным губернатором совместно с турецкими властями;

г) Станция беспроволочного телеграфа в Карсе будет принята в ведение военного губернатора, когда он готов будет это сделать, и не должна контролироваться армянской администрацией.

Жандармерия.

5) Жандармерия, необходимая для защиты закона и порядка, будет формироваться армией Армянской республики. Ее численность будет ограничена строго необходимым количеством для соблюдения указанного выше. Она будет вводиться в страну по мере эвакуации турецких войск. Жандармерия ни в коем случае не должна приближаться или входить в места расположения войск, где они отныне будут строго изолированы до полной эвакуации.

Должны быть даны точные указания относительно управления местным мусульманским населением.

Администрация города Карс и его округа.

6) Хотя центральная администрация, действующая по указаниям английского губернатора, должна бы быть в настоящее время, по меньшей мере, полностью армянской; некоторые решения муниципалитета города должны стать показательными – считается, что в районах, населенных мусульманами, должны быть назначены их представители пропорционально численности населения, существовавшей до турецкой оккупации.

Финансы.

7) Финансовый вопрос является менее сложным, и область должна управляться, с одной стороны, с величайшей экономией; от обременительных и поэтому бесполезных налогов люди будут уклоняться по причине невозможности их уплатить. Возможно, за образец системы налогообложения будет взята довоенная система.

В том, что касается железных дорог и телеграфных линий, тарифы могут быть увеличены на 50 % по сравнению с довоенным уровнем. Однако тарифы не могут быть подняты при обслуживании англичан. Для поддержки и выплаты жалования администрации и жандармерии было сочтено, что

система ценообразования, существующая в Армянской республике, должна быть применена в Карской области.

8) Союзные державы гарантируют экономическую безопасность администрации, пока ее деятельность будет прозрачной с финансовой стороны и экономически обоснованной.

9) Вопрос о займе, предназначенном для обеспечения первоначальными средствами администрации, будет поднят армянским правительством позже.

Обращение с неармянскими народностями.

10) Мусульманское население Карской области очень напугано введением армянской администрации, даже под контролем английского губернатора. Это должна быть администрация, действующая тактично, чтобы развеять эти опасения и показать, что армяне способны забыть национальные предрассудки, придя к власти.

В особенности необходимо действовать с предельной строгостью во всех случаях проявления насилия и притеснения со стороны жандармерии. Это будет выдающимся успехом армянских властей, и их правительство окажется достойным получить одобрение Союзных держав, если в течение того периода времени, который пройдет до того, как будет принято решение на мирной конференции о будущем Кавказского региона, мир будет соблюден.

11) Впоследствии может оказаться целесообразным для командующего британскими силами в Кавказском регионе отделить от административной провинции Карса несколько районов, с преобладающим мусульманским населением, что должно найти понимание у армянского правительства.

12) Итак, в заключение, необходимо ясно понимать, что, назначая свою администрацию, которая будет работать под контролем английского военного губернатора в Карской области, по предписаниям генерал-майора Форестье-Уокера, правительство республики Армения не должно считать это основанием для [будущих] протестов и что это не подкрепит ни одно требование, которое армянская сторона может выдвинуть на мирной конференции по разным причинам.

8 января 1919 года

Подписано: Дж. Форестье-Уокер, командующий британскими силами в Закавказье.

PRO. FO / 608 / 78. P. 194-198. Машинопись. Копия.

Из доклада командующего британскими силами в Константинополе генерала Дж. Ф. Милна начальнику Имперского Генерального Штаба о положении дел в Закавказье, 6 февраля 1919 года.

Ситуация в Карской области

Было сочтено необходимым, чтобы после удаления турецкой армии, прежде оккупировавшей [Карскую область], управление Карской областью осуществлялось британским Военным губернатором. Административный совет, называемый представительным, осуществляет гражданское управление по его распоряжениям. Он является представительным в том смысле, что не представляет никого, кроме мусульман, так как, в результате турецкого правления в области, практически все оставшиеся жители являются мусульманами, армянское население было или убито, или изгнано. В настоящий момент Совет достаточно хорошо действует совместно с Военным губернатором, но, к сожалению, и Совет, и жители-мусульмане сейчас настроены отказаться позволить нескольким тысячам армянских беженцев из области вернуться к своим домам. Хотя не предполагается, что эти люди должны вернуться до того, как [их] продовольствие и безопасность будут обеспечены, такое положение вещей может быть лишь временным. Национальное отношение мусульман должно быть или изменено, или преодолено. После полного ухода турецких войск и турецкого губернатора более разумный дух может возобладать. В любом случае мы должны быть готовы до конца марта, когда они засевают свои поля, позволить армянам вернуться к своим домам и обеспечить им защиту, когда они будут там. Это определенно не удастся без демонстрации силы. Каждый мужчина в области вооружен, с большим количеством боеприпасов, и, очевидно, там существует некоторая форма милиции, о которой я пока не получил полных подробных сведений.

По меньшей мере, один батальон и некоторое количество кавалерии требуются в качестве постоянного гарнизона, и в случае затруднений войска должны будут быть двинуты из резерва в Тифлисе.

PRO. T / 1 / 12292. Машинопись. Копия.

ТЕЛЕГРАММА РУКОВОДСТВА КАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОРОЛЮ ГЕОРГУ V,
МАРТ 1919 Г.

Школа Восточных
исследований
Лондонский институт
Финсбери Сёркус
Лондон E. C. 2
17 марта 1919 года

*Перевод турецкой телеграммы, посланной
Его Величеству Королю Георгу из Карса*

Податели настоящей петиции представляют около трех миллионов мусульман, живущих на юго-западе Кавказа, и около 10 процентов из нас являются русскими и греками.

В результате переписки с английским комиссаром генералом Форестье-Уокером в Батумс, мы были заверены, что только англичане прибудут в Карс и что их не будут сопровождать армяне. Мы просим Вас написать официальное распоряжение и сообщить об этом комиссии, которая прибывает туда: они сразу же обратят внимание на Ваше пожелание.

В то время как мы ожидали прибытия Комиссии 13 14/135 (sic) 1919 года²⁷, Комиссия привела в своем составе нескольких армян, которые были назначены на такие посты как Губернатор и Вице-губернатор Карса и т. п.

Они были приняты в соответствии с правилами нашего религиозного населения и традиционными обычаями, с добротой и уважением. Но мы обращаем Ваше внимание, что реформа наших Советов находится в компетенции Демократических правительств.

Поскольку общее спокойствие и мир преобладают в этих местах, мы категорически решили не нарушать спокойствия народа, и факты подтвердили это.

Однако мы с сожалением должны сказать, что, хотя жители нашей страны все до одного являются мусульманами и среди нас нет ни одного армянина, (а также в нарушение обещания генерала Форестье-Уокера), Комиссия привела с собой из Армении Корганова в качестве губернатора Карса и Palyanska²⁸ как вице-губернатора Карса, и еще нескольких армян на различные должности.

²⁷ Так в переводе документа, сделанном британской стороной.

²⁸ Так в тексте.

Факт объявления армян правителями вышесказанной комиссией и подполковником Mirly Ciril (?)²⁹ равносителен пролитию крови нас, мусульман.

Три раза мы посылали ноту протеста английскому представителю Темфрей (?).

Присутствие армянских чиновников, приведенных сюда Комиссией, показывает, что они (Комиссия) настаивают на официальном признании существования армян, тех армян, которые полностью уничтожили и разрушили более 100 мусульманских селений на Юго-Западном Кавказе, которые пролили кровь около 100. 000 невинных мусульманских женщин и детей и которые не оставили ни [их] честь, ни имущество непоруганными и нетронутыми.

Акты тирании и жестокости, которые были совершены армянами над мусульманским населением в Реване и его окрестностях вскоре после эвакуации этих мест османами, хорошо известны всему миру.

Мы, местные жители, наблюдающие здесь эти беспредельные жестокости и ужасные бедствия, и видя перед своими глазами этих злых и жестоких людей, которые спланировали и осуществили такие жестокости и злодеяния, которые повторялись много раз, твердо убеждены, что наше будущее будет таким же, как у тех людей, горестные крики которых до сих пор звучат у нас в ушах, честь которых была поругана и тела которых кучами лежали в мечетях.

На случай, если те люди, которые организовали эти жестокости и бедствия и которые агитировали и подстрекали народ, придут к нам, мы все поклялись не допустить появления среди нас этих кровожадных людей, которые неспособны сохранять терпение, и даже если мы будем принуждаемы, мы будем соблюдать нашу клятву до тех пор, пока не останется никого из нас.

Армяне никогда не будут обладать нашей страной и никогда не будут господствовать в этих местах, пока мы, около 3 миллионов мусульман, не будем убиты.

Несколько дней назад армяне, угрожая ружьями и пулеметами жителям деревень (?) Kockdivank, Danilasadju, Baygam, Kite (?), разворовали и разграбили имущество и хозяйства мусульманских жителей этих деревень. Эти факты объясняют страхи и волнения в сердцах здешних людей. Эти события являются практическими объяснениями того, почему мы не всрим армянам.

Если какому-либо армянину будет позволено силой проложить путь к нам до итогов Мирной Конференции, мы настоящим уведомляем, что, вследствие тирании, которую армяне сразу же возложат на нас, будем вынуждены настаивать на самозащите, пока ни одного из нас не останется в живых.

---

²⁹ Здесь и далее вопросы поставлены в документе.

В целях защиты наших законных прав, в соответствии с принципами Вильсона, мы настаиваем, что нам необходимо послать представителя на Международную Мирную Конференцию, чтобы защитить наши права, гарантировать в будущем наши жизни.

От имени мусульманских жителей Карса, Ардагана, Олту, Кагызмана, Батума, Эйиндина, Камерли, Нахичвана, Ордонабада и сопредельных территорий.

Председатель Меджлис Шуры (Совета) Ибрагим

PRO. FO / 608 / 78. P. 218–220. Машинопись. Копия.

5.

ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛА-ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
Дж. Ф. Милна в БРИТАНСКОЕ ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО, 6 АПРЕЛЯ 1919 Г.

Секретно

Оперативная

Генерал-главнокомандующий в Константинополе – в Военное министерство

Отправлена в 16. 00 б. 4. 19

Получена 20. 30 б. 4. 19

На вашу шифрограмму [от имени] Начальника Имперского Генерального Штаба от 15 февраля

В Карской области Закавказья ситуация в последнее время стала совершенно неудовлетворительной. Возникли беспорядки, и татары занимают угрожающую позицию по отношению к армянам.

Сам Карс заполнен боеприпасами, которые я не сумел до настоящего времени перевезти из-за снега. Шура, или местное мусульманское правительство, настроена анти-антантовски, и я располагаю сведениями, 1) о том, что они действуют совместно с 9-й турецкой армией под командованием Шевки-паши в Эрзеруме, 2) о том, что османское влияние сильно в округе, и 3) о присутствии переодетых турецких офицеров. Чтобы предотвратить голод, армянские беженцы, живущие в настоящее время вдоль железнодорожной линии в условиях нищеты и голодания, должны быть репатриированы в течение этого месяца, дабы они могли вспахать землю и посадить зерновые.

[Положение] выяснится, когда однажды? все армяне будут?³⁰ благополучно размещены в Карской области, и я надеюсь, что буду в состоянии

³⁰ Так в тексте. Вопросы обозначают неясности при расшифровке телеграммы.

сделать это до конца месяца, тем самым проводя в жизнь политику, начертанную в выше цитированной телеграмме. Поэтому я потребовал от турецкого правительства немедленного отзыва Шевки-паши, командующего 9-й армией, и его замещения генералом, который прекратит вмешательство в армянские дела.

В дополнение к некоторым вспомогательным войскам я приказал двум индийским батальонам усилить войска в Карсе, арест всех турецких офицеров, обнаруженных переодетыми, и всех подозреваемых чиновников; уничтожение или вывоз всех военных запасов в Карсе; скорую репатриацию всех армянских крестьян, создание про-антанговского правительства с последующим выводом всех британских войск. Достаточной демонстрацией силы и скорым и твердым действием я надеюсь избежать любого пролития крови британцев, армян или татар, которое, однако, если я еще промедлю, непременно произойдет.

Через две недели я возвращаюсь на Кавказ и надеюсь, что к этому времени будет достигнут существенный прогресс в облегчении положения армян.

PRO. FO / 608 / 78. P. 247-248. Машинопись. Копия.

В. Б. Каширин

М. Иванович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940.
М., 2005. 487 с.

Даже в историографии Русского зарубежья Балканы, эта периферия Европы, не привлекала особого внимания исследователей, увлеченных русскими Парижем, Берлином, Прагой. Там можно было развернуться, нарисовать картину русского искусства, русской культуры, русской мысли, представить во всей глубине «миссию русской эмиграции». А что Балканы!? – так, последнее прибежище неисправимых монархистов, этих фанатиков-мечтателей, «продувших» Россию. Конечно, можно услышать, что и Балканы не были обойдены русской культурой, там даже, бывало, гостили знаменитости – выступал сам Шаляпин. Бывали даже какие-то выставки, съезды, работал театр, издавались газеты, журналы, действовали разные учебные и научные заведения, и еще что-то подобное.

Могу добавить, что балканская тема, подаваемая, прежде всего, через Сербию, чрезвычайно благодатна для размышлений о славянской взаимности, замешанной всегда на риторике, иногда на политиканстве, а порой и на невежестве. И если все же о русских беженцах в Сербии имелись исследования, то о наших соотечественниках в Хорватии, Словении, других землях королевской Югославии было известно очень мало. Еще худшая ситуация сложилась с освещением жизни русских в «провинциальных» Румынии, Греции.

Причина проста: на все страны историков культуры не хватает; всех, как когда-то и русскую культурную элиту, манит Париж и иже с ним – вот еще одна причина своеобразной заброшенности Балкан. И тройка-пятерка отечественных исследователей, в основном занимающихся Сербией, погоды не делают. К тому же мало архивных материалов, в наших библиотеках нет многих книг, изданных за рубежом и посвященных эмиграции. Назову только один пример – знаменитая книга Владислава Альбиновича Масевского о русских в Югославии, вышедшая в 1966 г. в Нью-Йорке, до сих пор не издана в России. А если и есть чего-либо в избытке, так это бродячих сюжетов, например, из области прекраснодушного просвещения. Здесь можно чувствовать себя гораздо безопаснее, нежели на политической кухне русских Балкан, еще ждущей своих исследователей.

Первым и последним до настоящего времени фундаментальным исследованием на русском языке была вышедшая в Харькове в 1996 г. книга

украинского историка В. Д. Козлитина «Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945». Российские ученые вместе с сербскими коллегами смогли выпустить в 1996 г. сборник статей «Русская эмиграция в Югославии». И, конечно, есть отдельные статьи, рассыпанные по разным изданиям, опять-таки в основном посвященные королевской Югославии.

Совершенно иная ситуация с исследованиями по русской эмиграции у наших балканских коллег, у болгар, македонцев, сербов, словенцев, хорватов, активно и плодотворно работающих в этой сфере. Назову только последние труды, появившиеся уже в XXI веке: Болгария – Цв. Кыосева «Руската емиграция в България» (2002), Македония – А. Стервовски «Битола руската колонија» (2003), Сербия и Черногория – Н. Палибрк-Сукич «Руске избеглице у Панчеву (1919–1941)» (2005), Словения – R. Pulko «Ruska emigracija na slovenskem 1921–1941» (2004), Хорватия – посвященный русским эмигрантам в Хорватии целый номер журнала «Književna smotra» (№ 119, 2001). Сюда могу добавить изданный в 2001 г. труд «Бялата емиграция в България», составленный по материалам международной научной конференции, проведенной в Софии 23 и 24 сентября 1999 г. Из трудов XX века назову только один – знаменитый белградский сборник в двух томах «Руска емиграција у српској култури XX века» (1994).

Свой вклад вносят и потомки русских, живущих за рубежом. Позволю себе назвать два имени. Алексей Борисович Арсеньев, известный не только своей книгой «У излуцины Дуная: очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду» (1999), многочисленными статьями, трудами по составлению русского некрополя на землях распавшейся Югославии, но и щедрой помощью исследователям русского Зарубежья. Иван Николасвич Качаки, живущий в Амстердаме, – автор переизданного в 2003 г. в Белграде труда «Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: библиографија радова 1920–1944».

Итак, основными объектами внимания исследователей были русские на болгарских и югославских землях, точнее, вопросы культуры и отношения власти и общества к «братушкам». Причем наибольший интерес исследователей вызывала русская Сербия, вернее, Белград, где сконцентрировалась русская элита.

На первый взгляд странно, что такой разнохарактерный регион как Балканы хотя бы по связям его с императорской Россией, с русофильством и русофобством, не становился ранее предметом объемного исследования. Объяснение можно дать только одно: должно было пройти время, необходимо для накопления и осмысления суммы знаний, чтобы выйти на новый уровень, подняться от частного к общему.

Именно эта задача и решается на страницах книги сербского историка М. Йовановича, давно известного своими разысканиями по истории русской эмиграции на Балканах. Его труд интересен по нескольким причинам. Во-первых, на солидной источниковой базе, о какой может только мечтать российский историк, воссоздается история русской эмиграции в православном славянском регионе, что уже крайне интересно, учитывая всю несхожесть балканских земель, где на одном полюсе русофобская Румыния, на другом – неславянская Греция, а в центре конгломерат из осколков великих империй-культур. Во-вторых, разыскания автора дают обильную пищу для размышления при сопоставлении Балкан с другими центрами эмиграции – наследницей Римской империи католической Европой, экзотическим Китаем. В-третьих, сумма информации о пути беженцев, условиях жизни, процессах вживания в балканское общество заставляет задуматься над феноменом балканского арсала русской эмиграции. В-четвертых, для труда М. Йовановича характерно разнообразие подходов: здесь и взгляд историка, позволяющий обобщить информацию по всему балканскому региону, и обращение к страноведческому принципу исследования русской эмиграции, и проблемно-тематический подход. Активно привлекаемый автором разнообразный статистический материал позволяет не только существенно расширить представления о мире эмиграции, но, самое главное, дает право говорить о социологии истории в книге М. Йовановича. Кстати, сама структура книги, состоящая из элементов-глав – «Политика», «Группа», «Общество», «Человек», может свидетельствовать об этом. В-пятых, содержащаяся в книге информация нередко имеет не только «балканский характер», но и выводит на более высокий уровень, как, например, страницы об общеэмигрантских организациях, в частности, РОВСе. В-шестых, интересна и такая форма освоения и познания истории, как обращение к самому человеку, его горестям и обречениям. В-седьмых, включение в текст информации о политике СССР по отношению к эмиграции заставляет задуматься над строительством «новых небес», возводимых и в Советской России, и в русском рассеянии.

Сама постановка темы М. Йовановичем обусловила широту подаваемой информации. Здесь и политика, как международная, так и партийно-государственная, и деятельность эмигрантских организаций, появление взглядов, теорий – от евразийства до «Молодой России» и НТС, от «оборонцев» до «пораженцев», от антисемитизма до фашизма. Все это дает достаточно яркое представление о сложности эмигрантского мира и неоднозначности политики принимавших беженцев стран, начиная с Турции. Отличное знание проблем, связанных с переселением русских на Балканы – с этой темой связана предыдущая работа М. Йовановича (1996), посвященная вселению русских в Королевство СХС в 1919–1924 гг. – позволяет значительно обога-

тить наши знания по размещению, численности, социальным характеристикам вынужденных переселенцев. Обширные статистические выкладки по странам, цифры, даты, факты дают возможность не только в деталях проследить передислокацию русских частей на Балканы, но и дают ценнейшую информацию по половой, религиозной, национальной, образовательной, профессиональной структурам, по вопросам трудоустройства, материального положения и связанных с ними проблемах социального нивелирования, что может быть полезным не только для «чистых» историков, но и политологов, социологов, демографов.

Панорамное видение процессов, проникновение в глубину происшедшего — все это характерно для книги, но, к сожалению, есть места, производящие впечатление некоторой беглости. В качестве примера можно назвать две главы. Первая — «Миссия» или «Общество в изгнании» касается социологических и структурных особенностей русской эмиграции. Заявленная тема требует большего внимания не к тому, что объединяло, а к несогласиям, противоречиям, разности судеб русской эмиграции, где, повторяю, было больше расхождений. Поэтому рассмотрение эмиграции как некой социальной группы мне представляется вопросом дискуссионным. Другая глава посвящена правовому статусу эмигрантов. Тут автор рассматривает и советское законодательство по эмигрантам, и их международное правовое положение, и законодательные нормы балканских государств. В целом все изложено четко. Но автору все же следовало бы подчеркнуть, что в том же Королевстве СХС по отношению к русским действовал своеобразный режим наибольшего благоприятствования, когда власть закрывала глаза на нарушения законов в сфере трудоустройства.

В исторической литературе сравнительно недавно — с ослаблением и крушением СССР — получила большое распространение тема, которую можно обозначить местоимениями «мы» и «они». Стали популярны исследования «образа другого». Но в сущности, отношения между людьми всегда были одним из элементов исследования. Поэтому освещение этой темы у М. Ивановича вполне органично и не нуждается в цитатных подпорках. На основании большого корпуса различных по характеру материалов автор рисует многоцветную картину восприятия русских населением балканских земель. Эта красочная гамма в очередной раз как подтверждает стереотипы, так и ломает их. И славянская взаимность не раз давала сбои в государственной политике балканских земель. В то же время, хочу подчеркнуть, что отношение к русским в католической Хорватии, где их было гораздо меньше, нежели в православной Сербии, было неоднозначным: следует помнить, что в высших учебных заведениях Загреба работали русские профессора, обучались сотни русских студентов, несомненно русский вклад в театральную культуру Хорватии. Интересны материалы о восприятии русскими балкан-

ского мира, замечания о его отсталости, патриархальности, простоте жизни. Все это так, но такие высказывания можно прочесть и на страницах русской прессы почти столетней давности. В сущности, их чтение подтверждает ту мысль, что каждое поколение открывает и пишет свою историю, зачастую повторяя написанное ранее.

История, не желая прослыть архаичной, замшелой, тоже стремится не отставать от моды, перенимая у других наук новые термины, как, например, «самоидентификация», слово чрезвычайно громоздкое и нерусское. Уж лучше писать — «сохранение национального самосознания». Именно это чувство у эмигрантов, физически оторванных от Родины, но хранящих ее в душе, прекрасно передано у М. Ивановича через воспоминания изгнанников, стремившихся сблизить себя и своих детей русскими. Правда, в этой главке о самоидентификации есть строки, вызвавшие у меня недоумение, когда автор говорит, что «беженцы с трудом находили культурные и социальные образцы, с которыми они могли бы идентифицироваться. Отождествление такого типа, которое способствовало бы их скорейшей интеграции в новое общество, в основном сводилось к трем элементам: православной вере, «славянству» как социальному идеалу и в определенной степени к институту монархии» (С. 227). Здесь я поставлен в тупик: почему же православный человек из славянской России «с трудом» мог войти в мир православных славянских земель, например, того же Болгарского царства? Видимо здесь речь идет все же не о позиции автора, а о неудачном выражении.

Конечно, в книге есть знакомые имена, известные уже по другим исследованиям сюжеты, «старые проблемы», например история РОВСа. Но, как я уже сказал, каждый историк, каждое поколение пишут свою историю, на что имеют полное и безусловное право, равно как и то, что абсолютной новизны в истории не бывает, все мы опираемся на труды предшественников, коллег по ремеслу. В случае с книгой М. Ивановича нужно подчеркнуть, что в ней удачно сочетаются и взаимно дополняют друг друга известное с неизвестным, новое с устоявшимся. Именно рассмотрение в комплексе стран балканского региона, где Румыния с Грецией есть terra incognita, позволяет значительно расширить историческое знание обо всем регионе. Это ясно просматривается в сюжетах о РОВСе, Церкви, Русском совете, государственных и неправительственных учреждениях. Имещащаяся в книге сжатая информация о последних, например, о Российском обществе Красного Креста, о Российском обществе Белого Креста, позволяет шире взглянуть на благотворительную деятельность эмиграции.

Хотя можно было бы здесь рассказать и о помощи русским со стороны Британского общества Красного Креста, и о миссии лорда Уиттимора, много

сделавшего для русской молодежи в сфере образования. Но это все же тема специального исследования и все вместить в одну книгу невозможно.

В исследовании М. Йовановича представлена деятельность разнообразных эмигрантских организаций в Болгарии и в Королевстве СХС. Здесь и общества взаимопомощи, и союзы врачей, инженеров, педагогов, и другие объединения. Небольшая деталь: в книгу помещена статистическая таблица о видах предпринимательской деятельности в Королевстве СХС и в Константинополе в начале 1920-х гг., позволяющая судить о характере и формах деловой активности русских. Нашла отражение в тексте и сфера просвещения, которая не раз становилась объектом внимания историков. Но автор и этой, казалось бы, избитой теме сумел придать свежесть при помощи интересных статистических таблиц. Отмечу, что здесь речь идет о русских в Константинополе, Болгарском царстве и Королевстве СХС, центрах сосредоточения эмигрантов на Балканах. Румыния и Греция практически отсутствуют: вторая по причине крайней малочисленности русской колонии, первая вследствие ярко выраженной запретительной политики румынских властей по отношению к русскому просвещению, как, впрочем, и в других сферах.

Сжато дана картина русской культуры — наука, русская книга, изобразительное искусство, архитектура, театр, журналистика. Конечно, здесь можно было бы нарисовать широчайшее полотно в каждой из этих областей. Но, как я понимаю, автор был стеснен объемом книги. Однако показано главное — русский талант, вклад в культуру Болгарского царства и Королевства СХС.

Весьма непривычно, но интересно читать помещенные автором в книгу строки воспоминаний, связанных с моментом оставления родины, психологическими ощущениями русского человека, вырванного из привычного быта, перенесенного на чужую почву. Здесь чувства, ощущения, эмоции дают возможность сопереживания, более яркого восприятия трагизма русского изгнанника, который при всех тяжелых испытаниях все же остается верен своей Родине, своей России.

Об условиях жизни, трудоустройстве, социальном положении, семье и браке, женщине в эмиграции, детстве вне родины, религиозности, а в целом о быте со всеми его горестями повествуют написанные достаточно добротные заключительные разделы монографии М. Йовановича. Пожалуй, мне больше всего были интересны сюжеты о семье и браке, снабженные статистическими выкладками, позволяющими получить ценную информацию об этой почти не исследованной стороне эмигрантской жизни. Отлично представлены «картинки» из русского быта, когда и на чужбине эмигранты старались воссоздать свой привычный мирок. И, разумеется, достойны внимания строки автора, посвященные положению

женщины, ее жизни в обществе, в искусстве, в делах милосердия. Надо надеяться, что в будущем появится и отдельная книга о русской женщине в изгнании.

И как итог: эмиграция интересна уже тем, что даст исследователю возможность показать человека в непривычных условиях, когда нарушены почти все прежние нормы жизни, и здесь книга М. Йовановича даст сумму информации, позволяющую восполнить многие пробелы. А это главное для автора и читателей.

P. S. Относительно перевода с сербского языка могу заметить, что в целом он выполнен на профессиональном уровне.

В. И. Косик

~

**Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации.
1920–1930-е годы. М., 2006.**

Выход в свет книги Елены Юрьевны Борисёнок «Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы» не может остаться незамеченным. При этом интерес вызывает как сам факт публикации этого научного исследования, так и избранная автором его тема.

Появление этого труда стало возможным благодаря соединению усилий Института славяноведения РАН, сотрудниками которого являются автор и ответственный редактор, и издательства «Европа», заинтересовавшегося исследованием историка-слависта.

Читатель, в силу профессиональной необходимости или по причине глубокой внутренней мотивации интересующийся проблемами русской истории в контексте ее *этнополиэтнического развития*, уже давно измучился в поисках достойных его внимания и времени современных исследований, подкрепленных авторитетом русской академической традиции и поддерживающих ее научных институтов.

Большая часть изданий, посвященных тем или иным аспектам реализации «украинского проекта» в XIX–XX вв. осуществлена благодаря усилиям авторов, ушедших в «научную антрепризу» общественных организаций, фондов и заинтересованных редколлегий. Посвященных политико-административному конструированию украинской нации в XX в. публикаций в узкоспециальных научных изданиях явно недостаточно для того, чтобы научные методы и выводы оказывали существенное влияние на формирование общественного мнения.

О «периферийном» состоянии российской «украинистики»¹ свидетельствуют публикации Отдела восточного славянства Института славяноведения, координирующего работу вузовских центров, содержание издаваемого им ежегодника «Белоруссия и Украина: история и культура», материалы «восточнославянских» российских и международных конференций, круглых столов и пр. Причем «украинистика» находится одновременно – как на периферии русской национальной, политической и культурной рефлексии, захватившей общественное сознание², российской исторической

---

¹ Неблагозвучные и предметно неопределенные «украинистика» и «белорусистика» появились как реакция на распад СССР на основе терминологического калькирования и механистического сложения концептов «славистики» и «регионалистики».

² Весьма показательно, что отечественная «украинистика» скромно отметила

науки, российского славяноведения, так и на периферии «мировой науки», геополитических и региональных концептов («Центральной Европы», «Центрально-Восточной Европы» и пр.), и даже на периферии украинского «этнодержавознаводства».

Весьма показательно, что избранная сотрудником Отдела восточного славянства Е. Ю. Борисёнок тема исследований «Украинизация как политический и культурный феномен», которой она посвятила почти десять лет работы, фигурирует в документах Отдела восточного славянства как «индивидуальная». Монография же этого автора «Политика украинизации в УССР в 1920–30-е гг. и отношение к ней союзного центра», заявленная уже в 2003 г., несколько лет подряд безрезультатно включалась в план публикаций отдела.

Отсутствие самостоятельной позиции российских «украинистов» в освещении ключевых проблем украинского этногенеза и национализма проявляется в использовании, в основном, двух подходов. Либо отечественные исследователи мимикрируют под «мировую историографию», усваивая, главным образом, польские концепции, либо освещают историю Юго-Западной Руси с позиций украинского «этнодержавознаводства», стараясь при этом не обидеть своих коллег самим присутствием российского взгляда в оценке прошлого и допуская наличие лишь некоего «российского контекста украинской истории».

В этой связи выход в свет научной монографии, ставящей в порядок обсуждения острую проблему конструирования наций на территории СССР в результате геополитических изменений и радикальных социальных проектов — явление значимое. В этом и заключается интрига, основной нерв исследования Борисёнок — оно выделяется на фоне основной тематики и методологической направленности российской «украинистики». Публикация монографии Борисёнок вселяет надежду, что затянувшийся период сервильного развития «украинистики» в России после распада СССР закончился.

Все преимущества данного исследования определяются следованием его автором профессиональным традициям и академической этике русской (прежде всего, московской) исторической школы. Исследование свободно от влияния украинской националистической идеологии, поскольку автор не относится к толерантным воспроизводителям опыта украинской

350-летию Переяславской рады. Ежегодник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, вышедший в 2004 г., содержал 4 публикации, посвященные 350-летию Переяславской рады: Флоря Б. Н. (Москва) Переяславская рада 1654 г и ее место в истории Украины; Баранова О. В. (Брянск) Договоры Войска Запорожского с Москвой и практика взаимоотношений сторон в 50–70-е гг. XVII в.; Бушкович П. (США) Россия и Украинское Гетманство в 1653–1725 годах; Папков А. И. (Белгород). Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России.

историографии. С другой стороны, оно не представляет собой попытку «адекватного» ответа украинной националистической мифологии и потому не является инструментом идеологического противостояния. Это снизило бы ценность научного труда, девальвировало выводы профессионального историка, сузило формат исследования, написанного на основе богатого и талантливо систематизированного фактического материала.

Таким образом, основное достоинство исследования Борисёнок «Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы» состоит в том, что это *труд современного российского историка*, а не члена какого-либо идеологического кружка. Автор глубоко и всесторонне изучила и освоила тему и, как известно, опробировала свои выводы в нескольких публикациях³. Свободное владение материалом позволило ей предложить текст, читаемый легко, свободно, буквально «на одном дыхании». Эта легкость и доступность не означают, однако, беллетризации исторического исследования.

Изложению основного содержания исследования предшествует введение «В лабиринтах украинификации», представляющее собой краткий историографический обзор. Автор отметила главное – «специфический» характер развития историографии темы украинского этногенеза. Взрыв интереса к теме последовал в постперестроечное время и, что объяснимо, прежде всего, на Украине, где в качестве альтернативы советской официальной позиции были восприняты антисоветские и русофобские идеи украинской диаспоры. В итоге, тема советской украинизации до сих пор рассматривается украинскими учеными в рамках противопоставления «украинства» «москальству».

Борисёнок показала, что новую украинскую историографию отличает отсутствие единых и четких критериев украинской нации и ее интересов.

---

³ Украинизация 1920–30-х гг. в СССР в освещении современной украинской историографии // Славяноведение. 1999. № 5; К вопросу об обсуждении высшими партийными и советскими руководителями проблем коренизации и украинизации (1922–1923 гг.) // Четвертий міжнародний конгрес українців. Одеса, 26–29 серпня 1999. Доповіді та повідомлення. Історія. Ч. 2. ХХ століття. Одеса–Київ–Львів. 1999; Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между Украиной и Россией в 1920-е гг. // Родина. 1998. № 8; Обговорення проблем українзації вищим партійним керівництвом у 1922–1923 рр. // Український історичний журнал. 2000. № 4; Путь к украинизации: национальная политика большевиков в первые годы советской власти (1917–1923) // Славянский альманах 2000. М., 2001; Проблемы украинизации 1920-х гг. и Л. М. Каганович // Славяноведение. 2001. № 5; Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е гг.) // Отечественная история. 2003. № 1; Советская украинизация в региональном измерении // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003; Рец.: Єфіменко Н. Н. Національно-культурна політика ВКП (б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001 // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003 и др.

Заметим, что и в украинском «политикуме» действуют разнонаправленные силы, по-разному трактующие понятие «украинская нация», и представленные потому несколькими «гетманами». Не удивительно, что среди «писарей» единства тоже нет.

Исследователь отметила, что современные российские историки⁴ по-прежнему выражают «центристский» взгляд на проблемы окраин. Причем, всех окраин по периметру и сразу. Новаторство работы Борисёнок состоит в том, что она, сосредоточив свое внимание на одной из окраин, показала решающую роль советского режима в формировании украинской нации. Именно в этом контексте она и рассматривает значение своего исследования – как «попытку дать объективный анализ украинизационных усилий большевистской партии» (С. 22). При этом историк умело сочетала использование хронологического и проблемного принципов. В результате исследование приобрело системный характер, определивший органичную целостность монографии.

Первая глава «На руинах империи: Украина на пути к украинизации» посвящена событиям, предшествовавшим советской украинизации и относящимся в основном к 1917–1923 гг.

Вторая глава «Сущность украинизации: пробуждение национального начала или принудительная «украинопляска»? освещает многообразные аспекты украинизации, развернувшейся в 1920-е гг., а также знакомит с реакцией на нее самих украинизируемых.

Третья глава «Подковерные сражения: тактические маневры большевиков вокруг украинизации» посвящена анализу «колебаний политической линии партии» на фоне краха стратегии мировой революции, в результате которого в 1920–1930-е гг. и был реализован теоретически спорный (даже в рамках коммунистической теории) и этнически немотивированный проект «Большой Украины» (УССР).

Развернув изложение от предыстории украинизации до «закручивания украинских гаек» в конце 1930-х гг., Борисёнок наполнила свое исследование «атмосферой времени». Это позволило ей рассмотреть украинизацию и как политико-экономический, и как этносоциальный, и как культурный, геополитический и идеологический проект. Такой всесторонний подход вывел исследователя на вневременные теоретические проблемы, связанные с использованием концепций этничности и определений нации.

Современная наука, в частности этнология, использует, в основном, три концепции этничности: объективистскую, конструктивистскую и инструменталистскую. Объективисты полагают, что в основе этнической общ-

---

⁴ Автор имела в виду именно историков, а не «украинистов». Она была вынуждена отметить в сносках, что проблемой советской украинизации занимается, по сути, она одна.

ности находятся «объективные» факторы: либо природно-биологическая, либо культурно-историческая общности, либо обе вместе. Конструктивисты считают, что этничность — это продукт политической и социальной организации, и границы между общностями легко и постоянно конструируются. Инструменталисты наиболее прямолинейны и утилитарны: по их мнению, этничность — это симулякр, сконструированный элитой и предъявляемый ею в целях защиты своих политических, имущественных, социальных и пр. интересов неорганизованным массам.

В силу ряда обстоятельств в современной российской науке господствует объективистский подход к определению этничности. Причины того коренятся, среди прочего, в длительном господстве марксистского социологизаторского подхода «бытие определяет сознание» и в традициях отечественных гуманитарных и общественных наук. И нации, соответственно, трактуются как объективно сложившиеся на основе той или иной этничности новые политически-экономически-гражданские общности периода индустриального развития. Сегодня по-прежнему за основу берется сталинское определение нации, которое является и теоретическим постулатом, и политическим рецептом одновременно. Согласно этому определению нация — это «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵. Этот концепт, который выглядит как объективистский⁶, получил шанс на существование и был реализован лишь благодаря конструктивистско-инструменталистскому методу советской «коренизации» (в частном случае — украинизации). Отечественная же наука упорно следует объективистской логике («что выросло, то выросло»), игнорируя осуществленный на исторической памяти всего нескольких поколений конструктивистский проект создания новых «наций» из этнического конгломерата окраин бывшей Российской империи.

На этом фоне выгодно отличается монография Борисёнок. Она убедительно показала, как был осуществлен конструктивистский проект большевиков, руководимых идеей всемирной победы демократии по версии коммунистической идеологии, базирующийся на политически выгодном при-

---

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. С. 296.

⁶ Для сравнения: «Она (нация — И. С.) есть воображаемая политическая общность, при этом воображаемая как имманентно ограниченная и суверенная» (Б. Андерсон); «Экзосоциализация, производство и воспроизводство людей вне тесных локальных групп теперь являются нормой и должны ею быть... При таких условиях, согласно нашей теории, век перехода к индустриализму неизбежно становится веком национализма, то есть периодом бурного переустройства, когда либо политические границы, либо культурные, либо те и другие вместе должны меняться, чтобы удовлетворить новому националистическому требованию...» (Э. Геллнер).

знании «объективно» и фактически уже якобы существующей украинской нации. Следует выделить наиболее принципиальные моменты, на которых было сфокусировано в этой связи внимание историка.

В начале своего исследования Борисёнок привела данные переписи 1897 г. о соотношении этнических и социальных групп на территории так называемой «Большой Украины», красноречиво свидетельствующие об отсутствии условий для скачка низовой крестьянской малороссийской этничности к «украинской нации» (С. 31–33). Социальная мобильность в первые годы после Октябрьской революции также не свидетельствовала о возможности естественного формирования новой нации в нескольких отдельно взятых губерниях Российской империи (С. 34).

Весьма показательно в этой связи отмеченное автором в подразделе «Украинизация без большевиков» несоответствие реакции общества наивным ожиданиям украинизаторов периода Украинской центральной рады, гетманата и директории. Исследователь остроумно акцентировала внимание на этом диссонансе. Если, по ее мнению, низы, озабоченные нерешенностью аграрного вопроса, попросту не заметили этой украинизаторской эпопеи, то образованные слои общества, как следует из мемуаров современников, встретили украинизацию насмешками, недоумением, пассивным неприятием и активным сопротивлением (С. 40–44). Историк наглядно показала, что наивный «объективизм» украинизаторов из числа националистически настроенных интеллигентов, посчитавших себя политической властью в условиях хаоса мировой и гражданской войны, не привел сам по себе к «свободному» и «естественному» сложению нации.

В разделах «Плацдарм мировой революции»: политика большевиков в отношении Украины в 1917–1922 гг.» и «Коренизация наступает: образование СССР, XII съезд РКП (б) и ситуация на Украине» историк показала процесс превращения большевистской партии в главную политическую силу и организатора этнонационального конструирования на окраинах Российской империи, главного создателя будущих «социалистических наций», в том числе украинской.

Хрестоматийные темы: программные установки РСДРП по национальному вопросу, «Декларация прав народов России», дискуссия по национальному вопросу на VIII съезде РКП (б), образование Временного рабоче-крестьянского правительства на Украине и провозглашение УССР в 1919 г., наступление Красной Армии 1920 г. на западном направлении, уточнение национальной политики на X съезде РКП (б) и др. — изложены автором, отказавшимся от раскритикованного им «центризма». Историк сумела хронологически и проблемно синхронизировать изложение политических пертурбаций и идеологических споров в Москве (в ЦК РКП (б), Наркомнаце, ВЦИКе, руководстве III интернационала) и на Украине (ЦК КП (б) У, ВРКП, Всеукраинском ЦИКе).

Стремление большевиков использовать идиому «национально-освободительной борьбы» и лозунг «права наций на самоопределение» в интересах мировой революции и привело к практической реализации конструктивистского проекта украинизации. Неслучайно автор использовала формулу «Поворот к украинизации на фоне мировой революции» (С. 61).

Трактовка украинизации как составной части большевизации привела автора к закономерному выводу о взаимном стремлении центрального и украинского руководства выработать общую политику по отношению к наследию 9-ти юго-западных губерний бывшей Российской империи. «... В 1919–1920 гг. в декретах и постановлениях высших украинских органов власти были обозначены основные направления политики большевиков в отношении украинского языка и культуры...» (С. 62). «... В начале 1920-х гг. в статьях и речах высших партийных деятелей отчетливо стали проявляться те основные направления национальной политики, которые в 1923 г. составят основу коренизации» (С. 66). Таким образом, к 1923 г. появился полноценный, обеспеченный политическими и репрессивными ресурсами, этноконструктор, готовый к осуществлению проекта создания украинской нации.

Большое внимание Борисёнок уделила роли основных идеологов партии, чьи теоретические споры и тактические маневры оформили переход к политике «коренизации» советской власти на XII съезде РКП (б). В подразделе «Сталин как главный инициатор коренизации» она акцентировала внимание на типичной логике рассуждений и политических действий большевистских лидеров: «В своей политике коренизации Сталин исходил из собственных теоретических построений о нации. В соответствии с ее признаками... были разработаны и основные направления коренизации» (С. 77).

Основное содержание исследования посвящено процессу искусственного и насильственного конструирования нации по всем четырем теоретически выведенным признакам, а также драматического несоответствия между фактической этнической, языковой, культурной, социальной и экономической ситуацией на территории, оформленной как УССР, и осуществлением программы украинизации. «Украинизация — одна из региональных форм коренизации — была методом реализации советской политики национального строительства» (С. 99).

Большое внимание историк уделила проблеме «перетягивания границ» в 1920-е гг. между советскими Россией, Украиной и Белоруссией, в ходе которых УССР претендовала на значительные территории Белоруссии, а также Курской, Воронежской, Брянской губерний и Северо-Кавказского края. Борисёнок проанализировала логику властей СССР и РСФСР, с легкостью отдававших российские земли ради наличия у воображаемой украинской нации требуемой по их теоретическим выкладкам территории. Лишь

инициатива местных российских коммунистов, как установила Е. Борисёнок, научившихся использовать идеологическую казуистику «коренизации», приостановила разрастание аппетитов большевиков-украинизаторов.

Подводя итог «приграничной войне», автор монографии признала, что украино-российские территориальные споры были пресечены союзным руководством на основании случайных, сиюминутных и легковесных доводов. Исследователь привела набор весьма характерных цитат из беседы Сталина с украинскими писателями, состоявшейся в 1929 г. Современному читателю небезынтересно будет узнать, что современная западная граница России установилась на том основании, что «с точки зрения вождя, в СССР нет никаких границ: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из узлов Украины и РСФСР»» (С. 105).

Особое внимание Борисёнок уделила языковой проблеме. Солидаризуясь с выводами лингвистов, она оценила данную составную часть украинизации как «масштабный языковой эксперимент» (С. 109). Эксперимент проявился, прежде всего, в конструировании литературного украинского языка. Согласно приведенным ею данным, «историческую» задачу создания украинского языка взяли на себя разного рода структуры при Совнаркомс и Наркомпросе УССР — Институт украинского научного языка, Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка, Правописная конференция и др. Исследователь привела показательный пример политического языкотворчества, в результате которого произошла, в частности, замена слов: ««сектор» — на «витинок», «сегмент» — на «утинок», «экран» — на «застувач», «экскаватор» — на «копалка», «штепсель» — на «притичку», «аэрографию» — на «марсознавство», «атом» — на «неділка», «завод» — на «виробня»» (С. 227).

Борисёнок представила материал, свидетельствующий не только об искусственном создании языка провозглашенной украинской нации, но и о мерах по его насильственному насаждению. Подробно изложен процесс украинизации системы управления и создания «соответствующей украинской номенклатуры» (С. 105), сопровождавшийся административно-репрессивными мерами. Среди таких мер упоминаются, в частности: решение о «преимущественном» использовании украинского языка «для официальных сношений», требование к поступающим на госслужбу изучить язык в течение 6-ти месяцев, увольнение уже работающих в госструктурах, не овладевших украинским языком в течение 1-го года, создание целой системы «комиссий по украинизации» (С. 106–108).

Внедрение украинского новояза затронуло, прежде всего, сферу просвещения, науки и культуры. Обширный статистический материал, приве-

денный автором, свидетельствует о типичной «кампанейщине», которая приводила к ущемлению прав по языковому признаку. Автор привела убедительные статистические данные, свидетельствующие о масштабах форсированной украинизации. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в УССР действовало всего 2 вуза, обучение в которых велось на русском языке, а переведенных на украинский язык было уже 14; украинских начальных школ насчитывалось 14. 430, в то время как русских — всего 1. 504; книжная продукция на украинском языке на пике украинизации составила 76,9% (С. 109—111).

В подразделе «Украинизация в Красной Армии» атмосфера напряженности достигает подлинного драматизма, поскольку украинизация совпала с реализацией планов большевиков перейти к территориальному принципу комплектования армии. Насаждение украинского языка в армии, как показывает Борисёнок, привело к угрозе потери управляемости и напряженной атмосфере в частях (С. 112—113).

Большой интерес представляет раздел «Украинизация глазами общества. «За» и «против»» (С. 127—160), в котором приводятся и сопоставляются материалы об отношении к политике «коренизации» украинизирующих и украинизируемых. Борисёнок поставила и профессионально выполнила задачу по представлению самого широкого спектра мнений. При этом она использовала и географический принцип (Западная Украина — «Большая Украина» и ее регионы — Россия), и статусный (верхи — низы), и организационно-управленческий (номенклатура — народ), и этнический (малороссы — галичане — русские), и социально-профессиональный (группы интеллигенции, учащаяся молодежь, военнослужащие, чиновники, рабочие, крестьяне). Все это позволяет говорить о стремлении автора дать всесторонний и объективный анализ ситуации.

Этот раздел, безусловно, самый эмоциональный. Интересны все приведенные факты, например, категорический отказ М. Горького от перевода его романа «Мать» на «украинское наречие», «суд над студентом Ивановым», который был исключен из вуза за то, что говорил в его стенах на русском языке... Увлекает ознакомление с различными идейными течениями в интеллигентских кругах, в частности, с выдвинутым литератором Н. Хвильевым лозунгом «Геть від Москви!» Интересен эпизод распространения группой студентов листовок о необходимости борьбы с «кацапами» и «жидами»... Большое удивление вызовет у читателя непонимание изобретенного украинского языка самими украинцами и их отказ отдавать детей в украинские школы. Оценки предлагаемого к использованию украинского языка представителями различных слоев общества наиболее прямолинейны и несдержанны: это и «китайская грамота», и «венгерский язык», и «галицийская мова», и «выдумка, чуждая даже для украинцев», и даже «собачий язык»...

Помимо общности территории и языка сталинское определение нации требовало и «общности экономической жизни». Борисёнок выделила в отдельный подраздел экономический аспект украинизации (С. 115–118). Здесь кратко, но убедительно показаны последствия советского экономического эксперимента по «выравниванию» уровня экономического развития окраин, осуществленного в ходе форсированной индустриализации.

Эти последствия не привели, однако, к появлению требуемой по теории «экономической общности» отдельно взятой Украины в версии УССР. Борисёнок придерживается концептуально значимого вывода о единстве общесоюзного экономического пространства. Он, безусловно, противоречит и наивно-изоляционистской идеологии современных украинских политиков и выводам большинства украинских исследователей, отделивающих «негативное» влияние СССР («Москвы», «России», «большевиков»), «грабящего» Украину для индустриализации, от «позитивных» итогов бурного экономического развития нации, живорожденной якобы из недр местных украинских ресурсов и безграничного потенциала «украинского национального возрождения». «При этом следует учесть, — утверждает автор монографии, — что экономические задачи решались в рамках единого пространства. СССР выступал как единый народнохозяйственный комплекс, а не как совокупность республиканских хозяйственных единиц. Это объяснялось многими факторами и прежде всего самими условиями форсированной индустриализации, дефицитом капитальных вложений и материальных ресурсов и, как следствие, сложившейся крайне централизованной системой управления экономикой» (С. 118).

Борисёнок выделила и другие проблемы экономики УССР, не позволяющие говорить о наличии «экономической общности», требуемой для полноценной нации. Это и отраслевая диспропорция между тяжелой и легкой промышленностью, и региональная диспропорция между Левобережной и Правобережной Украиной, и приоритетное развитие Донецко-Днепропетровского угольно-металлургического комплекса, и разрыв между индустриальной «Большой Украиной» и аграрным галицийским «украинским Пьемонтом».

Для нации необходима и некая «общность психического склада». Этот аспект проблемы исследован Борисёнок довольно оригинально: на его раскрытие работает как отдельный подраздел «Этносоциальные факторы украинизации» (С. 118–125), так и содержание всей книги в целом. В специально выделенном подразделе приведены статистические данные об увеличении числа украинцев среди партийно-государственных служащих, работников культуры и просвещения, работников суда, адвокатуры и прокуратуры, творческой интеллигенции, технических специалистов, медицинских работников, рабочих, служащих, колхозников... Помимо подразумеваемого вывода о наличии признаков типичной этнократии, при чтении этого раз-

дела и всей книги невольно возникает вопрос: а кто такой «украинец»?⁷

Борисёнок тесно связала «украинство» с изменениями, произошедшими в 1920–1930-е гг. Она убедительно и ярко доказала, что и «особый психический склад», отличающий украинскую нацию – в значительной степени продукт этнополитического конструирования советского периода. Исследователь акцентировала внимание на том, как закладывался фундамент для формирования «особого» украинского самосознания: «... В результате украинизации изменилась мотивация использования украинского языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь появился и политический аспект. Действительно, национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать украинский язык, а еще лучше – быть украинцем по происхождению. Все это приводило к тому, что формирующаяся бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления, приобрела национальный характер» (С. 123–124).

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в период проведения украинизации был запущен механизм создания «украинца», базирующийся на самовоспроизведении советской национал-бюрократии. Приведенные во всех главах и разделах книги материалы об особенностях мышления, идеологических стереотипах, границах и скорости идеино-политического лавирования представителей украинских партийных, советских, хозяйственных органов и общественных организаций, а также населения, улавливающего все изменения в элитных кругах – работают, помимо своей прямой цели, и на раскрытие темы формирования особого психотипа представителя создаваемой украинской нации. Исследование Борисёнок доказывает, что резкие колебания советской политики в 1920–1930-е гг. привели к формированию устойчивой модели мышления и поведения: человек будет украинцем настолько, насколько это требует ныне существующая политическая система и установленные ею правила.

Последняя глава исследования Борисёнок как раз и посвящена проблеме установления правил функционирования советской политической системы, ее стабилизации в условиях осуществления программы построения социализма в одной отдельно взятой стране, и, как следствие, коррек-

---

⁷ Е. Борисёнок, понимая особенности подвижной украинской самоидентификации, к сожалению, не стала уточнять и подвергать сомнению полученные статистические данные об «украинцах». На бытовом уровне хранится память о том, как русские, белорусы и представители других национальностей, жившие в УССР, «записывались» в украинцы. Хотелось бы получить научное доказательство или опровержение этой практики. Это помогло бы воссозданию динамической картины изменения этнической самоидентификации в ходе большевистской украинизации и последовавшего ее срывания.

тировки форм и методов нацстроительства в 1920–1930-е годы. Данная глава книги Борисёнок, отражающая перипетии внутрипартийной борьбы, посвящена, в основном, «персоналиям» и тому, как в их идеологических поисках и практических шагах отражались меняющиеся внутри- и внешне-политические реалии. Названия разделов говорят сами за себя: «Низложение Квининга», «Унификация по Кагановичу», «Крушение «шумскизма»», «Каганович нейтрализует зиновьевцев», «Большевистская национал-романтика по Скрыпнику», «Деукраинизация по Постышеву» и т. д. (С. 161–237)

Содержание данной главы не оставляет сомнения в том, что заявленная на XII съезде РКП (б) политика «коренизации» привела не к формированию полноценных наций (даже в версии доселе неведомых «социалистических наций»), а способствовала появлению уникальных в своем роде провинциальных этно-политических образований.

Логика внутрипартийной борьбы приводила к тому, что противоборствующие группировки стремились заручиться поддержкой партийно-советской бюрократии новых республик. И в этом смысле адресованный российским автономиям известный лозунг Б. Н. Ельцина 1990 года «брите столько суверенитета, сколько проглотите» — далеко не нов. Он в известной степени уже был реализован большевиками в 1920–1930-е гг. в форме «коренизации» советской власти и, в частности, ее «украинизации». Борисёнок неслучайно включила в свое исследование столь обширную главу о внутрипартийной ситуации, поскольку, по ее мнению, «курс на украинизацию определялся не только программными положениями коммунистической партии, но и сугубо политическими расчетами, а сама кампания приобретала немалое практическое значение в борьбе за власть» (С. 182–183).

Воспроизведенная Борисёнок эмоциональная полемика большевистских лидеров, боровшихся в УССР в 1920–1930-е гг. то с «великодержавным шовинизмом», то с «украинским национализмом», безусловно, увлекает. Но поскольку у историков нет и не может быть четких критериев для исследования этих идеологически-спекулятивных понятий, анализ содержательной части риторической дискуссии об «украинстве» не может объяснить ни начало украинизации, ни ее коррекцию, ни ее свертывание. А при использовании другой логики — логики московско-ленинградской внутрипартийной борьбы, которую и предложила Борисёнок, — становятся понятными все колебания, изгибы и перегибы украинизации: «Успешно балансируя между «великодержавным шовинизмом» и «украинским национализмом», связав различного вида «уклоны» с «антипартийной оппозицией» в Москве, Каганович сумел обеспечить Сталину необходимую во внутрипартийной борьбе поддержку одной из самых крупных республиканских партийных организаций, что оказало определенное воздействие на исход политической борьбы в центре» (С. 185).

Исследователь теснейшим образом связала синусоиду украинизации⁸ с борьбой за власть, объяснив ее нарастания и спады последовательным противостоянием Л. Д. Троцкого – партийной «тройке», сталинской группы – «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Камсёва, «правого уклона» Н. И. Бухарина – сталинскому руководству и т. д. Участие руководителей КП (б) У в этой борьбе всякий раз создавало интересные и уникальные политические комбинации, подробно и интригующе описанные автором монографии.

Идеологизированный подход позволил Борисёнок воссоздать объективную и при этом драматическую картину событий на Украине в 1920–1930-е гг. Ее исследование во многом опровергает двухмерные построения адептов «сталинизма» и убедительно доказывает, что *украинская нация в нынешнем виде* (язык, территория, экономика, психический склад) – *продукт целенаправленной конструктивистской работы большевиков*. Работы по конструированию новых наций, равно как и по конструированию новой социальной структуры, нового экономического строя, новой культуры и т. д., необходимых большевикам для удержания политической власти в условиях отсутствия ресурсов для осуществления коммунистического проекта.

Итак, монография Борисёнок «Феномен советской украинизации» представляет собой научное исследование, отвечающее всем требованиям академической традиции. Она является свидетельством того, что российская историческая наука избавляется не только от советских догм, ограничивавших методологию и источниковую базу исторических исследований, но и от постперестроечных идеологических штампов, культивирующих, в частности, комплекс «исторической вины» народа метрополии перед народами окраин. Новизна темы, широкий круг источников, часть которых введена в научный оборот впервые, удачная структура работы и стилистика изложения – все это делает исследование Борисёнок не только заметным явлением в российской историографии, но и значимым общественным событием. Последнее становится возможным именно потому, что без уяснения причин, сущности и итогов советской украинизации невозможно адекватное понимание этнополитических процессов, происходящих сегодня на Украине и в России.

И. Сапожникова

---

⁸ К сожалению, некоторые статистические данные, представленные в монографии, отрывочны (количество национальных школ, вузов, театров, изданий и т. д.) и приведены без их динамики. Автор использует их скорее в качестве иллюстраций, в то время как анализ этой динамики в большей степени соответствовал бы заявленному Е. Борисёнок стремлению показать украинизацию как *процесс*.

История сталинского Гулага. Конiec 1920-х — первая половина 1950-х: Собрание документов в 7-ми томах. М., 2004–2005¹

Для русской и мировой истории ГУЛАГ — одно из названий, нарицательное имя и псевдоним сталинской карательной системы и нарицательное имя массовых репрессий, в которых наказуемые уголовные преступления было намеренно смешаны с преступлениями политическими. Для науки же это — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД-МВД СССР (именно такое название оно носило долее всего — в 1941–1956) и его непосредственные бюрократические предшественники, начиная с конца 1920-х годов.

Уже в 1990-м году данные прежде абсолютно секретных архивных документов по истории ГУЛАГа стали просачиваться в научные публикации. Старт массовому рассекречиванию фондов, посвященных ГУЛАГу дал указ президента России Бориса Ельцина от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». Открытие архивов НКВД-МВД СССР для исследователей, совершенное в начале 1990-х в контексте «архивной революции» в области изучения СССР, в считанные годы — буквально в 1991–1994 гг. — похоронило целую историографическую традицию о ГУЛАГе и породило новую. В новой традиции уже не было места художественным образам А. И. Солженицына, домыслам советских перебежчиков на Запад и суммировавшей все это кремленологии. На смену знаменитому, но фрагментарному архиву Смо-

---

¹ История сталинского Гулага. Конiec 1920-х — первая половина 1950-х: Собрание документов в 7-ми томах: Т. 1: Массовые репрессии в СССР/Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. 728 с.; Т. 2: Карательная система: структура и кадры/Отв. ред. и сост. Н. В. Пестров. М., 2004. 696 с.; Т. 3: Экономика Гулага/Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004. 624 с.; Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания/Отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева, И. В. Безбородова. М., 2004. 624 с.; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР/Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. 824 с.; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных/Отв. ред. и сост. В. А. Козлов. М., 2004. 736 с.; Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного Архива Российской Федерации. Аннотированный указатель дел/Отв. ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М., 2005. 712 с.

ленского обкома ВКП (б), благодаря фашистским оккупантам оказавшемуся на Западе и ставшему на десятилетия единственным подлинным источником о деятельности советской системы, пришла целостная документация самой централизованной системы, отложившаяся в федеральных и региональных государственных архивах России. Даже по необходимости бедные на источники, но классические исследования Роберта Конквеста и Алекса Ноува остались в историографическом прошлом. В историографическом настоящем появились многочисленные архивные публикации российских и западных исследователей, сборники, монографии, справочники, которые систематизировали и вводили в оборот все новые документы из российских архивов.

Все 1990-е годы шло неумолимое «сжатие» оценок: численность населения ГУЛАГА перестала исчисляться десятками миллионов, представление о «бесплатности» рабского труда в ГУЛАГе померкло. Убеждение исследователей в особой, системообразующей для сталинского СССР не только репрессивной, но и экономической роли ГУЛАГа получало все новые доказательства. В этой сфере публицистические концепты окончательно маргинализировались и отступили перед наукой. Не хватало сводных трудов, которые бы (в рамках антологии или компендиума) (а) систематизировали источниковедческую основу исследований ГУЛАГа и (б) подвели бы итоги самих исследований. Если последнее пока ещё остаётся лишь отчасти реализованной задачей², то первое — после выхода в свет рецензируемого труда — можно считать сделанным. Многотомный сборник документов «История сталинского Гулага» подготовлен Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ) и Гуверовским институтом войны, революции и мира базируется на коллекции ГА РФ, дополненной материалами из Российского государственного архива социально-политической истории (бывш. Центрального партийного архива при ЦК КПСС), Архива Президента РФ (составной частью которого является архив Политбюро) и Центрального архива Федеральной службы безопасности. Как сообщил вскоре выхода многотомника в свет один из руководителей проекта, директор ГА РФ С. В. Мироненко историческому журналу «Родина», включенный в издание материал — «на 80 % совершенно новый».

---

² Хотя квалифицированные очерки темы уже сделаны. Например: М. Б. Смирнов, С. П. Сигачев, Д. В. Шкапов. Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Составитель М. Б. Смирнов. Под редакцией Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1998; ГУЛАГ (Главное управление лагерей): 1917–1960 [Сб. документов] / Сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000; The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / Edited by Paul R. Gregory and Valery Lazarev. Stanford, 2003 (русский перевод: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005); Михаил Моруков. Правда ГУЛАГа из круга первого [1929–1945]. М., 2006.

Читателя сразу озадачивает языковая новация составителей, использующих в заголовках и предисловиях вместо общепринятого и в науке, и в художественной литературе, и в публицистике точного ГУЛАГа – иной раз встречающееся в непрофессиональном контексте расширительное «Гулаг». Мотивы различия понятны, но мотивы такого рискованного эксперимента в научном издании (их осветил один из составителей О. В. Хлевнюк: «в данном сборнике [используется]... понятие «Гулаг» – не в буквальном смысле этой аббревиатуры (ГУЛАГ – Главное управление лагерей), а в качестве нарицательного обозначения системы содержания и эксплуатации заключенных»³), но они не могут быть приняты как убедительные. Более того – псевдо-нарицательный «Гулаг» мелькает в сборниках наряду с нормативным ГУЛАГОм и явно не добавляет делу внятности (немыслимо даже представить себе научный сборник того же Гуверовского института, в заглавии коего вместо точных UN, USA и NATO будут значиться выдуманные *Un, Usa и Nato* – как нарицательные имена, например, глобализма).

Следуя энциклопедической логике проекта, многотомник строится по крупным тематическим узлам, каждому из которых посвящен отдельный том.

Первый том серии, «Массовые репрессии в СССР» (ответственные редакторы Н. Верт и С. В. Мироненко, ответственный составитель И. А. Зюзи-на), описывает собственно *политическую и карательную* (но не *доктринальную и экономическую*) основу ГУЛАГа в его источниках и развитии. Нельзя сказать, что «репутационные» предисловия к тому А. И. Солженицына и Роберта Конквеста много добавляют к качеству издания, но отчасти дополняются предельно кратким «обзором основных проблем и концепций» «Истории сталинского Гулага», подготовленным П. Грегори, Е. Даниелсон, В. А. Козловым, С. В. Мироненко, О. В. Хлевнюком и Т. Эммонсом. Из обзора следует ряд принципиальных утверждений: первое (прямо скажем, не столь очевидное) – *«возникновение и экспан-*

---

³ История сталинского Гулага... Т. 3: Экономика Гулага/Отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004. С. 24. Ср.: «бюрократическое буквосочетание ГУЛАГ стало политическим, нравственным, научным понятием, охватывающим огромный слой советской действительности – *Гулаг*» (История сталинского Гулага//История сталинского Гулага... Т. 1: Массовые репрессии в СССР/Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. С. 34). Что угодно, но «Гулаг» вряд можно признать одновременно и нравственным и «научным» понятием, тем более «охватывающим огромный слой» – это просто противоречит самой структуре и сути научных понятий, научность которых собственно и состоит в максимальном отграничении от нравственного содержания и их максимальной исторической и фактической локализации вне безразмерных «слоев действительности»...

сия советской системы принудительного труда в 1930-е — начале 1950-х годов были прямым следствием политики массового террора...» (С. 33); второе — «Гулаг истощал экономические ресурсы страны... труд заключенных приносил меньше пользы, чем труд вольнонаёмных рабочих» (С. 43); третье — «основной целью «большого террора» с самого начала было объявлено физическое уничтожение «врагов», а не их использование в качестве «дешёвой» рабочей силы» (С. 43–44); четвертое — убедительно споря с интерпретаторами «рациональности» и «оптимизированности» террора, авторы утверждают, что «репрессии были массовыми, циклическими и произвольными» (С. 44). Разделы тома представляют документы в классической схеме периодизации и систематизации: (1) «Раскулачивание и террор. 1930–1932»; (2) «Террор и голод. 1932–1934»; (3) «Упорядочение террора. Май 1933 г. — 1936 г.»; (4) «Большой террор [1937–1938, ревизия «большого террора» — 1938–1940]»; (5) «В условиях военной мобилизации. 1939–1945 гг.»; (6) «Массовые репрессии и чрезвычайное законодательство. 1946–1953 гг.»; (7) «Пересмотр репрессивной политики. 1953–1955 гг.»; в Приложении даны обширные статистические сведения о количестве арестованных, осужденных и репрессированных в 1930–1956 гг.

Второй том издания, сфокусированный его ответственным редактором Н. В. Петровым на историю формирования и эволюции карательной системы, сё кадрах и их «моральном облике». С присущей Н. В. Петрову концептуализацией сборник документов разбит на три раздела: (1) «От многообразия форм к единству. 1929–1940 гг.» (подразделы: 1. «Лагеря может организовать только ОГПУ»; 2. От политических противников к «врагам народа»; 3. «Надлежащее трудовое использование»), (2) «Торжество производственно-отраслевого принципа. 1941–1953 гг.» (подразделы: 1. Ресерганизация управления лагерями по отраслевому признаку; 2. Военное время; 3. Расширение системы; 4. Организация особых лагерей), «Без Сталина. 1953–1954 гг.» (подразделы: 1. Первые попытки ресерганизации; Ресерга системы). Обширное приложение является, по сути, полноправным разделом книги: «Становление тюремно-лагерной системы. 1918–1928 гг.» (подразделы: 1. Заложники и воспитание трудом; 2. Изоляция политических противников и борьба ведомств за управление пенитенциарной системой; 3. Две системы мест содержания заключенных). В содержательном предисловии к тому дается очерк создания, развития и принципов карательной системы.

Третий том издания, подготовленный крупнейшим российским специалистом по экономике принудительного труда О. В. Хлевнюком — об экономике ГУЛАГа. Автор систематизировал документы вокруг двух тем: принципы организации и показатели развития этой экономики — и сё основные объ-

скты и отрасли (Беломорско-Балтийский канал, Ухто-Печорский трест, Дальстрой, Байкало-Амурская магистраль, канал Москва-Волга, Норильский никелевый комбинат, военное строительство, конструкторское бюро), включая «великие стройки коммунизма» (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции, Волго-Балтийский водный путь), лесную промышленность и сельское хозяйство. В своем предисловии к тому О. В. Хлевнюк описывает⁴ основные этапы развития сталинской системы принудительного труда и количественные параметры экономики НКВД-МВД, отвечает на в течение длительного времени занимающий его вопрос об экономической целесообразности принудительного труда в советской экономике, особенно в процессе её индустриализации. Выводы автора таковы: лагерная экономика была экономически нецелесообразна и все попытки НКВД-МВД придать ей экономически рациональный характер были неудачными; «прямая связь между террором и экономическими потребностями не прослеживается» (С. 47); мнение исследователей о ситуативной оправданности использования принудительного труда в период ускоренной индустриализации как мобильного и имеющего низкую себестоимость «априорно» и недоказуемо — и психологически основывается на мифе об особой многочисленности населения ГУЛАГа (однако среднегодовую численность трудоспособных заключенных, занятых в промышленности, Хлевнюк убедительно оценивает всего лишь в 2 млн. человек). Хлевнюк совершенно справедливо указывает на ложность и неадекватность финансовой отчетности системы ГУЛАГа (в первую очередь, из-за массовых приписок), но, к сожалению, сам же посвящает буквально титанические усилия вычислению сумм и пропорций средств, освоённой хозяйственной системой НКВД-МВД в сфере капитального строительства и т. п. Эта работа представляется мне не только неблагодарной, но и бессмысленной. Исследователи советской экономики давно столкнулись с тяжелейшей проблемой адекватности советской статистики реальным экономическим процессам в СССР *в целом*, они посвящают часто безуспешные усилия выработке многофакторных коэффициентов, которые могли бы хотя бы отчасти препарировать советскую статистику, дабы обнаружить *самые общие* тренды. В остальном же финансовые показатели следует признать абсолютно «неизлечимыми»: регулятивные, учетные цены на товары, труд и услуги в СССР оставались не только условными, но и произвольными. Кратко говоря, к сталинской экономике нет смысла применять экономическую категорию цены — поскольку в самой сути этой экономики лежал сознательный отказ от выяснения даже описанной Марксом цены и её факторов (себестоимости и пр.), равно как и отказ от рыночной цены на това-

---

⁴ По сообщению автора, его предисловие к тому в сжатом виде изложено также в: The Economics of Forced Labor...

ры и услуги. Как известно исследователям, реальным товаром в условиях так называемого административного рынка были «фонды» и иные комплексные объекты бюрократического межведомственного торга, а планирование, как однозначно свидетельствуют те же материалы ГА РФ, — были не более чем исходной позицией для торга, отражающей лишь некоторые абсолютные показатели (а именно — количество работников и количество якобы потребляемых ими ресурсов, рассчитанное по нормативам, которые никогда полностью не обеспечивались адекватными ресурсами, и никогда не соблюдались при распределении ресурсов). В реальной советской экономике любой хозяйственный орган и ведомство сообщали руководству заведомо завышенные данные о своих потребностях в ресурсах, получали эти ресурсы в заведомо более заниженных объёмах, распоряжались ими заведомо не в соответствии с планом, отчитывались об их использовании заведомо фальшивыми данными, а о выполнении плановых работ с заведомыми «приписками» и т. д. В таких условиях говорить об экономических показателях в категориях рыночной экономики просто не приходится.

Четвертый том издания, посвященный численности и условиям содержания населения ГУЛАГа, вступает в прямое взаимодействие и конфликт с огромным большинством мемуарных свидетельств и всей художественной традицией. Широко известным личным свидетельствам том отвечает документами самого ведомства, а также министерства юстиции, прокуратуры и Верховного Совета СССР. Редакторы-составители тома детально анализируют структуру и динамику численности заключенных, акцентируя внимания на многочисленных факторах ее формирования и трудностях «окончательного» выяснения вопроса. Режим и условия содержания заключенных представляются в документах издания в максимально адекватном реальности сопоставлении официальных нормативов такового и чудовищной практике насилия и скотского быта, скрывавшихся под официозом. Как бы ни были ярки художественные образы, только из документов можно в полной мере понять, насколько эта практика ежедневно и повсеместно ухудшала и без того нечеловеческие официальные правила ГУЛАГа. Питание и снабжение заключенных освещаются здесь с учетом естественного и неизбежного в условиях воюющей и голодающей страны масштабного, всестороннего воровства, истощавшего и без того очень скромные нормы. Исчерпывающе и критически представлены данные учета, динамики, факторов, видов заболеваемости и смертности заключенных. Во всех этих сферах составители смогли удержаться равно как и от «обличительного» подбора документов (моральная и политическая оценка практики ГУЛАГа давно уже не требует дополнительных обличений), так и от нередкого «оправдательного» ревизионизма, демонстрируя, кстати, и борьбу самого ведомства против собственных безобразий.

Пятый том совершенно оправданно и соответственно логике составителей серии, но не вполне привычно для исследователей сталинского режима, освещает в контексте карательной системы проблему спецпереселенцев, которая в последние годы подвергается интенсивному изучению. Серия практически впервые помещает примерно равный по численности населению ГУЛАГа контингент «кулаков», депортированных народов и др., сосланных на спецпоселение в отдаленные районы СССР. Монографическое предисловие составителя Т. В. Царевской-Дякиной открывает свод документов, публикуемых по разделам: (1) «От ликвидации кулачества как класса до организации принудительного труда – путь формирования системы специальных поселений. 1930–1935 гг.»; (2) «Пополнение трудпоселков за счет этнополитических депортаций периодов большого террора и начала второй мировой войны. Начало 1935 – июнь 1941 г.»; (3) «Многообразные формы мобилизации и результаты функционирования системы спецпоселений в условиях военного времени. Июнь 1941 – конец 1943 г.»; (4) «Изменение правовых основ и системы управления спецпоселениями в связи с этническими и политическими депортациями. Конец 1943–1947 г.»; (5) «Административный «беспредел» и кризис системы спецпоселений как составляющей части карательно-репрессивной политики тоталитарного государства. 1948–1953 гг.».

Шестой том издания – «Восстания, бунты и забастовки заключенных». Эта тема, на деле оказывающаяся темой многообразного сопротивления рабочему режиму во всех проявлениях (а не только в его высших «бунтовских» формах) интенсивно разрабатывается в последние годы ответственным редактором и составителем тома, В. А. Козловым. Считается, что таковое сопротивление стало одним из ключевых факторов кризиса гугаговской системы, в частности, и советской системы принудительного труда – в целом. Составитель тома – один из главных пропагандистов этого тезиса, но материал его труда демонстрирует, что действительно решающую роль такие «восстания рабов» оказали на судьбу ГУЛАГа не тогда, когда он переживал свой наивысший расцвет, – то есть в 1945–1948 гг., а лишь на закате системы, более всего в 1953 году, когда начатый сверху её демонтаж вызвал цепную реакцию «снизу». Обширное, почти монографическое предисловие составителя⁵ впервые в литературе на огромном массиве источников даст обзор внутрилагерных конфликтов в тридцатилетней перспективе – начи-

---

⁵ Хронологическое продолжение этого исследования см.: В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. См. также: Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР/Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М., 2005.

ная с периода становления ГУЛАГа и заканчивая временем его упразднения. Особое внимание автор уделяет столь привлекательной для историков проблеме послевоенного организованного подполья и восстаний в ГУЛАГе, которые, безусловно, отразили приток нового контингента заключенных, прошедших войну и потому более чем опытных в военном деле и, главное, столь же идейно подготовленных событиями войны, сколь идейно воспитанными войной 1812 года считаются декабристы 1825-го. Детально проработанная источниковая база исследования классифицирована составителем по разделам: (1) «Бунтовщики-уголовники и «голодающие» каэры. 1930–1940 гг.»; (2) «Повстанцы без восстаний. Июнь 1941 – май 1945 г.»; (3) ««Если мы не установим твердого порядка, мы потеряем власть». Июнь 1945 – май 1953 г.»; (4) «Бунтующий ГУЛАГ. Конца мая 1953–1954 г.». Уникальность и содержательность опубликованных документов с избытком подкрепляет главные выводы из исследования В. А. Козлова о том, что в условиях превращения ГУЛАГа в один из социально-экономических уровней сталинского режима его население вступило в необратимый процесс масштабной уголовной самоорганизации, которая фактически подминала под себя правила внешнего охранного режима и повсеместно инфильтровалась во внеГУЛАГовскую социальную среду, подчиняя её своим обычаям и стандартам. Масштабный обмен между лагерным и внелагерным населением и, добавлю, массовое присутствие в индустриальных (то есть с компактным населением) районах СССР лагерей не только заключенных, но и военнопленных, приводил к «размыванию» лагерной этики и практики в формально «вольной» среде. Рецензенту эта практика лично хорошо знакома из опыта поколения его родителей – жителей Подмосковского угольного бассейна 1940-х – 1950-х годов.

Седьмой том издания, названный «Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах ГА РФ», самими составителями многотомника неожиданно определен как «справочный» (словно иные тома не таковы) и являет собой традиционный, классический для этого архива жанр аннотированных указателей, давно уже ставший «фирменной продукцией» ГА РФ. Том призван очертить широкий источниковый контекст издания и институциональную историю ГУЛАГа, в нем даны краткие справки о ведомствах, имевших непосредственное отношение к советской карательной политике периода. Описания институциональных архивных фондов и их содержимого систематизированы по фондообразователям⁶: (1) Управление делами СНК/Совет министров СССР – документы

⁶ Составители напрасно внесли в названия самих *архивных фондов* (присутствующие и в оглавлении, и тексте) даты функционирования институтов власти *как таковых*. Это лишь запутывает пользователя: так в книге, непосредственно посвя-

1924–1953 гг.; (2) Главное управление мест заключения МВД СССР – документы 1930–1960 гг.; (3) Отдел детских трудовых и воспитательных колоний МВД СССР – документы 1941–1960 гг.; (4) Специальный отдел МВД СССР – документы 1930–1959 гг.; (5) Комиссия по делам частной амнистии при президиуме ЦИК СССР – документы 1925–1937 гг.; (6) Комиссия при президиуме ЦИК СССР по рассмотрению жалоб и заявлений о помиловании – документы 1938–1954 гг.; (7) Верховный суд СССР (Секретная часть) – документы 1924–1957 гг.; (8) Прокуратура СССР – документы 1924–1952 гг.; (9) Министерство юстиции СССР – документы 1936–1954 гг.; (10) Московский политический Красный Крест – документы 1918–1922 гг.; (11) [Общество] «Е. П. Пешкова. Помощь политзаключенным» – документы 1922–1938 гг.; (12) Верховный трибунал при ВЦИК/Верховный суд РСФСР – документы 1918–1924 гг.; (13) Главное управление местами заключения НКВД РСФСР – документы 1922–1930.; (14) НКВД РСФСР – документы 1917–1930 гг. Особый интерес представляют приложения: список дел из фондов ГА РФ, микрофильмированных для Гуверовского института войны, революции и мира, и избранная библиография по истории ГУЛАГа.

Авторами семитомника продлан незаменимый, титанический труд, который вряд ли будет повторен в ближайшие десятилетия: вряд ли даже удвоение представленного объема теперь будет осмысленным. Это значит, что для истории ГУЛАГа и в целом советской карательной системы и системы принудительного труда это издание с самого начала является классическим.

Принятое авторами расширительное толкование понятия ГУЛАГ (несмотря на его терминологическую уязвимость) в целом оправдало себя, но было проведено ими с недостаточной последовательностью. Главное, чего не хватает в описании системы (и без чего она просто не существовала), – это еще одного, сопоставимого с параметрами ГУЛАГа «архипелага» – системы труда военнопленных, существовавшей в тех же ведомствен-

---

щенной карательной политике *сталинского* времени, фигурируют даты, относящиеся не к хронологии собранных в ней документов, а ко времени функционирования институций: «Совет министров СССР, 1923–1991», «Министерство юстиции СССР, 1936–1956, 1970–1991», «Прокуратура СССР, 1924–1991», «Верховный суд РСФСР, 1922–1991». Получается, что будто бы вплоть до 1991 года эти институты оставались частью именно сталинской карательной системы. Вряд ли составители, при всем их отрицательном отношении к практике воезного СССР, хотели донести до читателя именно такое толкование. Кроме того, в названиях фондообразователей следовало бы корректнее отражать их историческую динамику – например, так, как это сделано в книге: Совет Народных Комиссаров СССР. Совет министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923–1991: Энциклопедический справочник/Автор-сост. С. Д. Гарнюк. М., 1999.

ных рамках НКВД–МВД (в ведении Главного управления по делам военнопленных и интернированных, ГУПВИ). Без представления этой системы, названной австрийским исследователем Штефаном Карнером «архипелагом ГУПВИ», хрестоматия навсегда останется «половинной». Причины такой неполноты, конечно, кроются в художественном архетипе «архипелага ГУЛАГ» и развивающей его традиции, которые удивительным образом почти не заметили самой проблемы военнопленных. При этом современная русская историография вопроса, обогащенная теми же документальными коллекциями ГА РФ в ходе «архивной революции» 1990-х годов, просто огромна и хорошо известна, в том числе и авторам многотомника, также принявшим участие в фундаментальном исследовании проблемы.

Ошибка общего замысла, приведшая к неполноте этого издания, прискорбна. Но и она не может отменить того факта, что «История сталинского Гулага» стала главным и неповторимым вкладом в документальное исследование главной социальной, политической и экономической проблемы сталинского СССР.

М. Колеров

Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. Сб. ст. М., 2002. 240 с.

Тема терроризма стала особенно актуальна в новейшее время. Это связано с тем, что все большую опасность, как для общества, так и для отдельных граждан наряду с последствиями техногенных аварий и стихийных бедствий, стали представлять организации и сообщества, использующие террористическую деятельность для достижения своих целей. Если в прошлом действия террористов были направленными на устранение конкретного человека или группы лиц, то сейчас выбор объектов воздействия становится все более случайным. Доступ к прежде закрытой самой передовой технике, оказавшийся возможным благодаря распространению новейшей технологии, в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группы фанатиков. Главной целью их деятельности является подрыв авторитета местных правительств, дестабилизация обстановки в государстве, появление страха у отдельных граждан за жизнь свою и своих близких.

Сборник можно условно разделить на три части. Первая часть – это общие теоретические вопросы терроризма. Вторая – включает в себя исследование развития терроризма в Европе и Латинской Америке. В третьей части затрагивается террористическая угроза в современном пространстве Российской Федерации.

Раздел «Терроризм – теоретические вопросы» представлен двумя статьями: Ю. П. Романченко и А. И. Кубышкина. Основные рассматриваемые идеи:

- Терроризм – это тактика безвластных, направленная против власти имущих.
- Данное явление имеет глубокие исторические корни: государственный террор Великой Французской революции, террор народников в царской России, революционный терроризм, современный политический экстремизм.
- В современных условиях террористическая тактика ведения борьбы и понятие «локального военного конфликта» практически соотносятся.
- Развитие современных технологий делает возможным попадание в руки экстремистов оружия массового поражения, что увеличивает опасность от проведения террористической акции в несколько раз.

- Антиамериканизм — важная вса усиления террористической активности.
- Борьба с терроризмом возможна лишь при условии скоординированных совместных действий всех развитых государств мира.

Важной идеей исследования является изменение структуры террористической деятельности. Если в прошлом диверсионный акт был направлен на индивидуальное уничтожение «приспешников ненавистного режима», то в современных условиях выбор объектов воздействия становится все более случайным. Соответственно направлен он на общество в целом. В этой связи происходит определенное слияние понятия «террористическая деятельность» с понятием «локальный военный конфликт». Важным связующим звеном является тот факт, что главной целью, как в одном, так и в другом случае, является достижение определенных уступок со стороны противника.

В целом, следует отметить, что авторами статей были даны достаточно полные теоретические выкладки по исследуемым проблемам и в современных условиях они являются полностью актуальными.

Раздел «Развитие терроризма в Европе и Латинской Америке» представлен следующими статьями: А. А. Громыко исследовал проблему Ольстера, В. А. Дворянов рассматривал политический экстремизм в центральной Европе (на примере «немецких» стран), Балканы — сфера интересов П. Е. Канделя и проблему терроризма в Латинской Америке раскрывал Б. Ф. Мартынов.

Главной идеей, выдвигаемой А. А. Громыко, является тезис о том, что демократические рычаги воздействия способствуют разрешению террористической угрозы. В качестве доказательства своего тезиса, им приводится опыт Северной Ирландии. Путем проведения демократических мероприятий (референдумы, выборы), по его мнению, удалось продвинуться в разрешения данного кризиса. Соглашения же от 1998 года, так называемые «Соглашения Страстной пятницы», окончательно подвели черту под многовековой конфликт.

Проблема «немецкого» политического экстремизма была раскрыта В. А. Дворяновым. В его статье дано историографическое исследование понятия «экстремизм» и его непосредственного наполнения в контексте современного времени. В центре исследования стоит тезис об одинаковых корнях радикальных политических объединения центральной Европы, обуславливающих их сближение в современных условиях. Массовые движения молодежи 60-х годов XX вса, привели к появлению и развитию так называемой контр-культуры. Именно из этого субстрата выросли в последствии многие политические лидеры, причем, как правой, так и левой направленности.

Балканы и терроризм – история практически свела эти два понятия. На протяжении всего XX века террористические и партизанские акции были нормальным явлением для этого региона. П. Е. Кандель исследует последние десятилетия XX века, рассматривая их через призму возникновения террористической угрозы. Главным зерном конфликта является, по его мнению, проблема этничности. Именно, нерешенность национального вопроса, в купе с мощным влиянием из вне (стратегически важный мировой регион), обусловили быстрое развитие конфликтности на Балканах в период политической нестабильности государства. Автор подчеркивает, что реальных рычагов решения данной проблемы в настоящем времени просто нет.

Латиноамериканский экстремизм сильно отличается от всех ныне существующих своей политической нетерпимостью. Началом нового этап террористической активности в Латинской Америке связывают с 1960–1970-ми годами. Причем характер противоречий носил яркий социально-политический характер. Латинская Америка, как другие слабо развитые регионы были ареной борьбы между двумя главными полюсами силы, соответственно и террористические организации были с одной стороны, оппозиционные – левые, с другой стороны – государственный террор местных правительств. Б. Ф. Мартынов подчеркивает, что важными причинами развития терроризма являются: разветвленная наркопроизводственная сеть, а значит и мощная преступная активность; расслоение населения, наличие сложно доступных мест (джунгли и горы); активная помощь извне.

Раздел «Террористическая угроза в Российской Федерации» представлен статьями М. Ю. Зеленкова, В. А. Суворова и А. А. Хиндристанлы, А. А. Ярлыкапова, Е. В. Кратова, В. Р. Филипова, С. М. Маркедонова, В. А. Лихачева, С. А. Чарного. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, наиболее верным будет рассмотреть проблему террористической угрозы в пространстве России более глубоко.

Важнейшей темой исследований является усиление исламского экстремизма на границах страны и в приграничных национальных субъектах Российской Федерации. Соответственно существует четкое разделение на среднеазиатский очаг напряженности и на кавказское направление экспансии. Причем абсолютно верно заявляется, что в практическом плане два эти очага экстремизма не являются равнозначными для безопасности РФ. В одном случае имеет место быть внешнеполитический фактор, когда действия правительства могут носить лишь дипломатический характер. В другом же случае пожар разгорается уже внутри «общего дома», соответственно выбор механизмов воздействия становится более широким, но обязан он быть и более решительным.

М. Ю. Зеленков изучает проблему международного терроризма и безопасности в этой связи южных границ России. Под южной границей здесь

понимается, прежде всего, Средняя Азия и Афганистан. Время написания им статьи соотносилось с активной фазой военной операции США против талибанского Афганистана. Отсюда главной идеей ставилась проблема соотношения сил в среднеазиатском регионе после окончания операции. Причем доказывалось, что военное присутствие США, например, в Узбекистане и Киргизстане, станет важнейшей вехой перераспределения сил в политическом противостоянии «США/Россия» в этом регионе. Реальная террористическая угроза, исходящая из Афганистана, делала военную операцию, выгодной для РФ. Нормальная система управления способствует возникновению стабильности на границах, соответственно, требует меньших финансовых и другого рода затрат. Но попытки оттянуть Среднюю Азию из сферы интересов России, не могли не беспокоить автора статьи. Важность Афганистана для стратегических интересов США переоценить сложно. Зеленков подчеркивает, что географическое положение Афганистана делает возможной контроль не только на ближневосточными нефтяными артериями, но и над важнейшими каспийскими запасами углеводородов. Поэтому, по его мнению, американские вооруженные силы пришли в Среднюю Азию надолго. В этой связи основной задачей для РФ заявляется, переосмысление южной стратегии политического влияния:

- необходимо четко понимать, что цель Запада выдавить Россию из Средней Азии;
- нельзя напрямую противопоставлять себя западной коалиции;
- все проблемы должны решаться дипломатическими методами;
- необходимо обеспечить долгосрочное военное присутствие РФ в среднеазиатском регионе;
- развивать договор о коллективной безопасности формата СНГ.

В целом, следует отметить, что теоретические выкладки, раскрытые в статье имеют четкую связь с настоящим. Тот факт, что автор не только понимает проблему, но и предлагает реальные пути выхода из сложившейся ситуации, только свидетельствует о профессионализме исследователя.

Особое место в сборнике занимают статьи А. А. Ярлыкапова и Е. В. Крацова. Проблема их исследований посвящена религиозным аспектам исламского экстремизма на Кавказе. Причем тема раскрыта в большей степени с этнографической стороны, что обеспечивает оригинальность подхода. В статьях не рассказывается о классических проявлениях ваххабизма (например, в Саудовской Аравии), но описывается его преломление в формате северокавказских республик. Подчеркивается, что главным отличием кавказского ваххабизма является четкое разграничение по принципу «свой – чужой». Кроме того, кавказская разновидность исламской религиозной ветви по сути своей является политическим экстремистским движением, а не религией в классическом понимании этого слова. В качестве

доказательства данного тезиса Кратов использует анализ экстремистских материалов, распространяемых в религиозной среде Карачаево-Черкессии. Факт исследования экстремистской литературы является важным звеном, обеспечивающим новизну и легитимность проводимого исследования. Фундаментом религиозно-политического ислама является идея джихадизма. В результате переработки фактологического материала автору удалось выделить семь основных постулатов этого явления:

- исламское население Кавказа находится в состоянии невежества;
- для преодоления этого этапа необходим фундаментальный ислам;
- ислам – единственная правильная религия;
- для защиты правильной веры, необходимо испытывать ненависть к кяфарах («неверным», то есть ко всем не ваххабитам, даже мусульманам);
- все правоверные должны жить в одном большом государстве (панисламизм);
- любое насилие против кяфаров оправдано Аллахом;
- всем борцам за религию, в случае смерти в бою, обеспечен рай.

Ярлыкаповым подчеркивается, что «идеология войны» подкрепляет необходимость создания военных лагерей на территории, занимаемой джамаатом (общиной). Кроме того, специально для реалий Северного Кавказа идеологами религиозного экстремизма было обосновано необходимость джихада против лицемеров (всех мусульман не ваххабитов, которые «сотрудничают» с не мусульманами) и джихада против многобожников (мушруки). Последний вид «священной войны» особенно бьет по исламу Кавказа. Это связано с тем, что за многие века исламского развития региона, здесь сложились определенные региональные традиции, например обряд маулюта (то есть почитание Пророка Мухамеда), что, по мнению экстремистов, является проявлением многобожества. В целом, авторы подчеркивают, что важнейшим отличительным свойством радикального ислама является его простота и четкость при определении врага: «кто не с нами, тот против нас». С этим тезисом исследователей сложно не согласиться. Хотя следует подчеркнуть, что наряду с духовным обеднением общества (молодежь, кроме радикального ислама не имеет больше ни какой понятной идеологии), важное место занимает социальная катастрофа на Кавказе. Стоит отметить, что именно южные этнические республики являются одними из наиболее бедных в составе РФ. Поэтому, отсутствие социального иммунитета к экстремизму, влечет за собой возникновение очагов конфликтности. Поэтому механизмы вывода региона из экстремистской блокады должны иметь не только политическую, но и социально-экономическую направленность.

Большую опасность в современной России может иметь эскалация этнических конфликтов, усиленных культурными противоречиями. В этой

связи интересной является научная статья С. М. Маркедонова, посвященная чеченскому кризису. Новизну исследования обеспечивает то, что автор доказывает, идею непрекращающейся (с 1990 до наших дней) войны на Кавказе. Время лишь меняло противников и линии фронтов. До начала первой чеченской кампании, положение можно было охарактеризовать как тлеющую гражданскую войну (кланы против кланов). Затем произошла определенная интеграция всех чеченских сил против внешнего агрессора, что привело к кровавой войне, которая закончилась подписанием хасавюртовских соглашений и знаменовала переход ко второй фазе гражданской войны (этнократы против исламистов, исламисты против всех). Открытая агрессия против регионов Северного Кавказа привели ко второй чеченской войне. После чего, на территории республики опять образовалось двосвластие: днем руководят лояльные Москве политические лидеры, а ночью снова выходят босвики. Автор подчеркивает, что аналогичная ситуация складывается уже не первый раз в истории Чечни. Он соотносит современность со временем продолжавшейся около шестидесяти лет Кавказской войны. На наш взгляд, данное соотношение является полностью оправданным. Кроме того, в качестве доказательства своей концепции, автор исследует понятия «война» и «мир» с философско-практической стороны. Он подчеркивает, что категория понятия «мир» никак не соотносится со словами заложник, выкуп, обезглавленные трупы, рабство и так далее, в общем, со всем, чем запомнился обывателям период «Свободной Ичкерии».

Другой важной проблемой, поднимаемой С. М. Маркедоновым, является так называемый «чеченский комплекс» у российской либеральной интеллигенции. Следуя за европейским общественным мнением, многие российские правозащитники звали к переговорам с лидерами сепаратистского движения Чечни. После Хасавюрта, официальным президентом республики стал Аслан Масхадов. Соответственно, формально он был полностью легитимным правителем. Другой вопрос состоял в том, насколько реально президент мог управлять своей республикой. Запятнав себя серией террористических актов на территории России, он уже не мог быть реальной переговорной фигурой. Но Запад, как и либеральная интеллигенция, особенно в последние годы все чаще и чаще говорила о необходимости переговоров. Ситуация разрешилась сама собой. 8 марта 2005 года в подземном бункере Масхадов был убит. Но этот факт был принят мировой общественностью достаточно неадекватно. Наиболее влиятельные западные издания заявили о том, что Путин сделал большую ошибку, убив единственного лидера сепаратистов, с кем можно было вести переговоры, поэтому это лишь приведет к новому витку противостояния. Так или иначе, вопрос о переговорах в современных условиях закрыт. Единственной влиятельной фигурой в национальном террористическом движении

Чечни остался Шамиль Басаев. Но призывать власть с ним договариваться, особенно после террористической атаки на Дубровке в Москве и после Беслана, даже самая либеральная и прозападная интеллигенция не может.

Главный вопрос, который необходимо решить властным институтам современной России, это проблема инкорпорации населения мятежной республики в федерацию. Более десяти лет непрекращающейся войны, на которой уже выросло не одно поколение чеченцев, делает эту проблему наиболее сложной. Конечно видимые демократические преобразования (принятие Конституции республики, всенародные выборы президента и парламента) по примеру Северной Ирландии должны возыметь определенные результаты, но без решения социальных проблем все эти попытки будут сведены на нет.

Маркедонов подчеркивает, что современный Кавказ – это главный конфликтный регион современной России. Причем характер противоречий и исторический опыт развития данной местности свидетельствует о том, что потенциал насилия еще не исчерпан, а до реального разрешения конфликта еще очень далеко.

В целом, статья С. М. Маркедонова является хорошей исследовательской работой, посвященной проблеме чеченского феномена современной России. Но, на наш взгляд, классифицировать данный конфликт, лишь как этническое противостояние или сепаратистское движение за отделение, все-таки нельзя. Многими современными исследователями подчеркивается, что господствующая до нынешнего времени формула «кровь и почва» в нынешнем столетии будет заменена принципом «язык и культура», что предполагает отход от географической составляющей. Соответственно эти изменения коренным образом влияют, на наш взгляд, и на понимание специфики термина «сепаратизм». Поэтому в современных условиях «сепаратизм» из двух компонентной системы «этнос – территория» превратился в трех компонентную систему «этнос – территория – культура». Именно появление «культурного фактора» в чеченском конфликте обусловило столь кровопролитный и долгосрочный его характер. Поэтому война вышла из формата национального экстремизма¹, превратившись в национально-культурное² противостояние.

---

¹ *Этно-территориальный (национальный) экстремизм.* Характерен для полиэтничных государств. Движение коренных этнических меньшинств. Имеет глубокую историческую основу и, как правило, ощутимую поддержку в среде этноидентичного населения. Основными признаками являются: единство общности по признакам – язык, кровь, территория; локальность (региональность) развития.

² *Национально-культурный экстремизм.* Характерен для полиэтничных и поликультурных государств. Это сепаратизм коренных этно-культурных меньшинств. Основные признаки: единство общности по признакам – язык, кровь, территория; локальность (региональность) развития; но, благодаря «культурному факто-

Необходимо отметить, что хотя сборник «Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов» был издан в 2002 году, его теоретические основы остаются актуальными до сих пор. Проблема терроризма является главным очагом опасности для общества и государства и путей разрешения этой проблемы пока не видно. Хотя, следует отметить, что мероприятия по координации деятельности специальных структур (после Беслана), укрепления материальной базы силовых подразделений, позволили свести результаты диверсий к минимуму, что можно наблюдать на примере атаки экстремистов на Нальчик 14 октября 2005 года. Но без решения системных причин проявления терроризма в пространстве России (решения социально-экономических проблем, идеологического сплочения общества, борьба с коррупцией), реальных сдвигов в этой борьбе не будет.

М. Ю. Планида

ру», обеспечивается транснациональность и возможная надэтничность экстремистского объединения.

~

Март Лаар. История Эстонии с высоты птичьего полета.
Таллин, 2005. 48 + 72 + 72 с. ¹

Март Лаар, в промежутках своей активной политической деятельности² пишет книги по истории Эстонии, позиционируя себя как национального историка. Настоящий труд претендует на изложение обобщающего взгляда на развитие эстонского народа и эстонского государства – более того, это обобщение признано автором достойным и «экспортного» применения, для чего оно и переведено на русский язык.

Политику, работающему в современном мире и с современными мифами, тяжело оставаться научным историческим работником, для которого важнее истина, а не конъюнктура. Если к этой книге подходить как к историческому труду, то мы вынуждены будем признать, что Март Лаар грешит неточностями, эмоциональными оценками, а зачастую сомнительными этнографическими и этимологическими находками, непросительными для историка. Он вольно обращается с историческими фактами, – например, приписывая уничтожение в 1187 году шведского города Сигтуна эстонцам и ссылаясь при этом на мнение «многих» неназванных им историков. Указав на захват эстами в 1061 году древнерусского города Юрьева, Лаар напрочь забывает про союз тех же эстов с Новгородом и Псковом в 1217 г. в их совместной борьбе против крестоносцев. Также вольно Лаар обошелся и с периодом войн 1918–1920 гг. При описании боевых действий

---

¹ Три выпуска: «Забывтая война (движение вооруженного сопротивления в Эстонии в 1944–1956 гг.)»; «Эстония во второй мировой войне»; «История Эстонии (с птичьего полета)».

² Март Лаар в 1983 г. окончил Тартуский университет, кандидат исторических наук. В 1987–1990 – заведующий отделом министерства культуры Эстонской ССР, в 1992–1994 и 1999–2002 – премьер-министр Эстонской республики. Основатель партии «Союз Отечества». В 1990-е годы эта партия определяла внутреннюю и внешнюю политику Эстонии, основанную на создании преимуществ для представитель титульной нации и ограничении прав неэстонского населения и конфликтных отношениях с Россией. В 2005 году «Союз Отечества» стал одним из инициаторов включения политической преамбулы в пограничный договор России и Эстонии, приведшей к отмене российской стороной ратификации этого документа. Партия также выступала за присвоение статуса «борцов за свободу» эстонцам, воевавшим во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии.

на территории Эстонии в этот период Лаар смог ни разу (!) не упомянуть о белой Северо-Западной армии под командованием генерала Юденича. Все сражения с Красной армией, если верить книге Лаара, вли только эстонские войска при поддержке финских добровольцев и английской военной эскадры, борясь против «великой России». Трудно поверить, что Лаар серьезно полагает, что в эти годы некая целостная Россия воевала исключительно с Эстонией.

Описание гитлеровской оккупации Эстонии в 1941–1944 гг. у Лаара уместается в один абзац с ключевой фразой: «В Эстонии был установлен типичный оккупационный режим, чему последовали как сжигание книг, так и уничтожение оставшихся в Эстонии евреев». Больше про непростую историю Эстонии в этот период в книжке ни слова. Автор не посчитал необходимым упомянуть ни про создание нацистами на территории Эстонии концентрационных лагерей, ни про массовые казни русских, евреев, эстонцев и граждан других национальностей гитлеровцами. И уж тем более автор ни словом не обмолвился о 20 эстонском легионе СС и эстонских полицейских силах, воевавших на стороне Гитлера. Не удивительно, что, согласно книге Лаара, нападение фашистской Германии на СССР «в Эстонии было воспринято с чувством облегчения».

Также схематично в книге изображен и советский период Эстонии. Строительство портов, подъем промышленного производства, развитие мощного транзитного комплекса на территории Эстонии обойдено авторским молчанием. Все внимание Лара сконцентрировано на движении национального сопротивления и на событиях 1988–1991 гг. При этом, опять же греша исторической неточностью, автор относит юридический распад Советского Союза к августу 1991 года.

Приходится признать, что эту книгу надо оценивать не с научной точки зрения, а в контексте идеологической пропаганды. При таком подходе становится понятна цель данного произведения – доказать, что собственный исторический путь эстонского государства едва ли не полностью сводится к противоборству с «русскими захватчиками». Исходя из этой концепции, становятся понятными не только исторические неточности и допущения, но и своеобразная стилистика книги. Так, при рассмотрении вопроса происхождения эстонского этноса автор делает смелое предположение о том, что эстонцы «генетически происходят с запада» (несмотря на азбучные сведения о прародине финно-угорских племен на Урале). Этот тезис, по мнению Лаара, должен служить определением места эстонского этноса в мировой культуре.

Через всю книгу проходит мысль о тяжелых отношениях Эстонии со своим «восточным соссдом». Например, в периоде крестовых войн на территории Ливонии Лаар находит не жестокие попытки крещения эстов, а то, что отношения эстонцев с русскими были «еще сложнее». Итог

христианизации выглядит так: «Эстония как часть Европы сумела противостоять усиливающемуся натиску с востока и сохранить свое национальное своеобразие, что не удалось финно-угорским народам, попавшим под русскую власть». Мрачно автору видятся итоги Северной войны (Ништадтский мир): «В таком униженном положении эстонцы никогда – ни раньше и ни позже – не бывали». Автор прилагает все усилия, чтобы у читателя сложилось ощущение, что как только в истории Эстонии появлялась Россия, так социальная и экономическая ситуация ухудшалась катастрофически. Лаар не стесняется и сомнительной модернизации: «Мирному строительству Эстонии мешали попытки Российской Федерации дестабилизировать положение Эстонии...» В таких понятиях ведется речь об экономическом кризисе в Эстонии 1924 года. Вряд ли Лаар не знает, что в 1924 году не было такой страны – Российская Федерация, а был СССР, который включался в себя РСФСР.

Тем не менее, описывая несчастья, которые принесла Россия Эстонии, Лаар попадает в ловушку. Как политик радикальной националистической ориентации, Лаар не мог обойти историю становления национального самосознания эстонцев. И этот период, как ни парадоксально, приходится на период пребывания эстонских земель в Российской империи. Более того, автор вынужден отметить, что нахождение в составе России привело к мощному экономическому развитию эстонских земель, оказало благотворное влияние на развитие эстонского языка, литературы и самосознания, национального эстонского движения. Лаар даже упоминает о такой детали, как победа в 1904 году на выборах в Таллине русско-эстонского блока, приведшей к вытеснению немцев из городского управления и созданию в 1905 году первой политической партии в Эстонии.

Завершая свой идеологический труд, Лаар пишет: «Как сумеем воспользоваться открывающимися перед нами возможностями, теперь зависит только от Эстонии и никого другого». Но вся логика его произведения убеждает, что без поиска «виновного» во всех бедах и несчастьях «другого» автор не может ни сформулировать концепцию национальной истории, ни определить национальные задачи.

И. А. Павловский

Прот. Димитрій Сидор. Граматика Русиньског Языка.
Ужгород, 1996–2005. 312 с.

«Грамматика русинского языка» прот. Димитрия Сидора, главного идеолога современного русинского национального возрождения в украинском Закарпатье, известного публициста и поэта (псевдоним Д. Воздвиженский), богослова и историка, журналиста и слависта, активного политического деятеля, председателя Сойма карпатских русинов, являет собой синтетический труд, обобщивший научные, образовательно-просветительские и идеологические «разработки» интеллигенции Закарпатья, осуществляемые ею с начала 1990-х гг. Русинское возрождение на Украине – составная часть процесса национальной эмансипации русинов, который начался в конце 1980-х гг. В этом смысле грамматика Д. Сидора продолжает серию трудов, которые ставили своей целью кодифицировать литературный язык карпатских русинов. Однако, в отличие от русинов Словакии, Венгрии и Румынии, получивших в своих странах официальное признание и культурную автономию, русины Закарпатья на государственном уровне на Украине до сих пор не признаются самостоятельным народом, и в отношении их по-прежнему проводится политика, характерная для предшествующего периода. Этим и объясняется острая публицистичность книги, которая зачастую пронизывает даже чисто лингвистические рассуждения автора.

По мысли Д. Сидора, данная грамматика «призвана помочь нашим русинам легко писать по-русински то, что говорят их уста» (С. 13). Отсюда следует ориентация в подаче материала на самую широкую читательскую аудиторию, многочисленные сведения элементарного характера, которые открывают лингвистические разделы. Так, например, глава «Фонетика» начинается с разъяснений, в чем состоит различие между буквой и звуком, в главе «Морфология» даются определения корню, аффиксу и т. п. Кроме того, о нарочитой легкости авторского стиля говорит и компактность информации, и частые непосредственные обращения к читателю-русину, и апелляции к его чувству национального самосознания, и фоторепортажи с различных заседаний русинских организаций, которыми перемежается грамматический материал. В вводной части «Слово до подкарпатського русина» Д. Сидор уделяет большое внимание истории русинского народа и языка в общеславянском контексте, его национальным ценностям и символам, трагическим периодам его развития, современной ситуации

в Закарпатье, разъясняет в патриотическом ключе наиболее противоречивые вопросы. В частности, он резко выступит против утверждения о том, что русины – это древнее название украинцев и т. п.

Сохранить и передать потомкам «наше русинское слово» декларируется как главная задача книги: «некоторые русины стали забывать, а иногда и стыдиться своего животворного языка», превращаясь, таким образом, в «людей, не помнящих родства» (С. 13).

Для более эффективной популяризации материала основной текст грамматики дается сразу на двух языках: английском, с учетом большой русинской диаспоры в мире, и карпаторусинском. При этом вступительное слово переведено также и на русский язык, а текст снабжен многими русскими и украинскими комментариями и пояснениями. (К сожалению, англоязычные и русскоязычные комментарии отличаются большим количеством опечаток и ошибок). Подобный шаг оправдан самой концепцией труда, который адресован «русинам Украины, Центральной Европы и Америки», несмотря на то, что кодифицированный идиом отражает особенности восточной части карпаторусинских говоров, на которых и говорят русины Закарпатья. Следует отметить также и имевшую место конкретную политическую направленность подобной популяризации: 500 экземпляров книги в июле 2005 г. были розданы депутатам Верховной Рады Украины.

И во вступлении, и в других разделах книги много говорится о «древности» и «святости» языка подкарпатских русинов, «одного из самых древних славянских народов», по сути, «старшего брата» и прародителя всех восточнославянских этносов, языка, который и на сегодняшний момент «на 80 % (!) совпадает с церковнославянским». Подобный подсчет является, вероятно, скорее идеологической и культурной установкой русинской интеллигенции и самого Д. Сидора, чем реальным лингвистическим фактом: эта цифра колеблется в других разделах грамматики и прочих публикациях автора и его коллег от 70 до 90 %, а главное, совершенно неясно, каким образом она была получена. Однако это очень важный факт, если говорить о национальной и языковой идентичности русин. Декларируется, таким образом, уникальная преемственность письменной традиции: кодифицированный идиом является, по сути, продолжением, разговорной версией «древнего языка церкви», более тысячи лет используемого в религиозной и письменной практике карпаторусинским народом, что резко противопоставляет карпаторусинский украинскому литературному языку, кодифицированному на народно-разговорной основе. Перевод на русинский «Евангелия от Матфея» и «Молитвослова», которые прилагаются к данной грамматике, должны, по мысли Д. Сидора, закрепить в сознании рядового русина естественную близость его родного языка древнему языку церкви. Это автоматически должно подтвердить абсурдность попыток перевода богослужения в гречко-католических приходах Карпатской Руси с церков-

нославянского на местные государственные языки (словацкий, венгерский, украинский, румынский), что в конечном итоге, по мнению автора, приведет к полной ассимиляции русинов, а также призвано продемонстрировать мощный потенциал, богатство и литературную жизнеспособность кодифицированного русинского языка.

Таким образом, «Грамматика русинского языка» является не только «многолетним научным трудом», как это заявлено на первой странице книги, но и школьным учебником, а также острым публицистическим произведением, причем полемическая тональность доходит местами до поистине художественного пафоса: «Я русин и ты русин! И наши дети – тоже русины, которые дышат воздухом Карпатских гор и впитали в себя живую воду духа Святой Руси» (С. 29). В этом главное типологическое отличие грамматики Д. Сидора от других подобных публикаций (П. Р. Магочи, И. Попа, Ю. Ванько), в которых четко разделяются лингвистические, культурологические и идеологические аспекты изучения карпаторусинского языка, или от фундаментального научного исследования бачванско-сремского русина Ю. Рамача «Грамматика русинского языка» (Београд, 2002).

Остановимся на наиболее интересных моментах лингвистического описания кодифицированного идиома, показывающих самобытность русинского языка. Весь материал разделен на семь глав-частей: графика, фонетика, орфография, морфология (где рассматривается словообразование), части речи (собственно морфология), синтаксис и лексика.

Как следует из «Грамматики», графическая система русинского языка, базирующаяся на кириллице, состоит из 39 единиц, что на 4 больше, чем в украинском. В русинский алфавит вводится «древняя духовная крестовидная буква *ѣ*» (которая произносится как *i* или *ĭ*), буква *о́* (которая обозначает специфический русинский звук *o* с призвучком *y*), буква *ѳ* (обозначает звук, фонетически близкий немецкому *ii*, или звук *y*) и буква *і* (которая передает либо звук *ii*, либо сочетание *iy*). При этом буква «ѣ» используется в современных изданиях исключительно «с целью стилизации» или в религиозной литературе (в частности, в предлагаемом переводе «Евангелия»). Остальные буквы, как правило, выступают в позициях перехода *o* → *i* в закрытых слогах в украинском языке, за исключением буквы *о́*, которая встречается также на месте украинского *o*. Интересно, что в русинском литературном языке Словакии в этих позициях так же, как в украинском, представлено только *i*. В разделе «Графика» подробно описаны, видимо, все случаи употребления этих букв с оговоркой, что «нерусину» трудно разобраться в тонкостях их произношения и написания.

Глава «Фонетика» описывает вокалическую и консонантную системы русинского языка весьма традиционно: приводятся различные характеристики звуков и классификации по ряду/подъему и месту/способу образования. Представлен также отдельный раздел, посвященный «йотированным

гласным звукам *е, і, ю, я, ё*», из чего можно сделать вывод, что в грамматике Д. Сидора последовательно не различаются буква, звук и фонема, предположительно опять-таки из-за ориентации на массового читателя. Отметим, что свойственное русинскому языку сочтание графем *йи* различает отдельные морфологические формы, к примеру, родительный и дательный падежи некоторых существительных женского рода: *Марії дома не є, а Марійи хотіли дати землю* 'Марии нет дома, а Марии хотели дать землю'. Раздел, посвященный анализу консонантной системы, завершается приведением примеров на каждую из 22 букв русинского языка, обозначающих согласные.

В главе «Орфография» обосновывается орфографический принцип русинского языка, определяемый автором как этимологический. При этом, как он пишет, «очень часто используются и «фонетические особенности». Именно в этой главе мы узнаем, в том числе, и о написании букв *ы, и, і*. Оппозиция трех этих фонем являет собой «самую яркую» уникальную черту русинского языка, которая отличает его от всех других славянских языков, причем, например, фонема *ы* может употребляться даже после мягких согласных: *трипый* 'третий', *верхый* 'верхний'. Заканчивается глава сводом правил написания заглавных букв, двойных согласных и информацией об ударении, которое в русинском языке Закарпатья разноместно (в русинском же языке Восточной Словакии оно зафиксировано на предпоследнем слоге).

Глава «Морфология» рассказывает о словообразовании (выделяются аффиксы русинского языка и иллюстрируются примерами) и делении слова на слоги.

Следующая глава «Части речи», представляет наибольший интерес. Примечательно, что автор предлагает преимущественно собственные наименования частей речи: *назывник* 'существительное', *прилагателник* 'прилагательное', *местоназывник* 'местоимение', *числительное*, *глагол*, *пригастя* 'причастие', *дїепригастя* 'деепричастие', *наречник* 'наречие', *приназывник* 'предлог', *союз*, *гастнуця*, *возглас* 'междометие'. Как и в любой другой славянской нормативной грамматике, которая является одновременно и учебником (школьным или вузовским), здесь подробно описываются грамматические категории, актуальные для каждой части речи.

Для имени существительного это категории рода, числа и падежа. В склонении существительных Д. Сидор выделяет пять типов склонения: к 1-му склонению он относит существительные мужского и женского рода на *-а (-я)* в им. п. ед. ч. (*судя* 'судья'); ко 2-му – существительные мужского рода с нулевым окончанием в им. п. ед. ч. и существительные среднего рода (*крумплик* 'небольшая картофелина', *каштіль* 'замок'; *сердце*, *бердо* 'холм'); к 3-му склонению – существительные женского рода с нуле-

вым окончанием в им. п. ед. ч. (*постіль* 'кровать', *ногь, гелядь*); к 4-му т. н. существительные с неравносложной основой (*мага* 'котенок', *пауя* 'поросенок') и существительные *pluralia tantum*. Отдельный 5ый тип склонения составляют существительные, которые в русском языке не имеют форм словоизменения, а в русинском склоняются (*кино* — *кина* и т. д.).

Из особенностей русинского словоизменения существительных отметим флексию существительных мужского и среднего рода дат. и пр. пп. — *ови* (—*ёви*), флексию тв. п. ед. ч. женского рода — *ов*, наличие трех флексий для образования мн. ч. им. п. (*ы, і, а*), флексия — *ов / -ів / -ів* (для род. п. мн. ч. мужского и среднего рода), отсутствие украинского удвоения согласных у существительных среднего рода с флексией — *я* (*житя* 'жизнь', *волося* 'волосы', *знаня* 'знание', *писаня* 'писание' и т. д.).

В склонении русинских прилагательных выделяются твердая и мягкая разновидности. Оригинально образуются степени сравнения прилагательных с помощью суффиксов —*ш*-, —*ж*-, —*ишш*- (*білішый* 'более белый, блее', *моложый* 'более молодой, моложе', *достойнишый* 'самый достойный') и с помощью форманта *май*, который, прибавляясь к положительной степени сравнения, образует аналитический компаратив (*Петро май кріпшый, гим ёго сверсники* 'Петр сильнее своих сверстников') и, прибавляясь к синтетическому компаративу, суперлатив (*майбогатишый* 'самый богатый', *майдорожшый* 'самый дорогой').

Русинский язык весьма богат местоимениями, особенно указательными. В нем, например, представлены такие оригинальные лексемы как *сись* 'этот', *антой* 'тот', *атсись* 'вон тот', *тулько* 'столько' и т. д. Яркой особенностью русинских местоимений является наличие энклитических форм (*мя, ми, тя, ти, го, му, ї*), которые активно употребляются наряду с полными формами. Этой своей чертой русинский язык Закарпатья объединяется с западнославянским языковым континуумом.

Русинский глагол также отличает ряд характерных черт. В презенте это «западнославянское» окончание 1 лица мн. ч. — *ме*; окончания 3 лица ед. и мн. ч., где конечный согласный произносится не так мягко, как украинский —*ть*, и не так твердо, как русский —*т*; окончания —*ву* (1 лицо ед. ч.) и —*вуть* (3 лицо мн. ч.) (*гитаву, гитавуть*); стяженные формы глаголов (*гиташ, співаш, гитат, співат*). Особое спряжение в настоящем времени имеют глаголы *быти* (*ем — есь (сь) — е — есьме (сьме) — есьте (сьте) — суть*) и *жити* (*живу — живеш — живе — живеме — живете — живють (живуть)*). При образовании прошедшего времени (перфекта) используется так называемое причастие на —*л* (в 1 лице ед. ч., по замечанию Д. Сидора, за последние 60 лет закрепилась флексия —*в*; широко представлена также нулевая флексия: *спрыг, вўз, грыз*), которое несколько нетрадиционно названо имперфектом, и энклитические формы глагола *быти*: *робив им — робила м — робив ись — робила сь — робив — робила — робили сьме (робили аж*

исьме) – *робили съте* (аж *исьте*) – *робили (суть)*. Из других прошедших времён, как отмечает автор, изредка употребляется плюсквамперфект (например, в библейских текстах для передачи последовательности действий в прошлом: *Могли съме были иши позавчера ото поладити* ‘Мы могли бы ещё позавчера об этом договориться’), тогда как аорист полностью вышел из употребления. Аналитическое будущее время образуется по модели «соответствующие формы глагола *быти* (*буду – будешь – буде – будеме – будете – будуть*) + инфинитив» или же на месте глагола *быти* могут находиться модальные глаголы *хотети, нагати, мати*. Повелительное наклонение образуется восемью способами, из которых следует выделить довольно оригинальный четвёртый способ, согласно которому формы императива 1 и 2 лица мн. ч. имеют флексии *-ім* и *-ить* (*найдім ї, тешіть дерево*), и шестой способ, когда соответствующие формы образуются с помощью двух глаголов *мати* (*маю мати гас, маеме мати совість*). Условное наклонение образуется с помощью «вспомогательных слов» *кобы, обы, аж, кіть, бых (бы), кібы* и формы перфекта (*Зробив бы м, кібы м мав гас* ‘Я бы это сделал, если бы у меня было время’). Действительные причастия образуются с помощью суффиксов *-аг-* (*-яг-*), *-уг-* (*-юг-*), *-ащ-* (*-ящ-*), *-ущ-* (*-ющ-*), *-вш-*, а страдательные – с помощью суффиксов *-ам-* (*-ям-*), *-им-*, *-ем-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*: *махаючий* ‘махающий’, *знаючий, державший, знаемый, пожовкчий* ‘пожелтевший’, *шкрябнутый* ‘поцарапанный’, *купованый* ‘купленный’. Деспричастия настоящего времени имеют суффиксы *-аги-* (*-яги-*), *-уги-* (*-юги-*), а деспричастия прошедшего времени – суффикс *-вши-*: *робляги* ‘делая’, *шепуги* ‘шепча’, *ставши* ‘встав’. Возвратную частицу *-ся* характеризует свободное расположение в предложении, как в западных и южных славянских языках: Она *ся наладила* на велику работу ‘Она приготовилась к большой работе’.

Разделы, посвященные наречиям и служебным словам, обнаруживают весьма богатый и своеобразный лингвистический материал. В качестве примеров приведем наречия *аддека* ‘там’, *навхтема* ‘навсегда’, *уяри* ‘всеной’, *нафуз* ‘полностью’ и т. д.

Глава «Синтаксис» построена как теоретический материал для учебников старших классов школы: подробно рассказывается о подлещем, сказуемом, второстепенных членах, типах простых и сложных предложений, а также знаках препинания.

Глава «Лексика» вкратце знакомит читателя с синонимами, антонимами, «ложными друзьями переводчика» (списком даются похожие по звучанию, но семантически разные русинские, украинские и русские слова), церковнославянскими словами (непреренно подчеркивается их «естественность» для русинского уха), топонимами (с критическими комментариями по поводу их переименования в советский период) и словами иноязычного происхождения (интернационализмами, германизмами, аме-

риканизмами, мадьяризмами, украинизмами, русизмами, словакизмами и сербизмами).

В заключение отметим актуальность данного исследования: это первое относительно серьезное издание, которое ставит своей задачей кодифицировать литературный язык русинов Закарпатья в русле церковнославянской традиции, описать его структуру, причем в форме, адекватной для его изучения каждым желающим. Подчеркивая самобытность русинского языка, автор на протяжении всей книги активно полемизирует с противниками его существования, с официальными представителями государства и «ассимилированными» русинами.

Невзирая на неизбежные для пионерского исследования недостатки и неточности, автор в целом справился со своей грандиозной задачей. Остается надеяться, что развитие русинского языка и культуры в Закарпатье теперь, возможно, будет осуществляться с опорой на собственный литературный язык, хотя, разумеется, многие положения грамматики Д. Сидора могут быть дополнены, доработаны и откорректированы.

В. В. Чарский

**Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории
Кавказа (1774–2004). М., 2006**

Рецензируемый Атлас ставит целью дать общее и исторически объемное представление об эволюции сложного и важного региона на южных пределах России. Сведенные в высококачественное полиграфическое издание, карты и комментарии к ним отражают особенности расселения и территориальных взаимоотношений народов Кавказа, в различные исторические эпохи, специфику этноконфессиональной структуры населения региона в тесной связи с социально – экономическими, политическими факторами. Избранный для рассмотрения период, по словам А. Цуциева, – более чем 200 лет «русской/все еще современной эпохи в истории Кавказа». В этом отношении замысел автора сочетает географический, исторический, этнографический подход с сегодняшней политической актуальностью кавказской проблематики.

Продвижение на Кавказ, многоплановая экспансия являлась следствием реализации идеи, которая с XVII века неизменно присутствовала в российской внешней политике, – стремление максимально отодвинуть южную границу от центра Русской равнины. В этом смысле стремление закрепиться на Северном Кавказе и в Закавказье выглядело естественным вектором расширения территории империи. Однако, процесс включения региона в состав империи оказался достаточно длительным и сложным. Причин тому много. Прежде всего, это внешнеполитическая ситуация, включавшая постоянные войны России с Ираном и Турцией, противодействие части местного населения, вылившееся в многолетнюю Кавказскую войну, полиструктурность общественно-политической организации Кавказа, сложность которой многократно усиливалась благодаря этноконфессиональной мозаичности населения. Немаловажную роль всегда играли географические и топографические особенности региона. После окончания Кавказской войны и фактического присоединения Кавказа к России начинается интеграция местного хозяйства в общероссийскую экономику и реорганизация административно- политического устройства. В дальнейшем история Кавказа уже неотделима от истории России.

А. Цуциев видит свою главную задачу в том, чтобы дать обзор основных этапов развития административно- территориальной и национально- государственной композиции края, проанализировать формирование тер-

риториальных и статусных параметров этнополитических противоречий, конфликтов в регион. На широком историческом и этнополитическом горизонте автор стремится выявить содержание современных рисков, связанных с подобными конфликтами: «параду суверенитетов» на закате советской эпохи и формированию конфликтных зон современности уделено особое внимание. По сути дела, композиция самого Атласа отражает стремление автора поставить геополитические проблемы Кавказа в контексте динамической смены эпох, государственно-политических образований региона, миграционных процессов и взаимодействия этносов, выявить скрытые противоречия и потенциально конфликтогенные факторы. В целом необходимо отметить, что А. Цуциев проделал большую работу, воссоздавая многоплановые образы Кавказа, учитывая при этом многие грани государственно – правовой и этнокультурной эволюции региона.

Атлас состоит из карт, которые, по мнению автора, отражают условно выделяемые этапы в историческом развитии региона, основные тенденции и конкретные сюжеты этого развития. Первый этап присоединения Кавказа к России охватывает период от Кючук-Кайнарджийского (1774) до Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров. Основные события данного периода наглядно иллюстрируют карты 2–4. Это время военно-политического завоевания Закавказья, административно-территориального упорядочения новых земель в рамках единого государства. В тот же период, пишет автор, «на Северном Кавказе формируется имамат – исламское государство, чуть позже возглавленное Шамилем; начинается эпоха государственно-организованного противостояния России со стороны значительной части горских обществ Дагестана и Чечни» (С. 14). Не вдаваясь в дискуссию о правовой природе и характере имамата, хотелось бы все же отметить, что термин «государство» по отношению к имамату можно применять лишь весьма условно. На мой взгляд, корректно говорить только о наличии в горных районах Кавказа военно-политического образования с некоторыми признаками государства, долговременное существование которого в горах объясняется не только поддержкой местного населения, которая, разумеется, не была абсолютной, но и особенностями рельефа местности, недоступностью и удаленностью территории имамата.

Важнейшими вехами следующего этапа являются, по мнению автора, кульминация Кавказской войны и учреждение наместничества (карта 5), окончание столетней военной фазы овладения Россией Кавказским регионом, административно – территориальная реформа 1860–1864 гг. на Кавказе (карта 6).

А. Цуциев стремится показать историческую подвижность этнических границ и относительность понятия «исконные территории». Вместе с тем

он отмечает, что прочерчивание административно – политических границ, осуществленное в середине XIX века и унаследованное советской властью «опирается на определенную логику упорядочения и классификации этнических категорий, выделения и использования этнических солидарностей» (с. 8).

А. Цуциев, оценивая политику России на Кавказе, употребляет термин «колонизация» (с. 33–35), что представляется не вполне уместным. Колонизация в общепринятом смысле слова предполагает не только массовое заселение какой-то новой территории, но и ее интенсивное хозяйственное освоение, выкачивание ресурсов и их экспорт в метрополию. Учитывая сказанное, взаимоотношения России с Кавказом вряд ли можно характеризовать как отношения «метрополия-колония». Экономическое освоение в данном случае не имело первостепенного значения. Значительно важнее было военно-административное утверждение России в стратегически значимом регионе, требовавшее, к слову сказать, крупных финансовых вложений. Россия инвестировала средства в регион, а не извлекала прибыль из новых территорий за счет использования ресурсов и эксплуатации местного населения.

В этот период начинается махаджирство, но его результаты, к сожалению, не нашли достаточного отражения в картах Атласа. Так, например, на карте 6 и в комментариях к ней не отмечено, что убыхи и садзы в 1864 году поголовно выселились в Турцию.

Отдельный сюжет в государственно-правовой истории Закавказья – период с 1918 по 1921 гг. Гражданская война, интервенция и границы национальных государств зафиксированы на картах 16–20. Внимание заслуживает карта Горской республики (17).

Девять карт посвящены советскому периоду развития Северного Кавказа и Закавказья. А. Цуциев выделил следующие основные сюжеты: изменения в административной карте региона, формально – конституционное определение статусной иерархии народов и территорий, депортации и упразднение автономий, проблемы реабилитации, устойчивость и противоречия «развитого социализма».

Распад Советского Союза, возникновение независимых государств в Закавказье, всплеск напряженности в межэтнических отношениях, эскалация вооруженных конфликтов в регионе – все эти проблемы нашли свое отражение в картах А. Цуциева (с. 84–108). Особый интерес представляет заключительный раздел Атласа, в котором автор рассматривает связь распространенных исторических стереотипов и даже популярных клише с действительными современными этнополитическими противоречиями и конфликтами. Карты 41–49 представляют собой реконструкции историко-территориальных идеологем, связанных с актуальными этнополитическими противоречиями современного Кавказа. В комментариях А. Цуциев

достаточно подробно объясняет позиции создателей таких клише, при этом сознательно не вступая в полемику с ними.

Текст комментариев, несмотря на лаконичность, весьма информативен, содержит значительное количество статистических данных, важных исторических дат и т. п., однако автор не дает ни одной ссылки на источники своих сведений. Вероятно, А. Цудисв не хотел перегружать текст излишним цитированием и сносками, полагая, что специалисты в них не нуждаются. Тем не менее, стремление автора сделать акцент на обучающем характере данного издания диктует необходимость наличия минимального справочного и вспомогательного аппарата. Представленный список литературы и картографических источников (С. 124–128) не вполне заменяет отсутствующие сноски.

Хотелось бы обратить внимание на то, что издание, в котором опубликованы карты, охраняемые авторским правом, следует снабдить более подробным описанием методологии, методики и технологии их составления как части именно авторской работы.

Высказанные замечания и пожелания не снижают ценность работы и не умаляют заслуг автора. Скомпонованные в тематический Атлас карты выступают в качестве комплексных географических образов и в этом смысле отражают новационные тенденции в современной картографии¹. Эти образы-карты дают объемное и многоцветное представление о широком спектре исторических, этнополитических и этнокультурных особенностей кавказского региона. Представленный Атлас имеет очевидную научную и практическую ценность, может быть использован в учебном процессе в высшей школе. Нет сомнений в том, что это издание найдет своего читателя: проблематика Атласа может быть интересна для этнологов и историков, политологов и исследователей социокультурных феноменов, для студентов, изучающих международные отношения и конфликтологию.

З. У. Махмудова

---

¹ См. например: Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб, 2003.

В. Л. Шейнис. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). В 2-х томах. М., 2005; А. В. Шубин. Предашая демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006

Вышедшие в 2005–2006 гг. книги В. Шейниса и А. Шубина относятся к не совсем обычному жанру. С одной стороны, авторы были непосредственными участниками событий, о которых ведут речь, поэтому их произведения имеют много общего с мемуарами. С другой стороны, представленным книгам присущи черты, позволяющие отнести их к работам научно-исследовательского плана: они обладают чёткой концепцией и снабжены научно-справочным аппаратом. Кроме того, авторы отнюдь не заикливаются на собственной роли в описываемых процессах, упоминая о ней, лишь когда без этого действительно не обойтись. Таким образом, перед нами гибриды мемуаров с научным исследованием – А. Шубин, к примеру, определил этот жанр как «свидетельство» (С. 2). Почему бы и нет?

Специфика избранного жанра обусловила как достоинства, так и недостатки обеих работ. К достоинствам следует отнести, прежде всего, хороший русский язык и непринуждённое, без псевдоакадемического занудства, изложение. Это делает книги А. Шубина и В. Шейниса интересными не только для узких специалистов, но и просто для любознательных читателей, неравнодушных к истории собственной страны. Недостаток же состоит хотя бы в том, что авторы явно знают больше, чем они сочли нужным рассказать, а издатели – напечатать (последнее, возможно, в большей степени относится к А. Шубину, нежели к В. Шейнису, которому, насколько известно рецензенту, был предоставлен карт-бланш).

Здесь, впрочем, известную роль сыграло и то, что авторы явились своего рода первопроходцами, если не как мемуаристы, то уж совершенно точно как исследователи. А в этом случае приходится уделять больше внимания макропроцессам – нередко в ущерб деталям. Следует также учитывать, что сами детали приобретают особое значение только в определённом контексте – как правило, вследствие столкновения различных концепций и выявления в них разнообразных сильных пятен и слабых мест: именно это заставляет углубляться в подробности. Примениительно к темам, затронутым А. Шубиным и В. Шейнисом, о столкновении концепций речи пока не идёт – в силу острого дефицита таковых (имеются в виду научные

концепции, а не политические позиции, с которых оцениваются события недавнего прошлого).

Зато сочетание двух разнонаправленных задач – фиксация воспоминаний («свидетельства») и научное исследование – позволило авторам избежать одной особенности, свойственной многим образцам мемуарного жанра: когда вспоминающий, помещая в центр повествования себя самого, сознательно (а иногда и неосознанно) преподносит события таким образом, что именно его персона оказывается единственным лучом света в тёмном царстве – наделённый даром предвидения, он предугадывает последствия происходящего и заблаговременно остерегает близких от необдуманных поступков (те, естественно, не прислушиваются к советам, о чём потом горько жалеют). Приоритет, отдаваемый освещению процессов, а не собственных персон, необходимость документировать факты помогли А. Шубину и В. Шейнису благополучно миновать эту солипсистскую ловушку. Неплохим противовесом от нарциссизма послужили также наличие чувства юмора и способность к самокритике.

Иногда, правда, и у того и у другого нет-нет да и просыпаются «провидческие способности задним числом», но это явно результат не мегаломании, а принадлежности к определённому политическому течению – А. Шубин до сих пор числится лидером Российской партии зелёных, а В. Шейнис входит в руководство «Яблока». Отсюда, видимо, и происходящие у обоих озарения.

Так, А. Шубин неоднократно подчёркивает: социалисты ещё в 1986–87 гг. предупреждали, чем обернутся для страны либеральные рыночные (капиталистические) реформы – падением жизненного уровня большинства населения, резким имущественным расслоением, усилением эксплуатации и т. п. Но чтобы предвидеть это, не обязательно быть социалистом – достаточно взглянуть на искажённые диспропорциями экономику и социальную структуру советского общества. Всё перечисленное – падение, расслоение, усиление – это плата именно за диспропорции, а не за капиталистические реформы. Исправить данные диспропорции, не прибегая к известному принуждению, было невозможно. Вопрос заключался в природе и степени этого принуждения: будет ли оно внеэкономическим или всё-таки экономическим. По первому пути с удовольствием пошли бы коммунисты, если бы располагали соответствующими ресурсами. Но таких ресурсов не было ни у КПСС, ни у её противников. Значит, оставалось только экономическое принуждение, то есть капитализм.

Что же до методов, которые в качестве панацеи предлагались «несталитарными» социалистами, – передача предприятий трудовым коллективом, самоуправление, «система делегирования», – то их использование в кризисных ситуациях никогда ещё не приводило ни к чему, кроме развала производства и дезорганизации хозяйственных связей. После этого перед обществом опять вставала дилемма: либо принуждение внеэкономичес-

ское, либо принуждение экономическое – и хорошо, если оставались силы выбрать второе, а то ведь в России куда чаще прибегали к первому, за что страна расплачивалась миллионами убитых и умерших с голоду. С лозунгов рабочего контроля и самоуправления («советского народовластия»), как помнится, начинались и диктатура большевиков, и немногим более «либеральный» по форме, но примерно такой же жёсткий по содержанию «югославский социализм», и все остальные попытки замкнуться в башне социалистической утопии в надежде укрыться от «ужасов капиталистической эксплуатации».

Так что если социалисты предъявляют счёт за свои прогностические услуги, то и сами они в свою очередь должны чувствовать себя в неоплатном долгу перед «демократами-популистами», которые избавили их от сомнительного удовольствия отвечать за последствия фундаментального кризиса, в который страна была ввергнута семидесятилетним изнасилованием экономических инстинктов населения.

В. Шейнис продемонстрировал большую скромность в плане «привидческих» способностей, нежели А. Шубин, но, вероятно, главным образом потому, что «Яблоко», в лице которого гегелевская абсолютная идея обрела-таки плоть, вошло в политику уже по окончании рассматриваемого периода. Это позволило автору придерживаться трезвого взгляда не только на идейных оппонентов, но и на коллег по демдвижению. Надо отдать В. Шейнису должное – подобный же взгляд он обращает и на себя, не боясь признать прошлые ошибки (но и не отрекаясь от былых идеалов).

Вместе с тем следует отметить, что известную политическую пристрастность (читай: партийность) высказывают не только те авторы, которые сами являлись участниками описываемых событий, но в не меньшей степени и все прочие – если им не всё равно, что происходит с обществом, частью которого они себя ощущают. Альтернатива этой пристрастности – студии, написанные «птичьим» (уподобляющимся английскому подстрочнику) языком, переполненные ссылками на литературу (особенно зарубежную), но выдающие полное отсутствие исследовательского интереса к изучаемому предмету, а заодно способности к самостоятельному концептуальному творчеству, – другими словами, эдакое растянутое на десятки страниц «не знаю». В отсутствии интереса и творческой способности, а тем более в плохом знании предмета В. Шейниса и А. Шубина упрекнуть нельзя – они знают, о чём пишут, и самое главное – знают предмет изнутри. В этом в первую очередь и состоит ценность обоих трудов.

Высокая оценка книг В. Шейниса и А. Шубина не исключает, однако, отдельных претензий как к способу изложения, так и к некоторым выводам авторов.

Так, А. Шубин, обозначив свою тему максимально широко – неформальное движение в СССР в 1986–1987 гг., – основное внимание, тем не менее,

уделил социалистическому крылу. Это и неудивительно — именно в его деятельности он принимал участие, именно его историю он знает лучше всего. Но это стало и причиной определённого перекоса. А. Шубин достаточно подробно описывает перипетии внутренней жизни «Общины» и Федерации социалистических общественных клубов, когда же доходит до других течений, ограничивается, так сказать, крупными мазками — в итоге оппоненты предстают в несколько окарикатуренном виде (хотя признаем, что карикатуры большей частью получились довольно меткими).

Политические пристрастия А. Шубина обусловили, по-видимому, и некоторую переоценку политической зрелости неформального движения, в частности, того же социалистического крыла. Например, зарождение многопартийности автор отнёс к весне 1988 г., когда на политическую сцену вышли первые, по его мнению, протопартии — Федерация социалистических общественных клубов, Демократический союз и ядро социал-демократической организации, возникшее на базе московского клуба «Демократическая перестройка» (С. 178–183). На самом деле из всех этих образований к протопартиям можно отнести только Демсоюз, да и то лишь потому, что он единственный позиционировал себя как политическую партию. ФСОК не переступил черту, отделяющую ассоциацию неформальных объединений от протопартии — возможно, он действительно являлся таковым в представлении самого А. Шубина и его сподвижников, но во всуслышанье они об этом так и не сказали. Принятие общей идеологической платформы ещё не делает ассоциацию клубов политической партией (протопартией) — для этого она должна продублировать свои претензии на политическую власть. Демсоюз, объявляя себя политической партией и ставя своей целью смену политического режима, прекрасно это осознавал; ФСОК, воздерживаясь от таких заявлений, — надо полагать, тоже. Протопартиями могут считаться, пожалуй, только пресницы Федерации — Конфедерация анархо-синдикалистов и Российская партия зелёных, — но сама она до этого статуса не доросла. Что касается социал-демократов, то им на тот момент до оформления в протопартию было ещё работать и работать — особенно если учесть, что учреждённая в 1990 г. Социал-демократическая партия Российской Федерации сама тянула максимум на протопартию, мало чем отличаясь от типичного интеллигентского клуба времён неформального движения.

Некоторое недоумение вызывает и название книги А. Шубина — «Преданная демократия», — как не вполне отвечающее реальному содержанию работы. Не очень понятно, в частности, кого именно автор считает субъектами предательства. Демократов, которых Шубин справедливо именует популистами и которым по большому счёту отказывает в демократизме (по каковой причине нередко заключает слово «демократы» в кавычки)? Но о «популистском демократическом движении» в книге сказано не слиш-

ком много, и не оно предмет его исследования. «Либерал-коммунистов», перехвативших на новом этапе инициативу у неформалов? Но им он ещё категоричнее отказывает в демократизме.

Если же автор имел в виду, прежде всего, своих единомышленников, то, может, правильнее было бы выбрать названием «Преданная анархия»? Но и в этом случае оно вышло бы не совсем адекватным. Кроме А. Исаева, который из ярого адепта безгосударственного социализма превратился в одного из идеологов чиновничьей «партии власти», «предателей» среди бывших «общинников» не так уж и много — достаточно свериться со списком, предоставленным самим автором (С. 265–266). Да и к эволюции Исаева Шубин относится, похоже, не без добродушия, расценивая её как подтверждение афоризма «Кто в 20 лет не левый — у того нет сердца, кто в 40 лет не правый — у того нет ума» (С. 265; неясно, правда, как тогда автор квалифицирует собственную верность юношеским идеалам).

Так что, судя по всему, название книги — дань куда более утилитарным целям. Поименуй автор свой труд просто «Неформальное движение в 1986–1989 гг.», его прочло бы несколько десятков, в лучшем случае несколько сотен специалистов, а заголовок «Преданная демократия» способен привлечь более широкий круг читателей. Если ход удался, то за автора можно только порадоваться — что ни говори, не самая большая уступка «золотому тельцу» со стороны социалиста и учёного. Тем более что книга получилась весьма достойной, и широкий читатель разочарован не будет.

Особенностями жанра, видимо, следует объяснить и частое использование А. Шубиным такого специфического источника, как беседы с очевидцами — как правило, бывшими соратниками. Вообще-то в этом не было бы ничего странного, если бы автор был иностранцем и не имел доступа к другим источникам информации. Но у Шубина-то подобных трудностей вроде быть не должно. Иногда даже досадно, когда вместо ссылок на архивы (пусть бы и личные) он ограничивается цитированием интервью с людьми, которые и так у всех на виду и побеседовать с которыми мог бы едва ли не любой начинающий политолог. Впрочем, если посмотреть с другой стороны, то этот приём выглядит вполне оправданным. Фрагменты воспоминаний бывших неформалов весьма оживляют текст, и для человека, просматривающего книгу в магазине, упоминания знакомых имён послужат дополнительным аргументом в пользу покупки. Не исключено, кроме того, что данная форма изложения выбрана из мненья «меркантильных» соображений. Как-никак автор мог расспросить собеседников о том, о чём кто-то другой попросту не догадался бы, а пройдёт время — и спрашивать будет некого, книга же останется.

Работа В. Шейниса, на первый взгляд, охватывает более широкий период, чем труд А. Шубина. Однако самое интересное в ней начинается там, на чём «Преданная демократия» фактически заканчивается — на Съезде

народных депутатов РСФСР, в котором Шейнис принимал самое непосредственное участие. Примечательно, что именно эта часть книги наиболее приближена к жанру монографии — здесь солиднее научно-справочный аппарат, больше ссылок на документы, — тогда как предыдущая носит скорее мемуарный характер.

Анализ «взлёта и падения» парламента оказывается одновременно и рассказом о взлёте и падении «популистского демократического движения», к описанию которого вплотную подошёл А. Шубин. «Взлёт» и того и другого В. Шейнис отнёс к доавгустовскому периоду 1991 г., а «погружение во тьму» поместил между осенью 1991 г. и осенью 1993 г., то есть на период «развода» между «популистами» и «демократами» (точнее — уже либералами). Рецензенту данная точка зрения достаточно близка, и суть его претензий к книге не касается концептуальной стороны.

Дело в другом. В силу тесной связи с демдвижением В. Шейнис, до августа 1991 г. находившийся, что называется, в гуще событий, начиная с весны 1992 г. вместе со всем реформистским крылом Съезда постепенно дрейфовал на их периферию. Как следствие, уменьшилась и его осведомлённость о происходившем в руководстве Верховного Совета. А со второй половины весны 1993 г. внимание автора и вовсе переключается на вещи тоже интересные, но не имевшие прямого отношения к парламентским процессам, в частности на работу Конституционного совещания. Парламент же продолжал жить своей жизнью, и как раз об этой жизни в книге Шейниса не говорится практически ничего. Наверное, проснувшийся в авторе мемуарист потеснил исследователя на второй план. Возможно, чтобы отвести связанные с этим упреки, В. Шейнису следовало бы изменить название книги, тем более что Съезд народных депутатов РСФСР (РФ) — не начало российского парламентаризма и не конец его. Правда, название и в самом деле эффективное, отказаться от него трудно по причинам чисто психологического свойства: пойдёшь найди равноценную замену.

Несколько замечаний о способе подачи материала. В. Шейнис практически целиком вставляет в текст свои статьи, относящиеся к периоду, к которому в данный момент обращается. С одной стороны, это свидетельствует об интеллектуальной честности автора и подчёркивает контраст между тогдашним и сегодняшним восприятием происходившего. Но с другой стороны, такие вставки разрывают ткань повествования и во многом расслабляют автора. Известно, как трудно удержаться от соблазна «забить» в новую работу фрагмент старой: этот приём значительно убыстряет процесс написания. Вместе с тем он же не даёт мысли сконцентрироваться и заставляет идти по самому лёгкому пути, который Р. Коллингвуд назвал «историей ножиц и клея». Примерно то же самое можно видеть и в книге В. Шейниса. Вместо пересмысления произошедшего он как бы перекладывает эту работу на читателя: вот, мол, что я думал тогда и что думаю сейчас.

Впрочем, все изложенные претензии носят достаточно субъективный характер, и рецензент, безусловно, отдаёт себе в этом отчёт. Возможно даже, это просто его, рецензента, капризы – он искал в книгах А. Шубина и В. Шейниса несобходимое в первую очередь именно ему, то есть новым источникам. Но авторы преследовали собственные цели, а вовсе не стремились помогать решению чужих исследовательских задач.

Как бы то ни было, можно констатировать, что обе работы несомненно удались, в том числе в рамках того жанра, в котором исполнены. Тем не менее, хотелось бы предостеречь авторов от попыток повторить данный опыт. Повторение далеко не всегда мать учения, а в сфере научного творчества – так и вовсе почти никогда. Сейчас мы находимся на безрыбье, где любой рак может сойти за щуку. По мере появления полноценных монографий жанр «немножко воспоминаний, немножко исследования» будет котироваться всё ниже. Среди авторов новых исследований хотелось бы увидеть А. Шубина и В. Шейниса – разве зря столько сделано и столько пройдено?

Ю. Г. Коргунок

~

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Боленко Константин Григорьевич** – завсудующий отделом редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Москва)
- Гайда Федор Александрович** – кандидат исторических наук, сотрудник исторического факультета Московского государственного университета
- Каширин Василий Борисович** – аспирант исторического факультета Московского государственного университета
- Колеров Модест Алексеевич** – кандидат исторических наук (Москва)
- Комзолова Анна Альфредисовна** – кандидат исторических наук, редактор издательства РОССПЭН (Москва)
- Коргушок Юрий Григорьевич** – кандидат исторических наук, главный редактор бюллетеня «Партиформ» (Москва)
- Косик Виктор Иванович** – доктор исторических наук, сотрудник Института славяноведения и балканистики Российской Академии Наук (Москва)
- Кривопапов Алексей Алексеевич** – студент исторического факультета Московского государственного университета
- Ливен Доминик (Dominic Lieven)** – профессор Лондонской школы экономики
- Лукина Наталья Владимировна** – аспирантка исторического факультета Московского государственного университета
- Маркс Стивен (Stephen G. Marks)** – профессор Clemson University (Южная Каролина, США)
- Махмудова Зоя Увайсовна** – кандидат исторических наук, сотрудник исторического факультета Московского государственного университета
- Милорадович Горан (Goran Miloradović)** – доктор исторических наук, сотрудник Института современной истории (Белград, Сербия)
- Новоселов Дмитрий Сергеевич** – ведущий специалист Государственного Архива Российской Федерации (Москва)
- Павловский Игорь Анатольевич** – специалист по современной истории Эстонии (Санкт-Петербург – Москва)
- Планида Михаил Юрьевич** – студент исторического факультета Башкирского государственного университета (Уфа)

- Рахимов Рамиль Насибуллович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (Уфа)
- Райт Дональд (Donald P. Wright)** – доктор, сотрудник Combat Studies Institute в U. S. Army Command and General Staff College (Форт Ливенорт (Канзас), США)
- Сапожникова Ирина Юрьевна** – кандидат исторических наук (Москва)
- Смирнов Андрей Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент Московского Архитектурного института (Москва)
- Степанова Екатерина Александровна** – аспирантка исторического факультета Московского государственного университета
- Чарский Вячеслав Владимирович** – аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета
- Шулатов Ярослав** – кандидат исторических наук, аспирант Университета Кэйо (Япония)
- Юрьев Дмитрий Александрович** – кандидат физико-математических наук, политический консультант, в 1990 – сотрудник рабочей группы Конституционной комиссии РСФСР, ответственный редактор бюллетеня “Конституционный вестник” (Москва)

Русский сборник. Том IV

Редакторы-составители

*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель МОДЕСТ КОЛЕРОВ

Издательство ООО «Регнум»

Москва 123001, Трехпрудный переулок, д. 11–13, стр. 1

kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.esterum.com

Подписано в печать 07.05.2007. Формат 70×100/16. Гарнитура ITC Bodoni.

Объем 34,8 усл. печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука». Заказ № 942